

Лариса Куницына

Повелитель теней

Баркентина «Пилигрим»

Баркентина «Пилигрим», разыскивая пропавших в космосе друзей, попадает в ту же ловушку, что и её собрат «Паладин»: она не может покинуть странный мир, затерявшийся в бурлящем океане на поверхности планеты-гиганта. Современные технологии в этом мире не работают, и улететь отсюда невозможно. Командор Азаров, знавший, как запустить двигатели звездолёта, убит, а члены экипажа «Паладина» разбрелись странному миру, который начинает манить и их коллег с «Пилигрима». Чтоб раскрыть его тайны им придётся отправиться туда, где живут рыцари и маги, два королевства ведут непримиримые войны, а неведомая сила с пугающей неотвратимостью исполняет самые заветные желания. Каждому придётся пройти предназначенный ему путь, а новый мир потихоньку затягивает их в свои сети, вовлекая в круговерть интриг и страстей, наполняя жизнь иным смыслом и посылая новых друзей и врагов. Всем ли удастся выдержать испытания, справиться с искушениями и вернуться домой?

Глава 1

Ещё ночью Эрик забрался на плоскую крышу загона для животных, сел в позу лотоса и закрыл глаза. Ему было удобно и спокойно. Он ощущал умиротворение, свободу и лёгкое дуновение ветра. Звуки медленно обступили его, создав ровный фон, в котором он мог сосредоточиться на своих воспоминаниях. Отказавшись от форсированного штурма памяти, он сначала вспомнил самое приятное: как сидел с дедом на такой же крыше и смотрел на луну. То ощущение было схоже с этим, тот же покой, та же свобода. Луна смотрела со звёздных небес так же ласково, как и дед, высокий, стройный, без единой морщинки на лице, без единой седой нити в волосах. Он тогда сказал, что теперь им уже не нужно изопрятаться, пряча от обычных людей свою затянувшуюся молодость. Теперь все такие, и то, что теперь это не было исключительным даром их расы, очень радовало его. А Эрик любил просто сидеть рядом с ним и слушать его рассказы о вампирах, где сказки переплетались с былями. Дед много знал, он был учителем истории и тренером по кунг-фу, он был тесно связан с современностью и абсолютно погружён в мифологию и философию Китая. Он совмещал несовместимое и был образцом гармонии во всём. Именно он вдохновил Эрика на то, чтоб следовать своим путём, не выбирая между космосом и изучением истории искусств: поступить сначала в Лицей Искусств в Париже, потом прослушать полный курс археологии и истории древнего мира в Гарварде, а затем окончить Пекинскую академию космоплавания. Но это было потом, и Эрик мягко вернулся к воспоминаниям о той ночи, потому что тогда дед рассказывал ему о китайских вампирах чиан-ши. Истории были жутковатыми и совсем не похожими на правду, но такими загадочными и увлекательными, что он мог слушать их до рассвета.

Потом он уже не направлял свои мысли, а мягко плыл по волнам воспоминаний. Подсознание вело его от одного факта к другому, находя странные, только ему понятные связи. Он вспоминал своё путешествие в Трансильванию, долгие часы бдений над старинными фолиантами в старых библиотеках Европы, визг девчонок в общежитии, когда они с друзьями, устроившись вшестером на одном диване, смотрели фильмы ужасов на Хэллоуин. Вслед за этим всплывали странные слова: ракшасы, лугары, нахтцереры, вурдалаки, которыми называли вампиров разные народы. Разум тут же отметил, что, по сути, эти сущности были слишком разными, чтоб их можно было счесть чем-то единым, но он решил оставить анализ информации на потом, направив память по другому пути: отчего они появлялись, как действовали, и как их можно остановить.

Всё новые и новые факты всплывали перед ним с шелестом пожелтевших страниц рукописей, старых книг, бледного свечения экрана монитора. Потом над головой закружились объективы, и он услышал негромкий приятный голос профессора Джордана, такого же генетического вампира, посвятившего свою жизнь помощи своим братьям. Нити мыслей постепенно сплетались в плотную сеть, и он уже начал ощущать что-то общее во всех этих противоречивых и разрозненных сведениях.

Уже рассвело, сквозь прикрытые веки он видел неяркий свет утра. К ночным звукам кузнечиков и сонного бляения в загоне добавился крик петуха, гомон проснувшихся птиц в лесу. Потом послышались голоса. Амэ прошла по двору, и ведро, в котором она несла воду, поскрипывало металлической скобой ручки. В доме заплакал маленький Мурад, разбудив других детей, затеявших возню, которую остановил повелительный голос Селима.

Отвлёкшись от наблюдения за просыпающимся селением, он снова вернулся к своим воспоминаниям. Массив информации был велик, но он уже начал чувствовать в нём некую стройную систему, разветвляющуюся на несколько потоков: народные поверья, научные исследования, литературная традиция.

Селим куда-то ушёл, позвав с собой старших мальчиков и собак. Младшие дети играли во дворе. К низкому забору подходили люди, он чувствовал их взгляды, но выходить из этого спокойного созерцания не хотелось. Неподвижность была приятной и мысли всё так же плавно текли, цепляясь одна за другую. Кто-то шикнул на детей, и они смолкли, потянувшись к дверям дома. Вокруг слышались шепотки и тихий звон оружия. Потом он почувствовал запах крови. На его губах появилась едва заметная усмешка, и он открыл глаза. Внизу на земле сидел тот самый белокурый парень в меховой безрукавке и с интересом рассматривал порезанный палец. Его меча было не видно, наверно он лежал за его спиной на земле, в полной готовности к применению.

Эрик поднялся на ноги и потянулся, осматриваясь по сторонам. Он видел ещё пару крыш, а дальше — невысокие дома, за ними лес и горы. Облака над головой истончились до обычного здесь газового слоя, значит, дождя сегодня не будет. Парень настороженно смотрел на него. Эрик присел на корточки.

— Ты выпил для храбрости слишком много пива, чтоб твоя кровь меня заинтересовала, — заметил он, потом принялся. — И твои дружки слишком напуганы, чтоб оказать тебе помощь в случае нападения. Я чувствую запах страха.

— Они отважные воины, — обиженно возразил парень.

— Против людей — да, но не против чудовищ. Ты ведь считаешь меня чудовищем, верно?

— Оставь его в покое, Ульрих, — раздался сердитый голос Амэ. Она вышла во двор и посмотрела на крышу. — Хотите есть, Эрик? Я приготовила похлёбку.

— Спасибо, дорогая Амэ, но я не ем вашу пищу.

— Он пьёт кровь, — заявил Ульрих.

— Нет, я пью эликсир вечной жизни. Одной малой дозы мне хватает на несколько дней. А кровь я не пью, — Эрик спрыгнул вниз и приземлился на корточки.

Выпрямившись, он расправил плечи. Ульрих всё так же настороженно смотрел на него.

— Тебе хочется подраться? — усмехнулся Эрик. — Я тоже не прочь размяться. Твой меч против моей руки. Если ты отважный воин, то победишь без труда.

Ульрих выхватил из-за спины свой меч и бросился на него. Эрик легко увернулся и кувырком перекатился дальше. Вскочив на ноги, он с усмешкой посмотрел на парня. Тот снова кинулся на него, с тем же успехом. Эрик без труда уворачивался от его мощных ударов, а когда ему это надоело, перехватил руку с мечом и, вывернув её, второй рукой ударил по кисти. Меч упал на землю. Тут же из-за дома и загона выскочили ещё несколько парней с мечами. Амэ рассержено закричала, а Эрик, оттолкнув Ульриха, подхватил его меч и встал в позицию. Всё-таки Селим был, скорее, борец, чем фехтовальщик, и он не мог научить своих ребят тому, что не умел сам. Потому для Эрика было совсем несложно отбиваться от пяти нападавших. Возле забора собрались селяне, которые наблюдали за происходящим. Амэ ругала Ульриха и его приятелей за то, что те напали на гостя, что недопустимо по закону гор.

— Ладно, хватит, — крикнул Ульрих, и для пущей важности пнул одного из парней, не опустившего меч.

Наконец, они успокоились, и Эрик бросил меч хозяину. После долгой неподвижности было приятно чувствовать, как кровь снова разогналась и побежала по жилам. Амэ поднесла ему большую чашу с холодной родниковой водой.

— Ловко ты их, — заметил Ульрих, с любопытством разглядывая его чёрный десантный костюм с множеством пеналов, карманов и поясом-патронташем. — Научишь меня?

— Чему успею, — кивнул Эрик. — Я не смогу задержаться надолго. Вот разберёмся с вашими чудовищами, и я уйду обратно.

— Значит, ты не из них?

— Я не знаю, кто это. Попробуем разобраться.

— И пива ты не пьёшь?

— Даже если оно смешано со свежей кровью, — усмехнулся Эрик, блеснув длинными белыми клыками.

— Странные друзья у Селима, — заметил Ульрих, повернувшись к Амэ.

— Если у человека доброе сердце, неважно, какие у него зубы, — уверенно произнесла Амэ, повторяя слова мужа.

Вскоре вернулся Селим и сразу подошёл к Эрику. В руках он держал странный камень, большой, с острыми гранями и полосами разных оттенков серого цвета.

— Посмотри, что мы нашли на берегу реки, — сказал он, передав ему камень. — Раньше там была обычная галька, а сейчас всё словно залито бетоном, и вот такие камни, большие. Этот самый маленький.

— Горячие?

— Местами — да. Слово гальку кто-то сплавил. Можешь себе представить?

— Интересно, — Эрик с любопытством изучал камень. — Знаешь, есть одно поверье, которое всегда казалось мне глупостью, но, похоже, самые странные вещи и являются правдой.

— Ты о чём?

— Нужно приготовить мешочки с зерном. Десяток, не меньше.

— Хорошо, но это не всё. Сегодня опять пропал человек. Ночью в загоне заблеяли козы, и старик вышел посмотреть, что там. Он не вернулся. Его домашние: жена и внуки до утра не решались выйти из дому, придвинули стол к двери и сидели по углам. Старика сейчас ищут, но вряд ли найдут. Две козы в загоне загрызены, крови рядом нет.

— Пойдём, посмотрим, — кивнул Эрик.

Загон на краю леса был маленьким, в нём бродили несколько коз и два козлёнка, которые печально блеяли. Эрик присел рядом с убитыми животными и осмотрел раны, потом принялся и обернулся в сторону леса.

— Что-то чувствуешь? — спросил Селим, стоявший рядом.

— Чувствую запах, очень необычный: не человека, не животного. Звериный в худшем смысле этого слова. Их было несколько. Странно, что они не попытались проникнуть в дом, — он поднялся и направился в сторону небольшой избушки из новых брёвен. На стене возле двери под навесом сушились связки лука и чеснока. — Значит, чеснока они всё-таки не любят, — сделал вывод он. — Скажи людям, пусть натирают им двери и окна. А мы пока пойдём по следу.

— Ты, что, как собака можешь? — удивился Ульрих, который увязался за ними.

— Такой запах ни с чем не спутаешь, — пожал плечами Эрик. — Ты что, не

чувствуешь?

Ульрих смущённо пожал плечами, а Селим усмехнулся. Они отправились в сторону леса. Их путь лежал в самую чащу, и Эрик уверенно шёл вперёд, принимаясь. Один раз он свернул в сторону и озабочено посмотрел на большой куст, который они при этом огибали.

— Странно, — заметил он. — Согласно народным поверьям, вампиры не любят боярышник из-за его шипов. Можно даже положить ветки на могилу, и мертвец не сможет встать.

— Правда?

— Вряд ли, но куст боярышника они обогнули. Идём дальше.

Через какое-то время они вышли к реке и остановились. Эрик осмотрелся и по корням растущего на невысоком обрыве дерева спустился к самой воде.

— Если они переплыли реку, то след мы потеряли, — присев на корточки, заметил Селим.

— Вампиры не любят соваться в воду, особенно проточную, — отозвался Эрик из-под корней. — У них была лодка или плот. Они привязали её здесь, возле небольшой пещеры. Тут они и доели старика.

— Он там? — Селим ловко спустился следом и заглянул в сырую яму под корнями. Старик белый, как снег, лежал на дне. Эрик осматривал рваные раны на его шее.

— Не хорошо так говорить, — вздохнул Селим, — но ему повезло, что он умер. Хуже было бы если бы он тоже превратился в это...

— Я не уверен, что не превратится, — заметил Эрик. — Всё, что мы нашли, говорит о том, что это не генетические вампиры. Это именно то, о чём говорится в старых легендах разных народов. А значит, это те самые сказочные вампиры, в существование которых я никогда не верил. Согласно традиции существует две точки зрения на вампиров: либо это демон, который входит в тело умершего, либо это дух умершего, вернувшийся в тело. У всех народов для того, чтоб получился вампир, человек должен сначала умереть. Так что эта смерть может оказаться не концом, а началом чего-то страшного и опасного.

— Слушай, — нахмурился Селим. — Может, всё проще? Ведь среди инопланетян тоже встречаются кровососы. Эти мелкие пакостники с Рысарыса, помнишь? Может, и другие есть?

— Инопланетная сущность не передаётся через укусы, — возразил Эрик. — Труп старика лучше сжечь. Мы не знаем, не приходят ли теперь в деревню те, кого оттуда похитили. Так что не будем рисковать.

— Ладно, — нехотя согласился тот. — Что ещё?

— Всё по списку: чеснок, боярышник, серебро, железо, соль. И осиновый экстракт. Только этим придётся заняться вам, меня даже от пара будет мутить.

— В наших условиях экстракт не сделаешь, — вздохнул Селим. — Упаренный отвар коры подойдёт?

— Думаю, да. И поставьте большие котлы. Чтоб его больше получилось. А из древесины наделайте колов.

Они вдвоём подняли тело старика на берег, уложили его на расстеленный плащ и понесли в деревню. Селим собрал людей возле своего дома, чтоб дать указания. Было видно, что селяне подавлены очередной смертью, но при этом у них появилась надежда на избавление, и они с рвением взялись за дело. Подростки быстро разложили на пустырях костры, на которые установили котлы. Мужчины несли из леса срубленные осины, снимали

с них кору, и, разрубив дерево на куски, вытачивали из него острые колы. Кору женщины бросали в кипящую воду большими охапками. Старики чистили чеснок, толкли его в ступах и обмазывали двери и окна, отчего вскоре вся деревня наполнилась стойким характерным запахом. К заборам загонов для скота привязывали колючие ветки боярышника. По дворам ходил кузнец, собиравший серебряные монетки и украшения. Их было немного, и Селим велел делать насечки на кинжалах и мечях, и заливать в них расплавленное серебро. Девочки шили мешочки, в которые насыпали зерно и соль. В ближайшую светлую ночь на холме за селением сложили большой костёр, на котором со всеми необходимыми обрядами сожгли тело несчастного старика, уложив рядом с ним двух погибших коз.

За делами пролетело ещё полдня и снова начало темнеть. На окраинах селения зажгли костры и расставили караулы. Дальние посты, которые выставлялись для предупреждения набегов разбойников, пока решили снять. Деревня перешла на осадное положение.

Но первая долгая ночь прошла спокойно. Может, чудовищ отпугнул резкий запах чеснока, разносившийся по округе, может, они видели костры и слышали лай собак, а, может, пока просто не успели проголодаться. Так или иначе, но эта ночь обошлась без потерь. Тихо было и во вторую. Только когда стемнело в третий раз, оголодавшие вампиры появились из леса. Они подошли с той стороны, где не было огней. Именно там в засаде за забором, обнимая за шею большого серого пса лежал Селим. Эрик устроился на крыше ближайшего дома и смотрел в темноту. Сначала он уловил движение в глубине леса, потом рассмотрел красные огоньки глаз, похожие на волчьи. Но это были не волки. Вскоре он почувствовал тот возбуждающий звериный запах, который исходил от двух загрызенных коз, а потом увидел в темноте ползущие силуэты.

Трава здесь была высокая, и в ней сложно было разглядеть, кто движется к краю селения, прижимаясь к земле. Он решил посмотреть поближе, спрыгнул с крыши и направился туда, где шевелилась трава. Он подошёл уже довольно близко, когда ему навстречу поднялись два тёмных силуэта. Это были худые и оборванные подобия людей с красными злобными глазами и торчащими изо рта клыками. Наверно они сразу бы напали на него, но их смутили его глаза и злобный оскал, дополняемый рычанием. Они были смущены, пытаясь понять, является ли он одним из них, и что с этим делать. Потом они всё-таки решили напасть, потому что присели, группируясь для прыжка. И тогда он достал из кармана мешочек с зерном и, подняв его в вытянутой руке, высыпал содержимое на землю. Вампиры, как замороженные смотрели на текущую струйку зерна, а потом с сомнением посмотрели на него и неожиданно присели на корточки и принялись выбирать зерно из высокой травы, что-то бормоча про себя.

Эрик обернулся и махнул рукой. Селим, который наблюдал за ним, готовый в любой момент прийти на помощь, и при этом сжимал рукой загривок рычащего пса, удерживая его от броска на вампиров, поднялся на ноги.

— Иди сюда, — произнёс Эрик. — Они заняты. Считают зерно. Когда дед рассказал мне об этой их странности, я долго смеялся, сочтя это глупостью. Но смотри, считают!

Вампиры рычали, косясь на людей, но продолжали считать. Селим подошёл ближе, чтоб рассмотреть их. Его пёс, сидел неподалёку, повизгивая от возбуждения, но не решаясь нарушить команду.

— Это та девушка, что пропала первой, — с досадой проговорил Селим, указав на одно из существ. — Второй не из наших.

— Может, просто путник или из другого села, — пожал плечами Эрик. — Что будем

делать?

Селим вздохнул и достал из кармана инъектор, наполненный экстрактом осинового коры. Осторожно обойдя вампиров, он подошёл к ним сзади. Они видели его, дёргались, косились и рычали, но не могли прервать своё занятие. Селим рванулся вперёд и схватил того, что раньше был девушкой, за волосы. Существо зарычало, и он прижал инъектор к его шее. Оно завизжало, закрутилось, а потом, задыхаясь, упало на землю и начало биться в конвульсиях. Это отвлекло второго вампира, он приподнялся, и Эрик одним ударом десантного ножа перерубил ему шею, а потом, опрокинув на землю, вонзил в сердце кол.

Селим сел рядом на землю и опустил голову.

— Слушай брат, это очень жестоко, — заметил он, когда оба вампира затихли на траве.

— Предложения? — спросил Эрик.

Селим какое-то время размышлял, потом устало пожал плечами.

— Продолжать.

Они не заметили, как пёс повернул голову и зарычал, глядя куда-то в сторону. Из-за забора показалась маленькая белокурая головка. Пёс тут же зашёлся в яростном лае, а из-за угла дома выскользнула чёрная тень. Селим обернулся и увидел Касо, маленького сына Амэ, который наверно тайком прокрался за ним. В следующий момент ребёнок закричал, что-то тёмное схватило его и метнулось через луг к лесу.

— Боско, взять! — крикнул Селим и сам бросился следом.

Пёс сорвался с места и с рычанием бросился вдогонку за похитителем. Всё произошло мгновенно, и Эрик ещё не успел понять, что происходит, но уже мчался по лесу на бешеной скорости. Сзади, ломая ветки, с рычанием бежал пёс. Селим был где-то далеко, но плач ребёнка был ещё дальше. Эрик оттолкнулся от земли и взлетел на ближайшее дерево. Глядя вниз, он ловко перескочил на ветку дальней сосны, снова оттолкнулся и полетел дальше. По кронам деревьев он двигался куда быстрее, ему не нужно было перескакивать через бурелом и огибать стволы. Он знал, куда направляется, хотя голос ребёнка смолк. Он увидел впереди внизу под кустом что-то копошащееся тёмное, прыгнул ещё раз и обрушился на спину вампира. Из-под него раздался тихий писк. Не тратя времени на то, чтоб достать оружие, Эрик вцепился пальцами в нечесаную грязную шевелюру, оттянул голову чудовища назад и вонзил клыки в его шею. Это движение показалось ему очень знакомым и естественным. Конечно, пить эту грязную кровь он не собирался. С рычанием он вгрызлся в шею вопящего вампира, пока тот не затих. После, он отшвырнул его на несколько метров и схватил ребёнка. Тот был без сознания, но жив. На его шее темнели две небольшие рваные раны. Эрик издал свирепое рычание и схватился за подсумок. Отыскав аптечку, он вытащил оттуда капсулу с антибиотиком, вставил в инъектор и прижал насадку к шее мальчика.

Селим нашёл его спустя четверть часа. Эрик в какой-то прострации сидел, откинувшись на ствол дерева и прижимая к себе малыша. Пёс, подбежавший раньше с лаем, бесновался возле изувеченного трупа вампира. Селим, увидев, что Эрик весь в крови, решил, что он ранен, но потом посмотрел на вампира и всё понял. Присев рядом на корточки, он осторожно забрал у него ребёнка.

— Только не рассказывай об этом никому, — попросил Эрик, вытерев лицо рукавом.

— Ты сам-то не заразишься?

— Надеюсь, нет. У меня врождённый иммунитет от большинства вирусных и бактериальных инфекций.

Он тяжело поднялся и пошёл в сторону деревни. Селим посмотрев на Касо, прижал его

к груди, свистнул собаке и пошёл следом.

Оказалось, что это была не единственная попытка вампиров проникнуть в деревню. Ульрих с товарищами выследил и убил ещё двух кровососов, а одного даже удалось захватить живым. Его засунули в клетку из толстых прутьев, опутанных ветками боярышника. Он рычал и злился, и вообще не был похож на человека, способного что-то понимать и говорить.

Эрик умылся возле колодца и пошёл в дом к Селиму, куда уже унесли раненного малыша. Амэ тихо плакала возле него, а Селим стоял, стиснув кулаки. Остальные дети, испуганно помалкивали, сидя на широком ложе. Старшие обнимали младших, некоторые вытирали слёзы, глядя на маленького белокурого мальчика, лежащего под стёганным одеяльцем.

— Как он? — спросил Эрик, когда вошёл.

— Жар и лихорадка, — ответил Селим. — Думаешь, эта тварь успела его заразить?

— Не знаю. Время покажет.

Малыш очнулся через несколько часов. Он открыл голубые глаза и, увидев маму, захныкал. Она прижала его к себе и обернулась к мужу.

— Жар спал, — и снова заплакала.

Селим молча вышел из дома. Эрик направился за ним. По всей деревне горели костры. Слышались голоса и лай собак.

— Я был уверен, что он заразился, — признался Селим.

— Может быть, — кивнул Эрик. — Но я ввёл ему стандартный антибиотик из аптечки. Ты же знаешь, что он действует во многих случаях заражения.

— Ты ввёл ему антибиотик? — переспросил Селим.

— Больше мне ничего в голову не пришло.

Селим быстро шагнул к нему и обнял.

— Спасибо, брат! Ты спас моего сына...

— Надеюсь, — кивнул тот. — И если это так, значит, у нас есть лекарство от их укусов. А это тоже хорошая новость.

За оставшееся тёмное время селянам удалось пресечь ещё несколько попыток вампиров напасть. Трёх чудовищ удалось убить, двое раненные скрылись в чаще леса и люди не решились преследовать их в темноте. Только первые признаки утреннего света позволили им, наконец, вздохнуть спокойно. Несмотря на нашествие ночных тварей, на сей раз никто не пропал, уцелел и скот. Маленький Касо быстро шёл на поправку и уже утром с удовольствием выпил целую кружку парного козьего молока, после чего снова уснул под своим маленьким одеяльцем.

Убитых вампиров притащили в деревню и, прежде чем сжечь, решили осмотреть тела. Несмотря на видимую худобу и бледность, они не выглядели истощёнными, на лицах некоторых даже было что-то похожее на румянец и губы были ярко красными. Длинные загнутые ногти напоминали звериные когти, а клыки были светлее других зубов, видимо, отросли недавно.

Захваченный живым вампир свернулся в клубок на полу клетки и, пряча лицо, тихо скулил. Может, если б он попал под лучи солнца, это и убило бы его, но здесь солнца не было. Ему просто не нравился свет, и он отворачивался. Селим пытался говорить с ним, но он не реагировал на обращённые к нему слова и вообще напоминал пойманного дикого зверя. Когда кто-то попытался ткнуть его палкой, он бросился на прутья и, скалясь, свирепо

зарычал, после чего снова свернулся в прежней позе и заскулил. Отчаявшись получить от него какую-нибудь информацию, Селим, скрепя сердце решил, что и этого вампира придётся убить.

— Погоди, — остановил его Эрик, разглядывая вампира. — Он может нам пригодиться.

— Зачем это? — нахмурился Ульрих, уже доставший из ножен меч.

— Видишь ли, ни в одном источнике я не встречал упоминаний о том, что вампиры умеют плавить камни в единую массу. Это сделал кто-то другой. Они нападают вместе, но рефлексы у них на уровне примитивных животных. Они где-то живут и, скорее всего, это гнездо. Но там кто-то заправляет. Кто-то принёс эту заразу сюда, кто-то сплавил камни, чтоб они не сидели на берегу, считая гальку. И этот кто-то сильнее и умнее их и, возможно, нас.

Селим задумчиво взглянул на него.

— Есть идеи, кто это может быть?

— Понятия не имею. Какой-нибудь демон.

— Ты веришь в демонов?

— Даже знаю одного из них. К счастью, он на нашей стороне. Но это большая редкость.

— Что предлагаешь?

— Отыскать гнездо, не дожидаясь следующей ночи. Посмотреть кто и что там. И если удастся, уничтожить это. В противном случае, они будут приходить снова и снова, и действовать всё более успешно. Вы не можете жить на осадном положении бесконечно. К тому же, тот, кто сплавил камни, может вмешаться в это противостояние со своей магией. Мне не надо объяснять тебе, что это такое?

— Я на «Паладине» служу, и не такого насмотрелся. Наверно ты прав. И как мы найдём гнездо?

— Отпустим этого на волю. Видишь, как жмурится? Он напрямик пойдёт в свою нору, а мы — за ним.

— Пойдём вдвоём?

— Да, не стоит втягивать в это дело штатских.

— Я могу пригодиться! — опять обиделся Ульрих.

— У вас и здесь дел хватит, — обернулся к нему Селим. — Если мы не вернёмся, кто будет защищать деревню следующей ночью?

Тот нехотя пожал плечами и, с ненавистью взглянув на скулящего вампира, отошёл.

— Иди, поспи пару часов, — обратился Эрик к Селиму. — Голова понадобится ясная. Времени у нас достаточно, но до темноты нужно успеть. Если эти твари не любят свет, то сейчас сидят в укрытии. Там мы их и накроём. Если не успеем, то после наступления темноты они все расплзутся и вообще осмелеют.

— Это понятно. Какое оружие будем брать? Выбор невелик. Я почти весь боезапас израсходовал на разбойников. Правда, есть несколько арбалетов, горючее масло, холодное оружие.

Эрик осмотрел свой арсенал.

— У меня есть светошумовые, дымовые и газовые гранаты нелетального воздействия. Правда, не знаю, подействует ли газ на вампиров.

— Зато на меня подействует, — проворчал Селим. — Значит, так, — он поднялся, — я иду спать, ты посмотри у ребят в арсенале, что найдёшь полезного, бери. И тоже отдохни, чтоб по дороге не уснуть. Через три часа выступаем.

Он ушёл, а Эрик вслед за Ульрихом пошёл в отдельно стоящий дом, где на широких

полках вдоль стен были разложены мечи, ножи, копья. Эрик снял со стены небольшой арбалет и осмотрел его. Арбалет был примитивным, не слишком похожим на спортивные модели, к которым он привык. Однако, повозившись немного, он разобрался с его устройством. Болтов к нему не нашлось, но были специально сделанные из бука стрелы с железными наконечниками. Потом Ульрих с гордостью продемонстрировал ему то, что называл «гранатой», — небольшие запечатанные глиняные горшочки, в которых что-то булькало. По краю в углублении был проложен промасленный тряпичный жгут.

— Поджигает и бросает, — с удовольствием объяснил Ульрих. — Всё горит. Мы сейчас не используем, чтоб лес и деревню не подпалить. Трава сухая. А так, очень полезная вещь.

Эрик согласился, и Ульрих принялся упаковывать горшочки в тряпичные гнёзда, чтоб они не разбились в пути. Эрик тем временем выбрал длинный лёгкий меч в ножнах и повесил его на пояс. К отобранному вооружению он добавил несколько осиновых колов, мешочки с зерном и солью и склянку с осиновым экстрактом.

— У вас дёготь есть? — напоследок спросил он у Ульриха.

— Есть, — кивнул тот.

— Хорошенько облейте этого кровососа в клетке и гоните из деревни. А я пошёл спать.

Он снова забрался на уже облюбованную им крышу и, сев в той же позе, закрыл глаза. Спать не хотелось, но нужно было отдохнуть, потому он просто очистил мозг от мыслей и какое-то время вслушивался в собственное дыхание. Потом его внимание переключилось на звуки деревни, за ними он различил шум леса, шелест листвы, пение птиц, редкие крики животных, шум воды. Ему казалось, что его сознание растекается и покрывает собой весь окружающий мир. Тишина и покой опустились на его душу, он весь обратился в слух, стараясь расслышать далёкие, самые тихие звуки. А затем услышал слабый мерный гул, исходящий снизу. Гул монотонный и вечный, словно огромный океан двигался где-то глубоко под землёй, скользя по нижнему краю материковой плиты могучими потоками. Этот почти неуловимый звук постепенно стал всеобъемлющим, он поглощал сознание и погружал в странное, почти неживое спокойствие. Тело, разум и дух постепенно расслаблялись, сливаясь с этим гулом. Это было такое необычное, завораживающее и прекрасное ощущение, что дыхание стало тихим, почти незаметным, тело погрузилось в неподвижность, и ум застыл, словно залитый голубой прозрачной смолой вечности.

Ему не хотелось выходить из этого состояния, он не знал, пробыл он в нём час или столетия, но сквозь мерный гул пробился человеческий голос, и Эрик нехотя вернулся в реальный мир, к голосам людей и птиц, шелесту листвы и журчанию воды.

— Пора, брат, — раздалось снизу, и он открыл глаза.

Он чувствовал себя не просто отдохнувшим, а обновлённым, и, всё ещё раздумывая о столь удачном опыте медитации, легко прыгнул на землю. Подхватив стоявший у дверей вещмешок, он посмотрел, как Селим прощается с семьёй. Он тоже был в десантном «хамелеоне», из его мешка торчал небольшой арбалет.

— Береги детей, — проговорил он, обняв Амэ. — Если что, люди тебе помогут.

— Ты вернёшься, — уверенно заявила она и посмотрела на Эрика. — Оба вернётесь.

— Непременно, — кивнул тот, и чтоб не мешать, направился к калитке.

Селим догнал его вскоре. Они вышли из деревни там, где деревенские парни выгнали облитого дёгтем вампира. Едкий запах указывал дорогу не хуже кровавого следа. Они углубились в лес, и уже знакомой дорогой дошли до реки. Эрик остановился, озабоченно

глядя на воду. Плавать он умел, но не любил. Из-за пониженной температуры тела его всегда прошибал озноб, но плыть и не пришлось. Селим вытащил из мешка арбалет и длинную прочную верёвку, и привязав её к деревянному болту, наложил его на ложе и оттянул рычаг с тетивой. Река была неширокой, и он с первого раза попал в рогатку, образованную двумя толстыми ветками. Болт горизонтально упёрся в ветки, а Селим натянул верёвку и привязал её к дереву на своём берегу. Через четверть часа они уже были на другой стороне реки и возле кромки воды обнаружили измазанную дёгтем корягу, видимо, послужившую лодкой вампиру. Стойкий запах указал им, куда идти. Они всё дальше уходили в лес, который постепенно начал подниматься на склон горы. Через какое-то время деревья стали ниже, тоньше и росли на продуваемых ветром склонах. Пару раз им пришлось карабкаться по почти отвесным стенам, но для Эрика это было детской забавой, а Селим, получивший отличную десантную подготовку, ползал по скалам, как ящерица.

Вскоре они вышли на горную тропу, петляющую между огромными валунами. Она привела их в узкое ущелье, где Эрик остановился и подозрительно осмотрелся по сторонам. Запах дёгтя всё ещё был силён, но здесь к нему примешивался стойкий звериный запах вампиров.

— Будь настороже, — шепнул он. — Мы уже близко.

Дальше они двигались осторожно, стараясь держаться под прикрытием скал. Ущелье закончилось, и от него вверх вела ещё одна тропа, которая пропадала в темноте чёрного провала пещеры, вход которой образовывали две накренившиеся скалы сложившиеся в подобие шатра. Запах здесь был ещё сильнее, и Эрик подумал, что им повезло, что ветер дует в их сторону, и их запах не доносится туда, наверх. Остановившись в конце ущелья, они укрылись за камнем, и какое-то время наблюдали за входом.

И не зря, потому что через какое-то время заметили едва уловимое движение среди камней возле входа в пещеру. Что-то в сером плаще медленно переместилось на другую сторону и замерло. Плащ или накидка существа полностью слились по цвету с камнями.

— Часовой? — спросил Селим, не отрывая взгляда от того места, где замерло серое пятно, теперь неотличимое от общего фона.

— Возможно, — согласился Эрик. — Мы его снимем без труда. Вряд ли здесь есть другие. Они не любят торчать на свету, и не думаю, что боятся вторжения. Они же здесь самые сильные и опасные. Подожди, я схожу на разведку.

— Почему ты? — обернулся к нему Селим.

— Потому что я вампир. И если я не захочу, чтоб меня увидели, меня не увидят.

Его итак было сложно рассмотреть. Десантный «хамелеон» приобрёл камуфляжную расцветку в серых тонах, слившись с камнями. Подняв капюшон, он натянул его на голову и, отступив назад, под укрытием выступающей скалы, быстро вскарабкался по каменной стене на самый верх, а там, осмотревшись, двинулся по острому гребню туда, где темнел острый крайуголоватой арки входа в пещеру.

Обогнув её, он какое-то время ходил по каменным плитам, которые покрывали потолок пещеры, в поисках запасного выхода. Как бы ни любили вампиры темноту и уединение, у них должен быть запасной выход, и в пещеру должен проникать свет. Вампиры не видят в темноте, как принято считать, у них просто хорошо развито сумеречное зрение, а значит, чтоб видеть, свет им всё же нужен.

Через какое-то время он дошёл до края горной вершины и, спустившись чуть вниз, обнаружил чёрный, почти круглый провал, откуда доносились неясные звуки. Он лёг на край

провала и осторожно заглянул внутрь. Увы, даже для его глаз там было слишком темно, но в нестройном гуле он различил голоса, рычание и даже визг. Ему стало ясно, что он нашёл то, что искал. Немного подумав, он осторожно двинулся вперёд, в чёрный провал. Он не торопился, чтоб дать костюму время подстроиться под новые условия и потемнеть. Вскоре, однако, ему пришлось выбраться из неширокого колодца и переползти на потолок пещеры. Однако отсюда он уже мог видеть всё, что там происходило.

Он оказался в самом высоком месте пещеры. Внизу, прямо под ним в углублении располагалась освещенная факелами площадка. От неё неровными уступами пол поднимался выше, по бокам смыкаясь с тёмным потолком, покрытым обломанными сталактитами. Вампиров было много, но все они копошились по углам, рыча и устраивая мелкие потасовки. Некоторые спали, сбившись в кучи, или сидели, мерно покачиваясь и глядя в темноту пустыми глазами. И сразу было ясно, что они тут не главные, они лишь стадо опасных диких зверушек, нужных лишь для того, чтоб досаждать миру. Потому что главными тут были другие, те, кто не ходил в ближайšie деревни за едой, а лишь получали право первыми пить кровь доставленной охотниками добычи.

В самом центре площадки стоял каменный трон, на нём сидело человекоподобное чёрное существо в тёмной одежде. Оно было небольшого роста, с широкими плечами, покрытыми грубыми наростами и маленькой головой, на которой виднелся каменный гребень. Маленькие кривые ноги не доставали до пола. На длинных пальцах больших рук и ног поблескивали длинные загнутые когти. На подлокотнике его кресла примостилась бледная женщина с длинными чёрными волосами. Её тело было обтянуто чёрным платьем из чего-то похожего на змеиную кожу, отделанное кроваво-алой парчой. На каменном уступе возле трона пристроился изящный золотоволосый юноша в бархатном камзоле с длинной шпагой на поясе. Чуть дальше на полу сидело странное грязное существо, чем-то напоминающее карлика, но с крысиной головой и большими перепончатыми лапами.

Даже если б Эрик не читал в своё время книг по демонологии, он понял бы, что это демоны. Эти существа не были людьми, в них, даже в красивой брюнетке и в золотоволосом юноше было что-то жутко отталкивающее. Какое-то время он рассматривал их, а потом заметил на самом краю маленького белого мальчика в тонкой рубашке, который сжался, словно от холода и лежал на боку. Он был бледным, с синеватыми губами, и выглядел уже мёртвым, впрочем, вскоре он пошевелился и, приоткрыв чёрный глаз посмотрел на сидевшего в кресле, из чего Эрик заключил, что это тоже демон.

Он прижался к неровной поверхности потолка пещеры и по ней перебрался на стену, где на какое-то время остановился, чтоб убедиться, что его никто не заметил. Висеть вниз головой было для него так естественно, что он даже не обратил внимания на то, что находится в таком странном положении. Он спустился ещё ниже и, подобравшись к выступу скалы, обернулся и ещё раз внимательно осмотрел площадку. Теперь он смог рассмотреть и красные зрачки демонической брюнетки, и выпуклые мутные глаза демона, сидевшего на троне, и нежное лицо золотоволосого.

Демон-ребёнок тем временем развернулся и сел, натянув рубашку на худые коленки.

— Когда придёт подкрепление? — мрачно спросил он, посмотрев на чёрного. — Мы сидим в этом подземелье уже много дней. Ты говорил, что Абрахас приведёт свой легион, и мы начнём.

— Должно быть, Феникс перехватил его и забрал войско себе, — пошевелив чёрным носом, проговорил крысоголовый. — Я говорил, что нельзя ссориться с Фениксом. Он барон

преисподней и сила на его стороне. Это бунт, а бунт — это плохо.

— Кто такой этот Феникс, чтоб я подчинялся ему? — скрипучим голосом проговорил чёрный. — Я — Наматар, раскалывающий твердь и вызывающий пламень недр! А он всего лишь летающая огненная курица!

— Но подмоги, как не было, так и нет, — заметил юный красавец, разглядывая свои тонкие бледные руки. — С кем ты собираешься завоёвывать этот мир? С этой стаей голодных тупоголовых кровососов?

— Ты не можешь предложить и таких, — рыкнул Наматар.

— Не понимаю, зачем ты тратишь на них время, — скривилась брюнетка, оглядывая младших демонов. — Что они могут? Бесплезные бездельники. В битве от них не будет проку.

— От твоих недоделанных вампиров тоже, — проворчал ребёнок. — Они даже не могут выйти из пещеры до темноты. Их порубят в первом же бою.

— Кто б говорил! — оскалилась она, продемонстрировав длинные острые клыки. — Ты сам только и можешь, что хныкать в замковых подвалах и трогать перепуганных людишек своими холодными пальчиками.

— Я могу свести их с ума! — крикнул он.

— Или просто довести до обморока, — фыркнул крысёныш.

— А ты... Ты только и можешь, что разлагать трупы! — обернулся к нему маленький демон. — Как будто они не сгниют без твоего вмешательства. Ты самый бесполезный из нас!

— Здесь нет бесполезных, — возразил юноша. — Каждый из нас полезен на своём месте.

— И какая ж польза сейчас от тебя? — поинтересовался ребёнок. — Если я не ошибаюсь, Адерох, ты совращаешь праведников похотливыми мыслями. Где здесь праведники? И какой прок, если кто-то вдруг воспыхает вожделием?

— Тут вообще может не оказаться праведников, — пискнул крысёныш.

— Зачем ты взял их с собой, Наматар? — поинтересовалась брюнетка. — Ладно, ещё Адерох, на него хотя бы приятно смотреть. А при случае, мы подошлём его к вождям этого мира, чтоб он отвлек их от войны. Но Броук и Митус...

— Всем найдётся дело, — перебил её Наматар. — И выбор у нас невелик. Если Феникс прознает о наших планах, нам придётся схлестнуться с ним раньше. И всё же я надеюсь, что Абрахас появится и приведёт свой легион. Бледные кони, грызущие живую плоть, обратят в бегство любую армию. А его всадники с раздвоенными копьями и хвостами скорпионов, сочащимися ядом, уничтожат всё на своём пути.

— Прошло уже слишком много времени, — пожала плечами демоница. — Если б он мог прийти, он бы пришёл. Если б он захотел привести свой легион, они бы уже были здесь. И нам не пришлось бы устраивать набеги на деревни, чтоб заполучить новых воинов.

— При всём уважении, Аламара, это не воины, — усмехнулся Адерох. — Это ходячие трупы с давно угасшим мозгом. Когда ты обещала воинство вампиров, я ожидал что-то другое.

— Какой материал, такой и продукт, — проворчала она.

— А может дело в мастере? — захихикал ребёнок.

Аламара сердито взглянула на него, но не успела ответить. От входа в пещеру послышался шум. Сидевшие там вампиры зашевелились и потянулись к входу, но вскоре расступились. По проходу вниз шёл бледный взлохмаченный великан в меховой куртке,

который нёс на плече женщину. Она не подавала признаков жизни. Бледные тонкие руки свешивались вниз, на изодранном платье темнели пятна крови, а длинные рыжие волосы волочились по земле.

— Еда прибыла, — усмехнулся Адерох, а Броук потёр свои легушачьи лапы и задёргал чёрным носом.

Великан спускался вниз. Остальные вампиры тянули к нему свои костлявые руки и всё же не решались приблизиться. И в этот момент у самого входа что-то вспыхнуло. Надсадный визг и низкий отчаянный вой заметались под сводами пещеры. Вампиры лавиной устремились вниз, от яркого пламени, покрывалом стелившегося по стене и полу пещеры, охватывая катающихся по камням чудовищ. На крайние ряды бегущих вампиров выплеснулся ещё один язык огненного покрова. Они метались в суматохе, пытаясь спрятаться от него, но в копошащуюся грязную массу уже летел следующий подоженный горшок с маслом. Горящая жидкость покрывала тела вампиров, многие из них сразу же падали на камни, другие пытались спрятаться в толпе и поджигали остальных. А на самом верху, в дыму и пламени появилась чёрная фигура, похожая на киношного ниндзя, в которой Эрик узнал Селима. Тот вскинул арбалет и выстрелил в спину великану, упорно шагавшему вниз, несмотря на суматоху вокруг. Арбалетный болт вонзился у него между лопаток. Он взвыл и, упав, начал кататься по полу и биться в конвульсиях. Должно быть, остриё болта было смочено осиновым отваром. В общей неразберихе Селим бросился вниз и, подхватив упавшую женщину, уложил её на плечо и кинулся обратно к выходу из пещеры. Однако он успел сделать лишь несколько шагов. Женщина вдруг развернулась и с рычанием вцепилась в его шею белыми руками. Из её алого рта высунулись белые клыки угрожающих размеров. Она извивалась, пытаясь дотянуться ими до его шеи.

Эрик всё понял. Должно быть, Селим увидел, как огромный вампир тащит женщину и решил, что её ещё можно спасти. Естественный порыв для человека, посвятившего себя поиску и спасению попавших в беду. Только вот спасти её уже было нельзя. Яд, попавший в её тело, оказал своё действие. Она превратилась в вампира. Селим, пытаясь оторвать её от себя, поднимался всё выше. Он был уже на самом верху, когда ему удалось отбросить её прочь. Она скатилась на несколько уступов, а он взбежал к самому выходу. Однако вампирша резво вскочила и бросилась за ним. Она запрыгнула ему на спину и попыталась сжать руками его шею. Он развернулся и со всей силы ударил её спиной о неровную стену пещеры, и, воспользовавшись тем, что на какой-то момент хватка ослабла, скинул её на пол, выхватил из-за пояса осиновый кол и с размаху воткнул ей в грудь. Снова раздался надсадный визг, а он, вырвав из ножен меч, одним ударом отрубил ей голову.

Всё произошло очень быстро. Спустя мгновение Селим уже был у самого выхода. Он, безусловно, оценил обстановку и понял, что в одиночку ему здесь не справиться. Испуганные огнём вампиры жалась внизу. До спасения ему оставалось буквально пара шагов, и тут снизу поднялся бледный холодный туман, который в одно мгновение окутал коконом чёрный силуэт. Селим пошатнулся и упал, покотившись вниз по уступам. И тут осмелевшие вампиры набросились на него. Туман поднялся, стёк вниз и стусился, превратившись в чёрную фигуру Аламары.

— Не трогайте его! — повелительно крикнула она. — Может, он не один. Прежде чем мы выпьем его кровь, я хочу задать ему пару вопросов.

Толпа разъярённых вампиров казалась неуправляемой, и всё же они послушались приказа. Никто из них не попытался укусить человека. Они спустили его вниз и подтащили к

каменному столбу возле стены. Какое-то время повозившись, они отступили, а Селим так и остался стоять возле столба с опущенной головой. Его руки были связаны сзади. Он явно был одурманен колдовским туманом.

Аламара подошла и заглянула ему в лицо. Тут же Адерох поднялся и направился туда же. При этом с золотоволосым демоном происходила странная трансформация: с каждым шагом он менялся, из юноши превращаясь в золотоволосую девушку. Его волосы стали длиннее, плечи уже, бёдра шире, камзол превратился в платье, а длинный меч укоротился до размеров небольшого стилета в филигранных ножнах.

— Ну вот, — улыбнулась Адерох в своём втором обличье. — А говорили, что от меня нет проку, и здесь нет праведников...

— Зачем так изощраются? — раздражённо спросил Наматар. — Я итак заставлю его говорить! Он будет гореть в пламени, не сгорая...

— И сойдёт с ума, — капризно возразила Адерох. — Дайте мне...

— Это долго, — заметил Митус. — Пусть попробует Броук. Если парень увидит, как его тело разлагается заживо, то вполне возможно, у него не будет желаний запираяться.

— Посмотри на него! — возразила Адерох. — Это суровый воин! Я таких встречал. Даже огонь не заставит его говорить, и только хитростью и коварством можно сломить их дух. Аламара, дай мне попробовать! Потом можешь высосать у него всю кровь!

— Пусть попробует Броук, — крикнул Наматар.

— Он отравит его кровь! — злобно оскалилась Аламара.

— Тогда просто обрати его, — пожал плечами Митус. — Если он так силен, то, возможно, не сразу утратит разум.

— Это идея, — кивнула демоница и вопросительно взглянула на Наматара.

Тот равнодушно махнул рукой. Похоже было, что его это происшествие не слишком заинтересовало, зато Аламара была возбуждена возможностью немного развлечься и выпить свежей крови. Однако она не успела даже коснуться пленника, потому что её внимание привлёк внезапно возникший в свете факелов человек.

Эрик начал действовать, едва увидел, как вампиры тащат Селима вниз. Он понял, что времени на подготовку у него мало, а стало быть, придётся импровизировать. И всё же кое-что сделать он успел. Быстро скользнув за край площадки, он оказался за спинкой трона и для начала достал из аптечки две капсулы антибиотика. Сделав себе инъекции, он извлёк пустую капсулу из гнезда и вставил туда специально заготовленную заранее капсулу с осиновым отваром. Сунув инъектор в карман, он вытащил из другого два мешочка с зерном и надрезал их ножом, после чего вернулся на место.

Демоны тем временем пришли к решению передать пленника Аламаре. Откладывать вступление в игру было нельзя, и Эрик выпрямился во весь рост и вышел из-за трона на край площадки. До этого он использовал своё умение быть невидимым. Он редко прибегал к нему, потому что создание плотного отражающего силового кокона требовало высокой степени сосредоточенности, и теперь, он с облегчением расслабился, обеспечив себе внезапное и эффектное появление в свете красных факелов в нескольких шагах от демона, сидевшего на троне.

Он много слышал о том, что демоны всесильны, хотя это вызывало у него некоторые сомнения. Зачем расписывать их узко специфические способности, если они могут всё? На это он и рассчитывал, когда решил выйти на площадку, не скрываясь. И ему удалось их удивить. Они сразу заметили внезапно возникшую из пустоты чёрную фигуру. А он

медленно двинулся по краю площадки, на ходу снимая с головы капюшон.

Эрик внешностью пошёл в деда, он был высок, строен, его тело отличалось гибкостью, и двигался он мягко и уверенно, как прирождённый боец. Приятное открытое лицо дополняли густые чёрные волосы, длинная чёлка, в которой ярко горели несколько рыжих прядей, падала на зеленовато-карие раскосые глаза. Наверно появившись так внезапно, он и сам походил на сказочное существо, потому что в пещере на какое-то время повисла тишина. Демоны и вампиры с изумлением смотрели на него, пытаясь понять, что он такое. Только Аламара сразу заметила, что на этом внезапно соткавшемся из воздуха незнакомце такой же чёрный костюм, как и на пленнике.

— Взять его! — взвизгнула она, но Эрик только улыбнулся и достал из кармана мешочек с зерном. Он шёл по краю, а зерно тонкой струйкой сыпалось на камни. Кинувшиеся к нему вампиры сперва оторопели, а потом уселись вдоль площадки аккуратным кружком, чтоб считать зёрнышки. Двух мешочков хватило как раз для того, чтоб занять тех, кто поспешил исполнить приказание демоницы.

Эрик остановился, глядя на них, а потом перевёл взгляд на Аламару.

— Какой красавец, — пропела из-за его плеча внезапно возникшая рядом Адерох и нежно провела тонкой белой рукой по его плечу.

Он обернулся к ней и, оскалившись, злобно зарычал. К его удивлению, она испуганно попятилась. Демоны уже не казались ему такими уж опасными. То ощущение силы и уверенности, которое он так часто испытывал последнее время, снова овладело им. Он не был обычным смертным. Он вампир, к тому же очень хорошо обученный и подготовленный к неприятным встречам. Он оценивающе взглянул на каждого из демонов. Тот злой малыш на другом конце площадки ничего не мог ему сделать и лишь мрачно наблюдал, сцепив тонкие пальчики на коленях. Крысёныш Броук испуганно отодвинулся подальше, заметив блеск его красных зрачков. Адерох слегка испуганно и всё же призывно улыбалась, не замечая, что изо рта у неё торчит тонкий раздвоенный язычок.

Аламара теперь смотрела на него во все глаза, словно он представлял собой какое-то невероятное чудо. И только чёрный демон недовольно заёрзал на своём троне.

— Ещё один? — громыхнул Наматар. — Что вы стоите? Убить его!

— Нет! — неожиданно закричала Аламара, кинувшись к Эрику, и замерла в нескольких шагах, с восхищением осматривая его. — Неужели ты не видишь! Это же настоящий вампир! Не эти жалкие подобию, а настоящий! Истинный и безупречный! Посмотри на эти зелёные глаза с адским пламенем в глубине! На эти изысканные клыки белее белого нефрита! На его изящное тело, словно сотканное из ночных теней! Он совершенство, он рождён сыном ночи! Я хочу, чтоб он стал одним из нас!

— Размечталась... — бросил Эрик, мрачно взглянув на неё.

К своему удивлению, он не испытывал возбуждения или страха. Ему казалось, что всё это происходит во сне, и почему-то вспомнилось, как командор Северова как-то сказала, что, если кажется, что весь мир сошёл с ума, нужно просто сдвинуться по той же фазе на то же расстояние и в том же направлении, и всё снова встанет на свои места. Она, как всегда, была права. Подивившись гибкости человеческой психики, Эрик с любопытством рассматривал стоявшую перед ним вампиршу. Неизвестно, что было тому причиной, то ли она сама была слишком увлечена изучением нового персонажа и забыла о необходимости поддерживать свою иллюзию, то ли глаза его были устроены как-то иначе, чем у других, только сквозь образ демонической красавицы он вдруг разглядел совсем другой, жалкий и

отгалкивающий: иссохшая бледная старуха с седыми волосами и белыми глазами.

— Не торопись с ответом, — сладко пропела Аламара, сделав шаг к нему. — Ведь это мы, дети Лилит, древние ламии создали вас, детей ночи. Это мы вдохнули в вас жизнь и вывели на просторы тёмных лесов и степей, погрузили вас в мрачные лабиринты городов. Мы научили вас пить кровь смертных, насыщая своё тело жизненной энергией, дающей вам могущество демонов и лёгкость ночных птиц. Это мы наделили вас красотой и силой, перед которыми не мог устоять никто. Мы научили вас искусству обольщать и подчинять, чтоб смертные сами протягивали вам свои дрожащие руки с пульсирующими венами, и склоняли головы вам на грудь, предлагая вонзить клыки в их шеи. Это мы сделали вас совершенными охотниками, научили полёту и смертельной хватке.

Её изысканная речь, однако, произвела на Эрика совсем иное впечатление, чем она ожидала. Он зло прищурился и стиснул зубы. Одна только мысль о том, что перед ним стоит одно из тех существ, из-за которых он, его родственники и предки были обречены на сложный путь адаптации и выживания среди людей, привела его в ярость. С ранних лет скрывать ото всех свою роковую тайну, изворачиваться, делая вид, что ты такой же как все, бороться с искушением что-то кому-то доказать, за что-то отомстить, отказаться, в конце концов, от перспективы стать отцом, чтоб не объяснять потом своим детям, почему обрѣк их на такую жизнь, и всё это вот из-за этой ведьмы и таких как она?

— Ты думаешь, я поблагодарю тебя за это? — процедил он, не сдерживая злость. — Если это правда, то вы заслужили лишь мою ненависть.

— Разве тебе не нравится жить долго, сохраняя молодость и красоту? — искренне удивилась она. — Разве ты не наслаждаешься своей силой и ловкостью, не любишь играть со смертными, становясь незримым и прячась от них во тьме под сводами их храмов и часовен? Разве ты не чувствуешь себя выше их? Разве это не восхитительно, быть опасным и неуязвимым? Но это лишь начало, мой мальчик! Это дар, полученный тобой при рождении, но я могу сделать тебя ещё сильнее? Посмотри на меня. Я красива?

— Нет, — честно ответил он. — У тебя зубы торчат и глаза, как у дохлой рыбы.

Она сперва опешила, а потом разозлилась.

— Значит, ты хочешь быть таким же, как эта жалкая еда? — она ткнула длинным когтем в сторону Селима. — Неужели тебе так нравится быть с ними?

— Ты не поймёшь, — пожал плечами он.

— Просто укуси его и дело с концом, — проворчал Митус.

— Моя кровь слишком пустая и жидкая, чтоб ей хотелось её пить, — заметил Эрик. — Именно поэтому мои предки и вынуждены были охотиться. И все наши сверхспособности — это не дары, это лишь печальная необходимость, чтоб выжить. Но при этом они не дают нам жить.

— Ты просто получил не всё, на что можешь рассчитывать! — нетерпеливо воскликнула она. — Ты сможешь трансформироваться в любое животное: летучую мышь, волка, гиену и леопарда. Ты сможешь растекаться туманом в сонных низинах и дурманить смертных, подчиняя их дух и усыпляя их разум. Ты не будешь знать отказа у женщин, потому что любая из них будет готова следовать за тобой даже в собственную могилу, и станешь вызывать восхищение у мужчин, потому что твоя харизма будет неотразима, а твоя сила — неодолима. Ты никогда не состаришься и будешь жить вечно...

— В подвалах и склепах? — уточнил Эрик, мрачно усмехнувшись.

— Ты и сейчас не можешь жить на солнце! — воскликнула она.

— Могу, — возразил он. — Ты слышала об эволюции? К счастью, мы тоже эволюционируем, причём без вашей помощи. Мои предки когда-то решились на закате выбраться из своего укрытия на поверхность земли, и рискнули задержаться, чтоб хоть на мгновение увидеть восход солнца. И благодаря их отваге я могу выходить из тени в полдень. И моя жизнь не так плоха, чтоб менять её на жизнь дикого зверя.

— И скоро вы станете такими же, как они! — она снова указала на Селима.

— В этом есть своя прелесть, — пожал плечами он.

— Какой позор! — возмущённо воскликнула она. — Для того ли мы создавали вас, чтоб вы катились к своему упадку, смешиваясь с едой? Мы, демоны, познавшие великую силу крови, черпавшие из неё бесконечное могущество! Мы создали вас, как надежду на будущее, как наше непобедимое войско, готовое захватить весь мир! Мы мечтали отдать вам его, оставив себе лишь маленькое местечко на его вершине! Вы могли царствовать над всеми, воздавая нам почести, необходимые для усердного служения богам! Лишь изредка немного кровавых жертв для нас, и вся кровь мира для вас! Ты предал нас, своих создателей! Своих богов!

Эрик покачал головой.

— Я не верю в богов, детка. Я живу в другом мире. Я знаю, что у меня редкое и неизлечимое заболевание крови, при котором моя печень не вырабатывает большую часть белков, необходимых мне для жизни. Нормальная пища у меня не усваивается и потому я вынужден пить концентраты питательных веществ. Или ты хочешь сказать, что вы создали ущербных отпрысков своего рода, которые не могут жить, не питаясь чужой кровью? Не слишком удачный эксперимент: создать калеку и вручить ему золотые костыли! Как создатели, вы так себе! Если вы конечно создатели, в чём я сомневаюсь!

— Я ламия! — возопила она. — Я вампир!

— А я император Цинь Ши Хуанди! — язвительно ответил он. — Я китаец! Ты мне веришь?

— Хватит препираться с ним, — проворчал Наматар. — Давай я подпалю его, и он скажет, кто пришёл с ними!

— Нас только двое, — ответил ему Эрик. — И этого вполне достаточно!

— Достаточно для чего? — прищурилась Аламара.

— Чтоб уничтожить ваше гнездо.

— Ты хочешь умереть? — поинтересовалась Адерох, снова припав к его плечу. — Как жаль...

— Меня не так просто убить, — возразил он.

— Это так, — кивнула Аламара. — Я вижу, ты не только хорош собой и умён, но и отважен. А значит, я не хочу упускать возможность заполучить тебя. Ты мне нужен и я получу тебя, как получаю всякого, кого хочу. И если тебе так дорога еда, то это и есть мой козырь! Ты примкнёшь к нам немедленно или мы убьём твоего друга! Прямо сейчас!

— Дайте подумать, — ответил Эрик и посмотрел на Селима.

Тот, наконец, пришёл в себя и с тревогой следил за происходящим. Вампиры сидели на корточках, складывая зерно в кучки. Несосчитанного осталось не так много. Аламара свирепо смотрела на него, скаля клыки. Наматар сидел расслабленно, но когти на его руках, да и на ногах выглядели достаточно устрашающе. Адерох ластилась к нему, пытаясь подсунуть бледные пальчики под отворот куртки. Мелкие демоны наблюдали за происходящим с любопытством.

Эрик снова посмотрел на чёрного демона, потом на вампиршу. Аламара и Наматар представляли собой самую большую угрозу, к тому же очень скоро и остальные вампиры закончат подсчёт зерна и будут готовы к действию. А ему нужно освободить Селима, уничтожить гнездо и убраться отсюда живым.

— Ладно, — кивнул он. — Я согласен.

— Эрик! — крикнул Селим.

— Замолчи, — приказала ему Аламара и с улыбкой взглянула на свою жертву. — Это будет несложно, мой герой. Ты просто выпьешь из чаши кровь Короля драконов и станешь не просто порождением ночи, ты станешь её властелином! И мы с тобой наполним этот мир своими подданными и будем править рука об руку.

— Ты ведь не забудешь свою малышку Адерох? — шепнула та.

— Эрик, одумайся! Что ты делаешь? — крикнул Селим.

— Вообще-то, брат, спасаю твою шкуру, — улыбнулся ему Эрик и серьёзно взглянул на Аламару. — Давай свою чашу.

Она с торжеством посмотрела на Наматара.

— Ещё немного и он склонится перед тобой, и с его помощью ряды нашего войска будут пополняться в два раза быстрее, — она обернулась к Эрику. — Иди сюда! Я буду звать тебя Беллаторноктис.

— Лишь бы не чиан-ши, — проворчал он, следуя за ней.

— Опустись на колени! — приказала она, и когда он повиновался, встала напротив.

Подняв руки, она начала что-то говорить хриплым низким голосом. В пещере снова стало тихо, её голос перекачивался под сводами, как каменные шары в железном котле. Он звучал вокруг, и Эрику вдруг показалось, что он проникает куда-то внутрь него, пробуждая неясные, но страшные воспоминания, заставляя дрожать мышцы. На душе стало мутно, тело покрылось неприятным липким потом, и он впервые за всё время этого странного приключения ощутил страх. И ещё какую-то бесконечную тягостную безысходность.

По пещере пронёсся ледяной ветер, и в руках Аламары возникла тёмная чаша. Она была бронзовой, покрытой тонким причудливым орнаментом, который трудно было разглядеть из-за покрывавшей его патины. Из чаши струился мертвенный белый свет. Продолжая произносить своё заклинание, она подошла к Эрику и подала ему чашу.

— Пей! — приказала она.

Он взял чашу, отчего пальцы пронзил покалывающий холод, и заглянул в неё. Там клубился плотный белый сгусток светящегося тумана. Не жидкость, в которой могли быть какие-то вирусы или бактерии, не яд, не кровь. Это было нечто другое, субстанция, которая не была ни твёрдой, ни жидкой, ни газообразной, это было что-то магическое и потустороннее, и при одной мысли о том, что ему придётся это проглотить, его прошиб пот. Но отступать было уже поздно. Это была единственная возможность выполнить поставленные задачи, или хотя бы первые две. И собравшись с духом, он поднёс чашу к губам. Ледяной напиток медленно втёк в его горло, заполняя холодом всё тело, каждую вену, каждую клетку. После этого возникла боль леденящая и обжигающая одновременно. Всё тело сотрясла сильнейшая дрожь, по мышцам от темени вниз, до самых ног пробежала судорога. Она прокатилась от плеч до кончиков пальцев, которые вдруг занемели. Он с испугом посмотрел на свои руки и увидел, как под кожей побелели вены. А потом появилось тепло, снова в каждой мышце, в каждой вене, в каждой клетке, это тепло перетекало в странное возбуждение, плечи расправились, словно до этого они были сжаты судорогой.

Горячая волна энергии снова прокатилась от головы до пят, от плеч к пальцам.

Он поднял голову и осмотрелся. Сначала ему показалось, что взгляд его затуманен, поскольку всё плыло в странной дымке, но потом он заметил, что вокруг всех предметов возникла неясная аура, она, как марево, дрожала, искажая чёткие силуэты. Потом он услышал звуки, слишком много странных звуков, которые вдруг ворвались в голову, они доносились отовсюду. Ему даже казалось, что он слышит ток собственной крови. А потом он уловил знакомый гул, ровное, бесконечное дыхание необъятного океана. Он невольно прислушался, потому что этот гул был созвучен биению его сердца и току его крови. Этот гул он слышал совсем недавно, сидя на крыше загона для животных, но теперь он был ближе, громче, яснее. Он валами перекатывался где-то внизу, закручиваясь в бесконечные огромные, быстро распадающиеся воронки. По нему пробегали шипящие волны, которые рассыпались бесследно, не успев докатиться до края слышимости.

Это было потрясающее, приятное и тревожное чувство. Эрик нагнулся и положил ладони на каменный пол. Его кожа тоже обрела необыкновенную чувствительность, и он ощущал слабую вибрацию камня, откликающегося на рёв лежащего под ним океана.

— Видишь, он преклонился перед тобой, Наматар! — услышал он голос Аламары и поднял голову.

Посмотрев на чёрного демона, потом на вампиршу, он медленно поднялся с колен. Голова немного кружилась, в ушах шумело. Он принялся, уловив знакомый и приятный аромат. Он шёл оттуда, где возле столба стоял Селим. Обернувшись туда, Эрик сразу заметил сочащуюся кровью ссадину на его скуле и тут же ощутил невыносимый голод. Он невольно оскалился. Ему казалось, что он слышит тихий шум, с которым кровь течёт по венам Селима. Здесь только эта кровь была пригодна в пищу. Он негромко зарычал.

— Правильно, мой Беллаторноктис, — улыбнулась Аламара. — ты чувствуешь жажду. Настоящую жажду, которую можно утолить только кровью живых. Иди, и насыться ею.

Эрик развернулся к Селиму. Тот тревожно смотрел на него.

— Эрик, это я, Селим, ты помнишь меня? — проговорил он.

Эрик снова зарычал. То, что он делал, было вполне естественным для него в этот момент. Он позволил инстинктам вести себя, и потому уверенно шагнул к пленнику. Аламара радостно захохотала. Эрик подошёл к Селиму вплотную и увидел его отчаянные глаза.

— Что ты делаешь, брат?

— Спасая твою шкуру, — чуть слышно прошептал Эрик и стиснул рукоятку десантного ножа.

Нагнувшись к шее Селима он почувствовал, как удлинились его клыки и возникло острое желание прямо сейчас вонзить их в теплую, чуть вздрагивающую артерию, которую он видел сквозь смуглую кожу. Вместо этого он просунул руку с ножом назад и осторожно перерезал верёвку, которой были связаны руки Селима.

— Я их отвлеку, — шёпотом произнёс он. — Убирайся отсюда и беги подальше. И на всякий случай надень респиратор, если он у тебя есть. А теперь потерпи...

И он всё-таки вонзил клыки в шею человека, но не в артерию, чтоб кровотечение было не таким сильным. Ему пришлось напрячь всю силу воли, чтоб не втянуть в себя выступившую вслед за этим кровь. Как назло, ему нужно было сымитировать, будто он и правда пьёт её, эту кровь. И можно было не сомневаться, что Аламара, Наматар и все остальные внимательно следят за ним. Селим испугался. Вполне естественная реакция на

подобный поворот. Он вздрогнул, и это вполне можно было принять за судорогу.

— Прикинься мёртвым, — с досадой шепнул Эрик, и Селим уже вполне обдуманно и потому похоже несколько раз дёрнулся и обвис, словно его удерживали у столба только связанные руки.

Отодвинувшись, Эрик понял, что на его лице слишком мало чужой крови и потому сразу вытер подбородок рукавом, на самом деле размазывая то, что попало на клыки и губы. Вкус крови был приятным, и отчаянно хотелось есть. Но он был зол, и скорее вцепился бы в горло Аламары... Впрочем, это чуть позже. Он обернулся и посмотрел на неё.

Она торжествовала, заполучив своего воина ночи. Призывно раскинув руки, она, смотрела на него. Он отошёл от Селима и, положив руку на один из пеналов, нажал кнопку, после чего быстрым движением выхватив из него узкий цилиндр дымовой шашки, бросил его себе за спину. Оттуда повалил густой белый дым.

Это слегка смутило вампиршу, но, судя по всему, она не очень разбиралась в современном вооружении космодесанта, потому решила, что это что-то магическое.

— Ты ещё сильнее, чем я думала! — восхищенно воскликнула она. — Иди ко мне, мой король!

— Конечно, — шепнул он и пошёл к ней, сунув руку в карман.

Она заключила его в объятия как раз в тот момент, когда он нащупал инъектор. Достав его, он не торопясь отвёл с её шеи волосы, а потом прижал насадку к её коже и с наслаждением нажал на кнопку поршня. Она отскочила, схватившись за шею. На её лице был ужас. Потом он увидел, как на месте инъекции появился синий, быстро вздувающийся шар. Лицо Аламары тоже стало темнеть, глаза побелели и выкатились из орбит, волосы заструились вокруг головы, как тонкие бледные змеи. Она издала пронзительный визг, который сверлом ввинтился в уши. И, скорее, чтоб прекратить это, Эрик выхватил из пенала на груди светошумовую гранату, нажал кнопку и бросил под ноги вампирше. Он едва успел зажать уши и отвернуться, как раздался невероятный грохот и даже сквозь сжатые веки по глазам болезненно ударил белый свет. Потом всё померкло. Он обернулся, и увидел, как на плитах пола догорает обугленный скелет с белыми волосами. Вокруг на уступах, поднимающихся к выходу, тлели головешки. Оставшиеся в живых вампиры расползались в самые тёмные углы.

Вторая граната вымела их оттуда, и они закружились в воздухе стремительно прогорающими клочками грязных тряпок. Вампиров больше не было. Он смотрел по сторонам, видя везде кучки тлеющих угольков, стремительно превращающихся в пепел. Свет, произведённый гранатой, был ярче солнца, и двух вспышек оказалось достаточно, чтоб уничтожить гнездо.

Не успел он осознать эту маленькую победу, как за его спиной снова раздался грохот и рёв, и, поспешно обернувшись, он замер в ужасе. Прямо над ним поднималось странное чёрное чудовище, змей, покрытый каменными наростами, бескрылый дракон, чьи огромные когти царапали пол, оставляя на нём глубокие борозды. Гигантская уродливая голова протянулась к нему, распахивая пасть, в которой полыхало пламя.

— Стой! — крикнул Эрик, отскочив назад, и замахал руками. — Стой, Наматар! Я выпил кровь Короля драконов, и теперь я демон-вампир! Я сильнее Аламары! Я сильнее всех! Я могу создать армию, невиданную доньше! Если ты убьёшь меня сейчас, ты останешься один на один с Фениксом и этим миром!

— Червь! — пророкотал Наматар в своём демоническом обликии.

— Прислушайся к нему, — спокойно проговорила Адерох, отойдя на всякий случай подальше. — Он это лучше, чем ничего... Возможно, он убил их всех без злого умысла. Я слышала, что новоявленные вампиры часто крушат всё вокруг и убивают всех, до кого могут дотянуться. Просто он, действительно, силён. Он умеет создавать свет, чего не умела Аламара! Может, у него большое будущее в наших рядах.

Наматар обернулся к ней, злобно тараща маленькие мутные глазки.

— Она права, — согласился Митус, тоже пересевший на уступ повыше. — Аламара была изрядной стервой. С этим парнем будет проще договориться. Пусть попробует.

Наматар снова развернул свою громадную голову к Эрику.

— Я буду служить тебе, только если ты мне докажешь, что ты сильнее меня, — заявил Эрик, отступая к стене, где наверху виднелось круглое окошко, через которое он попал сюда. — Аламара говорила, что она ламия. Разве ламии умирают от вспышки белого огня? Она обманывала меня. Её красота и её сила были лишь иллюзией. Может, и твоё величие лишь видимость!

— Ты играешь с огнём, — заметил Митус. — Уж поверь мне на слово...

— Я ничьим словам больше не верю! — крикнул Эрик.

— Я — Наматар, раскалывающий твердь и вызывающий пламень недр! — загрохотал дракон.

— Покажи мне! — яростно заорал Эрик.

— Прекрати, — воскликнула Адерох. — Если он сделает это, ад вырвется наружу!

— Отлично! — рассмеялся он. — Вот и откроются врата для вашего потерянного легиона!

Наматар вздыбился, поднявшись до самого потолка. Адерох испуганно завизжала и бросилась наверх, к выходу из пещеры. За ней пополз хнычущий Митус. Куда делся Броук неизвестно, может, он не дожил до этого момента. Но Эрику было не до него. Он прыгнул на стену и начал карабкаться наверх к спасительному выходу.

Наматар грохотал и неистово бился о стены, потом он свился в кольцо и с яростью ударил по каменной плите пола, которая затрепала и пошла мелкими быстро разбегающимися трещинами. Из недр послышался мерный нарастающий гул. Эрик понял, что не успевает и, оторвавшись от стены, прыгнул туда, где светлело бледно-голубое небо. Снизу раздалось оглушительное шипение, его настигла мощная голубоватая волна. Её удар был так силён, что вынес его наружу через пролом и отшвырнул в сторону. Он ударился о каменную скалу и рухнул вниз на камни, а сверху на него посыпались тяжёлые обломки. Только он уже не видел и не чувствовал этого.

Он проснулся от сильного запаха нашатыря, дышать из-за которого было почти невозможно. Он отвернулся, но запах не пропал. Голова была тяжёлая и неприятно гудела, тело нудно ныло, руки и ноги болели, но хотя бы он был жив. «Странно, — думал он, — кому пришло в голову приводить меня в чувство таким архаичным способом». Ему всё-таки удалось открыть глаза, и из туманной дымки над ним проявились смутные силуэты деревьев, бледное небо в просветах. Потом он разглядел ветки и толстые стволы вокруг, и, наконец, смуглого бородача в чёрном, сидевшего у дерева напротив.

— Очухался? — поинтересовался тот и, приподнявшись, придвинулся и склонился к самому его лицу.

Эрик увидел красные пятна на его щеках и воспалённые глаза. А вокруг чёрной, коротко

остриженной головы золотилось, радуя глаз, прозрачное сияние.

— У тебя нимб, — прошептал он.

— Ага, — кивнул тот. — А у тебя общая контузия и сломанные рёбра. Ты меня узнаёшь?

— Да.

Эрик попытался повернуться, потому что поза, в которой он сидел, прислонившись к дереву, была неудобной. Спина затекла, руку ломило. От этого движения стало ещё хуже, и всё-таки с помощью Селима ему удалось приподняться и принять более удобное положение.

— Что там произошло? — спросил Селим, присев на пятки. — Я услышал хлопок, и увидел, как камни разлетаются в разные стороны. Потом вывалилось это ядовитое облако. Хорошо, что я тебя послушался и надел респиратор, хотя эта идея казалась мне безумной.

— Ещё я сказал: беги отсюда подальше. Или ты не расслышал?

— Расслышал, но тогда я не смог бы найти и откопать тебя из-под камней. Тебе здорово досталось. Так что там случилось?

— Я уговорил этого чёрного придурка разрушить земную твердь. Видимо, он специализировался на том, что пробивал земную кору до магмы, имитируя открытие врат ада. А здесь внизу не магма, здесь аммиачно-метановый океан. Как думаешь, какова толщина материковой плиты?

— Не задавался таким вопросом, — пожал плечами Селим.

— Так вот, внизу, в пещере она была ещё меньше. И Наматар её пробил. Не думаю, что кто-то из них выжил.

— Я тоже так думаю. Той горы больше нет. Она сложилась, как карточный домик, и, к счастью, запечатала пещеру вместе с трещиной. Но газ всё равно будет просачиваться оттуда. Теперь там мёртвая зона, где не выживет ни зверь, ни растение. Даже демон.

— Может, он провалился вниз и плавает теперь там в этом океане, сильно замороженный, — мечтательно проговорил Эрик.

— Пусть плавает. Главное, что ты уничтожил и вампиров, и демонов. Моя деревня может спать спокойно.

— Да, у меня такое чувство, что я сделал что-то хорошее в своей жизни.

— Только не понятно, зачем ты меня укусил. А если я обращусь в такую же тварь?

— Не обращай. Даже если под действием той гадости из чаши мой организм начал вырабатывать какие-то вирусы, они тут же передохли. Возможно, мне так хреново ещё и из-за передозировки антибиотиков. Я вколол себе две дозы.

— Ну выглядишь ты неважно, — согласился Селим. — Бледный до синевы и круги вокруг глаз. То, что глаза, как у кролика, это действие аммиака. А вот бледность — это что-то другое. Что было в этой чаше?

— Понятия не имею, — Эрик уже сам аккуратно опёрся на руки и приподнялся. — Возможно, бледность — это реакция на ту дрянь. И перед глазами всё плывёт.

— Это может быть контузия, — возразил Селим. — Но, честно говоря, ты, когда выпил это, вдруг засветился весь изнутри, а потом... Я решил, что ты, и правда, с катушек слетел. Вид у тебя был довольно кровожадный.

— Именно, крово-жадный, — кивнул Эрик и нащупал на поясе капсулу с концентратом. — Я чуть тебя не сожрал. Но удержался.

— Настоящий мужчина, — Селим похлопал его по плечу.

Эрик достал капсулу и, открыв, залпом выпил. В глазах посветлело и голова стала лёгкой. По телу прокатилась приятная тёплая волна. Это его ободрило. Даже если кровь

Короля драконов подействовала на него, его организм продолжал усваивать привычную пищу. Боль постепенно покидала тело, а силы возвращались. Вот только нимб вокруг головы Селима никуда не делся, как и слабое радужное свечение, окутывавшее деревья. Ссадина на щеке Селима уже начала затягиваться, но запах крови ещё ощущался, и Эрик невольно принюхивался.

— Сможешь идти? — спросил Селим.

— Думаю, да.

Он опёрся о руку друга и, держась за ствол дерева, встал. Голова внезапно закружилась, но он устоял на ногах. Какое-то время он пошатывался, привыкая к вертикальному положению, внезапно усилившейся гравитации, и к шуму, который теперь начал раскладываться на множество тихих и разнообразных звуков, они почему-то слышались ему каждый по отдельности и при этом сливались в общий хор.

В голове снова прояснилось, он смог выпрямиться и расправить спину и плечи. Он снова крепко стоял на ногах, и вполне мог передвигаться самостоятельно. Селим закинул было на плечо оба вещмешка, но Эрик жестом велел отдать один ему. И уже несколько минут спустя он уверенно шёл по лесу, держа направление к деревне. Он смотрел по сторонам, привыкая к странностям нового зрения и слуха. Он уже знал, что в нём что-то изменилось, но пока не мог понять в плохую или хорошую сторону.

Вернувшись в деревню, он, тем не менее, не стал там задерживаться. Уговоры Селима и Амэ погостить не подействовали. Наступившая тёмная ночь манила его. Густой лес, его прохлада, загадочные звуки, доносящиеся из глухой чащи, завораживали. К тому же, как-то слишком навязчивыми стали запахи человеческих тел, и собаки, которые раньше не обращали на него внимания, теперь спешили убраться от него подальше, залезая в укромные уголки, под старые телеги и забиваясь в самые дальние углы загонов, испуганно посматривая на него оттуда зеленоватыми огоньками глаз.

Он знал, что должен разобраться в том, что с ним происходит, и сделать это подальше от людей, чтоб не причинить никому вреда. И потому, простившись с новыми друзьями и ещё раз посоветовав Селиму вернуться к баркентине, прихватив с собой многочисленное семейство, ушёл в ночь.

Назвав замок на Грозовой горе депрессивным местечком, я ещё не знала, насколько это правда. Через какое-то время пребывания там, я поняла, что впадаю в тоску и безнадежность от этого бесконечного и запутанного лабиринта комнат и коридоров, от этих чёрных стен и монотонного шума дождя, который был слышен везде. Тут было уныло и скучно. Бен снова замкнулся в своём высокомерном молчании, даже игра в вопросы и ответы его больше не привлекала. Должно быть, он боялся выболтать лишнее, а я, ко всему прочему, ещё и мучилась от осознания бездарно проходящего времени, поскольку ни на шаг не продвигалась к своей цели, а мои ребята, к коим я теперь относилась и экипаж «Паладина», каждый день рисковали угодить в какую-нибудь смертельную ловушку этого опасного мира.

Несколько раз я вылетала за пределы грозы, окутывавшей гору своим бушующим чёрным покрывалом, но эти полёты не слишком радовали, потому что были более приятным, но столь же пустым времяпрепровождением. Моя деятельная от природы натура требовала действия, а я не знала, чем заняться. Местное Вездесущее, видимо, забыло обо мне, и не спешило снова подкидывать задачки вроде барона в коме или битвы двух демонических птиц. В какой-то момент мне подумалось, что обо мне все забыли. Джулиан тоже, кстати, не объявлялся, а стало быть, был занят своими делами, чему я тихо завидовала.

В очередной раз пустившись бродить по безумно надоевшему лабиринту, я каким-то образом набрела на небольшую комнату, потолок которой поддерживали тяжёлые каменные арки. Там был стол, несколько стульев и пара кресел у растопленного камина. В кресле сидел Зикур и задумчиво смотрел на огонь, который оранжевыми огоньками отражался в его светлых глазах. Заметив меня, он поспешно вскочил. Я жестом велела ему сесть, но он остался стоять в полной почтения позе, что вынудило меня подойти к камину и сесть во второе кресло. После этого он, наконец, опустился на своё место и снова посмотрел в огонь. Видно было, что моё присутствие его не смущает, и он ему даже рад.

Я рассматривала его, словно видела впервые. Он был довольно молод, лет тридцати на вид, не красавец, но черты его были приятными. Широкие скулы при узком подбородке, тонкие брови и прямой нос выдавали в нём человека благородного происхождения. Впрочем, и его манеры были куда более изысканы, чем даже у его приятелей в рыцарских доспехах.

— Хотите что-то спросить? — он посмотрел на меня, и на его губах появилась едва заметная улыбка.

Первым моим порывом было спросить, кто он на самом деле и как докатился до такой жизни, но потом решила, что не стоит лезть в душу человеку, с которым едва знакома. Потом, может, и наступит время для таких расспросов, но не сейчас.

— Я недавно в этом мире, — произнесла я и тоже посмотрела в огонь. — Многое здесь кажется мне странным. Кое-чего я не знаю. Скажите мне, Зикур, кто управляет вашим миром?

— Все, у кого есть деньги и армия, — пожал плечами он.

— Я не о том, — покачала головой я. — Есть ли какая-то сила над ними? Над всеми живущими здесь? Я знаю, что у алкорцев и землян, и даже у отдельных баронов и их подданных есть свои боги. Но не кажется ли вам, что здесь существует какая-то иная сила, которая руководит всеми событиями, сплетает судьбы людей, воздаёт за злодеяния и

награждает за добродетель? Что-то единое, что устанавливает общие правила для всех, и от воли которой зависит жизнь каждого.

— Я понял вас, — кивнул он печально. — Все знают, что эта сила существует, но о ней никто не говорит, потому что никто не знает, что это. Согласитесь, проще провозглашать богами некие сущности, которые могут стоять в виде изваяний в храме или святилище. В их лица можно взглянуть, можно попытаться их задобрить, можно к ним обращаться в минуту отчаяния и благодарить их за выпавшую в жизни удачу. Но поскольку законы этого мира распространяются на последователей всех религий и даже на безбожников, и никто из них в общении между собой не имеет явного преимущества, следует признать, что есть нечто, что руководит всем. Думаю, что те, кто молится своим богам, на самом деле в их лице обращаются к тому, о чём вы говорите, но его имени никто не знает, его никто не видел, и, скорее всего, не увидит.

— То есть, у вас нет даже идей о том, что это может быть?

— Говорят, что это Алмазное сердце, но я в это не верю с тех пор, как оказался здесь. Если оно скрыто в недрах этой горы, то как, скажите, здесь может быть так темно, холодно и уныло? Разве близость к главному чуду, к повелителю мира не должна быть иной? Почему это всемогущее божество не окружило свою обитель волшебным садом и не воздвигло здесь сказочные чертоги вместо этого кошмарного замка? Почему здесь обитают не великие мудрецы и отважные воины, а кучка изгоев и отщепенцев, предателей и преступников? Вы — единственный проблеск света в этой бездне безнадежности. Но разве вы задержитесь здесь надолго?

Я неопределённо пожала плечами.

— А, может, Алмазного Сердца не существует? — спросила я. — Может, это красивая легенда, не более?

— Нет, оно существует, — уверенно возразил он. — Только не оно руководит всем этим. Я много думал об этом и решил, что то, что руководит этим миром, не имеет лица, не имеет плоти, не имеет места. Оно невидимо, вездесуще и всезнающе. Оно не знает страстей и страданий и на свой лад развлекается, заставляя людей чего-то добиваться, ошибаться, идти на сделки со своей совестью ради какой-то эфемерной награды. Оно испытывает нас, чтоб посмотреть, на что мы способны в плохом и хорошем смысле, а потом воздаёт за содеянное. И по тому, что получают в наказание или награду люди, они и судят о том, что хорошо или плохо. И хотя знают это, всё равно нарушают правила и законы на свой страх и риск.

Я внимательно слушала этого молодого человека в ржавых, изрезанных чужими мечами доспехах, думая, сам он пришёл к пониманию монотеизма или его кто-то этому научил. Впрочем, это было неважно. Я снова ни на шаг не продвинулась к решению своей задачи, хотя, была у меня такая сумасшедшая мысль, попробовать обратиться прямо к хозяину этого мира, минуя упрямого Бена. Но как к нему обратиться? Некоторый контакт у меня с ним возник, он прекрасно знал, чего я хочу, но как-то не спешил исполнить моё заветное желание. Забытая в детстве книга, хрустальный кубок, плед — это пожалуйста, а вот искра в двигателе баркентины — это нет. Оно желало, чтоб я приняла участие в его грандиозной игре, и ещё неизвестно, сколько уровней мне придётся пройти, и каким будет приз. Может, вовсе не таким, на какой я рассчитываю.

Я неожиданно заметила за спинкой кресла движение. Это была всего лишь длинная чёрная тень, которая, осмелев, вытекла из своего угла, словно пытаюсь подслушать наш

разговор.

— А что вы скажете о тенях? — спросила я.

Он равнодушно посмотрел вокруг.

— Это всего лишь тени. Они есть везде, где сумрак.

— Повелитель говорит, что они шпионят для него по всему континенту.

— Не знаю. Мне кажется, что они лишены разума, просто нечто неуловимое и неосязаемое. Хотя, он говорит с душами умерших, поднимает на ноги трупы. Возможно, он и умеет говорить с тенями. Они часто струятся вокруг него, как языки пламени вокруг колдуна на костре.

— Странное сравнение, — заметила я.

— Весьма уместное, если учитывать, что он колдун. А колдуны в нашем мире делятся на два вида: те, кого можно сжечь, и кого нельзя. Он слишком опасен и силён, но он тоже заточён здесь, в этом дьявольском месте. Наверно и он наказан кем-то свыше за прегрешения, которые совершил.

— Очень может быть... — пробормотала я, подумав, что, может, Бен сам наказал себя за убийство Азарова.

— Он, как дракон, прикованный в пещере, в которой спрятан клад.

— Что вы сказали? — я с удивлением взглянула на Зикура.

— В детстве кормилица рассказывала мне о кладе, который можно было добыть, только убив дракона.

— Вы думаете, что Повелитель обосновался здесь, чтоб что-то охранять? Алмазное Сердце?

— Алмазное Сердце не нуждается в том, чтоб его охраняли. Даже Цитадель Девь Лардес по большому счёту не нужна. Алмазное сердце с мою голову и скрыто в толще скалы или под ней. Нужно срыть скалу, чтоб найти его. Я уж не говорю о том, что и по пути сюда искателей Сокровища будет ждать много испытаний. Не думаю, что кто-то мог бы похитить его.

— И всё же его охраняют.

— Если вы о людях коменданта цитадели Ареса, то для них это высокое служение. Они вроде жрецов, которые служат Сердцу своими мечами и душами. Это нужно, скорее, им, чем ему. Но Повелитель не похож на них. В его действиях нет смирения и благоговения. Он, как дракон, которого приковали, и он вынужден защищать сокровище, чтобы выжить самому.

— Странно, — пробормотала я, вдруг подумав, что метафора Зикура очень точно описывает положение Бена. — Но если он охраняет не Алмазное Сердце, то что?

— Кто знает... — чуть слышно пробормотал он. — У каждого здесь свои тайны, а его тайна может быть так зловеща и велика, что лучше к ней не приближаться.

— И вам не страшно оставаться здесь? — после минутного молчания спросила я, снова взглянув на него.

— Мне давно уже нечего бояться, — так же тихо ответил он. — Я потерял всё, что имел. У меня осталась только моя жизнь, но и она стоит немного. Порой мне кажется, что смерть была бы для меня спасением, но она должна быть достойной. Это последнее, что я мог бы сделать для своей души: уйти с честью, искупив хотя бы часть своих грехов, чтоб мои братья по ордену могли помянуть меня в своих молитвах Деве Лардес.

— По ордену? — насторожилась я. Только тут я сообразила, что ещё недавно в разговоре с бароном Делвин-Элидиром назвала наше братство рыцарским орденом, и он

сразу понял, о чём идёт речь. — Вы были членом рыцарского ордена?

— Я был рыцарем Девы Лардес и служил в цитадели, пока не допустил роковую ошибку. Меня могли убить, но просто изгнали. Тогда я не понял, что это наказание куда более жестокое, чем смерть. Это смерть при жизни. И теперь это всё в прошлом, покрыто песками забвения и запечатано клеймом молчания.

Он снова повернулся к огню, явно не желая развивать эту тему.

— А здесь есть ещё рыцарские ордена? — заинтересовалась я, уводя разговор чуть в сторону от столь болезненной для него темы.

— Рыцари здесь часто объединяются в ордена, выбирая себе какое-либо божество в качестве покровителя, — пожал плечами он. — По большей части они мало отличаются от банды наёмников. Но есть и официальные ордена, которые патронируют правители городов и крупные феодалы. Есть проклятые ордена, которые изгнаны из мира людей, но оттого более опасные.

— Например?

— Орден Чёрного зеркала — профессиональные убийцы, которые служат тем, кто хорошо платит. Орден Серого капюшона — шпионы, которые тоже не брезгуют убийством, и могут добыть любой артефакт или документ. Орден Синего грифона...

— Синего грифона? — удивилась я. — Почему этот орден проклят? Мне кажется, он должен находиться под патронатом альдора.

— Так и было, — кивнул Зикур. — До тех пор, пока рыцари не устроили заговор с целью свергнуть альдора и захватить власть в луаре. Их разоблачили, некоторых казнили, некоторых заточили в подземной тюрьме, где они умерли в неизвестности. Но некоторым удалось бежать. Среди них были маги. Они удалились в катакомбы и призвали из бездн чудовище, которое хотели использовать для борьбы с альдором. Однако наложенные ими чары обернулись против них, и они оказались заточены в подземном лабиринте вместе со своим зверем. Такова легенда.

— То есть, это лишь слухи? — спросила я.

— Никто не может знать, правда ли это. Все знают, что магистр и командоры ордена бежали. Среди них было три мага. Больше они не объявлялись. Никто не знает, куда они делись, но из-под земли в некоем месте, где их видели входящими в пещеру, которая ныне засыпана камнями, слышатся странные и пугающие звуки: рёв зверя, мужские голоса, поющие гимны, грохот и лязг железа, словно под землёй идёт сражение. Порой даже шум дождя не может заглушить их. А грому часто вторит эхо, идущее снизу.

Я задумчиво взглянула на него.

— То есть это некое место здесь? Под замком?

— Так говорят, — прошептал он, глядя на огонь.

— Значит, под замком есть катакомбы? — спросила я. — Вы были там?

— Вряд ли туда можно войти, потому что ничто б тогда не мешало оттуда выйти тем, кто сейчас там.

— Логично, — вынуждена была признать я.

Не то, чтоб мне очень хотелось обследовать эти странные катакомбы в толще Грозовой горы, но новость о том, что они там есть, меня заинтриговала. Простившись с Зикуром, я снова отправилась бродить по бесконечному лабиринту, обдумывая наш разговор. Я не могла припомнить, чтоб слышала когда-то звуки, о которых он говорил. Ни рёва животных, ни

хора, распевającego гимны, ни звуков боя. При этом я довольно часто сидела, вслушиваясь в ближние и дальние звуки, молитвы и проклятия живых и мёртвых душ. Своим новым слухам я слышала многое из того, что недоступно уху обычного человека, но я ни разу не слышала звуков, которые шли бы снизу, из подземелий замка. Значит, скорее всего, это всё-таки всего лишь легенда. Эта мысль почему-то принесла мне некоторое облегчение. Может, потому, что мне не хотелось думать, что ко всем ужасам этого замка вдобавок есть ещё и чудовище, которое прячется в подвале.

Я подумала, что это очень кстати, потому что как раз в этот момент спускалась вниз по ступеням лестницы. А потом вдруг сообразила, что это уже не первая лестница, ведущая меня вниз. Я остановилась и оглянулась. Сзади, на верхней площадке темнела стена, перегородившая выход. Очевидно, она появилась только что. Я видела, как сдвигаются каменные блоки, перекрывая мне путь назад. Я нахмурилась и решила спуститься ниже, потому что другого выхода у меня просто не было. Теперь лестница казалась бесконечной, и я уже точно спустилась в самую толщу Грозовой горы.

Ступени, наконец, закончились, и передо мной оказался длинный коридор в скале. Я шла по нему в полной темноте, с трудом различая серые шероховатые стены. Потом и он закончился, и я вышла на открытое пространство. Вернее, вокруг меня была пустота, а я стояла в начале узкого моста, простирающегося над серой бездной. Мне казалось, что я нахожусь в огромной пещере, пол, стены и потолок которой теряются в пелене серого тумана где-то очень далеко, а передо мной был только этот мост и каменное полуразрушенное сооружение на другом его конце.

Сзади раздался грохот и, обернувшись, я увидела, как сдвинулись каменные глыбы, закрывая проём, ведущий назад.

— Так, понятно... — пробормотала я. — Добро пожаловать на новый уровень игры. И что я тут делаю?

Пока я могла только пройти по мосту и войти в этот полуразрушенный то ли замок, то ли храм. И я пошла, прислушиваясь к шороху своих шагов и плотной жутковатой тишине вокруг. Я уже дошла до половины моста, когда услышала ещё какие-то звуки, и по моим плечам пробежала дрожь. Это был хор мужских голосов, который слаженно выводил строгий хорал. И звучал этот хор оттуда, из мрачных развалин, куда я шла. Мне стало страшно. Я вдруг поняла, что оказалась здесь одна, и понятия не имела, что меня ждёт, но ясно было, что не ждало ничего хорошего. Ни встреча с рыцарями проклятого ордена, ни с вызванным ими чудовищем, не сулили мне пользы или радости. И что я должна была здесь сделать? Что за странная игра, где правила меняются по ходу дела, а конечная цель не сообщается?

Стоять на мосту не имело смысла, и я пошла дальше. Подойдя ближе, я уже ясно слышала голоса, и звуки их казались мне обречёнными и зловещими. Строение представляло собой нагромождение каменных блоков и плит, местами покосившихся или обвалившихся. Их поверхность была сплошь покрыта резьбой, какими-то неизвестными мне знаками: то ли иероглифами, то ли рунами. Над квадратным входом висела огромная балка, украшенная оскаленной мордой химеры, испещрённая крупными трещинами, отчего казалось, что ещё мгновение, и она развалится, осыпавшись вниз тяжёлыми осколками. Я постаралась проскочить под ней как можно быстрее, и снова оказалась в темноте. Остановившись в нерешительности, я прислушалась. Голоса слышались откуда-то слева, и именно туда мне совсем не хотелось идти. Глаза вскоре привыкли к темноте, и я рассмотрела впереди три арки. Я решила идти прямо.

Узкий коридор, по которому я шла, постепенно расширялся и становился выше. Вскоре по краям появились опорные столбы, а потом — вырубленные из камня колонны. Впереди возникло рыжеватое свечение, которое разделилось на два огонька, через какое-то время превратившиеся в факелы, висящие на стене по сторонам от высокой двустворчатой двери. Немного подумав, я взялась за кольца на створках и раздвинула их. Было тихо, но тишина эта была холодной и гулкой, отчего я поняла, что за дверями находится огромный зал. Так оно и было. Дальний конец его терялся вдали, по обеим сторонам тянулась бесконечная колоннада, на портиках которой покоился сводчатый потолок. Он был где-то очень высоко, и я показалась себе маленькой букашкой, заползшей в готический собор.

Войдя в зал, я двинулась между колоннадами, пытаюсь рассмотреть, что находится в конце зала. Было тихо, я слышала только звук своих шагов, но потом где-то рядом послышались другие шаги. Сперва я думала, что это эхо, но шаги были неровными, словно кто-то крался за мной под прикрытием колонн. С другой стороны раздался шорох, потом ещё какие-то звуки, словно невидимые враги обступали меня со всех сторон. Я остановилась, прислушиваясь. Они и не таились. Вскоре из темноты за колоннами показались тёмные фигуры в плащах с капюшонами, и руки в поблескивающих металлом латных перчатках сжимали тяжёлые мечи. Судя по всему, они не собирались задавать вопросы. Они просто хотели меня убить.

Я осмотрелась, протянув руку назад к висящему на поясе эфесу Экскалибура. Но тех фигур с мечами становилось всё больше, и мне стало ясно, что даже при моём мастерстве мне вряд ли удастся уцелеть в этом бою. Не оставалось ничего другого, как сбежать. И хотя они обступили меня со всех сторон, был ещё один путь, который они пока не перекрыли. Я раскрыла крылья и взлетела к потолку. Возвращаться назад не имело смысла, и я полетела вперёд, в дальний конец зала.

Свист десятка стрел привёл меня в ужас. В тот же миг я почувствовала удар в спину и боль под лопаткой, ещё одна стрела вонзилась в правое крыло. Распластав крылья, я взмыла вверх и, пролетев под самым потолком, посмотрела вниз. Раненное крыло ныло, и я с трудом удерживала его горизонтально. О нормальном полёте уже не было и речи. А внизу появлялись всё новые и новые лучники в чёрных плащах. Они натягивали луки, и наконечники стрел хищно поблёскивали в полумраке. Заворожённая этим странным зрелищем, я не заметила, как пролетела зал до конца, и тут раздался гневный и мощный рёв, который слышался из-за стены, стремительно летевшей мне навстречу. Я зажмурилась... и пролетела сквозь неё. Ударившись о какую-то колонну, я полетела вниз и, ударяясь локтями, плечами, коленями и крыльями, покатила по склону горы.

На какой-то миг я потеряла сознание и очнулась, лёжа на площадке, усыпанной щебнем, по краям которой стояли выщербленные временем колонны. За пределами площадки и над ней клубился серый туман, а прямо передо мной стояло огромное животное, которое нагнувшись и повернув голову, разглядывало меня круглым голубым глазом.

Я замерла от неожиданности. Это был грифон, огромный синий грифон с передними орлиными и задними львиными лапами, большой птичьей головой с острым загнутым клювом и великолепными белыми двойными крыльями, столь могучими, что они могли бы поднять в небо зверя вдвое крупнее этого. Этот грифон был похож на те деревянные статуи, что я видела во дворце альдора, но он был гораздо больше и к тому же живым.

Грифон с недоумением разглядывал меня, поворачивая свою красивую голову, чтоб взглянуть на меня то правым, то левым глазом, и, наконец, опустив клюв ниже, с некоторым

сомнением громыхнул:

— Джосер?

Я, открыв рот, смотрела на него. Удивительно было не то, что грифон отчётливо говорил на человеческом языке, а то, что он назвал моё имя, под которым я много столетий провела, будучи ангелом. Это имя было неизвестно никому, кроме Фарги, и наверно Джулиана. Я была так ошарашена, что утратила дар речи, а грифон продолжал вглядываться в меня, словно пытался узнать.

— Ты Джосер? — снова громыхнул он.

— Мы знакомы? — выдавила я и поняла, как это глупо, спрашивать об этом в подобной ситуации.

Он какое-то время молчал, а потом поднялся на задние лапы и его силуэт истончился и засиял, превращаясь в человеческий. Крылья вспыхнули ослепительным белым светом, так, что я невольно закрыла глаза рукой, но свет начал меркнуть. Снова взглянув на него, я увидела, как исполинская фигура четырёхкрылого ангела уменьшается и бледнеет, становясь всё больше похожей на обычного человека. И, наконец, на площадке оказался высокий стройный мужчина в латах из синего золота с серебристым плащом за плечами, за которыми всё так же были распростёрты две пары великолепных белых крыльев, кстати сказать, куда более пышных и красивых, чем мои. У него были длинные белые волосы, уложенные под серебряным витым обручем, и светлое лицо столь невообразимой красоты, что оторвать от него взгляд было невозможно. Я сразу поняла, что уже видела его, но не могла вспомнить, где и когда. Этот сияющий белый лоб, миндалевидные синие глаза под широкими тёмными бровями, тонкие скулы, прямой нос и пухлые розовые губы я уже точно видела. А, может, мне это только казалось, потому что каждое совершенное лицо кажется нам смутно знакомым.

Закончив превращение, он, к моему сожалению, убрал свои крылья и направился ко мне.

— Я не знал, что ты избрал служение в человеческом теле, Джосер, — произнёс он чистым, звучным голосом, подходя ко мне, — иначе бы постарался оградить тебя от опасности в этом измерении. Из-за меня ты ранен. Позволь помочь тебе.

Он опустился рядом со мной на одно колено и аккуратно вытащил из моей спины и крыла стрелы, потом нежными движениями провёл по ранам, и от этих прикосновений по моему телу заструилось такое неизъяснимое блаженство, что я даже перестала дышать. Я никак не могла оторвать глаз от его лица и думала лишь о том, чтоб это мгновение не кончалось. Мои раны стремительно затягивались под его узкими белыми ладонями с тонкими чуткими пальцами. Крылья, которые опять были сломаны при падении по склону, с лёгким потрескиванием выпрямлялись и приобретали прежнюю белизну и пышность.

Закончив с моими ранами, он, не поднимаясь, выпрямился и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Прости, что доставил тебе столько неприятностей, — проговорил он, и на его губах появилось что-то вроде лёгкой усмешки. — Я узнал о том, что ты неподалёку, и привёл тебя сюда. Но я и подумать не мог, что ты теперь в теле человека. К тому же ты женщина, а потому мне следует соответственно обращаться к тебе.

— Кто ты? — прошептала я.

— Я ангел-страж Эладаил.

— Мне кажется, я встречала тебя раньше, но не помню где и когда.

— Мы не встречались, — возразил он. — Я прохожу служение в более высоких сферах чем те, где обитала ты.

— Ну, конечно... — пробормотала я, сообразив, что в бытность свою ангелом, я не достигала в росте пяти метров, не ослепляла всех вокруг сиянием своих крыльев, да и было их всегда только два, а не четыре.

Я и тогда наверно показалась бы ему пигмеем, а теперь, в человеческом обличье... Он нахмурился.

— Ты неправильно меня поняла, — мягко произнёс он. — Ты служила в нижних сферах, потому что была ангелом-спасителем. Ты со своими друзьями спускалась в верхние слои ада, чтоб освободить души раскаявшихся грешников, прошедших путь избранного ими покаяния. Для этого нужны не только вера и отвага, но и отменное воинское искусство, и готовность пожертвовать собой ради спасения чьей-то души. Именно поэтому ангелами-спасителями так часто становятся возвысившиеся людские души. Твоё служение было не менее важным, чем моё, и ты не должна думать о себе столь уничижительно. Разве ты испытывала бы пренебрежение на моём месте?

— Ты хочешь сказать, что твои достоинства подобны моим, но в силу того, что ты никогда не был смертным, а являешься воплощенным существом света, они куда глубже и сильнее моих, а потому, ты испытываешь ко мне любовь и сострадание?

— Что-то вроде того, — кивнул он, и его лицо осветилось мягкой улыбкой. — Хотя я не стал бы сравнивать нас, потому что сравнение часто ведёт к противопоставлению. У нас же есть то, что объединяет нас — это свет, который струится по нашим телам и нашим душам, а значит, мы равны. Неудивительно, что тебе кажется, будто ты видела меня раньше. Мы всегда узнаём своих, потому что, по сути, являемся частицами одного целого. Это более чем родственная связь, это внутреннее единство.

— И поэтому ты знаешь обо мне? Но почему же я не знаю о тебе?

— Видимо, твоя память о Свете осталась в Высших мирах. В этом нет ничего странного. Твоё текущее служение накладывает ряд ограничений, но даёт возможность действовать более активно. Ты по-прежнему предпочитаешь лежать на острых камнях или нам всё же стоит присесть вон на ту скамью?

Он поддержал меня за локоть, когда я поднималась, и прикосновение его тонких сильных пальцев снова откликнулось во мне сладкой дрожью. Он улыбнулся.

— Это и есть то, что объединяет нас. Благодать или просто Свет, — пояснил он.

Мы подошли к выщербленной скамье возле разрушенной колоннады на краю площадки и присели на неё. Я снова смотрела на него, и при этом чувствовала себя абсолютной дурой, потому что не знала, как отвести взгляд. Потом я вспомнила, что видела его в образе грифона, а затем и то, что рассказывал мне Зикур.

— Ты и есть то самое чудовище, которое призвали рыцари Синего грифона? — спросила я.

— Чудовище? — он пожал плечами. — Мне кажется тот образ ничуть не хуже, чем этот.

— И какой настоящий?

Вместо ответа он поднял руку и положил свою узкую ладонь мне на глаза. Я ничего не видела, но это прикосновение вдруг откликнулось в моей душе безмерным ликованием узнавания. Это было странное чувство, которое иногда припоминалось мне, словно я парю в свете и встречаю других существ, у которых нет ни имён, ни облика, а только вот эта светлая и узнаваемая энергия. Он уже отнял руку от моего лица, а я ещё никак не решалась открыть

глаза, боясь утратить это ощущение радости от встречи с кем-то близким.

— У нас нет облика в человеческом понимании, — проговорил Эладаил, — но учитывая, что мы вступаем в контакт с людьми, нам приходится принимать видимую ими форму. Она зависит от того, что они готовы увидеть и воспринять. Много веков назад им нравились фантастические звери, они придумывали их с детской непосредственностью, соединяя в одном образе десятки существ. Именно тогда я и начал являться им в виде грифона. Позже им захотелось видеть величественного ангела с огненным мечом, способного пройти по головам их врагов, смешивая прах с прахом. После они пожелали встретиться в моём лице лучшего среди равных, так мне пришлось обзавестись доспехами.

— Грифон являлся стражем на границе Света и Тьмы, — припомнила я. — Огненный меч и латы. Ты воин?

— Да, я, как и ты, воин, — кивнул Эладаил. — И я, как и ты, стою на грани миров. Когда-то моей работой было поддерживать воинов, идущих в бой за правое дело. Я поддерживал рыцарей в крестовых походах.

— Серьёзно?

Наверно мне не удалось скрыть неодобрения в голосе. За прошедшие века романтический флёр с крестоносцев слетел, и они рисовались мне не слишком приятными людьми. Эладаил не обиделся. Он только снова пожал плечами.

— Война это всегда жестокая и несправедливая вещь, но пока у людей существует свобода воли, они будут воевать между собой. И поскольку они верят в помощь свыше, кто-то должен оказывать им эту помощь. Кто-то должен поддерживать дух в защитниках осаждённых крепостей, в стражах, охраняющих паломников, в воинах, отбивающих у врага пленных и рабов. Всегда есть кто-то, кто среди тьмы и крови делает что-то светлое и хорошее, и слишком часто им приходится рассчитывать только на чудо.

— Ты прав, — согласилась я. — Но теперь мы не воюем.

Он усмехнулся.

— Ты, действительно, многое забыла. Наш мир не ограничивается Землёй, где для меня осталось не так много работы. Хотя, согласишься, и вам иногда приходится вступать в бой за правое дело. Потому ты и оказалась в своей реальности и на своём месте. Но не забывай, что Свет един во всей вселенной. Он многомерен и повсеместен. Именно потому всегда отыщется мир, где я найду для себя применение. К тому же сейчас мне всё чаще приходится не столько поддерживать воинов в их борьбе, сколько вступать в бой самому. Я страж, а значит, я должен оборонять рубежи Света от созданий Тьмы.

— И как ты оказался в этом конце галактики, на богом забытой планете в странном мирке, непонятно откуда взявшемся и как существующем в газовом океане?

— Я знаю о мире, о котором ты говоришь, но я не был там. Мы находимся сейчас в ином измерении вне пространства и времени. Оно создано не мной, и не может быть мною разрушено. Я здесь пленник, и именно поэтому я привёл тебя сюда.

— Ты хочешь сказать, что мы сейчас не на той планете?

— Нет, хотя здесь есть портал, ведущий туда, как и в несколько иных миров. Я закрыл их, чтоб удерживать здесь своих тюремщиков, как они удерживают здесь меня.

— Но они из ордена Синего грифона?

— Да, и в этом заключена горькая ирония моего поражения. Они были рыцарями, и они призвали меня. Их помыслы в тот момент были чисты, и я видел это. Они хотели свергнуть кровавого тирана, освободить своих друзей и других узников, и установить вполне

приемлемый для такого общества политический режим. Положение их было отчаянным. Я откликнулся на зов. Однако, увидев мою мощь, они впали в гордыню, решив, что моя сила принадлежит им. Они поняли, что с моей помощью могут подчинить своей власти не только луар, но и весь мир, воцарится в нём и установить полную и абсолютную диктатуру в своих интересах. С этим я согласиться не мог. Я хотел уйти, но они не дали мне, наложив печать плена. Я заперт здесь. Условием моего освобождения было принятие их условий.

— И ты в ответ запер их здесь?

— Я не херувим с гирляндой благоухающих роз. Я ангел-воитель, и умею принимать жёсткие решения.

— Почему тогда не уничтожить их? — поинтересовалась я, но он только молча вскинул бровь, выражая недоумение этим странным вопросом. — Ладно, убийство грешников не в твоей компетенции, — согласилась я. — Значит, вы решили взять друг друга на измор. И что?

— Они пытались освободиться с помощью магии. Они научились продлевать себе жизнь, создавать двойников. Они трансформировали свои тела и изуродовали свои души. Здесь нет времени, но мне кажется, уже целую вечность я веду с ними вялотекущую войну. Этому нет конца, и я начинаю понимать, что ловушка, в которую я попал, становится для меня смертельной. Я не могу выбраться отсюда и не могу позвать кого-то на помощь. Но и не могу принять их условия, потому что это значило бы утопить в крови мир, о котором ты говоришь. Они уже просто не способны жить среди людей. Они подобны озлобленным духам, жаждущим лишь мести и насилия. В конце концов, моя ошибка привела меня сюда, и ради того, чтоб удержать их здесь, я готов пожертвовать собой.

— И всё-таки ты нашёл способ вызвать сюда меня.

— Они призывали меня не в свой мир, а в это искусственно созданное кем-то измерение. Я знал о том, что они откуда-то пришли, но не знал откуда. Это было неважно в тот момент. Но недавно кто-то открыл портал с той стороны. Я почувствовал это и увидел колдуна, который внёс в это измерение какое-то зеркало с заключённым в него тёмным духом, возможно, не одним. После этого портал открылся вновь, и сюда проник демон. Мне пришлось преследовать его по всему лабиринту, но я догнал его и вышвырнул прочь. И в тот момент, когда я стоял на пороге открытого портала, я неожиданно соприкоснулся с некой сущностью, обитающей в том мире.

— Кто это? — насторожилась я.

— Не знаю. Это очень сильная сущность, она не светлая и не тёмная. Это, скорее, разум, сложный, многоплановый, интеллектуальный и упорядоченный. На какой-то момент я соприкоснулся с ним и получил отклик. Он оценил ситуацию, в которой я находился, и предложил выход. Это звучало странно, как предложение подключить к моему узилищу его игровое поле с тем, чтоб он мог ввести сюда своего игрока. Для него это было игрой.

— И этот игрок я?

— Он дал мне почувствовать тебя, и я понял, кто ты. Ты ангел и ты воин. Это был мой единственный и, возможно, последний шанс вырваться отсюда. И я знал, что ты не откажешь мне в помощи.

— Конечно, не откажу! — воскликнула я. — А что нужно сделать?

— Всего лишь разрубить печать плена, но сделать это можно только мечом ангела. Дай мне твой меч!

— Да пожалуйста! — я отцепила от пояса эфес Экскалибура и подала ему.

Он взял его в руки и мгновенно разложил, безошибочно коснувшись нужных камней на рукоятке, а потом принялся изумлённо разглядывать клинок. Он едва не нюхал его, а затем возмущённо взглянул на меня.

— Что это такое?

— Меч, — ответила я, ещё не понимая в чём дело.

— Вижу! Это меч героя, но никак не ангела! Где твой собственный меч с огненным клинком?

— Он в сейфе на звездолёте, — жалко пролепетала я, поняв, какую оплошность совершила. — Я попытаюсь позвать его и...

— Это замкнутое измерение! — возразил он. — Мы никого не можем позвать!

В его синих глазах появилось отчаяние. Он не сердился, он просто понял, что его надежда на освобождение начала стремительно таять. Сложив меч, он вернул мне эфес и опустил голову, уныло глядя на клубящийся под обрывом серый туман. Я не думала даже, что ангел может вот так расстроиться. Мне всегда казалось, что такие чувства — удел смертных, а они, чистые создания света всегда пребывают уравновешенном состоянии, исполненные мудрости и терпения. К тому же уныние — это смертный грех.

— Я знаю, — устало прозвучал его голос. — Но я просто хочу вернуться домой, как и ты.

— Что ещё можно сделать? — спросила я, положив руку на его плечо.

Он осторожно коснулся её пальцами, и я снова невольно задержала дыхание от этого прикосновения.

— Есть только один способ, — ответил он. — Нужно найти мой меч. Они забрали его и где-то спрятали. Я искал его везде, но не нашёл. Его нельзя уничтожить, и они не могли вынести его за пределы измерения. Он где-то здесь, но я не вижу его.

— Заклятие?

— Возможно.

— Тогда, может, я увижу его?

Он повернулся и посмотрел на меня. Его губы дрогнули.

— Ты сейчас человек, и тебе опасно находиться здесь. Я не прошу себе, если ты погибнешь. Я могу выпустить тебя отсюда.

— Ты б ушёл? — прямо спросила я.

— Твои достоинства ничуть не меньше моих, — улыбнулся он. — Я позволю тебе остаться здесь, но буду тебя защищать. Они ничего не могут мне сделать, поэтому я всё время буду рядом. А ты будешь осторожна и не станешь рисковать своей жизнью.

Я понимала, что мне нужно отвести от него глаза. Честно говоря, глядя на него, мне было трудно сосредоточиться на проблеме. Просто хотелось расслабиться и смотреть. Это и называется неземным совершенством. Понятно, почему ангелы так редко являются людям, иначе люди только и делали бы, что смотрели на них. Или это странно, ведь глядя на него, хочется стать лучше и немного приблизиться к идеалу.

Эладаил вздохнул и покачал головой. Конечно, он тоже слышал мои мысли, как и Джулиан. Должно быть, они потому и избегают частых контактов, что им быстро надоедает это немое и безграничное восхищение. Он покосился на меня, а потом быстро обвёл круг у меня перед глазами. Внутри круга образовалось серебристое свечение, быстро сгустившееся до плотности амальгамы, и оттуда на меня взглянул ещё один ангел с сияющим лбом, серебристо-серыми глазами и роскошными золотыми кудрями. Я какое-то время смотрела

на него, потом поймала прядь своих волос и посмотрела на неё. Золото девяносто шестой пробы. Ангел в зеркале озабочено взглянул на меня, держа в длинных пальцах свой локон.

— Ты выглядишь так же, когда находишься в своей ангельской ипостаси. И это тоже образ духа Света, который наложил на твой человеческий облик, — объяснил Эладаил. — Крылья возвращают тебя к твоей духовной природе. Убрав их, ты превращаешься в человека, каким была на протяжении многих жизней. Я никогда не был смертным, мне вернуться не к чему. Это — наиболее приближенный к человеку образ, на который я способен.

— Я всё поняла, — покладисто кивнула я, решив взять себя в руки. — Меня вполне устраивает твой внешний вид. Ничего не надо менять. Давай займёмся нашей проблемой, а именно поисками твоего меча. Что он собой представляет?

— Не знаю, — спокойно ответил Эладаил.

— То есть как? — опешила я.

— Я понятия не имею, как он выглядит сейчас. В состоянии равновесия он выглядит как плоский кристалл голубого цвета, который я ношу, как браслет, на тыльной стороне ладони. В активном состоянии он может превратиться в любое оружие, которое я когда-либо держал в руках — от бронзового кинжала до бластера, включая все промежуточные варианты всех времён и народов, во всех мирах, где мне пришлось участвовать в войнах.

— То есть, это может быть копьё, алебарда, кистень, секира, бердыш, протазан или цеп? — уточнила я.

— Да, а также нунчаки, кусаригама, катар, уруми, тэккокаги, чакрам...

— Ну, что такое нунчаки, катар и уруми я знаю, тэккокаги — это, кажется, железные когти, а вот чакрам...

— Метательное кольцо, отточенное по внешней кромке, если для тебя это важно.

— И всем этим ты пользовался?

— Не только этим, что и создаёт дополнительную сложность. Меч можно уменьшить до размера самого мелкого и плоского оружия и разложить на несколько частей.

— Как сюрикены?

— Да, которые можно засунуть в любую щель, и заложить камнями. Я не чувствую его, значит, он под заклятием.

— А он тебя? Ты можешь как-то воздействовать на него, как ты превращаешь его в то или иное орудие?

— Достаточно моего желания, но только когда он у меня на руке.

— И он послушается кого-то другого? Мой меч не реагирует на команды других людей.

— Я не знаю, — покачал головой Эладаил. — Я никогда никому его не отдавал. Никто им не пользовался кроме меня. Я всегда держал его при себе, с тех самых пор, как получил при рождении. Я расстался с ним впервые, и сейчас чувствую себя калеккой.

— Печально, — кивнула я. — Давай всё же исходить из того, что твой меч был создан специально для тебя, он — часть тебя, и не станет взаимодействовать с тёмными сущностями, которые теперь тебе противостоят.

— Тогда они ещё были людьми.

— Хорошо, — кивнула я. — Будем исходить из того, что оружие прятали люди. Но сейчас они не могут взять его в руки, поскольку являясь тёмными сущностями, вряд ли могут безболезненно держать в руках частицу света. Значит, меч находится там, где они спрятали его, будучи людьми. А люди, пряча что-то, как правило, руководствуются одними и теми же алгоритмами действий. Пока логично?

— Если нет погрешностей в твоих умозаключениях, то — да. То, что меч не подчинится кому-то другому, — недоказанное допущение. То, что они теперь не могут взять его в руки, скорее всего, верно, поскольку меч — оружие против них, и будет атаковать их без моего участия...

— Каким образом?

— Вероятно, по принципу биологического или химического оружия, вызывая поражение и разрушение тканей их тел, включающих субстанцию Тьмы. Но при этом они теперь могут наложить дополнительное заклятие на то место, где спрятан меч. И, думаю, они это сделали, чтоб защититься от него. И всё же, мысль о том, что они прятали его, как люди, и не могут перепрятать, кажется мне разумной. Я не учитывал этого.

— Люди прячут по разному, — продолжила я. — Они прячут на виду, где никто не подумает искать, они прячут подобное среди подобного, и там, куда, по их мнению, никто не сможет добраться, или в месте, о существовании которого никто не догадается. Первый вариант — поместить кристалл в качестве украшения на видном месте, либо, скорее всего, замаскировав его до неузнаваемости. У них уже тогда были маги, мы знаем, что они наложили на камень заклятие, которое не даёт тебе почувствовать его, но так же они могли с помощью иллюзии видоизменить камень, сделав его чем-то с виду иным. Тогда вопрос: появилась ли в этом измерении какая-то заметная деталь, которой не было до того, как они забрали твой меч.

— Появилось слишком много деталей, — ответил Эладаил. — Они обжились здесь, обустроили святилище, арсенал.

— Отсюда второе — арсенал. Оружия у них много, в этом я убедилась на своём печальном опыте. Меч можно спрятать среди другого оружия, либо камень, среди других камней. Тогда вопрос: как узнать твой меч среди другого оружия?

— Его там нет, — покачал головой Эладаил. — Я много раз бывал в их арсенале. Там много разных видов оружия, но мой меч может принять только ту форму, которую уже однажды принимал в моих руках, а значит, это оружие из белого металла, украшенное определённым образом. Узоры и орнаменты всегда повторяются, к тому же на нём обязательно должны быть руны моего имени. Кристаллов я здесь тоже не видел.

— Тогда остаётся самое сложное, а именно — какой-то тайник в руинах или трещине скалы, который ты не можешь найти, потому что он заложен камнями. Это самое простое, логичное и, увы, самое надёжное. Они обитают в этих развалинах? — я обернулась к разрушенному храму и заметила на верхней площадке чёрную фигуру в длинном плаще. Капюшон с головы незнакомца был откинут, и я увидела бледное лицо с резкими, злыми чертами и гладкие чёрные волосы.

— Это магистр ордена Барнар, — пояснил Эладаил. — Маг и воин.

— Он может быть ключевой фигурой, — заметила я.

Наверно моё ангельское зрение помогло мне разглядеть его лицо на таком расстоянии. У Барнара были тёмные, широко расставленные глаза под чёрными бровями с надменным изломом, орлиный нос и плотно сжатые тонкие губы с опущенными вниз уголками. Скорее всего, его внешний облик полностью соответствовал внутреннему содержанию.

— Они обитают в этом строении, — подтвердил Эладаил, довольно равнодушно взглянув на главного противника, и отвёл глаза. — Внутри оно совсем не напоминает руины, только внешне. Там много мест, где можно устроить тайник: в стенах, в полу, в потолке, в колоннах, в статуях. К тому же под нижним этажом есть обширные катакомбы. Иногда я

брожу там в лабиринте и отлавливаю их по одному.

— И что ты с ними делаешь? — насторожилась я.

— Я ничего не успеваю сделать. Они вспыхивают и рассыпаются от одного моего прикосновения.

— Наверно меч действует на них так же, — удовлетворённо кивнула я. — А что за пределами строения? Что это за туман?

— Обычный туман, серый и душный, — пожал плечами Эладаил.

— Они могли бросить меч с обрыва вниз?

— Я обследовал всё дно ущелья. Там нет моего меча.

— И будучи людьми, они не могли добраться до стен и потолка пещеры. Значит, с большой вероятностью можно сказать, что меч в этом строении. Кстати, что с катакомбами? Они могли спрятать его там?

— Вряд ли, поскольку это моя территория. Чудовище должно где-то обитать и наводить страх, верно? — он грустно улыбнулся. — Но и сам храм очень велик — тридцать залов, не считая комнат и коридоров.

— Я не думаю, что они стали бы прятать твой меч в одном из коридоров. Чисто психологически это не оправдано. Этот предмет имеет для них сакральный смысл, скорее всего, он в одном из залов. И, наиболее вероятно, что в зале, где постоянно кто-то присутствует, чтоб немедленно поднять тревогу, если кто-то покусится на их клад.

— Тогда это, скорее всего, святилище. Там постоянно проводятся тёмные ритуалы и бдения. Там присутствуют жрецы, которые молятся тёмной ипостаси Синего грифона.

— Тёмной ипостаси? — удивилась я. — Что ещё за тёмная ипостась?

— Их божество — Синий грифон из древней мифологии Алкора. Ты ж не думаешь, что алкорцы назвали свой луар в мою честь? Как и многие их божества, Синий грифон противоречив. С одной стороны — он защитник своего народа, с другой, он — хранитель тёмного знания. И, естественно, у него есть две стороны — тёмная и светлая. Они призывали его, а откликнулся я, то есть светлая сторона. Со временем они решили нивелировать моё влияние, призывая тёмную сторону своего божества, построили ему святилище и приывают.

— Успешно?

Он с сомнением взглянул на меня.

— Я это к тому, что откуда-то они получают свою тёмную энергию, верно? Судя по твоему рассказу, они стали сильнее с тех пор, как рассорились с тобой, усовершенствовали свою магию и создали двойников, достигли бессмертия, не старея при этом. Люди не имеют собственной магической силы, они получают её извне, от природы, от магических предметов, от тёмных и светлых существей.

— Я не подумал об этом, — задумчиво произнёс он. — Странно, но пока мы говорим, я взглянул на эту проблему с совершенно новых и необычных точек зрения. Значит, в том, что я не могу вернуть свой меч, может быть замешана какая-то тёмная сущность, с которой они вступили в контакт? Вряд ли это Синий грифон, потому что на деле его дуалистическая природа не может быть разделена на две части. Но кто-то ещё мог откликнуться на их зов.

— Кто-то, кто не может выпустить их отсюда и не может помочь им совладать с тобой, но при этом этот кто-то может менять их человеческую природу и, с известной долей вероятности, создавать устойчивые иллюзии. Чёрт! — я испуганно покосилась на него. — Извини, вырвалось. Мне в голову приходит только одна сущность, которая обитает в том мире, откуда я пришла. Некий колдун, который был доставлен туда как раз с Алкора или

одной из колоний. Он состоит в некоем магическом ордене, мечтающем свергнуть Великого Тирана. Он умеет изменять природу людей и создавать иллюзии. И владеет огненной магией. Ты не замечал ничего такого?

— Ничего, кроме того, что на стенах святилища горят факелы, которые не коптят и не гаснут. Но магия огня не действительна против меня, поскольку при соприкосновении со мной огонь меняет свои свойства и подчиняется мне. Давно появился в том мире этот колдун?

— Недавно, но, видишь ли, нам неизвестно, откуда этот колдун вообще узнал об этом тщательно спрятанном мире. Может быть, от этих твоих недобрых соседей? Может, он уже давно вступил с ними в контакт и дал им свою силу, или силу какого-то амулета, а они рассказали ему об этом мире, где правят альдоры. Вот он и прилетел сюда...

— Что это за колдун?

— Его имя Ротамон. И он сейчас повсеместно портит людям кровь и пытается не мытьём, так катаньем дорваться до власти. Кстати, армия этих тёмных рыцарей, была бы для него очень даже кстати. Хотя, это всего лишь предположение. Если б мы могли осмотреть хотя бы одного из их магов...

— Зачем?

— Он ставит своим последователям на крестце клеймо в виде закрученной против солнца змеи.

— Таковую? — Эладаил быстро нагнулся и пальцем нарисовал на песке ровный круг, а в нём — спираль, заканчивающуюся змеиной головой.

— Я сама не видела, но это может выглядеть так, — кивнула я. — Ты видел такое клеймо?

— Нет, я видел на камнях в залах медальоны с таким знаком.

— Тогда это может быть Ротамон, — обрадовалась я. — Если я вернусь и уничтожу его... — мой оптимизм быстро увял. — Хотя, учитывая, что этим занимается Джулиан и до сих пор не добился успеха, это сложно.

— Это не обязательно ваш колдун, — возразил Эладаил. — Ты сказала про магический орден. Значит, поддерживать чёрных рыцарей может и кто-то другой из этого ордена или орден в целом. Кстати, получив сведения об этой колонии, они могли отправить туда и не самого видного своего члена.

— Да, — несколько разочарованно кивнула я. — Что мы можем сделать в этой ситуации? Как они получают энергию для своего колдовства? Если перекрыть им этот канал, то чары рухнут, и ты увидишь свой меч, а может и печать плена распадётся сама собой. В который раз жалею, что никогда всерьёз не изучала магию.

— Зачем это тебе? — он с недоумением взглянул на меня. — У тебя есть доступ к энергии Света и к любой информации.

— Ага, — саркастически кивнула я. — Ещё б научиться пользоваться этим доступом.

Он какое-то время смотрел на меня.

— Пользоваться энергией Света ты научилась на Агорисе, и уже пользовалась ею здесь, когда разрушила измерение в Долине Ворона. Что ж до информации... — он вздохнул. — Странно, что тебе не позволили взять с собой те знания и память, что ты имела в Олирне.

— Она и правда зовётся так? — уточнила я зачем-то.

— Она не имеет названия, но ты зовёшь её так из-за какой-то книги, которую прочитала в пятнадцать лет. Многие термины вещей, не имеющих у нас названий, ты берёшь из неё. А с памятью, я, кажется, начинаю понимать. Это был твой выбор. Ты не ищешь лёгких путей.

— Возможно, — пробормотала я. — И многому мне придётся учиться заново. Раньше у меня был Фарги, а теперь мне до всего приходится доходить путём проб и ошибок.

— Ты задаёшь мало вопросов, пытаешься до всего додуматься самостоятельно.

— Хорошо, вот мой вопрос: каким образом к ним поступает магическая энергия?

— Полагаю, через статую тёмного грифона во время ритуалов. Но для тебя важнее ответ на другой вопрос: как научиться получать информацию?

— На него ты тоже ответишь? — заинтересовалась я.

Он снова вздёрнул тёмную бровь, что означало: «Может, позже».

— Тогда давай думать, как перекрыть им канал магической энергии, — покорно кивнула я. — Уничтожить статую?

Он поднял глаза вверх, и хотя там всё так же клубился плотный серый туман, на его нежных губах появилась мечтательная улыбка.

— Даже если это не поможет, я получу удовлетворение от своеобразного реванша, — заметил он. — Вопрос: как уничтожить статую?

— Знаешь, мои ребята, когда уходили со звездолёта, наверно набрали с собой всякого оружия и боеприпасов, а я взяла только один пластиковый бластер, который не работает. Я ношу его с собой только потому, что он мне дорог, как память, и чтоб не забыть, если экстренно придётся менять место дислокации. Я это к тому, что взрывчатки у меня нет.

— Взрывчатка есть у тех ребят, — Эладаил указал на развалины храма. Кстати, Барнар уже убрался оттуда, и теперь там стояли на страже два одинаковых тёмных субъекта в чёрных плащах. — И с чего ты взяла, что твой бластер не работает?

— Ну, он... — я замерла, глядя на него с изумлением, а потом быстро отдёрнула рукав. На табло радиобраслета мигали четыре нуля, предлагая установить зависимое время. — О, если б это было возможно там... — простила я и взмахнула рукой. Мой верный «оленебой» привычно и вроде как даже с радостью скользнул мне на ладонь. Проверив заряд, я убедилась, что он полный. — А этим лазером разрубить твою печать нельзя? — с надеждой спросила я.

— Увы, — улыбнулся он, с любопытством наблюдая за сменой эмоций на моём лице. — Если б всё было так просто! Мы далеко не всегда получаем то, что хотим, именно тогда, когда нам это очень нужно. Так что мы будем делать со статуей?

— Нужно бы осмотреться, — деловито проговорила я, вставая.

— Исключено, — спокойно возразил он. — Это опасно. Ты пойдёшь туда, только когда у нас будет чёткий план.

— А как я разработаю план, если у меня нет представления о диспозиции?

— За что я особенно люблю ангелов-спасителей, так это за то, что они всегда готовы действовать по обстоятельствам, имея при этом чёткий план в голове, — заметил он. — Я покажу тебе всё прямо здесь, а потом посмотрим. Садись.

Я послушно села. Он снова поднёс свою светлую длань к моим глазам. Джулиан делал также, когда хотел, чтоб собеседник увидел то, что видел он. Странно, что у демонов и ангелов одинаковые приёмы.

— Ты же знаешь, что он не демон, — тихо произнёс Эладаил. — Он прощённый грешник, поднятый ангелами-спасителями из глубин Преисподней, и ставший новообретённым праведником, и ныне проходящий самое суровое испытание, пребывая в демоническом теле, но проходящий его достойно, ибо, вместо того, чтоб стать демоном, он стал Ангелом Тьмы, скользющим по тонкой грани миров. И именно потому ему доступны

приёмы ангелов и демонов, которые он обращает во благо.

— Это всё правда? — я поспешно схватилась за его ладонь и, опустив её, взглянула на Эладаила. — Разве бывают Ангелы Тьмы?

— Бывают даже Демоны Света, — проворчал он. — Но это очень сложно. Давай вернёмся к нашим насущным проблемам.

Он снова поднял ладонь к моим глазам. Сквозь сомкнутые веки я видела слабое свечение его руки, которое постепенно начало темнеть, и я оказалась в тёмном коридоре. Я двигалась странно, медленными тяжёлыми шагами, причём не потому тяжёлыми, что мне было тяжело идти, а потому что каждый мой шаг дрожью отдавался в плитах пола. При этом я видела всё вокруг почти на 360 градусов. Наконец, я поняла, что это воспоминания Эладаила, когда он шёл по храму в образе Синего грифона.

Впереди показалась прямоугольная арка, из которой лился рассеянный оранжевый свет. Грифон вошёл в эту арку и двинулся вперёд по большому прямоугольному залу с высоким потолком. Здесь тоже были колонны вдоль стен, каждая из которых была окована железным кольцом с тремя факелами, ровно горящими, и дающими достаточно света, чтоб осветить нижнюю часть зала, верхняя же терялась в темноте. Впереди на высоком кубе стояло каменное тёмное изваяние грифона, очень похожего на того, в чьём облике я шла сейчас по залу, но его клюв и когти были больше и острее, грудь закована в броню, а перья на крыльях представляли собой остро заточенные клинки.

Из-за колонн выскакивали чёрные фигурки с мечами, но, едва коснувшись грифона, они вспыхивали и опадали снопами искр на каменный пол. Потом из темноты полетели стрелы, они ломались о бока зверя, не причиняя ему вреда. Вокруг статуи на высоком постаменте стояли одиннадцать жрецов с жезлами в руках, скованные меж собой длинной цепью. Эта цепь опутывала высокую колонну, на вершине которой, запрокинув голову и разведя руки в стороны, застыл Барнар.

Услышав шум, он обернулся и, гневно взглянув на непрошенного гостя, крикнул:

— Что тебе здесь нужно, Эладаил?

При этом он взмахнул рукой, и между алтарём и грифоном возникла пелена, похожая на стекающий с потолка синеватый пар. И всё пропало. Эладаил отнял ладонь от моих глаз.

— Пара бочонков пороха, если положить прямо под статую, — сообщила я. — А что это за пелена?

— Подол Тьмы, как они это называют. Пробриться можно, но это довольно болезненно и отнимает силы.

— Хорошо, постараемся зайти с другой стороны. Можно ли незаметно доставить порох в святилище?

— У них есть кое-что получше, — заметил он, задумчиво глядя на клубящийся за пределами площадки туман. — Кровь Тьмы, как они это называют. Они вообще любят сочинять такие названия. У них есть жидкость, которая воспламеняется на воздухе. Она позволяет плавить камень. Они используют её для создания своих статуй. Их божество требует жертв, но здесь некого приносить в жертву, поэтому они периодически все сливают часть своей крови в кувшин, а потом заливают её в отверстие постамента.

— Этого будет достаточно, чтоб уничтожить статую, или просто приведёт к тому, что просядет постамент?

— Хорошо, добавим пару бочонков пороха. Для верности, — согласился он.

— И как поменять кровь жрецов на кровь Тьмы? И как доставить в святилище порох?

— Телекинез, — пожал плечами он.

Я снова вспомнила, как Джулиан превратил отравленное вино в молоко с мёдом, лишь проведя рукой над кубком.

— Примерно так, — согласился Эладаил. — Но как поджечь порох?

— С помощью лазера, — я показала ему «оленебой», который всё ещё сжимала в руке.

Он молча кивнул и задумчиво опустил голову, а я снова поймала себя на том, что с умилением смотрю на его белоснежные локоны и серебристые ресницы, на нежную руку, которой он поддерживал изящный подбородок, уперев локоть о колено.

— На самом деле это всё не так сложно, — произнёс он, наконец. — Я знаю, как переместить два бочонка с порохом из арсенала и уложить их у ног изваяния. Поскольку постамент высокий, то снизу их не будет видно, а Барнар не станет до поры подниматься на свою колонну, потому что всегда сам вливает кровь в отверстие в камне. Тебе будет нужно поджечь порох сразу после того, как он сделает это.

— И как я туда проберусь? — озабоченно спросила я.

— На крыльях под потолком. Там достаточно темно.

— Тем хуже. Я свечусь в темноте.

— Они не увидят этого, потому что пока Барнар пойдёт с кувшином через зал, они все будут стоять на коленях, уткнув носы в плиты пола. Он не обернётся, потому ты можешь следовать прямо за ним.

— А как я проникну в зал?

Он недоверчиво взглянул на меня. Я нерешительно пожала плечами, чувствуя себя непроходимой дурой.

— Посмотри на храм, — спокойно и терпеливо произнёс он. — Что ты видишь?

Я послушно взглянула наверх и ответила:

— Руины.

— Как ты выбралась из зала?

— Я пролетела сквозь стену. Хочешь сказать, что все эти толстые стены, мощные колонны и тяжёлые потолки — иллюзия?

— Не все, но большая часть. Руины сохранились, а недостающая часть замещена иллюзией. Тебе повезло попасть именно в такой участок стены.

— Жаль, что колонна, о которую я звезданулась, была не иллюзорной, — проворчала я.

— Я покажу тебе, где можно влететь и где вылететь наружу. Сразу после взрыва ты поднимешься наверх и сквозь крышу покинешь зал. На всякий случай, я останусь неподалёку, чтоб наблюдать за тем, что будет происходить. Я вижу сквозь эти стены, но если я буду внутри, меня заметят, потому что я не просто свечусь, я излучаю сильный свет. В полумраке зала они сразу заметят, что стало светлее.

— Я поняла, — кивнула я и посмотрела наверх. — И когда мы это сделаем?

— Скоро. Давай поднимемся вверх, в тумане подлетим к крыше. Я посмотрю, что происходит внизу, и покажу тебе, где стены ненастоящие.

Он поднялся и раскрыл свои четыре крыла. Я недоумевала, зачем ему ещё одна пара, но это было так красиво, что я почувствовала лёгкий укол зависти и конечно жаркую волну восхищения. Эладаил взмахнул крыльями и мгновенно поднялся на несколько метров. Я поспешила за ним и поняла, зачем ещё два крыла. Все его крылья работали слаженно, и при этом каждым он мог управлять отдельно, потому его полёт был лёгким, быстрым и маневренным, он мгновенно разворачивался и менял направление. И хотя я считала себя

мастером полёта и воздушного боя, здесь я могла только поспевать за ним, энергично работая крыльями, в то время как он иногда приостанавливался и, зависнув в воздухе, оборачивался, чтоб подождать меня, лениво покачивая нижней парой крыльев. Я так точно не умела.

Туман, действительно, был серым и душным, словно сырой дым, правда, без запаха гари. Здесь Эладаил старался не отдаляться от меня, чтоб я его не потеряла. Он-то меня видел, а вот я его нет. Пару раз ему даже пришлось окликнуть меня, когда я теряла направление. Вскоре он сообщил, что пора спускаться, и я полетела вниз и с удовольствием покинула эту душную пелену.

Внизу чернела глянцевая поверхность чёрной двускатной крыши, напоминавшей античные храмы.

— Встань рядом со мной, — произнёс он, спускаясь ниже.

Он легко опустился на крышу, я встала рядом с ним.

— Ни шагу в сторону, мы стоим на плите, которую поддерживают три уцелевшие колонны, — сообщил Эладаил и снова поднял руку к моим глазам.

Мне не нужно было поворачивать голову, чтоб окинуть взглядом крышу храма. Должно быть, Эладаил сам внимательно осматривался вокруг. Это были руины, обычные руины, правда, расчищенные от каменных обломков. Все уцелевшие стены и части колонн и потолка были укреплены, и между ними призрачно серебрились недостающие детали. Внизу по длинным галереям и коридорам ходили чёрные рыцари. Их было много, они передвигались, внимательно оглядывая все углы. Наверно стражники у выхода уже сообщили Барнару, что мы поднялись в туман, а значит, могли оказаться где угодно.

Потом я увидела арсенал, большой зал, где между колоннами были сложены бочонки с порохом, на полках у стен стояли кувшины, запечатанные глиной. И по всему пространству зала — козлы с копьями, алебардами, огромными луками, мечами, ящики со стрелами. В конце зала несколько человек бодро колотили молотами по наковальням, видимо, изготавливая новое оружие.

— Куда им столько? — удивилась я.

— Со мной воюют, — без эмоций пояснил Эладаил. — Я могу переместить жидкость из сосуда с кровью Тьмы в кувшин с их кровью. Ну, и возьму бочонки с порохом, и закину их вон туда.

Я увидела большой зал, в дальнем конце которого на каменном кубе стояла статуя грифона, а вокруг неё всё так же молились скованные цепью жрецы с жезлами.

— Наверно жезлы служат приёмниками энергии, — предположила я, — а потом по цепи перетекают к колонне, на которой стоит Барнар. Там он её и выпитывает.

— Не исключено, — равнодушно ответил Эладаил. — Смотри внимательно на стены и крышу церемониального зала и запоминай места, где нет каменных преград. От этого будет зависеть, сумеешь ли ты незаметно пробраться внутрь и быстро и безопасно выбраться наружу.

Я внимательно посмотрела туда. У меня профессиональная память на всякие схемы, чертежи и карты, поэтому я хорошо запомнила, где остались эти самые преграды.

— Готово, — кивнула я.

— Пока это всё. Тебе лучше отдохнуть, а я послежу за ними. Когда они начнут собирать кровь в кувшин, я тебя позову.

Он снова раскинул крылья и прыгнул с плиты, на которой мы стояли. Я последовала за

ним. Оказавшись внизу, мы прошли по длинному запутанному коридору и, спустившись по лестнице, попали в подземелье. Здесь потерять его из виду было невозможно. Даже если бы я не видела в темноте, мне не грозило наткнуться на стену, потому что от ангела-стража струился во все стороны довольно яркий белый свет. И если у меня светились только руки и лицо, то он излучал свет и своими доспехами, и даже длинным серебристым плащом.

Он провёл меня в низкое помещение, где у стены стояли ящики, корзины и запечатанные сургучом кувшины.

— Это их запасы, — проговорил Эладаил. — Они принесли их с собой и с помощью магии научились умножать. Если тебе нужна еда, можешь брать всё, что хочешь. Вон там есть лежанка, довольно пыльная, ею уже давно никто не пользуется. Отдыхай. Я скоро вернусь.

Он направился к выходу.

— А если кто-то из них придёт сюда? — спросила я, брезгливо оглядываясь по сторонам.

— Это вряд ли. Они уже давно не нуждаются в подобной пище.

— А что они едят? — насторожилась я.

— Ящериц, крыс и скорпионов, которых тут в достатке. Не волнуйся, к ангелам эта живность и близко не подходит... Впрочем, и к демонам тоже, — пробормотал он и удалился.

Я какое-то время ещё видела на стене подвала отсветы, а потом стало темно. Я осмотрелась. Есть мне не хотелось, особенно умноженную с помощью магии еду, которой, возможно, уже несколько столетий. Ангел вряд ли заморачивается её свежестью, а вот мне совсем не хотелось отравиться. Потому я достала из кармана пенал с пищевым концентратом и проглотила одну горошину. Воды у меня не было. Это меня немного расстроило, но делать было нечего. Я пошла вперёд и вскоре нашла кушетку. На ней лежало какое-то пыльное тряпье, и я скинула его на пол. Ложиться не стала, села в позу лотоса и закрыла глаза. Почему-то мне вспомнилось упоминание о крысах, ящерицах и скорпионах. Я беспокойно поёрзала. Может, к ангелам они и не приближаются, но к людям очень даже могут.

Открыв глаза, я осмотрелась, внимательно прислушалась и, не уловив вокруг никакого движения и не услышав ни шороха, немного успокоилась. Снова закрыв глаза, я расслабилась, чтоб немного отдохнуть и подумать. Я попала в очень необычную ситуацию, повстречалась с ангелом и кучей демонов, втянувшись в какую-то авантюру с взрывами и при этом всю информацию имею только со слов парня с четырьмя крыльями, которого вижу впервые в жизни. Самое печальное, что я здесь одна, и, что я здесь, никто не знает, и, случись со мной что-то плохое, спасти меня будет некому. Правда, последнее время я часто попадала в такие странные ситуации, но в отличие от этой, я действовала с позиции силы. Всё-таки я ангел с мечом, пусть и не ангельским. Но здесь это никого не впечатляло. Я столкнулась с кодлой злых духов, которые уже привыкли к противостоянию с огромным небесным грифоном, легко превращавшимся в ослепительного пятиметрового ангела, потому моя маленькая фигурка с железным мечом тут выглядела довольно жалко.

А собственно, что я знаю о своём новом партнёре? Только то, что он мне сказал. А, может, есть что-то, чего я не знаю? Почему он сам не мог справиться с этими колдунами? Ну, да, их много, но их оружие не опасно для него. И как тогда они сумели разоружить его и ещё наложить какую-то печать? Что это за печать? Почему её можно разрубить только

ангельским оружием? И почему ему нужно, чтоб я участвовала во всём этом? Раньше он не мог придумать что-то такое? Ну, скажем, ангелы вообще не очень разбираются во взрывчатке. В темноте он светится, как маяк, а значит, незаметно пробраться в зал не может. К тому же эта странная пелена, этот Подол Тьмы... Кстати, а на меня она подействует? А почему нет, если действует на него? Одна надежда — быстро и решительно смыться посредством вертикального взлёта. Это моя любимая тактика отступления в атмосферном бою с истребителями. Там этого никто не ожидает, и это даёт фору, не говоря уж о том, что не каждый пилот может сходу так вырулить. Так что, может быть, то, что я человек, даёт мне некоторые преимущества.

И всё же, всё же, всё же... Если у меня не получится, если меня схватят, если меня тут убьют? Что будет с моими ребятами? Я почему-то была уверена, что только я могу увезти их домой. И что будет с моей семьёй? С моими детьми? А если меня тут, не дай Бог, заточат, и я буду веками томиться в этом жутком мирке, в котором с нежностью и ностальгией буду вспоминать о том мире, откуда пришла.

В общем, мысли мои были тревожными и унылыми. И наверно я всё-таки немного устала от переживаний, потому что уснула. Надо ли говорить, что мне приснился ангел с огненным мечом, высокий, златокудрый, в белой тунике и золотом нагруднике. Он парил на широких белых крыльях над той самой злополучной статуей грифона в церемониальном зале, а я застыла в растерянности посреди толпы врагов, сжимая свой меч, от которого, по моему мнению, не было тут никакого проку. И в следующий момент тот ангел как-то очень знакомо ринулся в самую гущу чёрных рыцарей, разя их налево и направо своим сияющим клинком. Он двигался легко и изящно, каждое его движение неизменно достигало цели, а крылья двигались так изящно и опасно, что каждый их взмах сметал с площадки двух-трёх противников.

— Что ты стоишь, как на параде, Джосер! — крикнул он, внезапно обернувшись ко мне, и свободной рукой указал вверх: — Уходим, быстро!

Я посмотрела туда и увидела, как камни потолка расходятся подобно тучам, а за ними сияет чистый свет Небес, который я узнала сразу. Душа моя затрепетала от радости и, взмахнув крыльями, я взлетела и помчалась туда, но тут что-то схватило меня за ноги, опутало, как паутина, сжало крылья и потянуло вниз. Я видела, как взлетел золотоволосый ангел и в последний момент обернулся и печально взглянул мне в глаза. Он исчез в уменьшающемся просвете, и камни снова сомкнулись в тяжёлый непроницаемый купол.

Я услышала свой крик: «Эллай!» и проснулась.

Эладаил сидел напротив меня на корточках и с интересом смотрел мне в лицо.

— Значит, его зовут Эллай, — кивнул он. — Это командир третьей когорты легиона спасителей.

— Ты знаешь его? — уточнила я, растирая затекшую спину.

— Не встречал, но знаю, как и тебя. Пошли? Они уже собирают кровь. Скоро начнётся церемония.

— Пошли, — кивнула я, сползая с койки, и на всякий случай спросила: — Ты уверен, что у нас получится?

— Да, — без тени сомнения ответил он. — Порох я уже переместил под статую. Как только Барнар запечатает кувшин, я подменю жидкость. Идём, я отведу тебя в конец зала за стеной. Когда получишь мой знак, можешь действовать. И прошу, ничего лишнего! Влетишь за спиной жреца, доберёшься до статуи, как только он вольёт жидкость, — не раньше, но и

не позже, — поджигаете порох и — резко вверх.

— Хорошо, — кивнула я, с недовольством замечая, что его боевой настрой мне не передался.

Но отступать было некуда. В коридоре он взлетел и я, следуя строго за ним, пролетела сквозь каменные плиты перекрытий и балки потолка. Вылетев за пределы храма, мы опустились на небольшую площадку перед внутренним фронтоном. С другой стороны был такой же фронтон другой части здания.

— Жди здесь, — проговорил он. — Постарайся не выходить за пределы этой части крыши в окружности десяти локтей...

— Греческих, римских или персидских? — мрачно уточнила я.

— Прости, пяти метров. Иначе свалишься вниз. Прямо перед тобой вход в зал, — он сунул руку в стену фронтона, и она свободно прошла сквозь неё. — Окажешься в трёх метрах под стропилами. Постарайся не наткнуться на арочные своды, некоторые из них ещё уцелели, но и слишком низко не опускайся. И помни: уверенность в успехе...

— Это половина успеха, — кивнула я, покосившись на чёрную каменную стену, сквозь которую мне предстояло пройти.

— Больше. В данном случае это и есть успех. Не все сны вещие, такими их делают те, кто в них верит.

Он снова выпустил крылья и взлетел вверх. Я видела, как он опустился на край крыши, внимательно глядя вниз, сквозь толщу иллюзорного камня. Я вздохнула. Он был прав, но ужас, который я пережила во сне, и обиду на то, что ангел Элай бросил меня на растерзание врагам, слишком сильно повлияли на меня. Я до сих пор переживала эти чувства, и теперь я совсем не была уверена в успехе.

Эладаил повернул голову и внимательно посмотрел на меня. И снова он был прав. Мне нужно собраться и настроиться на победу. Я выпрямилась и расправила плечи, убеждая себя: «У меня всё получится! Как всегда!»

Больше я ничего подумать не успела, потому что Эладаил поднял руку. Я невольно напряглась, готовясь к рывку вперёд. Посмотрев на стену, которая выглядела очень натурально, я с тоской подумала, что у меня духу не хватит ринуться на неё. Но в этот момент он махнул рукой и я, зажмурившись, рванулась вперёд и очутилась в пустоте. Лихорадочно взмахнув крыльями, я открыла глаза и увидела, что уже нахожусь внутри зала. Прямо передо мной, вдоль мрачных колоннад тянулся выложенный серой плитой проход, по которому медленно и чинно шёл Барнар с большим кувшином в руках. Его широкий плаш волочился по полу. По сторонам от него на коленях и, пригнув головы к полу, стояли рыцари, десятки, сотни чёрных неподвижных спин, согнутых в поклоне статуе грифона. Стараясь не хлопать крыльями, я полетела вслед за магистром. Он приблизился к постаменту и протянул руку к его стене, второй прижимая к себе кувшин. Должно быть, он что-то зацепил на постаменте, потому что часть его откинулась, образовав подобие небольшой круглой раковины.

Сняв с кувшина крышку, он тут же принялся лить жидкость в раковину. Она зашипела и задымилась, но его это почему-то не смутило. Возможно, он удивился, но виду не подал. А я тем временем подлетела ближе и немного опустилась вниз, чтоб разглядеть под брюхом каменного грифона два тёмных бочонка. Выбросив на ладонь бластер, я вернулась к наблюдению за Барнаром. Наконец, он опустил кувшин и снова закрыл раковину, запечатав отверстие в кубе.

И тогда я выстрелила и тут же ринулась вверх. Я знала, что прямо надо мной нет настоящих каменных плит. В какой-то момент я испугалась, что сейчас паутина опутает мои ноги, но произошло нечто совсем другое. Грянул мощный взрыв, который взрывной волной отбросил меня на колонну. Я сильно ударилась правым крылом и на мгновение потеряла сознание, а потом мне ещё добавило градом каменных осколков.

Я падала вниз, пытаюсь расправить крылья и снова попытаться сбежать. В зале царил суматоха, слышались крики, звон оружия. Я развернулась и уже готова была снова взмыться к потолку, когда увидела, как Барнар, свирепо смотревший на меня, выбросил вперёд руки, и ко мне покатила та самая серая пелена, которую они называли Подол Тьмы. Она моментально облепила меня, как паутина. При этом мне показалось, что она сделана из жидкого азота, потому что была ледяной. Она мгновенно сковала всё моё тело не только своими путами, но и пронзительным судорожным холодом.

Все рыцари в чёрных плащах с капюшонами с диким воем бросились ко мне с явной целью разорвать на куски, но Барнар вскинул руку, и я вместе со своим коконом поднялась на семь метров над полом. Я была неподвижна, но недосыгаема для полчищ демонов, и оттуда, с высоты я могла видеть, как медленно оседает и заваливается на сторону каменный куб постамента, верх которого тоже был разворочен взрывом. Потом внешняя твёрдая оболочка лопнула, раздался странный булькающий звук, и постамент растёкся по полу густой серой жижей. Это, наконец, привлекло внимание чёрных рыцарей. Они обернулись, но тут с потолка спикировал огромный синий грифон.

Барнар издал гневный протестующий крик, рыцари выхватили мечи, но грифон опустился в самую середину каменной лужи и погрузил в неё клюв. Через мгновение он взмыл вверх на своих четырёх крыльях. В его клюве ослепительно блистал синим огнём крупный кристалл. Я успела разглядеть его, как яркую искру во тьме, он исчез за стеной вместе с грифоном.

Барнар бросился вперёд, потрясая кулаками и изрыгая проклятия на непонятном мне языке, чёрные рыцари орали и воинственно махали мечами, но дело было сделано. Эладаил забрал свой меч. Вот только, похоже, ему пришлось расплатиться за это моей свободой.

Надо отдать должное тёмному магистру, он быстро успокоился и вспомнил обо мне. Обернувшись, он посмотрел на меня и подошёл ближе.

— Назойливый, мелкий и глупый ангел! — с презрением процедил он. — Ты всё испортил и заплатишься за это! Ты уничтожил нашу святыню и помог нашему врагу бежать, но за это ты заплатишь своей жизнью. Святилище мы восстановим, и ты будешь первой жертвой, которую мы принесём на новый алтарь!

Я не ответила, а печально посмотрела вверх, туда, куда улетел синий грифон.

— Он бросил тебя, — ядовито объяснил Барнар, поняв причину моей печали. — Он ангел Белых Небес, и насекомое подлунных Синих для него лишь расходный материал. Он — ангел-страж, средоточье Света и благодати, он выше вас, жалких, грешных и столь многочисленных, что потеря даже сотни таких, как ты, для него вполне допустима. Ты не жалеешь, что помог ему?

— Нет, — ответила я.

— А зря, потому что для ангелов Золотых и более высоких Небес свойственно пренебрежение жалкими смертными. Вспомни, как они выжигали целые города по приказу своего Бога, память об этом сохранилась у всех народов всех миров, соседствующих с ними. Он лишь воспользовался твоей помощью, чтоб добыть свой меч и освободиться. Я уверен,

что сейчас он уже поднимается в горние выси, уронив скупую слезу о твоей несчастной участи. Они так любят мучеников, потому что, рассказывая о таких глупцах, как ты, они могут вдохновлять на глупые жертвы всё новых наивных простаков. Знаешь, почему он отправил тебя сюда одного? Потому что он боялся Подола Тьмы — единственного, что могло совладать с ним. Именно так мы и пленили его. Мы забрали его меч и наложили на него печать плена. Знаешь куда? Он не сказал тебе? На копчик! Конечно, он упустил эту пикантную подробность...

— Ничего пикантного, — раздражённо заметила я. — Муладхара-чакра расположенная в этой проекции, отвечает за использование первозданной энергии Кундалини, и если её запечатать, она ограничит возможности перемещения в астральных мирах! А ты этого не знал? Конечно, ты же поставил ему печать туда же, куда тебе поставили клеймо со змеёй! Ты только и можешь сотрясать воздух и подражать своему неведомому покровителю, которого в глаза не видел? Думаешь это Синий грифон? Ничего подобного. Это грязный бледный старик с чёрными когтями. И ты сам уже превращаешься в его подобие! Разве не видишь, как белеет твоя кожа, чернеют твои ногти, искажаются твои черты? Так что если я проиграла сейчас, то ты проигрываешь всё время. И отвали от меня со своими умозаключениями.

Мне было холодно и страшно. И я была зла. Барнар мрачно смотрел на меня и молчал. Видимо, я задела его за живое. Ничего, пусть задумается о своём будущем.

— Глупый ангел, — наконец, криво усмехнулся он, — что бы ни ждало нас в будущем, ты этого уже не увидишь. Но ты можешь продлить свою жизнь, если поклонись нашему властелину. Тогда мы будем брать у тебя кровь для жертвы, оставляя достаточно для жизни.

— Такая жизнь не стоит предательства, — попыталась пожать плечами я и снова невольно посмотрела вверх.

Мне отчаянно хотелось, чтоб Эладаил вернулся и освободил меня. Ведь теперь у него есть меч, и он без труда справится с этими демонами, если сражался с монстрами Тьмы на её рубежах.

— Он не вернётся, — словно прочитав мои мысли, заявил Барнар. — Ему это ни к чему. Он освободился и забрал свой меч. Теперь он может вернуться к своему высокому служению, которое, конечно, важнее, чем жизнь маленького глупого ангела. Присоединяйся к нам. Не считая небольшого кровопускания изредка, твоя жизнь будет не так плоха. Или ты верен Небесам, даже после того, как Эладаил подставил и бросил тебя здесь?

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я меняю свои убеждения в зависимости от чужих поступков, — ответила я и закрыла глаза.

Так было ещё хуже, потому что пронизывающий холод, от которого я могла отвлечься, глядя на Барнара и возражая ему, теперь заполнил не только моё тело, но и мою душу. Впрочем, душу он заполнил ещё и потому, что мой сон в какой-то мере сбылся. Я попала в паутину и ангел меня бросил.

Барнар ещё разглагольствовал о чём-то, но я не слишком прислушивалась, страдая от холода и одиночества. Наконец, ему это надоело, и он принялся орать на своих подчинённых, требуя немедленно очистить зал от обломков статуи. Постамент растёкся такой ровной плитой, что зеркально поблескивал новым полом, да и убрать его было проблематично, потому что эта каменная гуща уже начала застывать.

Приоткрыв глаза, я увидела, как рыцари, засунув свои мечи в ножны, принялись прибираться в зале, а Барнар ходил среди них и поносил их за глупость и нерасторопность

последними словами. Так он участвовал в общей работе.

Я же со временем словно застыла в холодной оболочке. Мне казалось, что живёт только мой мозг, но и он лишь сонно следил за проплывающими мимо невесёлыми мыслями.

«Блажен, кто верует», — припомнилось мне. Красиво сказано, но в словах Барнара был смысл. Эладаил не человек, он сущность, хотя и сущность, сотворённая из Света. Но именно такие, если верить Библии, когда-то восстали против Бога. Особой любви к людям они не испытывали, да и с чего бы? Они всегда были выше, ярче, сильнее, светлее, и прекрасно сознавали это. Да и Эладаил, который при всём желании не мог создать для себя облик, не являющийся идеальным по человеческим меркам, прекрасно знал, что он — совершенство по сравнению с людьми. А что для него я? Маленький, перерождённый несколько раз человек, побывавший на Небесах в составе группы спецназа, которую бросали в самое пекло. Ну, «бросали» — это сильно сказано. Скорее всего, сами рвались... Я задумалась, пытаюсь вспомнить хоть кого-то из этой группы, и не смогла. Только образ Эллая из моего сна снова возник в памяти, но теперь он, при всей своей красоте, не грел мне душу. А что другие? Я не помнила их, хотя возникло приятное чувство братства, поддержки и ничем не замутнённой дружбы. Впрочем, это чувство мне было знакомо и на Земле в обычном человеческом общении.

«Странно как-то, — продолжала думать я. — Вот если Эладаил мог переместить под статую порох, то неужели сам не мог поджечь его? Он же сказал, что управляет огнём, а огня в зале достаточно. Или ему просто нужно было, чтоб я оказалась там и отвлекла на себя чёрных рыцарей? И не только рыцарей. Возможно, Подол Тьмы является оружием, то есть может быть применён одновременно только против одной цели, в данном случае против меня. Барнар использовал Подол Тьмы, и уже не мог обратить его против Эладаила, а тот, ничего не опасаясь, напрямик рванулся к растекшемуся постаменту и отыскал свой меч. А ведь он сразу предложил залить кровь Тьмы в отверстие каменного куба, и, скорее всего, знал, где искать. Значит, возможно, он уже догадывался или точно знал, что синий кристалл спрятан в постаменте. Он же умеет читать мысли, может, и у Барнара в голове вычитал, где его пропажа, но мне не сказал. Ему нужно было устроить большой взрыв, чтоб противники отвлеклись от звучно булькнувшего и растекшегося постаменту, и он успел забрать меч. То есть, он фактически использовал меня. И что? Это значит, что он меня бросил на произвол судьбы? В данном случае отсутствует прямая причинно-следственная связь. Что, я не знаю этих ребят? Правда, сталкивалась я, в основном, с Блуждающими Богами, а они живут по правилу: „В беде, быть может, не оставлю, но до беды уж точно доведу“. Ну, и если Эладаил меня подставил, то вовсе необязательно, что он теперь меня бросит в моём бедственном положении».

«По вере вашей дано будет вам», — высокопарно прозвучало в мыслях. Не лишено смысла, кстати. В другой книжке, которую я читала в детстве, была другая хорошая и менее высокопарная фраза: «вера предшествует чуду». То есть если верить, то обязательно сбудется. Ну, да, сбывается не всегда, но в данном случае я всё-таки имею дело с ангелом. Я припомнила его лицо, и душа снова замерла в упоении и немом восторге. Расставаться со светлым и прекрасным видением не хотелось. Я даже почувствовала, как тёплый золотистый свет от его руки струиться в моё тело, наполняя его силой и спокойствием.

— Эй, ты! — услышала я голос Барнара. Он стоял внизу и недовольно смотрел на меня. — Я хочу, чтоб ты смотрел, как мы готовим место для нашего повелителя, которому мы принесём тебя в жертву. Ты скоро умрёшь.

— Слушай, заткнись! — проворчала я, недовольная тем, что он прервал мои мечтания о синеглазом страже Небес.

Барнар нахмурился.

— Ты что-то слишком груб для ангела.

— Ага, это потому что я в теле человека. Тело ты убьёшь, ограничения, связанные с ним, отпадут, а характер, между прочим, останется. Ты уверен, что хочешь этого?

На какое-то мгновение на его лице отразилось беспокойство, но потом он гордо выпрямился.

— Наш повелитель с тобой справится!

— Это будет интересно, — пробормотала я и снова закрыла глаза.

Я уже легко и спокойно вернулась к созерцанию светлого синеглазого образа и продолжила наслаждаться ощущением тепла, пронизывающего моё тело. «Нет, Эладаил меня не бросит, — твёрдо решила я и расслабилась. — Мы, ангелы, своих не бросаем. И не только ангелы, но это уже из другой оперы».

— Эй, ты, — снова крикнул Барнар. — Ты должен смотреть!

— На что тут смотреть? — разозлилась я. Его физиономия казалась ещё более уродливой после лика стража Небес. — Процесс уборки и установки декораций меня не впечатляет. Подскажешь, когда начнётся шоу, ладно?

— Что такое шоу? — насторожился он.

— Это когда перья из твоего хвоста выдёргивать начнут! Представление это. Или что там вы собираетесь устроить? Вот перед началом и скажешь, чтоб я успела подготовиться морально, сконцентрироваться на цели и с ходу приступить к действиям, как только освобожусь от пут земных. Тебя я убью первым, и это будет акт милосердия с моей стороны. А теперь не мешай мне медитировать.

— Что? — опешил он.

— Прозревать Небеса, от синих до... какие там у нас самые высокие?

Он издал злобное рычание и отвернулся. В это время один из рыцарей уронил на пол корзину с осколками статуи, и они рассыпались по полу. Барнар с гневным криком обрушился на него, а я, проворчав пренебрежительно: «Дилетанты...», снова закрыла глаза.

Мне было уютно и спокойно. Тепло, несмотря на путы, разливалось по моему телу. Я мысленно любовалась ангельским ликом Эладаила, и на моём лице сияла умиротворённая спокойная улыбка. Барнар несколько раз подходил, что-то орал и всеми силами пытался испортить мне настроение, но я пребывала в нирване, удивляясь тому, как здорово у меня это получается. Мысли мои успокоились и плавно текли от Синих Небес к Золотым, дальше к Белым, Розовым, Пурпурным, Жемчужным, сквозь которые уже пробивался неизъяснимый свет самых высоких и чистых Небес. Это путешествие было медленным и приятным, как будто я плыла по широкой реке, лёжа в лодке, глядя на зелёные берега, прекрасные города, а надо мной сияли родные небеса.

«Пора», — подумалось мне. Я глубоко вздохнула и открыла глаза. В зале было относительно чисто и чёрные рыцари снова занимали свои места вокруг того места, где ещё недавно стоял постамент со статуей грифона. Жрецы опутались своими цепями и достали жезлы. Пока они окружали гладкую, как зеркало, площадку, Барнар мрачно наблюдал за мной. Что-то его явно тревожило, возможно, моя безмятежность. Заметив, что я открыла глаза, он произнёс:

— Сейчас мы начнём...

— Валяйте, — разрешила я.

— Если ты думаешь, что моих сил не хватит, чтоб снова призвать повелителя, ты ошибаешься, — раздражённо проговорил он. — Я достаточно силён, чтоб вызвать его. Сейчас ты убедишься...

— Удиви меня, — кивнула я.

— Когда он явится, я спущу тебя вниз, наклоню над чашей и перережу горло.

— А потом у тебя вырастут рога, копыта и хвост, и ты станешь тёмным властелином мира. Не запутайся в горностаевой мантии с непривычки, — проворчала я.

Он обиженно фыркнул и повернулся к площадке. Всё стихло. Мне почему-то уже не было ни холодно, ни страшно. Барнар довольно долго молчал, видимо настраиваясь на магическое действие. Джулиан говорил, что главное в магии настрой, а не слова, которые произносит тот, кто её практикует. Та самая вера в то, что ты делаешь. Потому я немного подумала и сообщила:

— А у тебя вся спина белая!

Он дёрнулся и, обернувшись, свирепо взглянул на меня. Я с трудом удержалась от того, чтоб показать ему язык. Может, зря удержалась? Он снова отвернулся и на этот раз начал что-то бормотать, медленно поднимая руки. Слова, которые он произносил, сливались в звонкую чеканную дробь, и от них воздух в зале начал дрожать. Мне стало не по себе. Потом я заметила, что в зале начало темнеть, словно тьма туманными клубами выползала из углов и заполняла всё вокруг. Факелы на колоннах тускнели и теряли цвет, словно кто-то переключил изображение на чёрно-белое. Меня охватило ощущение странного и жутковатого сна, и я снова почувствовала ужас, медленно поднимающийся со дна души. В наступивших густых сумерках слышался только чеканный голос Барнара, а потом в сгустившейся тьме на площадке что-то возникло, странные и пугающие очертания парили над каменным полом, наливаясь плотной тёмной материей. И вскоре уже можно было различить новую статую грифона, занявшую прежнее место, правда, пока без постамента.

Голос Барнара смолк. Он опустил руки и устало выдохнул:

— Он вернулся.

Факелы вспыхнули с новой силой, и в их оранжевом сиянии засверкала синим оперением фигура грифона, застывшего в горделивой позе. Он был совсем как живой, а потом поднял голову и неожиданно издал густой громоподобный рёв. Барнар отпрянул, но грифон уже поднялся на дыбы, раскинув свои белые крылья, и воссиял ослепительным светом Белых Небес, превращаясь в огромного ангела с огненным мечом. Вопли огласили зал, а я отвернулась и зажмурилась от этого слепящего света, который снова начал меркнуть. Когда я открыла глаза, ко мне решительно направлялся Эладаил, сжимая в руке огромный меч с пламенным белым клинком.

Ему достаточно было взмахнуть этим мечом, чтоб мои пути распались, осыпавшись на каменные плиты горящими лоскутами. Я рухнула следом, но застыла в паре метров над полом, Эладаил задержал моё падение одним взглядом и аккуратно поставил на пол. Это было странно, но моё тело не затекло от долгого пребывания в неудобной позе.

— Я знала, что ты вернёшься за мной, — заявила я.

— Конечно, я всё время был рядом, — кивнул он и огляделся.

Чёрных рыцарей в зале не было.

— Они?.. — начала я.

— Спрятались в катакомбах, — пояснил он. — Если я здесь, стало быть, там меня нет.

Его меч исчез, а на тыльной стороне ладони засиял оправленный в золото плоский голубой кристалл.

— Ты знал, что он в постаменте? — спросила я, глядя на браслет.

— Эта мысль пришла мне в голову во время нашего разговора.

— И ты отправил меня сюда, в надежде, что Подол Тьмы спеленает меня, и ты без помех заберёшь своё оружие?

— Меня устроил бы и другой вариант, — не стал спорить он. — Если б взрыв отвлек их и рассеял ближайšie к постаменту ряды, я бы успел добраться до меча, и тогда Подол Тьмы был бы мне уже не страшен. Но всё получилось удачнее для меня и очень неудачно для тебя. Но я и не думал тебя бросать. Я хотел вернуться сразу, как только удастся активировать меч, но услышал слова Барнара, и понял, что у нас есть время. Я освободился от печати плена и выбрал подходящий момент для возвращения. Всё это время я поддерживал тебя, разве ты не чувствовала?

— Мне следовало понять, что это ты, — кивнула я. — А почему ты не светился, когда появился здесь?

— Я подумал, что меч от меня закрывало не заклятие, а кровь демонов, текущая по жилам камня. И я просто облился той, которую заменил кровью Тьмы. Не слишком приятно, но это сработало. Потом она просто сгорела и испарилась с моих перьев и шкуры. Ещё вопросы есть? Я думаю, что оставаться здесь становится небезопасно. Барнар не труслив и не глуп. Он наверняка использует это время на то, чтоб перегруппировать свои силы и придумать очередную хитрость. У него могут быть в запасе и другие игрушки Тьмы.

— Полетели, — кивнула я, раскрывая крылья.

Мы поднялись к потолку, и Эладаил первым проскользнул сквозь тяжёлый свод, а я не успела. Меня за ногу вдруг схватило что-то горячее и потянуло вниз. Я с ужасом посмотрела туда и увидела огненное лассо, которое обвило мою лодыжку. И в следующий момент раздался орлиный клёкот. Из стены храма вылетел синий грифон и, схватив меня поперёк туловища, понёс через зал. Петля соскользнула с моей ноги, и я вместе с ним вылетела за пределы храма. Грифон поднимался всё выше, он погрузился в серый туман, который через какое-то время начал клубиться и чернеть. Вокруг стало сыро и холодно, а потом в гуще туч замерцали ветвистые белые молнии.

Гроза грохотала со всех сторон, и в этот миг державшие меня когтистые лапы разжались, и я полетела вниз, в клубящуюся чёрную бездну, насыщенную электричеством.

Я закричала от ужаса и проснулась. Я лежала под пледом в своей постели в комнате, в замке на Грозовой горе. За стеной привычно шумел нескончаемый дождь, за окном сверкали молнии и изредка слышались раскаты грома. Было тепло и уютно. В камине тихонько догорали дрова. На столе в бронзовом подсвечнике оплывала свечка. Я приподнялась и села, размышляя над тем, что это было? Очередной странный сон, или я, правда, побывала в том странном измерении, где встретила ангела-стража Эладаила. Я закрыла глаза, и его лицо снова возникло перед моим мысленным взором. Нет, я не могла выдумать его. Он был, это точно, но кроме невероятно ярких воспоминаний, у меня ничего не осталось от этого приключения. И я знала, что через какое-то время его черты начнут расплываться в моей памяти, и это всё будет казаться сном.

В дверь постучали, она приоткрылась и в комнату заглянула головка Мисси.

— Я принесла обед, — сообщила она и, войдя, поставила на стол поднос.

— Сколько меня не было? — спросила я у неё, и девочка удивлённо посмотрела на

меня.

— Я приносила вам завтрак, и вы были здесь. Так что я не видела вас не так долго. А что?

— Ничего, — пробормотала я и посмотрела на поднос, где блестели жиром куски жареного мяса и ломти тыквы с аппетитной хрустящей корочкой.

— Это оленина, — обрадовано сообщила она. — Зикур со своими ребятами несколько дней бродили в горах и подстрелили двух оленей. Одного они обменяли на хлеб и овощи в деревне. Купили ещё бочонок пива, но вы его не пьёте, потому я налила вам в кубок вина. Господин Эл говорит, что для вас я должна брать лучшее из погребов.

— Значит, Зикур только что вернулся?

— Ну, да, он сейчас сидит в кухне у камина, и от его мокрой одежды идёт пар. Пока мы жарили мясо, он рассказывал нам об охоте. Что вы хотите на ужин?

— Если есть, то пару яблок и сыр, — сказала я. — И кружку отвара трав.

— Я заварю сама, — кивнула она и ушла.

Я притянула колени к груди и задумалась. Итак, в замке я отсутствовала максимум несколько часов. К тому же я никак не могла говорить с Зикуром, которого уже несколько дней здесь не было. Значит, это всё-таки был сон. Очень странный сон. Я откинулась на постель и закрыла глаза. Лик Эладаила снова засиял передо мной. Мне очень хотелось, чтоб это не было сном, что где-то там, в Белых Небесах обитает ангел-страж с синими глазами, и, может быть, когда-нибудь я снова встречу его. К тому же он сам сказал, что то измерение находится вне пространства и времени, значит, я могла побывать там, и вернуться сюда вскоре после того, как ушла. А то, что всё началось с моей беседы с Зикуром, который в это время ещё не вернулся с охоты, вообще ничего не значит. Ещё тогда мне показалось, что его рассуждения слишком глубоки для бродячего рыцаря. За его маской мог прятаться кто-то другой, тот, кто предложил Эладаилу присоединить его узилище к своему игровому полю. И тогда вся эта история выглядит вполне логично.

Какое-то время я ещё лежала, раздумывая, нельзя ли как-то вызвать Эладаила. Вызывают же демонов! Но я хорошо помнила, что ангелы слишком скромны, или просто им надоели бесконечные восторги и умилённые взоры, и потому они являются незримо, просто чтоб поддержать, помочь и спасти, и так же тихо отбывают на Небеса. А потому встреча с ним случится нескоро, если случится вообще.

А потом до меня донёсся запах жареной оленины, я вспомнила, что с моего завтрака прошло уже очень много времени, и пора, наконец, пообедать. Потому я поднялась, села на диванчик у камина и придвинула к себе поднос, а над моими ресницами потихоньку плыл светлый лик ангела-стража с такой нежной улыбкой, какую наяву мне так и не посчастливилось увидеть.

Капитан королевской гвардии Сен-Марко Александр Карнач не спеша шёл по казарме, внимательно глядя по сторонам. На широком настиле вдоль стен были аккуратно расстелены чистые одеяла, а на них сидели рыцари, занимаясь своими делами: кто-то чистил оружие, кто-то чинил одежду со шноровкой опытной швеи, кто-то писал письмо домой, высунув от усердия язык и старательно выводя грубой рукой корявые буквы. Некоторые спали, положив головы на скатки плащей, а в углу собрались игроки, с приглушёнными возгласами бросавшие кости на одеяло. На мгновение он задержался возле молодого рыцаря, который стянув сапог, разглядывал грязные пальцы ноги, торчащие из протёртого чулка. Его волосы были взлохмачены, а рубаха на спине задралась.

— Приведи себя в порядок, Малкольм, — сквозь зубы процедил Карнач, брезгливо глядя на него. — И никакого рванья! Король платит тебе достаточно, чтоб ты не позорил его своим видом.

Парень испуганно взглянул на капитана и поспешно спустил ноги под лавку, спрятав рванный чулок. Но Карнач уже шёл дальше, продолжая примечать любую недопустимую небрежность в казарме. Здесь было чисто, узкие окна под потолком в любую погоду были открыты, чтоб обеспечить помещение свежим воздухом. Длинный стол с узкими скамьями по сторонам был выскоблен добела, очаг в углу вычищен, а дрова аккуратно сложены возле стены в поленницу. Ему потребовалось немало терпения и усилий, чтоб приучить местных гвардейцев к чистоте и порядку, но теперь, глядя на их блестящие латы и расчёсанные, относительно чистые гривы, он был вполне доволен. Доволен был и король, когда это стадо наёмников превратилось в отряд вышколенных бойцов. Ворчавшие сперва рыцари и сами скоро заметили, что отношение короля и придворных к ним изменилось, им всё чаще перепадали награды и подарки, вместо грязных улиц они теперь патрулировали коридоры дворца и крепостные стены, и оказались вхожи в круг придворных, вечно толпящихся в залах, предваряющих королевские покои. Потому они и сами уже следили за своим внешним видом, усердно копируя привычки и манеры капитана и его приближённых рыцарей.

Сам Карнач, высокий, с широкими плечами и узкими бедрами, неизменно прямой осанкой и высоко поднятой головой, выделялся среди рыцарей сверкающими дорогой отделкой латами и тщательно начищенными сапогами. Его чёрные, не по здешней моде коротко стриженные кудри, разобранные на прямой пробор, и гладкое смуглое лицо с широкими скулами и орлиным взором карих глаз, делали его одним из самых красивых рыцарей при дворе. Его руки были такими же мозолистыми, как и у других, из-за ежедневных упражнений с мечом, но никто никогда не видел траурной каймы под ровно постриженными и тщательно отполированными ногтями. Дамы любили, проходя мимо него, нечаянно оступиться, чтоб быть любезно подхваченными этими красивыми сильными руками, но, увы, получив вдобавок лишь любезную улыбку, они бережно препровождались дальше своим путём, ни секунды лишней не задержавшись в тёплых объятиях.

Близкие к нему рыцари были так же хороши собой, чисто вымыты, и их густые волосы блестели отнюдь не от излишней сальности. Они, как и их капитан, были хоть и галантны, но при этом неприступны, что приводило дам в отчаяние, а нередко и вселяло в их души неуёмный азарт в попытках соблазнить кого-нибудь из гвардейцев. Может, кто-то из землян и не прочь был поддаться на их уловки, но все они слишком хорошо помнили

предупреждение капитана о том, что местные лекари лечат известные болезни испарениями ртути, которые весьма вредны для организма, а потому предпочитали не рисковать, в крайнем случае, печально опуская глаза и ссылаясь на принесённые некогда обеты целомудрия.

Лучше всех этот спектакль получался у Игната Москаленко, чьи огромные чёрные очи наполнялись при этом неизбывной печалью, а алый бутон губ жёстко сжимался, демонстрируя упрямое намерение во что бы то ни стало быть верным этой клятве. Его забавляла реакция дам, что несколько утешало, учитывая, что среди его поклонниц было довольно много действительно соблазнительных особ.

В этот час Игнат только сменился с караула и присел в конце стола, куда один из слуг, обслуживающих казарму, принёс ему миску с наваристой похлёбкой, ломоть хлеба и кружку жидкого эля — наиболее крепкое питьё из тех, что Карнач допускал в казарме. Капитан только хотел присесть рядом с другом, когда на пороге казармы возник один из рыцарей и с наслаждением выкрикнул привнесённое землянами в лексикон гвардейцев условное слово:

— Шухер!

И тут же игроки в конце зала поспешно подхватили с ложа кости и рассыпанные рядом монеты, рассовали их по карманам и с невинным видом отодвинулись друг от друга, глядя в разные стороны.

Вслед за тем рыцарем на пороге возникла представительная фигура в странном кожаном доспехе с подобием крылышек на плечах, и Карнач с ехидной улыбкой, раскинув руки, двинулся навстречу.

— Кого я вижу! Господин Джинхэй! У вас уже закончились женские подвязки, что вы собрали у нас в прошлый раз? Или на сей раз вас интересуют шёлковые чулки? Или, может, дешёвые книжонки с виршами бездарных поэтов, которые продаются на ярмарках за медную монету и за которые у нас принято сидеть в тюрьме? Так мои рыцари не настолько нежны, чтоб зачитываться стихами, и предпочитают книгам мечи и алебарды!

Сидевшие на ложе рыцари с удовольствием наблюдали за спектаклем, который разыгрывает их капитан, насмехаясь над высокомерным дикарём, возглавлявшим личную охрану короля, и потому наравне с главой тайной полиции имевшим право рыться в грязном белье любого придворного и горожанина. Вот только граф Раймунд поручал это своим сыщикам, да и то, имея какие-то причины для подозрений, а Джинхэй, похоже, получал удовольствие, собственноручно перерывая личные вещи гвардейцев.

И на сей раз он не обратил внимания на явную издёвку в голосе капитана. Холодно глядя на него своими узкими чёрными глазами, он отчеканил:

— Велите вашим людям покинуть помещение на время обыска, капитан.

— Вы неисправимы, Джинхэй, — делано вздохнул капитан и осмотрелся по сторонам. — Господа, благодаря вниманию к вашим персонам сего верного слуги короля вы все получаете внеочередной выходной. Выметайтесь отсюда. И как всегда помните, все, кто явится после смены вечернего караула или не сможет пройти при свете факелов по бревну от начала до конца, ночевать будут в карцере. Если узнаю о дуэлях, драках или разбое с вашей стороны, отправитесь служить в пехоту. Свободны.

Рыцари, радостно улыбаясь, принялись одеваться, отсчитывать монеты, чтоб сложить их в кошельки, натягивать сапоги и навешивать на пояса мечи и кинжалы. Облачившись в форменные гвардейские плащи, они гордо проходили мимо подозрительно шурившегося на них начальника королевской охраны. Вскоре в казарме кроме Карнача и Джинхэя остались

только не двинувшийся с места Москаленко, сидевшие в стороне Булатов и Стаховски и лениво вставший с ложа Валуев. Он тоже вышел следом за всеми, но затем вернулся и, кивнул, взглянув на товарищей:

— Все ушли.

Он остался у дверей, подпирая спиной косяк и глядя в конец галереи, чтоб вовремя предупредить о внезапном визитёре. Джинхэй кивнул и расслабился, опустив плечи, украшенные тройными наплечниками.

— Устал? — с участием спросил Карнач. — Пойдём, поболтаем. Может, вина?

— А сухой закон? — усмехнулся Джинхэй.

— Мои правила, мои исключения. Стэн, принеси из моей каморки кувшин и кубки.

Джинхэй усмехнулся, прошёл к дальнему концу стола и, изящным движением откинув плащ, сел на скамью напротив Игната. Рядом присел Карнач.

— Спасибо за ярлык, Джин, — оторвавшись от еды, произнёс Москаленко. — Я всё понял.

— Надеюсь, — кивнул тот и повернулся к Карначу. — Объясни ещё раз всем, что такими вещами не разбрасываются.

— Сделано, старик, — кивнул тот. — Расслабься.

Стэн принёс из задней небольшой комнатки, где жил Карнач, кувшин и четыре оловянных кубка. Поставив их перед сидевшими, он присел на скамью в сторонке.

— Эти не пьют, — пояснил Карнач, указав на него и Булатова. — А Ваня присоединится, когда его на шухере сменят.

— Я посторожу, — поднялся с места Булатов и пошёл к выходу.

Когда Валуев сел рядом с Москаленко, Карнач внимательно посмотрел на гостя.

— Вид у тебя усталый, парень.

— Так заметно? — уточнил тот.

— Ну, теней под глазами нет, но взгляд измученный. Глаза не врут. Достало всё? Как там поживает наш деспот и тиран?

— Верещал полдня, — проворчал Джинхэй. — Маленький барон увёл у него из-под носа одно из самых богатых имений королевства.

— Как это? — заинтересовался Игнат.

— И что за маленький барон? — добавил Иван.

— Барон Делвин-Элидир, маленький любимец короля Армана, — пояснил Джинхэй. — Только явился в город, как выцарапал из храма святой Лурдес самую богатую невесту королевства. Женился втихаря и спешно на дочери де Сансера.

— И что шуметь? — не понял Стэн.

— Де Сансер — один из богатейших баронов Сен-Марко и вассал короля. И Ричард по умолчанию считал, что вместе с жизнью старика ему принадлежит и его имущество, а это огромные плодородные угодья, два десятка богатых деревень, пять торговых городов с сезонными ярмарками и серебряные рудники за Рекой восьми омутов. Так бы оно и было, если б старик выдал дочь за другого вассала Сен-Марко, но её мужем стал независимый барон, к тому же богатый и своенравный. Король был в ярости, швырялся вещами, чуть не разбил вазу о голову сенешаля, поскольку считалось, что Делвин-Элидир обхаживает его дочь.

— И чем дело кончилось? — уточнил Карнач.

— Как всегда внезапно Ричард перестал орать, расхохотался и принялся восхищаться

ловкостью и наглостью этого парня. Он хищник и любит хищников, так что молодой барон у него в фаворе. Кстати, я присутствовал при их разговорах. Этот Делвин-Элидир не по годам умён, сдержан и видно, что себе на уме. Ричард не дурак и быстро понял, что имущество де Сансера от него уплыло, поскольку его единственная дочь и наследница вышла замуж за вольного барона. К тому же де Сансер может обойти её наследством, оставив всё зятю. Зато тот сейчас приобрёл ещё большее влияние при дворе, а, стало быть, его нужно держать в друзьях. Со временем этот парень может весьма продвинуться, если не натворит глупостей.

— Например? — Карнач внимательно посмотрел на Джинхэя.

— При дворе сейчас идёт перестановка сил, в авангард выдвигается военная аристократия. Борьба обостряется. Своим рискованным ходом Делвин-Элидир привлёк на свою сторону некоторых колеблющихся баронов, потому что усилил свои позиции. Но он и обозлил врагов. Утром виконт Монтре потирал руки, полагая, что теперь новый фаворит впадёт в немилость, но когда понял, что Ричард простил его, да ещё, похоже, удвоил ожидания, пришёл в ярость. Против него будут интриговать. Мелкие ошибки король ему простит, да он и сам выкрутится. За крупные могут изгнать, но поскольку отношения у него с королём коммерческие, большее ему не грозит. А вот если обвинят в измене...

— А Ричард не может обвинить его, чтоб прибрать к рукам его имущество?

— Не он дал — ни ему взять. Имущество будут делить родственники и соседи. Но вот головой он поплатится. Впрочем, перед войной он королю нужен и вряд ли тот будет слушать Монтре.

— И всё же, если ему что-то будет угрожать, подскажи, — попросил Карнач.

Джинхэй вопросительно прищурился, глядя на него.

— Я встречался с ним по рекомендации старпома с «Пилигрима». Парень мне понравился. Хотя мы друг другу ничего не обещали, но я постарался его обаять. Между нами установились довольно тёплые... — Карнач постучал пальцем по кувшину с вином, — дружеские отношения. Он подскажет мне, если что, я — ему. С моими ребятами он не контактирует, о тебе, обещаю, не узнает. Но если нам всем придётся идти на войну, то свой человек среди военачальников пригодится.

Джинхэй задумался, потом кивнул и отпил глоток вина.

— Хорошо, буду иметь в виду. Только за исключением случая, если он явно будет втянут в заговор. Впрочем, не вижу причин, с чего бы ему мутить сейчас против короля. Теперь о деле. Принесите мне перо и пергамент.

— Бумага сгодится? — нахмурился Игнат. — Знаешь, сколько пергамент стоит?

— Тогда плотную, если есть. Оршанин просил карту. Я видел её сегодня, потому и пришёл. Я нарисую, вы передадите, и пусть срочно убирается из города.

— У нас всё готово, — кивнул Карнач, пока Игнат ходил в каморку за бумагой и письменными принадлежностями. — Барон согласился чуть придержать отряд, который собирается отправить в своё имение, чтоб они взяли Оршанина с собой, вывели из города и проводили до городка Грингартен. Оттуда с купцами он доедет до земель луара, а там уже сравнительно безопасно.

Получив плотный лист желтоватой бумаги, Джинхэй расстелил его перед собой и, тщательно осмотрев перо, достал кинжал и очинил его, после открыл чернильницу и быстрыми чёткими штрихами принялся рисовать. Остальные следили за ним, не отрывая глаз, а из под его пера выходила красивая карта, вроде тех, что они видели в музеях, куда он встраивал маленькие изящные и легко узнаваемые значки, обозначающие плавающие

ориентеры.

— Вот что значит навыки каллиграфии, — с некоторой завистью восхитился Игнат.

— У китайцев это в крови, — пояснил Валув. — Порисуешь с детства такие иероглифы, поневоле каллиграфом станешь.

— Ты ничего не напугаешь? — забеспокоился Карнач. — Нашему парню в одиночку по этим скалам пробираться.

— Я — профессионал и он тоже, — спокойно ответил Джинхэй. — У меня фотографическая память, а у него — умение интуитивно читать любые карты и схемы.

— Инспектора! — усмехнулся Игнат.

— Извиняюсь, — пробормотал Карнач, — просто представить не могу, как можно с одного раза запомнить эту мешанину линий и значков.

— Я тоже запомнил, — подал голос Стэн.

— Рад за тебя, — скептически заметил Игнат.

— Не отвлекайте его, — шикнул Карнач, и все замолчали.

Через полчаса Джинхэй закончил работу и откинулся, придирчиво изучая результат.

— Всё правильно, — наконец, кивнул он. — Подписывать не стану, на случай, если карта попадёт в чужие руки.

— Спасибо, брат, — улыбнулся капитан и, сложив карту, передал её Москаленко. — Игнат, завтра пойдёшь в увольнительную и зайдёшь в дом барона. Передай карту Кириллу и попрощайся за нас. Пусть будет осторожен.

— Сделаю, — тот сунул карту за пазуху.

Джинхэй потянулся и, махом допив вино, поднялся.

— Хорошо с вами, но мне пора на службу. Где тут у вас подвязки и чулки, чтоб с пустыми руками не уходить?

Валув рассмеялся и, встав, пошёл по казарме, вытаскивая из-под одеял предметы женского гардероба, которые рыцари, подначиваемые им, специально прятали там в ожидании обыска.

Несколько дней после освобождения от цепей Ворон барон Грау пребывал в сомнениях. Он бродил по тёмным коридорам своего замка, сидел на троне в пустом мрачном нижнем зале или углублялся в лабиринт библиотеки, проходя тёмной тенью мимо бесконечных полок. Его рука скользила по корешкам книг, пока он не останавливался, чтоб взять увесистый том и листать его, пробегая глазами строки, написанные на давно умерших и забытых языках в поисках ответа. Увы, ответа не было, а его проблема тяготила своей неразрешённостью. Логичный выход из сложившейся ситуации выглядел слишком простым и при этом небезопасным. Наконец, он решился, и тёмной ночью, в самый глухой и беспросветный час обратился в птицу и вылетел из окна своего замка.

Его путь лежал в луар, и, пролетев над неприступными стенами оборонных колец, он пронёсся дальше на чёрных широких крыльях, оставив под собой безмолвную громаду дворца. Спустившись в маленький дворик перед чёрным фасадом храма, он вернул себе человеческий облик и, сжав рукой поблескивающий в темноте посох, вошёл под тяжёлые своды. В зале никого не было, и он двигался в тишине, осматривая внутреннее убранство, по его мнению, вполне подходящее для почитания особы графского достоинства. Впереди уже показалась статуя с крыльями, которую он, благодаря своему демоническому зрению, видел целиком. Статуя была хороша, и он на какое-то мгновение замер, разглядывая её и мерцающие надписи на древнем языке, который тут же всплыл в его памяти неясным воспоминанием, доставшимся от предков. При этом он вовремя заметил мрачные фигуры с мечами, которые выступили из-за колонн. Это были смертные, и хоть он явственно ощущал струящуюся вокруг них тёмную энергию, они были неопасны. Впрочем, они думали иначе, и собирались отстаивать свой храм перед лицом чужака.

— Я не собираюсь биться с вами, — спокойно заявил он. — И я не собираюсь с вами говорить. Я пришёл к вашему хозяину, Ангелу Тьмы. У меня для него есть деловое предложение.

Это замечание было адресовано уже не им, и потому он возвысил голос, посмотрев на статую. Ответом было беззвучно возникшая перед ним чёрная воронка портала. Тёмная энергия закручивалась по краям, уходя в никуда, располагавшееся в её центре. Ворон посмотрел на воронку настороженно, но это было явное приглашение, и, отказавшись войти, он отказался бы от встречи, о которой сам просил. Потому, даже не взглянув больше на колдунов с мечами, он уверенно вошёл в воронку, сжимая свой посох.

Сделав пару шагов в темноте, он оказался на круглой, мощёной камнем площадке, окружённой выщербленной временем зубчатой стеной. За её пределами внизу расстилалась сумеречная безжизненная равнина без признаков растительности, что говорило, что над ней никогда не восходит солнце. Зато небо было пронизано острыми иглами белых звёзд, собирающихся в узоры созвездий. За пеленой лёгких облаков, края которых прохладно серебрились, угадывался тонкий серп молодой луны. Этот вид был столь неожиданным, умиротворяющим и пленительным, что он не сразу заметил сидящего между зубцами рыцаря в серебряных доспехах. Его зелёные глаза мерцали в глубоких глазницах, а неосязаемый ветер мягко перебирал длинные вьющиеся локоны.

— Вы хотели меня видеть, барон, — услышал он вкрадчивый баритон, и заметил рядом с собой внезапно появившееся большое кресло, своими мягкими очертаниями похожее на

грозовую тучу. Подозрительно взглянув на него, Ворон остался стоять, и рыцарь холодно улыбнулся: — Что-то не так? Это же просто кресло!

— Не уверен, что это так, господин граф, — возразил Ворон. — Я чувствую в нём сущность. Какой-то мелкий демон. Ваш любимец? Конь или собака?

— Или медведь? — усмехнулся рыцарь. — Он меняет образы, как и положено грозовой туче, руководствуясь моими и собственными желаниями.

Лёгкий наклон головы — и кресло проворно проехало на колёсиках по площадке и, остановившись рядом с хозяином, развернулось, приглашая его в свои любящие бархатно-мягкие объятия. Ворон небрежно щёлкнул пальцами левой руки и за его спиной возник резной трон из нижнего зала замка.

— Интересный дизайн, — одобрил граф, внимательно осмотрев спинку кресла, в которой проглядывали демонические лица.

Ворон сел, вглядываясь в лицо Ангела Тьмы. Тот с любопытством смотрел на него.

— Господин граф, — наконец произнёс Ворон, — вы появились здесь недавно, и предъявили права на храм Ангела Тьмы. Никто их не оспорил, насколько мне известно. Это навело меня на мысль, что вы находитесь в своём праве, после чего я навёл справки и получил наилучшие рекомендации, возможные в данном случае. И я хочу предложить вам сделку.

— Я тоже слышал о вас, господин барон, — кивнул тот. — И весть о том, что вы пребываете в этом маленьком затерянном мирке, меня изрядно удивила. Когда-то, довольно давно, я знал вашего деда, но он вскоре исчез из моего поля зрения. Я и подумать не мог, что он нашёл своё пристанище там, на этой затерянной в космосе планете.

— Там? — Ворон невольно окинул взглядом тёмную равнину. — А где мы? Я чувствую себя странно. Я бывал во многих искусственных и естественных измерениях, я умею создавать их, и потому чувствую энергии, протекающие по ним, я чувствую отголоски проносящихся по ним ветров и мыслей, и таким образом могу понять, насколько они стабильны и велики. Но здесь я не чувствую границ и течения энергий.

— Потому что мы не в отдельном измерении, — ответил тот. — Это один из бесчисленных и дальних уголков великой и бесконечной Тьмы. Он нравится мне тем, что здесь я могу чувствовать себя в полном покое и одиночестве, ведь тут можно веками бродить, не наткнувшись на затерянную душу. Хотя их немало бродит здесь в тишине, никогда не встречаясь друг с другом. Они странные, эти души, и часто избирают для себя такие причудливые искупления. Впрочем, не стоит о них. Я вижу, что недавняя встреча с ангелом оставила на вас болезненный след.

Ворон смутился и невольно коснулся пальцами лба, на котором всё ещё темнел отпечаток ангельской ладони.

— Откуда вам это известно? — резко спросил он.

— Они иногда могут быть очень жестоки, — улыбнулся граф. — Уж я-то знаю. Их милосердие бывает беспощадно.

— Как это верно... — вздохнул Ворон.

— Я уверен, что этот шрам постоянно мучает вас обжигающей болью. Вам приходится удерживать сосредоточенность, чтоб не дать благодати, попавшей на ваше чело, распространиться по всему телу, отравляя и сжигая вас изнутри. Но я могу помочь и избавить вас от этой отметины.

— И что взамен? — насторожился Ворон.

— Всего лишь доступ в вашу библиотеку, — невинно улыбнулся Ангел Тьмы.

— Это невозможно! Если вы знали моего деда, то вам известно, что мы не воители, мы хранители тёмной мудрости. И исчезнув из Преисподней много веков назад, он перебрался сюда, в этот никому неизвестный затерянный мир с одной лишь целью — хранить библиотеку Пятого храма Тьмы от всех, кто может заинтересоваться ею. Вы понимаете, что она недоступна смертным, и не интересуется ангелов Света. Мы охраняем её от не в меру любопытных и амбициозных собратьев.

— Я понимаю, — кивнул граф, — но хочу заметить, что невозможно бесконечно удерживать яд в одном месте. Вы можете забыться, отвлечься, оказаться в беспомощном состоянии в результате магического нападения или битвы за вашу библиотеку. Один момент слабости, и этот огонь начнёт сжигать вас повсеместно и постоянно.

Ворон нахмурился и посмотрел на кристалл в навершии посоха, ярко разгоревшийся в окружении Тьмы.

— Мы долго жили в том мире, граф. Нас не волновали чужие страсти и битвы. О нас никто не знал, потому что мир, ставший нашим пристанищем, не мог и не должен был существовать. Но всё обрушилось в единый миг. Этот идиот, мой братец, раскрыл для мелких бесов наше местоположение, и теперь лишь вопрос времени, когда и тем, кто покрупнее, станет известна тайна библиотеки. Того и гляди, ею заинтересуется кто-то, с кем мне будет нелегко совладать. А потому сейчас для неё ищут новое убежище, куда я отправлюсь вместе с ней. Но пока мы здесь... — он задумчиво посмотрел на своего собеседника. — Я позволю вам пользоваться ею с условием, что вы не станете выносить книги и создавать их копии. Это вас устроит?

— Это справедливо, тем более что я и сам не собираюсь задерживаться в том миреке надолго, — кивнул Ангел Тьмы, поднимаясь на ноги.

Он подошёл к барону и легко коснулся пальцами его лба. Ворон с изумлением увидел, как по его пальцам к запястью заструился золотисто-белый свет. Граф глубоко вздохнул, и на его губах появилась едва заметная улыбка.

— Как вы это сделали? — воскликнул Ворон. — Я думал, вы будете выжигать Свет энергией Тьмы.

— Зачем? Это болезненно для вас и бесполезно для меня, — пожал плечами тот и, вернувшись, с наслаждением рухнул в объятия своего кресла. — Уметь бороться со Светом — великая наука, но умение использовать его — это уже... Впрочем, это детали. Значит, я могу в любой момент посещать вашу библиотеку.

— Я же сказал, — Ворон пожал плечами. — Но я искал вас ради другой сделки. Я хочу предложить вам работу.

— Вот как? Это уже похоже на партнёрские отношения, так почему бы нам не оставить формальности. Я не люблю, когда меня зовут графом, я сразу вспоминаю, что так и не добился титула герцога или хотя бы маркиза. Князья последнее время недолюбливают меня. Что же до Ангела Тьмы, то вы ж понимаете, что это всего лишь временная работа. Зовите меня по имени.

— Кратегус? — на всякий случай уточнил барон и, заметив ободряющую улыбку, кивнул. — Это будет честью для меня. И я прошу вас звать меня просто Вороном. Я всего лишь барон и слишком молод и неопытен, чтоб претендовать на большее. Я чувствую благодарность, потому что после долгих часов мучительной боли, наконец, ощутил на лбу приятную прохладу. Я даже не думал, насколько измучил меня этот ангельский след.

— О, эти ангелы! — рассмеялся Кратегус. — Их следы всегда глубоки и довольно часто весьма болезненны. Так что вам нужно от меня, Ворон?

— Я знаю, что вы — наёмный убийца Ада, охотник на ангелов. Я хочу дать вам заказ.

Кратегус нахмурился, потом холодно прищурился и сложил пальцы перед грудью.

— Я слушаю вас.

— Мне, видимо, придётся рассказать вам предысторию, — вздохнул тот. — Мой дед, только поселившись в новом месте, занимался изучением библиотеки, не вмешиваясь в жизнь обитавших там смертных. Он, как и мой отец, и я, никогда не был ни ангелом, ни человеком. Наш род происходит от древних существей, живших в мире смертных на грани между их миром и миром теней. Они служили посредниками, хранителями мудрости и предсказателями будущего, общаясь в основном с жрецами и волхвами. Затем, когда прежние культы сменились новыми, им пришлось уйти в иной мир, переродившись к жизни в новом качестве. Но мы не испытывали вражды по отношению к людям и Свету, поскольку всегда осознавали естественную дуальность мира, которая в балансе своём стремится к гармонии. И потому мой дед был далёк от вмешательства в жизнь аборигенов, но жить в уединении довольно скучно. Потому они с отцом нашли себе развлечение: стали следить за жизнью смертных, которые вечно ссорятся между собой. Как правило, они выбирали себе каждый сторону в конфликте и делали ставки. Так однажды они заметили созревший в луаре заговор. Дед принял сторону альдора, а отец, будучи молодым и полным огня, — сторону рыцарей-заговорщиков. Заговор провалился, но мой отец так проникся сочувствием к своим фаворитам, что решил им помочь. Это был неразумный поступок, и всё же, чтоб спасти их от пленения и уничтожения, он создал новое измерение, смыкающееся с их миром, и укрыл их там. После этого, когда стороны были разведены, конфликт иссяк, и он, и дед просто утратили ко всему этому интерес. А те рыцари так и остались в том маленьком искусственном измерении.

— Неужели они выжили? — уточнил Кратегус.

— Кажется, да, — неопределённо пожал плечами Ворон. — Но дело не в этом. Недавно мой старший брат поднял против меня бунт. Он нашёл себе сторонника, некоего колдуна по имени Ротамон, и с его помощью он решил поймать меня в ловушку и пленить. Для этого он использовал то измерение и некую сущность... — барон слегка смутился, — которая имеет для меня определённую ценность. Так, некая экзотическая зверушка, которую в детстве подарил мне отец.

— Всего лишь зверушка? — усмехнулся Кратегус. — Вы ещё очень молоды, друг мой, и не знаете, что даже для нас эмоциональная привязанность не является чем-то предосудительным. Семейные и дружеские узы — это удел не только смертных. Иначе, было бы несправедливо, даровав им этот источник радости и силы, начисто лишить такового нас. Потому у тех, кому хватает ума позволить себе слегка привязаться к кому-то, всегда есть возможность найти утешение и развлечься.

— Вы правы, — сдался Ворон. — Это было дорогое для меня существо, моя нянька. Станный и очаровательный демон. Маленькая белая девятихвостая лисичка с остренькой мордочкой, белыми зубками и озорными глазами, превращавшаяся в хрупкую красавицу с фарфоровым личиком и гладкими шёлковыми волосами до пят, которые были белее луны и мягче облаков. С младенчества она укачивала меня на своих белых руках и пела высоким нежным голоском странные песни. Я любил засыпать в пышном ворохе её искристых пушистых хвостов, пахнущих горным снегом и речными орхидеями. Она была ласковой,

шаловливой и бесконечно преданной мне. Однажды, когда я забрёл на границы Тьмы и меня похитили голодные духи, эти безмозглые тени, вечно ищущие кого б сожрать, она едва не погибла сама, но отбила меня у них и приползла домой, таща меня на своей израненной спине. Она была моей спутницей и наперсницей. За прошедшие годы она не стала менее прекрасной и более серьёзной. И да, я был привязан к ней. Какое-то время назад она исчезла. Я был обеспокоен, но вскоре она вернулась и принесла с собой лисёнка. Она сказала, что, как велят традиции, уходила на священную гору своего народа, где обзавелась мужем и детьми. Весь выводок она оставила семье своего лиса, а с собой взяла только одного детёныша. Я был так рад её возвращению, что сразу смирился с тем, что рядом появился этот мелкий визгливый комок шерсти, который без конца тявкал, отвлекая её от меня, и грыз всё, что попадалось ему в зубы. А потом она снова исчезла вместе с лисёнком.

Ворон нахмурился, и его пальцы сжали подлокотник кресла.

— Тогда мы с братом уже начали ссориться, а потом я заметил, что вместе с моей маленькой кицунэ пропало одно из зеркал-ловушек. Я прижал брата и заставил его рассказать, что его приятель-колдун заманил мою лисичку в зеркало, забросив туда её щенка, а само зеркало спрятал в том самом измерении, о котором когда-то рассказывал нам отец. Я отправился за ней, но это оказалось ловушкой. Едва я попал в катакомбы, находящиеся в том измерении, как передо мной появилась эта сущность. Я достаточно силён, чтоб защищать библиотеку, но против этого зверя оказался совершенно бессилён. Мой посох для него не страшнее, чем ивовый прут. Мои первые попытки хотя бы защититься выглядели жалко, я пытался бежать, но вскоре он настиг меня и, схватив своими когтистыми лапами, вонзил мне в спину острый клюв. Случилось то, о чём вы говорили, я был обессилен и повержен. С его стороны было весьма великодушным не убить меня, а выкинуть прочь. А там моим беспомощным состоянием воспользовался мой брат. Он заточил меня и попытался занять моё место. Так или иначе, но мне удалось обрести свободу и убить его. Я закрыл портал, через который к нам могли проникнуть чужаки. Но я не могу перестать думать о моей подружке. Я хочу вернуть кицунэ, но не могу пойти в то измерение один. Я хочу нанять вас. Вы должны охранять меня и защищать, пока я не освобожу лису. Если вам удастся убить ту сущность Света, тем лучше.

— Вы назвали его зверем, — заметил Кратегус. — Говорили о когтях и клюве. Вы уверены, что это существо Света?

— Я не мог ошибиться! — воскликнул Ворон и невольно передёрнул плечами. — Дело было не только в том, что от него исходил свет. Я чувствовал опаляющие меня волны благодати. Не только его прикосновения, но и присутствие были мучительны для меня. Уверяю, это была светлая сущность, причём очень мощная и древняя. Я не ощущал в ней ни человеческой души, ни обособленного духа, только средоточие благодати, словно это было то самое существо, что на заре времён создавались из самой сути Света... — в глазах барона появился священный ужас. — Поверьте, граф, — воскликнул он, забыв о недавней договорённости звать друг друга по именам, — причиной моего беспомощного состояния были вовсе не телесные раны, а то, что они были нанесены именно этим существом. Я был на грани смерти, и только своевременное возвращение во Тьму спасло меня от гибели. Я знаю, что вы умеете сражаться с ними, у вас есть оружие, которое само по себе смертельно для них. Я не прошу вас вступать в схватку с этим существом. Если нам удастся избежать встречи с ним, то я буду счастлив и выполню свою часть сделки. Но я должен попытаться спасти кицунэ из смертельной ловушки. Её дух рассеивается в чёрном омуте зеркала и скоро

будет поздно. Я прошу вас помочь мне!

Ворон с отчаянием смотрел на Кратегуса. Тот задумался.

— Откуда там сущность Света, да ещё такого уровня, если там были всего лишь смертные?

— Я не знаю! — воскликнул барон.

— Что это был за зверь?

— Синий грифон.

— Правда? Как в луаре?

— Раньше я не бывал в луаре. Но да, это был синий грифон. Я за эти дни перерыл множество книг и выяснил только, что ангелы высокого ранга, порождённые во времена Творения, могут иметь вид животных...

— Да, я помню, — проворчал Кратегус. — «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему». Только, боюсь, такие страсти мне не по зубам.

— Вы отказываетесь? — расстроился Ворон.

— Нет, цену набиваю! — раздражённо проворчал Кратегус. — Кстати, о цене. Что взамен?

Ворон растерялся.

— Видите ли, граф, — пробормотал он. — Я родился в своём замке и прожил в нём всю жизнь. Я мало общался с другими и не знаю порядков, царящих в Преисподней. Ну, по крайней мере, в той части, что касается подобных услуг. Мой отец не прибегал к помощи...

— Киллеров? — подсказал Кратегус.

— Наёмных охранников, — уточнил тот. — А потому я не знаю, сколько стоят такие услуги и чем за них платят. Мне нужна ваша помощь, а цену назовите сами.

— Правда? — Кратегус прищурился. — Пока сложно оценить объём услуг, а потому... Давайте я назову цену после того, как они будут оказаны.

— То есть вы согласны? — обрадовался Ворон.

— Да, что с вами сделаешь... Хотя встречаться на нейтральной территории с незнакомым ангелом высокого ранга... Одна надежда на его осведомлённость, мой дипломатический талант и на заступничество...

— Чьё? — удивился Ворон.

— Забудьте! — отмахнулся Кратегус. — Когда отправимся?

— Да хоть сейчас!

Ворон с нетерпением поднялся и увидел, как замер его собеседник. Кратегус напрягся, словно прислушиваясь к чему-то, что было слышно лишь ему. Его настроение вмиг переменялось. Он был озабочен и даже встревожен, а потом слегка отстранённо взглянул на гостя.

— Сейчас не выйдет. Ступайте, Ворон. В самое ближайшее время я вас найду. А пока должен сделать кое-что...

И он исчез, а следом растаяло, подобно рассеивающейся на рассвете туче, и его кресло. Ворон растеряно осмотрелся и увидел позади себя тёмную воронку портала. Ему не осталось ничего другого, как уйти, но, пройдя сквозь портал, он очутился в нижнем зале собственного замка. А это значило, что его новый партнёр знает, где и как его найти.

Внезапное появление Ворона оказалось кстати, и слегка позабавило Джулиана. Ему

всегда доставляла удовольствие эта рискованная игра в демона. Он уже настолько вжился в роль, что порой и сам отождествлял себя с графом Преисподней, хотя прекрасно осознавал, что на самом деле просто отбил у того демоническую плоть, память и прилегающие к этому магические способности. Имя Кратегус ранее принадлежало ему, и лишь позже было присвоено демоном, а потому он с полным правом вернул его себе. И всё же он не мог не понимать, что на самом деле не является тем самым Кратегусом, и потому, столкнувшись с сильным и знающим противником, вполне может быть разоблачён, как самозванец. Впрочем, Ворон был молод и неопытен. Он происходил из древнего рода сравнительно миролюбивых мелких богов какого-то древнего германского племени, не слишком интересовался тем, что происходит за стенами его собственного замка, а потому понятия не имел о странной и запутанной истории демона Кратегуса.

Джулиан уже знал о нём от Даши, и был готов к знакомству, к которому его подталкивал всё возрастающий интерес к таинственной библиотеке. Появление Ворона в роли просителя было, несомненно, удачным стечением обстоятельств. Как Джулиан и надеялся, ему быстро удалось расположить к себе этого демонического юношу и добиться доступа к хранилищу магических премудростей, находящихся под его охраной. Конечно, вероятное знакомство с древним ангелом казалось слегка пугающим, но и здесь Джулиан надеялся как-то выкрутиться, а, оказав парню ещё одну услугу, он мог со временем рассчитывать на продолжение знакомства и, следовательно, сохранить для себя источник древних знаний. Кто знает, что понадобится в будущем?

Он уже готов был отправиться вместе со своим новым приятелем в загадочное измерение, созданное папой Грау, как неожиданно до него донёлся отчаянный зов. Его звали по имени, он узнал этот голос и по безнадёжному и тоскливому тону понял, что один из его ребят попал в беду. Ворон и его лисичка могли немного подождать, а вот Эрик Ченг, судя по всему, ждать не мог. Потому Джулиан, оставив Ворона в растерянности созерцать мрачные красоты Тьмы, поспешил на зов, и неожиданно оказался в тёмной сырой пещере где-то в лесах, подступающих к скалистому горному массиву на востоке континента.

Он какое-то время стоял, глядя в темноту, в которой ощущалось осторожное движение.

— Эрик? — позвал он.

В темноте вспыхнули две красные точки, два маленьких тревожных, лихорадочных огонька, напряжённо глядявавшихся в него.

— Это доктор МакЛарен, — мягко проговорил Джулиан. — Ты звал меня?

— Да.

Это был даже не возглас, а отзвук дыхания. Из темноты появилась тёмная фигура и бледное лицо, с тёмными провалами глаз. Чёрные волосы второго помощника были спутаны и слиплись, губы потемнели. Чёрная куртка «хамелеона» была расстегнута, футболка порвана и под ними проглядывало худое голубоватое тело. Джулиан тревожно осматривал его, а потом подошёл и, взяв руками его голову, тут же почувствовал под пальцами, лёгшими на виски, холодное пульсирующее покалывание.

— Кто это сделал с тобой? — спросил он.

— Я сам...

— Не говори ничего, — остановил его Джулиан. — Просто вспомни, что можешь. Я пойму.

Он закрыл глаза и погрузился в путанные воспоминания Эрика, и спустя минуту снова

взглянул на него.

— Кровь Короля драконов?

— Вы знаете, что это? — Ченг с надеждой смотрел на него.

— Нет.

— Я болен, док. Мне плохо. Я чувствую, что должен пить кровь, но не могу. И не смогу. Легче было бы умереть, но, боюсь, у меня не получится.

— Пойдём наружу... — начал Джулиан, но Эрик замотал головой.

— Я не хочу... Мне мешает свет.

— Я должен посмотреть на тебя при естественном освещении. Несколько минут, потом вернёмся сюда.

Эрик уступил и поплёлся к выходу из пещеры. Снаружи едва занимался рассвет, и голубые небеса бледно сияли, наполняя свечением прозрачную дымку тумана, окутывавшего вершины деревьев под горой. Выйдя из пещеры, Эрик поморщился и прикрыл глаза рукой. Джулиан внимательно осмотрел его. Кожа была бледной и приобрела синеватый оттенок, губы и тени вокруг глаз были просто синими. На руках проступили тёмные вены, ногти почернели.

— Почему тебе не нравится находиться на свету? Резь в глазах? — Джулиан положил руку на его грудь. Сердце едва билось, дыхание было слабым. — Ты когда последний раз ел?

— Несколько дней назад. У меня почти не осталось концентрата. Приходится экономить. А свет... Нет, никаких особо неприятных ощущений. Просто не нравится.

— Это истощение. Прими двойную дозу концентрата, посмотрим, что получится. И не волнуйся, я принесу тебе столько упаковок, сколько будет нужно. Давай.

Эрик кивнул и послушно достал из ячеек на поясе две капсулы и выпил их содержимое. Краски начали стремительно возвращаться на его лицо, вены на руках посветлели. Через какое-то время он выглядел почти как обычно, если не считать спутанных волос и того, что привычная оливковая желтизна его кожи стала пергаментной.

— Ну, вот, так лучше, — кивнул Джулиан. — Твой организм по пока неясной мне причине требует больше питательных веществ, чем раньше. Что ещё?

— Я вижу ауру вокруг предметов. У вас она золотистая, то с фиолетовым, то с зелёным отливом, но проглядывают чёрные лучи.

— Я знаю, — кивнул Джулиан. — Что ещё?

— Я слышу, как бьётся ваше сердце и течёт ваша кровь. А ещё по ночам мне хочется превратиться в чёрную собаку или в ястреба.

— Пробовал?

— Нет. Я хочу превратиться, чтоб отправиться на охоту, а эта идея мне уже не нравится. Мне снятся сны, плохие, чёрные, мне снится сила и могущество. В этих снах я очень жесток, я убиваю людей и пью кровь. Мне нравится вызывать в людях ужас и безысходность. На грани пробуждения я испытываю от этого удовольствие, а проснувшись — страх и отвращение. Ночью я относительно спокоен, а днём появляется мучительное чувство неудовлетворённости. Мне кажется, я много могу, но не хочу даже пробовать. Я превращаюсь в демона-вампира, и мне это не нравится. Думаете, это может быть правдой?

— В этом мире всё возможно. Послушай меня Эрик, — Джулиан присел на траву возле входа в пещеру, — то, что ты подвергся магическому воздействию, не вызывает сомнений. Магия эта тёмная, и её природа мне не понятна. Она вызвала в тебе трансформацию, которую ты чувствуешь, но не принимаешь. Иногда, чтоб понять, надо принять.

— То есть смириться с этим и стать демоном? Как вы? — Эрик опустился рядом на колени и присел на пятки.

— Я говорю тебе это, потому что знаю, что это такое. У меня тоже не было выхода, когда это случилось. Я тоже бился головой о стены. Потом смирился с неизбежным, и развернул это во благо.

— Как просто...

— Нет, не просто. Напротив, очень сложно. Порой кажется, что невозможно. Но пока иного выхода я не вижу.

Эрик покачал головой.

— Я всю жизнь ненавидел свою болезнь, док. Я не хочу погружаться в неё дальше, понимаете? Лучше смерть.

— Странно, — Джулиан откинулся на стену и посмотрел на Эрика, — этот мир даёт всем именно то, чего они желают. Желают по-настоящему, в самой глубине души, порой даже не осознавая этого.

— Нет, — упрямо покачал головой Эрик. — Я этого не хочу, никогда не хотел. Даже в детстве, читая книги о хороших вампирах, борющихся со злом, я не завидовал им. Я просто не мог ими восхищаться. Они были для меня ещё большим извращением, чем я сам. И если у меня нет другого выхода, я придумаю, как с этим покончить.

— Не торопись. Подожди, присмотришься к себе и своим ощущениям, а я попытаюсь выяснить, что такое кровь Короля драконов, и нельзя ли повернуть процесс вспять.

— Думаете, это возможно?

— В магии нет ничего невозможного, но добиться чего-то чрезвычайно сложно. Я обещаю, что буду искать. И если найду, принесу это тебе. Может, тебе лучше вернуться на баркентину?

— Я не уверен в себе, док, — вздохнул Эрик. — Старпом вернулся? Вот, пока он не вернётся, я тоже не вернусь. Я знаю, что, если что, Хок сможет меня остановить. Он будет приглядывать за мной, и в случае чего примет правильное решение. А пока я останусь здесь. Тут на мили вокруг нет людей. Я останусь возле этой пещеры, буду медитировать, заниматься ци-гун и слушать себя. Может, вы и правы, и моё безнадёжное настроение вызвано голодом. Если у меня будет достаточный запас пищи, я смогу поддерживать себя в нормальной форме. В голове прояснится, я смогу наблюдать за собой и, может, пойму, что со мной происходит. Но в любом случае, постарайтесь избавить меня от этого. Мне не нужно никакое могущество. Я боюсь, что не совладаю с ним. Вы же знаете, что я уже однажды из-за всего этого утратил человеческий облик. Я даже ранил Стэна Стаховски и чуть не убил Тонни. Где гарантия, что это не произойдёт снова? Может, не сразу, а постепенно, эта сущность завладеет мной, и я начну пить кровь. Нет, док, только не это. Я хочу жить нормальной жизнью, или хотя бы такой, какой жил до этого.

— Хорошо, я сделаю всё, чтоб избавить тебя от того, что тебе не нужно. А пока я должен оставить тебя ненадолго. Вернусь через час и принесу запас концентрата и обогащённую сыворотку на случай сильного голода.

Он поднялся. Эрик задумчиво смотрел на него.

— Захватите для меня светошумовую гранату, — попросил он. — На всякий случай.

Джулиан со вздохом опустил голову, потом снова взглянул на Эрика.

— Ладно, только не делай глупостей, чтоб мне не пришлось жалеть о своей уступчивости.

Когда через час Джулиан вернулся к пещере, Эрика там не было, но вскоре он появился. Он поднимался по склону из долины, где должно быть, протекала река или ручей. Он был обнажён по пояс, с мокрых волос на бледные плечи стекала вода. По пути он разложил выстиранную куртку на широком валуне и, увидев Джулиана, быстро поднялся к нему.

— Как себя чувствуешь? — спросил Джулиан, передав ему термоконтейнер с запасом сыворотки и концентрата.

— Лучше, — кивнул Эрик и скрылся в пещере, чтоб спустя минуту вернуться уже без контейнера. — В голове прояснилось, и хоть мне по-прежнему страшно, я больше не ощущаю панического ужаса. Наверно всё дело в голоде.

— Твой голод страшнее любого другого, — согласился Джулиан и достал из кармана цилиндр светозумовой гранаты.

— Спасибо, док, — Эрик повертел её в руках, а потом взглянул ему в глаза. — Не беспокойтесь, вам не придётся ни о чём жалеть. Я применю это последнее средство только в случае, если иначе не смогу спасти кого-то от себя. Но, думаю, что всё обойдётся.

— Очень на это надеюсь.

Джулиан подошёл к краю площадки. Вниз спускалась тропа, прямо перед ним раскинулась широкая, покрытая густым лесом равнина. Пышные кроны тонули в сероватой дымке тумана. Вдалеке виднелись голубые скошенные вершины низких гор. Прохладный сырой воздух поднимался снизу, оседая на траве бледной изморозью росы.

— Красиво, — проговорил он и снова присел на траву, глядя на неподвижный тихий океан леса. — И очень спокойно, как будто время остановилось.

— Потому я здесь и задержался, — Эрик сел рядом, скрестив ноги. Его лицо и голос были теперь спокойны. — Здесь всё располагает к тому, чтоб остановиться, задуматься о жизни и о себе. У меня никогда не было на это времени, и я не мог понять, как мой дед, такой энергичный и деятельный, может недели проводить в хижине высоко в горах в полном одиночестве. Теперь я понимаю. Слишком много вопросов, на которые нельзя ответить, но которые необходимо обдумать.

Джулиан задумчиво кивнул. Эрик покосился на него.

— Простите, док, что спрашиваю вас об этом, но... Вы ведь не сами выбрали свою судьбу? Так получилось? Неужели не было пути назад?

— Я сам выбрал свою судьбу, — возразил Джулиан. — Я обменял свою душу на дорогую для меня жизнь, и обратной дороги у меня не было. Тьма редко отпускает добычу из своих когтей, но это не значит, что единственное, что можно сделать, это смириться. Всегда есть шанс развернуть штыки против врага, даже если он сам тебя вооружил. Но мне в этом смысле проще, — он усмехнулся, — поскольку коварство всегда было в моей натуре.

— И вам не хотелось умереть?

— У меня не получилось.

Эрик нахмурился и посмотрел вдаль.

— Как думаете, док, что там было, в той пещере?

— Именно то, что ты видел.

— Демоны?

— Да, демоны. Я знал, что какие-то тёмные сущности просочились сюда через портал из Тьмы, но не знал кто и где. Ты уничтожил их без посторонней помощи. Это было изящное решение, заставить того подземного змея пробить трещину в материковом щите.

— Они точно уничтожены?

— Надеюсь, впрочем, я проверю. Я понял, где та пещера, и слетаю туда в самое ближайшее время.

— Может, есть ещё кто-то... — задумчиво произнёс Эрик. — Тот потерянный легион...

— Нет, — покачал головой Джулиан. — Об этом бы я знал. Скорее всего, бледные кони не успели воспользоваться порталом. Он закрыт и запечатан. Больше никто не проберётся в этот мир с той стороны.

— Вы знаете тех демонов, которых я встретил? Слышали о них?

— Я не могу знать всех, их слишком много. Ты повстречался с мелкой сошкой, слабыми пакостными духами с узкой специализацией. В былые времена я на таких и внимания не обращал. Что ж до дракона, то, не исключено, что это переродившийся бог какого-нибудь туземного племени. Таких тоже много, и они вообще не упоминаются в гримуарах и не бывали в тех кругах Преисподней, где бывал... мой предшественник.

Эрик с любопытством взглянул на него.

— Значит, вы всё-таки не отождествляете себя с тем, настоящим демоном?

— Потому что я — не он. Он — тёмная сущность, а я — человеческая душа. Но он — часть меня, как и та частичка света, которая веками удерживала меня от разрушения и тянула обратно, если не к небесам, то хотя бы в мир живых. В моём случае всё слишком сложно, и я сам до конца не знаю, что я такое и к чему меня может привести моё естество. — Да, со мной всё проще, — проворчал Эрик. — Я просто превращаюсь в киношного Дракулу.

— Ты слишком сильно этому сопротивляешься, — возразил Джулиан. — Думаю, что твоя человеческая душа достаточно сильна, чтоб выдержать любые трансформации тела. К тому же иногда изменения неизбежны. Но если они постепенны и осознаваемы, то к ним вполне можно приспособиться...

— Вы обещали помочь! — сердито перебил Эрик.

— Я сделаю всё, что смогу, но...

— Это может быть невозможно?

— Магия хороша тем, что ни одно превращение не является окончательным и бесповоротным, но плоха тем, что найти способ отменить волшебство очень трудно. Ты не представляешь, какие странные вещи могут понадобиться для того, чтоб снять заклятие: от слезы единорога до уса месячного котёнка, от клинка, закалённого в семи вулканах и семи ледниках на вершинах самых высоких гор мира, и до старой позеленевшей монетки с профилем забытого всеми короля, которая хранится в запасниках музея в каком-нибудь крохотном городке на Балканах. Порой самое сложное — не найти нужный артефакт, а именно узнать, что именно в данном случае понадобится. На востоке порой хватает клочка рисовой бумаги с рядом символов, а в Европе и вовсе достаточно произнести заклинание. Но попробуй узнать, что нужно начертать на той бумажке и какие слова произнести.

— Я понял, док, — грустно кивнул Эрик.

— Я это к тому, что найти лекарство, хоть и сложно, но можно. И я буду искать до тех пор, пока не найду. Но это потребует времени. Может быть, тебе придётся вернуться домой до того, как мы обратим этот процесс вспять, но он, этот процесс, не остановится и не замедлится в ожидании лекарства. Тебе придётся пройти этот путь, и потому нужно запастись мудростью и смирением.

— Но лекарства от своей болезни вы не нашли? — заметил Эрик устало.

— Это не болезнь. Это трансформация духа и материи, довольно болезненная, но в моём случае неизбежная. Твоя проблема вызвана воздействием какой-то субстанции, введённой перорально. Природа этого воздействия мне пока непонятна, как и не ясно, что собой представляла эта субстанция. Именно это мне и придётся выяснить.

— Как всё сложно... — вздохнул Эрик.

— В магии всё сложно. Главное — не падай духом и не делай глупостей. Я буду изредка навещать тебя.

— Спасибо, док. Мне жаль, что я создаю для вас проблемы.

— У меня такая работа — разбираться с вашими проблемами, — усмехнулся Джулиан.

— Даже с такими?

— Учитывая мои способности, да. Ведь ничто не даётся нам просто так. Подумай над этим. Мы скоро увидимся. А пока я слетаю и посмотрю, как там дела, возле той пещеры.

Немного позже, бродя по вершине горы, усыпанной крупными и мелкими осколками скал и ощущая едкий запах нашатыря, он думал о странностях этого мира. Ещё недавно он из-за визита Ворона снова на миг задумался о превратностях своей судьбы, и вот спустя совсем немного времени ему уже пришлось рассуждать на эту тему, пытаясь хоть как-то успокоить Эрика. Совершенно разные события словно нанизывались на единую нить бытия, связываясь одно с другим совершенно необычным способом. И теперь возможность порыться в библиотеке Пятого Храма была для него не просто уступкой природной любознательности, а шансом разгадать загадку, которая поможет ему спасти этого несчастного вампира, который был совсем не рад своей экзотической сущности.

На горе было спокойно. Аммиачные пары, исходящие из трещин, постепенно рассеивались, что говорило о том, что материковый щит самостоятельно залечивал свои раны. Возможно, какое-то время за этими местами сохранится слава гиблого места, но учитывая, что ещё недавно их облюбовали демоны и вампиры, это было даже хорошо. Чем меньше людей будет забредать сюда, тем лучше. И хоть он больше не ощущал вокруг признаков недавнего присутствия опасной нечисти, объявление здесь своеобразного карантина было разумной мерой.

Побродив меж камней, внимательно прислушиваясь к тишине и пытаясь почувствовать мельчайшую вибрацию под ногами, он так и не услышал ничего тревожного. Демоны канули в древний безжизненный океан, и вряд ли когда-либо смогут выбраться наружу. Об этом можно было не волноваться. Однако, некоторые вопросы, которые появились у него после того, как он узнал о приключениях Ченга, тревожили его. И ответ на них мог дать Ворон. Потому, закончив обследование горы, он решил навестить своего нового приятеля.

Странно, как люди держатся за своё естество, думал он, осматривая высокий пустой зал, в конце которого стояло уже знакомое ему кресло с высокой резной спинкой. Никакие приманки Тьмы не могут отвлечь их от стремления к простому счастью просыпаться на заре рядом с любимыми, играть во дворе с детьми, спорить до хрипоты с коллегами на работе, чтоб затем склониться над многократно исправленными чертежами, обсуждая новые решения старых проблем, дурачиться с друзьями, собравшимися на барбекю, и до утра болтать с родителями, выбравшись к ним на выходные. Всё так естественно и просто, как у всех, но за это люди готовы отказаться от силы и могущества, от власти и превосходства, платой за которые стали бы эти маленькие радости жизни. Вот и Эрик, которому жизнь вдруг предложила невероятный опыт трансформации в птицу или ловкого зверя, умение

видеть суть людей и слышать стук их сердец, готов умереть, но не пить чужую кровь. Да и он сам, что бы только не отдал, чтоб однажды почувствовать себя обычным человеком, мужем и отцом. Пусть ему пришлось бы лечить людей с помощью аппаратуры и препаратов, утратив свой дар диагностировать и исцелять прикосновением рук, он был бы счастлив понять, что над ним больше не висит это вечное проклятие и искушение силой, которую он не просил, и которой он не рад.

Все эти игры, захватывающие и жестокие, вдруг показались ему мелкими и ничего не значащими. И куда важнее было снова вернуться домой, подхватить на руки подростковую дочь, прогуляться по холмам с Аликом, взахлёб рассказывающим ему о своей ветеринарной практике в парке Палеолита, и смотреть, как носится вокруг лохматый рыжий колли Джейми, или сесть рядом с Билли за рояль и разбирать вместе с ним сложную пьесу какого-нибудь композитора эпохи барокко. А вечером Жуля в розовой ночнушке протопала бы босыми ножками в библиотеку и вернулась с большой красивой книжкой сказок, которые папа обязан читать на ночь, если, конечно, он не улетел в космос.

Сейчас Жуле вечерами читают её братья, благо их четверо, но папа лишён этого счастья. Он таскается по этому мелкому грязному миру в поисках лекарства от магического вампиризма и собирается схлестнуться с ангелом, который может припечатать так, что от папы даже мокрого места не останется.

— Чем я занимаюсь?.. — проворчал он, остановившись перед креслом и с отвращением вглядываясь в выглядывающие из спинки уродливые лица.

Прозвучавший в зале голос был полон ликования. Даже странно, что этот молодой демон мог радоваться кому-то, как ребёнок. Впрочем, он и был в какой-то мере ребёнком, потерявшим свою любимую лисичку. Джулиан повернулся на его возглас. Ворон в своём чёрно-серебряном одеянии с посохом, с которым, похоже, не расставался даже ночью, стоял в дверях, и его глаз возбуждённо блестел. Второй был скрыт под чёрной волной волос. Интересно, подумал Джулиан, он одноглазый, его скрытый глаз обладает какой-то особой магической силой или это просто своеобразное пижонство? Спрашивать об этом он не стал, а только хмуро кивнул в ответ на приветствие.

— Что-то случилось? — встревожено спросил Ворон, подходя к нему.

— Увы, да, — резко ответил Джулиан. — Я покинул вас потому, что меня срочно вызвал один из моих слуг. Я здесь не один, как вы понимаете.

— С вами другие демоны? — насторожился тот.

— Вы их не чувствуете? Не беспокойтесь. Мои прислужники всего лишь существа и смертные, одарённые различными способностями. Они умны, отважны и преданы. И они нужны мне. Один из них, вампир, был отравлен некой субстанцией, которую назвали кровью Короля драконов. Вы знаете, что это?

— Нет. Но кто его отравил?

— Это самое интересное. Его отравила демоница по имени Аламара, утверждавшая, что она ламия. С ней были три мелких демона: Адерох, Броук и Митус, а также подземный змей Наматар. Мой парень сказал, что они ссылались на вашего брата, из чего я делаю вывод, что это он впустил их в мир, который сейчас принадлежит мне. И это вторжение мне не нравится.

— Я тут не при чём, — забеспокоился Ворон, явно оправдываясь. — Феникс, действительно, открыл портал во Тьму и впускал сюда демонов, но большинство из них ушли обратно. Я уничтожил этот портал. Больше никто не войдёт...

— Но кто вошёл?

— Не знаю. Он не называл их имён. Мне жаль, что он причинил вам неприятности, и я готов каким-то образом исправить положение.

— Мой вампир уже обезвредил упомянутых демонов. Не удивляйтесь, — криво усмехнулся Джулиан. — Я говорил, что мои ребята очень умны. Но я опасаясь, что были и другие непрошенные гости. Я не желаю, чтоб кто-то хозяйничал на моей территории.

— Я постараюсь выяснить, не проник ли сюда ещё кто-нибудь! — воскликнул Ворон.

— А что мне делать с моим парнем? Я не хочу потерять его.

— Я постараюсь узнать, что такое кровь Короля драконов и что является противоядием. Наверняка что-то есть в библиотеке. Я обещаю, что если это там есть, я найду. Но, надеюсь, это прискорбное событие не повлияет на наш уговор. Вы сможете мне спасти кицунэ?

Он с надеждой смотрел на Джулиана. Тот недовольно передёрнул плечами.

— Ваша помощь в поисках диверсантов Тьмы и противоядия для моего вампира — не часть нашей сделки, а возмещение ущерба, который по вашему недосмотру причинил мне ваш брат!

— Конечно, я сделаю всё, чтоб загладить его и свою вину. Но наша сделка в отношении кицунэ в силе?

— И что это за колдун, который помогал вашему брату? — не унимался Джулиан. — Ротамон, кажется! Он без конца путается у меня под ногами!

— Я выясню! — умоляюще простонал Ворон.

— Вы обещали! — фыркнул Джулиан. — Ладно, где ваше измерение со зверем Света? У меня полно дел, так что не будем откладывать.

— И вы не возьмёте никакого особого оружия? — забеспокоился молодой демон.

— Я не знаю, какое мне может понадобиться, а потому предпочитаю сперва разведать обстановку и только потом лезть в драку.

Ворон растерянно смотрел на него.

— Но ведь у вас есть какое-то оружие против них?

— У меня целый арсенал такого оружия. Я не знаю, что нужно против такого зверя. Против обычного ангела сгодится и калогская лабелла, но против ангелов с мечами нужно что-то посущественнее. К тому же бывают просто боевые ангелы, натасканные против мелких бесов, но есть и такие, что бьются с драконами, василисками и левиафанами. Это уже другая весовая категория и против них нужно особое оружие, которое, кстати сказать, лучше лишний раз даже мне в руки не брать. А есть и вовсе гиганты с четырьмя крыльями, которые... Что? — Джулиан нахмурился. — Что у вас с лицом?

— Я боюсь, что упустил одну деталь, — испуганно пробормотал Ворон. — У того грифона было четыре крыла.

— Прекрасно, — пробормотал Джулиан и устало потёр лоб. — Тогда против него у меня оружия нет.

— А что делать?

— Договариваться.

— Как? — Ворон изумленно смотрел на него.

— Добрым словом, пока мы не сможем присоединить к доброму слову что-нибудь посущественнее. На худой конец прибегнем к услугам посредника.

— Какого посредника?

— Того самого, который коснулся нежной ручкой вашего пылающего лба. Но это — на крайний случай. Попробуем справиться сами.

— Да, — тут же решительно кивнул Ворон, — попробуем сами!

Джулиан усмехнулся.

— Впервые вижу, чтоб кто-то предпочёл встречу с пылающим чудовищем общению с... Ладно, неважно. Идём!

Воодушевлённый столь скорым разрешением своих сомнений, Ворон поспешно указал ему на выход из зала и пошёл вперёд. Они прошли по длинной, закругляющейся анфиладе маленьких комнат и оказались на лестнице, которая винтом закручивалась вокруг широкой шахты, уходя верх и спускаясь глубоко вниз. Молодой демон легко сбежал по ступенькам, приостановившись на следующей площадке, чтоб убедиться, что его спутник не отстаёт. Они спускались довольно долго, пока не оказались в начале длинного тёмного коридора и, пройдя по нему, вышли в огромную пещеру, центр которой был пересечён длинным узким мостом из монолитного камня.

Джулиан с интересом осмотрелся. Он видел тёмные выщербленные стены пещеры, едва прикрытые душным серым туманом. Потолок таял в таком же тумане, но сквозь него он видел обломанные сталактиты, бледно посверкивающие вкраплениями кварцевых кристаллов. За пределами измерения он чувствовал глухую и равнодушную пустоту Тьмы. Но и здесь не было ни жизни, ни дыхания, ни мыслей, ни приглушённых криков отчаяния, ни затухающих молитв. Ничего. Этот каменный мешок, столь примитивно скроенный, был пуст.

Какое-то время он пытался почувствовать здесь присутствие ангела. Следовало ожидать, что столь мощная сущность должна была оставить в атмосфере этого мира свой след, но ничего не было. Ни ангелов, ни людей, только раздражающая вибрация тёмной энергии, которая могла быть как стабилизирующей основой этого унылого мирка, так и продуктом жизнедеятельности низших демонов.

— Заприте за нами дверь, — велел он. — Я не хочу, чтоб это существо выбралось отсюда.

Существо Света в этом смысле его не беспокоило, но теперь он уже явственно различал вдалеке стройный хор мужских голосов, от которого по запястьям пробегали мурашки. Значит, всё-таки демоны. Вот их он точно не желал видеть в мире, где заперты его ребята.

Впереди виднелись развалины какого-то храма. Они выглядели столь живописно, что можно было не сомневаться, что их создал в таком виде любитель руин и запустения, привыкший к одиночеству в окружении пыльных фолиантов.

— Ваш отец любил стихи?

— Почему вы спрашиваете? — смущение Ворона было красноречивее прямого ответа.

— Он создал прекрасное и поэтичное полотно, — ответил Джулиан. — Для древних демонов естественна склонность к поэзии как словесной, так и поэзии образов. Их юность прошла в изысканных, построенных с любовью храмах, пропитанных фимиамом, под звуки прекрасных гимнов, каждое слово которых наполнено глубоким философским смыслом. А утрата всего этого часто приводит к неизбывной печали, приводящей к склонности изображать развалины, ещё хранящие отзвуки прежней красоты.

— Вы так говорите, словно и сами из них.

— Отчасти. До того, как стать демоном, я получил весьма разностороннее образование в Европе, а затем всегда находил время, чтоб углубить свои знания. В те времена сама наука была глубоко поэтичной, и форма подачи информации была не менее важна, чем её смысл.

Но у нас ещё будет время обсудить наши литературные вкусы. А пока скажите мне, вы знаете, где колдун спрятал зеркало?

— Феникс сказал, что в катакомбах под храмом. Там как раз и обитает это чудовище.

— Может, потому я и не чувствую его? — пробормотал Джулиан и, расправив плащ, двинулся по мосту, не забыв обернуться на ходу, чтоб убедиться в том, что вход, через который они сюда попали, надёжно закрыт каменными глыбами.

Ворон шёл следом, сжимая в руке свой посох, в навершии которого волшебной звездой сиял кристалл. Чем ближе они подходили к развалинам, тем громче становился хор голосов, и уже можно было разобрать слова, звучавшие на энхилдере. Древний религиозный гимн, переделанный на новый лад, где восхваление светлого божества было отчасти переведено в его оскорбление, а отчасти восхваляемая сущность была подменена её тёмной стороной. Какое-то время Джулиан вслушивался в эту мешанину образов и призывов, пока не разобрался в том, что в воображении поющих их божество разделилось на два, светлое, ими всячески проклиняемое, и тёмное, которому они поклонялись и у которого просили помощи. При этом это странное божество в их понимании оставалось единым, но явно страдающим раздвоением личности. Вникать в тонкости этого вывернутого наизнанку культа у него не было никакого желания, однако он задержался возле входа в храм, пробегая глазами по символам, начертанным на разрушенных стенах.

— Заклятие плена, — проговорил Ворон, остановившись рядом.

— Это ваш отец запер их здесь?

— Он не стал бы писать на этом языке. Им пользуются ангелы.

— Правда? Они редко оставляют свои автографы в мире смертных, где мне приходилось обретаться довольно долго. Да и в аду их не встретишь.

— В библиотеке есть несколько скопированных свитков, — Ворон поморщился. — Я держу их в закрытых сундуках и достал лишь раз, чтоб под руководством отца изучить этот язык. Если б не его настойчивость, я б ни за что не стал этого делать.

— Я нахожу эти знаки довольно гармоничными.

Ворон скептически взглянул на него.

— У вас необычное чувство прекрасного, Кратегус. Идём дальше.

— Да, — кивнул Джулиан, и ещё раз прислушавшись к хору, опустил руку, под которой тут же возникла прохладная рукоятка тяжёлого меча в ножнах.

Ворон понимающе улыбнулся и крепче сжал свой посох. Они вошли под тёмные своды разрушенного храма и остановились, поскольку перед ними было три арочных входа, однако Ворон задержался там ненадолго. Прислушавшись к хору, доносившемуся справа, он решительно направился к противоположной арке, расположенной слева.

— Нам сюда, — проговорил он на ходу. — Если идти прямо, мы войдём в залы, и нам придётся пройти по ним, чтоб добраться до входа в подземелье. Слева же вход в подземную колоннаду, за которой есть лестница в катакомбы. Я уже проходил там однажды. Нам придётся убить несколько рыцарей, стоящих в карауле, но это не составит труда.

— Здесь нет живых, — откликнулся Джулиан.

— Я их видел, — возразил Ворон. — К тому же кто-то поёт.

— Может, они и были живыми, но уже нет. Боюсь, что ваш почтенный отец, предоставив им это убежище, обрёк их на весьма незавидную участь. Измерение помещено в глубины Тьмы и соткано из её материи...

— Из чего ещё он мог его сделать? — пожал плечами Ворон.

— Конечно, только из Тьмы, поскольку он сам её создание. Но в окружении этих стен души смертных слишком быстро пропитались злом, утратили ту искру, что делает их душами, и превратились в духов, коварных и мстительных. Они сохранили присущие смертным недостатки и пороки и преумножили их во славу Тьмы. Впрочем, полагаю, именно это даровало им бессмертие.

— Возможно, вы правы, и что с того?

— Я это к тому, что не будет никакой беды, если несколько сгустков Тьмы растворятся в ней без следа.

— Но, может, если это низшие демоны, будет лучше подчинить их?

— Мы так и сделаем, — пожал плечами Джулиан, — если у нас не будет другого выхода. А пока давайте не будем тратить время на то, чтоб подобрать к ним ключи. Ваша лисичка ждёт помощи. Или вам их жаль?

— Куда больше мне жаль мою подружку, — решительно заявил Ворон.

— Вот и отлично, — улыбнулся Джулиан, и его улыбка была злой и азартной.

Он со звоном достал из ножен длинный меч, блеснувший в свете факелов зеркальным блеском. Чтоб попасть в галерею, им пришлось спуститься на несколько ступеней вниз. Галерея была довольно узкой, с низким потолком, по обеим её сторонам стояли толстые колонны, на которых были закреплены факелы. Вдоль неё друг против друга на одинаковом расстоянии стояли тёмные фигуры в длинных плащах с капюшонами. Едва заметив незнакомцев, они выхватили из ножен свои тяжёлые мечи, и бросились в атаку. Джулиан легко отбил первый клинок и, развернувшись, пронзил нападавшего своим мечом, и уже через мгновение готов был встретить следующего. Он двигался по галерее быстро, отбивая удары тёмных рыцарей и пронзая их насквозь. Его движения были стремительными, точными и экономными, не более двух ударов на одного нападавшего. Тёмный плащ развивался за спиной, как крылья птицы. И, наконец, он остановился в другом конце галереи и посмотрел на своего спутника.

— Путь свободен, господин барон, — поклонился он, сделав приглашающий жест.

Галерея между ними была пуста, потому что все поверженные воины рассыпались снопами гаснущих искр.

— Вы, действительно, мастер своего дела, — кивнул Ворон, направляясь к нему. — Мне показалось, или вам понравилось это занятие?

— Какая разница, кого убивать, — небрежно пожал плечами Джулиан. — Хотя в данном случае я никого не убил. Это были лишь так называемые двойники, безмозглые создания, создаваемые магическим путём по образу и подобию некоего прототипа, и способные лишь к самым примитивным действиям, в данном случае, нападать и убивать.

— А знаете, у моего брата тоже были такие, но выглядели иначе. Он создавал их из ничего.

— Вот как? — нахмурился Джулиан. — А раньше он умел создавать их?

— Нет, полагаю тот колдун, Ротамон, научил его. К тому же, стоит учесть, что, когда вы наносили им решающий удар, они рассыпались искрами, значит, здесь замешана огненная магия. Вороны в ней обычно не сильны. Но Феникс, кажется, был обучен некоторым фокусам такого рода.

— Занятно. Что ж, до того, как мы отсюда уйдём, я хочу поговорить с кем-то из настоящих духов этого места. А теперь идёмте дальше. Там вход в катакомбы?

Ворон посмотрел в сторону уходящей вниз тёмной лестницы.

— Да, полагаю, что эти стражи стояли здесь, охраняя верхний храм от вторжения грифона.

— Тогда будем настороже, — кивнул Джулиан и, сжимая в руке меч, быстро сбежал по ступеням вниз.

В катакомбах было темно и сыро. Только демоническое зрение позволяло им обходиться без источника света. Джулиан шёл вперёд, прислушиваясь не столько к звукам, сколько к своим ощущениям. Он был готов и всё же боялся почувствовать тёплое дуновение, исходящее обычно от ангела высокого ранга. Но вокруг было всё так же промозгло. По стенам текли мягкие потоки тёмной энергии, которые он чувствовал и видел, как струящуюся пелену чёрной воды. Здесь всё было пронизано ею, она излучала холод и гнетущую тишину, поглощающую даже звуки шагов. Странно было представить, что в этой ужасной обстановке мог существовать ангел. С другой стороны, если он был, действительно, силён, то окружающая его плотная аура Света должна была надёжно защищать его шкуру от губительного воздействия Тьмы. Но вот этой ауры Джулиан и не мог уловить. Если она и была здесь, то наверно давно рассеялась.

Они проходили по узким коридорам, миновали мрачные сводчатые залы, маленькие комнаты, заваленные давно истлевшим хламом, и в какой-то момент он заметил круглую площадку, обложенную камнем, от которой вниз уходила очередная лестница.

— Сколько здесь уровней? — спросил он, обернувшись к Ворону, и удивился, увидев, как побелело его лицо.

Молодой демон отчаянно боролся с ужасом, должно быть, снова переживая кошмар своего бегства от грифона.

— Не знаю, — хрипло ответил он.

— А катакомбы, насколько они велики?

— Я бродил не так долго, пока наткнулся на... — он замолчал, с ужасом глядя в темноту.

— Его здесь нет, — заявил Джулиан. — У меня чутьё на пернатых тварей, а уж такого монстра я точно бы не проглядел. Он либо ещё ниже, либо наверху. Но мы ищем не его, а зеркало. Где оно? Катакомбы могут быть куда больше, чем это измерение, если они отражаются в бездне Тьмы. Мы можем уйти далеко, и ничего не найти.

— Вы правы, — немного смутился Ворон. — Я так боялся этой встречи, что думал лишь о ней, и на какое-то время забыл о цели нашего визита. Я сейчас найду зеркало. На нём есть метка.

Он поднял бледную руку и, подхватив чёрные локоны, скрывавшие половину лица, поднял их. Его второй глаз блеснул яркой голубизной и вперился в темноту. Узкий маленький зрачок, как стрела, пронзал темноту пространства и стен. Джулиан невольно посторонился, чтоб не попасть под этот пронзительный взгляд, но Ворон уже замер и опустил руку. Тяжёлая волна волос снова упала на его всевидящий глаз.

— Оно там, двумя этажами ниже, в зале.

— Ведите, и будьте осторожны, — велел Джулиан. — Если грифон там, я почую его сразу, но всё же эта тварь может быть весьма проворна.

— Я помню, — прошептал Ворон и направился к лестнице.

Они спустились вниз на два уровня, и Ворон уверенно пошёл по длинному коридору. Вдалеке показалось рыжеватое свечение от факелов, и Джулиан положил руку ему на плечо. Ворон остановился, а Джулиан скользнул вперёд, сжимая меч.

Зал был не так велик, но всё же достаточно просторен, чтоб вместить десять воинов, стоявших в карауле у старого овального зеркала на горизонтальной оси в обшарпанной резной раме. Ворвавшись в зал, Джулиан без особого труда превратил всех стражников в маленькие, быстро угасшие фейерверки и приблизился к зеркалу.

Осмотрев раму, он не нашёл в ней ничего необычного, но в самом в зеркале не было отражения, его ровная поверхность напоминала чёрный омут, затягивающий в себя всё, что её коснётся, будь это даже луч света.

— Это плохой знак, — пробормотал Ворон, подойдя к нему. — Боюсь, что мы опоздали. Но я должен проверить.

Он достал из ножен узкий стилет с витой ручкой и провёл остриём по ладони. Выступившая из пореза кровь была чёрной. Он подошёл к зеркалу и посмотрел на Джулиана.

— Я войду в него. Я должен отыскать свою лису. Вам придётся охранять зеркало, чтоб никто не помешал нам вернуться. Возможно, по возвращении я буду ослаблен, потому что яд, заполнивший внутреннее пространство ловушки, подействует и на меня.

— Идите и ни о чём не беспокойтесь. Я буду ждать вас и окажу необходимую помощь, когда вы выйдете. И если кто-то попытается войти сюда, он умрёт.

— Хорошо, — кивнул Ворон и, решительно посмотрев на зеркало, провёл порезанной ладонью по стеклу от края до края, отчего по нему побежали мелкие вскипающие волны.

Поверхность заколебалась, и Ворон вошёл в зеркало, как в дверь. Джулиан задумчиво смотрел ему вслед, а затем не удержался и заглянул за раму. Зеркало было тонким и пыльным с другой стороны.

— Ненавижу демонов, — прошептал он.

Оставшись в одиночестве, он прошёлся по залу, прислушиваясь, и по-прежнему опасаясь уловить тёплое дуновение. Обычно это ощущение его не смущало, более того, оно было таким родным, потому что он привык погружаться в него, обнимая свою любимую. Но сейчас было ясно, что это дуновение станет лишь предвестником куда более жаркой и даже обжигающей волны. Живущая в нём и бережно хранимая им частичка Света, а также привычка бесконечно прикасаться к его источнику, защищала его от сжигающей природы этой энергии. Он знал, что погрузившись в неё полностью, он не сторит, а лишь переродится, что конечно, понравится его человеческой душе, но вряд ли устроит его демоническую натуру, потому у него не было никакого желания сталкиваться с источником более мощным и опасным. Не говоря уж о том, что этот древний ангел вполне может быть библейски крут нравом и, увидев в нём демона, просто прихлопнет его своей тяжёлой орлиной лапой.

Так что в данной ситуации останется два выхода: бежать или вступить в переговоры. Первое было более надежным, но ставило под удар доверившегося ему Ворона, а парень, хоть и демон, пока вёл себя вполне по-человечески, и, судя по всему, для Небес и людей опасности не представлял. Вступать же в переговоры с огненным смерчем было делом опасным и бесперспективным. Одна надежда на то, что умом он так же одарён, как и силой. Впрочем, порывшись в памяти своего предшественника, Джулиан с горечью обнаружил, что демон Кратегус никогда не вступал не то что в переговоры, но даже в простой визуальный контакт с такими противниками, предпочитая смываться с поля боя при первых отблесках, игравших на их золотых доспехах.

Размышляя таким образом, Джулиан дошёл до входа в зал и замер, услышав шаги множества ног. Конечно, выставив здесь стражу из двойников, тёмные рыцари должны были

предусмотреть сигнал о вторжении, а, следовательно, уже спешили в зал, где под охраной находилась неожиданно возникающая, тёмная, и наверняка непонятная им реликвия. Отсутствие караула в галерее наверху уже должно было их встревожить. И вот теперь по каменным плитам грохотали десятки ног, обутых в подкованные сапоги.

Джулиан невольно улыбнулся. Среди этих воинов точно должны быть настоящие демоны, переродившиеся из людей, а сражаться с демонами было для него той самой отрадой, что облегчала выпавшие на его долю испытания. Потому, отойдя от входа, он встал посреди зала, ожидая своих противников. И только первые ворвались в зал, потрясая копьями и мечами, он выбросил вперёд руку, с которой сорвался стремительно разрастающийся шар синего огня. Он ударил в первые ряды рыцарей, и они частью рассыпались искрами, а частью превратившись в пыль, умчались в темноту за колоннами лёгкими, закручивающимися в воронки облачками.

Это сбило строй, и они замерли, глядя на чёрного рыцаря в серебряных доспехах, чьи зелёные глаза пронзительно горели в полумраке, а тёмные кудри развивал неощутимый ветер.

Вышедший вперёд высокий воин с резкими чертами лица и длинными чёрными волосами пристально взглянул на Джулиана.

— Кто ты, и как посмел войти в наши владения? — резко спросил он.

— Я могу входить в любое измерение, расположенное во Тьме, если оно не защищено правом равного мне или выше меня, — надменно произнёс Джулиан. — И мне не нужно позволения мелких бесов, перерождённых из жалких смертных, чтоб быть здесь.

— Ты недостаточно вежлив, — заметил тот и резко взмахнул рукой, в которой был какой-то предмет.

Длинное огненное лассо молнией метнулось в сторону Джулиана, но он перехватил его закованной в железную перчатку рукой и усмехнулся.

— Ты ошибся, и это для вас плохо кончится.

Он рванул лассо на себя, и что-то блестящее вылетело из рук главаря демонов. Джулиан поймал этот предмет, в который с треском втянулось лассо, и с интересом осмотрел. Это был короткий жезл из жёлтого металла, украшенный витыми узорами и покрытый загадочными письменами.

— Ещё одна игрушка Тьмы для моей коллекции, — прокомментировал он и сунул жезл за пояс, после чего снова выпустил шар, который смёл несколько тёмных рыцарей слева от главаря.

Тот отступил в сторону и уже более почтительно взглянул на незваного гостя.

— Простите, господин. Вы явились из великой Тьмы, которой мы поклоняемся. Я, Барнар, магистр ордена Синего Грифона, прошу у вас прощения за проявленное неуважение, явившееся следствием нашего невежества, поскольку вы не соизволили представиться, а мы не признали в вас тёмную сущность. Если вам будет угодно назвать себя, мы с радостью будем служить вам, поскольку ищем сильного покровителя.

— Кто сказал, что мне нужны слуги? — спросил Джулиан и, стиснув зубы, снова выбросил вперёд руку.

Синие разряды, подобные шаровым молниям, снова сорвались с его пальцев и внесли полную сумятицу в ряды тёмных рыцарей. Они поспешно кинулись к выходу, а Барнар, растолкав всех, выбежал первым.

— Понятно, сражаться вы не хотите, — пожал плечами Джулиан и снова усмехнулся. —

А придётся, или я просто превращу вас всех в пепел.

Он направился к выходу, и в этот момент услышал позади стон и обернулся. Бледный, с трудом передвигающийся Ворон выбирался из зеркала, одной рукой опираясь на посох с поблекшим кристаллом, а другой прижимая к груди что-то белое. Джулиан поспешил ему на помощь и подхватил в тот самый момент, когда тот готов был рухнуть на пол. И только после этого он заметил тёмные дымные щупальца, тянущиеся за ним из зеркала. Мгновенно выпустив в ту сторону очередной синий шар, он попал зеркало, и оно разлетелось каменными обломками и мелкими осколками стекла. Щупальца исчезли и Ворон, глубоко вздохнув, наконец, выпрямился.

— Я не успел, — печально произнёс он. — Слишком поздно. У неё оставалось совсем мало сил и последние она передала своему детёнышу. Она протянула его мне из Тьмы, и её взгляд молил спасти его. Но, кажется, и это уже невозможно.

Он опустил на колени и положил на плиты пола белого лисёнка с двумя пушистыми хвостиками. Глаз зверька был приоткрыт и наполнен тьмой, а изо рта торчал длинный бледный язык.

— Он уже не дышит, — горестно произнёс молодой демон.

— Подождите, — Джулиан опустил рядом и, сняв латную перчатку, положил её на пол. Ощупав лисёнка, он поднял его голову и заглянул в глаза. — Он отравлен, но ещё жив.

— Он слишком слаб, а его тельце наполнено ядом...

— Я знаю, но это не беда.

Он снял вторую перчатку, поднёс ладони к белому пушистому боку и приказал:

— Выходи!

Тут же изо рта лисёнка заструился тёмный дым, похожий на щупальца, что недавно тянулись за Вороном. Собравшись в облачко под его ладонями, он клубился, словно в ожидании дальнейших приказов. Джулиан взмахнул рукой в сторону выхода.

— Убирайся! Ищи себе другую жертву! Бери любого, кого найдёшь!

И дым заструился к выходу так стремительно, что Ворон едва успел отшатнуться с его пути. Джулиан же положил ладони на белый бочок лисёнка и несколько раз надавил на грудную клетку, после чего поднял и вдохнул ему в рот. Лисёнок фыркнул и открыл мутноватые глаза. Он ещё не мог держать голову, но уже вяло осматривался по сторонам. Заметив Ворона, он дёрнул лапами, словно собирался прыгнуть ему на руки, и тот поспешно забрал его и прижал к себе.

— Что ж, у меня снова будет лисичка, правда, на сей раз, мальчик, — печально вздохнул он. — Его зовут Юки.

— Мне жаль, что вы потеряли свою подружку, — произнёс Джулиан, поднимаясь на ноги и помогая встать Ворону.

— Да, мне тоже. Но мне хотя бы удалось спасти её сына. Мы можем возвращаться.

— Пока нет, — возразил Джулиан. — Впрочем, вас я не задерживаю. Вам нужно позаботиться о вашем питомце.

— Он достаточно крепок, чтоб потерпеть ещё немного, — возразил Ворон. — Я привёл вас сюда и не уйду один. Что заставляет вас задержаться?

— Пока вас не было, сюда являлись агрессивные аборигены, но мне удалось обратить их в бегство. Однако мне б очень хотелось поговорить с их магистром и прояснить некоторые вопросы.

— Я пойду с вами, — кивнул Ворон.

Они вышли из зала и снова поднялись наверх. Молодой демон уверенно шёл впереди, показывая дорогу, и вскоре они оказались на пороге большого зала с двумя параллельными колоннадами, в другом конце которого возвышалось изваяние грифона. Войдя и осмотревшись, Джулиан заметил некоторую странность этого места. Стены, потолок и колонны в зале лишь фрагментами были настоящими, а отсутствующие части были замещены качественно созданной иллюзией. Да и статуя грифона была полупрозрачной, внутри её призрачного силуэта темнели мелкие осколки прежде разрушенной каменной фигуры. Это на какое-то время отвлекло его от того, что находившиеся в зале тёмные рыцари, а их было довольно много, снова кинулись в атаку на непрошенных гостей. Но не успел он поднять меч, как Ворон, выступив вперёд, ударил своим посохом по каменному полу, и от места удара прокатилась каменная волна. Тяжёлые плиты выскакивали из своих гнезд, поднимаясь на метр и с грохотом падали обратно. Эта волна сбила с ног нападавших, и многие из них отступили за колонны, а те, что остались, тяжело поднимались на ноги, сжимая в руках своё оружие. Ворон взмахнул посохом, и на сей раз сам воздух разошелся колеблющейся волной, обрушившись на рыцарей, подхватив их и ударяя с размаху о колонны и стены. Некоторые из них тут же рассыпались искрами, а остальные предпочли заползти за колонны.

— Я вижу, вы вполне могли справиться и без моей помощи, — одобрительно кивнул Джулиан, глядя на демона, всё так же бережно прижимавшего к груди белого лисёнка.

— Против грифона это не работало, так что ваша помощь в любом случае кстати, — ответил тот.

Джулиан прошёл по залу, внимательно посматривая по сторонам, но, похоже, ни у кого из тёмных рыцарей не было желания снова испытывать судьбу. Он шёл туда, где заметил распластавшегося на каменных плитах Барнара. Когда он приблизился, то увидел, что магистр побледнел ещё больше, а в его глазах появились чёрные прожилки.

— Похоже, дух зеркала нашёл себе новую жертву, — проговорил Джулиан, покосившись на подошедшего Ворона.

— Этому духу всё равно, кто его жертва — ангел, демон или смертный.

— Вы знаете, что со мной? — прохрипел Барнар, протянув руку к ним, и с мольбой глядя на Джулиана. — Вы можете мне помочь?

— Да, — кивнул Джулиан. — Но сперва ответь на несколько вопросов.

— Я скажу всё! — измученно простонал тот.

— Откуда у вас магическая сила? Кто создал эту иллюзию? Кто создаёт двойников?

— Наш патрон, тёмный грифон...

— Этот? — Джулиан недоверчиво ткнул пальцем в статую.

— Это сделал Эладаил, будь он проклят! — прорычал в бессильной ярости Барнар. — Светлая сторона грифона. Мы призвали его, но он отказал нам в покровительстве, и тогда мы призвали его тень, которая помогла нам захватить его и заточить здесь. Мы забрали его оружие и наложили печать плена. Если б он склонился перед своей тёмной стороной и служил нам, мы бы освободили его... Может быть... Но он уничтожил волшебного идола, связывавшего нас с нашим покровителем, забрал оружие и освободился от печати.

— То есть он сбежал? — воскликнул Ворон.

— Именно, что сбежал, не решившись сразиться с нами. Но он разрушил статую, и наш повелитель не отвечал на наши призывы... Я смог лишь восстановить его облик, но не смог призвать его дух.

— Значит, вы говорили со своим патроном через статую, и он давал вам магическую силу? — уточнил Джулиан.

— Мне! — крикнул Барнар. — Только мне! Я был его верным слугой и наместником здесь... — он хрипло вздохнул. — Я восстановил храм и создал нашу армию для захвата мира, из которого нас изгнали.

— А вот с этого момента поподробнее, — кивнул Джулиан. — То есть, вы намеревались вернуться назад, захватить луар, Сен-Марко и весь континент? Откуда такие идеи?

— Синий грифон должен править нашим миром! Он привёл нас на те земли и должен был владеть ими! Он обещал нам покровительство и говорил, что к нам явится его посланец, которому мы должны служить, как ему...

— Он явился? — перебил Джулиан.

— Да, Ротамон... — Барнар устало посмотрел в потолок. Его глаза всё больше застилались чернотой. — Он пришёл, но не смог вывести нас отсюда. Эладаил наложил свои заклятия, которые и после его ухода держат нас здесь. Ротамон принёс зеркало и велел нам охранять его и убить каждого, кто придёт за ним.

— Он имел в виду вас, — Джулиан обернулся к Ворону.

Тот кивнул.

— Ротамон обещал вернуться, когда найдёт способ снять заклятие, — уже шёпотом говорил магистр. — Но он не вернулся. А Эладаил вырвался из плена и бежал...

— Как называл себя тот, кто говорил с вами из статуи?

— Он называл себя Тёмным грифоном.

— Он сам назвал себя, или после того, как вы призвали его под этим именем?

— Мы звали его.

— Он что-то говорил о себе? Где он, откуда? Зачем ему нужен ваш мир?

— Он Тёмный грифон из бездны Тьмы, он хочет воцариться в мире, который создал для своих детей.

— Он сам сказал, что создал его, или сперва вы сказали ему кто вы и откуда.

— Его право было знать, кто его призывает! — возмущённо воскликнул Барнар. — Он сам решает, принять ли служение, помогать ли кому-то, но сначала он должен знать, что адепты достойны его милости. И мы доказали ему это, рассказав о себе, о том, как преданно мы служили ему в миру и как оказались здесь. Мы прошли все тяжкие испытания, принесли все обеты и провели все ритуалы, которые он требовал. Мы готовы были служить ему, а он взамен дал нам вечную жизнь и могущество.

— Он даже не смог выпустить вас отсюда, — заметил Джулиан. — А вечная жизнь... Мне жаль тебя огорчать, но ты умираешь.

— Ты обещал помочь! — в отчаянии прокричал Барнар, протянув к нему руку.

— Не помню, — пожал плечами тот. — Ты спросил, могу ли я помочь, я сказал, что могу, но не сказал, что собираюсь сделать это. Теперь мы можем уйти, Ворон.

— А что делать с этим измерением? — молодой демон с отвращением огляделся по сторонам.

— Уничтожьте его. Пусть Тьма соберёт свою дань, забрав в свои недра эти тёмные души. Она лучше знает, что с ними делать.

Не обращая больше внимания на стоны и проклятия Барнара, он направился в сторону выхода и взмахнул на ходу рукой. Перед ним возникла чёрная воронка портала. Прежде чем войти в неё, он обернулся и увидел, как Ворон поднял свой посох и чётко произнёс

несколько слов на древнем гортанном языке. Потолок, стены и колонны зала начали оплывать и сминаться, в открывшиеся расширяющиеся дыры заглянула холодная пронизывающая Тьма. А молодой демон уже спокойно шёл к воронке, опираясь на свой посох с сияющим кристаллом и прижимая к груди белого притихшего зверька.

Ворон бережно уложил лисёнка в постель, подложив ему под голову маленькую плоскую подушку и закрыв тёплым одеялом из чёрного пуха.

— Я всё ещё не уверен, что он выживет, — заметил он, с печалью посмотрев на своего питомца.

— Обратни достаточно выносливы, — успокоил его Джулиан. — Он теперь в тепле и безопасности. Пока слаб и, возможно, голоден.

— Я даже не знаю, чем кормят детёнышей кицунэ.

— Куриными потрохами, кашей и мелко порезанными овощами. К тому же они любят груши и виноград.

— Откуда вы знаете? — удивился Ворон.

— Мне говорил об этом мой сын.

— Он имел дело с детёнышами оборотней?

— Нет, но он много раз выхаживал осиротевших лисят. В начале жизни оборотни ближе к зверям, чем к людям. Так что и обращаться с ним нужно соответственно.

— Может быть, — Ворон с любопытством посмотрел на него. — Значит, у вас есть сын?

— У меня, как и у вас, был отец, и есть сын. И у меня есть мой питомец-помощник, который со мной уже много веков, поэтому я понимаю ваши чувства. А теперь я вас оставляю.

Он направился к выходу из мрачной запылённой спальни, но Ворон его остановил.

— А как же плата? Вы выполнили свою часть сделки, и я должен вам заплатить.

— Но мы не встретили ангела.

— Но вы защищали меня от мелких бесов и спасли Юки, изгнав из него дух зеркала. Не ваша вина, что Эладаил к тому времени сбежал оттуда.

— Скорее, это моя удача, — усмехнулся Джулиан.

— Пожалуй, — согласился Ворон. — Так какую цену вашей помощи вы назовёте?

Джулиан задумался, взглянув в окно, за которым в тёмном бархатном небе белела луна, похожая на картонный круг, обклеенный перламутровой бумагой.

— Пока ничего не приходит в голову, — наконец, произнёс он. — Давайте так, вы будете должны мне услугу. Ведь мы ещё увидимся и не раз. Я намерен стать активным читателем вашей библиотеки.

— Я буду рад снова встретиться с вами, — искренне заявил молодой демон. — Моя библиотека к вашим услугам. И я с радостью оплачу свой долг в любой момент и любым избранным вами способом.

Ещё раз взглянув на лисёнка, который в этот момент шевельнулся и вытянул под одеялом свои длинные лапки, Джулиан кивнул и вышел из спальни.

Ближе к первой тёмной полуночи Булатова на посту у входа в королевские покои сменил Бризбел Клауд, новобранец, воспитанием которого вот уже неделю настойчиво, строго и терпеливо занимался Карнач. Парень был младшим сыном мелкопоместного барона и потому по достижении совершеннолетия был изгнан из замка верхом на старом коне, в ржавых дедовых доспехах с тощим кошельком на поясе. Парень был смышлёный, но совершенно необразованный, и ему повезло, что в какой-то момент на его статную фигуру и широкие плечи упал благосклонный взгляд капитана королевской гвардии. И вот спустя несколько дней он уже держался прямо, его новенькие латы были начищены до блеска, но непослушные волосы цвета соломы всё ещё непокорно торчали во все стороны. Передав ему пост, Булатов, на всякий случай, напомнил ему его обязанности и пошёл в сторону казарм.

Он чувствовал себя разбитым, но не потому, что неподвижно простоял в карауле почти десять часов. Его измучило беспокойство. Прошедшим светлым днём он прошёл испытание, чтоб быть допущенным к участию в малом королевском турнире. У него не было грамот, подтверждавших его рыцарское достоинство, но к этому в Сен-Марко относились не так уж щепетильно, ибо право производить в рыцари имелось не только у короля и альдора, но также у всех титулованных особ, а также магистратов семи крупных независимых городов, в связи с чем рыцарем мог стать любой, у кого хватило денег заплатить за эту милость, а также все законные отпрыски мужского пола и бастарды тех самых титулованных особ. А потому получивших право называться рыцарем было много, но заслуживающих это звание было куда меньше. Сен-Марко и луар выходили из этого положения, одаривая званиями кавалера и рыцаря истинно достойных, и эти звания признавались на всём континенте, как неоспоримые. Однако и других рыцарей обвинить в самозванстве было нельзя, потому, чтоб оградить себя от участия в королевских турнирах людей недостойных, были установлены строгие требования к участникам. Претендент должен был внести в залог за участие в турнире тридцать марок золотом, который возвращался лишь победителю. Это помогало отсеять нищевродов. Рыцарь должен был обладать собственными комплектами лат для конного поединка на копьях и в пешем бою, а также оружием и подходящим конём, поскольку в случае его поражения это всё отходило победителю в качестве трофея и могло быть выкуплено по договорённости. И, кроме того, рыцарь, ранее не участвовавший в турнирах и не обладавший званием кавалера Сен-Марко или рыцаря Синего Грифона, либо подтверждённым титулом, должен был пройти квалификационные испытания в присутствии судей турнира, оценивавших его мастерство и то, насколько оно соответствовало статусу и зрелищности турнира такого уровня.

Вместе с Булатовым, которому на залог и недостающий комплект лат хватило кошелька с золотом, полученного от доктора МакЛарена, в испытаниях участвовали ещё три рыцаря. Им пришлось биться на мечях, скакать верхом и на полном скаку срывать копьём с оглобли, положенной поперёк на высоте двух человеческих ростов, кольца с флажками, а также метать лёгкое боевое копьё в деревянный щит. Только он и рыцарь из Магдебурга прошли все испытания, после чего им были вручены ярлыки, которые они могли предъявлять в доказательство этому на любом турнире в любом городе. Однако окончательное решение об участии их в королевском турнире должно было быть принято позже, после того, как будет известно общее количество участников, с тем, чтоб можно было сформировать нужное

количество пар для поединков с учётом выбывания побеждённых после каждого тура.

Булатов волновался, допустят ли его, новичка, до участия в турнире. На Земле и на Алкоре он участвовал в подобных соревнованиях, но это были реконструкции или спорт. И теперь у него появился шанс проверить себя в битве с настоящими рыцарями на настоящем турнире и упустить такой шанс он не мог. Это беспокойство так извело его, что он сам удивлялся тому, сколь большое значение придаёт этому приключению.

Пройдя по длинной череде залов и анфилад, кивая иногда попадавшимися слугам, салютуя товарищам, стоявшим в карауле, и кланяясь придворным, живущим в королевском замке, он дошёл до казарм. Гвардейцы уже давно спали, устроившись вповалку на широких помостах вдоль стен и закрывшись одеялами. Было темно, только в камине догорали красные угольки, да из каморки капитана пробивался рыжеватый свет. Пройдя туда, он увидел, что Карнач сидит за столом, накинув на плечи подбитый мехом плащ. Узкое оконце под потолком было открыто, и в комнатёнке гулял ветер. На столе в бронзовом подсвечнике горела свеча, при свете которой капитан читал небольшую по формату, но толстую книгу в кожаном переплёте.

— Что-то интересное? — спросил Юрий, подходя, и сел на скамью у стены.

— Сборник баллад, довольно неплохих, — ответил Карнач и, заложив книгу сломанным гусиным пером, отложил её. — У тебя такой вид, словно ты разгрузил вагон с цементом.

— У меня именно такое ощущение, — вздохнул Булатов. — Мне очень хочется участвовать в турнире, Саша.

— Будешь, — улыбнулся тот и протянул ему белый свиток с красной сургучной печатью. — Твой залог принят, барон де Сансер, маркиз Вайолет и виконт Монтре оценили твои качества бойца, как превосходные, и сочли возможным допустить тебя до участия в королевском турнире. Так что, голубчик Юра, иди-ка ты спать. У тебя ещё есть большая часть долгой ночи, чтоб отдохнуть, привести нервную систему в уравновешенное состояние и настроиться на победу.

— Как думаешь, у меня есть шансы? — спросил Булатов, с волнением разглядывая свиток, исписанный убористым почерком, похожим на готический шрифт.

— Судя по заявленным участникам, турнир будет непростым, но и ты не обычный боец. Время покажет. Иди спать. Завтра на свежую голову всё обсудим.

— Из наших ещё кто-то будет участвовать? — поднимаясь с лавки, спросил он.

— Среди нас только четыре кавалера Сен-Марко. Я получил звание за организаторские способности, Игнат — за красивые глаза, а вот Валуев и Аль-Сафар — за участие в турнирах. Иван дважды доходил до третьего тура, что дает право на рыцарское звание Сен-Марко, а Фарид хоть и слабоват в конном бою на копьях, но в свалке крушит врага, как берсерк, за что и был отмечен королём. Так что, онив деле. Не знаю, победишь ли ты, но стать пятым кавалером в нашей команде у тебя есть все шансы.

Булатов кивнул и вышел, а Карнач снова взялся за свою книгу.

На следующее утро Юрия никто не стал будить. Когда он проснулся, большинство гвардейцев уже разошлись в караулы, а пришедшие с ночного дежурства только ложились спать. За окном было темно. Впереди был тёмный день, и можно было накрыть голову одеялом и снова попробовать уснуть, но, поворочавшись несколько минут, он понял, что выспался. Приподнявшись, он огляделся. Стэна Стаховски рядом не было, но неподалёку сидел Фарид Аль-Сафар и полировал свой кинжал. У него было странное пристрастие к

холодному оружию небольших размеров: кинжалам, стилетам, сюрикенам и когтям, надеваемым на руки. Наверно в детстве он зачитывался книжками про ассасинов и ниндзя, что было бы естественно для бойца разведывательно-диверсионной группы, но немного странно для механика. Впрочем, может, он обучался обеим специальностям, но к моменту его прихода в экипаж вакансии стрелка там уже не было.

Заметив, что Булатов смотрит на него, он улыбнулся, отчего на его смуглом лице жемчугом засветились крупные белые зубы.

— Проснулся? Сашка муштрует братву во дворе при свете факелов, но у нас перед турниром выходной. Выходить в город нельзя, но в остальном — полная свобода действий.

— Я б чего-нибудь съел, — ответил Булатов, почувствовав сильный голод.

Он вспомнил, что вечером рухнул на жёсткие доски помоста и, зарывшись в одеяло, тут же уснул, даже не вспомнив, что последний раз ел перед тем, как уйти на пост.

— Идём, — усмехнулся Фарид. — Иван ушел в трапезную с кошельком, что б заказать что-нибудь получше хлеба с сыром. Там и поговорим. Ты в этом деле новичок, так что тебе будет интересно.

Трапезная располагалась этажом выше, и сюда приходили кроме гвардейцев, простые стражники, чьи казармы располагались поблизости, и слуги. Большой сводчатый зал, заставленный широкими столами и бесконечными лавками, заканчивался низкой аркой, ведущей в кухню, где сновали повара, кухарки, поварята и слуги, подающие на столы и убирающие посуду. В дальнем углу сбоку от кухни стояли столы, застеленные грубыми скатертями, предназначенные для рыцарей. Там уже восседал Иван, придирчиво осматривая заставленный блюдами стол. Увидев друзей, он приветственно махнул рукой.

Когда они сели, он положил в свою миску наваристую похлёбку из овощей с мясом и, отломив ломоть хлеба, деловито заговорил:

— Я тут поинтересовался и выяснил, кто будет участвовать в турнире. Компания подобралась неслабая, так что мне на повторение подвига с выходом в третий тур надеяться не приходится. Я здесь в категории «дилетант».

— Я тоже, — усмехнулся Фарид и с сомнением посмотрел на похлёбку. — Свинина?

— Обижает, — нахмурился Иван. — Баранина, причём лопатка. Так что наши залого улетят, но я надеюсь, потеряв один комплект лат, получить хотя бы два взамен. А Фарид отыграется на следующий день. Может, даже кого-то в плен возьмёт.

— Как это? — нахмурился Булатов, задержав ложку с похлёбкой у самого рта.

— Просто, — усмехнулся Фарид. — Вдаришь кому-нибудь по куполу, он откинется, а ты его раз — и в чулан. Либо сам откупится, либо родственники скинутся. Тут это обычное дело. Я, кстати, не зверствую и много не прошу, но на выкуп потерянных в первый день доспехов, лошадки и компенсацию залога, как правило, хватает.

— Вы меня пугаете.

— Тут не Земля, Юра, — задушевно улыбнулся Иван. — Турниры здесь — дело прибыльное. Как тотализатор, в том числе. И тут свои правила. Оружие тупое, убивать и ранить нельзя, запрещается повреждать глаза и бить ниже пояса. Если ранишь чужую лошадь, кроме её стоимости и зачтённого поражения, придётся платить штраф. Всё остальное — можно.

— Ну, почти всё, — кивнул Фарид. — Запрещено нападать со спины, бить упавшего и потерявшего шлем. Жульничать не рекомендуется, иначе посадят верхом на забор и отлупасят палками вне зависимости от титула и звания. Все правила перед турниром

объявляет главный судья. На этот раз это барон де Сансер. Когда-то он сам блистал на турнирах, но теперь староват для этих игр. Но все говорят, что он благородный, справедливый и неподкупный человек, так что порядок будет обеспечен. Раньше эту роль исполнял граф де Монфор, это завзятый дуэлянт и постоянный участник турниров. Но в этот раз он участвует, потому судить не может. Вторым будет маркиз Вайолет. Он — приближённый короля, но не поединщик, потому его участие, скорее, номинально. Третьим судьёй будет виконт Монтре. Он — фаворит короля и умеет организовывать зрелищные мероприятия, хотя сам далеко не боец. Думаю, он будет развлекать Ричарда трёпом и в суть дела не полезет. И пожизненным четвёртым судьёй со времён короля Генриха Отважного, деда теперешнего короля является граф Рибер-Артуа, но ты его даже не заметишь. Обычно он сидит в углу королевской ложи и дремлет. Так что всё внимание — на де Сансера. Он будет на ристалище верхом и, можешь не сомневаться, ничего не упустит из виду.

— Участников шестнадцать, — продолжил Иван, — с тем, чтоб разбить их на пары и после выбывания в каждом туре побеждённых, в результате осталась только одна пара. Пятнадцать поединков в четыре тура. Развлекухи хватит на весь день. На следующий день тех участников, что на ногах, разделят на две команды, которые возглавят победитель и его противник в последнем туре. Биться будут в пешем строю, кто с мечом, кто с булавой, кто с алебардой. Оружие тупое, убивать нельзя, но костей поломанных обычно бывает достаточно.

Булатов невольно покосился на Фариду, но тот сделал большие глаза.

— Не надо на меня так смотреть! Если я кого покалечу, меня Карнач со свету сживёт. Уж мы-то обучены вырубать без членовредительства. Тут главное — свои кости уберечь.

— Ясно, — кивнул Булатов и положил ложку на стол. — Кто участвует?

— О де Монфоре я уже говорил, — продолжил Иван, — опасный и опытный поединщик. Из высшей знати будет ещё участвовать наследный принц Жоан. На прошлом турнире в конно-копейном поединке дошёл только до второго тура, и король был разочарован. Так что в этом виде состязаний парень вряд ли опасен, но с ним лучше быть бережным, как с китайской вазой династии Мин, наследник всё-таки. Особое внимание нужно обратить на баронов Ренара-Амоди, Аллара и де Морена. Эти всегда выступают удачно и нередко побеждают. К ним присоединится зять де Сансера Делвин-Элидир.

— Мелковат, на мой взгляд, — заметил Фарид.

— Этот малыш в юности дрался как дьявол на поле боя и увековечил своё имя, — осадил его Валуев. — Все четверо — молодые бароны короля Армана, участники последней военной кампании, опытные и суровые воины. Все постоянно участвуют в турнирах. Делвин-Элидир не появлялся в Сен-Марко давно, но слава о нём идёт по всем городам и замкам, где проводятся турниры. Он и у себя в имении постоянно устраивает их, часами тренируется с мечом и копьём. Может, он с виду и неказист, но, я уверен, крепок, как дуб. У него свои преимущества. Он легче и гибче, его конь менее нагружен и потому при хорошей сноровке на ристалище, он более маневренен, чем другие. Короче, на эту пятёрку — особое внимание, но и других не стоит недооценивать. Дезире Вайолет, сын маркиза Вайолета, выступает недавно, но ловок и обладает хорошей реакцией. У него сильный и точный удар. Бертран Нуаре, бастард сенешаля графа де Жуайеза, воспитанный им, поскольку других сыновей у старика нет, только дочь. Вышибить его из седла нелегко, конём управляет ногами, может промазать, но сам хорошо держит удар. Анри Раймунд, сын графа Раймунда, главы тайной полиции. Не так силён в поединке на копьях, но на мечах — настоящий бретёр. Его лучше сразу вышибить из седла, не доводя дела до поединка на мечах, впрочем, тебе это может

показаться интересным. Адам де Брассер — старый и опытный воин, но его время проходит. Крепкий, но уже не столь подвижный. Однако знает много всяких уловок. Ну, и остаются тёмные лошадки. Два рыцаря из луара: барон Эрон Малар и рыцарь Синего Грифона Туан Тиндел. Сейчас, когда перемирие заканчивается, алкорские рыцари редко приезжают к нам, хотя им гарантирована безопасность.

— Может, эти собираются вступить в войско короля? — предположил Булатов.

— Возможно. А, может, просто хотят оценить потенциального противника, поскольку иногда по древнему обычаю перед битвой в поле противники выставляют поединщиков для предварительного боя. Говорят, последнее время это случается всё реже, но вдруг... Ну, а мы постараемся оценить их.

— Бесплезно. Не забывай, что в луаре обретается Донцов, а против него мало кто потянет.

— Верно, — Иван задумался. — Будем надеяться, до этого не дойдёт. Ну, и последний участник — Георг фон Шлоссер из Магдебурга. О нём ты знаешь лучше всех, потому что видел его на испытаниях. Вот и скажи, как он?

— Неплох, — подумав, кивнул Булатов. — В чём-то даже хорош.

— В чём? — уточнил Фарид, прищурившись.

— Думаю, у него точный удар копьём, но вот сильный ли, в этом я сомневаюсь. В седле сидит крепко. На мечях бьётся добротнo, мощно, но довольно прямолинейно и, — он усмехнулся, — забывает прикрывать левое плечо.

— Спасибо за наводку, — усмехнулся Фарид. — В Магдебурге ребята денежные. Может, и мне с этого что-то отколется.

— Ладно, — кивнул Иван, — не будем делить шкуру убитого медведя. Сам же знаешь, как бывает, попадёшь в первый тур на такого, как де Монфор, и вылетишь из игры, хорошо, если кости соберёшь.

— А как формируются пары? — спросил Булатов.

— На небольших турнирах — по выбору участников, но в данном случае будет жеребьёвка в каждом туре, кроме последнего, так что, как выпадет, так и сыграем.

— Хорошо, если тебе выпадет поединок на конец тура, — заметил Фарид. — Хоть присмотришься, а если сначала, да попадёшь на фаворита...

— Так даже интереснее, — заявил Булатов и снова взялся за ложку.

На следующий день, едва затеплилась в небе заря, Хока разбудила суета, топот ног за дверью и громкие голоса слуг. Челядь барона Делвин-Элидира готовилась к турниру, в котором должен был участвовать хозяин. Не желая никого отвлекать от дел, Хок оделся, сбрил с лица трёхдневную щетину и, надев недавно сшитый портным бархатный камзол глубокого коричневого цвета с серебряным галуном, спустился на кухню, где попросил у кухарки кусок хлеба и кружку эля. Она радостно закивала и усадила его за стол у окна, после чего принесла миску с разогретой овощной похлёбкой, свежее испечённый пирог с зайчатинной и кубок с молодым вином.

Хок не торопясь позавтракал, наблюдая, как повара складывают в большие корзины снедь, кувшины с вином и элем и посуду, которые должны будут доставить в шатёр барона на турнирном лугу. Сам шатёр ещё затемно увезли, и теперь наверняка он уже гордо возвышался среди других таких же ярких и нарядных шатров.

Поднявшись к себе, Хок надел на пояс ремень с ножнами, в которые вставил свою

верную швейцарскую дагу, и уже хотел спросить у Кисы, не желает ли тот прогуляться, но увидел, как кот спит, раскинувшись кверху брюхом посреди освободившейся кровати и похрапывая, как древний дизельный трактор из музея технического прогресса. Стараясь не шуметь, Хок накинул плащ и вышел. Он направился к главным воротам города, куда валила толпа, привлеченная ярким зрелищем турнира. Возле ворот его окликнули и, обернувшись, он увидел Карнача и Москаленко, тоже идущих на турнирный луг.

Выйдя за город, они спустились на равнину и вскоре оказались на ровном, как стол, лугу, где уже было устроено ристалище — длинная прямоугольная площадка, посыпанная песком и огороженная деревянными загородками, выкрашенными в яркие цвета. По одну сторону от ристалища были воздвигнуты широкие трибуны для знати, покрытые драгоценными шпалерами, в центре которых возвышался помост с тронем для короля и креслами для его приближённых. Вторую сторону за двойным оцеплением вооружённых до зубов стражников занимали горожане, которые пришли пораньше и смогли занять первые ряды. Остальным оставалось довольствоваться теми сведениями, что будут раскатываться волнами по толпе от ристалища к задним рядам.

Чуть дальше на лугу раскинулся целый городок высоких шатров, споривших между собой яркостью и богатством украшений. В один из таких шатров, возле которого уже стояли облачённые в доспехи и покрытые праздничными попонами лошади, уверенно вошёл Карнач. Здесь на широких скамьях сидели Булатов и Аль-Сафар, а Валуев стоял посредине, и молодой оруженосец застегивал на его плечах ремни, крепившие наплечники. Иван в рыцарских доспехах с длинными русыми волосами, собранными в хвост на затылке, смотрелся подобно Ланселоту на картинах Прерафаэлитов, и Хок даже немного пожалел, что ему на время поединка придётся надеть глухой шлем с забралом, который скроет красивое мужественное лицо с широкими скулами и ясными серыми глазами.

Перекинувшись с друзьями несколькими фразами и пожелав им удачи, Карнач, Хок и Москаленко поспешили назад к ристалищу, чтоб занять места возле трибун, пока там не собралась толпа других зрителей. Богатые люди не спешили, подобно черни, занимать места, потому ещё можно было найти пару метров недалеко от ограждения, чтоб не пропустить зрелище настоящего турнира.

Трибуны быстро заполнялись, и в глазах рябило от многообразия цветов и блеска драгоценных украшений на женщинах и мужчинах. Вскоре прибыл король со свитой. По случаю королевского турнира, он был облачён в узорчатый камзол из парчи и короткий, подбитый белым мехом плащ, а на его густых блестящих волосах красовалась филигранная корона, украшенная крупными рубинами. Он пребывал в хорошем настроении и переговаривался с виконтом Монтре. Тот был рад тому, что король вспомнил о его таланте вести живую и непринуждённую беседу, и прямо лучился обаянием.

После того, как свита расположилась на центральном помосте, король дал знак герольдам и они затрубили в трубы, возвещая о начале королевского турнира. Первым на ристалище выехал высокий всадник в красивом наряде из красного и чёрного шёлка, расшитого серебром. Его седую голову украшала баронская корона в виде золотого обруча, обвитого жемчужной нитью, а на плечах и груди лежала широкая цепь с вставками из чистого аметиста. За ним выехали рыцари-участники турнира. Их искусно сделанные латы были покрыты туниками с изображениями гербов, шлемы с изысканными украшениями на верхушках они пока держали в руках. Толпа приветствовала их радостным рёвом, а король милостиво кивнул, с удовольствием разглядывая своих воинов.

Барон де Сансер звучным голосом огласил правила турнира, согласно которым победитель в каждом туре определяется по очкам по результатам трёх атак с заменой сломанных копий. При этом удар в нагрудник засчитывается как одно очко, удар в шлем — два очка. Удары, при которых копье не сломано, не засчитывались. Если противник выбит из седла засчитывается три очка, после чего бой прекращается победой оставшегося в седле. Напомнив ряд запретов, де Сансер сделал знак оруженосцам, и они вынесли на ристалище большую кованую чашу.

Затем, по требованию главного судьи, все рыцари, прижав закованную в сталь правую руку к сердцу, перед лицом своего святого покровителя поклялись, что прибыли на турнир не ради вражды, а ради совершенствования воинского искусства и будут соблюдать кодекс рыцарской чести и правила турнира. Хок чуть заметно усмехнулся, когда Булатов, гордо выпрямившись в седле, провозгласил имя святого Георгия, Фарид Аль-Сафар клялся именем Аллаха и пророка его Магомета, а Валуев, на досуге занимавшийся в историческом обществе исследователей дохристианской Руси, — именем Перуна-Громовержца. С другой стороны это подтверждало, что все трое серьёзно относятся к этой клятве.

После рыцари один за другим подъезжали к чаше, чтоб опустить туда именной ярлык. Затем барон де Сансер доставал эти ярлыки попарно и оглашал имена противников первого тура. Валуеву выпало биться четвёртым с де Брассером, сразу за ним должен был выйти на ристалище Фарид, чтоб скрестить копья с Дезире Вайолетом. Булатову же в соперники достался барон Ренар-Амоди, их пара должна была сразиться предпоследней.

— Не повезло ребятам, — заметил Москаленко. — Если б Дезире достался Ивану, тот бы ещё мог выйти во второй тур, но Фарид против него не потянет.

— Фарид ни против кого не потянет, — пожал плечами Карнач. — Если опять не пристукнет тихонько завтра какого-нибудь бедолагу, нам придётся скидываться на выкуп его доспехов и коня.

— Да по любому пришлось бы. Ване против де Брассера тоже не устоять.

— А Юра? — спросил Хок, с тревогой посмотрев на своего астронавигатора.

— Посмотрим, — пробормотал Карнач.

Первыми на ристалище выехали барон Малар из луара Синего Грифона и рыцарь из Магдебурга фон Шлоссер. Первая сшибка закончилась тем, что Малар сломал копье о нагрудник своего противника, а во второй вышиб его из седла и уехал победителем под радостные крики толпы.

Второй парой оказались молодой Раймунд и барон Аллар. Уже первая сшибка закончилась для графского отпрыска плачевно, и оруженосцы увели его под руки с ристалища, в то время, как его соперник доставил себе удовольствие проехаться вдоль трибун, наслаждаясь приветственными криками и улыбками дам.

В третьем поединке высокий и статный Бертран Нуаре с честью выдержал две мощные атаки графа де Монфора и даже сумел ударить его в нагрудник, сломав копье. Однако третий раз выдержать удар затуплённого копья опытного бойца ему не удалось, и он рухнул на песок ристалища под горестные стоны дам.

Затем на ристалище выехали Иван Валуев и де Брассер. Их кони помчались навстречу друг другу и оба копья сломались от ударов в щиты. При второй атаке де Брассеру удалось лишь вскользь задеть нагрудник гвардейца, а сам он получил мощный удар по шлему, но всё же удержался в седле. И третью атаку Иван завершил столь же успешным ударом в нагрудник старого рыцаря и, хоть не смог выбить его из седла, получил победу по очкам.

Этот неожиданный исход вызвал больше свиста в адрес недавнего фаворита турниров, чем криков одобрения его молодому обидчику, но в этом шуме всё же можно было слышать радостные голоса его друзей, восхвалявших победителя.

Дезире Вайолет выбил Фарида Аль-Сафара из седла на второй сшибке и тот остался лежать на песке. Нахмурившись, де Сансер подъехал ближе и увидел вытекающий из шлема ручеек крови. Спешившись, он остановил состязания и объявил, что для решения исхода поединка необходимо осмотреть раненного. Если выяснится, что рана причинена противнику Вайолетом, он будет признан проигравшим, если это следствие падения, то победа останется за ним. Карнач с трудом удержал Игната от того, чтоб перескочить через ограждение и броситься к раненому Фариду. Однако тот неожиданно пошевелился и, приподнявшись, снял шлем. Ставив с руки латную перчатку, он вытер окровавленные губы и что-то сказал главному судье. Тот кивнул.

Расстроенный Дезире, который стоял в отдалении, с явным сочувствием смотрел на своего противника. Вернувшись в седло, барон де Сансер объявил победителем кавалера Вайолета, тот сразу вздохнул с облегчением и уехал. Фарид, немного пошатываясь, ушел сам, опираясь на плечо оруженосца.

На ристалище тем временем появился принц Жоан и его противник барон де Морен. Похоже, и он разделял мнение Ивана о необходимости бережного отношения к наследнику престола, что не помешало ему методично довести счёт до возможных шести очков и выиграть победу. Обернувшись к главной трибуне, Хок увидел, как помрачнел король и резко оттолкнул нагнувшегося к нему с комментариями Монтре.

Наконец, подошла очередь Булатова. Его противник барон Ренар-Амоди держался уверенно и, судя по приветственным крикам, был любимцем публики. Противники разъехались в стороны и помчались по ристалищу. С громким треском раскололись оба копыя, и Ренар-Амоди вылетел из седла, вызвав бурю в толпе зрителей и на трибунах. При этом Булатов, несмотря на то, что об него только что сломали копьё, с достоинством поклонился в сторону центральной трибуны и главному судье и покинул поле боя. Его противник оттолкнул прибежавших ему на помощь оруженосцев и поднялся на ноги. Уходя, он снял шлем, и, судя по тому, как он недоверчиво качал головой, ему и самому такой исход казался странным.

— Ничего себе заявочка! — расхохотался повеселевший Игнат. — Выбить такого опытного рыцаря из седла в первой сшибке!

— Возможно, барон недооценил его, как новичка, — пожал плечами Карнач.

— Ну, его и переоценить сложно, — усмехнулся Хок.

Последними в этом туре на ристалище появились рыцарь Синего Грифона Тиндел и барон Делвин-Элидир. По сравнению с внушительной фигурой противника закованной в стальные латы, изящный барон в своих украшенных золотыми узорами доспехах казался изысканной и хрупкой игрушкой. Однако по тому, как он уверенно развернул коня в сторону противника и принял из рук Аледа копьё, было видно, что такие поединки для него вполне привычны. И следом почти в точности повторился предыдущий поединок, только барон умудрился с такой силой ударить алкорца по шлему, что его копьё разлетелось в щепки, а тот откинулся назад и, проскакав так какое-то время, всё же съехал с седла. Упав на песок, он тяжело развернулся и поднялся на четвереньки. А барон тем временем снял шлем, наблюдая за своим противником холодными, как лёд, зелёными глазами.

— А он реально крут, — заметил Хок, наблюдая за своим новым приятелем. — Этот

парень рядом с ним — гора, и удар, я уверен, был ещё тот, а у него ни один мускул не дрогнул.

Барон де Сансер под невероятный рёв толпы провозгласил победу барона Делвин-Элидира, а король Ричард тем временем улыбнулся и, обернувшись к только что появившемуся рядом мрачному сыну, ткнул пальцем в сторону победителя, видимо, показывая ему, с кого нужно брать пример.

В перерыве между турами, пока рыцари отдыхали, а те, кто вышел во второй тур, приводили в порядок доспехи и оружие, на ристалище выехали на осликах шуты и развлекали публику шуточным поединком. Потом появились певцы с лютнями и исполнили трогательную балладу о героических победах в турнирах молодого короля Армана-Миротворца, которые он посвящал прекрасной королеве Элеоноре. Тем временем слуги засыпали песком немногочисленные кровавые пятна. К друзьям присоединился Фарид, у него распухла щека и заплаыл глаз.

— Этот гад выбил мне зуб, — пожаловался он, — но при этом проявил милосердие, отказавшись от трофеев.

— Зуб у тебя вырастет, пусть и не сразу, — поучительно произнёс Игнат. — И выбил ты его себе сам, свалившись с коня так ловко, что никто другой такой трюк повторить бы не смог даже после долгих и упорных тренировок. А Дезире всегда был хорошим парнем, к тому же на кой чёрт ему твои дешёвые латы.

На ристалище снова выехал де Сансер и следом — восемь рыцарей, одержавших победу в первом туре. После проведения жеребьёвки, уехали все, кроме Булатова и де Морена, которым выпало открыть второй тур. По всему было видно, что де Морен отнёсся к новому игроку внимательнее. Он какое-то время напряжённо ездил вдоль рубежа, настороженно наблюдая за ним, и не увидел ничего утешительного. Булатов сразу подъехал к линии, с которой надлежало начать атаку, и взял из рук оруженосца копьё.

Первая сшибка закончилась взаимными ударами, от которых разлетелись копья. При этом де Морен с трудом удержался в седле. Вторая атака была столь же шумной, и на сей раз удар пришёлся по шлему барона, отчего он вылетел из седла и, кувырнувшись по песку, с яростью ударил по нему кулаком. Булатов снова невозмутимо поклонился и под уже приветственные крики зрителей удалился с ристалища.

— Это простой удачей не объяснишь, — заметил Карнач, глядя ему вслед.

— Вот будет круто, если он победит, — воскликнул Игнат.

— Да уж, круто, — пробормотал Хок, в глубине души испытывая гордость за своего товарища.

На ристалище появились барон Синего Грифона Эрон Малар и барон Танкред Аллар. Сразу стало ясно, что это опытные воины, они сшиблись мощно и уверенно, сломав копья о нагрудники друг друга. Вторая атака также принесла им по очку, а третью они решили разрешить ударами в шлемы, но коронка на конце копья Танкреда лишь скользнула по шлему алкорца, в то время как тот ударил его так сильно, что он пошатнулся. Ноги его коня неожиданно подкосились и он завалился на бок. К счастью, ни Аллар, ни его скакун не получились серьёзных увечий, но победа в поединке досталась рыцарю из луара.

Следующий поединок вполне предсказуемо закончился поражением Ивана Валуева, которого барон Делвин-Элидир спокойно и уверенно выбил из седла. Иван привычно перекатился по песку и тут же поднялся на ноги.

— Ну, падать его, по крайней мере, научили, — проворчал Карнач.

— Надеюсь, и в этом случае нам не придётся выкупать коня и латы? — Игнат с надеждой посмотрел на Хока, но тот только неопределённо пожал плечами.

Так же закончился и последний поединок второго тура, в котором граф де Монфор в двух сшибках набрал два очка, а в третьей вышиб Дезире Вайолета из седла.

В перерыве между турами Иван присоединился к друзьям.

— Жив? — усмехнулся Игнат, посмотрев на него.

— Едва, — проворчал тот. — Поверь мне, старик де Брассер — ничто перед этим железным волком. У него такой удар, что душа вылетает из седла впереди доспехов.

— Кстати, как твои доспехи? — поинтересовался Фарид.

— Оставил в залог. Его оруженосец сказал, что с меня двести марок.

— Недурно! — фыркнул Игнат. — Твой металлолом столько не стоит. И Буцефал тоже.

— Брось, — отмахнулся Карнач. — Не будем нарушать правила игры. Хочет — получит.

— Кстати, за доспехи я платил семьсот марок, — обиженно добавил Иван. — И это не металлолом. Там только декоративные накладки на две сотни. Так что, можно считать, барон поступил по-божески.

— Но не по-дружески, — усмехнулся Фарид.

— Он нам пока не друг, — заметил Карнач, рассеянно глядя на жонглёров и акробатов, устроивших на ристалище своё представление.

В третий тур вышли всего четыре рыцаря, и открывать его снова пришлось Булатову, против которого выехал барон Малар. Поскольку оба новичка турнира уже успели доказать свой высокий уровень, к их поединку был прикован особый интерес. Первая же сшибка едва не закончила поединок, поскольку ударом копья по шлему Юрий почти выбил алкорца из седла, но тот отчаянно вцепился в гриву лошади, почти теряя сознание, прижался к её шее и удержался от падения. Однако, возможно, этот удар не прошёл для него даром, потому что следующий, пришедшийся в щит и переломивший копье Булатова, всё же заставил его пошатнуться и медленно съехать вниз. Через какое-то время он пришёл в себя, но барон де Сансер уже провозгласил победу Булатова.

— Вы заметили, что у нас пятый кавалер в команде? — усмехнулся Игнат, глядя, как Юрий чинно покидает поле боя.

— Я ему это ещё вчера обещал, — удовлетворённо кивнул Карнач.

Поединок между графом де Монфором и бароном Делвин-Элидиром был более зрелищным. Противники дважды ломали копья о щиты друг друга, а третья сшибка принесла барону сразу три очка, потому что граф вылетел из седла.

Не объявляя перерыва, барон де Сансер решил провести последний, пятый тур, в котором был всего один поединок между двумя самыми сильными противниками: Булатовым и Делвин-Элидиром. Трибуны и толпа зрителей по другую сторону ристалища шумели, подбадривая поединщиков. Симпатии в основном были на стороне барона, которого знали и любили ещё со времён его дружбы с королём Арманом. Теперь Сен-Марко был рад возвращению своего героя, приумножившего силу и доблесть, а потому публика: и знать, и простой народ — желали победы ему.

Первая атака была мощной, удары — точными, и копья разлетелись в щепки, причём барон целил в шлем Булатова, но тот, догадываясь о его силе, поднял щит выше. От этого удара щит раскололся, и ему пришлось взять новый. Однако этот удар не был зачтён главным судьёй как удар в шлем и принёс барону только одно очко. Вторая сшибка снова расколола копья противников, и на сей раз на две части разлетелся щит барона, а коронка копья

противника ударила его в грудь так, что он пошатнулся назад и лишь чудом удержался в седле.

— Так, парни, игры кончились, — тревожно проговорил Хок, глядя, как противники разъезжаются для последней атаки.

На сей раз они оба дольше, чем обычно, стояли в разных концах ристалища, пристально глядя друг на друга сквозь прорези забрал. Стало тише, потому что зрители так же напряжённо следили за ними. Наконец оба коня сорвались с места и помчались навстречу друг другу. Снова раздался треск и оба всадника одновременно вылетели из седел и, перекатившись по песку, поднялись на ноги, глядя друг на друга.

В обрушившемся на них смешении криков и свиста ничего было разобрано. Барон де Сансер какое-то время смотрел на противников, а потом обернулся к королю и сделал какой-то непонятный непосвящённым жест. Ричард азартно кивнул, и барон поднял руку. Тут же стало тихо.

— Оба соперника набрали равное количество очков. Для определения победителя, они будут сражаться пешими на мечах. Потерявший меч или упавший на землю признаётся побеждённым. Запрещается применять борцовские приёмы, нападать на потерявшего шлем противника и бить ниже пояса.

Тут же к рыцарям подбежали оруженосцы с мечами. Взяв их, противники сошлись. Тяжелые мечи лежали в их руках привычно, они начали с быстрых ударов, вовремя блокируя ответные. Неожиданно стало ясно, что невысокий рост барона даёт ему некоторое преимущество, потому что он легче уворачивался от мощных ударов Булатова. В какой-то момент он поднырнул под его руки, пытаясь попасть в живот рукояткой меча, но его противник изящно развернулся и ударил его по плечу закованным в сталь локтем. Барон тут же отступил, но на какой-то момент потерял сосредоточенность, а Булатов резко ускорился, нанося стремительные однообразные удары поочередно с двух сторон, вынуждая противника уйти в глухую оборону, и следом неожиданно нанёс мощный рубящий удар в голову. Делвин-Элидир блокировал его мечом, но Юрий уже развернулся и толкнул его плечом с такой силой, что тот отлетел на несколько шагов и рухнул на песок. Трибуны взвыли. Булатов подошёл к барону и застыл над ним, сжимая в руках меч.

Поединок был закончен, но остаточное напряжение не давало ему разжать пальцы. Он видел свирепый взгляд зелёных глаз сквозь прорези в шлеме противника. Казалось, тот сам был готов броситься грудью на его меч, но на самом деле барон замер неподвижно, и Булатов вдруг понял, что и его взгляд полыхает той же яростью. Разжав пальцы левой руки, он воткнул остриё меча в песок и сдёрнув с правой латную перчатку, протянул руку сопернику.

Тот какое-то время смотрел на него, а потом, сняв свою перчатку, принял его руку и позволил помочь ему подняться. Задержав руку Юрия в своей для рукопожатия, он выпустил её, и противники молча разошлись в разные стороны. Только сейчас Булатов услышал рёв трибун и заметил, как ноет его правое плечо. Колено тоже неприятно ныло, когда он наступал на правую ногу. Тем не менее, он старался держаться прямо, что давалось ему не так уж тяжело. Сказался опыт многочисленных турниров, в которых он принимал участие.

Барон де Сансер объявил его победителем тура и уже собирался завершить турнир, как вдруг заметил нетерпеливый жест короля.

Подъехав к трибуне, он спешил и подошёл ближе. Выслушав то, что сказал ему Ричард, он нахмурился и сначала хотел возразить. Король раздражённо прикрикнул, и тогда

барон сказал что-то, но явно не то, что хотел. Ричард недовольно пожал плечами, но спорить не стал.

Де Сансер вернулся в седло и поднял руку.

— Турнир будет продолжен. С победителем пожелал сразиться его величество король Сен-Марко Ричард!

Толпа снова возбуждённо зашумела. Булатов растеряно смотрел на главного судью, который подъехав к нему, склонился и произнёс:

— У вас будет время на отдых и прочие приготовления, сэръ Булатов. Идите в шатёр. За вами придут.

В какой-то момент Булатову захотелось рухнуть в изнеможении на землю или, ещё больше — обернуться к увитой парчовыми тряпками трибуне и наорать на этого напыщенного идиота в короне, но он сдержался. Поклонившись, он ушёл с ристалища под одобрителный рёв толпы.

В своём шатре он без сил рухнул на койку, глядя туда, где смыкался наверху полотняный полог. У него всё болело, каждая клеточка тела, и голова тоже. Он победил, но это далось ему нелегко. Он помнил каждый удар копьём, и то тяжёлое падение с лошади в самом конце. Он тогда загнал внезапную боль подальше, сказав себе, что скоро всё кончится, но теперь она выбралась наружу и заставила его едва не скрипеть зубами.

— Какого чёрта! — услышал он возмущённый возглас Фариды. — Это против всех правил! Как можно вызывать победителя, если не участвовал в турнире с самого начала?

— Заткнись! — яростно прорычал Карнач, войдя следом за ним, и тут же подошёл к Булатову и опустился рядом на колени. — Как ты? Плохо?

— Я не выдержу, Сашка... — простонал Юрий.

— Надо, парень, надо! — умоляюще произнёс капитан. — Иначе этот самодур будет оскорблён, а это может привести к очень большой беде для всех нас.

— Боже... — Булатов поднялся и сел, а потом склонился к коленям, закрыв руками лицо.

После этого он выпрямился и глубоко вздохнул.

— Мне нужно обезболивающее и медикаментозную блокаду на правое плечо.

— Ты не сможешь держать копьё, — подал голос Иван.

— Смогу, если сделаете всё правильно. И тонизирующее средство. Двойную дозу.

— С ума сошёл, — пробормотал Карнач и всё же потянулся к сумке, в которой была припасена аптечка из десантного набора.

Пока Игнат обкалывал его плечо, Булатов полулежал на подложенных под спину подушках. В какой-то момент он увидел, как шевельнулся полог палатки и на пороге возник знакомый силуэт в золочёных латах. Барон Делвин-Элидир угрюмо взглянул на него, а потом перевёл взгляд на Карнача и поманил его к себе. Тот на минуту вышел и вернулся ещё мрачнее.

— Что он сказал? — тревожно спросил Хок.

— Что подпругу седла у Юрки подрежут. Ричарду нужна победа.

— Урод! — прорычал Валуев, а Игнат испуганно обернулся:

— И что делать?

— Падать аккуратнее, — проворчал Карнач и, не решившись поднять взгляд на Булатова, отошёл в сторону.

Через какое-то время, когда Иван и Игнат заканчивали надевать на Булатова доспехи, в

шатёр вошёл молоденький оруженосец в тунике геральдических цветов де Сансера. Почтительно поклонившись Юрию, он произнёс:

— Прошу господина проследовать на ристалище. Перед боем с королём его величество произведёт вас в кавалеры Сен-Марко, а также пожалует приз за победу в турнире. Он велел передать вам, что в случае победы претендует только на право выбрать королеву турнира.

Булатов с трудом удержался от того, чтоб сказать, куда король может засунуть рыцарское звание и свой приз, но опять же помогла многолетняя выучка. Он кивнул и вместе с друзьями отправился на ристалище.

Ричард в золотых, покрытых затейливой вязью турнирных доспехах уже ждал его у помоста, где под звуки труб и рукоплескания придворных дам, возложил на плечо преклонившему колено Булатову свой меч, и объявил его кавалером Сен-Марко, после чего вручил тяжёлый золотой пояс, в который были вставлены накладки из золотистой яшмы. Оруженосцы короля тут же надели пояс на Булатова, а тот, поднимаясь на ноги, подумал, что и без этой дополнительной тяжести еле стоит на ногах.

И всё же он заставил себя сконцентрироваться и, подойдя к коню, запрыгнул в седло. Надев шлем, он опустил забрало, глядя на застывшего перед ним золотого всадника. В какой-то момент в нём вскипела ярость, и он решил, что если сможет, то вышибет этого мерзавца из седла. Он помчался ему навстречу, но его копьё лишь беспомощно скользнуло по золотому нагруднику, а пришедшийся в его щит удар был так силён, что подрезанная подпруга лопнула, и он почувствовал, как седло поехало назад и влево. Сгруппировавшись, он довольно удачно упал на песок и замер, лёжа ничком и напоминая себе, что на сей раз уже точно всё закончилось.

Барон Делвин-Элидир смотрел, как уходит к своему шатру победивший его рыцарь. Хоть держался он прямо и двигался быстро, в его слишком прямой спине чувствовалось напряжение. Наверняка он тоже страдал от боли и тоже не желал это показать. Айолин поднёс к губам кубок с густым настоем трав, которые утоляли боль, снимали воспаление и придавали сил. Рядом с ним стоял Жоан с сочувствием глядя на Булатова.

— Удивительно, как у него хватило сил снова вернуться сюда и сесть на коня после пяти схваток, — пробормотал он.

— Пять схваток, мой принц, это ничто по сравнению с двумя днями бесконечного сражения, — ответил Айолин. — Но, безусловно, этот рыцарь заслуживает уважения, поскольку бился не с обычными солдатами. Ему сегодня достались в соперники опытные и мужественные воины, и он ни на секунду не дрогнул.

— Я очень переживал за вас, друг мой, — признался юноша. — И мне отчаянно хотелось, чтоб вы победили.

— Нельзя побеждать всё время, — барон с улыбкой взглянул на него. — К тому же проиграть достойному противнику в честном бою — это поражение, но не позор. Скорее, урок.

— И чему он вас научил?

— Если не считать смирения, то тому, что существуют приёмы фехтования на мечах, которые мне неизвестны. Вы обратили внимание на то, как он загнал меня в угол перед финальным ударом? Наклон меча и скорость, с которой он напал, практически не дали мне шанса отбиться, а для него это были совершенно механические, привычные действия. Было ещё кое-что, что показалось мне весьма эффективным, потому я намерен свести с этим

кавалером более близкое знакомство.

— Мне показалось, что он благородный человек. Вместо того чтоб скакать по ристалищу от счастья, он протянул вам руку и помог подняться. Такое не часто увидишь в Сен-Марко.

— Наверно их так учат в их странном ордене, где правит прекрасная дама.

— О чём вы? — удивился принц, но барон только усмехнулся и повернулся к ристалищу, где проходил ритуал выбора королевы турнира.

Вдоль трибун на высоком коне ехал рыцарь в золотых доспехах, держа перед собой копьё, на зубце коронки которого висел свитый из золотой проволоки веночек, украшенный листиками из тончайшей фольги и цветами, лепестки которых были украшены мелким жемчугом, рубинами и сапфирами. Сидевшие на трибунах дамы скромно опускали глаза и призывно улыбались, но король миновал центральные трибуны и остановился напротив необычной пары. Юная дама в голубом атласном платье с шитым серебром корсажем, в белой вуали на золотисто-рыжих волосах восседала рядом со своим уже немолодым, тучным и обрюзгшим супругом, облачённым в богатый бархатный кафтан. По тому, как широко были распахнуты синие глаза красавицы, как возбуждённо горели её щёки, можно было догадаться, что её детство прошло в каком-то далёком и небогатом замке, и только удачно выйдя замуж за состоятельного купца, она смогла, наконец, попасть в Сен-Марко, где всё восхищало и поражало её. С ласковой улыбкой король склонил перед ней увенчанную короной голову и опустил копьё, отчего золотой веночек к зависти прочих дам буквально упал ей в руки.

— Бедняжка, — пробормотал Жоан, наблюдая эту сцену. — Отец нашёл себе новую игрушку. Этой глупышке и невдомёк, что он развлечётся с нею и, когда она ему наскучит, проиграет её в кости какому-нибудь фавориту.

Айолин нахмурился и строго взглянул на принца.

— Ни со мной наедине, ни даже в одиночестве, вы, Жоан, не должны произносить таких вещей. Это речи, недостойные преданного и любящего сына. Отучайте себя от них, чтоб случайно не высказать что-то такое в неподходящий час, в неподходящей компании.

— Вы правы, друг мой, — вздохнул тот. — Но что мне сказать в таком случае?

— Одобрить выбор отца и сказать, как повезло этой девушке, что на неё упал благосклонный взгляд нашего короля. А лучше промолчать, оставив комментарии при себе. По крайней мере, если вас никто не спрашивает.

— Лучше прослыть молчуном, чем лицемером? — улыбнулся юноша.

— Иногда, — кивнул Айолин. — И запомните, мой мальчик, не стоит возмущаться тем, что вы не можете изменить. Лучше сосредоточить усилия на том, что вы можете исправить и обратить во благо.

— Вы кладёшь мудрости, мой милый, — рассмеялся Жоан. — Но я задержал вас. Вам нужно отдохнуть после турнира. Вы приглашены на пир в честь победителя.

— Звучит двусмысленно, — проворчал Айолин и покосился на принца. — Как видите, и я не всегда следую собственным советам.

— На наше счастье, все наши невольные промахи навсегда останутся между нами.

Простившись с принцем, барон Делвин-Элидир отправился в свой шатёр. Увидев рядом у коновязи своего чёрного жеребца, он нахмурился, а, войдя внутрь, остановился над сложенными в углу золочёными латами и гневно взглянул на оруженосца.

— Я велел тебе отвести коня и доставить доспехи сэру Булатову. Почему они ещё здесь?

— Он отказался их принять, — ответил Алед. — Я застал его в шатре, когда с него со всеми предосторожностями снимали латы. Ему здорово досталось сегодня, но увидев Барда, он подошёл к нему и, погладив по холке, сказал, что дома его ждет серый в яблоках конь. Это прозвучало странно, но, должно быть, что-то значило, и я не запомнил странную кличку этого коня. Сэр рыцарь сказал, что кони очень скучают по своим хозяевам, и велел мне вернуть Барда вам. И доспехи тоже, хотя его приятели уже обсуждали, сколько они смогут за них выручить. Вам же он велел передать, что для него было честью скрестить копыта и мечи с таким сильным и благородным рыцарем, а потому он не желает от вас никаких трофеев. Весьма странный поступок для обычного гвардейца.

— Он не обычный гвардеец, — произнёс барон, снова посмотрев на доспехи. — Скажи, кто-то из его друзей возмутился или стал его отговаривать?

— Никто не сказал и слова, даже если в глубине души они испытали разочарование.

— Верни доспехи и коня его другу, и узнай, прибыл ли Фабрициус. Если да, то проводи его в шатёр гвардейцев.

— Вы уверены, что вам помощь лекаря нужна меньше, чем ему?

— Боюсь, что его страдания больше, чем мои, поскольку его стойкость приобретена в других испытаниях. Вряд ли ему приходилось участвовать в многодневных турнирах и боях. Делай, что я говорю, и не спорь.

— Как скажете, ваша светлость, но вам бы тоже не мешало прилечь, — проворчал оруженосец.

— И скажи Томасу, пусть принесёт кувшин настоя в тот шатёр, — добавил Айолин, выходя.

Бело-голубой шатёр, взятый в аренду гвардейцами, слегка потёртый, но такой же яркий, как и другие, и даже увенчанный наверху чем-то вроде зубчатой коронки, покрытой потрескавшейся серебряной краской, стоял неподалёку. Подойдя к нему, он почти столкнулся с пажом сенешаля, который был слегка растерян, а, увидев барона, и вовсе смутился и согнулся пополам, бормоча извинения за свою неловкость.

— Он отказался идти на пир? — спросил барон, положив руку на плечо мальчика.

Тот ошарашено взглянул на него и кивнул.

— Не говори об этом никому. Я его уговорю, — барон вложил в руку пажу золотую монету, и тот, радостно улыбнувшись, поклонился и умчался дальше.

Войдя в шатёр, он увидел там пятерых гвардейцев и Хока. Булатов лежал на койке, прикрытый одеялом. Он был бледен. Рядом стоял Хок, а остальные сидели на лавках и подавленно молчали.

— Простите за вторжение, — произнёс барон, и, подойдя к Булатову, склонился над ним. — Я зашёл узнать как вы, мой друг. Когда вы уходили, мне показалось, что вас мучает сильная боль.

— Не слишком удачное падение, вашими заботами, — усмехнулся Булатов. — Но всё не так страшно, как выглядит. Множество ушибов, однако, кости целы. Завтра я смогу продолжить участие в турнире.

— Вряд ли это разумно, — проворчал Карнач, отвернувшись.

— Странно, что вы на ногах, ведь вам досталось не меньше, ваша светлость, — заметил Игнат, без особой симпатии взглянув на визитёра.

— Я привык и знаю несколько секретов, — улыбнулся барон.

В это время полог шатра откинулся, и в него вошёл слуга, нагруженный латами. Следом появился Алед и поставил на раскладной стол кувшин, от которого поднимался ароматный пар.

— Конь у коновязи, ваша светлость. Фабрициус сейчас у барона Малара, поскольку чужестранцы на турнире пользуются привилегиями, а после придёт к нам, и я его приведу.

— Это мои доспехи? — удивился Валуев, указав слуге место, куда он может сложить свой груз.

— После благородного жеста вашего друга я счёл, что и сам не вправе требовать выкуп за трофеи, — пожал плечами барон и, налив из кувшина в кубок настой, подал его Булатову. — Выпейте. Это один из моих секретов, помогающих мне держаться на ногах после любого турнира, если конечно кости целы.

— Ваша выдержка делает вам честь, — приподнявшись, произнёс Юрий и взял кубок.

— Вы недавно прибыли в наш мир, кавалер, а мы давно живём по его законам, они достаточно суровы и требуют большой выдержки. Например, после турнира, победитель, то есть рыцарь, выдержавший больше других поединков, должен, тем не менее, присутствовать на пиру, который устраивают в его честь. Не спорьте, и выслушайте меня, — мягко произнёс он, жестом пресекая возражения Булатова. — Этот пир устраивает король, и хоть на самом деле он устраивает его для себя и своей свиты, вы являетесь поводом для этого торжества. Единственной причиной, по которой вы можете не явиться туда, является смерть. Ну, или беспамятство. Вы же здоровы настолько, что собираетесь завтра принять участие в свалке. Простите, так мы называем бой в пешем строю. Король Ричард крайне обидчив и очень злопамятен. Он не прощает пренебрежения своей персоной. Сейчас он явно расположен к вам, поскольку вы служите ему и без возражений уступили ему честь своей победы. Но эта милость может в любой момент смениться обидой, и тогда и вам, и вашим друзьям не поздоровится.

— Почему же и друзьям? — нахмурился Булатов.

— Потому что, глядя на вашу компанию, любой скажет, что вы всегда действуете заодно. Это замечательное качество, особенно на поле боя, но оно имеет большой недостаток: отвечать за промахи одного, придётся всем, а особенно вашему командиру, который не убедил вас в необходимости принятия правильного решения.

— Я не могу давить на него, ваша светлость, — раздражённо проговорил Карнач. — Я привёл сюда своих людей и принял их под свою опеку и защиту, и не смог...

Он замолчал, но барон продолжил за него:

— Защитить его от преступной прихоти короля? Не всё в наших силах, капитан. Я тоже не смог бы.

— Однако вы предупредили нас, — заметил Хок. — Юра был готов, и это падение не привело к трагическому результату.

— Благодарить вам следовало бы принца Жоана, который подслушал разговор виконта Монтре с конюхом. Но поверьте, он был вознаграждён уже тем, что ваш друг ушёл с ристалища на своих ногах. Мы все делаем, что можем, но мы не всемогущи. Похоже, вы не привычны к тому, что кто-то один распоряжается жизнями многих. Я свободный барон, и мне ваше возмущение понятно, но Сен-Марко живёт по другим законам, и по ним ваши жизни принадлежат королю. Не давайте ему повода испортить или отнять их. Это дружеский совет.

Полог шатра снова отодвинулся в сторону, и на пороге появилась странная и немного

зловещая фигура высокого сутулого человека в тёмной мантии и чёрной шапочке на плешивой голове.

— Это ещё один секрет, — обернулся к нему барон. — Фабрициус, у тебя есть время до начала пира, и ты должен поставить этого рыцаря на ноги. После, если успеешь, зайди ко мне в шатёр, — он поднялся и уже выходя, задержался, придерживая полог. — И будь любезен, осмотри ещё того, с разбитым лицом. Такая распухшая физиономия не украсит королевский пир. Кстати, вы все приглашены. Не опаздывайте.

Фабрициус приблизился к койке и, заметив слегка испуганный взгляд Булатова, улыбнулся, продемонстрировав полный набор жёлтых лошадиных зубов, после чего тихим приятным голосом произнёс:

— Я лекарь, мой господин, и благородные рыцари часто прибегают к моей помощи после тяжёлых битв и поединков. Я поставил на ноги многих, поставлю и вас.

И опустив в изножье койки свой сундучок, откинул его крышку.

Фабрициус оказался настоящим волшебником. Словно сами его длинные мягкие пальцы, втиравшие в воспалённые мышцы Булатова чудодейственные пахучие бальзамы и накладывавшие на ноющие суставы охлаждающие примочки и компрессы, обладали целительной силой. Настоянное на неведомых травах вино помогло уменьшить головную боль и придало ясность взгляду, и, наконец, примотав широкими бинтами к повреждённым колену и плечу слегка обжигающие пластыри, он закончил дело и вопросительно заглянул в глаза своему пациенту. А тот, готов был рассыпаться в восторгах и благодарностях, но едва догадавшись об этом, Фабрициус направился к Фариду, чтоб снять с его лица широкую повязку, под которой темнела пахнувшая болотом тёмная масса. Когда лекарь снял её и смыл остатки этой грязи, оказалось, что отёк со щеки гвардейца почти сошёл, и кожа заметно посветлела.

Не тратя времени на то, чтоб выслушать слова благодарности, лекарь выложил на стол маленькие склянки и завернутые в тряпицы лепёшки примочек и быстро объяснил, что и как следует применить на ночь, пообещал зайти утром перед турниром и поспешил в шатёр к барону Делвин-Элидиру, в надежде успеть и ему оказать необходимую помощь.

Боль прошла, и Булатову удалось ненадолго заснуть, после чего он проснулся если не бодрым и отдохнувшим, то, по крайней мере, достаточно восстановившимся, чтоб встать с койки. Одевшись, он заметил, что хотя его больные суставы всё ещё ноют, он может двигать рукой и ходить, почти не припадая на повреждённую ногу.

На улице было светло, приближалась короткая светлая ночь, и он надеялся, что ему всё-таки удастся выспаться перед вторым днём турнира. Однако слова барона Делвин-Элидира убедили его в том, что ему следует принять приглашение короля. Потому, он снова застегнул на талии золотой пояс, пожалованный королём, и вместе с друзьями отправился на пир.

Для этого был предназначен большой шатёр, покрытый белыми и золотыми полосами шёлка, над которым на высоком флагштоке развевалось королевское жёлтое знамя, украшенное красным крестом и синими орлами по углам. Возле входа стояли пажы, придерживая полог, а также главный привратник барон фон Вебер, который, подобно святому Петру у врат рая, решал, кто достоин попасть внутрь, а кому следует отправиться в город, пока ещё в тавернах можно найти свободные столы.

Неподалёку в окружении своих друзей стоял барон Делвин-Элидир. Взглянув на него, Булатов снова поразился его умению скрывать выпавшие на его долю испытания.

Облачённый в изысканный камзол из полосатой узорчатой парчи, с драгоценным поясом на талии, молодой барон выглядел свежим и оживлённым. Разве что намётанный глаз мог заметить некоторую бледность на его смуглом лице, да лёгкие тени вокруг глаз. Увидев гвардейцев и Хока, он приветливо поманил их к себе и представил своим друзьям. Бароны, хоть среди них и были пострадавшие от копья Булатова на турнире, встретили их радушно, не упустив возможности высказать несколько комплементов победителю.

— Признаться, я был поражён, когда вы с такой лёгкостью выбили меня из седла, — улыбнулся Ренар-Амоди. — И даже решил, что сам допустил оплошность. Но когда следом за мной в пыль полетел де Морен, я понял, что теперь у нас появился серьёзный противник, который не даст нам расслабиться.

— Сильный противник — это благо для рыцаря, — улыбнулся де Морен. — Значит, есть, у кого учиться и к чему стремиться.

— Отлично сказано, Тристан, — кивнул Аллар. — Мне не удалось в этот раз померяться с вами силой, кавалер, но я буду ждать своего шанса.

— К вашим услугам, ваша светлость, — поклонился Булатов. — Только дайте чуть передохнуть. Такие испытания выпадают мне не так уж часто.

— Разве в вашем ордене не практикуются турниры? — полюбопытствовал Делвин-Элидир.

— Что-то вроде турниров, но не таких. А моя служба и вовсе не связана с подобными упражнениями. Это скорее увлечение, чем работа.

— Страшно подумать, что у вас есть кто-то, для кого это является работой, — заметил де Морен. — Неужели они сильнее вас?

— Есть один, но он...

— Он предпочёл следовать иным путём, — поспешно договорил за него Карнач. — А мои гвардейцы более сильны в рукопашном пешем бою, чем конных состязаниях.

— Надеюсь, завтра вы нам это докажете, — рассмеялся Ренар-Амоди.

— Что ж, — де Морен обернулся и посмотрел в сторону шатра. — Думаю, что нам пора занимать места за столом. К сожалению, мы окажемся далеко друг от друга, но я надеюсь, что ещё сможем встретиться и поговорить.

Они двинулись к шатру и были беспрепятственно допущены строгим привратником. В шатре их ожидали пажи, которые, действительно, развели их в разные стороны. Гвардейцам достались места в конце стола, капитана и Хока посадили ближе к центру, а баронов торжественно препроводили за стол возле помоста, где торцом был поставлен ещё один широкий стол, за который садились приближённые короля. Именно туда и отвели Булатова и Делвин-Элидира.

Не успели они сесть, как все поднялись, приветствуя правителя Сен-Марко. Он вошёл, ведя под руку сияющую от счастья королеву турнира. Усадив её рядом с собой, он сел на трон, стоявший во главе стола. По правую руку от него сел сумрачный принц Жоан, расстроенный своей неудачей на турнире. Рядом с ним посадили Булатова и Делвин-Элидира, а по другую сторону стола оказались виконт Монтре и сенешаль. Кроме них за столом были граф Раймунд, барон де Сансер, маркиз Вайолет, граф де Монфор и ещё несколько высокопоставленных придворных, чьё общество было разбавлено пятью молодыми красивыми дамами, старательно скрывавшими свою неприязнь к новой избраннице короля, и мило улыбались всем подряд.

Таким образом, на помосте образовалось своё общество, в то время как остальные

пирующие внизу были предоставлены самим себе и всё же с нетерпением прислушивались, готовые внимать словам короля.

Присмотревшись к нему поближе, Булатов вынужден был признать, что Ричард действительно очень красив, при этом его красота была брутальной и достойной восхищения не только женщин, но и воинов. Потому влюблённые взгляды, которые бросали на него дамы, скорее всего, были искренними. К тому же он обладал редкой харизмой, вёл себя просто и раскрепощённо, говорил прямо и с известной долей юмора. Увидев его так близко, сложно было не поддаться его обаянию, но вскоре Юрий заметил, что это обаяние больше действует именно на дам и тех, кто сидел внизу. Видимо, сидевшие за этим столом слишком хорошо знали короля, чтоб быть обманутыми его привлекательным имиджем.

Тем временем король объявил начало пира и сам провозгласил первый тост за королеву турнира, прекрасную леди Ровену Кутберт, демонстрируя при этом надетый на его руку полученный от неё приз — ожерелье из серебра с вставками, украшенными речным жемчугом. Она мило зарделась, и тут же вперёд вышел менестрель и спел коротенькую наспех сочинённую по готовым лекалам балладу в её честь. После король взглянул на Булатова и поднял тост за подлинного победителя турнира, который недавно появившись в Сен-Марко, уже прославил своё имя и гвардию короля этой блестящей победой. Булатов с поклоном принял тост, после чего, поймав выразительный взгляд Делвин-Элидира, просил позволения поднять чашу за короля, хозяина турнира и его победителя. Говорил он складно, поскольку уже участвовал в подобных пирах на Алкоре, и его тост также был принят Ричардом благосклонно.

Судя по всему, на этом официальная часть мероприятия была закончена, и все занялись своими разговорами и поглощением вина и разнообразных яств, которые неустанно подносили слуги. Монтре любезничал с сидевшей рядом с ним дамой, а потом перевёл взгляд на Айолина и громко проговорил:

— Жаль, барон, что вы не привезли в Сен-Марко свою юную супругу. Она была бы настоящим украшением этого пира.

— Наши женщины, виконт, не разъезжают по пирам, а сидят дома, занимаются хозяйством и рожают детей, — сухо ответил тот. — Так что и моей жене больше пристало коротать вечера за прялкой и изучением основ новой для неё религии, в почитании к которой ей надлежит воспитывать наших детей.

Монтре быстро обернулся в сторону барона де Сансера, чтоб увидеть его реакцию. Тот бросил быстрый взгляд на зятя и отвёл глаза.

— Но всё же, барон, я прошу вас сделать исключение, — заговорил король. — Насколько я помню, ваша супруга исключительно хороша, и видеть её при дворе нам было бы приятно. Так что привезите её как-нибудь во дворец. Порадуйте нас.

— Непременно, ваше величество, — произнёс тот, спокойно взглянув на Ричарда, — но не раньше, чем она докажет свою преданность нашей семье, родив наследника и приняв нашу веру, что возможно лишь после того, как она получит все соответствующие наставления от старейшин. До того момента я не считаю возможным ввести её в королевский дворец, как истинную баронессу Делвин-Элидир.

— А ваша милая внешность скрывает нрав дракона, — рассмеялась одна из дам.

— Наша внешность часто бывает обманчива, — очаровательно улыбнулся он.

— Да уж, — пробормотал граф де Монфор. — Вы всегда вводили всех в заблуждение своим мальчишеским обликом и девичьим румянцем. Но схлестнуться с вами в схватке —

это испытание не из лёгких, не так ли, кавалер? — он взглянул на Булатова.

— Барон — один из самых сложных противников, с которыми мне приходилось биться, — ответил Юрий. — Возможно, лишь удача помогла мне одержать верх над ним.

— Вы очень любезны, друг мой, — покачал головой барон. — Но уверяю вас, это не так.

— Да, господа, — усмехнулся король. — Вы можете развлекаться теперь, отпуская друг другу дружеские комплементы, потому что с честью выдержали это испытание. При этом вы ещё очень молоды, но ваш боевой опыт явно бежит впереди вашего возраста. Чего не скажешь... — он мрачно взглянул на сына. — Ты по ошибке сидишь здесь, Жоан. Такого жалкого поражения, как твоё сегодня, я давно не видел. Никого другого с подобными навыками не допустили бы до турнира. Может, тебе перебраться на женскую половину дворца?

— Дамы были бы не против, — заметил Монтре, и тут же уточнил: — поскольку в отличие от его величества, они нисколько не сомневаются в мужественности нашего наследного принца.

Жоан сидел, потупившись, и его лицо заливал багровый румянец.

— Вы несправедливы к его высочеству, ваше величество, — произнёс Айолин. Внешне он не проявлял особого сочувствия к принцу, но говорил рассудительно, глядя на короля. — Не стоит забывать, что наши достоинства лишь отчасти то, что досталось нам при рождении, а остальное — это то, что нам дали наши наставники и учителя. Глядя на вас и вспоминая прекрасную герцогиню Изабеллу, столь рано покинувшую этот мир, я полагаю, что вашему сыну от родителей досталось много отличных качеств. Однако любой камень требует огранки. Так, может, всё дело в учителях? Господин граф, — он посмотрел на Раймунда, — я слышал много лестных слов о том, как мастерски ваш сын Анри владеет мечом. Кто его обучал?

— Я сам, барон, — это был тот редкий случай, когда на обычно бесстрастном лице главы тайной полиции мелькнула улыбка. — Анри — мой единственный сын, и я ещё в детстве заметил в нём способности к фехтованию. А поскольку даже в дни моей бурной молодости я редко встречал столь сильного соперника, чтоб уступить ему, я решил, что никто лучше меня не обучит мальчика. И он меня не разочаровал.

— Я рад за вас и вашего сына, — кивнул Айолин и перевёл взгляд на сенешаля, — ваше сиятельство, ваш сын Бертаран сегодня не так удачно выступил на турнире, но, возможно, виной тому было то, что ему сразу попался такой противник, как граф де Монфор. Однако мне известно, что в других случаях вышибить его из седла очень сложно.

— Вы правы, барон, — рассмеялся сенешаль. — Бертран вырос в моём родовом имении и с пяти лет в седле. Он чувствует коня, как часть себя, при этом неплохо управляется с копьём. Он совсем недавно выступает на турнирах и часто побеждает своих сверстников. И если вас интересует, кто его учил этому, я отвечу, что это знаменитый Бентарди.

— Тот алкорец, что победил в восьми турнирах к ряду, и в течение шести лет неизменно доходил до последнего тура каждого турнира, в котором участвовал? Что-то подобное я и предполагал, — он перевёл взгляд на маркиза Вайолета и тот усмехнулся.

— Я уже понял, что вы хотите спросить меня о Дезире. Скажу прямо, что я сам не лучший поединщик, но поскольку часто сожалел об этом, то постарался найти сыну наставников, которые сделали бы из него мужчину, и старался не замечать его синяков и слёз и не слушать его жалобы. Они быстро стихли, а Дезире скоро займёт своё место под знамёнами нашего короля в военном походе.

— Я понял, куда вы гнёте, барон, — кивнул король, взглянув на Айолина, — но, боюсь, что это удар мимо цели. Я нашёл для Жоана отличного учителя, не раз побеждавшего в турнирах и известного вам по последней военной кампании под командованием моего любимого племянника короля Армана. Я говорю об Адаме де Брассере.

— Вы говорите о том де Брассере, который семь лет назад разгромил конницу графа Лорина и взял его в плен, или о том, который сегодня проиграл по очкам молодому гвардейцу, лишь третий раз выступавшему на турнире? Ваше величество, де Брассер — опытный и мудрый воин, и, я уверен, что в разговорах о боях и турнирах, ваш сын покажет себя весьма сведущим человеком. Но в обучении мало рассказать и показать, нужно научить бою. Де Брассер всё ещё крепок и силён, но он медлителен и уже не так ловок. В поединке с ним его ученик не сможет научиться быстроте реакции и стремительности действий. Теперь, когда он дал его высочеству необходимые теоретические знания, даже схватки со сверстниками были бы для него более полезны дальнейших уроков. Если вы найдёте принцу нового молодого учителя, мастера в воинских искусствах, он очень скоро приятно удивит вас.

— Не лишено смысла, — подумав, согласился король. — Но кого мне лучше выбрать?

— Разве есть при дворе кто-то столь же молодой, сильный и проворный, а также столь сведущий в таких делах, как барон Делвин-Элидир? — улыбнулся Монтре. — Похоже, вы уже взяли на себя роль наставника принца, так почему бы вам не заняться и его боевой подготовкой?

— Для этого необходимо постоянно быть при нём, — спокойно возразил барон. — У меня же слишком много иных дел, в том числе в части подготовки к военной кампании, ради чего я и был призван сюда королём. К тому же, как выяснилось сегодня, я далеко не лучший. Здесь есть другой мастер копья и меча, который к тому же всё время находится во дворце по долгу службы.

Король, даже не взглянув на растерявшегося Булатова, молча взглянул на графа Раймунда, и этот немой вопрос вряд ли касался бойцовских качеств нового претендента на роль наставника принца.

— Честно скажу, весь этот турнир и краткий поединок на мечах в конце меня весьма впечатлили, — заметил граф Раймунд, обернувшись к королю. — Я сам считал себя мастером клинка, но за пару минут поединка я увидел столько новых блистательных приёмов, что пожалел о том, что уже слишком стар для того, чтоб переучиваться. Я уверен, что кавалер Булатов отлично обучит принца.

Король внимательно смотрел на него, видимо, читая между строк в этом одобрении и то, что данный кандидат не замечен в предосудительных поступках и связях, недавно прибыл издалека и не вовлечён ни в одну из придворных группировок, а, стало быть, не станет интриговать против трона.

— Хорошо, — согласился Ричард, — кавалер, я поручаю вам обучение принца и надеюсь уже в самом ближайшем будущем увидеть его результаты. Вы будете получать дополнительную плату, и вашему капитану будет приказано освободить вас от службы на время занятий. Если вы сумеете сделать из моего сына воина, то я обещаю вам титул, земли и место при дворе.

Сказав так, он тут же отвлёкся на свою заскучавшую даму, а Булатов бросив на барона убийственный взгляд, посмотрел на принца и встретил его горящие радостью глаза. Никто не спросил его о согласии, никто не поинтересовался мнением его командира. Просто в

один миг ему вручили наследного принца с приказом сделать из него мужчину. Не то, чтоб это пугало Булатова. Он любил в свободное время тренировать мальчишек в своём клубе и летних лагерях, он часто проводил тренировки с юниорами и начинающими спортсменами. Говорили, что у него есть тренерский талант, но обучать принца? Впрочем, заметив едва заметную улыбку на губах молодого барона, он понял, что спорить бесполезно и даже вредно.

Пир шёл своим чередом. По залу проходили менестрели с лютнями, гости шумели и наперебой кричали тосты в разных концах шатра. Булатов прислушивался к разговорам за столом и даже радовался, что о нём все забыли. Он с интересом следил за Делвин-Элидиром, который вёл беседы спокойно и рассудительно, не реагируя на выпады, или отвечая на них со столь тонким сарказмом, что обвинить его в неучтивости было просто невозможно. Вскоре король, шептавшийся со своей новой фавориткой, удалился по-английски. За ним исчез и Монтре со своей дамой. Вайолет ушёл вместе с де Монфором, о чём-то загадочно перешёптываясь, и по выразительным жестам маркиза можно было понять, что их ждёт встреча с весьма фигуристыми особами женского пола. Потом в шатёр неожиданно вошёл Джинхэй, чем вызвал внезапное, хотя и непродолжительное протрезвление сидевшей внизу публики. Гости замолкали, боязливо косясь на него, а он, поднявшись на помост и бросив безразличный взгляд на Булатова, склонился к плечу графа Раймунда. Тот, выслушав его, напрягся и с тревогой посмотрел в узкие чёрные глаза. Джинхэй кивнул, граф тут же поднялся и они вдвоём ушли. Сенешаль, которого уже развезло от вина, осторожно встал, к нему подошёл его слуга и, бережно взяв под локоть, увёл. Барон де Сансер спустился в зал, сел за стол рядом с двумя седыми, как он, военными баронами и что-то с ними обсуждал. Так за частью стола, близкой к трону, остались только Жоан, который прижимал к горячей щеке кубок с холодным вином, и Булатов с Делвин-Элидиром.

— Вы меня подставили! — резко проговорил Юрий, обернувшись к барону.

— Простите меня, кавалер... — умоляюще произнёс тот.

— Оставьте этот балаган! Вы понимаете, что я — командор земного космического флота и...

— Юрий, — Айолин взял его за руку и заглянул в глаза, — прошу вас, простите меня, но мне нужно было спасти принца. Жоан — хороший человек, но отцу всегда было на него наплевать. А теперь он требует от него больше, чем дал ему сам. И его беспомощность и незащищённость — это тоже его проблема. Ему нужен хороший учитель, независимый от дворцовых интриганов и относящийся к нему с уважением. Я смотрел на вас и понял, что вы можете не только обучить его фехтованию, но и поможете ему поверить в себя. Я не хочу, чтоб к нему приставили какого-нибудь шпиона или бретёра, который научит его плохому. Я взялся бы сам, но я, действительно, занят другими делами. Кроме службы королю у меня ещё есть мои земли и те, что недавно пришли ко мне с женитьбой. Скоро война, и Жоан вместе с отцом пойдёт в поход. Я просто хочу, чтоб он не боялся и мог защитить себя. Я обещаю помогать вам и защищать вас и ваших друзей. И если вы поможете принцу, я буду обязан вам до конца жизни.

Булатов отвернулся и уткнулся взглядом в тарелку.

— Послушайте меня, друг мой, — тихо проговорил Айолин, склонившись к нему. — Я догадываюсь, что всё это для вас необычно. Вы из другого мира, вы совсем другие. Я встретил леди Дарью и понял, что такая дама могла прийти только из мира несравненно лучшего, чем наш, а значит, и люди там иные. И познакомившись с вами, с вашими друзьями, я убедился, что вы отвечаете всем самым строгим требованиям, которые кодекс

предъявляет к рыцарям. Вы честны, отважны и благородны, вы не предаёте и не бросаете своих, вы хорошо воспитаны и не стремитесь к богатству и власти, как большинство из живущих здесь. Вы не только могли бы научить нашего будущего короля искусству защищать себя и своих близких, но и показали бы ему своим примером, каким должен быть король.

Булатов обернулся и задумчиво посмотрел на барона.

— Вы серьёзно? Я — обычный офицер флота, и я могу научить вашего принца быть королём?

— Вы живёте по своему кодексу, а он, похоже, куда строже нашего. У вас хорошо получается следовать ему, наверно вас так воспитали. Я не жду, что вы будете наставлять его в чём-то, кроме воинского искусства. Само общение с вами неизбежно окажет на него благотворное влияние. С вами и вашими друзьями. Поэтому я буду просить вашего капитана допускать принца на ваши тренировки.

— Ладно, у меня ж всё равно нет другого выхода, — проворчал Булатов. — К тому же вам нужно осваивать новые земли.

— Скорее, мне нужно хотя бы иногда навещать свою молодую жену, — улыбнулся барон.

— А вы суровы с ней, — неодобрительно буркнул Юрий.

Айолин рассмеялся.

— Вовсе нет, я суров с королём и Монтре, и оберегаю Иоланду от их когтей. Моя возлюбленная, действительно, очень красива, и я не хочу, чтоб она стала добычей для этих ненасытных стервятников, как эта бедняжка леди Ровена.

— Правда? — Булатов повернулся к нему. — Я слышал, что вы женились внезапно и тайно. Странно думать, что это случилось по любви, учитывая размер её приданого.

— А в любовь с первого взгляда вы не верите? Я знал Иоланду давно, наши отцы были друзьями, её брат, погибший в бою, был моим сослуживцем. Я помнил её маленькой рыжей девочкой, а недавно встретил и увидел, что она превратилась в изумительно красивую и нежную девушку. Её отец сосватал нас, и мы поженились. А перед свадьбой она призналась мне, что была влюблена в меня с тех пор, как я приезжал в их имение с её братом Алмери.

— Значит, вы влюбились и сразу поженились? Вам повезло сразу связать свою судьбу с любимой, — улыбнулся Юрий. — И я представляю, как вам нелегко. Я помню, что когда женился, то оценил всю мудрость медового месяца, потому что мне совсем не хотелось расставаться с женой. А ведь до того мы были вместе почти год. Как вы выдерживаете разлуку?

— С трудом, — признался Айолин, а потом покачал головой. — Боюсь, вино развязало мне язык.

— Расслабься, старик, — успокоил его Булатов. — Дальше меня ничего не пойдёт.

— Я даже рад, что могу с кем-то поговорить об этом. Здесь нельзя показывать свои привязанности и слабости. Любая мелочь может быть превращена в оружие. А я действительно скучаю по ней, и каждый вечер пишу ей письма и перечитываю те, что приходят от неё. Я отправил в имение художника, чтоб он написал её портрет, который я мог бы носить с собой. И мне очень хотелось бы проводить с ней даже не больше времени, а всё время, которое у меня есть. Но, увы, кроме того у меня есть долг, Сен-Марко и король с его военными планами и непомерными амбициями. И ещё много чего...

Булатов кивнул и почувствовал на плечах чьи-то руки. Обернувшись, он увидел Карначу.

— Я забираю нашего героя, ваша светлость. Ему нужно выспаться.

— Мне тоже, — кивнул барон и посмотрел сначала в одну сторону стола, а потом в другую. — Но до того я должен позаботиться о принце и о тесте. Прощайте, господа.

— Увидимся завтра на ристалище, — проговорил Булатов, вставая, и, к удивлению Карнача, похлопал барона по плечу, а тот с усмешкой ему кивнул.

— И ты согласился? — воскликнул Карнач на следующее утро, нависнув над Булатовым, который сидел на койке, натягивая сапоги. — Ты с ума сошёл! Мы стараемся не высовываться и не подставлять свои головы под топор, а ты принял на себя такие обязательства...

— Согласился? — взорвался тот. — Принял? Да кто меня спрашивал? Они даже не смотрели в мою сторону, обсуждая это! Только приняв решение, король соизволил взглянуть на меня и осчастливил своим доверием. И благодари за это своего друга барона!

— Судя по тому, как вы вчера расстались, это твой друг! — парировал Карнач.

— Ладно, наш друг, — проворчал Булатов и, отстранив капитана, встал. — Этого бы не случилось, не попади я им всем на глаза. Ты же сам предложил мне принять участие в турнире!

— Я понятия не имел, что ты выиграешь.

— Спасибо за доверие, — фыркнул Юрий. — Ты, верно, забыл, что я двукратный чемпион России и призёр Чемпионатов Европы и Мира по историческому фехтованию.

— Но это же любительский спорт, старик! Я всегда считал тебя спокойным интеллигентным парнем, который на досуге рисует акварелью.

— И мочит на турнирах викингов и кельтов в боях без правил, — рассмеялся Валуев.

— Это всего лишь фольклорные фестивали!

— Я не раз участвовал в настоящих турнирах на Алкоре и побеждал! — напомнил Булатов. — А там, уверяю тебя, и кости ломают, и черепа раскалывают.

— Какая разница? — пожал плечами Хок. — Как говорит Дарья, мы имеем то, что имеем. Так что делать будем?

— Тренировать инфанта и делать из него мужика, — пожал плечами Булатов.

— Кстати, в свалке мальчик не так плох, — усмехнулся Валуев. — Папаня зря на него наезжает.

— Знаешь, если у тебя будет возможность, набей барону морду, — попросил Карнач, но Булатов покачал головой.

— Он будет в шлеме, и если его потеряет, я даже чихнуть на него не смогу.

— Тогда сделай, что сможешь.

Булатов рассмеялся. Благодаря примочкам Фабрициуса, которые друзья заботливо наложили ему перед сном, он почти не ощущал боли в колене, а правая рука двигалась свободно, и только очень сильный удар отзывался где-то в глубине глухой болью, что было вполне терпимо. К тому же рано утром лекарь снова возник на пороге шатра и втёр ему в мышцы целебные бальзамы, распространявшие пряный бодрящий аромат. Предложение Валуева сделать инъекцию тонизирующего препарата Булатов сначала отверг, однако, довод о том, что допинг здесь не запрещён, и ещё неизвестно, что пьют перед состязанием его соперники, убедил его согласиться. Потому к этому моменту он чувствовал себя достаточно хорошо, чтоб выдержать многочасовой пеший бой.

Друзья заканчивали надевать на трёх участников турнира доспехи, когда в шатёр неожиданно вошёл человек в тёмном плаще и протянул Карначу письмо, запечатанное

красным сургучом. Сломав печать, тот быстро пробежал глазами по ровным строчкам и кивнул гонцу.

— Немедленно выезжаю.

Тот удалился, а капитан подошёл к своей койке и, взяв с неё ножны с мечом, перекинул перевязь через плечо.

— Меня срочно вызывают в королевский замок, — пояснил он. — Письмо подписано Раймундом, к тому же приказ исходит от короля. Должно быть, что-то случилось.

— Я еду с тобой? — спросил Москаленко, с тревогой взглянув на него.

— Нет, присмотри вместе с Хоком за ребятами. Эта часть турнира перед войной очень важна, как проверка на прочность в боевых условиях, потому жалеть противников никто не будет. Если смогу, то к вечеру вернусь.

Он вышел и вскоре с улицы послышался топот его коня.

На сей раз ристалище выглядело иначе и представляло собой довольно просторную квадратную площадку. Боковые трибуны были теперь развёрнуты так, что размещались по краям четырёхугольника. Трон с центральной трибуны был убран, и там остались только кресла, в которых сидели виконт Монтре, маркиз Вайолет и седой граф Рибер-Артуа. Старик подслеповато щурился, оглядываясь вокруг, и, кажется, не совсем понимал, где находится. С ними сидели дамы, в том числе леди Ровена в златотканом платье с белым покрывалом на голове.

— Король уехал рано утром, — сообщил товарищам Анри Раймунд. — Ещё вчера из дворца приехал гонец с донесением Джинхэю, они с отцом сразу уехали, а утром Джинхэй вернулся, полчаса говорил с глазу на глаз с королём и после этого они умчались в город.

Рыцари Сен-Марко стояли на лугу в латах для пешего боя, держа шлемы в руках. Проходившие мимо зрители приветствовали их, но они не обращали на это внимания, тревожно переговариваясь.

— И ты не знаешь, что случилось? — спросил Дезире. — Мой отец явно обеспокоен, но ничего мне не говорит. Я знаю, что они вызвали капитана гвардейцев во дворец, — он обернулся и вопросительно посмотрел на Валуева.

— Он получил приказ короля вернуться, но в письме не было ни слова о причинах, — пожал плечами тот.

— Мой отец шепнул мне что-то об убийстве, — понизив голос, проговорил Бертран Нуаре. — Я знаю, что маркиз Вайолет тоже встревожен и даже хотел ехать с королём, но Ричард приказал ему остаться. Он не хочет поднимать шум, а в случае отсутствия судей у всех возникнет вопрос о причине отмены турнира.

— Вопросы итак возникнут, — заметил Жоан, поправляя наплечник. — Король и граф Раймунд покинули турнир. Люди не слепые.

— Мало ли какие государственные дела потребовали присутствия короля во дворце, — рассудительно произнёс Ренар-Амоди.

— Однако мы-то что-то знаем, — заметил де Морен. — И что это за убийство, что заставило короля покинуть турнир?

— Тише, — остановил его Айолин. — Сюда идут алкорцы. Им-то уж точно ни к чему это знать. Добрый день, господин барон, — он учтиво поклонился Малару и кивнул Тинделу: — рыцарь.

— Надеюсь, он будет добрым, господа, — поклонился в ответ Малар. — Это правда, что

короля не будет сегодня?

— Срочные дела заставили его вернуться во дворец, — сообщил Аллар. — Но судьи на месте, а призы победителям вручит королева турнира и другие дамы.

— Что ж, — произнёс Тиндел. — наши правители принадлежат себе в ещё меньшей степени, чем мы, ибо на них возложена ответственность за благополучие народа. Нам же остаётся лишь выступить на турнире, чтоб выяснить, кто будет сильнее в этот раз.

В его голосе слышалось самодовольство, потому что он был самым рослым среди участников.

— Пусть победит сильнейший, — дипломатично улыбнулся барон Делвин-Элидир.

К ним уже направлялись де Монфор и де Брассер.

— Господа, пора выйти на ристалище, — проговорил граф.

Под звуки труб шестнадцать рыцарей снова вышли на площадку и, выстроившись в шеренгу, повернулись к де Сансеру. Тот, на сей раз был в лёгких доспехах и пешим.

Обращаясь к рыцарям, он произнёс:

— Что ж господа, хоть вчерашний день и был богат на добрые схватки, все вы снова смогли выйти на ристалище, чтоб продолжить состязания ради доблести и воинского искусства. Напоминаю вам, что прежде полученные очки не учитываются сегодня. Вы будете биться отрядами по восемь человек под командованием кавалера Булатова и барона Делвин-Элидира. Для боя вы можете выбрать меч, копье или алебарду, однако оружие должно быть тупым. Так же вы можете использовать щит. В случае потери щита или оружия по ходу боя, вы можете покинуть ристалище или взять новое оружие и продолжить бой. Если вы уйдёте с ристалища, вернуться обратно вы не сможете, и вам будет засчитано поражение. Запрещается бить противника ниже пояса, нападать на противника, повернувшегося к вам спиной или потерявшего оружие или шлем, наносить раны, увечья, бить по руке, держащей оружие и причинять смерть. Запрещается наносить удары клинком плашмя, а также колющие удары. В случае нарушения этого правила засчитывается поражение. Время поединка не ограничено. Выбывает участник, упавший на спину или потерявший сознание, а так же тот, кто сам откажется от дальнейшего участия в бою. Выбывшим засчитывается поражение. Победителем признаётся тот, кто продержится на ристалище до конца боя. Я прошу рыцарей снова опустить ярлыки в чашу, после чего прекрасная дама, королева турнира леди Ровена достанет их. Первые восемь ярлыков определяют первый отряд, остальные составят второй.

Пажи пронесли чашу вдоль строя и приблизились к помосту, где сидела леди Ровена. Она по одному доставала ярлыки и передавала их де Сансеру.

— Кавалер Булатов, ваше войско: барон Танкред Аллар, барон Синего Грифона Эрон Малар, кавалер Фарид Аль-Сафар, кавалер Бертран Нуаре, кавалер Жан Валуа, рыцарь Синего Грифона Туан Тиндел, рыцарь Георг фон Шлоссер. Таким образом, под командование барона Айолина Делвин-Элидира поступают: кавалер Дезире Вайолет, барон Гай Ренар-Амоди, принц Жоан Монмаранси, кавалер Анри Раймунд, кавалер Адам де Брассер, граф Робер де Монфор и барон Тристан де Морен.

— Ты слышал? — де Морен обернулся к Айолину. — Если б судил не де Сансер, и ярлыки выбирала не эта золотая головка, я б решил, что это подстроено! Все чужаки попали в отряд Булатова. А нам повезло, что все бароны собрались здесь, кроме бедняги Танкреда.

— Может это перст судьбы, — пожал плечами тот. — Нам представилась возможность проверить, насколько слаженно мы можем действовать вместе, а заодно оценить силу наших

противников.

— Не лишено смысла, — кивнул Тристан.

— Не повезло вам, кавалер, — улыбнулся де Брассер, посмотрев на Булатова. — Все самые сильные бойцы, не считая Аллара, будут против вас.

— Я предпочитаю биться плечом к плечу с теми, кого знаю и кому доверяю, — спокойно ответил тот, надевая латные перчатки.

Старый рыцарь усмехнулся и отошёл.

— Кто б говорил, — проворчал Валуев, глядя ему вслед. — Сам, того и гляди, рассыплется.

— Не скажи, дедок крепкий, — возразил Фарид. — Но он не учёл, что у нас здесь целый табун тёмных лошадок. И если кто-то слабоват верхом на коне с копьём, то пешим и с мечом может быть весьма опасен.

— Ну что, парни, покажем дремучим феодалам, что такое русский рукопашный бой? — усмехнулся Булатов.

— Может, не будем портить людям праздник? — Валуев посмотрел на трибуны. — Да и противнику надо как-то самовыразиться.

— Ваня, соберись! — одёрнул его Юрий. — Никакого шапкозакидательства. Против нас не команда юниоров. Да и правила в пылу боя нужно соблюдать. Так что будьте внимательны.

Стоявший рядом Бертран Нуаре с любопытством прислушивался, не понимая незнакомый язык. Затем к ним подошли алкорцы, и рыцарь из Магдебурга, и, наконец, не торопясь, приблизился Аллар.

— Нам противостоят сильные противники, — произнёс он. — Послабее разве что де Брассер, в силу своего возраста, и Вайолет.

— Дезире? Вы шутите барон? — изумился Нуаре.

— Вчера он повредил плечо, — спокойно ответил тот.

— А принц? — спросил фон Шлоссер.

— Я б не стал его недооценивать, — заметил Валуев. — Меч — не копьё. Мне жаль, что король не остался на этот поединок. Он бы изменил своё мнение о сыне.

— Кавалер, — Аллар посмотрел на Булатова, — вы можете определять для нас противников, но я просил бы вас позволить мне выступить против Делвин-Элидира. Если я не смогу победить, то достаточно его измотаю, чтоб вы могли нанести победный удар.

Валуев и Булатов переглянулись.

— Ваше право, барон, — кивнул Юрий. — Но думаю, что ваши друзья уже обсуждают, как им измотать меня, чтоб их командир нанёс свой победный удар.

— В этом весь смысл турнира.

— Согласен.

— Я возьму на себя старика, — сообщил фон Шлоссер. — Он силен, но медлителен, потому вполне подходит мне.

— Я беру на себя Раймунда, — заявил Бертран.

— Лучше возьмите принца, а Раймундом займусь я, — возразил Фарид. — Я не дам ему вздохнуть за всё время поединка.

— Тиндел возьмёт Вайолета, а я — де Морена, — тоном, не терпящим возражений, объявил Малар.

— Ваня, твоя цель — Ренар-Амоди, — проговорил Булатов, — а я займусь де

Монфором. Но, как вы понимаете, господа, у наших противников может быть другой расклад, так что не настаивайте и бейтесь с тем, кто будет особенно настойчив.

По знаку де Сансера на ристалище вышли оруженосцы и, вручили своим рыцарям оружие. На сей раз все выбрали мечи, кроме Тиндела, вооружившегося копьём, и фон Шлоссера, предпочедшего алебарду. Затем оруженосцы встали по краям площадки, чтоб вовремя подать хозяевам сменное оружие, поправить доспехи или вытащить раненных из-под ног продолжающих бой.

Снова прозвучали трубы и оба отряда выстроились друг против друга. Между ними натянули верёвку.

— Убрать канат! — приказал де Сансер. — Да начнётся бой!

Канат упал, и тут же рыцари бросились друг на друга. Булатов попытался отыскать в этой мешанине де Монфора, но перед ним возник Делвин-Элидир, и ему пришлось ввязаться в поединок с ним. Впрочем, спустя какое-то время он увидел неподалёку Аллара, бывшего с Раймундом. Он отступил туда, и они моментально поменялись противниками. Так в ходе сражения произошло несколько смен, после чего пары продолжили биться.

Поскольку оружие было не тяжёлым и тупым, даже сильные удары по латам не наносили никакого вреда. Скорее, это было испытание на выносливость и выдержку. Зрители со всех сторон ристалища, мужчины и женщины кричали, подбадривая бойцов. Де Сансер кружил по краю, внимательно следя за бойцами, чтоб не упустить какое-нибудь нарушение правил турнира с их стороны.

Первым из боя выбыл де Брассер, до которого всё же добрался фон Шлоссер. Рыцарь из Магдебурга напал с прямолинейной мощью ландскнехта, быстро и методично обрушивая на противника тупой топор алебарды, изредка поддавая ему снизу древком. Отсутствие эффектных приёмов в его тактике с лихвою компенсировалось упорством и силой ударов, которые при всей однообразности, были достаточно быстрыми и сокрушительными. Когда очередной удар пришёлся по плечу, де Брассер упал на одно колено и поднял руку. Фон Шлоссер тут же отступил, оглядываясь в поисках нового противника, а оруженосцы по знаку де Сансера кинулись в гущу схватки и быстро вывели старого рыцаря.

Увидев, что случилось с его учителем, возбуждённый схваткой принц бросился к фон Шлоссеру, но его противник Нуаре последовал за ним, и вскоре Жоан оказался уже против двух теснивших его соперников. Однако ему на помощь тут же поспешил Раймунд. Булатов, бывший с ним в тренировочном темпе, чтоб сэкономить силы, и поглядывая по сторонам, переметнулся к Валуеву, едва сдерживавшему де Монфора. Это вмешательство оказалось своевременным. Отбиваясь от двух проворных мечей, граф попятился, налетел спиной на Аллара, сражающегося со своим другом Делвин-Элидиром, и, не удержавшись на ногах, упал на спину. Изнывая от досады и сыпля проклятиями, он был вынужден покинуть поле боя.

Почти в тот же момент Раймунд изловчился и, отбив рукой алебарду, нанёс сильный колющий удар в грудь фон Шлоссера. Тупое остриё соскользнуло по нагруднику и, прорвав кольчугу, распороло правую руку рыцаря из Магдебурга. Де Сансер тут же отдал приказ, и оруженосцы, приблизившись, накинули на плечи Анри верёвку, чтоб вытащить его из гущи сражения. Тот пытался сопротивляться, но, обернувшись, встретил повелительный взгляд главного судьи и покинул площадку.

Фон Шлоссер в пылу боя не обратил особого внимания на свою рану, но кровь из неё текла слишком сильно, и вскоре он, пошатнувшись, рухнул на песок. Его тут же вынесли с ристалища, а судьи засчитали ему победу над Раймундом, дисквалифицированным за

колющий удар и нанесение раны в правую руку противника.

Валуев присоединился к Фариду, сражавшемуся с де Мореном. Фарид, заметив это, нахмурился и резко пошёл на обострение, не желая терять единоличную победу. Он развернулся и, отбив меч барона, оказался у него справа, а затем, стремительно зажав его голову в захвате, что было разрешено в этом виде состязания, бросил его на песок. Тристан откатился к трибунам и, приподнявшись, так и остался сидеть, мрачно наблюдая за дракой, из которой его выкинули.

Вслед за этим из боя выбыл Нуаре, которого ударом кулака по шлему свалил с ног принц Жоан. Покончив со своим противником, он бросился на помощь Вайолету, мужественно сдерживавшему Тиндела. Однако вскоре ему пришлось остаться с этим противником один на один, поскольку Дезире, который с трудом двигался из-за боли в плече, выронил меч, и, покинув ристалище, уже не смог вернуться обратно.

Бой длился уже больше часа, когда на ристалище остались только три воина из отряда Делвин-Элидира, им противостояли шестеро противников. Впрочем, земляне, расправившись со своими соперниками, не спешили вмешиваться в другие поединки, предоставив товарищам одержать победу, и при этом были готовы заменить выбывших. Барон Делвин-Элидир, которому в этот день мешала биться боль в бедре, повреждённом накануне при падении с лошади, наконец, сумел справиться с Алларам, выбив у него из рук меч и, толкнув его на песок. Аллар кувырнулся, не коснувшись лопатками земли. Однако пока он получал из рук оруженосца новый меч, Малар, бившийся копьём, зацепил древком Ренара-Амоди и толкнул его в сторону Булатова, а сам бросился на Делвин-Элидира. Вернувшись, Аллар не стал ввязываться в их поединок, а присоединился к Тиндалу, которому всё никак не удавалось одолеть принца. Отбиваясь от двух клинков, принц пятился назад, но в какой-то момент вдруг отступил в сторону, резко сменил позицию и с широкого замаха ударил по шлему алкорца. Тот пошатнулся, и, качнувшись, рухнул на песок. Оказавшись один на один с Алларом, принц уверенно продолжил бой. Однако барон снова начал теснить его назад, а после, отбив его руку с мечом в сторону, развернулся боком и нанёс сокрушительный удар рукояткой меча по нагруднику, отчего Жоан упал на землю.

Булатов отбивал удары Ренара-Амоди, не спешил контратаковать и, спокойно наблюдая за ним, выискивал слабое место. Вскоре он заметил, что его противник держит меч достаточно высоко, прикрывая плечи и голову и, нанося прямые и чуть скошенные рубящие удары. Возможно, его тактический арсенал был более широк, но он явно устал и, возможно, его тоже мучили последствия вчерашнего падения с лошади, потому, он был не слишком изобретателен, и явно старался быстрее закончить поединок. Сделав ложный замах и вынудив барона поднять меч выше, Юрий стремительно развернулся вокруг своей оси и нанёс сокрушительный удар противнику в бок. Барон с трудом удержался от падения, но его меч ушёл в сторону, открыв голову, и тут же он получил ещё один удар по шлему, сваливший его с ног.

Отлетев, Ренар-Амоди невольно толкнул Малара. Тот на мгновение замешкался и тоже получил такой же удар по шлему от Делвин-Элидира. Упав на спину, он попытался вскочить, но тут же понял, что уже выбыл из состязания и, спокойно встав, отошёл в сторону.

Айолин стоял, сжимая в руках меч и понимая, что его отряд проиграл сражение. Он остался один против четырёх противников, однако они не спешили нападать все скопом. Он чувствовал, как ноет бедро, и всё же не собирался уступать без боя. Противники

переглянулись и Аллар, посмотрев на Булатова, сделал приглашающий жест. Юрий кивнул и шагнул к молодому барону.

Их поединок длился недолго. Булатов вскоре заметил скованность движений противника. Он ускорился, перейдя в атаку и вынудив его отступить, а потом резко переместился в сторону, заставив его повернуться следом. От резкого разворота тело Айолина пронзила острая боль, он замер с поднятым мечом, а Булатов упал на одно колено и с размаху ударил его закованным в сталь кулаком в нагрудник. Айолин завалился на спину и выронил меч. Боль сковала его тело так, что он не мог пошевелиться. Слыша рёв трибун и звуки труб, он увидел, как Булатов опустился рядом на колени. Тут же подбежали Алед и Томас. Следом подошёл Аллар. Оруженосец осторожно снял с него шлем.

— Сейчас... — прошептал Айолин, чувствуя, как боль понемногу ослабевает.

Наконец, он кивнул своим слугам, и они осторожно подняли его и, взяв под руки, увели с ристалища.

Зрители кричали на трибунах, восхваляя победителей. Де Сансер объявил победу отряда кавалера Булатова, при этом победителями были объявлены четыре рыцаря, оставшиеся на поле боя после завершения схватки.

Под звуки труб леди Ровена надела на руку Булатова золотой браслет, украшенный зернью. Три другие дамы вручили свои драгоценности его товарищам, после чего турнир был завершён.

Небо над турнирным лугом начало постепенно темнеть, предвещая скорый приход долгой тёмной ночи, но день ещё не закончился. На вечер снова был назначен пир в честь победителей, потому все разошлись по своим шатрам, чтоб переодеться и отдохнуть.

— Я чувствую себя подлецом, словно добил раненного, — признался Булатов, войдя в шатёр, где слуги зажигали свечи на столе.

Он сам чувствовал боль во всём теле, но она была вполне терпима. А перед его мысленным взором стояло белое, как полотно, лицо барона Делвин-Элидира, когда с него сняли шлем.

— Если б это не сделал ты, его добил бы Аллар, — пожал плечами Москаленко.

— Ты его слышал? — возбуждённо спросил Фарид. — Он обещал его измотать и измотал. Перед свалкой он сдал нам всех своих друзей. Ты б так сделал?

— Ну, учитывая, что это были командные соревнования и в этом их смысл, — начал Юрий, но потом покачал головой. — Нет, не смог бы. Связь между нами наверно крепче, чем та, что может сложиться на время турнира.

— Они просто живут по другим законам, — проговорил Хок. — Это же рыцари! Они служат суверенам, причём меняют их в зависимости от выгоды.

— Уснул сторонником Йорков, а проснулся сторонником Ланкастеров? — усмехнулся Москаленко.

— Именно. У нас другие отношения. Это ж ваша пословица: сам погибай, а товарища выручай. Мы давно так живём, уже века. А им до этого ещё расти и расти.

— И вы, командор, в прошлой жизни были таким же? — заинтересовался Игнат, посмотрев на него.

— Нет, — покачал головой тот. — Я всегда был упёртым ослом и, выбрав сторону, держался за неё до конца, даже если иногда это плохо кончалось.

— Нужно бы навестить нашего барона, — пробормотал Булатов, развязывая ремень, державший нагрудник.

— Давай я сниму с тебя эти консервы, — предложил Игнат. — Знаю, что ты терпеть не можешь европейские доспехи, то ли дело кольчуга и калантарь.

— Что есть, то есть, — усмехнулся Юрий.

Когда он вошёл в шатёр Делвин-Элидира, над телом барона колдовал Фабрициус. Он хотел уйти, но голос Айолина остановил его.

— Входите, Юрий. Я вполне в состоянии говорить.

Он подошёл к широкой походной кровати, на которой, утопая в мягкой перине, лежал барон. Рядом стоял Алед, державший миску с бальзамом, в которую лекарь опускал свёрнутые в несколько раз куски белой ткани, чтоб наложить их на места ушибов.

— Мне кажется, я приложил вас слишком сильно, — виновато произнёс Юрий.

Барон с искренним удивлением взглянул на него.

— Не думаю, что в настоящем бою наши враги будут соизмерять силу удара и потом извиняться за причинённые неудобства. Сегодня специально были объявлены такие правила, достаточно жёсткие, чтоб мы могли проверить себя и наших будущих противников в бою, но при этом исключая серьёзные травмы и смерть, потому что королю нужны сильные и здоровые воины. Сейчас всё направлено на подготовку к войне. И, надо сказать, вы и ваши друзья произвели на меня наилучшее впечатление. Мне кажется, что этот бой дался вам легче других.

— Мне больше, чем вам, повезло с противниками. Молодой Раймунд не представлял для меня опасности, но, каюсь, я не торопился покончить с ним. А потом мне пришлось биться с измотанными соперниками или наносить победные удары.

— Да, Танкред всегда был для меня тяжёлым противником, — согласился барон. — И мне нечасто удавалось его победить. Тогда. А теперь мне помешал Малар. Кстати, он хорош.

— Слишком тороплив и неаккуратен в обороне. А так ничего.

Барон внимательно смотрел на него.

— Вы ведь много бились в своей жизни, и с разными соперниками?

— Это точно.

— А ваши друзья?

— На поле боя с ними лучше не связываться, — уклончиво ответил Булатов, не вникая в тонкости подготовки космического десанта, по методикам которого тренируются стрелки звездолётов.

— Я так и подумал, — усмехнулся Айолин. — И хорошо, что они на службе у короля.

— Конечно, — кивнул Юрий, умолчав, что несколько спецов с такой же подготовкой благополучно служат у альдора.

Сама мысль, что они могут однажды встретиться на поле боя, привела его в ужас, но барон ничего не заметил. Он увидел чашу с настоящим на травах вином, которую протягивал ему Фабрициус.

— Простите, мой друг. Мне нужно немного отдохнуть, но я надеюсь увидеть вас на пиру.

— Я буду там, — пообещал Юрий и вышел из шатра.

Небо уже наливалось глубокой синевой, во временном городке на турнирном лугу загорались факелы и костры, разведённые в установленных на козлы литых чашах. По дороге в сторону города двигался ручеёк огоньков. Это зрители не спеша возвращались в город, на ходу обсуждая турнир. Наверно они остались довольны зрелищем. А Булатов вдруг ощутил

усталость и какую-то обречённость. Он чувствовал, что начинает ненавидеть этот мир, и к тому же испытывал страх. Историческое фехтование всегда было для него лишь спортом, сложным, интеллектуальным, требующим хорошей физической подготовки и отваги. Именно спорт сделал его мужчиной и подпитывал душу уверенностью в себе, он сделал его патриотом, потому что Юрий через него чувствовал глубокую связь со своими предками, своей землёй, её героическим народом, он чувствовал себя продолжателем великой борьбы на стороне добра. И это всегда позволяло ему во время соревнований демонстрировать не только силу и умение, но и великодушие.

Даже на Алкоре, где ему приходилось выступать на официальных турнирах в составе сборной, уже давно существовали более строгие турнирные правила, обусловленные безопасностью участников и ориентированные на сохранение исторической традиции. А здесь турнир был жестокой и беспощадной игрой, почти лишённой романтического флёра, и являющейся к тому же подготовкой к войне. Он невольно вздрогнул, снова подумав, что однажды окажется с мечом один на один с Донцовым. Или все они, местные земляне-гвардейцы вдруг сойдутся на поле брани со своими недавними товарищами и сослуживцами, сильные, не страшась боли, идеально подготовленные, вооружённые варварским средневековым оружием, с затуманенными злобой мозгами. И будут биться насмерть? Сейчас в это не верилось, но разве мог он подумать ещё недавно, что будет так беспощадно бить парня, с которым вчера сидел за одним столом, зная, что тот не может толком защищаться, страдая от нестерпимой боли? Разве мог ещё недавно подумать Фарид, что станет выискивать среди соперников жертву побогаче, чтоб взять её в плен и получить выкуп, а до того держать несчастного в чулане. И Карнач спокойно смотрит на это, оправдывая своего подчинённого необходимостью заплатить выкуп за проигранные доспехи. Что делает с людьми этот мир? Что он ещё сделает с ними со всеми?

Ему хотелось побыть в одиночестве, и потому он не стал возвращаться в свой шатёр, а отправился на край луга, чтоб смотреть, как зажигаются на крепостных стенах города первые огни. Сев на траву, он смотрел, как опускается темнота на бескрайнюю равнину, как наливаются сапфировым светом небеса. Медленно затихали звуки в лугах, словно сама земля потихоньку засыпала в покое. Только не было покоя его душе, когда он вдруг понял, к чему могут привести их опасные игры.

Приказ срочно вернуться в королевский замок обеспокоил Карнача больше, чем он позволил себе показать своим товарищам. Обычно он подчинялся коменданту замка барону де Брильи, спокойному, как скала, седому солдату, чьё лицо перечёркивал глубокий шрам, а единственный глаз смотрел строго и проницательно. Старик нравился ему, и он чувствовал, что и тот, не смотря на свой суровый нрав, относится к нему с симпатией. Будь приказ подписан им, у Александра не было бы никаких причин для волнений. Но он был подписан графом Раймундом и начинался со слов: «По приказу его величества короля Сен-Марко Ричарда...» Стало быть, случилось что-то необычное. К тому же письмо это привёз не паж и не простой гонец, а один из сыщиков тайной полиции, к тому же он ждал его у коновязи с явным намерением сопровождать.

Они вдвоём промчались по дороге, миновали ворота и въехали в город. Главная улица была запружена народом, но сыщик не стал удерживать коня. Вместо этого он зычным голосом кричал: «Дело короля!» и горожане поспешно уступали ему дорогу. Выехав на площадь перед дворцом, он повелительно указал своему спутнику налево, и тревога капитана усилилась, поскольку именно там, в том конце огромного замка размещались темницы, казематы и помещения, где работали подчинённые графа Раймунда, и куда посторонние попадали только по секретным и неприятным делам.

Доехав до предпоследних ворот, сыщик въехал в небольшой двор, спешил и, дождавшись, когда на землю рядом встанет капитан, таким же жестом велел ему следовать за собой. Они вошли в небольшую дверцу в глухой стене, и пошли по узкому, низкому коридору. Александру ещё не приходилось бывать здесь, и он не жалел об этом. Казалось, тут всё было устроено с целью испугать и подавить несведущего человека. А когда, пройдя мимо нескольких камер, отгороженных от коридора толстыми прутьями, они начали спускаться вниз, он и вовсе пожалел, что не сбежал по дороге. Хотя, он всё равно не сбежал бы, даже если б знал, что его вызывают на допрос с пристрастием, потому что он отвечал за своих ребят, как за тех, что остались на турнире, так и за находившихся в казарме.

Лестница закончилась, и вокруг стало очень холодно, промозглый воздух был спёртым, наполненным запахом плесени и гнили. Миновав ещё один короткий коридор, они вошли в огромный низкий зал, потолок которого поддерживали массивные своды, а пространство было заставлено странными столами, сооружёнными из толстых досок, установленных на козлы.

— Капитан королевской гвардии Карнач, ваше сиятельство, — доложил сыщик и тут же отошёл в сторону, в густую тень за полуколонной, на которую опиралась арка свода.

В этой части помещение освещалось несколькими факелами, а остальная тонула в темноте. Помимо ещё пары сыщиков здесь были граф Раймунд в своём обычном чёрном глухом камзоле и стоящий у стены Джинхэй. Увидев его, Александр на мгновение испытал облегчение, но потом заметил, что тот стоит, спрятав руки за спиной и мрачно глядя на него. Чуть дальше он увидел Рагнара Белова, которому поручил следить за порядком в казарме во время своего отсутствия. Тот был подавлен и бледен, как полотно. А потом его взгляд упал на два ближайших стола, где под грязными широкими полотнищами угадывались человеческие тела.

Мысли тут же заметались у него в голове. Неужели в его отсутствие его люди затеяли

дуэль, или, того хуже, пьяную драку? И кто-то погиб. Рагнар здесь, а где Стаховски? Он застыл, напряжённо глядя на серые пелены.

— Двое ваших людей мертвы, капитан, — без предисловий сообщил граф Раймунд.

— Кто? — спросил он и удивился, как хрипло прозвучал его голос.

— Это вы нам скажите, — ответил граф, и, подойдя к столам, одновременно откинул с трупов покровы.

Карнач подошёл ближе. Сначала ему показалось, что на грязных досках лежат только доспехи, и это были доспехи гвардейцев, одинаковые для всех его подчинённых. Но потом он заметил, что у покойников всё-таки есть головы, но совершенно чёрные, обугленные. От них шёл тяжёлый запах сгоревшей плоти. Его замутило, но он взял себя в руки. Он навидался всякого, и обугленных трупов тоже, и на службе, и вне её. Поэтому он принялся внимательно осматривать головы. Черты лица разглядеть было невозможно, волосы тоже сгорели, но вскоре он заметил, что у одного из погибших нет уха. Оно не сгорело, ещё можно было разглядеть обрубок. Окинув взглядом фигуру, он убедился, что это был невысокий коренастый человек.

— Это Эжен Довэ, один из самых опытных гвардейцев, — произнёс он. — Служил ещё брату нашего короля. В последней военной кампании лишился уха и прикрывал обрубок волосами.

Он повернулся к другому столу. Картина мало чем отличалась, и он не мог с уверенностью сказать, что узнал погибшего.

— Может, проще узнать, кого нет в казармах? — спросил он.

— Я... — подал голос Белов, но Раймунд прервал его резким окриком «Молчать!» и снова воззрился на капитана.

Тот вздохнул и откинул покров с трупа, чтоб осмотреть его целиком. В глаза бросался блеск начищенных лат. Яркие отблески факелов отвлекали, но капитан решил осмотреть руки и сразу увидел на среднем пальце массивный золотой перстень с крупным переливчатым зеленоватым кварцем. На всякий случай он осмотрел и латы. Да, вот сбоку широкая царапина от меча, которую не слишком удачно, но упорно пытались загладить полировкой.

— Артан Форлин, младший сын алкорского барона. Пришёл в город полгода назад. У меня не было к нему никаких претензий. Что с ними случилось?

— Одного нашли в таком виде у дверей в королевские покои со стороны зала королевского совета. Второго у дверей, ведущих на женскую половину дворца.

— Форлина? — мрачно спросил капитан. — У него был роман с камеристкой леди Эринии. Она это поощряла и явно надеялась выдать девицу за него замуж.

Карнач набросил покровы на тела своих рыцарей. Ему было жаль этих двоих, и всё же он был рад, что это не его ребята.

— Это ещё не всё, — неумолимо произнёс граф и поманил его дальше.

Увидев, что там на столах лежат другие, покрытые полотнами тела, Карнач испытал острый приступ тревоги, а Раймунд всё такой же бестрепетной рукой отбрасывал покровы, обнажая другие чёрные головы. Подойдя к ним, Карнач с облегчением увидел, что на трупах нет лат, а только цветные камзолы и платья с чуть обугленными краями. И тут до него дошло, что то, что он видит, не просто страшно, но ещё и странно. Быстро вернувшись к двум первым столам, он откинул покровы и заглянул под латы. Белые полотняные рубахи были целы, штаны тоже. Хотя сами трупы выглядели так, будто несчастных сожгли в

большом камине, их наряды почти не пострадали. Пройдя дальше, он начал осматривать остальные тела и замер над маленькой хрупкой фигуркой, в чёрной руке которой был зажат белый вышитый платочек, лишь слегка потемневший вокруг сжимавших его пальцев.

Раймунд выжидающе смотрел на него.

— Эти люди вспыхнули сами? Изнутри? — спросил Карнач.

Ему было известно о случаях спонтанного самовозгорания, но они были так редки, что повсеместно считались феноменом, и вдруг... Осмотревшись, он насчитал девять жертв. Если только...

— Вы знаете, что это? — прямо спросил граф, заметив смятение на его лице. — Я вызвал вас потому, что именно на ваших людей возложена обязанность охранять центральную часть дворца. Но они не только не смогли защитить придворных его величества, но и были столь неосторожны, что погибли сами.

Этот накат явно имел целью запугать его, но возымел обратный эффект. Карнач прекрасно понимал, что здесь замешано колдовство, а защита от него — это забота не гвардии, а придворных магов. Вряд ли старик Довэ мог справиться с заклятием смерти, если вообще понял, что с ним случилось.

— Мои люди не отвечают за магическую защиту дворца, — проворчал он, сумрачно взглянув на графа. — Не скажете ли, где нашли остальных?

— Во многих местах, — вместо графа ответил Джинхэй. — В том числе и там, куда не распространяется зона вашей ответственности, капитан. Вас никто ни в чём не обвиняет. Однако нам известно, что ваш жизненный опыт распространяется за пределы нашего мира. Вы повидали многое. И если вам что-то известно об этом, говорите.

Карнач взглянул ему в глаза. Джинхэй куда больше знал о таких случаях, но вся теоретическая подготовка, которую он получил во время учёбы и службы в Звёздной инспекции, была тут бесполезна. При этом он, действительно, был заинтересован в том, чтоб разобраться в этом кошмаре, и Карнач был полностью с ним солидарен. Где гарантия, что это уже прекратилось? А если нет, то кто следующий? Может, кто-то из его подчинённых или, хуже того, друзей?

— Я думаю, что вам нужно поговорить с теми рыцарями, что пришли сюда недавно, — произнёс он. — Они упоминали, что видели что-то подобное по пути в Магдебург.

— Кто эти рыцари? — резко спросил граф.

— Кавалер Булатов и Станислав Стаховски.

— Его величество очень встревожен происходящим, но не хочет, чтоб об этом кто-то узнал, — заметил начальник тайной полиции, обращаясь к Джинхэю. — Он не хочет, чтоб во дворце и в городе поднялась паника. Поскольку кавалер участвует в турнире, подождём, когда он вернётся, а пока допросим Стаховски. Тома, — он обернулся, и сыщик снова появился из тени, — ступайте в казармы и приведите этого рыцаря. И узнайте, к чему привели поиски во дворце. Обнаружены ли другие жертвы?

— Вы думаете, есть другие? — нахмурился Карнач.

— Вон того истопника мы нашли в дровяном подвале, а кухонного мальчишку — в средней башне, куда он поднялся, чтоб покормить голубей в голубятне. Кто знает, кто ещё оказался жертвой этого проклятия?

Стаховски тоже не был потрясён видом обгоревших тел, только когда ему сказали, что два из них были его товарищами, он на какое-то время застыл рядом со скорбным лицом.

— Что скажете, рыцарь? — спросил граф, внимательно глядя на него.

Стэн вопросительно взглянул на своего капитана, но услышал резкий приказ Джинхэя:

— Говорите!

Этого было достаточно, и он рассказал, что видел такие тела в мёртвой деревне, куда они забрели по дороге от звездолёта в город Магдебург.

— Значит, там была ведьма, действовавшая от имени колдуна, которого называла Ротамон? — переспросил граф.

— Вы знаете, кто это? — спросил Джинхэй.

— Да, зловредная личность, колдун, появляется то здесь, то там, убивает и пугает людей. Полагаете, он мог явиться в Сен-Марко?

Джинхэй пожал плечами и посмотрел на Стаховски.

— Как вы справились с этой ведьмой?

— С нами был... маг, вернее два, но один очень сильный. Он заставил ведьму уйти, приказав ей убить колдуна, но сказал, что у неё это, скорее всего, не получится.

— Где этот маг?

— Он дошёл с нами до Магдебурга. А потом... кто знает?

— Идите, рыцарь, — устало кивнул граф. — И вы, капитан. Как только вернётся ваш новоявленный кавалер, извольте отправить его к нам. Я буду у себя. Может, он заметил ещё что-то.

— Вряд ли, — пожал плечами Стэн. — Хотя, постойте, там был ещё один человек из наших, командор де Мариньи. Из Магдебурга он отправился в луар Синего Грифона, но потом прибыл сюда по делу короля. Так вот, он, кажется, что-то говорил о том, что ему пришлось принять участие в разоблачении какого-то заговора в Магдебурге. И там тоже были сожженные тела.

— Вот как? — Раймунд оживился, а потом окликнул Тома. — Поезжайте на турнир и глаз не сводите с этого кавалера. Убедитесь, что он вернулся в Сен-Марко и сразу же со всем почтением, но настойчиво пригласите его во дворец. Вы поняли? Он оказал услугу королю и живёт в доме его нового фаворита, потому будьте предельно вежливы.

— А если он пожелает уехать с турнира в другое место?

— Скажите ему, что это дело особой важности, — произнёс Карнач. — Убиты два гвардейца, и я лично прошу его приехать и рассказать то, что может нам помочь в поисках убийцы. Я уверен, он снизойдёт к моей просьбе.

Тома кивнул и вышел из зала. За ним удалились капитан гвардейцев и его рыцари.

— Всё это странно, — глава тайной полиции устало оперся о ближайший стол. — У нас девять трупов и таинственный убийца, а мы даже не знаем, как он это делает, как проникает во все помещения, как заставляет людей сгорать изнутри. Это магия, мой друг.

— Совершенно с вами согласен, — Джинхэй оторвался от стены и подошёл к нему. — И заметьте, ваше сиятельство, среди убитых только слуги, ни одной мало-мальски значимой особы. При этом, если судить по многообразию мест преступления, наш таинственный убийца может передвигаться по всему дворцу. Это кто-то из тех, кто живёт и работает здесь, возможно, слуга.

— И не только короля, но и этого колдуна? — Раймунд задумчиво посмотрел на него. — Если этот Ротамон передал часть своего магического дара ведьме, сжигавшей людей в деревне, то так же он мог поступить и в отношении какого-то слуги. Не так ли?

— Боюсь, что так. И это очень усложняет нам работу. Слуг во дворце сотни, на них никто не обращает внимания, и они везде. На всякий случай, я усилю охрану королевских

покоев. Пока мы находили по одному труп на одном месте, и свидетелей не было. Значит, он не нападает на тех, кто не один. Потому увеличим посты и патрули до двух, а лучше трёх человек.

— К тому же нужно призвать придворных магов. Пусть они обследуют тела и места, где их нашли. Посмотрим, что они скажут. В конце концов, капитан прав, это их вина. Король платит им золотом за защитные заклятия, а по дворцу спокойно разгуливает маг-убийца.

— В этом деле вы более компетентны, ваше сиятельство, — кивнул Джинхэй. — У меня же свои заботы. Я должен обеспечить защиту его величества, наследного принца и их ближайших родственников. Кстати, что вы думаете о кавалере Булатове, которому король решил поручить обучение принца?

— Вы уже знаете, — усмехнулся Раймунд, — и, конечно, вас не интересует его воинское мастерство. Он появился здесь недавно, прилетел из космоса, знаком с капитаном Карначом, и тот поручился за него. Мы следим за этой компанией, но они ведут себя на редкость безупречно. Если уж кого и приближать к принцу, то этого кавалера. Иначе, боюсь, кто-нибудь из придворных вовлечёт его в заговор, и мы останемся без наследника. Но у вас, кажется, другое мнение о гвардейцах?

— Нет, однако, я считаю своим долгом постоянно напоминать им о том, что они находятся под надзором. Это лишь дополнительная гарантия их преданности королю и нейтралитета в отношении придворных группировок. Потому, я не против, но возьму на себя обязанность лично объяснить кавалеру Булатову и его капитану их обязанности в отношении Жоана, а так же определю условия его обучения, чтоб обеспечить как продуктивность занятий, так и их безопасность.

— Меня больше беспокоит близость принца с бароном Делвин-Элидиром. Он очень амбициозен.

— Они почти не проводят время наедине, не считая прогулок во внутренних садах дворца, ведут разговоры на вполне невинные темы, к тому же барон усиленно наставляет принца быть покорным сыном и стремиться радовать отца. Да вы сами всё это знаете, как и то, что молодой барон, несмотря на усилия придворных клик, не входит ни с кем из них в союз. Похоже, его амбиции связаны исключительно с королём, а значит, и выступать против него он не станет. Он теперь богат, но подлинное величие он может получить только из рук Ричарда, а потому вряд ли будет интриговать против него. У нас с вами другая беда. Все эти убийства, хоть и не коснулись приближённых короля, однако, произошли в непосредственной близости от его покоев, в тщательно охраняемом нами дворце. Не наводит ли это на мысль, что эти действия неведомого убийцы направлены против его величества?

— Я уже думал об этом, — помрачнел граф. — А учитывая, что вы чууете заговоры через стены, то ваши слова лишь разжигают мою тревогу. Что ж, Джинхэй, займитесь безопасностью короля и принца, а я буду искать убийцу и постараюсь вытрясти из придворных магов всё, что они думают, знают и могут, чтоб обезопасить короля, принца и Сен-Марко.

Из мертвецкой граф Раймунд сразу поднялся к себе в Серую Башню, расположенную там, где замок короля смыкался с крепостной стеной. Он специально выбрал себе это место для кабинета. Пусть стены большой комнаты были серыми и холодными, пусть тут не было камина, эти проблемы решались за счёт высоких деревянных шкафов с книгами и свитками, большого гобелена с батальной сценой и кованой жаровней, в которую слуги исправно

подкладывали дрова. Но зато через узкие стрельчатые окна была видна равнина за стенами города, широкая, плавно переходящая в холмы, поросшие лесом. И когда он смотрел туда, на зелёные ковры лугов днём или синеватые сказочные просторы ночью, ему легче думалось. Вот и сейчас, войдя, он сразу же направился к окну, чтоб увидеть, как медленно меркнет свет в небесах, и на дальние холмы снова опускается долгая ночь. Это значит, что турнир, скорее всего, закончился, и скоро начнётся пир, а после рыцари вернуться в свои шатры, чтоб немного поспать перед возвращением в город. И они понятия не имеют, какая опасность нависла сейчас над королевством.

Он снова вспоминал страшные обугленные тела, которые приносили на носилках из всех концов огромного здания. Девять человек, погибших ужасной смертью так, что этого никто не видел. Он уже слышал о таких случаях в окрестных деревнях, и каждый раз это было связано с Ротамоном. Понимая, что однажды этот колдун может посягнуть на имущество или вассалов Сен-Марко, граф поручил своим лазутчикам собирать сведения о нём. Он знал и о странном происшествии в Магдебурге, но услышать подробности от участника событий было не лишним, хотя бы потому, что полученные им сведения были неясными, а двух шпионов, занимавшихся этим делом, нашли мёртвыми. Один был убит ножом в спину, второй напоминал тех несчастных, что лежали сейчас в мертвецкой.

Позади раздался стук в дверь и, обернувшись, он разрешил визитёру войти. В кабинет вошёл высокий статный мужчина в синем камзоле с прорезями на рукавах, в которые проглядывала подкладка из голубого шёлка. Он был молод и хорош собой, но его лицо хранило то же замкнутое выражение, что и у графа.

— Что скажешь, Ортант? — спросил Раймунд, проходя к своему креслу возле жаровни.

— Я отправил наших людей за магами, дядя, — ответил тот, нагнувшись к литой дровнице, чтоб подкинуть в жаровню пару маленьких поленьев. — Госпожа Белой Башни сейчас у герцогини Эвлалии, ей передадут приглашение. Нашли ещё одного погибшего в арсенале. Это солдат. Выглядит так же, как остальные.

— Десять, — кивнул граф.

— Да, уже десять. Наши люди осматривают помещения замка и опрашивают слуг. Пока нет ничего подозрительного, как и свидетелей. Я взял на себя смелость и отправил гонцов к командирам городской стражи и старостам цехов, чтоб они немедленно извещали нас обо всех случаях странных смертей в городе.

— Это очень удачная идея, — кивнул Раймунд. — Что-нибудь ещё?

— Ничего, связанного с этим делом, — пожал плечами Ортант. — Только что приехал гонец от Анри. Увы, турнир не принёс ему славы. Он попал в отряд Делвин-Элидира, но победил кавалер Булатов и ещё три рыцаря, оставшиеся на ристалище после окончания боя.

— Занятно, — рассеянно пробормотал Раймунд. — Этот новый гвардеец на редкость хорош.

— Не только он. Трое из четырёх победителей — гвардейцы. Капитан Карнач отлично готовит своих рыцарей.

— Если только они не умели всё это раньше, до того, как попали к нам. Но это неплохая новость. Анри нужно привыкнуть к поражениям до того, как он начнёт побеждать. Это поумерит его гордыню. А то, что у короля теперь есть столь искусные воины, замечательно, ты не находишь?

— Если позволите, я попрошу нового победителя дать мне несколько уроков фехтования.

— Хочешь присмотреться к нему? — прищурился граф. — Я не против. А теперь иди. Как только появятся новости, сообщи мне.

Ортант поклонился и вышел. Граф снова поднялся и подошёл к окну, чтоб смотреть, как надвигающаяся ночь накидывает на равнину свою синюю вуаль.

Уже ночью Раймунд спустился из своей башни и прошёл в центральную часть замка, туда, где в небольшом зале за широким столом собрались лица, вовлечённые в секретное расследование странных смертей. Во главе стола сидел король, усталый и мрачный. Он был раздражён и недовольно посматривал на своих подданных. Рядом с ним сидел мрачный принц, которого Джинхэй вытащил из-за стола на пиру по случаю турнира и привёз в замок. Он понимал, что это вызвано, прежде всего, заботой о его безопасности, и всё-таки был недоволен тем, что кто-то прервал его общение с молодыми рыцарями, в которых он вдруг увидел тех, кто может стать его друзьями. Сам Джинхэй присутствовал здесь же, и холодно щурил свои чёрные глаза, поглядывая по сторонам. Ему не о чем было волноваться, поскольку расследование не входило в его прямые обязанности, а свою часть работы он выполнил, усилив охрану короля и его семьи, ограничив доступ в ту часть дворца, где жили его подопечные, и удвоив посты.

Кроме указанных лиц и графа Раймунда, за столом разместились сенешаль, который выглядел крайне обеспокоенным, виконт Монтре, обиженно поглядывавший на Джинхэя, отказавшего ему в предоставлении личных телохранителей за счёт казны, и высокая красивая дама в белом с золотом платье, которое гармонировало с её безмятежным бледным лицом и золотистыми локонами, украшенными жемчужным венцом.

Граф Раймунд рассказал об обстоятельствах обнаружения обгоревших тел во дворце и предпринятых в связи с этим мерах по обнаружению убийцы. Увы, пока ему нечем было порадовать короля. Никаких следов злоумышленника найти не удалось.

— К тому же нам стало известно о трёх случаях подобных смертей в городе, — добавил он. — Погиб купец, причём он сгорел на глазах у приказчика. Прямо в толпе на торговой площади внезапно задымился и обуглился карманный воришка. И сгорела девица в некоем заведении возле городских ворот. Свидетелем тому был её клиент, который, к счастью для него, не пострадал.

— Вы уверены, что эти случаи связаны с убийствами во дворце? — резко спросил король.

— К сожалению, да, — кивнул Раймунд. — И не только потому, что подобные смерти раньше не случались в Сен-Марко. Наши сыщики опросили приказчиков купца и подружек той девицы. В обоих случаях оказалось, что они недавно встречались с кем-либо из работающих во дворце слуг. Купец продавал ленты некоей фрейлине, которую всегда обслуживал лично, а девица принимала у себя какого-то лакея. Сейчас мы ищем их, и как только их опознают, допросим. Трупы доставлены во дворец.

— Какой нам прок от трупов, — проворчал Ричард. — Что скажет Дама Белой Башни? — он обернулся к бледной красавице. — Ведь здесь замешано злое колдовство, не так ли? Почему же ваши защитные чары не спасли наших подданных?

— Чары действуют в соответствии со своим назначением, — невозмутимо ответила она. — Ваши придворные маги проверили их, и на всякий случай обновили.

— Значит, этих чар недостаточно, — ответил король. Он был рассержен, и всё же в разговоре с этой леди не решался повышать голос. — Какой от них прок, если они не

защищают от такой ужасной смерти? Колдун спокойно разгуливает по дворцу, а вы говорите о надёжности чар!

— Здесь нет никакого колдуна, — возразила она. — Против него чары действовали бы успешно. И если б он даже смог пробиться сквозь них, мы бы знали о вторжении.

— Так что же, слуги сами собой задымились? — тихо спросил сенешаль.

— Я не отрицаю, что здесь имела место тёмная магия, — всё так же безмятежно продолжала Дама. — Это огненная магия, заклятие смерти, и всё же я настаиваю, что колдуна во дворце нет. Он не мог незаметно войти сюда. Заметьте, все тела были обнаружены примерно в одно время в разных концах дворца. Разве можно себе представить, что какой-то колдун мог одновременно оказаться в разных помещениях, да ещё и в трёх местах в городе? Он разделился на тринадцать частей или их было тринадцать?

— На этот вопрос вы должны ответить нам, мадам, — произнёс Раймунд. — Скажите, как кто-то мог сделать подобное?

— Только одно приходит в голову, — ответила она. — На них был какой-то знак или амулет, через который было передано заклятие. Только так можно объяснить одинаковую смерть тринадцати человек в разных концах города в одно время.

— Амулет? — мрачно усмехнулся виконт Монтре. — Как же можно всучить одинаковые амулеты фрейлине тётки короля, гвардейцу, белошвейке, кухонному мальчишке и истопнику?

Она неопределённо пожала плечами.

— Это возможно, если амулеты выглядели вполне невинно, — произнёс Джинхэй. — И при этом их держали бы при себе или передавали из рук в руки. Амулеты могут иметь вид денег, обычных монет. Это, кстати, объяснило бы и смерти в городе. Купцу заплатили такой монетой за ленты, девица получила за свои услуги. Кто-то избежал смерти, передав амулеты в виде монет этим людям. А воришка просто срезал кошелёк у кого-то из слуг, получивших такую монету.

— Получивших от кого? — прищурился граф. — Выходит, что эти монеты всё равно исходят из дворца?

— Думаю, что мишенями этой магической атаки были слуги во дворце, просто троим повезло вовремя избавиться от амулетов. Почему именно слуги, сказать не могу, но что деньги попадут им в руки, можно устроить очень просто — добавить такую монету к другим, когда выдавалось жалование. Учитывая, что среди погибших были истопник и кухонный мальчик, то, скорее всего, это мелкая серебряная монета.

— Серебро не может быть заговорено злыми чарами, — возразила Дама Белой Башни.

— Возможно, это не серебро, а олово или какой-нибудь сплав, который выглядит, как серебро. Нам просто нужно проверить кошельки погибших, — он повернулся к графу Раймунду.

Тот кивнул и направился к дверям. Вернувшись через минуту, он сообщил:

— Сейчас их принесут. Учитывая, что ситуация осложнилась, я приказал своим людям поехать на турнирный луг и привезти сюда командора де Мариньи и кавалера Булатова, — он заметил, как нахмурился король, и поспешил добавить: — Они будут приглашены, и причина их приглашения будет держаться в тайне. Учитывая, что уже довольно поздно, а эти господа из космоса не слишком усердствуют в возлияниях, они, скорее всего, уже в своём шатре, и о том, что их срочно вызвали в город, не узнает никто из посторонних. Гвардейцам же, сопровождающим их, будет приказано держать язык за зубами.

— А что мы узнаем от этих господ? — спросил король. — Они видели такие смерти, и что дальше?

— Возможно, они заметили какие-то важные для нас детали. Обе их встречи с колдунами, насылающими огненное проклятие, закончились для них удачно. Нам известно, что в Магдебурге целью заговора были бургомистр и энфер Синего Грифона, однако убийство удалось предотвратить. Я хочу знать, как они убили нападавшего мага и как разоблачили его сторонника.

— Я хочу присутствовать при разговоре с этими рыцарями! — заявила Дама Белой Башни.

— Конечно, — без особого энтузиазма кивнул король. — Джинхэй, что сделано для нашей безопасности?

— Дама Белой Башни сама наложила более сильные заклятия на все двери и окна ваших покоев, покоев принца и женской половины, — ответил Джинхэй и заметил весьма кислую мину Ричарда, не верившего в то, что нельзя увидеть и потрогать руками. — Кроме того, мои люди тщательно проверили все помещения, убедившись, что там нет посторонних людей и вещей. Маги обошли их в поисках каких-то магических предметов и ничего не нашли. У всех дверей теперь будут стоять усиленные посты проверенных людей, снабжённых защитными амулетами, числом не менее двух человек, для чего мы привлекли ветеранов стражи и войска. Кроме того, патрули гвардии будут постоянно, каждые два часа обходить все внутренние помещения. И я просил бы его величество и наследного принца не покидать своих покоев. Остальные члены королевской семьи уже получили соответствующие распоряжения.

— Вы хотите запереть меня в моих комнатах? — возмутился Жоан. Наверно если б он недавно не выпил несколько кубков вина на пиру, то сдержал бы своё негодование. — Я под арестом? И долго это будет продолжаться?

— Употроби это время на учёбу, — проворчал король.

— Да будет известно вашему величеству, что я уже изучил тактику, стратегию и историю нашего государства, изъясняюсь на пяти языках нашего мира, хотя не знаю, зачем мне два малоупотребимых, которые мне навязали по вашему указанию. Я обучен музыке и стихосложению, математике и риторике...

— Хватит! — Ричард хлопнул рукой по столу. — Ты будешь сидеть там, даже если мне придётся привязать тебя к кровати!

— Позвольте хотя бы кому-то составить мне компанию! — воскликнул принц.

— Вашему новому другу Делвин-Элидиру? — тонко улыбнулся Монтре, но принц отрицательно мотнул головой.

— Я знаю, что он слишком занят, чтоб делить со мной заточение. Он весь в делах подготовки к грядущей кампании! Но на турнире я ближе познакомился с молодыми рыцарями, которые были моими соперниками. Пусть хотя бы по очереди они скрашивают мне одиночество. Я говорю о сыновьях графа Раймунда, маркиза Вайолета и графа де Жуайеза. К тому же вы сами нашли мне нового учителя фехтования, государь, так позвольте нам начать занятия. У меня в покоях есть достаточно большая гостиная, и если вынести оттуда мебель...

— Ладно, — отмахнулся король. — Ты не под арестом, так что пусть приходят все, кого ты пожелаешь видеть, но все они должны прежде сообщить об этом Джинхэю и получить его указания.

— Благодарю, отец, — покорно склонил голову Жоан. — И простите, если я был резок.

— Оставим это... — отмахнулся Ричард.

В этот момент на пороге комнаты появился Тома, державший в руках какой-то мешок. По знаку графа он подошёл к столу и вывалил из него на инкрустированную столешницу кошельки, среди которых были потёртые солдатские кисеты, суконные добротные мешочки с вензелями или набивными узорами и две изящных женских сумочки из узорчатого бархата, украшенные ручной вышивкой. Кроме того, он положил рядом несколько монет, найденных в карманах погибших. По приказу графа, он высыпал содержимое кошельков на стол отдельными кучками, и все присутствующие сразу увидели в каждой кучке маленькие блестящие монетки белого цвета, выделявшиеся среди таких же монет.

— Не прикасайтесь к ним, — произнесла Дама Белой Башни и надела на свои нежные ручки чёрные перчатки, сплошь расшитые магическими символами.

Взяв одну монетку, она осмотрела её.

— Вы правы, мой милый варвар, — пробормотала она, обращаясь к Джинхэю. — Ваша проникательность делает честь вашему неведомому племени. Они похожи на серебряные, но это совсем другой металл или сплав. На одной стороне я вижу круг, в котором свернулась змея, а с другой какие-то явно магические и недобрые символы, полагаю, алкорские. По крайней мере, некоторые детали этого рисунка знакомы мне из культа Ангела Тьмы. Я должна исследовать эти монеты в своей лаборатории.

— Но сейчас уже можно сказать, что именно с помощью этих монет были наведены чары? — уточнил король.

— С большой долей вероятности, ваше величество, — кивнула она.

— Но как эти монеты попали к слугам?

— Судя по всему, с последней выплатой жалования, — ответил граф Раймунд, дав Тома знак, что тот может удалиться. — Мы проследим весь путь последней партии денег от казначейства до младшего казначея, раздающего деньги старшим слугам, выплачивающим жалование остальным, то есть до той самой точки, когда монеты разошлись в разные стороны. Это позволит нам определить того, кто заменил обычные монеты амулетами. Если под подозрение попадут несколько человек, мы допросим всех.

— Не стесняйтесь в средствах, — приказал Ричард. — Я хочу, чтоб тот, кто занёс эту заразу в мой замок, ответил за это. И это прекратилось.

— Мы сможем с уверенностью сказать, что это прекратилось, лишь добравшись до того, кто является источником этой магии, — задумчиво произнесла Дама Белой Башни, разглядывая монету. — Не думаю, что какой-то мелкий чиновник казначейства мог изготовить такие пентакли, да ещё в таком количестве. К тому же кто-то должен был провести сильный ритуал, чтоб разом активировать вложенную в них силу. Может, они рассчитаны на одноразовое использование, а, может, и нет.

— Я полагаю, что мы уже знаем, кто это, — заметил граф Раймунд. — И уверен, мадам, что и у вас есть подозрения. Вы не спросили меня о заговоре в Магдебурге, значит, знаете о том, что там произошло.

— О чём речь? — нахмурился король.

— О некоем колдуне Ротамоне, который не так давно появился в нашем мире, — ответила она. — Он пытался утвердить свою власть в луаре Синего Грифона и, по слухам, был убит, но потом неоднократно появлялся в других местах. Он внедрил своих шпионов в магистрат Магдебурга, однако, они были разоблачены и погибли. Так или иначе, но он

появляется то здесь, то там и требует подчинения. Мне известно, что на его сторону уже перешли несколько мелких баронов на севере, ему из страха подчинились несколько деревень в тех местах. Но большего он добиться не смог, хотя, не исключено, что и вступил в тайный союз с более влиятельными лицами.

— И в Сен-Марко, в том числе? — насторожился Ричард.

— Мне это неизвестно, но я этого не исключаю. Если то, что происходит у нас, его рук дело, то следует ожидать, что он не ограничится подобными мелкими шалостями. Нам нужно быть настороже.

— Если вы раньше всё это знали, то почему не сказали? — с укоризной воскликнул граф Раймунд.

— Раньше я была полностью уверена в том, что подданные Сен-Марко верны своему королю. И не думала, что он посмеет сунуться в столь сильное и сплочённое королевство, как наше. В луаре и даже в Магдебурге он потерпел неудачу. Я надеялась, что он удовольствуется для начала мелкими землевладельцами, а мы за это время соберём сведения и подготовимся к тому, чтоб уничтожить его на его землях.

— То есть вы хотели устроить поход на север, чтоб разгромить его сподвижников? — заинтересовался граф Раймунд.

— И, естественно, присоединить их земли к Сен-Марко, — пожала плечами она, и этот невольный жест неожиданно выдал её усталость. — Но сейчас идёт подготовка к другой, более крупной войне. Я полагала, что у нас есть время.

— Как его можно уничтожить? — прямо спросил король.

Она покачала головой.

— То, что о нём говорят, наводит на мысль, что он не совсем обычный человек. Он не смертный. Его пытались убить в луаре, засунули в клетку и расстреляли из луков и арбалетов. Клетка и что-то утыканное стрелами до сих пор висит на стене замка альдора, но колдуна там явно нет. Я должна выяснить, кто он, что он такое, и тогда я скажу, как его можно убить или заточить.

— Мадам, — Ричард проникновенно взглянул ей в глаза, — вы верой и правдой служили Сен-Марко долгие годы, помогая нескольким королям. Вы оберегали от злой магии поколения горожан, и я надеюсь, что и сейчас вы выполните свой долг.

Она улыбнулась, глядя на него.

— Я сделаю это, мой мальчик, даже если это будет стоить мне жизни.

— Что ж, — подытожил король, окинув своих приближённых внимательным взглядом. — Пусть каждый из вас выполнит свой долг перед короной и королевством. И пусть поможет нам всем наш небесный покровитель и защитник, навеки король Сен-Марко Арман-Миротворец. Я хотел бы помолиться на его могиле...

— Я прошу ваше величество... — начал Джинхэй.

— Организуйте охрану и сопровождайте меня, — перебил его король. — Принц останется в своих покоях, как и наши родичи, но я не собираюсь сидеть в норе из страха перед каким-то колдуном.

— Как вам будет угодно, — произнёс Джинхэй, покорно склонив голову.

Когда Раймунд вышел из зала, его уже поджидал Тома с известием, что командор де Мариньи и кавалер Булатов прибыли во дворец и готовы рассказать всё, что нужно. Взяв под руку Даму Белой Башни и кивнув Джинхэю, граф отправился в небольшую гостиную, где е

уютной обстановке их уже дожидались приглашённые рыцари.

Он заметил, как блеснули глаза белой колдуньи, когда она увидела землян. «Что поделать, — философски подумал он, — даже древняя ведьма по натуре своей остаётся женщиной, падкой на статных молодцов». Он решил угодить ей и предложил рыцарям сесть в кресла у камина, после чего велел слугам принести вина и закуски. Он и Дама сели напротив, а Джинхэй отошёл в сторону и, по своей привычке, застыл у стены, спрятав руки за спиной.

Сначала кавалер Булатов рассказал о том, что он видел в той злосчастной деревне, а де Мариньи лишь немного дополнил его рассказ. После этого Дама Белой Башни начала задавать вопросы, и граф оценил, насколько она внимательна к деталям. Её интересовало всё до мелочей: внешний вид той ведьмы, точное изложение её слов, какие жесты она делала, напав с помощью своей магии на Кроу, что предпринял против неё МакЛарен. При этом она нахмурилась, узнав, что он не прибегал к заклинаниям, зельям и магическим предметам. После она ещё раз спросила, знают ли они, где сейчас находится этот маг, и рыцари совершенно честно заявили, что понятия не имеют, умолчав о возможности вызвать его.

После этого Хок рассказал о своих приключениях в Магдебурге, не упоминая о том, что сведения о смерти судьи Гюнтера получил от Джулиана. Он сказал, что случайно услышал о странной смерти, что напомнило ему недавнее жуткое приключение. Он старался рассказывать подробно, и всё же Дама то и дело прерывала его, уточняя детали, а потом снова дотошно расспрашивала о разных мелочах. Затем она надела перчатки и показала ему монетку со змеёй, и он подтвердил, что именно этот знак он то и дело видел в Магдебурге в связи с Ротамоном. Её интересовало, как выглядели амулеты, которые Дакоста передал Донцову и Кроу, защитившие их от огненного заклятия, но на этот вопрос Хок ответить не мог, поскольку не разглядел их. Задав ещё несколько вопросов, она вопрошающе взглянула на графа, но тот покачал головой, дав понять, что удовлетворён услышанным. Джинхэй тоже не проявил излишнего интереса, поскольку знал, что, если нужно, он сможет позже поговорить с землянами без свидетелей.

После этого он отправился к королю, чтоб рассказать ему об этой беседе и обсудить план вылазки в храм Святой Лурдес к усыпальнице короля Армана. Дама Белой Башни ласково простилась с рыцарями, и граф отпустил их. Он хотел спросить её о том, что она думает об этой странной истории, но колдунья была задумчива и, коснувшись белыми пальцами его руки, сказала, что отправляется в свою башню, чтоб всё обдумать и изучить монеты. И как только у неё будет, что сообщить, она немедля даст ему знать.

Граф проводил её до подножия Белой Башни, расположенной в глубине замка и примыкающей к городской стене на конце, противоположном главным воротам города. Там он почтительно поцеловал её руку и отправился допрашивать чиновников казначейства.

Король Ричард стоял на коленях перед ракой Армана, сложив перед грудью руки и опустив голову. Он и не думал молиться восковой кукле, спрятанной под тонким кисейным покрывалом и хрустальным стеклом. Просто он хотел подумать в одиночестве, вдали от душной суеты дворца, от навязчивых слуг и преданных дураков. Здесь, в вечной прохладной, благоухающей тишине и благословенном полумраке он, наконец, мог остаться один на один со своими мыслями. Конечно, если б он обернулся, то увидел бы вооружённых рыцарей в лёгких доспехах и их командира Джинхэя, которые стояли позади, пристально глядя по сторонам, прислушиваясь ко всем звукам, готовые среагировать в любой момент на любую

опасность. Но на них, как раз, можно было не обращать внимания. Эти рыцари, лично отобранные командиром охраны, были им научены оставаться незаметными даже на виду, двигаться беззвучно и не мешать своим постоянным присутствием. С ними было спокойнее, хотя сам Джинхэй вызывал у короля подсознательный страх, может, потому, что он так до сих пор и не понял, что за человек защищает его жизнь. Станный варвар, недавно появившийся при дворе, был молчалив и холоден, обладал острым, как кинжал, умом, обширными знаниями, и при этом никогда, ни при каких обстоятельствах не выдавал своих собственных чувств и мыслей. Кто знает, о чём думает этот неординарный человек, глядя на него своими холодными, как закалённая сталь, узкими чёрными глазами? Что лежит в основе его уже не раз доказанной преданности? И не является ли эта основа настолько хрупкой, что допустив однажды небольшую оплошность, можно не только лишиться этой защиты, но и оказаться под ударом оружия, которое в этих руках всегда смертоносно?

Ричард покачал головой. Не время сейчас думать о Джинхэе. Он не за тем пришёл сюда. Его встревожило проникновение зловредной магии в стены королевского замка, не напугало, скорее, разозлило. Он давно считал себя самым сильным властелином этого мира, и само его величие, кажется, должно защищать его от козней чужих колдунов. Он с детства был уверен, что Инес Монморанси, Дама Белой Башни, уже несколько веков охраняющая покой отчего дома, надёжно защищает своих родственников и потомков от зла. Но вот в его дворце произошли эти нелепые и странные смерти. Кто и как сумел прорваться сквозь толстые стены и мощные защитные заклятия, да ещё так, что ни один из придворных магов не узнал об этом? Есть только ничем не подтверждённые подозрения, что злоумышленником является какой-то Ротамон, и пока он не схвачен, страшная смерть может настичь любого, от конюха до короля.

Ричард поднял голову и посмотрел на раку. Что бы в этой ситуации сделал Арман? Трудно сказать, мальчик с юных лет обладал незаурядным умом и был мастером находить столь неожиданные решения, что в первый момент они казались безумными, но потом проявляли его необычайную мудрость. Он во всём был исключителен и всё, что имел: красоту, ум, отвагу, силу, право на корону получил от рождения. Он был тем, кого ещё юношей окрестили Солнцем Сен-Марко. Мальчишку пятнадцати лет! Чего б он достиг к тридцати? И из-за его сияния его столь же красивый и мудрый дядя был вынужден вечно оставаться в тени племянника. Дядя, которому просто не повезло родиться младшим сыном, и это отняло у него всё, кроме личных достоинств, которые сами по себе делали его достойным короны.

Ричард нахмурился, вспомнив тёмную ночь прощания у городских ворот. Всё было решено и сделано. Эта усыпальница уже приняла временный гроб и ожидала дорогой отделки, а Арман стоял под тёмным небом в сером плотном плаще с капюшоном, подпоясанный вместо рыцарского пояса обычной верёвкой, держа в руках крепкий деревянный посох. Он уже уходил, когда Ричард понял, что он всё знает, он знает, кто повинен в его грядущих бедах и скорой неизбежной смерти, которая обещает быть мучительной. Он до сих пор помнил этот взгляд, пронзивший его. Что в нём было? Презрение? Обида? Обвинение или ненависть? Нет, ничего этого не было. Он словно говорил: «Я всё знаю. И пусть боги воздадут тебе за твою жестокость». Он был спокоен и несломлен, как всегда. Он, как обычно, проявил мудрость, не поднимая шум и признав поражение, не желая втягивать своё любимое королевство в смуту и междоусобицу. Он смирился, но простил ли? Вряд ли, у него было ещё достаточно времени, чтоб лелеять свою

обиду, подогреваемую развивающейся болезнью. Он умел быть великодушным, но есть ли место для великодушия по отношению к столь тяжкому предательству?

Король ещё ниже опустил голову. А если это Арман? Если это его озлобленный дух явился, чтоб мстить? Он никогда не был жестоким и проявлял редкую мягкость по отношению к слугам, но кто знает, до чего довела его жалкая жизнь за пределами родного города, вдали ото всех? Какую боль, какое отчаяние он переживал наедине с собой, замечая, как разрушается его раньше прекрасное и сильное тело? Какие мольбы он возносил богам, моля их о чуде или о смерти? Какие проклятия он насылал на своего мучителя и убийцу, глядя слепнувшими глазами в мутные небеса? Какие чёрные мысли охватили его измученную душу в тот миг, когда она простилась с измождённым телом? И не отправилась ли эта душа, отравленная ненавистью и жадной мести, в родной дом?

Ричард недовольно передёрнул плечами. Это глупости! Ведь Дама Белой Башни сказала, что всё дело в монетках из странного металла. Трудно представить себе призрака, раскладывающего монетки по кошелькам челяди. А если это не призрак? Вдруг он выжил и, более того, исцелился? Если он вымолил своё чудо, этот любимец богов? Если он нашёл знахаря или колдуна, избавившего его от смертельного недуга? Если он вернулся или готовит своё возвращение? Явись он сейчас, перед самой войной, его примут с радостью, со слезами на глазах. Толпа на руках пронесёт его по главной улице от городских ворот до королевского замка. Горожане возьмут штурмом крепостные стены и по его указке разорвут на части каждого, вставшего на их пути.

Король стиснул зубы и мотнул головой. Этого не будет. Арман мёртв. Даже его сильное молодое тело не могло так долго противиться страшному недугу. И чудес не бывает. Это кто-то другой, кто-то злобный и подлый сеет смерть во дворце. Ротамон это или нет, но Раймунд отыщет его. И хватит снова наяву лелеять свои ночные кошмары о возвращении племянника и его мести. Он умер и остался в прошлом. А думать нужно о будущем, о величии Сен-Марко, об укреплении королевства, которое он, король, однажды оставит своему наследнику, будь то Жоан или другой сын. Но случится это ещё очень не скоро. Он не Арман, он не наивен и не доверчив, он не полагается на пустые заверения в преданности и дружбе. Он верит только в то, что куплено и оплачено, в зависимость и подчинение грубой силе. И потому он всегда настороже. И у него ещё хватит времени и упорства усилить королевство, покорить луар и свободные города, обложить их данью и возвысить дом Монморанси над всеми.

Он решительно поднялся на ноги и обернулся. Прямо за его спиной в проходе за колоннами возвышалась фигура Джинхэя. Он смотрел на короля, и его взгляд был столь же непроницаем, как если б его глаза были сделаны из чёрного стекла.

Вечером того же дня король снова погрузился в мрачную задумчивость. Он сидел на своём резном троне, одном из многих, что велел поставить для себя в больших гостиных и залах дворца. В зале, как часто бывало, собрались придворные. Тётушки с племянниками и племянницами сидели на стульях и скамьях вдоль стен, и о чём-то шептались. Первый испуг от страшных происшествий уже прошёл, и они тихонько сплетничали и смеялись, деликатно прикрывая лица руками в надушенных перчатках. Тут же стояли графы, маркизы и бароны побогаче со своими жёнами и дочерьми, выставленными на показ. В стороне на скамеечках сидели музыканты и наигрывали нежную полную меланхолии мелодию, а в центре зала несколько девиц из свиты в белых платьях скользили в безмятежном танце, грациозно

изгибаясь и поводя вокруг руками, словно это были белые крылья сказочных птиц. Среди них выделялась красотой леди Ровена, которая танцевала так легко и изящно, что танец остальных был лишь сопровождением её восхитительного соло. Но бедняжке не повезло, не в лучший час она попала на глаза королю, и хоть была замечена им, и приближена, иные дела и тревоги отвлекли от неё высочайшее внимание. Потому король рассеяно следил за её плавными движениями, думая о своём, и иногда переводил взгляд на плотные портьеры на окнах, за которыми, как он точно знал, стусилась крошечная тьма глубокой ночи. Самое ведьмовское время. Того и гляди слуги принесут известия о новых смертях, а старуха Инес всё молчит и не выходит из своей Белой Башни. Справится ли Раймунд без её помощи? Даже если он будет носом рыть землю, как он разоблачит и обезвредит колдуна, способного сжигать людей на расстоянии? Что помешает этому негодяю сжечь так и самого графа?

Король вздохнул. Он уже знал о четырнадцатой смерти. Арестованный по подозрению в пособничестве убийце младший казначей, передававший старшим слугам деньги на выплату жалования, сгорел заживо в руках палачей, тащивших его на дыбу. При этом на сей раз при нём не оказалось магического пентакля. Эта ниточка оборвалась, вызвав сдержанное рычание у Раймунда и приступ ярости у короля. Других нитей пока не было, хоть на это расследование были брошены все сыщики, агенты и осведомители тайной полиции.

Ричард снова окинул взглядом зал и задержался на виконте Монтре, тот шептался с очередной пассией, муж которой, мелкоземельный рыцарь был срочно отослан за ненужностью в своё имение. На сей раз король с недовольством смотрел на смазливое ухоженное лицо своего фаворита. Монтре начинал его раздражать. Когда-то он был полезен. Возглавив тайную полицию, он без зазрения совести расправился со всеми, кто мог знать причины недуга Армана, а так же со всеми недовольными и вызывающими подозрение монарха. Но как сыщик он оказался ни к чему не способен и потому вскоре уступил этот пост умному, хладнокровному и преданному Раймунду. Причём какое-то время он ещё имел наглость интриговать против него, пока не получил весьма грубое внушение от своего повелителя. Он и теперь пытается лезть во все дела, стараясь доказать свою незаменимость, но вызывает лишь недоумение и раздражение у тех, кто сейчас действительно нужен — у самовластных баронов, независимых до заносчивости, но при этом опытных и беспощадных воинов, обладающих в совокупности весьма значительной армией. Кажется, на последнем пиру он даже пытался цеплять Делвин-Элидира, но тот поставил его в тупик невинным на первый взгляд, а на деле полным едкого сарказма замечанием. Кстати, этого молодого барона здесь нет. Говорят, ему сильно досталось на турнире, но всё же нужно, чтоб он и другие бароны были здесь. Пусть лучше будут на виду, пусть чувствуют себя приближёнными к трону, избранными, даже если придётся снова указать Монтре и его клике на их место, которое теперь отнюдь не в первых рядах.

Резкий женский смех болезненно резанул по нервам. Раздражение, которое он испытывал, глядя на привычный круг приближённых, теперь казавшихся ему пустыми и бесполезными, вскипело с новой силой. Он бросил мрачный взгляд на жену одного из друзей Монтре, даму общедоступную и потому лишённую для Ричарда какой-либо привлекательности. Её кавалер, вовсе не её муж, испуганно толкнул её локтем. Она обернулась и побелела, заметив выражение на лице короля. Этот ужас слегка смягчил его гнев, и всё же он, не меняясь в лице, резко поднялся и вышел из зала. За его спиной не осталась никого, с кем стоило бы проститься в этот поздний час или кому имело смысл объяснить столь внезапный уход.

Пройдя по анфиладе комнат, он вошёл в свои покои и остановился в небольшой уютной гостиной перед спальней. Здесь было очень тихо, в камине горел огонь. На столе в свете свечей поблескивал хрустальный кувшин, наполненный золотым густым вином со вкусом подвяленного винограда. Наполнив кубок, Ричард подошёл к камину и сел в кресло. Из-за дивана появилась белая тень, лохматый волкодав подошёл и лёг рядом на ковёр, задумчиво и нежно глядя на хозяина своими мудрыми и по-детски добрыми глазами. Этот странный для такого грозного хищника взгляд всегда согревал сердце напоминанием о том, что в мире всё же есть одно существо, любящее его искренне и преданное без обещаний, угроз и наград. Но только одно.

Он нагнулся и погладил косматую медвежью голову. Пёс несколько раз ударил хвостом по ковру. Дверь в комнату приотворилась и появилась леди Ровена. Беззвучно приблизившись, она села на пол у ног короля и, глядя синими глазами в огонь, нежно погладила густую жёсткую шерсть пса.

— Мой государь чем-то встревожен? — спросила она мягким голосом и тоже посмотрела на него снизу вверх.

В её взгляде тоже было что-то такое, как и во взгляде волкодава, доверчивое и незащитное. «Может, и она?..» — подумал, было, он, но вовремя остановил себя. Женщины куда коварнее мужчин, а уж как они умеют изображать покорность и любовь — с этим не сравниться никакой лицедей.

— Ты знаешь чем, — негромко ответил он. — Хоть я и приказал сохранить всё в тайне, слухи расползаются, как тени. Ты сама не боишься этих смертей?

— Нет, — она безмятежно улыбнулась. — Ведь пострадали только слуги, к тому же убийства прекратились.

— И зачем кому-то было нужно убивать этих слуг?

— Быть может, чтоб продемонстрировать вам некую силу, которую некто может предложить вам? — она снова посмотрела на огонь, и в её зрачках затрепетало пламя. — Представьте, если у вас будет возможность вот так уничтожить ваших врагов, независимо, спрятались ли они от вас за стенами своих замков или на поле боя? Они будут гореть как факелы, — она подняла голову и взглянула на него. — Вам стоит лишь пожелать.

Он прищурился, глядя на неё.

— Ты что-то знаешь об этом?

— Всего лишь знаю и могу передать. Я вестница, не более того.

— Ты ведьма?

— Нет. Разве ваш замок не защищён от проникновений ведьм и колдунов? Поэтому он выбрал меня, невинную и не обладающую никакими колдовскими способностями.

— Кто он?

— Ротамон, повелитель Тьмы.

— Рассказывай! — приказал Ричард.

— Он появился в наших краях недавно, — начала она, снова взглянув на пламя в камине, — он внушал трепет, но обещал заступничество и помощь. Мой отец сэр Морис де Толлер вступил с ним в союз, и вскоре трое из наших соседей погибли в пламени вместе с семьями, не оставив наследников. Поскольку отец был предупреждён, он успел занять их замки, и присоединил их земли к нашим. В награду он обещал господину Ротамону службу. Вскоре к нам в замок приехал купец Кутберт и посватался ко мне. Он тоже был в союзе с

колдуном и взял меня в жёны без приданого в уплату за какую-то услугу. К тому же он должен был отвезти меня в Сен-Марко. А мне лишь приказано попытаться добиться аудиенции вашего величества и передать послание.

— И что же это за послание? — мрачно глядя на неё, спросил король.

— Господин Ротамон показал вам свои силы, которые в обмен на союз он готов поставить вам на службу. Он не будет больше никого убивать.

— Даже если я не соглашусь? — перебил Ричард.

— Он уверен, что вы согласитесь, потому что это выгодно перед войной. Никто из магов Сен-Марко или луара Синего Грифона не сравнится с мощью Ротамона. Для того, чтоб убивать силой огня, ему не нужны монеты. Он может убить связанного с ним человека издалека. Но непосредственно он может убить, кого угодно, или кого угодно наделить силой убивать. Представьте, что в вашем войске будет подразделение магов, способных убивать противников на расстоянии.

— И что взамен?

— Он будет рад, если вы поможете ему поквитаться с альдором, оскорбившим его.

— И это всё? — недоверчиво усмехнулся король.

— Наверно есть ещё условия, но он мне их не передал. Однако я могу устроить вам встречу.

— Вот как?

— Я не ведьма, но есть вещи, которые сами по себе обладают волшебной силой. Я знаю, как начертить на полу знаки, которые позволят ему явиться к вам. Он не может войти через двери. Заклятия не помешают ему, но об этом узнают ваши маги. Однако если вы выберете для встречи уединённое место, то...

Ричард резко поднялся и, приказав псу сторожить, направился к двери. Волкодав, который только что лежал, расслабившись и благосклонно поглядывая на леди Ровену, гладившую его бок, резко вскочил и, сев рядом, предостерегающе оскалился. Она улыбнулась и опустила руку.

Вскоре в комнату вошли три рыцаря личной охраны.

— Отведите леди в Чёрную башню и закройте в комнате без окон, — распорядился король. — Без моего распоряжения никого к ней не допускать. Доложите об этом Джинхэю, но больше не говорите никому. Ключ передайте ему. Потом вызовите Филбертуса. Пусть он взглянет на эту даму, наложит на стены и дверь её узилища заклиния, предотвращающие побег и общение с потусторонними силами, и после этого зайдёт ко мне.

Леди Ровена, всё также безмятежно улыбаясь, поднялась и вышла вместе с рыцарями. Час спустя явился маг Филбертус, высокий белокурый мужчина, чем-то похожий на Даму Белой Башни. Внешне он больше походил на воина, чем на волшебника, и лишь лёгкие доспехи и драгоценности, которые вместо узоров были украшены мерцающими рунами, говорили о том, что он посвящён в древние таинства.

— Что скажешь? — король задумчиво взглянул на него.

— Я не заметил в этой леди ничего странного, кроме её полного спокойствия в подобной ситуации. Она не колдунья.

— И всё же, я хочу, чтоб ты вернулся туда и осмотрел её. Забери все украшения и убедись, что на одежде и теле нет знаков.

Филбертус вскинул бровь, но король раздражённо покачал головой.

— Я ничего не заметил, но говорят, что часто клеймо дьявола бывает скрыто от

посторонних глаз.

— Мне придётся раздеть её.

— Можешь даже снять с неё кожу. Впрочем, с этим повремени. Пока я расскажу тебе, в чём дело, но ты должен держать всё в секрете, в том числе и от Дамы Белой Башни. Я знаю, что ты предан ей...

— Я предан вам, — спокойно возразил Филбертус.

— Отлично. Ни ей, и никому.

Он рассказал всё, что узнал от леди Ровены и вопросительно посмотрел на мага. Он знал, что этот парень — прямой потомок старушки Инес и потому наделён особым даром, но он так же Монморанси, и чем-то навязчиво напоминал ему Армана. Впрочем, прав на трон он не имел, поскольку в его роду затесалось несколько бастардов, и сомневаться в его верности причин не было.

— Я думаю, что она честна, когда говорит о том, что не является колдуньей, — произнёс Филбертус. — Ротамон намеренно направил сюда её, потому что его вторжение или другого колдуна вызвало бы переполох среди магов, а в прямом поединке с Дамой Белой Башни мало кто устоял бы. И я подтверждаю, что некие знаки могут быть способом вызова, как сущности, так и колдуна. Вы приняли решение?

Он смотрел на Ричарда так же, как Джинхэй, внимательно, но без эмоций. Король пожал плечами.

— Согласись, предложение соблазнительно, но и опасно. Можно ли доверять колдуну? А что, если при встрече он попытается убить меня? Может, на самом деле он давно вступил в союз с алкорцами?

— Альдор не станет вас убивать, — возразил маг. — Они там в луаре слишком чтут кодекс рыцарской чести. Но врагов у вас немало, так что опасения оправданны. Однако я заверяю вас, что есть способы защитить вас от враждебной магии, даже от заклятия смерти.

— Я не хочу ставить в известность об этом твою прабабку. Она воспротивится.

— Без сомнения, — невозмутимо кивнул Филбертус. — Но я справлюсь сам. У меня в арсенале много защитных средств, полученных от неё, я могу позаимствовать сильные амулеты из её ларцов. К тому же можно начертить защитный круг и установить магическую преграду. Наверняка есть и другие способы защиты. Это — только то, что сразу пришло мне в голову.

— Я подумаю, — пожал плечами король. — А ты, на всякий случай, позаботься о защите при столь опасном свидании. И держи всё в секрете.

— Я понял, государь, — придворный маг поклонился и вышел из гостиной, а король взглянул на собаку, снова улёгшуюся у огня.

— Вот так, Роло. Как просто змея может проползти в твой дом мимо стражников и заклятий, лишь доверчиво глядя в глаза. Никогда не верь женщинам. Впрочем, и мужчинам тоже. Сегодня ты спишь возле моей кровати, и держи один глаз открытым, одно ухо поднятым. Даже мышь не должна проскочить мимо тебя незамеченной.

Роло не спеша поднялся и, подойдя к двери, выжидающе взглянул на хозяина. Ричард отворил дверь и вслед за собакой вошёл в спальню. Роло не спеша поднялся и, подойдя к двери, выжидающе взглянул на хозяина. Ричард отворил дверь и вслед за собакой вошёл в спальню.

На то, чтоб добраться до Грозовой горы, Оршанину понадобилось несколько светлых дней. На сей раз продвижение по континенту прошло без происшествий. С отрядом слуг барона Делвин-Элидира он добрался до небольшого торгового города, где прямо на постоялом дворе договорился присоединиться к купцам, следующим в Магдебург. Здесь формирование таких караванов было обычным делом, а его небогатая, но добротная одежда не вызывала ни у кого опасений. У него были хорошие манеры, он заказывал хорошую еду и дорогое вино, причём расплачивался, не торгуясь. Так что его новые спутники с удовольствием приняли его в свою компанию, а после, когда их пути разошлись, дали карту, по которой он смог добраться до подножия скал.

А вот путь по горам занял у него целых три дня, потому что был странным и запутанным. Ему приходилось то пробираться по узкой горной тропе, держа всхрапывающего коня под уздцы, то спокойно скакать по крутому серпантину, то перебираться через каменистые осыпи. Однажды он не сразу смог найти очередной ориентир — скалу с большим валуном на вершине и, решив довериться прямой широкой тропе, поехал по ней, в поисках следующего ориентира, но неожиданно оказался на самом краю бездонной пропасти, которой обрывалась эта самая тропа. Ему пришлось вернуться обратно, оставив на время коня, ползать по скалам в поисках скалы с камнем, и лишь поднявшись на гребень горы, он увидел её за перевалом. Кое-как перебравшись через него, отчаянно беспокоясь за испуганного коня, привыкшего к гладким дорогам, он потерял остаток светлого дня и был вынужден заночевать под открытым небом. Поскольку травы в горах не было, он скормил своему голодному скакуну весь свой хлеб и даже сыр, оставив себе только кусок вяленого мяса.

Когда он, наконец, выехал на широкую горную дорогу, ему вскоре снова пришлось свернуть в сторону, потому что вдалеке он слышал ржание лошадей. Спрятав коня за обломком скалы, он укрылся в расщелине и увидел промчавшихся мимо рыцарей в полном вооружении. В деревне, где он ночевал, ему сказали, что дорогу к Алмазному сердцу сторожат рыцари Девы Лардес, которые никого не пропускают дальше своей цитадели, без всякой жалости убивая любого путника, не пожелавшего повернуть назад.

Не рискнув идти мимо этой крепости, он решил обогнуть её, пробираясь по узким тропам, протоптанным, скорее всего, горными оленями и козлами. К счастью, животные знали эти места без карт и ориентиров, и он сумел пробраться по ним, и, наконец, снова оказался на дороге, откуда вдалеке виднелись белые башни горной цитадели. Она была позади, но впереди дорога обрывалась огромной насыпью колотого камня. На карте здесь должна была находиться скала, но теперь она своими обломками перекрыла дорогу.

Вздохнув, и утешительно погладив коня по гриве, он снова свернул на звериные тропы. По ним он плутал до следующей ночи, и, хоть не нашёл пути к цели своего путешествия, но набрёл на довольно зелёную лужайку, обрадовавшую его усталого скакуна. К тому же с гор здесь сбегал быстрый холодный ручей, и можно было напиться и путнику, и его коню.

Еда, взятая с собой, закончилась, но Кирилла утешало хотя бы то, что его конь с радостью щипал свежую зелёную траву. Ночью ему пришлось развести костёр и спать вполглаза, потому что едва спустилась темнота, как на краю лужайки вспыхнули жёлтые глаза. Это оказалось всего лишь стадо горных кабанов, но через какое-то время недалеко

послышалось рычание крупного хищника. Кабаны умчались в темноту, а его лошадь испуганно всхрапнула и подошла ближе к огню. Из-за опасности эта долгая ночь казалась ему бесконечной. Он смог немного поспать, и всё же к утру чувствовал себя разбитым. Он не ел уже больше суток.

Ещё день он блуждал по звериным тропам, проходя по узким карнизам над пропастями, углубляясь в тесные горные расщелины и внезапно оказываясь в небольших оазисах с водопадами и озерцами, уходить из зелёных кущей которых не хотелось и, если б его не гнал голод, он, может, и задержался бы там, чтоб передохнуть.

Уже третий день начал клониться к закату, когда неожиданно он остановился посреди тропы, услышав позади лязг оружия и, обернувшись, увидел появившихся за его спиной оборванцев. Они были грязны и одеты в отрепья, но в их руках были мечи и длинные ножи, а один к тому же целился в него из большого лука, явно предназначенного для охоты на оленей и кабанов.

О разбойниках он как-то не думал, однако, бежать было поздно, тем более что впереди возникла ещё парочка вооружённых мечами парней.

Один из них, длинноволосый, в потемневшей от ржавчины кольчуге усмехнулся и спросил:

— Куда держишь путь, добрый человек?

— В замок на Грозовой горе, — ответил Кирилл.

Он понятия не имел, кто эти люди, имеют ли они отношение к замку. Честный ответ мог стоить ему жизни, но мог и привести к желанной цели. Тот, что спрашивал, заинтересованно прищурился и спросил:

— И что тебе нужно там?

— Я ищу... — он хотел сказать «Повелителя теней», но в последний момент передумал. Имя командира и её заступничество уже раз спасли ему жизнь, почему не рискнуть снова, тем более что так оно и есть, и она, скорее всего, уже там, и эти ребята, если они связаны с замком, могли о ней слышать. А имя Повелителя теней всегда можно назвать. — Я ищу леди Дарью, магистра ордена Пилигримов, — уверенно заявил он.

Парень задумчиво смотрел на него, потом с лязгом вогнал меч в ножны и молча поманил его за собой. Остальные тут же убрали оружие и перестали бросать на него кровожадные взгляды, а Кирилл подумал, что ему стоит сделать татуировку с портретом командира на лбу.

Уже стемнело, когда шайка разбойников, уверенно петляя по глухим узким тропам, достигла дна ущелья, над которым возвышалась укутанная чёрными тучами громада замка. По едва приметной узкой тропе, под ураганным ветром и секущим дождём они поднялись к небольшой дверце, за которой грохотание грома и шум ливня были не так слышны. По приказу главаря один из разбойников весьма заботливо взял коня под уздцы и, поглаживая по холке, увёл куда-то вдаль длинной галереи.

— Не волнуйся, его отведут в конюшню, почистят и зададут корма, — объяснил главарь, подойдя к Кириллу. — Пойдём на кухню, тебе надо поесть и обогреться.

— Я хотел бы увидеть леди Дарью, — начал Кирилл, но парень улыбнулся, продемонстрировав неожиданно крепкие белые зубы.

— Её сейчас нет. Она улетела, но скоро вернётся. Она всегда возвращается. Однако ты должен предстать перед Повелителем теней. Если он не согласится оказать тебе гостеприимство, нам придётся отвести тебя обратно на равнину.

— Хорошо хоть не туда, где вы меня встретили, — пробормотал Кирилл.

Парень счёл это забавным и, рассмеявшись, хлопнул его по плечу.

— Мы не столь жестоки, друг мой. Меня зовут Зикур. И я по мере сил служу твоей госпоже.

— Кирилл, — представился Оршанин и вслед за ним отправился на кухню.

Там было тепло и уютно, хоть огромный очаг в углу выглядел устрашающе, а длинные столы, заваленные продуктами, почернели от грязи. Отодвинув в сторону тушку кролика, Зикур сел за стол и усадил напротив гостя. Девочка-подросток в замызганном платье из рогожки принесла им по миске с дымящейся похлёбкой и ломти хлеба на деревянном блюде. Зикур не стал задавать вопросов. Он поел и велел жутковатой старухе-кухарке обогреть гостя и дать ему горячего вина с пряностями, после чего ушёл.

Ещё час Кирилл сидел возле очага с большой кружкой в руках, и, закрыв глаза, представлял, что он дома, в русской бане, и ему чудился запах разогретого влажного дерева, распаренных берёзовых веников и сладковатый аромат маминого рябинового чая, заваренного в красивом расписном чайнике на родниковой воде из тульского самовара.

Наверно он уснул, потому что его разбудил Зикур. Он уже переоделся в относительно чистую одежду, но снова натянул поверх рубахи свою кольчугу.

— Идём, я отведу тебя в тронный зал, — проговорил он. — Повелитель там и он сейчас примет тебя.

— В тронном зале? — пробормотал Кирилл, представив командора Олдриджа в королевской мантии и короне на троне Эдуарда I в зале Вестминстерского аббатства. — От чего он не помрёт, так это от скромности.

Вслед за Зикуром он вышел из кухни и начал подниматься по бесконечным ступеням вверх. Его одежда почти высохла, он был сыт и немного отдохнул. И чтоб там не говорили о командоре Олдридже, он почему-то не верил, что тот выставит его за ворота, на ночь глядя.

Зикур проводил Кирилла в высокий узкий зал, украшенный двумя параллельными колоннадами, похожий на тронный зал во дворце альдора, только тут было сыро и мрачно. В конце зала перед возвышением, на котором стоял чёрный каменный трон, вместо роскошно одетых придворных толпились те же оборванцы, что встретили его в горах, а, может, и не те, но мало от них отличающиеся. Они почтительно и даже немного пугливо смотрели вверх, а там на каменном троне восседал командор Олдридж, облачённый в чёрный костюм, напоминающий средневековые камзолы. Рядом с ним стоял Элиот Багси в серой мешковатой одежде и охотничьих сапогах. Его волосы заметно отросли с того памятного осеннего бала, когда они виделись в последний раз, и теперь неопрятными лохмами торчали во все стороны.

— Зачем явился? — раздался сверху голос Олдриджа, когда он подошёл ближе.

— Я пришёл служить своей госпоже, — ответил Кирилл, склонившись в уже привычном поклоне.

Олдридж поморщился.

— Ну, мне-то незачем впаривать этот высокопарный бред, — раздражённо заметил он. — Я же знаю, кто ты, а ты знаешь, кто я.

— Так точно, командор, — Кирилл встал по стойке «смирно». — Я прибыл в распоряжение командора Северовой.

Олдридж вздохнул.

— Оставьте нас.

Он небрежно взмахнул рукой, и зал мгновенно опустел. Обернувшись, Кирилл наблюдал, как разбойники поспешно скрываются в дверях. Потом он снова взглянул наверх. Багси остался на месте и неодобрительно смотрел на него. Олдридж пальцем поманил Кирилла к себе. Он взбежал по ступеням и остановился в двух шагах от трона, с удивлением рассматривая высокую спинку из чёрного кристаллического хрусталя.

— Скажите мне, капитан, зачем мне здесь нужен рыцарь плаща и кинжала, который к тому же не на моей стороне? — поинтересовался Олдридж.

— Может, вам я и не к чему, — пожал плечами Кирилл. — Но я подумал, что могу пригодиться своему командиру. Сами понимаете, во всей этой суматохе каждый преданный человек на счету.

— Преданные люди здесь редкость, — заметил Олдридж.

— И я о том же, — с готовностью кивнул Оршанин. — Позвольте мне остаться при командире. Я обещаю, что без её приказа ни шагу не сделаю.

— Не сможешь. Но всё равно будешь шнырять вокруг и вынюхивать.

— И какой вам с этого вред? Я на альдора и короля не работаю. Меня интересует только безопасность командора Северовой.

— Высокие идеалы... — пробормотал Олдридж, явно заскучав. — Ладно, оставайся. Не учти, за тобой всё время наблюдают.

— Учту! — покладисто закивал Кирилл.

— Ладно, иди. Зикур укажет тебе, где можно лечь, и где тебя накормят. Как только твой командир прилетит, ей сообщат, что ты здесь.

Ему показалось, что при этих словах Олдридж как-то слишком пристально следил за его реакцией, но Оршанин только кивнул и выпрямился:

— Разрешите идти, командор?

Бен неопределённо махнул рукой и проводил его взглядом до самых дверей.

— Зачем ты позволил ему остаться? — спросил Багси, подозрительно глядя ему вслед. — Ты же знаешь, что он окончил школу Звёздной инспекции.

— Я же сказал, Эл, преданные люди здесь редкость, — пробормотал Бен. — Особенно с высокими идеалами. Думаю, что его, действительно, интересует только безопасность Северовой. Вот пусть и снимет эту ношу с наших плеч.

— Как будто это помешает её мужу портить тебе кровь, — проворчал Эл.

— Ты заметил, что его не удивило сообщение о том, что она улетела?

— Меня это теперь тоже не удивляет, — буркнул Багси, и гордо удалился из зала явно затем, чтоб подыскать для непрошеного гостя сухую коморку с отдельной койкой.

Жизнь Эрика постепенно входила в свою колею. В очередной раз появившись на пороге его пещеры, доктор МакЛарен опустил на землю скатку из походного матраса и одеял, а потом поставил рядом небольшой рюкзак, в котором нашёлся несессер с мылом и безопасной бритвой, расчёска и ножницы. Помимо хозяйственных принадлежностей, там была лампа, работающая от химических элементов и несколько книг из библиотеки, посвящённых мистическим учениям Востока и технике медитации. Доктор появлялся регулярно и внимательно расспрашивал о его состоянии, с сожалением сообщая, что его поиски спасительного средства от магического вампиризма пока не увенчались успехом.

Эрик воспринимал это с философским спокойствием, потому что жизнь в пещере на краю зелёного океана его умиротворяла. Он стоически сносил острые позывы в кого-то превратиться и кого-то поймать, наблюдая за этим как бы со стороны, и замечая, что такое случается нечасто и со временем проходит. Он всё так же не любил день, и старался ложиться спать, когда небо светлело, а выспавшись, зажигал лампу, и, сидя на матрасе, читал или медитировал. Но медитировать было приятнее ночью, сидя на склоне горы над бесконечными вершинами деревьев и кожей ощущая прохладу воздуха и бесконечный простор вокруг. Иногда ему казалось, что он летит над этим бескрайним лесом, чувствуя ни с чем несравнимую свободу, упругую силу ветра и запахи деревьев и трав. Иногда эти видения становились настолько реалистичными, что он в ужасе выныривал из них, испугавшись, что поддаётся искушению трансформироваться во что-то иное, но находил себя всё так же сидящим на траве возле своего жилища. Порой он спускался в лес, всегда ночью, и бродил там, прислушиваясь к лесным звукам, различая своим новым зрением блеск звериных глаз в чаще и лёгкие тени скользящие в кронах деревьев. Может, это были белки, а, может, птицы. Конечно, ему хотелось пробежаться по лесной тропе ловким быстрым волком или взмыть в небо летучей мышью, выписывая в тёмном воздухе затейливые вензеля. Но он снова привычно абстрагировался от этих желаний, с пристальным вниманием наблюдая, как реагирует на них его тело, и как они, пометавшись вокруг его сосредоточенного на наблюдении ума, потихоньку уходят всё дальше.

В ту ночь он сидел возле пещеры и смотрел на вершины деревьев. Несколько дней назад он заметил вдали странное свечение, словно крона одного дерева излучала приятный изумрудный свет. Она была далеко, но он ясно различал эту светлую полосу в тёмной массе леса. Вернее, это была даже не полоска, а что-то большее, потому что дерево явно было выше других, и его крона была шире. Вот уже несколько ночей он наблюдал это странное явление, и, наконец, решил узнать, что это такое.

Спустившись вниз, он привычно двинулся в сторону странного дерева. До него было не так далеко, но и не близко, на глаз около трёх километров. Он уверенно шёл по лесу, держа в уме нужное направление. Дорога заняла у него около часа, притом, что ему приходилось перебираться через бурелом и обходить небольшие озерца. Однако он не сомневался, что не сбился с пути. В крайнем случае, всегда можно было забраться на дерево повыше и с его вершины посмотреть, откуда льётся этот фосфорический свет. По его расчётам, он был уже недалеко от цели своего путешествия, когда услышал странные звуки. Их явно издавали звери. Вернее, сначала он услышал гневный и слегка испуганный низкий вой, срывающийся на странное бормотание, а следом раздался самый настоящий раскатистый рык, который

могла издавать только большая кошка вроде льва или тигра. На какой-то самый краткий момент осторожность ему изменила, и он позволил себе поддаться любопытству. Он надеялся просто понаблюдать издали, как этот огромный зверь охотится на что-то маленькое, но довольно агрессивное и ворчливое, потому свернул в сторону и двинулся на звуки.

Он оказался на краю полянки, по которой бродила крупная кошка с длинной мордой и торчащими острыми клыками. Если б он побывал у тёмных эльфов, то знал бы, что это крупный самец лесной пантеры, но этот экземпляр был диким и к тому же голодным. Зверь бродил вокруг высокого дерева и рычал, скалясь и глядя куда-то вверх, где в ветвях пряталось что-то небольшое и чёрное, издающее время от времени завывающие звуки, сильно напоминающие ругань. Залезть на дерево хищник не решался, потому что ствол был слишком тонким. Он бродил вокруг, соображая, как можно добыть сверху этот сварливый ужин.

Сколько Эрик не вглядывался в крону тонкой сосенки, ему никак не удавалось разглядеть того, кто там прячется. Несколько раз он замечал среди пучков хвои мерцание пары жёлтых глаз, но больше ничего разобрать не мог. Он слишком увлёкся этими попытками и, чтоб лучше видеть, протиснулся между кустами, когда пантера резко обернулась и с яростным рычанием бросилась на него. Он в ужасе замер, поняв, что у него нет оружия против этих клыков. Огромные когтистые лапы ударили его в грудь и повалили на землю, и тут же он почувствовал острую боль. Белый клык вонзился в шею, оставив большую рваную рану.

Уже теряя сознание, он увидел, как с сосенки, ломая ветки, низверглось что-то тёмное, огромными прыжками пересекло поляну и с воем запрыгнуло на холку пантеры. Хищник издал отчаянный протестующий рык, затряс головой и, ломая ветки, устремился прочь, унося на своём загривке что-то свирепо и победно завывающее. Чувствуя на плече тёплую волну вытекающей крови, Эрик провалился в забытье.

В какой-то момент он ненадолго пришёл в себя. Он знал, что ранен и обессилен, и чувствовал, как из раны на шее течёт кровь. Он помнил, что в рюкзаке, принесённом доктором МакЛареном, была новая аптечка, но он даже не удосужился достать её оттуда. Впрочем, у него не было сил даже просто открыть глаза, не то, что накладывать повязку на разорванную шею. Он медленно плыл в странном полумраке, сквозь опущенные веки глядя на колышущиеся силуэты деревьев. Ему казалось, что он лежит на дне холодного озера, вокруг извиваются серыми лентами бесцветные водоросли, над ним мутной пеленой расстилается гладь воды, а её масса давит на грудь. На грудь, действительно, что-то давило, и он слышал голос, странный, глубокий, негромкий. Бархатный баритон что-то нащёптывал ему на смутно знакомом языке. Потом он понял, что это русский, но звучал он как-то необычно, словно это был какой-то диалект, певучий, плавный и завораживающий. Голос тихо и монотонно напевал загадочные слова: «На море-океане, на острове Буяне, хатка стояла. В хатке три сестры шили-пошивали, ранки зашивали, кровь останавливали и тихо напевали: «Ох ты, рана-ранка, заживись, ох ты, кровушка-кровь, остановись». Голос звучал ровно, бесстрастно, и от него хотелось спать. Тревоги куда-то уходили, боль затихала. На какое-то мгновение чуть приподняв веки, Эрик увидел прямо возле своего лица два удивительных золотых глаза, мудрых и спокойных. Решив, что это всё-таки сон, он опустил веки и уснул.

Его разбудил свет. Он лежал на поляне, запрокинув голову. Шея затекла и ещё немного

болела. К тому же со стороны раны она была покрыта запёкшейся кровью. Пощупав рану, он убедился, что она почти зажила, образовав бугристые рваные рубцы. И всё же он был жив. Приподнявшись, он подполз к дереву и прислонился к нему спиной. В том месте, где он лежал, темнело большое пятно. Увидев, сколько крови из него вытекло, он пришёл в ужас, но потом сообразил, что если б его жизни теперь что-то угрожало, он бы просто не очнулся. Наверно его новая сущность способствовала усиленной регенерации. Только странно, что кровь, залившая левую сторону куртки и обильно вытекавшая на траву, всё-таки остановилась. Но сама ли? Он вспомнил странный голос, напевавший какую-то необычную русскую песню, и два красивых золотых глаза.

Ночью что-то неведомое сидело на сосне, спасаясь от лесной кошки, но когда она напала на человека, отважно бросилось на неё, чем спасло ему жизнь. А затем вернулось, уселось ему на грудь и пело странную песню, гипнотизируя своими необыкновенными глазами. Ещё какой-то демон, испытывающий слабость к людям? Неважно. Со временем всё выяснится.

Эрик чувствовал сильную слабость, что было неудивительно при такой потере крови, а потому на сей раз достал из кармана пластиковый пенал, в котором поблёскивали капсулы с усиленным питательным концентратом. Он выпил сразу две порции, и какое-то время сидел, наблюдая, как в его тело возвращается жизнь, кончики пальцев теплеют, и в голове проясняется. Через полчаса он уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтоб встать на ноги. Он собирался вернуться к своей пещере, но сделав несколько шагов, передумал. Путь до пещеры был неблизким, а колени слегка дрожали. К тому же то странное светящееся дерево, оно было совсем рядом, и наверняка таинственный русский демон как-то с ним связан. Если ночью он дважды спас его, то вряд ли причинит вред днём. И Эрик двинулся в чащу.

Совсем скоро с лесом стало происходить что-то необычное. Вокруг стало светлее. Сосны и ели сменились белоствольными берёзами, а шёлковый ковёр травы под ногами запестрел яркими луговыми цветами. Птицы вокруг пели громче и звонче, откуда-то пробивался яркий, почти солнечный свет. Пройдя ещё немного, Эрик вышел на большую поляну и замер в восхищении. Перед ним стоял дуб. Причём не просто дуб, а Дуб с большой буквы, Дуб, достающий вершиной до неба, и закрывающий своей изумрудной листвой всю поляну, Дуб, от которого струился свет. Его кора цвета тёмного янтаря излучала мягкое сияние, а пышная необъятная крона, покоящаяся на толстых, живописно раскинутых ветвях, слегка светилась, и потому под ней вместо тени было светло и весело. В листве скакали озорные огненно-рыжие белки, щебетали яркие красногрудые птицы, поблескивали золотистыми бочками крупные жёлуди. Этот Дуб словно сошёл с иллюстрации для детской книжки, но самым удивительным было то, что вокруг его необъятного ствола обвивалась тяжёлая блестящая цепь из чистого золота. Она красиво провисала на один край почти до бугристых корней, выступающих из земли, а с другой цеплялась за толстый сук, над которым было расположено идеально круглое дупло, отчего казалось, что звенья цепи — это ступени от земли к дуплу. А в центре этой сказочной композиции, словно её апогей, красовался великолепный сибирский кот.

На вид это был просто крупный кот, очень пушистый, как и все сибирские коты, чёрный, с белыми тапочками на толстых лапках. Он мирно спал, уютно расположившись на цепи, его лапа и пышный хвост расслабленно свешивались вниз. Однако, почувствовав, что рядом кто-то есть, он проснулся, приоткрыл один глаз, и Эрик сразу узнал золотое сияние, которое видел во сне. Кот задумчиво смотрел на него, а потом поднял косматую голову с

небольшими, чуть закруглёнными ушками, и на грудке стала заметна белая манишка в виде ромба.

— Ну, что ж, — неожиданно произнёс он тем самым бархатным баритоном, — входите, коль пришли.

Эрик был не готов к этому. Нет, ночью он уже слышал этот голос, но думал, что это сон. Или демон. Странно, но возможность появления демона смущала его меньше, чем наличие говорящего кота. К тому же в коте было что-то смутно знакомое, но он никак не мог понять, что?

— Ты говоришь? — спросил он по-русски.

Проведя последние годы в компании с несколькими русскими коллегами, он свободно понимал и изъяснялся на этом языке, хотя грамматика, и синтаксис с пунктуацией по-прежнему оставались для него тёмным лесом. Впрочем, кот, кажется, не ждал от него писем и открыток на день рождения.

Он снова закрыл глаз и, опустив голову на лапу, начал тихонько напевать: *«Как у серого кота колыбелька золота, позолоченная. В ней постелька постлана: перинушка пухова, подушечка в голова».*

Эрик растерялся. Он уже точно видел этого кота, именно этого, но тогда этот кот молчал. Но ведь бывают говорящие коты, доказательство тому — Киса. Так почему не может быть другого такого? И откуда он мог знать именно этого кота?

— Я мог тебя где-то видеть? — спросил он, подходя ближе.

— Странно, — заметил кот, снова приоткрыв глаз. — Я заметил, что котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.

— Прости, я... — ещё больше смутился Эрик, но кот приподнялся и качнул головой.

— Это цитата. Булгаков. Я говорю цитатами. Следствие моей глубокой начитанности. Так что тебе надо?

— Я просто пытаюсь вспомнить, где я мог тебя видеть?

— Ты уверен, что меня? Ночью все кошки серы, то есть людям кажется, что кошки похожи друг на друга. Обычная невнимательность заикленных на своей особе «царей природы». Это сарказм.

— Я понял, — кивнул Эрик. — Но я уверен, что видел именно тебя. Как тебя зовут? Я — Эрик.

— Я знаю, — кот равнодушно развернулся и принялся вылизывать заднюю лапу, удивительным образом не падая с цепи.

— Значит, мы всё-таки знакомы!

— Нас друг другу не представляли.

— Ну, вот, я представился. Меня зовут Эрик.

— Я приму это к сведению, — буркнул кот.

— Ты что, не помнишь, как тебя зовут?

Кот снова вернулся к вылизыванию лапы, на сей раз передней. Эрик не очень разобрался в кошках, однако из наблюдений за Кисой знал, что это попытка скрыть смущение.

— Почему же, помню, — наконец, заговорил кот. — Вариантов множество: Кот-баюн, Котофей Котович, Кот Серый лоб, Котанеюшко, но мне больше нравится Кот учёный. Это более всего отражает мою натуру, моё неистребимое стремление к знаниям и готовность делиться ими с другими. Ты знаешь, что я прочитал почти всю библиотеку?

— Какую библиотеку? — нахмурился Эрик.

— Несколько библиотек. Последняя, на третьем этаже того дома... Там ещё камин и... — кот снова начал вылизывать лапку, и вид у него был несчастный.

Эрик задумался. Кот явно был русского происхождения, и мог попасть сюда только с Земли. Значит, его привезли на звездолёте, но последними сюда прилетели две баркентины. Библиотека с камином на третьем уровне размещалась на «Пилигриме», но и на его брате-близнеце «Паладине» тоже. И там тоже, кажется, был кот.

— Я вспомнил! — воскликнул Эрик. — Ты — Василий. Кот Азарова!

Кот недоверчиво взглянул на него.

— Я не могу быть чей-то. Я кот. Хотя имя мне нравится. Оно означает «царь», и звучит приятно, даже ласково: Вася, Васенька... Ладно, я согласен, что меня зовут Василий. В конце концов, мне нечего на это возразить. Но то, что я чей-то, это невозможно. Хотя, не исключая, что у меня был свой человек. Он должен был быть выдающейся личностью.

— Другой бы не смог с тобой общаться? — усмехнулся Эрик.

— Выдающимся он неизбежно стал бы, общаясь со мной, — спокойно возразил Василий. — Наверно мне его не хватает. Тут никого нет, и моя учёность пропадает зря. Кстати, — он задумчиво взглянул на нижнюю ветку, где сидела, нахохлившись, небольшая серая птичка. Она повернула головку, и Эрик с удивлением увидел совиные глаза и загнутый клювик. — Воробьиный сычик, обычное дело для лесов средней полосы России, — пояснил кот, после минутного молчания. — Я хотел спросить: у тебя самого есть кот?

При этом он продолжал внимательно разглядывать сычика, словно это было не обычное дело, а чудо из чудес.

— У нас на звездолёте есть кот, — осторожно ответил Эрик. — Его зовут Киса и он тоже разговаривает.

— Это с котами случается, — неопределённо ответил Василий, не заинтересовавшись собратом, и сделал вывод: — Значит, кота у тебя нет.

— Я не очень люблю кошек, — признался Эрик, но его пушистого собеседника это не смутило.

— Наверно в прошлой жизни ты был мышью. Сочувствую, но утешу тебя, я не ем мышей. Вернее, не ел... — глаза Василия затуманились. — Бедные серые малютки. Песчанки, полёвки, кроты, птички. Птичек особенно жалко. Это классика. Не помню, откуда это. Но, мне нужно что-то есть, понимаешь? Я вынужден есть их. Но я же интеллигентное, более того, высокоинтеллектуальное животное. Я гуманист и пацифист.

— Если хочешь, я буду ловить рыбу и приносить тебе.

— Рыба? Это такое холодное и склизкое? И шевелится? Давай, я буду рад. Это лучше, чем... — он всхлипнул.

Эрик подошёл ближе и осторожно провёл пальцами по шелковистой спинке.

— Василий, а ты помнишь, что случилось с Александром?

— Пушкиным? — взгляд кота стал рассеянным.

— Азаровым. Александром Александровичем.

— Погиб поэт, невольник чести, пал...

— Это Пушкин, — нетерпеливо возразил Эрик.

— С дырой во лбу и... в общем, поникнув гордой головой, — из золотых глаз кота полились слёзы, они струились по мордочке и стекали на белую манишку.

— Не плачь, — попросил Эрик. — Ну, пожалуйста. Хочешь, пойдём со мной. Будем

жить вдвоём в пещере.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что у Лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том, и днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом. Идёт направо... Ах да, — Василий приподнялся на пушистых лапках и, осторожно переступая по звеньям цепи, двинулся вокруг дуба, напевая: — «Жил да был чёрный кот за углом, и кота ненавидел весь дом».

— Василий! — окликнул его Эрик.

— Или желаешь сказку? — он поднялся на задние лапы и ловко развернулся. — «Ничего не поделаешь, — возразил Кот. — Все мы здесь не в своем уме — и ты и я». «Откуда вы знаете, что я не в своем уме», — спросила Алиса. «Конечно не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?»

— Льюис Кэрролл, — автоматически определил Эрик.

— Да, репертуар не блещет новизной, — печально вздохнул Василий и сел, после чего пару раз несколько смущённо лизнул лапу. — Но можно разнообразить. Следуя версии другого классика русской литературы, допустимы анекдоты, и даже мемуары. Про татар. Хочешь лекцию о влиянии кошек на мировую литературу? С цитатами и глубоким анализом. Или о роли котов в народном фольклоре.

— Может, не сегодня?

— Или почитать тебе стихи? «Средь наших дней, и плоских, и мещанских, моей желанной — кошку назову». Константин Бальмонт, между прочим. Хотя есть и изумительные строки в прозе. Вот из Гофмана: «Чарующее пламя искрилось в прекрасных глазах цвета изумрудной травы, по мягким движениям острых ушек можно было догадаться, что добродетель в ней сочетается с умом, а по свитому в колечко хвосту — что её чудесная грация неотделима от женской нежности».

— Да ты, смотрю, любитель кошечек, — рассмеялся Эрик, присаживаясь на траву. — Честно говоря, я никуда не тороплюсь. Живу тут поблизости и рад буду продлить знакомство. Я буду приносить тебе рыбу, а ты будешь рассказывать мне всякие кошачьи премудрости.

— Очень разумное решение, — кивнул Василий, — но давай вспомним слова Ипполита Тэна: «Я изучил многих философов и многих кошек. Мудрость кошек неизмеримо выше». То есть та мудрость, которой я буду с тобой делиться, более высокого качества, а, следовательно, и плата должна быть соответствующей. Рыба должна быть разделанной, очищенной от кожи и костей, порезанной на кусочки и, желательнее, в миске. Да, в миске. Керамической. Рисунок без изысков: лапки, мордочки.

— С миской напряг, старина. У меня нет посуды. Но, давай я найду на берегу плоский камень. Это будет похоже на японский ресторан.

— Ресторан? Ну, что ж, почему бы и нет, — Василий привстал и потянулся. — Я признаю, что ты можешь быть полезным, потому, возможно, со временем мы станем друзьями.

— Понятно, ты всё-таки вот-вот решишься завести себе человека, — ехидно заметил Эрик. — И выбор может пасть на меня?

— Вряд ли у меня много вариантов. Коту нужен свой человек. Нам нужно о ком-то заботиться. И других двуногих особей здесь всё равно нет. Ты же достаточно смыслён, чтоб у меня была надежда обучить тебя хотя бы основам древних знаний. Кстати, тот кот, о

котором ты говорил, ты достаточно тесно с ним общался?

— Конечно, это же наш судовой кот, хоть и кот старпома.

— Ты упорно считаешь, что это коты принадлежат людям, хотя, скорее, всё наоборот. Впрочем, возможно, твой знакомый достаточно умён, чтоб оставлять своего человека в заблуждении относительно его статуса. Я считаю, что нужно сразу расставить все точки над «і». Я не буду твоим котом, хотя с радостью буду поддерживать с тобой знакомство и, возможно, дружить. А про того кота я спросил, чтоб узнать, умеешь ли ты общаться с нами? Знаешь ли ты наши потребности?

— В смысле купать, вычёсывать и мыть лоток?

— Для этого существуют те, кто ошибочно считают себя хозяевами. Хотя, согласишься, эти занятия больше подходят для слуг. Но у вас, как я понял, были не те отношения. Я о другом.

Василий спрыгнул с цепи и подошёл к Эрику. Тот невольно протянул руку, и кот сразу же приподнялся, подставляя голову под его ладонь.

— Я понял, — рассмеялся Эрик и, осторожно взяв Василия на руки, посадил себе на колени.

Он принялся гладить его и чесать за ушками. Кот громко замурчал и перевернулся на спину, подставляя пушистое брюшко. Его глаза были блаженно закрыты, лапки согнуты, а шея вытянута так, что её так и хотелось почесать. Эрик продолжал гладить его, вдруг поняв, что радостно улыбается впервые за долгое время. Этот маленький одинокий зверёк так же нуждался в общении, как и он. Он больше не чувствовал себя одиноким. У него теперь было о ком заботиться, с кем поговорить. И кто знает, может, этот удивительный кот так же умён и образован как его хозяин, а значит, и беседы с ним будут интересными и полезными.

Два светлых дня и две тёмных ночи прошли без происшествий, и хоть агенты графа Раймунда всё так же метались по городу, в надежде подслушать что-то, способное вывести на злоумышленника, убившего королевских слуг, а сыщики с той же целью опрашивали всех причастных, больше ничего не происходило. В городе мало кто узнал о трёх странных смертях, и они вскоре забылись за текущими делами. Об убийствах во дворце знал ещё меньший круг людей, и они тоже со временем начали забываться. Убийств больше не было, обугленных трупов никто не находил и только введённые после того прискорбного происшествия меры усиленной охраны дворца ещё напоминали о нём.

Ричард в эти дни был задумчив. Никто, кроме него, леди Ровены и мага Филбертуса не знал всей правды о причинах самовозгорания слуг и о том предложении, что сделал королю таинственный убийца. Король не спешил делиться этой новостью со своими приближёнными, раз за разом вспоминая краткий разговор с любовницей и обдумывая её слова. Иногда он запирался в своих покоях с Филбертусом и беседовал с ним. Он колебался, разрываясь между необыкновенной возможностью, которую перед самой войной предлагал ему Ротамон, и опасениями попасть в смертельную ловушку. Однако со временем он сам понял, что выбора у него нет, и он только оттягивает тот самый момент, когда встретится лицом к лицу с колдуном.

Отправив своего доверенного мага к леди Ровене, он поручил ему обсудить с ней детали ритуала, а затем обеспечить его полную безопасность. Филбертус вернулся вскоре, сообщив, что дама ничего толком не знает, кроме заученного рисунка, который она должна начертить углём кипарисового дерева на полу. Она нарисовала этот рисунок на принесённом им листе бумаги, и, изучив его, маг пришёл к выводу, что это обычный круг вызова без дополнительных свойств. Для обеспечения защиты короля он предложил заключить этот круг в другой, призванный удерживать сущность внутри, а также начертить защитную пентаграмму для короля и его спутников, усилив их заклятием крепостных стен. При этом Филбертус клялся, что этого будет вполне достаточно.

Затем он отвел леди Ровену под охраной доверенных рыцарей в подвал, где в большом сводчатом зале дал ей холодную жаровню с обугленными полешками из кипариса. Он внимательно следил за ней, когда она чертила на полу круг и рисовала внутри него свернувшуюся спиралью змею, однако, до того, как она закончила рисовать кончик хвоста, он остановил её и велел отойти. После сам он взял белый с голубоватым оттенком мел и начертил вокруг ещё одну окружность, которую дополнил различными символами и рунами, а после обсыпал своё творение широкой полосой каменной соли.

Рядом с этим кругом он нарисовал ещё один, в который вписал пятиконечную звезду, снова дополнил её охранительными знаками, и у каждого луча поставил серебряную чашу, наполненную смесью ароматических смол и трав, сложенных на слой угля. После этого он послал рыцарей к королю. Ричард пришёл вскоре. С ним был только Джинхэй. Они вместе с магом встали во второй круг, и Филбертус, подняв руки, громко и чётко произнёс длинное заклинание на древнем магическом языке, который знали только очень образованные люди королевства. В этом заклинании он призывал древнего всемогущего бога, которого называл отцом, защитить их от зла, называемого нечистым. Под действием заклинания начерченные мелом линии воссияли голубым светом, уголь в серебряных чашах вспыхнул, из них

заструились ленты светлого ароматного дыма. Из него соткались пять призрачных башен, между которыми вдоль линии круга поднялись прозрачные крепостные стены.

— Защита установлена, — сообщил Филбертус, обернувшись к королю.

— Начинайте, — приказал Ричард.

Маг кивнул леди Ровене, и та, переступив через соляную дорожку, пририсовала чёрной змее хвост. После этого она так же аккуратно вышла и, встав на колени лицом к змее, опустила голову.

— Вы ничего не забыли, миледи? — внимательно взглянул на неё маг. — Мне показался странным ваш рисунок, поскольку на нём явно чего-то не хватает. Нет символов, которые должны активировать магический круг.

Когда она подняла голову, он увидел в её глазах страх.

— Чего ты боишься? — резко спросил король. — Того, что я пойму, что ты нас дурачишь?

— Я боюсь, что он явится и сожжёт меня, — призналась она. — Позвольте мне войти в ваш защитный круг.

— С чего бы ему сжигать свою столь верную прислужницу? — усмехнулся Ричард.

— После постройки стен никто не может не только войти, но и выйти, — произнёс Филбертус. — Если вы видите стены, то должны видеть и то, что в них нет ворот. Однако через них можно метать стрелы. Моё заклятие смерти не столь эффектно, как у вашего колдуна, но разит не менее успешно.

— Я поняла, — дрогнувшим голосом произнесла она и, снова взяв обугленное полешко, вернулась в круг.

Она вписала ещё несколько символов и, когда закончила последний, чёрные линии задымались. Она поспешно выскочила из круга и прижалась к стене. Над чёрными линиями медленно поднималось призрачное красноватое пламя, а затем внутри круга закружился лёгкий смерч и в его центре возник силуэт закутанного в плащ человека. На нём был капюшон, но под капюшоном темнела пустота.

— Ты всё-таки решил встретиться со мной, — пронёсся по залу голос, который, казалось, звучал вкруг.

Ричард настороженно дёрнулся. Ему казалось, что кто-то стоит совсем рядом и шепчет прямо ему в уши, но он не мог разобрать тембр этого голоса, понять, говорит это мужчина или женщина, или ему нашёптывает что-то мрачный дух, или кричит из бездны её жуткое исчадьё.

— Кто ты и зачем просил встречи? — произнёс король, сурово глядя на колдуна.

— Моё имя Ротамон, Повелитель Тьмы, я явился из бездны, чтоб призвать сильных под свои знамёна, — ответил голос, в то время как тёмная фигура оставалась совершенно неподвижной и только полы её балахона трепал неосязаемый ветер.

— Я сам повелитель своей земли, и те, кто ищут моей милости, встают под мои знамёна, — резко ответил Ричард.

— Потому я предлагаю тебе союз, король Сен-Марко, — ответил колдун. — Ты повелеваешь людьми, а мне подвластны чары. Я помогу тебе завоевать луар и уничтожить альдора.

— А что взамен?

— Лишь удовлетворение моей ненависти к этому жалкому смертному. Он посмел послушаться меня и оскорбил. Он заслуживает смерти.

— Он такой же самовластный хозяин на своей земле, как и я, — возразил Ричард. — Потом ты и от меня начнёшь требовать послушания, а после отказа затаишь злобу?

— Ты не сын Алкора, — прошептал ему на ухо странный голос. — Его предка отправили сюда, как наместника Великого Тирана, и потому он должен поклоняться нашим богам и подчиняться нашим приказам. Он нарушил древние клятвы своих пращуров, принесённые на наш алтарь, а значит, заслужил наказание. И если ты поможешь мне сокрушить его, этого будет довольно. Я предлагаю тебе союз, король Ричард, я помогу тебе извести твоих врагов и победить в этой войне. Все, на кого ты укажешь, умрут мучительной смертью, а остальные устроятся твоего гнева.

— И что потом? — прищурился Ричард. — После того, как я одержу победу. Что ты будешь делать потом?

— Я удовольствуюсь тем, что имею, но буду поддерживать твою власть, верный нашему союзу.

— И что ты потребуешь за это?

— Придёт время, и я скажу.

— Скажи сейчас! — настаивал Ричард.

— Подумай, нужна ли тебе моя помощь. Если нужна, позови.

Голос стих, и тёмная фигура растворилась в воздухе. Пламя вокруг неё опало. Филбертус произнёс короткое благодарственное заклинание, и призрачные стены вместе с башнями исчезли. Маг вышел из пентаграммы и, обходя чёрный круг по часовой стрелке, смотрел на свой браслет с большим голубым опалом в серебряной оправе.

— Он ушёл, ваше величество, — наконец, сообщил он.

— Даму — обратно в камеру. Это всё убрать отсюда, — король раздражённо указал на рисунки на полу. — Встретимся у меня в бархатной гостиной.

Он ушёл, даже не взглянув на сжавшуюся у стены леди Ровену, а за ним беззвучной тенью удалился Джинхэй.

Через некоторое время Филбертус появился на пороге гостиной, стены которой были обиты бордовым бархатом. Такой же бархат был использован для обивки кресел и диванов, стоявших возле изящного резного стола из орехового дерева. Ричард застыл у камина, мрачно глядя в огонь. После этого странного свидания это невинное и уютное зрелище вызвало у него суеверный страх. Если этот колдун управляет огнём, то почему не может просто так возникнуть из кучки горящих поленьев?

Услышав шаги, он обернулся и посмотрел на вошедшего мага.

— Что скажешь? — спросил он, и по его тону было ясно, что сам он уже составил своё мнение о мрачном визитёре.

— Трудно сказать. Он не дал нам никакой информации о себе, кроме того, что связан с Алкором. Он не пытался выйти из круга и как-то воздействовать на нас, потому мне неизвестны его силы.

— А что о его предложении? — перебил король.

— Я ему не верю. Он явно на что-то рассчитывает, а, поскольку, не говорит, на что именно, это явно вам не понравится. Я слышал о том, что случилось в луаре. Явившись, он, действительно, ссылаясь на какие-то древние клятвы и требовал от альдора подчинения, чем вызвал его ярость. Полагаю, что он рассчитывал на то, что в луаре его будет ждать более тёплый приём. Пока его ловили, он перебил множество народу, но его всё же поймали и, подняв в клетке на стену, расстреляли.

— По-вашему, это повод его недооценивать? — спросил Джинхэй, стоявший у стены возле камина.

Филбертус вздохнул.

— Я не знаю, с кем мы имеем дело. Возможно, он может быть полезен, но он так и не сказал, что потребует взамен. И господин Джинхэй прав, его нельзя недооценивать. Он уже доказал своё умение убивать огнём даже на расстоянии.

— Его можно использовать? — спросил Ричард.

— Да, но я не знаю, чего будет стоить его помощь.

— А чего он требует от других? Дама Белой Башни говорила, что он появляется то здесь, то там и наводит страх. Чего он хочет?

— Подчинения от бедняков, услуг от богатых. Слабых он запугивает, а сильных подкупает, помогая им избавляться от врагов.

— То есть его можно купить?

— Не за деньги. Скорее всего, он жаждет власти. Пока только тайной, но неизвестно, как далеко простираются его амбиции.

— То есть, — Ричард внимательно взглянул на него, — ты против этого союза?

— Он опасен и альянс с ним может привести к непредсказуемым последствиям, — пояснил Филбертус.

Король обернулся к начальнику личной охраны. Тот внимательно смотрел на мага, а потом перевёл взгляд на короля и произнёс:

— Он очень опасен.

— Конечно, Джинхэй, — кивнул Ричард. — Ты сосредоточен на своём долге. Тебя беспокоит только моя безопасность, но мне приходится думать не только о себе. Если нам удастся использовать его магию против наших врагов, мы выиграем эту войну. А там, если он будет предъявлять слишком много претензий, мы сумеем засунуть его в клетку.

Филбертус переглянулся с Джинхеем, и тот чуть заметно пожал плечами.

Спустя несколько часов король собрал малый совет, на котором рассказал своим приближённым о событиях последних дней.

— Я до сих пор не пришёл к какому-либо решению, — произнёс Ричард, переводя взгляд с одного лица на другое. — Я хочу слышать ваше мнение об этом.

— Это весьма заманчивое предложение, — улыбнулся Монтре. — Если теперь мы сможем таким образом избавляться от врагов, это существенно облегчит нашу жизнь. До сих пор нам приходилось прибегать к помощи...

— Я понял вас, виконт, — резко перебил его король, вовремя пресекая упоминание о наёмных убийцах. — Сенешаль, что вы скажете?

— Право же, не знаю, ваше величество, — растеряно произнёс тот. — Это слишком неожиданно и, как мне кажется, опасно. Если этот колдун так запросто убил тринадцать человек одновременно в городе и тщательно охраняемом замке, то не повернёт ли он однажды свою магию против нас? Можем ли мы гарантировать, что он не станет убивать ваших подданных в своих интересах?

— Вряд ли кто-то сможет помешать ему в этом, если он захочет, — заметил маркиз Вайолет. — И потому, мне кажется, что его величеству стоит согласиться хотя бы из соображений безопасности. Если у нас будет союз, то он не станет убивать подданных Сен-Марко. Я не склонен переоценивать его возможный вклад в военные действия, но лучше

пусть убивает наших врагов, чем нас.

— Не думаю, что подобные средства подпадают под определение допустимой военной магии, — заметил барон де Сансер. — Конечно, тайные убийства с помощью огня будут иметь устрашающее действие, но не обвинят ли Сен-Марко в нарушении законов ведения войны?

— Война диктует свои законы, — усмехнулся Монтре.

— И вы, как опытный воин, знаете об этом лучше всех, — с сарказмом парировал барон. — Вряд ли слухи о подобных вмешательствах принесут королю славу.

— Их не обязательно афишировать, — заметил граф де Бове. — Я понимаю тревогу барона де Сансера и разделяю её. Сен-Марко для всех всегда был образцом доблести и благородства. До сих пор все сверяют свои добродетели с деяниями нашего славного короля Армана-Миротворца, и заказные убийства с помощью магии сильно ударят по нашей репутации. Но нельзя забывать и о практической выгоде, о которой говорит маркиз Вайолет. Лучше заключить этот союз и использовать этого колдуна тайно, чем позволить ему вступить в союз с луаром. Сейчас перевес сил на нашей стороне, и альдор не может этого не понимать. Он находится в тяжёлом положении, и может пойти на попятную, помириться с колдуном, пообещать ему то, что он хочет, и обернуть это всё против нас.

— Как мы будем контролировать этого колдуна? — спросил Раймунд. — За прошедшие дни мои люди сбились с ног, но так ничего и не узнали о нём и его непосредственной связи с убийствами. Мы не знаем, достаточно ли эффективна применённая Филбертусом защита, ведь он не пытался никого атаковать во время встречи. Где гарантия, что он искренен в своих намерениях вступить с нами в честный союз? И можно ли ожидать честности от того, кто начинает знакомство с убийства преданных слуг короля? Прежде чем вступить с ним в более тесное сношение, нужно точно знать, как мы будем действовать, если он станет для нас опасен.

— Леди Ровена сказала, что он не сможет войти во дворец из-за заклятий, — напомнил Монтре. — Значит, пока никто не начертит магический круг, мы в безопасности.

— Но вряд ли в безопасности город, — произнёс главный казначей. — Он поджигает людей, так не может ли он так же поджигать дома? К тому же, если я правильно понял, то эта леди сказала, что он не может войти незамеченным, значит, всё-таки может.

— К тому же он всегда отыщет дуралея, который начертит на полу круг или сунет кому-то в карман монетку, — добавил Раймунд.

Обсуждение продолжалось, и Ричард внимательно слушал, не перебивая говоривших. Он понимал, что прежде чем принять предложение колдуна, ему всё же придётся заручиться поддержкой Дамы Белой Башни, а она яростно воспротивится союзу с тёмным колдуном. Опасность такого альянса, действительно, была велика, но и выгоды от него были очень соблазнительны.

Неожиданно взгляд короля наткнулся на лицо человека, который не принимал участие в бурном обсуждении, лишь прислушиваясь к разговору и переводя невозмутимый взгляд с одного царедворца на другого.

— А что скажет барон Делвин-Элидир? — спросил король, остановив очередную тираду Монтре, которому всегда нравилось убивать чужими руками.

— Я полагаю, ваше величество, что прежде чем принять подобное предложение, необходимо потребовать гарантии от колдуна, — ответил барон. — Убивать беззащитных слуг с помощью подкупленного казначея — не велика хитрость. Так же можно подкупить

повара и отравить любое количество придворных. Пусть покажет, что он может на самом деле, пусть сделает что-то, действительно, необычное и при этом полезное для Сен-Марко. Нам нужна преданность от союзников, пока же его действия иначе как враждебными не назовёшь. Он предлагает свои услуги и делает это так, словно мы нуждаемся в нём. Но ведь это он пришёл сюда со своим предложением. Значит, ему нужен союз с вами, ваше величество. Я уверен, что вы со всей ясностью дадите ему понять, что союз возможен только на ваших условиях. И следует напомнить ему, что он должен компенсировать вред, который причинил, убив четырнадцать преданных слуг и подняв такой переполох во дворце. Если его дальнейшие предложения вас удовлетворят, вы сможете дать положительный ответ.

По мере того, как он говорил, Ричард всё более расслаблялся, и на его лице появилась улыбка.

— Вы прекрасно завершили эту словесную баталию, барон, — одобрительно произнёс он. — Думаю, что предложенный вами вариант решения наиболее подходит нам.

— Он закономерен для вас, ваше величество, и я лишь озвучил его, повинувшись вашему желанию, — глядя ему в глаза, ответил Айолин. — И я счастлив, что моё предложение совпало с вашим решением. Могу лишь сказать, что я искренне полагаю, что такие действия вполне естественны в сложившейся ситуации, учитывая силу Сен-Марко и мудрость нашего короля. Ибо позиция сильного — всегда наилучшая позиция.

— Хорошо сказано, — одобрительно кивнул маркиз Вайолет.

Когда члены малого совета выходили из зала совещаний, Айолин почувствовал, как кто-то цепко взял его за локоть и, обернувшись, увидел гневное лицо барона де Сансера.

— Зачем ты поддержал это безумие? — резко спросил он, отведя зятя в сторону.

— Он уже всё решил, отец, — произнёс Айолин, разворачивая тестя спиной к остальным придворным, проходящим мимо, чтоб они не видели его лица. — Я согласен, что это бесчестно — привлекать к войне колдуна-убийцу, но возражая, мы ничего не изменим. Вы же знаете, что Ричард слушает только тех, кто говорит то, что ему нравится.

— Я не стану воевать плечо к плечу с этим монстром! — заявил де Сансер.

— Может, и не придётся, — заметил молодой барон, сохраняя на лице спокойное выражение. — Мы получили отсрочку. Сейчас Ричард будет ломать голову, какое бы задание дать колдуну, как его проверить и какую компенсацию за убитых слуг потребовать. А в это время, возможно, кто-то предпримет некие действия, чтоб помешать этому.

— Кого ты имеешь в виду? — насторожился де Сансер.

— Даму Белой Башни, например. Я уверен, что она в самое ближайшее время узнает об всём и вряд ли ограничится внушением королю. Она не терпит тёмную магию, поскольку знает о её коварстве.

— Пожалуй, — несколько смягчился де Сансер.

— К тому же, вы знаете аппетиты короля, — усмехнулся Айолин. — Может, его требования охладят пыл колдуна, и он сам откажется от этого союза. Что он имеет с этого? Он прав, для Сен-Марко выгода, хоть и сомнительного свойства, вполне очевидна. А на что рассчитывает он? Будет ли это стоить того, что запросит взамен король?

— Ты прав мой мальчик, — де Сансер обнял его за плечи. — Боги одарили тебя глубоким и изощрённым умом. Даже такому старику, как я, не под силу сразу уловить мудрость твоих слов.

— У меня был выдающийся учитель, единственный король, которого я признаю. Наш Арман.

— Да, он был столь же рассудочен и при этом непредсказуем.

— Простите, отец, я должен оставить вас. Мне нужно срочно кое-что предпринять.

— Ступай, Айолин. А я отправлюсь к Вайолету. Выслушаю, что он на самом деле думает об этом, и что нам делать, если Ричард всё же примет нежелательное для нас решение.

Простившись с тестем, Айолин спустился на первый этаж замка и пошёл по залам и анфиладам комнат. Ему больше незачем было сдерживать эмоции, и, быстро шагая, он выпускал тревогу и раздражение мучившие его с того момента, как он услышал о возможном союзе Ричарда с колдуном. Миновав несколько коридоров, перемежающихся с караульными помещениями, он вошёл в казарму гвардейцев и сразу направился в каморку капитана. Не обратив внимания на подпиравшего стену возле дверей Стаховски, он стремительно вошёл и увидел, что там уже находится Джинхэй. Он замер в замешательстве и тревожно взглянул на Карнач. Однако тот не проявил беспокойства по поводу этого неожиданного визита.

— Я вас предупредил, капитан, — щуря свои узкие глаза, с угрозой проговорил начальник личной охраны короля и направился к выходу.

Почтительно поклонившись на ходу барону, он произнёс: «Ваша светлость», и вышел.

— Неловко получилось... — пробормотал Айолин.

— Я не успел предупредить, — заглянул в комнату Стаховски.

— Ничего страшного, — пожал плечами Карнач. — Он знает, что вы близки к принцу и вполне могли зайти, чтоб обсудить его занятия фехтованием.

— А что ему было нужно? — спросил барон, повинуясь приглашающему жесту и присаживаясь на скамью.

— Ничего. Как всегда, пытается запугать. Не обращайтесь внимания. У нас с ним давняя конфронтация, ни разу не доходившая до вооружённого конфликта.

— Понятно, — Айолин посмотрел на кувшин с вином, который капитан выставил на стол. — Мне нужно кое-что обсудить с вами. Но поклянитесь, что всё это останется между нами.

— Как скажете. Обещаю, что никому ни слова не скажу, — кивнул Карнач и присел рядом за стол.

Айолин в нескольких словах рассказал ему о том, что узнал от короля на совете. Капитан слушал внимательно, не перебивая, а потом, разлив по кубкам вино, прямо спросил:

— И чего вы в связи с этим хотите от меня?

— Этого колдуна надо остановить, — произнёс барон, взяв кубок и отпив из него.

— Зачем? Насколько я понял, его вмешательство поможет Сен-Марко одержать победу в войне. То есть он будет на нашей стороне.

Айолин устало опустил голову. Множество доводов против этого, в том числе и те, которые высказывались недавно на малом совете, пронеслись в его голове, но он прекрасно понимал, что в данном случае они вряд ли послужат аргументом. Карнач был слишком умён, и он был из другого мира, из мира, где чувствуют и думают по-другому. Наверняка он сам бы составил целый список таких доводов, но ни один из них не заставил бы его вмешаться в это дело. Он ждал совсем другого, и Айолин боролся с собой, понимая опасность искренности, и осознавая, что она необходима, чтоб заручиться надёжной поддержкой.

— Я не хочу, чтоб король получил в руки такое оружие, — произнёс он, подняв голову и взглянув в глаза капитану. — Я не хочу, чтоб он уничтожал таким образом своих врагов или тех, кого таковыми назначит. Нельзя допустить, чтоб это оружие было применено против

кого бы то ни было, в том числе и против алкорцев. Скажу правду, капитан, хоть это признание и может стоить мне жизни. Я не хочу усиления короля и его победы, потому что он ведёт всех нас к бесчестию и, возможно, к гибели. Если он почувствует силу и безнаказанность, его уже невозможно будет остановить.

— А зачем его останавливать? Разве он не хочет процветания своему королевству?

— Вряд ли королевству нужно процветание, построенное на крови.

— Вряд ли мы, наёмники, не являющиеся подданными короля, можем судить о том, что нужно его королевству.

— Вы правы, — Айолин устало откинулся на стену. — Я испытываю к нему ненависть. Он, сам того не зная, нанёс мне рану в самое сердце, убив моего лучшего друга, единственного человека, перед которым я преклонялся и за которым готов был идти в пекло. Я бы, может, простил его, но всё дело в том, что он сделал это, следуя своей обычной логике. Он всегда поступает так, просто убирая со своего пути тех, кто ему мешает, он так убрал своего племянника, некоторых его друзей, возможно, свою жену, других неудобных ему людей. Он также может, не моргнув глазом, убрать меня, вас, своего сына, альдора и всю его семью, всех, кто ему мешает. И чем дальше, тем больше будет его жертв. Он по трупам идёт к своему величию, и такой союзник, как этот колдун, лишь увеличит его амбиции, его произвол. Он уже сейчас правит не только властью короля, но и страхом. Люди на улицах, в трактирах, и даже в своих гостиных, боятся говорить о том, что думают. А что будет, когда его враги просто начнут сгорать у всех на глазах? Если такая расплата будет следовать за любое неловкое слово, просто после его недовольного, брошенного в раздражении взгляда?

— Вы уверены, что всё может пойти так далеко? — спросил Карнач, рассматривая простой оловянный кубок, который вертел в руках.

— Я этого боюсь.

— Вы сказали, что Ричард убил своего племянника? Разве он не умер от болезни?

— Его заразили по приказу короля.

— Откуда вы знаете?

— Я не могу сказать. И лучше б вы мне не поверили. Это знание равносильно смертному приговору, если о нём узнают.

— Забудем об этом, но, допустим, вы меня убедили. Хорошо, — Карнач поставил кубок на стол. — Так чего вы ждёте от нас?

— Вы можете связаться с леди Дарьей? Я знаю, что она не просто дама, а нечто куда большее. Она могла бы попытаться уничтожить колдуна.

Капитан задумался.

— С чего вы взяли, что она может это сделать?

— Я знаю, что она высшее существо. И она воин.

— Я не в курсе её сверхъестественных способностей. Вернее, до меня доходили некие слухи, но... Дело в том, что я не знаю, как с ней связаться. По некоторым сведениям она сейчас гостит на Грозовой горе.

— Да, я знаю, — Айолин потёр лоб. — Конечно, я совсем забыл об этом. И никто не знает дороги туда.

— Есть ещё один вариант, но... — капитан настороженно обернулся в сторону двери, хотя знал, что там по-прежнему стоит на страже Стаховски. — Это тоже может стоить нам жизни.

— О чём вы?

— О другой стороне. Ну, знаете, есть ангелы Света, а есть ангелы Тьмы. Я говорю об ангеле Тьмы. С ним связаться легче, и, кажется, он давно точит зуб на этого колдуна.

— Вы шутите? — нахмурился барон. — Вы же говорите о демоне? О том самом алкорском демоне, которому поклоняются в луаре? Он дух зла!

— Это не совсем тот ангел Тьмы, и к злу он относится только формально. Иного выхода я не вижу.

— И что он потребует взамен?

— Не думаю, что он что-то потребует. Мы просто дадим ему наводку на этого колдуна, за которым он гоняется по всему континенту, и всё.

— Вот так просто? Скажите правду, вы что, поклоняетесь демону?

— Нет. Просто имеем полезные контакты. Если вас этот вариант не устраивает, я не настаиваю. Предлагайте другие.

Айолин поднялся и подошёл к стене, в которой под самым потолком светлело узкое окошко.

— Я не вижу других вариантов, и готов рискнуть, — наконец, произнёс он. — Но его нельзя вызывать в городе. Если нас застанут за подобным занятием, то мы отправимся прямо на костёр.

— Хорошо. Где?

— Неподалёку от Сен-Марко есть замок моего тестя...

— Там?

— Нет! В этом замке сейчас живёт моя жена. Я не могу подвергать её опасности. Но рядом с замком протекает река, среди которой есть остров, а там — заброшенная башня.

— Отлично. Скажите где, мы съездим, вызовем его и всё ему передадим, — пожал плечами Карнач.

Барон посмотрел на него с подозрением. Наверно его смутила эта лёгкость, с которой капитан гвардейцев говорил о вызове дьявола и беседе с ним. Карнач понял свою ошибку, но было поздно.

— Я поеду с вами, — заявил барон.

— Не бойтесь? — на всякий случай спросил капитан.

— Я должен всё увидеть сам и убедиться, что он согласен сразиться с колдуном. Если он не явится или откажется, мне придётся искать другие варианты.

— Ваша воля, — пожал плечами Карнач. — Когда поедем?

— Наверно вызывать его лучше ночью, ближе к ведьмовскому времени. Заедем в наш замок и там дождёмся темноты. Мы поедем вдвоём?

— Возьмём с собой командора де Мариньи. Они старые... знакомые. И пару моих рыцарей, которые тоже встречались с этим... Вы меня поняли.

— Командор де Мариньи знает его? — удивился барон.

— Наш орден давно с ним... контактирует.

— Вот как? В таком случае, я отправляюсь домой. После первой стражи встречаемся у городских ворот.

— Мы будем там, — кивнул Карнач и проводил гостя до дверей казармы.

Вернувшись, он присел на помост рядом с Игнатом Москаленко, сосредоточенно полировавшим ветошью филигранную пряжку для плаща.

— Сегодня вечером поедешь со мной за город, захватим ещё Стэна и Хока.

— Ага, — кивнул Игнат, не отрываясь от своего занятия. — Скажешь, зачем?

— Нужно вызвать кое-кого.

Игнат отвлёкся от пряжки и взглянул на капитана. Тот кивнул.

— Только не вздумай кидаться ему на шею и проявлять щенячью радость.

— Я и не собирался. А почему, собственно?

— А потому, собственно, что с нами будет маленький барон, и он считает, что мы будем вызывать дьявола, чтоб сдать ему некоего колдуна.

— Ротамона, что ли? Он будет рад.

— Возможно. Но мы должны соблюсти официоз. Ты помнишь, как рисуют пентаграммы?

— Не точно, но что-то похожее изобразить смогу.

— И заклинания помнишь?

— Стихи Тараса Шевченко подойдут?

— Ложись спать, — усмехнулся капитан. — Ночью спать, может, и не придётся. Как нужно будет выезжать, разбужу.

Он поднялся и, уже входя в свою каморку, положил руку на плечо всё ещё стоявшего на посту Стэна и увлёк его за собой.

Барон Делвин-Элидир сидел за столом в небольшой гостиной и смотрел в окно. Светлоголубое небо, как ему казалось, уже начало слегка темнеть и приобрело сероватый оттенок. Значит, близился вечер, и вскоре предстояло путешествие, которое его тревожило. Он перевёл взгляд на рыцаря, сидевшего напротив. Тот был задумчив и даже озабочен и рассматривал чеканный узор на драгоценном кубке, проводя по нему пальцем, хотя вряд ли отдавал себе в этом отчёт. Хоть у него и не было при себе грамот, подтверждающих его рыцарское достоинство, сомневаться в нём причин не было. Сдержанные утончённые манеры вкупе с благородной внешностью говорили сами за себя. На его гладком загорелом лице не было ни единой морщинки, но резкие, давно оформившиеся черты выдавали в нём человека зрелого и опытного. У него были широко расставленные карие глаза и прямой нос, напоминавший клюв хищной птицы, что, однако не уменьшало его мужественную привлекательность и не добавляло его облику жёсткости. Коротко подстриженные волосы каштанового оттенка лежали мягкими изысканными волнами. И всё же это был воин, что подчёркивалось высоким ростом, широкими плечами и энергичными точными движениями. Правда, руки у него были слишком нежные для рыцаря. Впрочем, такие же руки были у капитана гвардейцев, и у его подчинённых — гладкие, чистые и при этом сильные с длинными цепкими пальцами.

Хок нравился барону, и он ни разу не пожалел, что оказал ему гостеприимство. Его гость был умён, обходителен и не создавал проблем, он был хорошим собеседником и отлично играл в шахматы, что делало его приятным вечерним компаньоном. Однако сейчас их разговор был не таким лёгким, как обычно за ужином. Барону пришлось рассказать ему о странных происшествиях во дворце, предложении колдуна королю и их с капитаном Карначом решении прибегнуть к помощи Ангела Тьмы. Хок, в свою очередь, рассказал своему новому другу то, что недавно рассказывал графу Раймунду и Даме Белой Башни. Теперь перед обоими оказалась более полная картина происходящего, и она не радовала.

— Я согласен с вашим решением, ваша светлость, — наконец, произнёс Хок, поставив кубок на стол. — Честно говоря, меня не слишком волнуют ваши отношения с королём. Это внутреннее дело Сен-Марко, и я не вправе в него вмешиваться. Совсем другое дело — этот

колдун. Остановить его для меня куда важнее. Я был свидетелем его преступных деяний и считаю своим долгом сделать всё, чтоб обезвредить его.

— Вы уже сталкивались с колдунами? — спросил барон, внимательно взглянув на него.

— Да. Самая первая встреча с таким чуть не стоила мне службы. Вернее, стоила, но через несколько лет мне удалось вернуться во флот, должен заметить, только благодаря моему командиру.

— Леди Дарье?

Хок задумчиво кивнул.

— Однако цель нашего ордена, будем и дальше его так называть, состоит в защите жителей нашей планеты и других дружественных планет от таких, как Ротамон. Потому после возвращения мне не раз приходилось встречаться с разными колдунами, ведьмами и сущностями.

— Вы их побеждали?

— Как видите, я жив. Значит, они — нет. Но в данном случае, мне этот колдун, скорее всего, не по зубам. Я не уверен, что он из плоти и крови, а значит, просто вонзить в него кинжал недостаточно. Здесь нужно что-то большее. Потому прибегнуть к помощи более сильного бойца, будет разумно.

Барон снова перевёл взгляд на окно. Небо действительно понемногу меняло цвет и начинало темнеть. Он вздохнул и снова взглянул на собеседника.

— Вы уверены, что этот демон справится с ним?

— В данном случае, ни в чём нельзя быть уверенным. Это другой уровень знаний и восприятия. Мне этот уровень недоступен. Но мне известно, что этот Ангел Тьмы знает о делах колдуна и жаждет его остановить.

— Почему? — барон смотрел на гостя, и в его глазах вместо обычной холодности, была тревога. — Он не хочет, чтоб кто-то хозяйничал здесь помимо него?

Хок поморщился. Ему не нравилось, что Карнач своими речами загнал ситуацию в рамки какого-то странного сценария с вызовом демона, но он не знал, что тот задумал, возможно, что-то важное, а стало быть, вряд ли стоит так уж сразу портить ему игру.

— Это немного необычный демон, если его вообще можно так назвать, — нехотя произнёс он. — Он давно балансирует на грани Добра и Зла, но больше склоняется к первому. Создания Зла — его излюбленная дичь. Он давно не в ладах со своими собратьями.

— И это делает его безвредным для людей? — барон напряжённо смотрел на Хока.

— Вам его опасаться не стоит. Это единственное, что я могу вам сказать.

— Что б там ни было, он демон. Он опасен по своей сути и не может быть иным. Может, он и охотится на других демонов, но разве человеческие души менее желанный трофей для него?

— Не в этом случае, — возразил Хок. — Послушайте, ваша светлость. Я чувствую, что вы напряжены. Нет ничего противоестественного в страхе перед созданием Тьмы и, если вы испытываете это чувство, вам незачем ехать с нами. Мы уже встречались с ним, встретимся ещё раз, и всё уладим. Обещаю, что расскажу вам всю правду об этом.

— Вы правы, я боюсь этой встречи, — кивнул Делвин-Элидир. — Может, ваш демон и не порвёт меня на части, но я боюсь, что разговор с ним оставит какие-то следы в моей душе, наложит печать злого рока или приведёт к каким-то тяжким последствиям. Но я поеду с вами. Я знаю, что страх — это естественно и неизбежно, но воин, хоть и не может избежать его, не должен ему поддаваться. Я хочу поехать и собственными глазами увидеть

всё, что будет там происходить.

— Как пожелаете, — пожал плечами Хок.

Он злился на Карнача за то, что тот нагнал на барона страху, и его обычная встреча с другом может превратиться в какой-то странный спектакль.

— А вы не боитесь его? — неожиданно спросил Делвин-Элидир.

— Я обязан ему жизнью, ваша светлость. И не только я.

— Он спас вас?

— Да, он не дал мне сорваться в бездну и излечил мои раны. Если б не он, меня б давно не было на этом свете.

— И почему он сделал это?

— Он сказал, что моя возможная смерть показалась ему несправедливой.

— Странно для демона. И он ничего не просил взамен?

Хок молча покачал головой. Барон снова взглянул в окно. Оттягивать больше не имело смысла. Скоро первая стража, а значит, Карнач будет возле городских ворот. Вздохнув, он поднялся из-за стола. Алед ждал его за дверями, и пока Хок ходил за плащом и оружием, оруженосец помог ему натянуть лёгкую серебристую кольчугу. При этом Айолин не мог отделаться от ощущения тщетности этой слабой уловки, понимая, что тонкая стальная чешуя не защитит его от смертельных чар демона.

С собой он взял только оруженосца, и вскоре три всадника уже подъехали к барбакану возле городских ворот, где их ждали Карнач, Москаленко и Стаховски. Сумрачно кивнув им, барон, не снижая скорости, промчался мимо.

В этот час перед закрытием ворот путники и всадники в основном направлялись в город, спеша до темноты укрыться за его двойными стенами. Однако они поспешно уступали дорогу шестёрке наездников в богатых костюмах и доспехах. Спустившись по дороге в долину, отряд помчался через бесконечный луг в сторону лесистых холмов на юге. Хок пристроился рядом с Карначом и, мрачно поглядывая на скакавшего впереди барона, резко спросил:

— Что вы задумали, чёрт возьми? Что это за история с вызовом демона и прочими чернокнижными ужасами. Вы совсем запугали парня. Я уверен, что ему кажется, что он сломя голову несётся прямо в ад.

— А вы хотели бы, чтоб мы сказали, что этот демон — ваш добрый доктор, который лечит ваши разбитые коленки и лёгкие несварения, со всеми на «ты», и даже нянчит вечерами вашего кота, рассказывая ему сотую версию сказки о коте в сапогах? — проворчал Карнач. — Это же средневековье! Они не готовы воспринимать демонов, как часть обыденной жизни.

— И поэтому нужно разводить всю эту дребедень с ритуалами?

— Да бросьте, командор! — рассмеялся Игнат. — Я начерчу на полу пентаграмму, прочитаю что-нибудь из поэзии Серебряного века, док явится и...

— Ты уверен, что он возникнет именно в твоей пентаграмме? — перебил его Хок. — Ты хоть раз видел, чтоб он делал то, что от него ждут? Он перевернёт весь ваш спектакль с ног на голову и получит от этого бешеное удовольствие.

— А что ещё ждать от демона? — усмехнулся Карнач, в то время как Игнат теперь выглядел озабоченным.

Путь не занял много времени. Проехав несколько миль по широкой дороге в лесу, они свернули на едва заметный просёлок, который вывел их к реке, и вскоре впереди показался

необычный замок, выглядевший в подступающих сумерках романтично и жутковато. Он располагался на высоком холме, нависающем обрывистым берегом над самой рекой. Две его высокие башни под серыми остроугольными крышами соединялись высокой крепостной стеной, в которой были устроены тяжёлые ворота с решёткой. Сама крепость была небольшой, потому что кроме этой части ничего не было видно. Подъехав ближе, всадники начали подниматься по извилистой дороге, лес вокруг был вырублен, видимо, чтоб сделать подходы к замку открытыми и простреливаемыми. Отсюда можно было разглядеть ещё две такие же башни, расположенные за передними, и временами из-за высокой зубчатой стены выглядывала крыша массивного донжона.

Крепость была небольшой по площади, но высокой и мощной. Судя по всему, она имела оборонительное значение, служила для защиты границ владений своего сеньора и вряд ли предназначалась для постоянного проживания его семьи. Проехав по длинному подъёмному мосту над широким и глубоким рвом, отряд остановился перед опущенной решёткой. Однако стоявший за ней стражник в кольчуге, увидев предводителя отряда, тут же махнул кому-то сзади, и решётка, дрогнув, начала стремительно подниматься.

Как и ожидалось, двор крепости был тесным, окружённым галереями и пристроенными к стенам хозяйственными постройками. К дверям донжона, находившимся на высоте второго этажа, вела каменная лестница, и не успели всадники спешиться, чтоб передать коней двум конюхам, выскочившим навстречу, как на ступенях этой лестницы появилась лёгкая фигурка.

Изящная красавица в светлом платье с наброшенной на плечи тёмной накидкой, подбитой пушистым мехом, стремительно сбегала вниз, и, увидев её, барон промчался мимо конюхов и спрыгнул на землю у нижних ступеней, чтоб тут же заключить её в свои объятия. По всему было видно, что его тут ждут в любое время и всегда готовы к встрече. Передавая повод коня конюху, Игнат с любопытством рассматривал юную баронессу, которая с радостью обвила тонкими руками шею Делвин-Элидира. У неё были длинные золотистые локоны и нежное светлое личико.

— Хорошенькая, — оценил Игнат.

— Красивая, — возразил Стэн, с улыбкой глядя на супругу барона.

— Губозакаточную машинку не забыли? — уточнил Карнач и хлопнул своего коня по крупу, когда его уводили в конюшню. — Дама замужем, между прочим.

— Это эстетический интерес, — заметил Игнат.

— Ну, конечно, — проворчал капитан. — Только от проявления повышенного эстетического интереса к жене средневекового феодала может пострадать твоя шея.

— Не был бы ты столь хорош, мой друг, риск был бы меньше, — рассмеялся Стэн.

А Иоланда тем временем настороженно смотрела в глаза своего любимого мужа. Она сразу почувствовала его напряжение и заметила тревогу в глазах. После этого, посмотрев дальше, она увидела ещё пять человек, из которых знала только Аледа.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Это мои друзья, кавалер де Мариньи, и гвардейцы короля с их капитаном. Идём, я их тебе представляю.

Алед тем временем уже отправился на кухню, чтоб распорядиться о вине и закусках для гостей, а те подошли ближе. Иоланда с любопытством разглядывала необычных рыцарей, как на подбор высоких, красивых, без шрамов на лицах и руках. Однако после представления муж велел ей уйти к себе и повёл гостей в нижний зал донжона.

— Вам совершенно незачем развлекать нас, ваша светлость, — произнёс капитан, рассматривая старинные гербы на стенах. Они были вырезаны из дерева и раскрашены. Краска потемнела и местами потрескалась, однако это лишь придавало залу суровый воинственный вид. — Почему бы вам не уделить время вашей очаровательной супруге? Мы видели, как она была рада вашему приезду.

— У нас ещё будет время, — проговорил барон, сев в кресло у стола, в то время как слуги поспешно накрывали на стол. — Алед, — повернулся он к появившемуся в зале оруженосцу, — скажи Пьеру, пусть отыщет лодочника. Нам нужно будет ночью переправиться к Цепной башне.

Тот с удивлением взглянул на хозяина, но увидев, как тот мрачен, не решился задавать вопросы. Он ушёл, а барон рассеянно посмотрел на свой массивный перстень, украшавший безымянный палец правой руки. Перстень достался ему от отца, а тому — от деда. В глубине его красно-коричневого камня поблескивали в свете свечей тревожные алые искры.

— Вы сказали, эта башня называется цепной? — услышал он вопрос Хока.

— Да, когда-то там располагался большой ворот, который поднимал со дна реки цепь, натянутую между берегами, и преграждал путь кораблям и лодкам. Пропускали только тех, кто платил дань хозяевам замка. Если кто-то пытался прорваться, не заплатив, с башни его обстреливали лучники, иногда стрелы были подожжёнными.

— Это нормальное поведение или разбой? — поинтересовался Игнат, обернувшись к барону.

— Хозяева замка считали, что это их право, а проплывавший мимо дед моего тестя счёл это разбоем. Он уплыл обратно, вернулся на тяжёлых лодках, покрытых щитами, а по берегу отправил на приступ свою армию. Башню Гийом де Сансер захватил сразу, а вот замок сдался только после двух месяцев осады.

— И что было дальше?

— Он повесил хозяина замка и его сыновей, а дочерей выдал замуж за своих рыцарей. Замок и земли отошли к нему.

— И никто с этим не спорил?

— У вассалов Сен-Марко есть свои привилегии, — пожал плечами барон. — Король всегда на их стороне. К тому же ему было выгодно иметь под боком сторожевой замок верного ему человека.

— Нозамок стоит в стороне от основных дорог, — заметил Хок.

— Он сохраняет контроль над рекой, а в светлое время здесь проходят баржи и лодки с юга.

— И с них больше не берут пошлины? — спросил Стэн.

— Насколько мне известно, нет. Ведь один из де Сансеров уже объявил это разбоем, и повесил за это прежнего владельца замка. Так не может же его семейство заниматься тем же.

Барон задумчиво наблюдал за своими гостями, которые, как ни в чём не бывало, ходили по залу, разглядывая гербы, резные украшения и оружие, висевшее на стенах. Их, похоже, совсем не тревожило предстоящее опасное приключение. Он подумал, что, может, он зря так переживает из-за этого, но на душе было беспокойно. Он заметил, как молодой слуга поставил на стол кувшин с вином и жестом велел ему наполнить стоящий рядом кубок.

Через несколько часов окончательно стемнело. С вершины башни глухо и отдалённо раздался слабый гул небольшого колокола, возвестившего начало первой тёмной ночи. В

узких бойницах, расположенных высоко под самым потолком, сочной синевой налилось небо. Айолин задумчиво посмотрел на своих спутников, сидевших за столом. Они мало пили и тихонько переговаривались на своём непонятном ему языке. Несколько попыток капитана и Хока завязать общий разговор не увенчались успехом. Ему было трудно поддерживать беседу, без конца думая о том, что скоро он лицом к лицу встретится с духом Тьмы. Его оставили в покое, но он иногда ловил на себе немного виноватый взгляд капитана. Это тревожило его ещё больше. Наконец он понял, что ещё несколько часов до ведьмовского времени он не выдержит, и потому встал и, поднявшись по лестнице на второй этаж, прошёл в спальню. Иоланда уже спала, свернувшись на краешке широкой кровати, как белая кошечка под мягким одеялом. Она оставила ему почти всю постель, надеясь, что скоро он придёт. Ему не хотелось её будить, и какое-то время он стоял, глядя на её лицо, которое в нежном голубом сиянии, вливающимся в окно, казалось ещё прекрасней.

Жилые комнаты на втором этаже были наскоро украшены привезёнными из других замков гобеленами и шпалерами, однако, оставались такими же унылыми и серыми. Иоланда уверяла его, что эта суровость не имеет для неё значения, поскольку именно здесь она может видеть его чаще, чем оставаясь в богатых замках своего отца. И он немного корил себя за малодушие, оттого что обрекал это нежное создание на каменную клетку ради кратких свиданий, возможность для которых ему удавалось улучшить среди дел и забот.

Он смотрел на неё и думал, не видит ли её в последний раз. Вдруг что-то пойдёт не так, и демон обрушит на него свой гнев или коварно просочится в его тело. Впрочем, у него не было причин не верить заверениям Хока и гвардейцев, что никакой опасности нет, и всё же в этот тихий ночной час страх снова проникал в его душу.

Он спустился вниз и, подзвав к себе Аледа, спросил, готова ли лодка. Услышав, что лодочник ждёт их на берегу, он подошёл к столу.

— Не пора ли нам выдвигаться, господа? — спросил он. — Боюсь, что в полной темноте пересекать полреки и карабкаться к башне будет опасно.

— Думаю, самое время, — кивнул Карнач, поднимаясь.

Игнат тревожно взглянул на него и, подхватив со спинки стула плащ, накинул его на плечи. За ним встали остальные. Они вышли из замка и начали спускаться по извилистой дороге, по которой приехали. Пока было не слишком темно, всё вокруг заливал волшебный синий свет, и они не торопились зажигать взятые с собой факелы. Дойдя до подножия холма, барон свернул в сторону, и, пройдя по широкой тропинке, начал спускаться к реке. Там уже покачивалась на мелких волнах большая лодка, в которой можно было перевезти не только людей, но и пару коней. Дюжий лодочник с подручным притянули судёнышко к берегу и держали, пока мужчины перебирались на борт и рассаживались на поперечные скамьи. После этого они оттолкнули лодку от берега и взялись за огромные вёсла, вставленные в ключины.

Айолин тревожно смотрел туда, где из водной глади поднималась чёрная громада острова, на вершине которого стоял усечённый конус заброшенной башни. Он ещё не бывал там и не знал, что ждёт их внутри. Сам этот замок он увидел впервые после свадьбы, когда тесть посоветовал выбрать его в качестве временной резиденции для Иоланды. И вот теперь это и без того суровое и мрачное место должно было стать ещё и опасным.

Лодка уткнулась носом в каменный причал, и подручный лодочника ловко перепрыгнул на каменные плиты и привязал канат к торчащему из камней ржавому крюку. Мужчины молча выбрались на берег и начали подниматься к башне по лысому склону, усыпанному

камнями. На сей раз Айолин не взял с собой Аледа, не желая подвергать его опасности и отягощать его ненужным знанием о запретном ритуале.

Башня тёмной громадой нависала над их головами, когда они зажгли факелы и барон достал из кармана большой ключ, чтоб открыть дверь, похожую на двустворчатые ворота.

Внизу башни располагался круглый зал, по краям заваленный какими-то разбитыми ящиками и пыльными мешками. Наверх вела узкая лестница, которая вилась вдоль закругляющейся стены и уходила в широкий люк на потолке.

— Сойдёт, — кивнул Карнач, окинув зал быстрым взглядом, и выжидающе посмотрел на Игната.

Тот хмуро осмотрелся. Чем ближе становился момент ритуала, тем меньше нравилась ему эта странная затея, ещё недавно казавшаяся забавной. Вокруг него стояли его товарищи с факелами в руках, а бедный барон затравленно озирался по сторонам, словно ожидая, что вот-вот из темноты на него выскочит что-то страшное и зубастое.

Игната так и подмывало отказаться от этой жестокой шутки, но он не видел выхода из этой странной ситуации. Достав из кармана большой кусок мела, он вышел в центр зала и, нагнувшись, начал чертить на полу окружность. Он видел множество разных пентаграмм, но помнил их лишь приблизительно. Впрочем, он и не собирался готовить настоящий ритуал, а потому, изобразил на одном конце окружности голову козла, на втором — череп, а в центре — большую пятиконечную звезду. Отдав тем самым дань традиции, он начал наугад вписывать в окружность все графические символы и руны, которые приходили ему в голову. Набралось достаточно, и вскоре пентаграмма приняла загадочный и сложный вид.

Ещё раз взглянув на бледного, как полотно, барона, он обернулся к Карначу. Тот был на удивление серьёзен. Впрочем, Хок и Стэн тоже поддались магии момента и стояли, сохраняя на лицах сосредоточенное выражение.

— Давай уже, не томи, — не выдержал Карнач, и Игнат вышел из пентаграммы и остановился на краю.

До последнего момента он не знал, что будет говорить под видом заклинания. Сама мысль призывать сейчас какого-нибудь Асмодея или Вельзевула, как написано в магических книгах, казалась ему ужасной. Здесь действительно было жутковато. Но, с другой стороны, он призывал не кого-нибудь, а того, кто когда-то спас его от тяжёлого душевного разлада, согрел в своих ладонях заледеневшее сердце и указал путь, который вывел его, Игната, на прямую и светлую дорогу. И он отчаянно хотел снова увидеть его. Увидеть именно таким, каким он был тогда, с мерцающими зелёными глазами и чёрными крыльями сказочного лебедя.

Глубоко вздохнув, он закрыл глаза и медленно заговорил, произнося строку за строкой стихи, что написал когда-то, вспоминая своего загадочного друга, и которыми никогда и ни с кем не делился.

Тихий шорох чёрных крыльев,
Колебанье пышных перьев
Разрывают жизнь меж былью
И мечтой, которой верю.

И качнулся тенью зыбкой
Тёмный ангел, вот он, рядом.
На губах его улыбка

Блещет сладострастным ядом.

И стоит он перед взором,
Затуманенным виденьем,
Ни надежды, ни укора...
«Нет любви без сожаленья...»

Джулиан в этот ночной час сидел в кресле посреди запутанного лабиринта таинственной библиотеки замка Гнездо Ворона. Ещё недавно он так рвался сюда в надежде отыскать здесь забытые запретные тайны, которые Тьма прятала даже от своих детей, чтоб пополнить свои знания новыми заклинаниями, меняющими саму суть вещей, формулами ядов, действующих тонко, но неотвратно, и лекарств, излечивающих от самых страшных и запущенных болезней. И вот, войдя в эту сокровищницу, он ищет только одно — противоядие от крови Короля драконов, пролистывая один фолиант за другим, проходя по сложным запутанным дорожкам смысла, подходящим к самому сердцу этой тайны, но уходящим прочь, так и не коснувшись её. Что-то было похоже, что-то действовало подобным же образом, что-то называлось теми же словами, но скрывало под ними совсем другой смысл. Всё было зря. Ни его собственные поиски, ни советы и подсказки Ворона пока не привели к ответу на мучивший его вопрос: как избавить Эрика от участи, которая вызывала в его душе ужас и отчаяние.

Он устал. Перед глазами от долгих часов чтения плясали чёрные червячки, причудливо извиваясь и принимая образ сложных иероглифов или готических букв. Из красных буквиц лежащей на коленях книги выглядывали нарисованные пасти драконов, норовя укусить за палец, а кожаная обложка стала липкой и, как тряпина, затягивала в себя ладони. Он вздохнул и поднял голову. Что-то белое мелькнуло за соседним стеллажом, и, взглянув туда, он увидел высокого хрупкого мальчика в голубом, расшитом серебром халате. На нём были мягкие белые сапожки, синие штаны и серебряный пояс с маленькими узорчатыми ножнами, в которые был вставлен длинный, тонкий и наверняка очень острый кинжал. Мальчик был бледный, с красивыми раскосыми глазами и пушистыми белыми, как снег, волосами. Его хорошенькое личико в форме сердечка напоминало лисью мордочку, а золотистые глаза с длинными узкими зрачками любопытно поблескивали.

Джулиан улыбнулся и закрыл книгу.

— Ты Юки, верно? — спросил он.

Мальчик вышел из-за стеллажа и улыбнулся.

— У меня вырос третий хвост, — сообщил он с гордостью.

— Покажешь? — спросил Джулиан.

И тут же голова мальчика упала в вырез халата. Вся одежда осыпалась на пол, и из этого вороха красивых тряпок проворно выбрался небольшой белый лисёнок с жёлтыми глазами. Его острая мордочка расплылась в подобии радостной улыбки. Он завертелся по плитам пола, гоняясь за своими пушистыми хвостами, которых теперь действительно было три.

— Иди сюда, — Джулиан поставил книгу на полку и похлопал себя по колену.

Лисёнок, прижав уши и извиваясь от удовольствия, подбежал к нему и упал на спину, вскинув белоснежные лапы. Подхватив его на руки, Джулиан уложил его на колени и принялся щекотать и почёсывать. Лисёнок радостно вертелся, и издавал мелодичные фыркающие звуки.

— Юки! — раздался неподалёку голос Ворона.

Вскоре и сам он появился, видимо, услышав повизгивание своего любимца.

— Ты отвлекаешь господина графа, — с деланной строгостью произнёс Ворон, глядя на своего питомца.

— Не совсем так, друг мой, — возразил Джулиан. — Он помогает мне отвлечься, потому что в голове у меня уже туман. Я перерыл множество книг, но не нашёл то, что ищу.

— Увы, я тоже, — вздохнул Ворон и, отодвинув книгу, которая, приоткрыв обложки с видневшимися из-под них желтоватыми зубами, ползла к нему, облокотился о стеллаж. — Я перерыл всё, что могло быть близко к этой теме, и ничего не нашёл. Вы уверены, что название звучало именно так?

— Да, и это была белая светящаяся субстанция, не похожая на газ и жидкость. Полагаю, что-то подобное плазме.

— Странное дело. Я раньше не встречал ничего подобного. Вы не пытались расспрашивать знатоков?

— Побродить по закоулкам Тьмы в поисках сведущих ведьм, чародеев и алхимиков? Это уже приходило мне в голову, но всё же сначала я поищу здесь. Ну, а если не найду...

Лисёнок, заметив, что его новый друг отвлёкся, поймал зубами его палец и осторожно прикусил.

— Да, я помню, что ты здесь, — кивнул Джулиан. — Вы выяснили что-нибудь о демонах, которые могли проникнуть через портал?

— Только те, что вы назвали. Мне удалось вызвать Стража порталов. Он утверждает, что все, кто проходил, вернулись, кроме тех пяти.

— Будем надеяться, что он сказал правду, — пробормотал Джулиан, почёсывая шейку лисёнка. — Эти стражи порталов довольно лицемерные создания.

— Но с чего бы ему лгать?

— Кто их разберёт. Я благодарю вас за помощь, Ворон.

— Я у вас в долгу, граф, — произнёс тот. — И отыскать лекарство для вашего слуги — моя обязанность. Вы ещё не придумали, как я могу отплатить вам за услугу, которую вы мне оказали?

— Спасение Юки оплачено наличием третьего хвоста, — усмехнулся Джулиан. — А насчёт остального... Я уверен, что у вас ещё будет возможность рассчитаться с долгом, — он замер, к чему-то прислушиваясь. — Извините, но меня опять зовут. Вы не могли бы взять вашего питомца?

— Эти смертные бывают так назойливы, — с сочувствием проговорил Ворон, взяв Юки на руки.

— Иногда, — согласился Джулиан, — но чаще они забавны. До встречи, Ворон. И проверьте угол под секретером в крайней спальне на третьем этаже. Мне кажется, там появилась лисья нора.

Юки возмущённо взвизгнул, но кресло возле стеллажа уже опустело.

— Ну, и кто разрешил тебе обустривать здесь ход на Священную гору? — строго спросил Ворон, взглянув на смутившуюся лисичку.

Айолин стоял в полной тишине и вслушивался в незнакомые слова, которые тихо произносил молодой рыцарь с огненным взором огромных чёрных глаз. Его голос звучал в тишине, откликаясь слабым эхом от каменных стен зала, а слова сплетались в тонкую вязь.

Это заклинание звучало мелодично, и в нём угадывался ритм, но в том, как он произносил его, было что-то глубокое и грустное, словно он вспоминал о былом и звал кого-то, кто дорог ему. Но он звал демона. Айолин внимательно вглядывался в лицо Игната, и прежний страх дополнился ещё каким-то чувством. Болью? Тоской? Ему казалось, что он спит, и это всё какой-то странный и невероятно красивый сон, потому что он стоял в тёмном зале, стены и потолок которого терялись во тьме. Его спутники, высокие и статные рыцари, словно сошедшие со страниц старых рыцарских романов, с факелами в руках расположились по краям круга, каждый на конце луча пятиконечной звезды, вписанной в него. Их лица были сосредоточены и суровы. И когда заклинание закончилось, Игнат, подняв взгляд к потолку, громко позвал:

— Кратегус! Приди!

В его голосе была надежда, и от этого в душе Айолина снова затрепетала тревога. А что если эти странные рыцари — адепты духа Зла, и они просто заманили его сюда? И то, что придёт, страшнее Ротамона, страшнее любой тёмной сущности, обитающей в этом маленьком, пока тихом мире? Но ничего не происходило. Игнат нерешительно посмотрел на командира, но тот только пожал плечами и перевёл вопросительный взгляд на Хока. Тот хмуро взглянул на него и, посмотрев в потолок, громко крикнул:

— Кратегус!

И снова ничего.

— Может, он занят? — спросил Стэн. — Или не слышит?

— Но он обещал откликнуться на наш зов! — почти крикнул Игнат.

— На твой — не обещал, — проворчал Карнач.

— Обещал на мой, — отозвался Хок, озабоченно глядя на пентаграмму. — Может, с ним что-то случилось?

И тут Айолин скорее ощутил, чем увидел, какое-то движение на лестнице. Его чувства, обострённые до предела, уловили там что-то тёмное, а потом в той стороне вспыхнули два зелёных огонька.

— Там! — крикнул он, отшатнувшись назад.

Рыцари повернулись к лестнице, и стоявший ближе всех Игнат поднял факел, свет которого рыжими бликами отразился на серебряном нагруднике и узорчатых наручах. Тут же на стенах вспыхнули факелы, которых раньше никто не замечал, и нижний зал башни осветился неверным оранжевым светом. На ступенях лестницы сидел рыцарь в серебряных доспехах и чёрном плаще, и если б не пронзительный взгляд его зелёных глаз, в которых плясали огненные искры, Айолин никогда бы не распознал в нём демона.

— Звали? — мягким баритоном спросил он, поднимаясь на ноги, и медленно спустился по ступеням. Плащ тяжёлыми волнами реял за его спиной, словно под порывами ветра.

— Звали, док, — радостно улыбнулся Игнат.

— Здравствуй, мой мальчик, — улыбнулся Джулиан, и протянул ему руку.

Игнат, забыв о сценарии и всех своих обещаниях, кинулся к нему и сжал ладонями протянутую руку.

— Я ж говорил, что он всё испортит! — проговорил Хок, пожав плечами.

— Я испорчу? — удивился Джулиан, и тут его взгляд упал на пентаграмму. Подойдя ближе, он внимательно осмотрел её. — Чьё творчество?

— Моё, — слегка смутившись, признался Игнат.

— Неплохо, — кивнул Джулиан. — Но несколько замечаний. Голова козла

располагается сверху, череп — внизу. Вот эти скрещённые кости здесь неуместны, это не Весёлый Роджер. Звезда должна быть расположена острым лучом вниз, двумя — вверх, если это ритуал чёрной магии. Если защитный — наоборот. И что это за иероглиф?

Он ткнул пальцем на левую сторону рисунка.

— Такая татуировка была у одной из моих подружек.

— Серьёзно? Она действительно рогатая курица без хвоста, или просто не знает китайский язык и попросила эскиз у китайца, которому отказала в свидании?

— Я рад, что вы вернулись, док! — рассмеялся Игнат.

— А в целом, неплохо, особенно козлиная голова. Чувствуется глубокое погружение в тему. И стихи хорошие.

— Вы слышали? — Игнат покраснел.

— Будем считать так, — он осмотрелся. — Вы что, действительно думали, что я появлюсь в этом сборнике компьютерного сленга, скандинавских рун и китайского фольклора? Зачем?

Хок указал ему взглядом туда, где замер, глядя на него с ужасом, барон Делвин-Элидир.

— Ах, да, прошу прощения, ваша светлость, — приветственно поклонился ему Джулиан. — Приношу извинения, что не заметил вас сразу. Моё имя Джулиан МакЛарен, магическое — Кратегус. И вам незачем бояться меня, потому что вы находитесь под защитой.

— О чём вы? — напряжённо спросил Айолин.

— О том, что у меня нет ни малейшего желания вредить вам, к тому же я не хотел бы огорчить ангела, принявшего вас под своё покровительство. Того самого ангела, что недавно спас вас от смерти, пробудив от колдовского сна.

— Откуда вы знаете об этом?

— От неё, — и тут же он резко повернулся и сурово взглянул на Карнача и Хока. — Так зачем вы меня звали? У меня есть дела поважнее, чем участвовать в ваших развлечениях. И потому, в двух словах!

— Можем начать с одного, — ответил Карнач. — Ротамон.

Джулиан прищурился, глядя на него, а потом вернулся к лестнице и снова присел на ступени.

— Я вас слушаю.

Они рассказали ему о том, что произошло в Сен-Марко, и о предложении, которое колдун сделал королю.

— Поскольку Ричард склонен согласиться на этот альянс, мы решили пресечь это на корню, — закончил Карнач.

— Что ж, решение правильное, — одобрил Джулиан, поглядывая на барона, который по-прежнему старался держаться от него подальше. — И чего вы ждёте от меня?

— Ты можешь сразиться с Ротамоном? — спросил Хок.

— Я жажду это сделать, но, увы, не могу его поймать. Он ускользает от меня, на вызовы не реагирует. Если вы приведёте его ко мне, то я обещаю, что постараюсь его уничтожить.

— Привести его? — переспросил Карнач, растерявшись.

— Ну, да! Я не могу убить его на расстоянии. Если б мог, давно бы это сделал.

— Это сложнее, — заметил Хок. — Я уверен, что скоро он снова объявится во дворце.

— Это не вариант, — возразил Карнач. — Как только док проникнет внутрь, тут же об этом узнают королевские маги и сбегутся всей толпой.

— Я могу наслать на них временную слепоту или диарею, — пожал плечами Джулиан, — но не хочу это делать. К тому же неизвестно, сколько мне придётся ждать, пока Ротамон явится туда. Кстати, а как он явился в прошлый раз?

— Магический круг! — воскликнул Хок, хлопнув себя по лбу. — Конечно! Его вызвали, и он явился в магическом круге.

— Старо, как мир, — кивнул Джулиан. — Хотя и настораживает.

— Почему? — спросил Стэн.

— Потому, что колдуны в магическом круге не являются. Это способ явления духов, демонов, призраков и прочих сущностей. Значит, он трансформируется и становится всё опаснее.

— Вы можете вызвать его? — раздался в тишине голос барона.

— Могу, ваша светлость, если буду знать, как проходил ритуал.

— Просто его вестница нарисовала на полу магический круг, — ответил Карнач.

— И всё? Никаких волшебных порошков, заклинаний, воскурений?

— Ничего. Как только она закончила рисовать, линии рисунка вспыхнули, и он возник в его центре.

— Откуда вы знаете подробности ритуала? — подозрительно спросил Айолин, подойдя ближе.

— Значит дело в способе начертания круга, — не обратив на него внимания, произнёс Джулиан. — Мне нужен рисунок.

— Это сложнее, — вздохнул Карнач.

— Нет, — возразил Игнат. — Он был там и наверняка запомнил, как выглядел круг. У него профессиональная память, он же сам говорил! Давайте, я съезжу в город, встречу с ним и привезу рисунок.

— О ком вы говорите? — нахмурился Айолин, но его интерес снова остался неудовлетворённым.

Карнач посмотрел на Стэна.

— Съездишь с ним?

— Я один съезжу, — ответил тот. — А Игнат пусть останется и поболтает с доком.

— Ладно, — согласился капитан и обернулся к барону. — Дело сделано, ваша светлость. Сейчас мы с вами вернёмся в замок. Сэр Стаховски привезёт из дворца нужный нам рисунок и доставит его сюда. На обратном пути с ним вернутся кавалеры де Мариньи и Москаленко. Вы справитесь сами, док?

Он взглянул на Джулиана.

— Мне бы хотелось, чтоб после того, как я получу эскиз, вы держались от этого места подальше, — ответил тот. — Тут будет довольно жарко. Мне бы не хотелось, чтоб кто-то попал под огонь.

— Мы укроемся в том замке на берегу реки.

— Ладно.

— Значит, вы будете биться с ним? — на всякий случай уточнил Айолин.

— Даже если он не захочет, — заверил его Джулиан. — Попробует сбежать — я последую за ним. Для меня главное — установить визуальный контакт, и тогда он так просто не уйдёт от меня.

— Идёмте, ваша светлость, — проговорил капитан, сделав приглашающий жест.

Они спускались по склону к лодке, когда барон догнал Карнача и спросил:

— Зачем вы оставили этих двоих там, с демоном?

— Им есть о чём поговорить. Он спас их обоих.

— И меня тоже, — добавил, обернувшись, шедший впереди Стэн. — Я бы тоже с удовольствием поболтал с ним, но мне нужно ехать в Сен-Марко.

— Да, и насчёт этого! — воскликнул барон. — Откуда вам известны подробности того ритуала?

— Мне кажется, ваша светлость, мы договорились оказывать друг другу посильную помощь, а вовсе не делиться своими маленькими секретами, — улыбнулся Карнач.

Ночь длилась бесконечно. Уже и Стаховски съездил в Сен-Марко и привёз нарисованный Джинхэем рисунок магического круга для вызова Ротамона. Он отвёз его на остров, в замок с ним вернулись Москаленко и Хок. Тёмная ночь достигла своего апогея, затопив весь мир крошечной тьмой, и колокол на донжоне возвестил о том, что начался тёмный день. Хок и гвардейцы, накинув плащи, поднялись на крепостную стену со стороны реки и тревожно смотрели в непроглядную мглу, ожидая развития событий.

Айолин остался в зале донжона и сидел в кресле возле камина. Он был совершенно разбит и обескуражен. Он снова и снова прокручивал в голове то, что произошло, что он видел. Он вспоминал этого странного демона, который так дружески разговаривал с землянами. Ещё бы! Он выглядел так же, как и они. Что-то общее было в их высоких широкоплечих фигурах, прямой осанке, уверенных движениях. Он, как и они, выглядел зрелым человеком, но без малейших признаков старения. Он говорил на их языке, но когда переходил на местный язык, становилось понятно, что они все давно знакомы, им понятны и смешны его шутки. И самое главное, что смутило его: в какой-то момент, когда демон поднял руку, чтоб поправить пряжку плаща на груди, на его руке матово блеснул такой же браслет, как и у них. Он тоже был из ордена Пилигримов. Но что это за орден такой, в который принимают демонов? И почему он выглядит, как обычный человек, а не как демон? И как выглядят демоны? А этот молодой рыцарь, Игнат, он с искренней радостью бросился, чтоб пожать его протянутую руку. Станный демон...

Не то, чтоб он перестал испытывать страх, но всё же стало немного легче, особенно после того, как Кратегус упомянул, что он, Айолин, находится под защитой леди Дарьи. И всё же, всё это было очень странно. В голове гудело от напряжения и бессонной ночи. Ему казалось, что он так не уставал даже после долгих кровопролитных сражений. Тогда, едва вырвавшись из сечи, добравшись до своего шатра, а то и просто до постеленного на траву возле телеги плаща, он падал и засыпал беспробудным сном. Но сейчас его затуманенный усталостью мозг никак не мог успокоиться. Хотелось спать, но он знал, что не уснёт.

Он не заметил, как Иоланда спустилась со второго этажа и подошла к нему. Только когда её нежные руки обвили его шею, она склонилась к нему, золотистые локоны опустились на его грудь и прекрасные глаза заглянули в душу, он понял, что она рядом и невольно улыбнулся.

— Ты так и не ложишься, — проговорила она и коснулась губами его виска.

— Тяжёлая ночь, — ответил он.

— Это из-за них? — она указала куда-то назад, имея в виду гостей.

— Напротив, они лишь помогают мне с этим разобраться.

— Всё кончилось?

— Пока нет, но скоро... Я надеюсь, скоро.

И в этот момент издали раздался грохот. Айолин вскопчил с кресла, как подброшенный пружиной, словно не он только что сидел расслабленный и обессиленный возле огня. Он выбежал из башни, пересёк двор и поднялся на крепостную стену. Взглянув в сторону реки, он увидел башню, которая освещалась изнутри судорожными вспышками красного и синего цвета. Причём если красные появлялись в окнах справа, то левая сторона освещалась призрачным синим огнём.

Он почувствовал, что к нему испуганно прижалась Иоланда, он обнял её за плечи. Она дрожала, глядя широко распахнутыми глазами на то, что происходило на острове. А там происходило что-то страшное. Очень скоро, вспышки стали яростней, они не просто вырывались сквозь окна, они вырывали из стен камни, которые разлетались по всему острову и обрушивались в воду реки. Грохот становился всё громче, через какое-то время освещённый изнутри мерцающим сине-красным пламенем конус башни подломился и осыпался вниз. Всё смолкло, и последние цветные огоньки, рассыпанные по развалинам и склонам холма, постепенно гасли.

Снова стало темно, и на стене, куда выбежали вслед за хозяином слуги и воины, охранявшие крепость, начался гвалт. Люди испуганно переговаривались и шумели.

— Я думаю, всё закончилось, — произнёс Карнач, отойдя от зубца на стене.

— И чем? — спросил Игнат, тревожно глядя на него.

— Я видел то же, что и ты.

— Мы должны проверить, — проговорил Хок.

— Вряд ли это разумно среди ночи.

— А если с ним что-то случилось? — воскликнул Игнат.

— Он прав, — кивнул Хок. — До утра ещё полсуток, даже больше. Я не смогу успокоиться, пока не узнаю, что с Джулианом всё в порядке.

— Ни один лодочник не поплывёт туда после такого фейерверка!

— Я умею грести, — заявил Москаленко.

— Я тоже, — поддержал его Стэн.

— Ладно, — кивнул Карнач и посмотрел на барона. — Вы поедем на остров и узнаем, как там дела.

— Я с вами, — проговорил он, но неожиданно Иоланда вцепилась в кольчугу и почти повисла на нём.

— Нет, — с мольбой шептала она, глядя на мужа. — Не ходи, я прошу тебя.

— Вам незачем идти с нами, — заметил Хок, но Айолин, высвободившись из её рук и взглянув ей в глаза, приказал:

— Иди к себе и жди меня.

Она потерянно посмотрела на него и молча подчинилась.

Пересекая реку в полной темноте, они не заблудились только потому, что на острове то и дело вспыхивали последние искры магического огня. Стэн и Игнат налегали на вёсла, то и дело оглядываясь и тревожно глядя туда, где ещё недавно стояла башня. Вскоре они добрались до острова и, привязав лодку, поднялись по склону.

Было темно, но когда они подошли к вершине, на обломках стены вспыхнули факелы и они увидели сидящего на камне Джулиана, который задумчиво рассматривал пальцы правой руки. Казалось, от них ещё струится синеватый дымок.

— Простите, ваша светлость, — произнёс он, увидев барона. — Кажется, я сломал вашу башню. Надеюсь, она была вам не очень нужна.

— Чёрт, док! — воскликнул поражённый Игнат, оглядывая руины. — Вы разрушили чужую недвижимость!

— Пусть выставят мне счёт, — проворчал он. — Я оплачу. Хотя, это, — он кивнул в сторону кучи обломков, — доказательство того, что я серьёзно подошёл к делу и сделал всё, что мог.

— И? — Хок хмуро смотрел на него, уже зная, каким будет ответ.

— Ничего, — подтвердил его догадку Джулиан. — Он обрушил на меня град огненных шаров, я молотил по нему импульсными разрядами. И никакого результата. У меня ни одного ожога, у него — ни одной царапины. В конце нашего поединка я в последней надежде обрушил на него башню. Он исчез за мгновение до того, как на то место, где он стоял, упал первый каменный блок.

— И что это значит? — спросил Карнач.

— Я не могу причинить ему никакого вреда, а он — мне. Значит, таковы правила игры. Он — не мой противник, я — не его. Всё, больше ничем помочь не могу.

— А Дарья? — спросил Хок.

— Шутишь? — Джулиан указал на развалины. — Ты хочешь, чтоб я отправил жену на свидание к этому маньяку? Ну, уж нет. Это не выход.

— А что выход? — спросил Стэн.

— Не знаю, — он посмотрел на барона Делвин-Элидира, который стоял, опустив голову и стиснув кулаки. Теперь это был не страх. Это было отчаяние и решимость любой ценой выбить страшное оружие из рук Ричарда. Даже ценой собственной жизни. — Ладно, — Джулиан откинул назад полы плаща, — всё равно я буду продолжать пытаться прищучить этого негодяя, но это не так просто и не так быстро. А в вашей ситуации я вижу, только один выход.

— Какой? — барон взглянул ему прямо в глаза, забыв свои страхи.

— Вы должны дискредитировать колдуна в глазах короля.

— Каким образом?

— Не знаю. Там, где бессильны меч и огонь, помогает интрига. Вам и карты в руки. Вы лучше знаете, что происходит при дворе. Играйте. А если понадобится моя помощь, зовите. Я помогу. Но только без этих детских рисунков мелками на асфальте. Мы не в детском саду.

— Мы поняли, — поспешно кивнул Игнат.

— Берегите себя. Мне пора.

И не сказав больше ни слова, он исчез. Факелы горели, потрескивая на ветру. Рыцари переглянулись.

— Мы попробовали, и у нас не получилось, — проговорил Карнач. — Простите, ваша светлость, мы зря вас обнадёжили.

— Напротив, не зря, — произнёс Айолин, взглянув на него. — Я вижу, что ваш демон очень силен и убедился в его искреннем желании помочь нам. Возможно, он нам ещё пригодится. Кстати, он сослужил неплохую службу уже тем, что выманил колдуна на его собственный магический круг. Это подорвёт его доверие к королю. А теперь мы должны внимательно следить за развитием событий. Очень скоро Ричард выдвинет Ротамону свои условия. Возможно, это будет какое-то задание. Мы должны сорвать его выполнение любой ценой, даже если нам снова придётся вызвать вашего... ангела Тьмы, кажется, так вы его называете? Кстати, а что связывает его с леди Дарьей?

— Они — всего лишь две стороны одной монеты, — уклончиво ответил Карнач.

— Монеты из голубого золота, — усмехнулся Игнат и уточнил: — самого сильного оружия против Тьмы.

Когда лодка уже плыла в сторону берега, Айолин задумчиво смотрел на слабо освещённые факелами башни замка. Он успокоился. Как ни странно, но эта неудача возродила в нём уверенность в том, что он справится с этой задачей. Может, потому, что он впервые за последние месяцы почувствовал, что не одинок в своей борьбе. Подбираясь всё ближе к Ричарду, он не решался хоть кому-то открыть свои планы. Ни друзья, ни тесть, ни Жоан не казались ему достаточно надёжными союзниками в этом деле. Но теперь его связывала с гвардейцами и Хоком страшная тайна, раскрытие которой могло стоить жизни им всем. И они пошли на этот риск с теми же целями, что и он. Пусть их интересовал колдун, а не король, но они тоже выступали против их альянса. И теперь он знал, что во дворце и в городе есть люди, которым он может довериться без страха и на которых может положиться.

Я больше не могла находиться в этом замке, который давил на меня тоннами чёрного гранита и массой воды, распылённой в клубящихся чёрных тучах, изливающихся бесконечным ливнем. Но и дел за их пределами у меня не было. Никто не звал меня. Из общего гула голосов, который преследовал меня днём и ночью, я не могла выделить ни одного, обращённого ко мне. Ну не шляться же мне, подобно Дон Кихоту, по всему континенту в поисках приключений на свою голову! Потому я просто улетела и обосновалась в небольшом оазисе в самой глубине скалистой гряды. Предварительно я убедилась, что окружающие эту маленькую зелёную впадину скалы обступают её замкнутым и неприступным кольцом, а вокруг нет никаких тропинок, которые могли бы привести человека или зверя в моё убежище. В этой уютной котловине, заросшей пышными кустами и деревьями, было спокойно. У подножья скалы поблёскивало прозрачное, круглое озеро, которое постоянно наполнялось водой из низвергающегося сверху водопада. Вода из него уходила в глубокую расщелину и, видимо, питала подземную реку. Вокруг озера располагались огромные гладкие валуны, по какой-то непонятной причине и днём, и ночью сохраняющие внутреннее тепло.

Вот там я испряталась от всех, но, увы, не от себя. Купание в ледяной воде бодрило, отдых на тёплых камнях расслаблял. Здесь было красиво и уютно, и, казалось, что мир находится в тысяче парсеков отсюда. В какие-то минуты мне даже удавалось забыть о своих проблемах, но ненадолго. Большую часть времени я продолжала терзаться от осознания бездарно проходящего времени. Я не знала, что делать дальше, и раз за разом вспоминала все свои разговоры с Беном Олдриджем, ища хоть какую-нибудь зацепку, которая поможет мне выйти на правильный путь. Я никак не могла отделаться от ощущения, что ответ у меня перед глазами, а я не вижу его. Мой взгляд, привыкший к сложившейся картине, упорно не замечал в ней чего-то самого важного, и я не могла понять, чего именно.

Я никого не хотела видеть, особенно Бена. Я даже испытывала какое-то злорадное удовольствие, исчезая из его замка без объяснения причин, и не появляясь там какое-то время, потому что тем самым я заставляла его нервничать. Не знаю, что было тому причиной: его беспокойство за меня или опасения, что я что-то разнюхаю или подстрою ему какую-нибудь неприятность. Главное, что после моей отлучки он всё-таки появлялся и какое-то время пытался выудить из меня, где я была и что делала. Я, в свою очередь, выспрашивала у него всё подряд, кружа вокруг столь болезненной для него темы, пока он не оказывался сыт по горло этой давно надоевшей нам обоим игрой. После этого он гордо удалялся, и чёрный плащ реял за его спиной, как паруса пиратского фрегата.

Честно говоря, я не хотела видеть и Джулиана. Он не спешил появляться, наверно был занят, гоняясь за тем назойливым колдуном, которого выбрал себе в качестве добычи. У него хотя бы было разумное занятие, в отличие от меня. Это угнетало. Но больше всего меня смущало то, что я никак не могла отделаться от преследовавшего меня образа Эладаила. Он постоянно был где-то рядом, я вспоминала его лицо и глубокий голос и могла часами медитировать на это воспоминание. И это меня беспокоило. Я вовсе не влюбилась в него. Я вообще не воспринимала его, как мужчину. Но он был Ангелом, высшим существом, тем прекрасным, манящим и недостижимым кумиром, который заполнял собой мои мысли.

Мне больше не казалась забавной привязанность Игната Москаленко к Джулиану. Это

было что-то подобное, как прикосновение к чему-то вечному и при этом настолько надёжному, что в сени его крыльев можно прожить жизнь, не ощутив опасности или сомнений. Джулиан не поощрял эту зависимость Игната, но и не отталкивал его, и я понимала, что сама теперь попала в такое же положение. Мне хотелось снова оказаться рядом с ангелом о четырёх крылах, просто увидеть его, но я знала, что он не появится без крайней необходимости, потому что поклонение ему до лампочки, дел много, а пагубной зависимости от кумиров следует избегать в интересах душевного здоровья. Но я продолжала по ночам сидеть на тёплом камне, обняв колени руками и, глядя в мерцающую стену водопада, вспоминать светлый ангельский лик. Будь я дремучей девицей, сподобившейся такого опыта, построила бы на скале хижину и с утра до вечера, а то и ночью, молилась бы явившемуся мне божеству. Но я продвинутая опытная дама с высшим инженерным образованием, воспитанная в семье учёного-астрофизика на идеях научного атеизма, который в моей душе не был побеждён даже личным знакомством с парой-тройкой богов, батальоном демонов и колдунов и вот теперь ещё с ангелом. И потому я просто сидела и согревала свою душу в лучах воспоминаний, которые на какое-то время помогали мне забыть о том, что я валяю дурака, в то время как мои подчинённые бродят по жестокому феодальному миру, рискуя лишиться головы.

Когда угрызения совести всё-таки возобладали над нирваной медитаций на светлый образ Стража Небес, я решила слетать в замок и ещё раз попытаться пробить броню неразговорчивости Бена. Но стоило мне появиться на террасе замка, как ко мне ринулся радостный Зикур, по привычке мокнувший под слабой защитой просмоленной рогожи, и сообщил, что ко мне явился мой рыцарь. Он не отказал себе в удовольствии упомянуть, что это он, Зикур, с парнями нашёл его, заблудившегося в горах, и привёл в замок вместе с конём, накормил, напоил, обогрел и препроводил к Повелителю.

Я всегда испытывала к Кириллу слабость, хоть иногда и была строга с ним. Когда-то мы нашли его в космосе, худого, подозрительного, озлобившегося и приложили немало усилий, чтоб вернуть его не просто в лоно человеческой цивилизации, но ещё и домой. Последнее я считала своей личной заслугой и теперь с удовольствием наблюдала за тем, как он налаживает семейную жизнь, вживаясь не только в роль заботливого дядюшки для малолетнего племянника, но и любящего отца сыновей-близняшек. Именно потому мне было стыдно увидеть его здесь, вдалеке от обожаемого семейства, без какой-либо надежды на скорейшее воссоединение с родственниками, которое я, несмотря на все обещания, так и не смогла ему гарантировать.

Тем не менее, прятаться от него я не собиралась и сразу спустилась в зал с камином, где обычно сидели свободные от караулов обитатели этой мрачной крепости. Как я и думала, Кирилл воспользовался возможностью навести мосты с аборигенами и стать для них своим в доску. Наверняка он уже выпросил у них столько всяких полезных и не очень сведений, сколько мне не раздобыть и за год. Он сидел возле самого огня и играл в кости с друзьями Зикура, такими же рыцарями-бродягами, знававшими лучшие времена, но потерявшими всё, кроме меча, ржавых лат и головы на плечах.

Он сразу заметил меня и, не позабыв забрать свой банк, поднялся и направился ко мне, осторожно пробираясь между сидевшими и лежавшими на каменном полу голодранцами.

— Здравия желаю, Дарья Ивановна! — лихо отрапортовал он. Никто не умеет так, как Кирилл, совмещать соблюдение устава с душевным отношением. — Прибыл в ваше распоряжение.

— Вижу, — кивнула я и, проходя мимо сбившихся в кучу людей, жестом позвала его за собой.

Рядом с каминным залом была небольшая гостиная, где стоял стол и несколько запылённых кресел. Кирилл тут же достал из кармана зажигалку и зажёл свечи, вставленные в позеленевший от времени канделябр. После того, как мы сели, я внимательно взглянула на него. Он немного похудел, пообтрепался, но в целом выглядел неплохо. И глаза горели. Он всегда любил приключения, особенно если они давали ему возможность для импровизации в его любимой сфере агентурной разведки. Что ж, хорошо, что он не скучает. В отличие от меня.

— Увы, Кирилл, пока мне тебя порадовать нечем, — призналась я. — Олдридж молчит, как воды в рот набрал. Багси ничего не знает. А из того, что мне всё-таки удалось накопать, никаких конкретных выводов сделать не удаётся, хоть я и не могу отделаться от ощущения, что решение где-то рядом.

— Значит, вы его найдёте, — уверенно заявил он. — Я тут тоже ребят поспрашивал, но они не в курсе, что к чему. Уверены, что Олдридж — чернокнижник, боятся его, но их устраивает то, что он никого не обижает и строго следит за порядком.

— Да, он здесь, как и на «Паладине», умудряется поддерживать дисциплину на должном уровне. Его б таланты да на благо человечества, — пробормотала я.

Святая вера Кирилла в мои способности меня порадовала, и в то же время я почувствовала болезненный укол совести и сомнение в том, что смогу оправдать его ожидания. А он, похоже, был рад нашей встрече гораздо больше, чем я, и обстоятельно рассказал мне о своих приключениях с того самого момента, как сбежал от Кабреры, пытавшегося арестовать его в замке альдора.

Его встреча с бароном Делвин-Элидиром показалась мне не случайным совпадением. В этом мире ничто, похоже, не происходит случайно. Закон кармы и сила мысли тут действуют до странного быстро и точно. И то, что я спасла молодого барона, воздалось мне уже тем, что он после этого спас Кирилла, а затем оказал ему и Хоку помощь в Сен-Марко и даже принял их в своём доме. Наконец, у меня отлегло от сердца, и я могла не терзаться тем, что подарила жизнь тому, кто потом будет убивать. Пока он спас дорогого мне человека, ведь, если б его не оказалось на той дороге, то я могла бы так и не увидеть больше Кирилла.

Ну и мне было приятно узнать, что Карнач со своими стрелками, как всегда, уютно устроился в Сен-Марко. Саша был одним из лучших моих стажёров, и его командирский талант, как обычно, был по достоинству оценен, что и позволило ему занять привилегированное место в войске короля Ричарда.

Когда Оршанин закончил свой рассказ, я обдумала его и пришла к выводу, что все, кто ушёл в луар и Сен-Марко, устроились неплохо, в полном соответствии со своими способностями. Об остальных он ничего не знал, а я подумала, что вместо того, чтоб булькаться в холодной воде горного озера и отогревать кости на горячих валунах, мне давно стоило слетать к баркентинам и выяснить, как там дела, приходят ли новости от наших ребят на условленный адрес в Магдебурге, а заодно достать, наконец, из сейфа мой меч, положив на его место Экскалибур.

Именно потому в начале следующего светлого дня я вылетела из замка, держа курс на юго-запад. Отказавшись от идеи посетить Дакосту в Магдебурге, я отправилась прямо к «Пилигриму», и вскоре увидела под собой его золотистую обшивку, покрытую тонкой

затейливой вязью изысканных узоров. Моё сердце затрепетало от этой родной картины, и тут же болезненно сжалось, потому что я вспомнила, что мой любимый звездолёт парализован и тяжким грузом стоит на своих фигурных опорах, упершихся в серый базальтовый щит.

Я не стала прятаться и опустилась на землю возле самого корабля на том берегу, где размещалась корма. Мне казалось, что прятаться уже бесполезно. Здесь все давно раскрыли свои секреты, и не имеет смысла и дальше скрывать свою сущность. Крылья я, правда, сразу убрала, потому что ходить с ними не слишком удобно. Я направилась к палаточному городку возле леса, где было устроено кострище, обложенное камнями. В нём горел костёр, и возле него стояла кок Бетти Фелтон в длинной юбке из ситца с кружевной оборкой и белой вышитой блузе. Вокруг её талии был повязан белый передник, а в густых рыжих кудряшках ярко выделялся цветок, похожий на большую красную ромашку. Половником на длинной ручке она помешивала что-то в котле, повешенном на треноге над огнём. Рядом на скамейках сидели Ис и Илд Эрлинг в джинсах и футболках. В сторонке, заросший бородой, как леший, стармех Бомбадил в парусиновых штанах, клетчатой рубашке и белой панаме рубил топором дрова, при каждом ударе выдавая шумное «Ух!» Вид у них был беззаботный, как летом на даче. Только присевший возле палатки Елизар Дакоста выглядел сурово в своём чёрном костюме и стёганой безрукавке. Его кольчуга и железный наплечник висели на сучке дерева, а рядом стоял меч в ножнах.

Как ни странно, меня никто из них не заметил. Всё внимание было обращено на Дакосту, который что-то рассказывал. Подходя, я услышала ржание и, обернувшись, замерла. Неподдалёку в загоне пасся белоснежный единорог с золотым рогом на лбу. Он мирно щипал травку рядом с гигантской и кроткой коровой Флорой, а у самого частокола громадные куры рыли землю, откидывая в стороны по полведра дёрна за каждый удар лапой.

— Командор! — услышала я и обернулась.

Вся компания, кроме Бетти, конечно, стояла по стойке смирно, не скрывая смущения.

— Вольно, — откликнулась я, подходя к ним.

Смущение было вызвано их штатской одеждой, но я никак не могла понять, чем джинсы и футболки хуже суконного камзола, в котором невозмутимо красовался Елизар. Камзол ведь тоже не по уставу. Да и я сама была хоть и в кольчуге, но не в мундире. Потому я решила сразу отказаться от формальностей и, подойдя, села на скамейку напротив.

— Где остальные? — спросила я, осмотревшись.

— Кто ушёл, кто по делам, — нерешительно сообщил Бомбадил.

Он мялся рядом, сжимая в огромных ручищах свой топор.

— Садитесь, командор, — я похлопала рукой по скамейке рядом. — Я знаю, кто куда ушел. Доктор держит меня в курсе. К тому же недавно я встретила с Оршаниным. Кто в луаре, кто — в Сен-Марко, я знаю. Я спрашиваю о тех, кто остался здесь.

— Кто остался, все в наличии, — пожала плечами Бетти, словно это само собой разумелось. — Лин и Винд ушли к «Паладину». Туда зачастили разбойники, так что Норги разделились. Ис и Илд держат оборону здесь.

— Да какая оборона! — поспешил возразить Ис. — Просто ночью Илд пару раз запустила в небо огненные шутихи, ну, и я слегка охладил пыл особо горячих парней. Больше пока не появлялись. Сразу спешу уточнить, что обошлось без жертв.

— Хотя иногда я об этом жалею, — проворчала Бетти. — Они напугали Флору, и она два дня не доилась. К тому же, мне пришлось пока оставить мою избушку в лесу. Я там

травы сушу. Если в ближайшее время они здесь не объявятся, я снова туда уйду. Но пока вроде спокойно. Анхела и Тилли Бом даже пошли в лес за земляникой. Тут недалеко целые земляничные поля. С ними там стажёры с «Паладина». Нгуэн чужаков лучше любой собаки чует, а улыбка Ганджу даже Дракулу в ступор вгонит.

— Значит, у вас тут порядок? — уточнила я.

— Летний лагерь, — кивнула Илд. — Живём на природе, выращиваем овощи, ловим рыбу, ходим друг к другу в гости, поём песни у костра. Отдохнули на десять лет вперёд.

— Ну, да, пора бы и за работу, — проворчал Ис.

— Потерпите, — проговорила я. — Мы над этим работаем. Остальные не в такой идиллии живут, верно, рыцарь?

Я вдруг подумала, что привычное обращение к Дакосте «рыцарь» вдруг приобрело совершенно незнакомый, хотя и более первозданный смысл. Для него, для рыцаря Мальтийского ордена, это было привычное обращение, хотя кольчуги и мечи оставались для него чем-то из области легенд и ролевых игр. Я невольно взглянула на его доспехи и меч. Теперь большая часть моих ребят носит это железо и откликается на такое обращение.

— У всех всё нормально, — ответил Елизар. — Письма исправно приходят. Мне известно, что Кирилл отправился в замок на Грозовой горе, и я рад, что он туда добрался. Говорят, это нелегко. Из луара и Сен-Марко сообщают, что все при деле, не голодают и не подвергаются чрезмерной опасности. Пока, по крайней мере. Не знаю, что будет, когда начнётся война.

— Выведем их всех из зоны боевых действий в приказном порядке, — спокойно заявила я. — Они не имеют права принимать участия в чужой войне, и им это известно.

— Хорошо, если они послушаются, — скептически заметил Дакоста. — Судя по письмам, они втянулись в эти рыцарские игры и воспринимают их слишком серьёзно.

— Ладно, сама всех облечу и вправлю мозги, — проворчала я.

Все кроме мальтийца посмотрели на меня с удивлением, а он снова пожал плечами.

— Ноттингем на связь не выходил, но он встречается со своими стрелками. Скачет по континенту, как Фигаро, никому не служит, ни с кем не связывается. Недавно пришло письмо от Салима Набиева. Эрик его нашёл и передал координаты для связи. Пишет сжато, но, судя по всему, покидать свою деревню не намерен. У него там целый сиротский приют на руках, и бросать детей он не хочет. Эрик уже отправился сюда, но пока не дошёл. Может, его что-то задержало в пути. Писем от него нет, но я надеюсь, он парень дисциплинированный.

— А Мангуст и Белый Волк? — без особой надежды спросила я.

Маленькая надежда у меня была только потому, что Мангуст тоже очень дисциплинированный, а вот Белый Волк, скорее всего, сейчас просто бегаёт по лесам. По крайней мере, тёмные эльфы видели его именно в таком виде. И вряд ли в ближайшее время он захочет встать на две ноги.

Дакоста неопределённо пожал плечами.

— Вы же знаете, командор, они ушли на равнину искать Бейбала Устунова. А тот бродит где-то со своим лесным племенем. Может, просто нет возможности отправить письмо.

«Вряд ли они будут искать такую возможность», — подумалось мне. В Мангусте жил дух Маугли. Не зря он так сдружился с Белым Волком. Долгое время подавленный службой во флоте и общением с людьми, он лишь изредка проявлял себя, когда они сидели рядом,

Белый Волк в зверином облики и Мангуст, обнимая его за шею. Они могли так сидеть часами в безмолвном общении. И теперь, вдали от цивилизации, всё это вполне могло вырваться наружу и расцвести пышным цветом. И всё же я надеялась, что, нагулявшись, они вернуться к нам. В противном случае мне будет их сильно не хватать.

Мангуст проснулся среди ночи. Этот звук, раздавшийся издали, встревожил его, и он приподнялся на локте, глядя в гущу тёмных деревьев. Он уже потерял счёт этим ночам, сменяющим дни. Ему казалось, что если бы он был на Земле, то уже прошёл бы половину Сибири, следуя за Белым Волком, который всё шёл вперёд, словно искал что-то. Возможно, и искал, но не торопился делиться этим. С момента ухода от баркентины он ни разу не вернулся в человеческий облик, и вёл себя как волк, идя одному ему известным маршрутом. И лишь то, что иногда он оборачивался назад, чтоб убедиться, что Мангуст поспекает на своих двоих за его четырьмя лапами, свидетельствовало о том, что он помнит, что вышел в путь не один.

Мангуст не знал, куда идёт и зачем. Он просто шёл, вдыхая густой воздух, напоённый ароматами трав и хвои, его мысли постепенно рассеивались и уплывали. Ему казалось, что он уже целую вечность следует за Белым Волком, и это не тяготило его, а лишь наполняло особым спокойствием. Порой ему казалось, что он сливается с окружающими его деревьями, растворяется в прохладной темноте долгой ночи, становясь частью бесконечного леса, который наполняет собой всё сущее.

Но лес сменялся степью, заросшей седым ковылём, из него торчали серые и синие камни, в которых при определённой доле воображения можно было разглядеть древних идолов. Эти камни обычно стояли группами на низких холмах, и вечерами их окружал влажный белый туман, клубящийся вокруг, словно духи танцевали свой ритуальный танец в священном месте. Белый Волк останавливался в отдалении, какое-то время задумчиво наблюдал за этим хороводом, а потом бежал дальше, и вскоре снова углублялся в чащу тёмного елового леса.

Можно было подумать, что он ищет своих сородичей, но иногда Мангуст просыпался от его рычания, и видел, как Волк стоит рядом, и свирепо скалится в темноту, в которой горели зеленоватые огни волчьих глаз. Он был крупнее местных волков и его яростный оскал пугал их не меньше, чем огонь. Завидев его, они какое-то время мелькали смутными тенями среди деревьев, а потом удалялись. А Волк снова ложился на траву возле костра и задумчиво смотрел в тускло светящиеся угли.

Мангуст чувствовал, что что-то меняется в нём самом, словно он сам проходил в этих лесах своё посвящение. Долгие переходы днём и бесконечное молчание постепенно наполняли его душу покоем и ощущением какого-то бесконечного пространства внутри души. Ему снились странные сны. Он то летел над лесами и горами, раскинув крылья, подобно большой птице, то бежал по лесу на длинных сильных волчьих лапах, то извивался холодным серебристым телом в освежающей прохладе прозрачной воды. И однажды, вслед за Волком поднявшись на гребень преградившей путь горной гряды, в предутреннем мареве увидел раскинувшиеся впереди бесконечные голубые холмы, поросшие густым лесом. Он долго стоял, ощущая не отчаяние, а бесконечную радость от того, что его путь ещё далёк от завершения, и эти прекрасные земли ждут его.

Та ночь была тёмной, и он, как обычно, уснул возле костра, чувствуя боком тёплое мускулистое тело волка, прижавшегося к нему. Какой-то далёкий звук разбудил его. Он уже заметил, как обострился за эти дни его слух, и теперь он без труда вычленил из океана негромких ночных звуков этот, мощный и тоскливый. Это был волчий вой.

Волк уже поднял свою большую белую голову, и его мягкие уши шевелились, ловя далёкий голос сородича. Мангуст вдруг подумал, что за всё время их пути Волк ни разу не выл. Это было странно, потому что когда им приходилось так путешествовать по лесам Сибири или Канады на Земле, он часто выл, вызывая ответные рулады в чаще лесов. Особенно самозабвенно и мелодично он выл на луну, но здесь луны не было, и родичей он не искал, видимо, не признавая таковыми местных волков. Но этот вой явно заинтересовал его. Его глаза блестели любопытством, и уши активно двигались.

Потом к тому далёкому, едва слышному вою присоединился ещё один волчий голос, потом ещё один, и вскоре над кронами деревьев уже нёсся многоголосый хор волчьих голосов. Прислушиваясь к нему, Мангуст встревожился ещё больше. В этом хоре ему слышались слишком яркие эмоции, словно волки оплакивали кого-то. К тому же их было много, видно, стая очень большая, куда больше, чем ему приходилось встречать. И голоса были слишком мощные и мелодичные. Это были странные волки, и Мангусту совсем не хотелось встречаться с ними.

А Белый Волк вдруг приподнялся и сел, а потом задрал к беззвёздным небесам свою длинную серебристую морду и издал мощный грудной вой, в котором слышалась та же печаль.

— Тише, — прошептал Мангуст, словно его могли услышать те далёкие и странные звери. Он вцепился пальцами в загривок друга и притянул его к себе. — Их слишком много, слышишь?

Но Волк продолжал с упоением выводить свою звериную рапсодию. Хор вдали тем временем смолк, словно те волки прислушивались к неожиданному ответу, а потом снова завывали, и в их голосах слышалось что-то похожее на приветствие. Потом стало тихо. Волк тоже смолк и какое-то время выжидающе всматривался в темноту леса, а потом вдруг вскочил и устремился туда. Мангуст мгновенно поднялся и, подхватив походное ведро, залил костёр, схлопнул ведро в круглую лепёшку и, засунув в рюкзак вместе со своим быстро сдувшимся походным матрасом, поспешил следом.

Волк бежал быстро, но так, чтоб Мангуст поспевал за ним. На всякий случай он часто оборачивался на ходу, чтоб убедиться, что тот не отстал. Этот бег продолжался долго. Мангуст уже отвык от чувства времени, потому что здесь часы были совершенно бесполезны, жизнь шла по другим законам. Но он подумал, что этот марафон по лесам продолжался не меньше трёх часов. По крайней мере, небо в просветах между деревьями уже начало наливаться синим светом, обозначая внизу серебристые силуэты деревьев.

Волк остановился внезапно на широкой, почти круглой поляне и замер, вглядываясь в темноту под деревьями впереди. Мангуст замер и невольно поправил пояс, придвинув под правую руку ножны с десантным ножом. Вскоре в темноте вспыхнули два огонька, но они были не желтоватые, как у обычных волков, а красные. Они приближались, и вскоре на поляну вышел ещё один волк, он был таким же большим, как и белый, разве что обладал ещё более длинной и косматой шерстью, отчего казался массивнее. К тому же он был чёрен, как самая тёмная ночь, и только серебрящаяся на кончиках шерсть обрисовывала его тёмный силуэт. Он вышел, гордо подняв большую голову и глядя на пришельцев зеленоватыми глазами, в которых пробегали тревожные алые сполохи. Белый Волк замер в такой же стойке, а потом из-под деревьев выступили другие волки. В сумерках они казались серыми с белыми подпалинами, их глаза отливали зелёным огнём. Мангуст осмотрелся, и, увидев, что волки, которых было не меньше трёх десятков, окружили их, невольно сжал рукоятку ножа.

Тем временем чёрный волк неспешно приблизился к белому и понюхал его морду, после чего неожиданно потёрся о косматую щеку собрата. Белый волк припал на передние лапы и приветственно взвизгнул, затем снова приподнялся и лизнул нос чёрного. Чёрный развернулся и побежал в чащу леса. Белый Волк обернулся и, посмотрев на Мангуста, устремился следом. Мангусту ничего не оставалось, как следовать за другом, полагаясь на его мудрость. Обернувшись, он увидел, как остальные волки спокойно трусят за ними.

На сей раз путь был не таким долгим. Вскоре они вышли в небольшой лог в лесу, где стояли шатры, собранные из толстых веток деревьев и покрытые шкурами. Между шатрами на площадке были разведены костры. Навстречу волкам из шатров выходили высокие женщины в полотняных длинных рубахах. Некоторые несли на руках маленьких детей. Дети постарше выбегали сами, цепляясь за подолы матерей. Мангуст с удивлением осмотрелся. Жители деревни были высокими, светлокожими с длинными светлыми волосами и странно поблескивающими зелёными глазами.

Волки тем временем разбежались по селению, забегая в шатры, и только чёрный направился в центр площадки, где располагался самый большой костёр, обложенный камнями, единственный, над которым не было ни котлов, ни вертелов. Где-то блеяли козы, из-за кучи хвороста выглянула крупная собака с висячими ушами.

Из шатров послышалось ворчание, а потом и чёрный волк припал на все четыре лапы и, странно извиваясь, начал менять очертания. Мангуст никогда не видел, как превращается Волк, потому с жадным любопытством наблюдал за процессом и вскоре увидел, как с четверенек поднялся во весь рост молодой смуглый мужчина с длинными прямыми волосами. Он был похож на индейца и всё-таки это был не индеец. Его глаза были уже, кожа светлее, нос короче и шире. Но в остальном он был очень похож, и если б Мангуст не видел в своей жизни столько настоящих индейцев и не знал, кто перед ним, то точно решил бы, что Белый Волк, наконец, нашёл соплеменника.

Тем временем Байбал Устунов подошёл к аккуратно сложенной возле костра одежде и оделся. Из шатров появились мужчины, такие же высокие и светловолосые, как их жёны и дети, одетые в полотняные штаны и расшитые рубахи, в мягких коротких сапожках, с берестяными ножнами на сплетённых из кожи поясах, из которых торчали искусно выточенные из дерева рукоятки охотничьих ножей. Одежда Устунова выглядела иначе. Надев такие же штаны и сапоги, вместо рубахи он натянул длинный кафтан, сшитый из синего сукна, отделанный узорами из кожи и опушкой из чёрного меха и опоясался кожаным ремнём с круглыми чеканными бляшками. Водрузив на голову меховую шапку, он не торопясь вернулся к костру и присел на землю, жестом указав Мангусту место рядом. Тот повиновался. Белый Волк по обыкновению улёгся возле него, но так, чтоб не терять из виду Байбала.

Ещё несколько мужчин уселись у костра, с добродушным интересом разглядывая пришельцев. Две женщины принесли и поставили перед мужчинами большие деревянные блюда с жареным мясом и лепёшками, а перед Волком положили большой кусок сырого мяса с костью.

— Мы всегда рады добрым гостям, — заговорил Устунов, глядя на Мангуста. — Хотя за всё время, что я здесь, немногих можно было назвать добрыми. Впрочем, в ваших добрых намерениях я не сомневаюсь, потому прошу вас, угощайтесь. И расскажите мне, как вы оказались здесь, командор.

— Вряд ли здесь уместно столь официальное обращение, — улыбнулся тот. — Это на

Земле нас разделяли возраст, звания и прочие условности, но здесь мы оказались в одной лодке, так что зовите меня Мангустом.

— В моём улусе и здесь меня зовут Хара Бёрё, что значит чёрный волк, но вам я думаю, будет удобнее звать меня Байбалом, — кивнул тот.

— Хорошо, Байбал, — согласился Мангуст. — Я удивлён вашим даром, и у меня много вопросов о ваших друзьях, но сперва я отвечу на ваш вопрос.

Он рассказал о том, как «Пилигрим» оказался в этом странном мире, куда отправились его товарищи и что именно его, Устунова искали в этих лесах они с Белым Волком. Пока он рассказывал, Байбал достал маленькую трубку с длинным мундштуком и, набив её, закурил, тихонько покачиваясь и глядя в огонь.

— Мы нашли вас благодаря чутью Волка, — закончил Мангуст, — но он, кажется, больше радуется тому, что нашёл соплеменников, чем выполнению задания. Боюсь, что у него будет ещё меньше желания возвращаться к звездолёту, чем у вас. Он предпочитает пребывать в своём зверином облике и даже не пожелал принять участие в нашем разговоре.

— Он слушает, — ответил Байбал. — Вы говорите то, что нужно, и ему нет причин менять облик. Вы связаны друг с другом, и человеческая часть вашей общности сейчас в вас, потому ему можно оставаться звериной. Это нормально. Я сам долго бегал по лесам на четырёх лапах, пока не встретил архунов, которым была нужна моя человеческая сущность.

— Они все оборотни?

— Люди-волки. Да. Все. Племя, больше сотни человек. Они уже больше люди, чем звери, они разводят скот ради молока, готовят пищу детям, старикам, беременным и кормящим женщинам. Остальные охотятся и едят в лесу. Они умеют прясть и ткать, украшают свою одежду вышивкой, у них есть кузня. Они живут в гармонии с природой, и этим они близки мне.

— А дома ваши соплеменники, они тоже?..

— Нет, — покачал головой Байбал. — Мой дед — человек-волк, и прапрадед, и ещё несколько предков. Это какой-то ген, который проявляется у мужчин в роду. Или не проявляется. Когда я родился, в небе гремел гром, и старики сказали: «Шаман родился». А потом завывали волки. И они промолчали, но всё поняли. Они обрадовались потому, что такие, как я, лучше слышат духов.

— И что вас понесло в космос? — удивился Мангуст. — Якуты редко служат в космофлоте, а шаманы тем более.

— Мы — Саха, светлые люди, якутами нас прозвали русские, по неведению. Но и они теперь знают, что мы — Саха, живущие в свете и единении с окружающим миром. Но мир раздвинул свои границы. Теперь мы знаем, что мир — это не только лес и тундра, не только Земля. Это космос, который наполнен энергией жизни, борьбы и света. Однажды кто-то из нас должен был перешагнуть порог этого мира. Почему не я? Старейшины согласились со мной. Я полетел в космос, чтоб раздвинуть границы для нашего народа.

Мангуст какое-то время задумчиво смотрел на него, а потом перевёл взгляд на Волка.

— Что вы нашли здесь, Байбал? Вы нашли своё племя? Свою новую землю? Свой новый дом?

— Дом может быть только один, — печально вздохнул тот. — И только одна может быть земля, там, где жили твои предки, где живут твои духи, где каждое дерево, каждый камень имеет свою душу и эти души говорят на знакомом языке. Я нашёл здесь лес и тундру, нашёл людей, которые бывают волками, нашёл дерево с раздвоенной вершиной, похожее на

священное дерево моего рода. Но это не земля Саха, не люди Саха, и это не моё дерево. Я пришёл к этим людям в тяжёлую для них минуту, но это не значит, что они стали моими. К тому же здесь нет луны, а луна — это часть моей души. Я, как дерево, которое вырвали из почвы. Мои корни засыхают, душа томится. Я хочу вернуться домой.

Мангуст снова покосился на Волка.

— Он тоже хочет, — уверенно заявил Байбал, — но, как и я, пока не может, и потому глушит свою тоску, живя так, как желал бы жить дома. Я чувствую его. И должен сказать, что я очень рад встретить здесь родственную душу. Впервые здесь я ощущаю себя не настолько одиноким.

— Вы не знали, что он оборотень?

— Как и он не знал, что я — человек-волк. Но увидев его, я сразу понял, кто это. По глазам. Они золотые, как солнце. И взгляд. Я и раньше чувствовал в нём что-то родственное. Вы же знаете, что американские индейцы и Саха происходят от общих предков. Наши обычаи и верования схожи. И оказалось, что мы с ним куда ближе, чем я раньше думал.

— Значит, вы вернётесь вместе с нами, лейтенант? — слегка повеселел Мангуст.

— Не знаю, — Устунов снова посмотрел в огонь. — Я нашёл этих людей, когда они оплакивали своих близких и звали своего отца. Отцом племени они считают вожака, для многих из них он, действительно, отец или дед. Они были потеряны, по их следам шли охотники. Я сам охотник, куда искуснее тех, что преследовали их. К тому же я получил достойную десантную подготовку в космошколе. Я увёл их от преследователей и возглавил племя. И я не могу их бросить, пока не подготовлю себе преемника, а на это уйдут годы. Если вы улетите раньше, мне придётся остаться с ними.

— Не думаю, что наш командир настроен на долгое пребывание здесь, — проговорил Мангуст. — Ребята тоже рвутся домой, и их можно понять. У многих семьи, дети.

— Есть ещё вариант, — задумчиво проговорил Устунов, — и он предпочтительнее. Если вы поможете мне, и всё сложится, как надо, я смогу уйти с вами.

Белый Волк, который тоже смотрел в огонь, резко повернул голову и посмотрел на Байбала.

— Что нужно сделать? — спросил Мангуст.

— Уратан, вождь архунов ещё жив. Его захватили люди барона фон Деррека и держат в подземелье замка. Он будет жив, пока не станет волком. Барон хочет шкуру волка-оборотня. Они всеми средствами пытаются заставить его обернуться, но он держится. Это я знаю. Он сильный и мудрый. Пока он в человеческом обличье, его не убьют. Пытать его тоже не решаются, чтоб не испортить шкуру, но они могут применить какую-нибудь магию, какие-нибудь зелья. Времени не так много. Если мы вызволим его, я смогу уйти с вами. Архуны для такой операции не годятся, на них объявили охоту. Они отличаются от других глазами. К тому же при всей своей силе и ловкости, они наивны, как дети. Но вы — другое дело. Белого Волка в людском обличье никто не признает за оборотня, как и меня. Мы с ним охотники, у нас достаточно хитрости и ума, чтоб обмануть фон Деррека.

— Ну, тогда и я пригожусь, — усмехнулся Мангуст. — У меня как раз подходящие способности. Я могу пробраться незамеченным, куда захочу, и буду полезен в бою. Не зря же меня прозвали мангустом.

На Сен-Марко уже опустилась темнота, но до окончания этого половинчатого, сначала светлого, а затем тёмного дня, было ещё довольно долго. Тем не менее, ночь уже вступила в свои права, заглушив шум на улицах, замедлив движение жизни и влив в мысли людей тревогу и страхи. Может, именно это так действовало на короля и его приближённых, когда они, исчерпав темы для разговоров, на какое-то время замолчали.

Ричард использовал теперь любую возможность, чтоб приблизить к себе тех, на кого собирался опираться в грядущей войне, отчасти, чтоб привязать их к себе особым отношением, отчасти, чтоб внимательно наблюдать в поисках их слабостей или признаков ненадёжности. Из прежней камарильи здесь был только Монтре, который таскался следом, как голодный пёс в ожидании подачи. Он снова пытался влезть в обсуждение экипировки войск, но его замечания были столь нелепы, что даже тактичный Вайолет, на сей раз, не скрывал своего раздражения.

И всё же эта тема была не столь важной, чтоб полностью захватить внимание короля. Он продолжал думать о колдуне, его предложении и тех шагах, что следовало предпринять, прежде чем согласиться на него. Потому он вскоре утратил интерес к разговору, а его военачальники итак достаточно хорошо знали своё дело, чтоб впустую перемалывать давно известные истины.

В большой гостиной было немного мрачно, несмотря на жарко растопленный камин и два массивных шандала с целыми созвездиями зажженных свечей. Король сидел в кресле и смотрел на огонь, а у его ног лежал верный Роло, положив большую голову на сапог хозяина. Сенешаль, который держался в стороне от беседы, поскольку был несведущ в тонкостях военного дела, тихонько вздохнул. Внезапная тишина показалась ему гнетущей. Стоявший у окна барон Делвин-Элидир чуть отодвинул тяжёлую гардину, чтоб выглянуть на улицу. Рядом с ним стоял принц Жоан и с нетерпением ждал, когда ему будет позволено удалиться, чтоб отправится в казармы гвардейцев для очередного урока фехтования. Маркиз Вайолет, граф де Бове и барон де Сансер сидели в креслах возле стола. Молчание короля они воспринимали спокойно, ибо и королю нужно обдумать услышанное. И теперь они могли спокойно заняться своими мыслями о подготовке к войне. В стороне от всех, почти невидимый в полумраке, застыл в неподвижности Джинхэй, как всегда прислонившись к стене и спрятав руки за спиной. Его ничуть не смущало, что вокруг него сплетались любопытные тени, обвивая его статную фигуру подвижными чёрными ленточками. А возле камина стоял Монтре, внимательно глядя на короля, словно размышлял, стоит ли попытаться отвлечь его от грустных мыслей или лучше промолчать, чтоб не нарваться на уже привычный раздражённый окрик.

Уверенный стук в дверь прозвучал в тишине, как набат, и король вздрогнул от неожиданности. Он сразу понял, что этот стук предвещает что-то неприятное, и он не ошибся. Не дожидаясь ответа, на пороге возник граф Раймунд, как всегда, с непроницаемым выражением лица. И всё же Ричард был слишком подозрителен и чуток, чтоб не заметить некоторое напряжение в чертах начальника тайной полиции. К тому же граф ведал не только защитой королевской власти от изменников и врагов, не только порядком в городе, но и разведкой. Именно он рассылал по всему континенту хорошо подготовленных и бесконечно преданных Сен-Марко агентов, которые несли ему отовсюду ценные сведения.

Информация именно такого свойства привела его в покои короля этим вечером.

— Что скажете, Раймунд? — проговорил король, проведя рукой по лбу.

Этот жест и сам тон ясно говорили о том, что неприятностей с него хватит, но если это снова они, он смирился, верный своему долгу.

— Я получил послание от нашего соглядатая при дворе альдора, — не тратя времени на церемонии, произнёс граф. — На днях маркиз Беренгар и ещё двадцать три барона и рыцаря, ранее служивших Сен-Марко, прибыли в луар. Все они были приняты альдором лично, предложили ему свою службу в грядущей войне и уже принесли клятву верности. Маркиз Беренгар был удостоен звания контаррена и принял на себя обязанности командующего армией луара.

Тишина, воцарившаяся вслед за этим сообщением, стала ещё более гнетущей. Глядя на графа, не все заметили, как резко приподнялся в кресле Ричард и его взгляд запылал яростью. Разве что принц и его друг с холодным вниманием наблюдали за реакцией короля.

— Вы сказали, двадцать три? — встревоженно проговорил барон де Сансер. — Кто ещё с ним?

— Бароны Виллер, Адорин, фон Крайслер, Дюбарри, Моример, Делагарди. Остальные — рыцари, из которых следует отметить Эскобара, Римара, де Санти-Латура, Бартона и Феррата. Прочие имена вы вряд ли вспомните, господа, потому что они либо не имеют своих отрядов и служат перечисленным баронам, либо их отряды невелики. Все эти лица были удалены его величеством от двора, многие лишены привилегий и имущества, которыми их одарил король Арман.

— Они заслужили это! — рявкнул Монтре, — Потому что были изменниками! Или вы сомневаетесь в правильности решения короля?

— Я сказал это, чтоб подчеркнуть, что у них нет причин хранить верность Сен-Марко, — холодно ответил граф. — Они не просто переметнулись из-за высокой платы за службу, они сделали это, движимые обидой. И сделают всё, чтоб за эту обиду отомстить.

— Это плохо, — заметил Вайолет, взглянув на де Сансера. — Беренгару хорошо известна наша тактика, порядки в нашей армии, все наши секреты. Он достаточно умён, чтоб просчитать наши шаги наперёд.

— Мы тоже достаточно хорошо его знаем, — заметил барон. — Не думаю, что он сможет нас сильно удивить своей стратегией.

— Старого пса не научишь новым трюкам, — усмехнулся Монтре.

— Заткнись! — прорычал Ричард и снова упал в кресло. — Я помню всех этих баронов и рыцарей. Они умны, опыты и коварны. Да, коварны, потому я, учитывая их ненадёжность, и изгнал их из Сен-Марко! Но я и подумать не мог, что они осмелятся выступить против меня. Это измена, и я хочу их примерно наказать! Всех до единого! Начнём с Беренгара! Я хочу, чтоб его земли отошли к нам до начала войны! Посмотрим, как он соберёт тогда войско для альдора!

— Это приведёт к дополнительным проблемам, — проговорил барон Делвин-Элидир.

— К каким, интересно? — резко развернулся к нему Ричард, прожигая свирепым взглядом, но молодой барон остался невозмутим.

— Прежде всего, следует учесть, что маркиз Беренгар, как и остальные перешедшие на сторону луара рыцари, не являются вассалами Сен-Марко, и все отношения с ними строились на основе взаимной выгоды. Им платили за их верность. Теперь, когда оплаты нет, у них отпала и обязанность быть верными. Переход баронов с одной воюющей стороны

на другую — это практика, сложившаяся веками. Мой отец служил под знаменем Синего Грифона, я служу вам, ваше величество. Наказывать за использование признанного всеми права выбора, это значит пошатнуть доверие баронов к королю. Те, кто ещё не выбрал сторону, могут превратно расценить подобное...

— Пусть знают, что переход на сторону врага плохо для них закончится! — воскликнул Монтре.

— У них нет врага, пока они не сделали выбор, — возразил барон. — Они не испугаются, они оценят долгосрочные перспективы. Сейчас, когда такое количество баронов вдруг присоединилось к луару, когда туда ушёл Беренгар, который до сих пор пользуется уважением старых вояк, не решат ли они, что чаша весов сдвинулась? И не проще ли рискнуть, присоединившись к луару, чем встать под знамёна Монморанси, чтоб потом, когда ветер сменится, попасть в немилость короля? Кто-то и вовсе будет оскорблён тем, что Сен-Марко покусился на их свободу выбирать сторону в войне. Бароны горды и злопамятны. Я уж не говорю о том, что сейчас в Сен-Марко прибывают те, кто хотят служить его величеству, и среди них есть некоторые, кто раньше был на стороне луара, даже алкорцы. Не отпугнёт ли их этот шаг? Я вам скажу, отпугнёт, пусть не всех, но кто-то точно сочтёт за благо вернуться под сень крыльев Грифона.

— В ваших словах есть правда, — проворчал с неохотой король. — И мы можем закрыть глаза на предательство всех, кроме Беренгара, который издавна был нашим союзником и знает слишком много наших секретов. Он был облечён властью и пользовался особым доверием. Это предполагает его рыцарское отношение к нам, следовательно, в его поступке есть признаки измены.

— Не спорю, — кивнул Делвин-Элидир, — но я хочу напомнить вашему величеству, что представляет собой замок Беренгара. Его земли располагаются в скалистой местности, где пасутся его стада. Он набирает свои отряды из полудиких горцев, которые занимаются разбоем в горах. Ядро его войска составляют рыцари, с раннего детства живущие в его замках, и потому они верны его семье. Его три замка стоят на вершинах скал, расположенных треугольником на небольшом расстоянии. Из-за такого расположения их нельзя атаковать все сразу или осадить по отдельности, потому что каждый из них прикрывают два соседних. Это хорошо вооружённые крепости. В случае нападения на них, на помощь осаждённым тут же ринутся горцы, состоящие в давнем союзе с Беренгарами. К тому же даже просто дойти до замков без потерь будет сложно, потому что придётся идти по землям других северных баронов, многие из которых вообще не служат, а только занимаются своими клочками земли, потому не признают власть Сен-Марко и никого не пускают в свои границы. Идти придётся с боями. Эта кампания оттянет слишком много ресурсов и сил перед войной, а выигрыш в виде наказания Беренгара, будет ничтожным, потому что удержать его крепости во враждебном окружении будет не легче, чем захватить их.

— Ладно, ладно, — отмахнулся король. — Я вас понял. И что вы предлагаете? Простить их?

— Прежде всего, сделать вид, что ничего не произошло. Бароны должны быть уверены, что на их права никто не посягает, и их служба ценна для Сен-Марко, и, как прежде, будет хорошо оплачена. Я не призываю вас простить и забыть обо всём этом, я прошу вас лишь отложить наказание до того времени, как Беренгар и остальные окажутся в ваших руках, ваше величество. Тогда можно будет поискать в их действиях доказательства измены.

— До того времени Беренгар успеет выболтать все наши секреты! — возмущённо

воскликнул Монтре.

— Мы не старые псы, виконт, и вполне можем не только научиться новым трюкам, но и придумать их, — ответил барон. — Мы можем просчитать, чего от нас ждёт Беренгар, и сделать всё иначе. Изменить тактику, запутать его, заманить в ловушку. Он думает, что знает своего противника, потому что служил Сен-Марко. Но он служил королю Арману, а не королю Ричарду. Нам незачем копировать прежнюю стратегию, и мы вполне сможем удивить и нашего беглого маршала, и старого альдора, привыкшего к старым трюкам.

Король с любопытством смотрел на него.

— У вас на всё есть ответ, барон, — наконец усмехнулся он. — Что скажете, де Сансер?

— В этом есть смысл, ваше величество. Если мы что-то не можем изменить, то можем этим воспользоваться. Как знать, может это и хорошо, что войско противника возглавит известный нам Беренгар, а не молодой энфер, о способностях которого мы ничего не знаем. Это вносит некоторую предсказуемость в тактику противника.

Ричард кивнул и снова посмотрел на огонь в камине. Между его бровями залегла упрямая складка. Он задумался, а в гостиной снова нависла тревожная тишина. Все ждали его слов, но он всё так же раздумывал, словно забыв о присутствующих. Наконец, он пошевелился и окинул комнату мрачным взглядом.

— Я должен подумать над этой новостью. Прошу вас оставить меня, господа. Граф, — он взглянул на Раймунда, — вы задержитесь.

Принц и военачальники молча вышли, а король сурово взглянул на Монтре. Тот изобразил минутное смущение и вышел вслед за ними. Ричард небрежным движением указал графу на освободившееся кресло у стола и тот сел.

— Скажу вам прямо, — заговорил король, — как бы завлекательно не звучала в устах нашего молодого друга идея о том, что лучше иметь в противниках знакомого полководца, я не склонен недооценивать опасность происходящего. Делвин-Элидир очень умён, но он молод, и не слишком хорошо знает Беренгара. Тот был маршалом при Армане, он составлял планы сражений, руководил ими, опытной рукой бросая в бой отряды, одним из которых командовал этот мальчик. Тогда он был мальчиком, он был отважен и хитёр, но понятия не имел, что происходит в штабе. А я видел это. И вы видели, граф. Беренгар обладает не только умом и военным талантом, он чрезвычайно быстро реагирует на изменение ситуации. Я не уверен, что де Сансер сможет его переиграть.

— Не сможет, — спокойно кивнул граф. — К тому же не стоит недооценивать альдора и его старшего сына. Беренгар будет действовать вместе с ними. Они будут составлять планы кампании, советуясь друг с другом. Альдор — опытный военачальник, а энфер получил прекрасное военное образование, он уже проявил себя во многих сферах управления государством, которые без колебаний доверяет ему отец. Это он ведёт подготовку к войне, и я уверен, именно по его приказу велись тайные переговоры с Беренгаром и его друзьями.

— Значит, вы согласны, что Беренгар опасен?

— Да, тем более что, узнав о его выборе, многие из колеблющихся баронов могут пойти за ним.

— Как мы можем его устранить? — прямо спросил король.

— То есть, убить? Не могу сказать сейчас. Дело в том, что альдор не просто принял его во дворце, он отвёл ему покои в своём замке. Проникнуть туда и убить контаррена будет очень нелегко. А если к тому же вскрыется, что это наша инициатива, альдор объявит на весь

мир, что мы нарушили перемирие. Последствия будут непредсказуемы.

— Да, этого допустить нельзя, как и того, чтоб именно Беренгар возглавил войско Синего Грифона. Вот что, граф, идите и подумайте, как нам незаметно подобраться к Беренгару, причём так, чтоб никто не подумал, что это наших рук дело. Может, у него есть враги, ненавистники, родственники, мечтающие о наследстве.

— Я подумаю, — без особого энтузиазма произнёс граф, поднимаясь.

— Да, и будьте любезны, скажите слугам, пусть позовут ко мне Филбертуса.

Граф вышел, а король снова посмотрел в огонь. Роло печально вздохнул, не снимая головы с сапога Ричарда.

— Что б вы сделали, Джинхэй, если б были на моём месте? — не оборачиваясь, спросил король.

— Именно то, что вы решили, ваше величество, — раздался из полумрака спокойный голос.

— А что я решил?

— Поручить убийство маршала колдуну.

Ричард усмехнулся.

— Вы становитесь опасны, мой милый. Потому что читаете мои мысли.

Через какое-то время Филбертус, пройдя мимо стоящих на страже рыцарей личной охраны короля, подошёл к двери камеры в Чёрной башне, и, сняв запирающее заклятие, вставил в замочную скважину ключ. Войдя, он на минуту задержался на пороге, чтоб глаза привыкли к полумраку. Даже по сравнению с коридором, освещённым факелами, здесь было темно. Большая комната освещалась лишь маленькой свечой, стоявшей на столе. Он осмотрелся и увидел леди Ровену, которая сжалась на кровати, закутавшись в шаль. Здесь, действительно, было довольно холодно, от стен тянуло сыростью, а отсутствие окон делало атмосферу душной и гнетущей. От безмятежности и спокойствия узицы не осталось и следа. Она осунулась, побледнела, вокруг глаз появились тёмные круги. Вид у неё был загнанный и несчастный. Она пугливо взглянула на гостя и, вцепившись в плечи скрещенными руками, стиснула пальцы.

— Миледи, вы знаете, кто такой маркиз Беренгар? — спросил Филбертус, присаживаясь к столу на маленькую скамеечку.

— Конечно, — ответила она с некоторым недоумением. — Он владеет медными рудниками и пастбищами в северных горах. Его предки, хоть и происходили из южных баронов, давно поселились у нас, и всегда брали жён из местных племён, потому у него с ними союз. Он, в отличие от нас, не страдает от бесконечных набегов и грабежей. Говорят, подвалы всех трёх его крепостей набиты золотом. Беренгары могут отправлять сыновей в свободные города для обучения, а сами исправно служат Сен-Марко, получая милости короля. Его прадед был графом, а отец получил титул маркиза. Они вечно корчат из себя высшую знать, считая нас дикарями и мужланами, и никто не решается связываться с ними.

Филбертус удовлетворённо кивнул, слыша в её голосе обиду и неприязнь. Ему неважно было, что стоит за этим: зависть или ещё что-то.

— Вижу, вы не слишком любите это семейство. Тем лучше. Маркиз Беренгар перешёл на сторону луара, и тем самым вызвал недовольство его величества. Однако сейчас он находится под защитой альдора, живёт в его замке и добраться до него обычными средствами нелегко. Но в этом есть и положительный момент. У вашего друга Ротамона

появляется возможность доказать нам своё расположение надлежащим образом. Если он убьёт Беренгара, да ещё так, что на Сен-Марко не упадёт тень подозрения, а все, кто переметнулся на сторону Грифона, увидят его ужасный конец, король продолжит переговоры об альянсе.

Она испуганно смотрела на него.

— И что вы хотите от меня?

— Вызовите своего покровителя и передайте ему пожелание короля, — Филбертус выложил на стол мешочек с кипарисовыми угольками. — Потом расскажете мне о том, что он скажет.

— Я не стану вызывать его! — замотала головой она. — Здесь? Здесь слишком мало места! Он сожжёт меня!

— Может, и нет, — улыбнулся маг, вставая. — Зачем ему разрывать единственную ниточку, что ведёт его к вожделенному союзу с нашим королём. Ах, да! Я забыл сказать, что если вы откажетесь, то вас обвинят в колдовстве и уж точно сожгут. На костре, заживо. Это будет более мучительно и долго, чем смерть от магии вашего покровителя. Я уж не говорю о пытках во время следствия. Оно тоже может длиться довольно продолжительное время.

Не дожидаясь её ответа, он вышел, запер дверь и, снова наложив необходимые заклятия, удалился.

— В самом деле? — спросил Раймунд, взглянув на Филбертуса. — Уверяю вас, для этого не нужен колдун! Достаточно подкупить повара, чтоб он подсыпал Беренгару яд в похлёбку!

— Это будет не так впечатляюще, — невозмутимо произнёс маг и посмотрел на короля.

Разговор происходил на следующий день, когда тёмное время только перевалило за половину. Сразу после третьей стражи маг навестил пленницу Чёрной башни и нашёл её забившейся в угол за кроватью. Вид у неё был почти безумный, и ему с трудом удалось добиться от неё ответов, но они его удовлетворили.

— Если он умрёт от яда, все сразу подумают на нас, — добавил король. — Но если он сгорит заживо на глазах у подданных альдора, никому и в голову не придёт обвинять в этом Сен-Марко. Особенно если до них дойдут слухи о том, что и у нас недавно были такие же смерти. Так вы можете это сделать?

— Да, — нехотя кивнул граф. — Мы можем доставить монету в луар. Но как всучить её Беренгару? Да ещё так, чтоб он не передал её никому, и имел при себе как раз в нужный нам день.

— Заставить его оставить монету у себя не так сложно, — заметил Филбертус. — Можно спрятать её в каком-нибудь украшении. Насколько я помню, он любит обвешиваться разными цепями и пряжками. К тому же в луаре мода на разные бряцающие украшения. Они их даже на сапоги нашивают.

— Вряд ли он ходит в одних и тех же сапогах каждый день, — с сомнением проговорил Раймунд.

— Вы правы, нужно что-то другое, что-то, что он мог бы надеть на одежду. Вот только как заставить его надеть это в нужный нам день?

— Что ж, — улыбнулся король, — это я смогу устроить. А пока, Филбертус, отправляйся к казначею, пусть он выберет какое-нибудь украшение, что-нибудь brutальное, что-то, что порадует нашего старого маршала. А вы, граф, подберите надёжного гонца,

который отвезёт подарок в луар вместе с инструкциями. Вам известно, когда в луаре состоится ближайшее торжество, которое наш царственный брат альдор ознаменует пиром и обязательно пригласит на него Беренгара?

— Это несложно, ваше величество. Скоро день рождения альдорены. Она не любит охоту из-за своей тучности, равнодушна к турнирам, зато обожает пышные пиры с обилием различных блюд и дорогих вин. Мы вполне успеем к тому времени доставить означенный предмет в луар.

— Ступайте, мне нужно обдумать, как всё устроить. А вечером приходите ко мне. Я скажу, что делать.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился граф и, метнув на Филбертуса мрачный взгляд, вышел.

Небо уже начало наливаться радующей глаз сапфировой синевой, когда из дверей небольшого городского замка выскользнул молодой человек в лёгкой кольчуге. Накинув на голову капюшон плаща, он быстро миновал длинную мрачную улицу, освещённую фонарями на кованых кронштейнах, и свернул на Королевскую улицу. За ним, так же закутавшись в плащ, шёл вооружённый до зубов оруженосец — необходимая предосторожность для прогулки по ночному Сен-Марко, даже не смотря на комендантский час.

Впрочем, на широкой улице было неопасно. По ней то и дело проходили патрули городской стражи. Молодому человеку дважды пришлось приподнять капюшон, чтоб сержанты могли разглядеть его лицо и, почтительно поклонившись, следовать дальше своим маршрутом. Анри Раймунд был в хорошем настроении. Он отказался от дружеской пирушки в обществе принца и ближайших друзей ради свидания с прекрасной Аламейрой. Её муж уехал по делам, и упустить такую возможность он не пожелал. Свидание прошло на редкость удачно, и он был слегка пьян не столько от вина, сколько от страсти.

Пройдя по ухоженной улочке неподалёку от Королевской площади, он вскоре оказался возле высоких ворот своего дома, но, вместо того, чтоб дубасить в них, поднимая на ноги слуг, свернул налево и остановился перед маленькой калиткой в ожидании, когда оруженосец достанет ключи и откроет замок.

В особняке Раймундов было тихо, огни погашены на ночь. Взбежав по узкой лестнице, предназначенной для прислуги, на второй этаж, Анри по коридору направился в свои комнаты. Оруженосец демонстративно зевнул и поднялся выше, где на чердаке у него была собственная каморка с окошком, выходящим на крышу, и встроенной в стену трубой от кухонного очага, что делало её достаточно светлой и тёплой.

Проходя по верхней галерее, Анри заметил внизу свет и, посмотрев вниз, увидел, что главный зал скупо освещён несколькими свечами, зажжёнными в массивном канделябре, стоящем на столе. Возле стола в кресле сидел отец и задумчиво смотрел прямо перед собой. Анри уже хотел пройти к себе, но что-то заставило его задержаться. Он заметил, что отец зябко ёжится под меховой накидкой, и его опущенные плечи и голова свидетельствуют о том, что он сильно чем-то удручён. Это было странно, потому что граф Раймунд был слишком сильным и гордым человеком, чтоб позволять себе проявлять свои чувства, даже наедине с собой.

Анри был встревожен, он собирался спуститься в зал, чтоб узнать, не случилось ли что-нибудь плохое, когда услышал внизу шаги. Конечно, это был Ортант, верный Ортант, которого называли племянником графа, а некоторые даже считали его бастардом. Но это

была чушь. Анри знал, что Ортант — алкорец, а, следовательно, не мог находиться в кровном родстве ни с его отцом, ни с матерью. И всё же этот светловолосый мальчик вырос в их семье, и с раннего детства демонстрировал куда больше послушания и любви к графу, чем своенравный и иногда высокомерный родной сын. Впрочем, Анри всегда любил этого кроткого малыша и относился к нему, как к брату, потому, когда вырос, он спокойно отнёсся к тому, что Ортант стал правой рукой отца, предоставив ему, Анри, возможность вести жизнь рыцаря и придворного.

— Я принёс, дядя, — проговорил Ортант, подойдя к столу.

Он поставил перед графом небольшую шкатулку и открыл её. На красном бархате блеснула золотом какая-то безделушка.

— Дракон, — тихо проговорил отец, и Анри пришлось напрячь слух, чтоб разобрать это слово. — Последний дар старому другу. Смертельный дар.

— Я знаю, что вам нелегко, — заговорил Ортант, но граф поднял руку.

— Ты думаешь, что знаешь, мой мальчик, но ты будешь знать, когда приобретёшь такого друга, каким был для меня Беренгар. Мы с юных лет воевали вместе, прикрывали друг друга спину в бою, защищали друг друга в стычках и потасовках, делились радостями и печалью. Сколько дней и ночей мы провели вместе, уже и не вспомнить. А теперь я должен отправить ему этого дракона, который его убьёт.

Ортант стоял потупившись. Он всегда был очень чувствителен, хоть и умел скрывать это. Да и у Анри от последних слов отца по спине пробежали мурашки. Он с детства знал и любил Беренгара. И теперь...

— Купец здесь?

— Да.

— Пусть войдёт, и покончим с этим.

Граф откинулся на спинку кресла и придал лицу обычное надменное выражение.

Ортант на минуту вышел и снова вернулся в сопровождении невысокого упитанного мужчины в богатом наряде. Тот церемонно поклонился и выжидающе взглянул на главу тайной полиции.

— Я принимаю вас в своём доме, мэтр Брево, а не во дворце, руководствуясь исключительной секретностью вашей миссии, — произнёс Раймунд. — Как мне известно, вскоре вы отправляетесь в луар?

— Совершенно верно, ваше сиятельство, — кивнул купец. — Я уезжаю рано утром с грузом кружев и украшений для своей лавки.

— Вот вам ещё одно украшение, — граф с такой силой толкнул к нему шкатулку, что, не поторопясь купец подхватить её, она бы вылетела с гладкой столешницы и обрушилась на пол.

Открыв шкатулку, Брево посмотрел на её содержимое.

— Прекрасная золотая фибула в виде дракона, — одобритительно кивнул он. — Работа тонкая, но сама вещь массивна и может украсить не только камзол, но и походный плащ рыцаря. Драгоценность явно мужская. Что я должен с ней сделать?

— Вы как-то говорили, что вашу лавку часто посещает Дама Полуночи.

— Ну, не так часто. Однако она откуда-то всегда знает, что поступил новый товар, и приходит сама, чтоб выбрать кружева и драгоценности. Иногда она даже покупает подарки для альдора и членов его семьи.

— Вот и отлично. Передайте эту брошь ей. Она должна преподнести её в качестве подарка маркизу Беренгару в день рождения альдорены, и настоять, чтоб он сразу же надел её. В момент первого гонга брошь должна быть на его камзоле.

— И? — купец внимательно смотрел на графа.

— И всё. Больше ни от нее, ни от вас ничего не требуется. Довольно невинное поручение, правда? И несложное. Но вы обязаны выполнить его в точности. Даме Полуночи передайте, что её помнят и ждут встречи.

— Кто?

— Она знает. Но дайте ей понять, что если она не выполнит эту маленькую просьбу, то её преданного друга постигнет жестокое разочарование. Настолько жестокое, что он предпочтёт забыть о ней, как бы тяжело это ни было. Вы меня поняли?

— Да, ваше сиятельство.

— Учítывая, что вы отправляетесь в дальнюю дорогу по делам королевства, мы считаем возможным возместить ваши расходы.

Граф кивнул Ортанту и тот протянул Брево увесистый кошелёк.

— Я с радостью исполнил бы это поручение просто так, по пути, из чувства преданности королю и лично вам, — пробормотал купец, кланяясь, — но коль вы так щедры...

Он взял кошелёк и сунул его в карман. Туда же отправилась и шкатулка. Ортант удалился, чтоб проводить ночного гостя. Анри, который стал свидетелем столь странной встречи, решил поговорить с отцом. Он был возмущён и расстроен, и потому направился к лестнице, но когда вошёл в зал, графа там уже не было.

— Что-то случилось? — услышал он позади мягкий голос Ортанта.

— Мне нужно поговорить с моим отцом, — отчеканил он, направившись к выходу, но Ортант заступил ему дорогу.

— О чём, кузен?

— Ты знаешь о чём! Неужели вы действительно замыслили убить Беренгара? Того самого, который держал тебя на коленях, рассказывая легенды о горных духах, который подарил нам с тобой наши первые настоящие мечи, который...

— Я прошу тебя, Анри, — Ортант положил руки ему на плечи, — я умоляю тебя ничего не говорить сейчас отцу. Да, я тоже потрясён этим, и он потрясён не меньше, поверь мне. Но Беренгар перешёл на сторону луара...

— Он вправе это сделать, особенно после того, как его изгнали отсюда, забыв о его заслугах!

— Потихе, — прошептал Ортант, оглядевшись. — Да, это право Беренгара, но король счёл его решение опасным для королевства и отдал приказ. Нашему отцу приходится выбирать между преданностью другу и преданностью королю. Это нелегко, даже тяжело. Он всё чувствует и понимает, но он должен подчиниться королевскому приказу. Иначе мы можем потерять всё, ты и я тоже.

— И это стоит чести?

— Предать друга или предать короля — это тяжкий выбор, Анри. Так и так становишься предателем, но кроме дружбы есть долг. Отец выбрал верность клятве, которую принёс королю.

— Конечно, наверняка Беренгар никогда не требовал от него никаких клятв! — с горечью проговорил Анри. — Надеюсь, ты никогда не поступишь так со мной, — и,

развернувшись, вышел из зала.

Он поднялся на чердак и распахнул дверь каморки своего оруженосца. Сразив сонного парня наповал заявлением, что отправляется во дворец на пир к принцу, он ушёл, предоставив тому догонять его, натягивая на ходу штаны и куртку, набросив перевязь с мечом и кинжалом на шею, а в зубах держа кожаные ножны с метательным ножом, которые тот носил в рукаве.

Во дворец их пропустили беспрепятственно, и Анри, немного остывший на ходу, сжалился над оруженосцем и отпустил его спать в помещения для слуг. Он прошёл по пустынным полутёмным в этот поздний час залам и оказался в покоях принца. Здесь тоже было тихо. Хоть он и надеялся немного развеять тревогу в компании весёлых собутыльников, было ясно, что никто не засидится так поздно во вторую тёмную ночь.

Впрочем, из гостиной, предвещающей спальню принца, доносились тихие голоса, а из-под двери пробивался слабый рыжеватый свет. Анри постучал и, услышав голос принца, вошёл. За большим столом, накрытым для застолья, сидели Жоан, барон Делвин-Элидир и Бертран Нуаре.

— Остальные уже разошлись по спальням, — улыбнулся Жоан. — А вы припозднились, друг мой.

— Простите, ваше высочество, — произнёс Анри, нерешительно остановившись у стола. — Я был занят, а потом... Мне просто не хотелось оставаться в одиночестве, я вспомнил о вашем приглашении, и совершенно забыл какой сейчас час.

— Что-то случилось? — Нуаре внимательно взглянул на него.

Бертран нередко демонстрировал проницательность и к тому же был внимателен к друзьям. Вот и сейчас он смотрел на приятеля своими пронзительными чёрными глазами, из-за которых и получил своё прозвище, Впрочем, как и за локоны цвета воронова крыла, сводившие с ума многих дам.

— Садитесь, Анри, — принц подтолкнул ему свободный стул. — У нас ещё осталось вино и закуски. Если хотите, слуги принесут ещё.

— Нет, — Анри сел и налил вина в ближайший кубок, даже не спросив, чей он. Однако пить он не стал, а просто взглянул на барона, который с интересом посматривал на него. — Позвольте мне спросить вас, ваша светлость, как эксперта по части дружбы. Если бы вам пришлось выбирать между долгом перед другом и долгом перед королём, чтоб вы выбрали?

— Странно, что вы считаете меня экспертом в этом деле, — заметил барон. — У меня есть несколько старых друзей, и я дорожу их дружбой, но вряд ли могу поучать других, как следует дружить. Что ж до вашего вопроса, то он звучит неконкретно. Ситуации могут быть разными, и в каждом случае придётся решать эту тяжкую дилемму, исходя из сложившихся обстоятельств.

— Допустим ваш друг, пользуясь своим законным правом, перешёл на сторону врага.

— Вы о Беренгаре? — уточнил Жоан. — Мы только что говорили об этом. Он, действительно, поступил в своём праве, но при этом подвергает опасности всех нас. Так что...

— И он заслуживает смерти? — воскликнул Анри.

— О чём ты? — нахмурился Бертран.

— Это секретно, — почти простонал Анри и схватился за кубок. — Но я не могу представить себе, как отец мог сделать такое! Я всегда восхищался их дружбой! Мне все и всегда ставили её в пример, и я так мечтал сам найти такого друга, а теперь так просто

отправить в луар отравленную брошь или что там у них!..

Он сделал несколько лихорадочных глотков. Нуаре, посмотрел на Жоана и, придвинувшись ближе к Анри, обнял его за плечи.

— Как ты узнал об этом? Ты сказал, что это секретно.

— Случайно. Ортант, видимо, решил, что я подслушивал, но я услышал начало и уже не мог не слушать дальше. Это верно, отец очень расстроен, и я не столько возмущён, сколько встревожен за него. Как он будет жить с этим? Я б не смог.

— А, может, нам отправить гонца, чтоб предупредить маршала? — спросил Нуаре.

— Забудьте об этом, — хмуро взглянул на него Делвин-Элидир, — не забывайте, что это дело короля. Если вы будете противодействовать ему, то совершите измену. За это не только вы лишитесь головы, но и ваши друзья и родичи пострадают в полной мере.

— Не волнуйтесь, ваша светлость, — устало произнёс Анри, взглянув в окно, где теплилась светлая полоска, предвещающая утро. — Купец уже выезжает и увозит с собой золотую фибулу в виде дракона. В день рождения альдорены её передадут Беренгару и... я понятия не имею, что будет дальше, но что-то очень плохое. Как мы можем помешать этому? Никого из наших гонцов так просто не пустят во дворец, где обретается наш старый маршал.

— А купца пустят? — прищурился Жоан.

— У них всё продумано. Брошь преподнесёт ему не кто-нибудь, а Дама Полуночи. Можете себе представить? Любовница альдора на службе у нашего короля. Отцу есть чем гордиться.

— Вы устали, мой друг, — мягко проговорил барон. — Вы потрясены. Вам нужно отдохнуть.

— И мне тоже, — проговорил принц. — У меня голова идёт кругом от всего этого. Одно скажу вам, мой бедный благородный Анри, как бы ни тяжело нам было принять эту правду, мы не можем предать доверие короля.

— К тому ж он ваш отец, — грустно кивнул тот.

— Я буду благодарен вам за правильное решение. Ваш отец уже принял своё, как тяжело ему ни было. Дружба — великий дар, но когда на кону стоит благополучие народа, приходится приносить жертвы.

— Если речь идёт о благополучии народа.

— Ты много выпил, Анри, — шепнул ему на ухо Бертран. — Наверняка это не первый твой кубок за эту ночь. Пойдём-ка спать. Надеюсь, его высочество и господин барон не станут придавать значения пьяной болтовне.

— Конечно, — кивнул принц.

Выходя из покоев принца, барон Делвин-Элидир на минуту задержался у двери, где стоял на посту Игнат Москаленко.

— Когда вы сменяетесь, кавалер? — спросил он небрежным тоном.

— На рассвете, ваша светлость, — ответил тот.

— Будьте любезны, передайте вашему капитану, что я жду его с визитом, как только он сможет меня посетить.

— Я передам, господин барон, — заверил его Игнат.

Уже совсем рассвело, когда Карнач постучал в ворота дома на небольшой уютной площади. Открывший ему слуга тут же проводил его в нижнюю гостиную и, предложив холодного эля, удалился. Не успел капитан наполнить кубок, как в гостиную вошёл хозяин

дома, а следом — Хок. Оба были озабочены.

— Я просил вашего внимания, господа, — после приветствия произнёс барон, — чтоб рассказать о том, что, скорее всего, этой ночью колдун сделал свой ход, приняв заказ на устранение маршала Беренгара, перешедшего под знамёна луара Синего Грифона.

— Да, верно, — невозмутимо кивнул Карнач, снова демонстрируя свою невероятную осведомлённость. — Король обеспокоен тем, что его старый военачальник перешёл к врагу, и велел колдуну устранить его теми же методами, что и тех несчастных слуг. Ротамон предложил воспользоваться тем же способом: навести чары на монету, которую следует передать маршалу. Для осуществления этой цели решили вставить монету в украшение, которое должно быть на Беренгаре в момент первого гонга в день рождения альдорены.

— Вы почти всё знаете, — уже не удивляясь, кивнул барон.

— Мы не знаем, что это за украшение, как оно попадёт к маршалу и как нам это предотвратить.

— Украшение — золотая брошь-пряжка для плаща в виде дракона. Сегодня на рассвете купец по имени Брево выехал в луар. Там у него лавка, которую посещает Дама Полуночи. Он передаст брошь ей, а она подарит её маршалу на пиру и настаит на том, чтоб он сразу надел её подарок. А как предотвратить? Я могу направить в луар гонца, который всё расскажет маршалу.

— А если об этом узнают? — спросил Хок. — У вас есть достаточно надёжный слуга, которого Беренгар выслушает с доверием, и которого потом не свяжут с вами?

— Я могу написать письмо.

— Ещё больший риск, — возразил Карнач. — Если письмо перехватят или о нём узнают шпионы Сен-Марко, вы попадёте в застенки тайной полиции, а потом — напрямик на плаху. Нет, это не вариант.

— А что вариант? — с внезапной горечью спросил барон. — Вы всей душой желаете помешать колдуну, но у меня есть свои мотивы. Я готов рискнуть.

— Ради того, чтоб помешать королю?

— Ради того, чтоб спасти своего учителя и друга. Беренгар дорог мне, как отец. Он многому научил меня, я всегда им восхищался. Он всегда был добр ко мне, что для юноши, рано потерявшего отца, очень важно. И это он рассказал мне, как отбирать талантливых мальчиков среди селян и готовить из них воинов, которые со временем могут даже стать рыцарями. Благодаря его урокам, у меня сейчас один из самых сильных и подготовленных к войне отрядов.

— Понимаю, — кивнул Хок, — но я думаю, что у нас есть другой способ предупредить вашего учителя. Вы понимаете, о ком я?

— О том, чей храм есть в луаре? — прищурился барон.

— Именно. Он там свой, и для того, чтоб добраться до луара, ему не нужен конь. Тот путь, что другие проделывают за несколько дней, он преодолевает в мгновение ока. Вы позволите?

Барон напряжённо смотрел на него.

— Мне обязательно в этом участвовать?

— Нет. Мы всё сделаем сами. Прямо здесь, без сложных ритуалов и громких эффектов. Только позаботьтесь, чтоб никто сюда не вошёл, когда мы будем беседовать с ним. Надеюсь, теперь вы доверите это нам?

— Всё, что угодно, — кивнул барон, направляясь к двери. — Я запроу вас на ключ, а у

дверей поставлю своего оруженосца. Он не любопытен и не болтлив. Когда закончите, просто постучите в дверь.

— Отлично, — кивнул Карнач и, наконец, налив себе эля, сел в кресло у камина.

Вскоре в замке тяжёлой дубовой двери проскрежетал ключ, и стало тихо. Хок вышел на середину комнаты и, подняв голову к потолку, позвал Кратегуса. Ответа не было, но Карнач, наблюдавший за ним, ткнул пальцем куда-то ему за спину, и, обернувшись, Хок увидел Джулиана, с интересом изучавшего гобелен на стене.

— Почему ты всегда появляешься у меня сзади? — проворчал он.

— А что, я должен свалиться на тебя с потолка? — уточнил тот. — Ты всегда, вызывая меня, смотришь вверх.

— Квиты, — пробормотал Хок и жестом указал другу на кресло напротив Карнача.

Они подробно рассказали ему то, что узнали от барона и Джинхэя.

— Ты можешь предупредить маршала Беренгара о готовящемся покушении? — спросил его Хок, когда они закончили.

— Выйдя из шкафа или явившись во сне? — уточнил Джулиан. — Согласитесь, всё это звучит странно, и ваш суровый вояка вряд ли поверит странному незнакомцу, сильно смахивающему на статую демона в тёмном храме. Я, конечно, могу подкинуть подмётное письмо, где будет изложена вся суть интриги...

— Нет, — возразил Карнач. — Конечно Изабо ещё та зараза, но мне бы не хотелось быть причиной её казни за измену.

— Значит, нам нужен некий прямой и доступный для среднего ума намёк, который позволит им самостоятельно раскрыть интригу. А это уже сложнее.

— То есть вы не знаете, как это сделать? — нахмурился Карнач.

— То есть мне нужна дополнительная информация, чтоб я мог сделать всё так, чтоб это поняли и в это поверили. Кто у них там из окружения маршала Беренгара самый смыслённый?

Карнач поднял руки, давая понять, что не в курсе внутренней жизни двора альдора.

— Думаю, что самый умный и прогрессивный там Ликар, сын альдора, — ответил Хок. — Я уверен, что охраной нового военачальника занимается глава секретной службы Деллан, а то, что Беренгару предоставили комнаты во дворце, говорит о том, что альдор озабочен его безопасностью. Деллан напрямую подчиняется энферу Ликару.

— Хорошо. А кто донесёт наше послание до энфера? У них там есть маги?

— Да, много, но самые главные Дуэйт и Баррадо. Дуэйт входит в партию энфера и, кажется, дружен с ним.

— Это хорошо. Теперь зовите вашего барона. Мне нужны сведения о маршале. Я должен составить послание так, чтоб оно было иносказательно, но понятно посвящённым.

— Учти, он тебя боится, — заметил Хок, направляясь к двери.

— Странно, — рассеянно пробормотал Джулиан. — А мне казалось, я так очарователен, что все должны меня любить.

Первый светлый день в замке альдора Синего Грифона был наполнен суетой. Слуги сбивались с ног, готовя грандиозный пир по случаю дня рождения альдорены. Несмотря на то, что теперь сердце альдора было отдано Даме Полночи, он даже не думал забывать свою дорогую супругу и мать его многочисленных детей. И потому, повседневно проявляя к ней всемерное почтение и трогательную заботу, старался радовать её подарками и праздниками. С каждым годом её день рождения отмечался в луаре всё более пышно. Весь город радовался грядущему торжеству, тем более что народ любил свою альдорену. В сердцах многих она оставалась всё той же высокой стройной красавицей, что прошла когда-то через семь ворот под руку с молодым красавцем-альдором. И пусть её стройная фигура заплывла жирком, а вокруг прекрасных глаз собрались морщинки, её забота о горожанах, о нуждающихся, о вдовах, сиротах и одиноких стариках была всё такой же искренней и щедрой. Её годы лишь возвысили её в глазах подданных, тем более что на всех торжественных процессиях следом за ней всегда шествовал прекрасный выводок юных сыновей и дочерей, столь же красивых и благородных, что и их почтенные родители.

Потому в этот день по коридорам и галереям дворца сновали слуги, наводя порядок в замке, вытряхивая пыль из перин и ковров, подметая каждый уголок, застилая постели для гостей свежим бельём. Садовники высаживали в маленьких садиках, украшавших внутренние дворы, прекрасные цветы. Вышивальщицы тщательно осматривали огромные гобелены и точными стежками подновляли их. Многие статуи из залов и галерей снова отправились в мастерские, чтоб вернуть на место отбитые складки одежд, пальцы и носы, а так же покрыть изваяния свежими яркими красками и сияющим лаком. Рядом уже создавались новые удивительные образы, среди которых были прекрасные девы с чашами, наполненными фруктами, рыцари в настоящих, украшенных филигранью, доспехах и необыкновенные звери, ранее изображавшиеся только на иллюстрациях старинных книг. Инженеры и алхимики трудились в своих лабораториях над причудливыми механизмами и порошками для огненных шутих и фейерверков. Портные шили наряды для знати и слуг, а заодно и для тех самых статуй, которые должны были украсить собой пиршественный зал. Цветы в замок везли длинные обозы из нарядных благоухающих телег. Следом волы тащили возы, нагруженные свежими овощами и фруктами, а также уже закопченными на вишнёвом и яблонево дымку тушами косуль, кабанов и фазанов. В кухне кипела работа, там готовили обильную трапезу на несколько сотен гостей, ожидаемых в замке.

В ювелирном ряду за стеной замка стучали молоточки мастеров и подмастерий, там толпились богатые горожане, уже получившие приглашения на пир, чтоб украсить свои новые великолепные наряды столь же новыми, но ещё более великолепными украшениями. А в самой большой лавке главного придворного ювелира старый мастер склонился над столом, вставляя сверкающие синевой сапфиры в искристую диадему, которой суждено было стать подарком виновнице торжества от заботливого супруга.

Радостное возбуждение и суета немного раздражали альдора, но он только посмеивался, когда нагруженные стопками простыней или тарелок слуги, не замечая его, едва не натыкались на своего повелителя. Он уступал им дорогу, вовремя отскочив к стене, и снисходительно похлопывал по плечу испуганного слугу, наставляя его и впредь заниматься своими делами со старанием. Альдор понимал, что именно по его воле в замке запущена

работа этого сложного и слаженного механизма, имеющего целью порадовать его дорогую супругу. Но механизм работал сам по себе под присмотром старших слуг, а потому он мог спокойно заниматься своими делами. Его делом была грядущая война с Сен-Марко, и потому эта радостная суэта казалась ему приятным поводом ненадолго отвлечься от тревог и забот.

В тот день он собрал у себя в покоях военачальников, которые уже были осведомлены о том, что главнокомандующим назначен контаррен маркиз Беренгар. Многие знали его по предыдущей военной кампании, и понимали, что поражение луара было, в том числе, и его заслугой, однако им было ясно, что его присутствие теперь в их лагере даёт им больше шансов на победу. Несколько дней они готовились к этой встрече, чтоб сообщить альдору и Беренгару о том, какие силы они могут поставить под знамёна Синего Грифона.

И всё же на какое-то время они забыли о своих докладах, столпившись в зале вокруг совершенно необычайной вещи — большого и до мелочей подробного макета луара и прилегающей местности. С восторгом они обсуждали точность воспроизведения всех стен, инженерных и фортификационных сооружений и даже рельефа местности, вплоть до впадин, заполненных дождевой водой, до колючего кустарника, полосами пересекавшего пастбища.

Рядом с макетом стоял высокий красивый мужчина с рыжими волосами и синими глазами. Он был одет в бархатный чёрный камзол весьма скромного покроя, однако его плечо было закрыто изящным наплечником, а на металлическом поясе висели ножны боевого меча. Саймон де Толли, инженер крепостных стен праздновал свой маленький личный триумф, с удовольствием выслушивая похвалы и отвечая на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон. А опытные военные с восхищением осматривали макет, поражаясь, насколько проще им теперь будет обсуждать планы обороны луара в случае нападения короля Ричарда.

Вскоре появился и альдор со своим новым главнокомандующим. Недавние противники, теперь они выглядели старыми друзьями. Маршал был всего лишь на несколько лет моложе, и его голова была так же седа, а широкие плечи слегка опустились под гнётом прожитых лет. Он был в лёгких парадных доспехах, предназначенных больше для демонстрации его статуса, чем для реальной защиты от опасности. Подойдя к макету, он окинул его быстрым взглядом и, повернувшись к альдору, с детской непосредственностью воскликнул:

— Какая простая и в то же время гениальная идея — создать такую объёмную карту, на которой видны не только очертания стен, но и их высота, не только особенности рельефа, но и глубина впадин, и высота холмов! С такой картой нам будет куда проще обсуждать наши военные операции!

— Я рад, что вы оценили это необыкновенное новшество, контаррен, — с воодушевлением произнёс альдор. — Позвольте представить вам нашего инженера, Саймона де Толли, который лишь год назад прибыл в луар, но уже многое сделал для обороноспособности крепости. Взгляните, он рассчитал дальность полета ядер обычных осадных катапульти и продумал изменение рельефа, которое не позволит подвести их на критическое расстояние к стенам. Вот здесь, где наиболее вероятны попытки приступа, он предложил углубить и расширить ров, и нарыть двойной вал, что осложнит противнику подход к стенам. Тут, где раньше была только стена, которую могли пробить с помощью осадных машин, мы достроили контрфорсы, а заодно надстроили вот эти ниши, где сейчас размещаются скорострельные катапульти.

— Скорострельные катапульти? — переспросил Беренгар, чрезвычайно

заинтересованный.

— Они выпускают один камень за другим с невероятной скоростью. Камни установлены в ячейки быстро вращающегося колеса и прикреплены верёвками. Когда колесо поднимает камень, специальное лезвие обрезает верёвку и камень вылетает, как из пращи. На перезарядку всего устройства требуется совсем немного времени, а у нас уже пять таких машин! Мы испытали их. Вот как раз тут, видите эти каменные горошины? Эти ядра всё ещё там!

— Хотел бы я увидеть! — воскликнул поражённый контаррен.

— Увы, ваше сиятельство, — развёл руками де Толли. — Их там уже нет. В ходе подготовки к войне я приказал убрать ядра, которыми мог бы при случае воспользоваться враг. Они снова в хранилищах рядом с машинами.

— Но это великое изобретение!

— Не моё, — скромно потупил глаза инженер. — Оно было много веков назад изобретено на нашей планете и уже давно вышло из употребления. Правда, я, в силу своего увлечения прикладной механикой, изучал старые чертежи и даже делал макеты осадных и оборонительных машин, так что мне не составило труда построить их здесь в натуральную величину.

— И какие ещё изобретения ваших предков вы можете воссоздать? Чем можно сражаться с осадными машинами, например, катапультами или с осадными башнями?

— Я тщательно исследовал стены и прилегающий рельеф и с облегчением установил, что применить против луара осадную башню невозможно. Нет ни одного участка, куда она могла бы подойти вплотную к стене. Что касается катапульт, то я думаю, что их можно уничтожать большими стрелами, на которые вместо острия будут прикреплены ёмкости с горючим маслом и фитилём. При ударе о машину горшок лопнет, масло разбрызгается по машине и она загорится.

Контаррен озабоченно посмотрел на макет.

— Но если машины будут размещены вот здесь, здесь и здесь, а именно так бы я и поступил, то, как можно с уверенностью сказать, что стрела попадёт точно в цель на таком расстоянии?

— Это не сложно. Мы как раз сейчас заканчиваем работу над оптическим прицелом, в котором будет использована система линз. К тому же система рычагов на этом огромном арбалете позволит регулировать силу, с какой будет выбрасываться стрела, и её наклон. С помощью специальных карт нам несложно будет определить расстояние до цели, а там достаточно простейших расчётов, чтоб стрела попала в цель. Это называется баллистика.

— Я весьма впечатлён и хотел бы увидеть испытание вашего чудо-арбалета. А нет ли у вас какого-нибудь изобретения, извергающего пламя?

— Конечно! — воскликнул де Толли, — Такие машины использовались у нас со времён Архимеда, а наибольшего искусства в этом достигли древние китайцы. Однако, учитывая их поражающую силу... — внезапно замялся он. — Я думаю, что мне придётся сильно напрячь память, чтоб вспомнить их устройство или изобрести что-то подобное.

Однако военачальники не заметили его смущения, и уже, указывая на макет, принялись обсуждать ход возможной осады и как ей можно противодействовать. Саймон задумался, глядя на своё творение. Он помнил множество вариантов древних огнемётов и мог их воспроизвести. Он мог даже создать в луаре свою артиллерию. Но вправе ли он делать это, учитывая, что всё это только приведёт к ожесточению войны и увеличит количество жертв с

обеих сторон. Одно дело — двойные рвы и контрфорсы, и совсем другое — огнемёты, которыми заживо будут сжигать тех, кто по приказу тирана Ричарда пойдёт на приступ.

— Безусловно, луар отлично защищён, — задумчиво глядя на макет, наконец, произнёс Беренгар. — И всё же осада — это крайность. Она даёт слишком много преимуществ противнику, который может даже при неудачном штурме взять город в кольцо. Длительная осада будет тяжела для обеих сторон, и всё же учитывая, что луар густонаселён, а к населению города ещё добавятся селяне из окрестностей, то даже при ваших богатых запасах через несколько месяцев наступит голод. Нет, я думаю, что мы должны встретить войско Ричарда за стенами. Вот здесь. Причём заранее занять самые выгодные позиции и, может, даже построить защитные сооружения, например, укрытия для лучников. Подготовить колесницы со щитами, огненные колёса, а там, где будем ожидать основного наступления, — волчьи ямы, замаскированные ветками и травой. Но это всё мы обсудим позже с господином инженером. Наверняка и для такого боя у него отыщутся подходящие хитрости.

Он доброжелательно улыбнулся Саймону, тот поспешил учтиво поклониться, и, хотя ему претило изобретать орудия для убийств, в памяти тут же начали всплывать подходящие чертежи. А Альдор тем временем повернулся к группе своих верных баронов, намереваясь заслушать их доклады о количестве рыцарей, лучников и пехотинцев, которых они готовы выставить для боя с врагом.

Именно в этот момент распахнулась дверь, и в зал вошёл энфер, за ним следовал Дуэйт. Оба они были крайне взволнованы и сразу направились к альдору.

— Где ты был, Ликар? — с мягкой укоризной произнёс альдор. — Мы начали без тебя, хотя тема тебе, без сомнения, интересна. К тому же ты, как никто, сведущ в обороноспособности нашей крепости.

— Простите, отец, — энфер почтительно поклонился, — но меня задержало дело чрезвычайной важности. Я прошу вас и лорда контаррена уделить мне немного времени.

— Это так срочно? — нахмурился альдор, чрезвычайно увлечённый обсуждением военных дел.

Он недовольно посмотрел на придворного мага. Молодой человек был встрёпан больше, чем обычно, и его белое лицо казалось ещё бледнее из-за мрачной чёрной мантии и тревожного взгляда. Дуэйт поспешно кивнул и умоляюще посмотрел на Беренгара.

— Я думаю, мы можем ненадолго прерваться, великий, — произнёс тот, обернувшись к альдору. — Пусть пока наши славные бароны и рыцари соберутся с мыслями и ещё раз изучат эту великолепную карту, а потом поделятся с нами своими соображениями о наиболее удачном размещении их отрядов.

Они уже выходили из зала, когда собравшиеся вокруг стола рыцари начали бурно обсуждать поставленный перед ними вопрос.

— Я вижу, вы охотно спрашиваете мнение своих подчинённых, — одобрительно заметил альдор, входя в небольшую гостиную, расположенную рядом с залом.

— Среди моих подчинённых всегда было много весьма толковых молодых людей, отважных и имеющих боевой опыт. Многие были моими учениками, так что я не только с удовольствием принимал их разумные советы, но и на примере тех их решений, что вынужден был отвергнуть, ставил перед ними вопросы, помогающие им двигаться вперёд.

— Я помню этих молодых людей, — кивнул альдор, остановившись у стола. — Некоторые из них были неудержимы в бою. Я помню совсем юного мальчика, который

сломя голову кинулся защищать короля Армана, а потом отобрал захваченное моими кавалеристами знамя. Как его звали?

— Айолин, — улыбнулся Беренгар. — Барон Делвин-Элидир. Один из самых толковых, хитрый и вёрткий, как лисёнок, отважный, как лев, и мудрый, как орёл.

— Постойте, это его отец служил у нас? Как же его звали...

— Айорверт, — подсказал Беренгар. — Я был рад, когда его сын приехал в Сен-Марко в поисках невесты и службы.

— Да, значит, дело в невесте? Жаль, что мы не смогли предложить ему подходящую девицу, — усмехнулся альдор и повернулся к сыну. — Ну, что вы хотели мне сказать? Только быстро. Ты видел, там собрался весь цвет нашей армии, и они ждут нас, чтоб поговорить о войне. Тебя, кстати, они тоже ждут.

— Я не стал бы прерывать военный совет, отец, если б не чрезвычайно важное дело. Я думаю, что лорду контаррену угрожает опасность.

Альдор нахмурился и посмотрел на Дуэйта. Тот снова взволнованно кивнул.

— Это так, ваше величество. Не далее, как этой ночью я занимался ворожбой, чтоб, насколько это возможно, предугадать неприятные события, несущие опасность луару. И вот, когда я, произведя ряд подготовительных ритуалов и произнеся древние заклятья, заглянул в хрустальный шар, он вдруг окрасился в чёрный цвет и в нём возникли огненные знаки. Они пылали и были ясно видны. Настолько ясно, что я смог скопировать их на пергамент до того, как они растворились во тьме. Несколько часов у меня ушло на то, чтоб разгадать их смысл. Я пытался читать их с помощью зеркала и применял различные варианты расшифровки, пока не понял простую вещь: в стеклянном шаре всё отражается в перевёрнутом с ног на голову виде. После этого я перевернул лист, и смог, наконец, уловить некоторую закономерность символов...

— Нельзя ли перейти к сути, уважаемый Дуэйт? — перебил его альдор, теряя терпение.

— Я прочёл предсказание, и оно сложилось в четверостишие, смысл которого меня очень встревожил. Я тут же помчался к благородному энферу и... вот!

Он вытащил из бездонного кармана мантии желтоватый свиток и протянул его альдору. Тот развернул его, но зрение уже не позволяло ему читать убористый почерк мага. Он протянул лист сыну и Ликар громко прочёл:

В день Лебеда Орёл

Беду несёт Грифону:

Падёт Железный волк

От лап златых Дракона.

— И что это значит? — хмуро спросил альдор.

— Орёл — это символ Монморанси, — начал Дуэйт. — Грифон, как вы понимаете — луар...

— Это мне известно. Что за волк и дракон?

— Железный Волк, это, по-видимому, я, — задумчиво произнёс Беренгар. — Волк — геральдический символ нашей семьи, а поскольку в молодости я выходил на поле брани с железным щитом, украшенным литым гербом Беренгаров, в Сен-Марко меня прозвали Железным волком.

— А дракон?

Беренгар пожал плечами.

— Я полагаю, что это всё значит только одно, — заявил Ликар. — Король Ричард,

заметьте, речь идёт о его геральдическом знаке, а не о символе Сен-Марко, коим является Золотой лев, — Ричард готовит нам удар, пытаясь убить кантарена. Дракон, скорее всего, указывает на способ убийства или какой-то знак, который поможет нам определить источник опасности.

— А лебедь? — спросил Беренгар.

— Моя драгоценная супруга до нашего брака была жрицей Девы Лардес, — пояснил альдор. — А символом этой богини является Лебедь, на спине которого она бороздила озёра. И её собственные крылья похожи на лебяжьи. Поскольку Жрицы храма с радостью благословили наш союз, для альдорены был утверждён герб с лебедем в центре. Значит, опасность поджидает вас на праздновании дня рождения альдорены.

— В замок придут сотни гостей, — тревожно произнёс Ликар. — Конечно, мы постараемся обеспечить полную безопасность, но мы не сможем проверить всех.

— Мы знаем гостей, но не знаем их слуг, — расстроено заметил Дуэйт. — Многие владетельные бароны придут со свитами.

— Может, нам предложить им всем оставить оружие у ворот замка? — спросил Ликар.

— Исключено! — воскликнул альдор. — Они могут счесть себя оскорблёнными, а мы не можем лишиться их расположения перед войной. Единственное, о чём мы можем просить их, — не брать тяжёлые мечи в пиршественный зал. Но празднество будет происходить в тёмное время и, когда механики запустят фейерверки и огненные шутихи, на галереях и во двориках будет такое столпотворение, что...

Он замолчал, качая головой.

— Может, вам не ходить на пир? — Дуэйт посмотрел на Беренгара.

— Вот ещё! — обижено воскликнул тот. — Я вообще не слишком верю всем этим магическим штучкам и предсказаниям. А вы хотите, чтоб я из-за каких-то букв, привидевшихся вам в каком-то шаре, прятался от людей? Я прибыл сюда с честной миссией и не собираюсь проявлять неуважение к великому альдору, его прекрасной супруге и их уважаемым гостям. Пусть те, кого я поведу в бой, увидят меня не только верхом на поле брани, но и с чашей вина в добром застолье.

— Мы постараемся обеспечить вашу охрану, контаррен, — произнёс Ликар, с сочувствием взглянув на расстроенного мага. — Вас будут окружать не только ваши доверенные люди, но и мои рыцари. Я им полностью доверяю. А вам придётся смириться с этим. И я прошу вас не пытаться ускользнуть от охраны, потому что если убийца или убийцы всё же доберутся до вас, это будет действительно очень болезненный удар по луару.

— Хорошо, — нехотя согласился Беренгар. — Но не будете ли вы столь любезны, благородный энфер, что выделите мне не только искусных воинов, но и приятных кавалеров, от которых не несёт потом и луком, и по нечесаным гривам которых не ползают насекомые.

— Уверю вас, в моей свите таких нет, — усмехнулся Ликар. — Но я доставлю вам удовольствие и приставлю к вашей особе двух моих самых красивых рыцарей, один из которых весьма образован и умеет рассказывать интересные истории, а второй так хорош в бое на мечах и копьях, что до сих пор ему не сыскалось равных в луаре.

— До сих пор? — заинтересовался Беренгар. — Так они у вас недавно?

— Они прилетели оттуда же, откуда прибыл и Саймон де Толли, соорудивший для нас столь удивительную карту. Поверьте мне, они вам понравятся и несколько не будут стесняться. А в том, что они надёжные и отважные охранники, я и сам имел возможность убедиться.

— Ну, если так, то пусть будут рядом. Заодно познакомятся с моими рыцарями. Если они завяжут дружбу в мирное время, то станут лучше взаимодействовать на войне.

— Ну, теперь мы можем вернуться на совет? — спросил альдор. — Надеюсь, ты сам предупредишь Деллана о том, что он должен быть внимателен к появлению Дракона с золотыми лапами.

— Конечно, отец. Но теперь, когда мы всё решили, думаю, это может подождать до окончания совета. Я благодарю вас, Дуэйт, — Ликар взглянул на мага. — Вы можете идти и заняться своими делами. А если у вас появятся догадки, кто скрывается под маской дракона, не замедлите сообщить об этом мне лично.

Неловко поклонившись, Дуэйт вышел из гостиной, а альдор с сыном и контарреном, вернулись к обсуждению военных дел, неспешно двинувшись в сторону зала.

Военный совет затянулся до вечера. Доклады баронов и командиров порадовали альдора. Ликар был прав в своём предположении: приезд Беренгара в луар и оказанные ему здесь почести склонили многих колеблющихся баронов на сторону Синего Грифона. Проблема была лишь в том, что всем им нужно было платить, а поскольку никто не рассчитывал на такой приток войск, казначей альдора с трудом скрывал всё большее охватывающее его беспокойство. Ликара это не тревожило. Он знал, что при желании раздобудет денег под залог драгоценностей матери и сестёр. Ростовщики Магдебурга с радостью распахнут перед ним свои сундуки. К тому же, стоило кинуть клич в народ, и горожане понесут к дворцу свои золотые и серебряные безделушки для чеканки монет. Они, как никто, понимали, что сильное войско — это их шанс не только на сохранение остального имущества, но и на саму жизнь. К тому же всегда можно было продать статуи и гобелены из дворца, а то и часть приграничных земель. Хотя этого делать не хотелось, а потому энфер оставлял это на самый крайний случай.

Потому вечером после совета Ликар пребывал в хорошем расположении духа, и хоть голова немного гудела от того, что он пытался запомнить как можно больше информации, да ещё и осмыслить её на ходу, в остальном он был бодр и доволен тем, как развиваются события.

Первый светлый день подходил к концу, когда он поднялся в башню Деллана и вошёл в его кабинет. Глава секретной службы сидел за столом, внимательно читая лежащие перед ним бумаги.

— Пасквили, наветы и доносы? — усмехнулся Ликар, пройдя к скамье у стены и сел там, игнорируя попытку слуги поставить к столу кресло для почётных гостей.

— Всего лишь донесения наших агентов, — ответил Деллан, жестом отправляя слугу за дверь. — Я уже говорил с Дуэйтом, и он рассказал мне о вашем разговоре с альдором. Надеюсь, я не превысил свои полномочия?

— Напротив, к тому же у меня нет желания пересказывать всё это снова. Что ты об этом думаешь?

— Вы знаете, как я отношусь к магам, но предсказание слишком тревожно, и я не могу игнорировать его.

— Не можешь ещё и потому, что я требую отнестись к нему со всей серьёзностью, дружище. Твои предложения?

— Для начала мы предупредим стражников и слуг о том, чтоб они замечали у гостей на оружии и одежде любые изображения дракона и сообщали агентам, которые в любом случае

будут находиться среди приглашённых. За этими лицами мы установим более тщательное наблюдение. Несколько наиболее опытных сыщиков в дорогой одежде будут охранять контаррена. Кого из рыцарей вы хотите приставить к нему?

— Светозара и Кроу. Я уверен в том, что они никак не связаны с Сен-Марко.

— Думаю, это удачная мысль. Я имел возможность заметить, что сэра Кроу обладает незаурядной наблюдательностью и памятью. Он лучше всех играет с дамами в их забавные игры с припрятыванием различных безделушек и помнит все баллады, которые при нём пели менестрели. Если указать ему на необходимость замечать различные странности, то уверен, он не упустит ничего. Что ж до Светозара, то даже я впечатлён тем, что он на лету ловит не только стрелы и ножи, но и дротики. Так что, если он будет рядом, злоумышленнику вряд ли удастся поразить контаррена издалека. Естественно, наблюдение и сбор сведений мы начнём заранее, и уже сегодня я проинструктирую всех, кто выходит в город.

— Хорошо, Деллан, — кивнул Ликар. — Что-нибудь ещё?

— Ничего, благородный энфер. Разве что мы заметили, что в луаре активизировались агенты Сен-Марко. Мы знаем их, но, поскольку они действуют здесь под видом купцов и аристократов, то мы не можем ни схватить, ни выдворить их. Совсем недавно один барон, который ранее служил в войске короля Армана и приехавший сюда якобы в поисках жениха для дочери, пригласил к себе на пирушку рыцарей гарнизона. Если б не болтливость одного из них и предусмотрительность их капитана, они б пошли туда и бог знает что выболтали за чашей вина. А некий купец упорно пытался пройти в казармы внешней крепостной стены, будто бы для того, чтоб предложить свои товары. Его, конечно, не пустили, но таких случаев становится всё больше.

— Усильте наблюдение за этими шпионами, отслеживайте их связи. А в случае чего давайте им информацию, которая только запугает противника.

— Мы так и делаем, следим за всеми, кто теперь по каким-то делам прибывает из Сен-Марко. К некоторым, особо настырным, под видом слуг внедрили своих людей, у других прислугу просто подкупаем. Многие их слуги и сами готовы приглядывать за хозяевами. Никто не хочет, чтоб король Ричард захватил луар. Но, к несчастью, они всё же находят тех, кто падок на дармовые деньги.

— У них есть осведомители во дворце?

— Боюсь, что так. Мы их пока не трогаем, хотим проследить все связи.

— Это слуги?

— Не только. Сын барона Бриспена проигрался в кости, но вдруг снова оказался при деньгах, и теперь шастает по дворцу, задаёт вопросы о метательных машинах и подземных ходах. Назойлив, как слепень. Если б мне было позволено посадить его под замок...

— За долги, если они у него есть, чтоб не шатался здесь. Кто ещё?

— Две фрейлины альдорены замечены в компании молодых кавалеров — сыновей барона, который приехал, чтоб вступить в нашу армию, но не торопится приносить клятву верности.

— Фрейлин — под замок, допросите их, но не жёстко. С матерью я поговорю. Кто ещё?

— Рыцари, недавно принятые в дворцовую охрану. Слишком часто их замечают там, где им не место. И тоже задают всякие вопросы.

— Переведите их на охрану средних ворот. А будут продолжать попытки что-то разнюхать, то могут стать жертвами ночного ограбления.

— Учту такую возможность, но мне б хотелось знать, кому они передают свои сведения.

А после... у нас пока слишком часто случаются прискорбные случаи с ночными гуляками.

— Пока всё?

— Был ещё один случай, но не знаю, случайность это или злой умысел. Инженер крепостных стен де Толли недавно подвергся нападению грабителей. Его пытались ударить ножом. Однако неожиданно ему пришёл на помощь какой-то неизвестный, который следовал за ним по пятам. Он обезоружил нападавших и уложил их рядышком без сознания, после чего исчез. Нападавшие оказались головорезами, которые грабят прохожих, но и берут заказы на убийства. На сей раз, они настаивали на том, что хотели ограбить прохожего, поскольку знают, что за неудачное разбойное нападение им светит только тюрьма, а вот за заказное убийство, даже неудавшееся, их могут повесить. На вопрос, знал ли он о слежке, инженер ответил как-то неуверенно. То ли знал, то ли нет.

— Перед войной его могут и убить, и похитить, — заметил Ликар. — Он знает слишком много о наших укреплениях, и его изобретения очень ценны для нас. Так что приставьте к нему охрану и запретите выходить после наступления темноты. Будет возражать, припугните, что вовсе запрёте под замок.

— Хорошо, но позвольте мне сослаться на вас. Этот рыжий на редкость кичлив и никого и в грош не ставит. Даже со мной говорил так, словно я здесь только для того, чтоб отвлекать его от работы.

— Ссылайся на кого хочешь, хоть на альдора. Главное, защитите его от убийц и шпионов. Какие вести из Сен-Марко?

— Всё то же, в город съезжаются бароны и рыцари, сходятся банды наёмников, и даже их Ричард принимает с распростёртыми объятиями. Ничем не брезгует.

— Эти банды не столь полезны ему, сколь опасны, — усмехнулся Ликар. — Но мы это учтём. Значит, он готовится к походу?

— До конца перемирия ещё достаточно времени. Его хватит на подготовку и нам, и ему, но, да, он готовится. И судя по всему, эта война будет ещё более тяжёлой и кровопролитной, чем предыдущая. Да и на рыцарское поведение противника на этот раз нам уповать не приходится.

— И на столь выгодное перемирие тоже, — задумчиво кивнул Ликар. — Ричард — не Арман. И с тех пор, как на западе нашли золото, нам всё сложнее противостоять амбициям Сен-Марко.

— Раньше считалось, что эти бродяги занимают самые бедные земли: горы, леса, болота, где толком ничего не вырастишь, — пробормотал Деллан. — Они жили на задворках мира и сражались с дикими племенами и местными баронами, по сути такими же дикарями, как они сами. А потом оказалось, что именно там залегают самые крупные запасы золота, серебра и меди. И вот уже эти чужаки рвутся захватить весь мир, который всегда был нашим.

— Мы можем оплакивать былое могущество, друг мой, но лучше подумать, как нам снова отстоять свои земли и сохранить свободу нашего народа, — заметил энфер. — Давай этим и займёмся. Пока все предвкушают завтрашний праздник, у нас с тобой много работы.

Гости начали прибывать ещё ночью. Она была светла, как день, и многие, уделив лишь несколько часов отдыху, снова продолжали путь, чтоб скорее добраться до уютных покоев, отмыться от пыли, сменить дорожную одежду на богатые наряды и выйти к завтраку, накрытому в блистающих обновлённой отделкой залах. Окрестные бароны: алкорцы и земляне, живущие на землях, граничащих с владениями альдора, делегации магистратов

свободных городов, старые друзья, когда-то сражавшиеся под знамёнами Синего Грифона и сохранившие ему верность, нескончаемым потоком въезжали в луар. Для них на улицах и торговых площадях уже были раскинуты ярмарочные ряды, поскольку понятно, что приезд на пир многие провинциальные жители захотят совместить с приобретением нужных в хозяйстве вещей и предметов роскоши.

С галерей и из окон домов во всех кольцах города были вывешены полотнища в геральдических цветах луара, альдора и альдорены. На подоконниках гостиниц и частных домов появились ящики с яркими живыми цветами. Гости, не удостоившиеся приглашения пожить под кровом альдора, сворачивали туда, чтоб устроиться в уютных комнатах, сдаваемых гостеприимными хозяевами или приготовленных близкими и дальними родичами, обосновавшимися в луаре. На площадях раскинули красивые шатры бродячие акробаты и жонглёры, на установленных на телеги подмостках на забаву гостям и горожанам уже разыгрывались весёлые и нравоучительные пьески. Бродячие трубадуры и менестрели расхаживали со своими лютнями, распевая песни и баллады на разных языках, а за ними, пританцовывая, шествовали юные девицы с бубнами, в которые они собирали мелкие монетки, и старцы с ручными енотами, держащими в цепких лапках оловянные кружки.

Было ясно, что не только альдор со своими приближёнными и гостями будет веселиться в этот знаменательный день. Из всех трактиров уже разносились аппетитные ароматы свежей выпечки и жареной дичи, слуги из богатых домов толкались на рынках, закупаая снедь для вечерних обедов в честь альдорены. Радостное возбуждение охватило весь город.

Ближе к полудню из храма Девы Лардес под предводительством седого старца в голубой тоге вышла процессия юных дев, одетых в белые одежды и серебряные нагрудники. Они несли штандарты с ликом своей богини и флаги с лебедем альдорены. Хор их ангельских голосов, поющих древние гимны, разносился по улицам, а горожане сбегались и, встав по сторонам дороги, с благоговейным восторгом наблюдали за этим редким зрелищем.

Жрицы миновали последние ворота и прошли мимо преклонивших колени стражников во двор дворца. Там они поднялись по центральной лестнице, и, миновав длинную анфиладу залов, открытую по случаю праздника, вошли в тронный зал, где их уже ждали альдор и его супруга. Золотистые с серебром волосы альдорены украшал новый сапфировый венец. Она с нежной и немного грустной улыбкой слушала исполняемые для неё гимны, а потом поднялась навстречу седому жрецу Кинкайду, который обнял её с отеческой нежностью. Глядя на него с улыбкой, она выслушала слова поздравления и благословения.

Присутствовавшие на церемонии царедворцы и гости улыбались, глядя на эту трогательную сцену. В зале царило необыкновенно светлое и радостное ощущение добросердечного единства, словно крылатая богиня защиты и милосердия осенила его своими крылами. После того, как альдорена вернулась на свой трон, Кинкайд произнёс небольшую речь, в которой благословил присутствующих, их семьи и челядь, а также их земли и скот. Закончив, он прошёл к заранее подготовленному для него креслу со спинкой в виде вздетых вверх лебяжьих крыльев, на которое были заботливо уложены мягкие подушечки. Он сел, и его девицы, поклонившись, плавным шагом вышли из зала, чтоб вернуться в храм. При этом они бросали по сторонам взгляды из-под ресниц, чтоб рыцари, находящиеся в поисках благочестивой девицы, подходящей им в жёны, знали, где они могут такую найти. Женитьба на жрице Девы Лардес считалась в луаре престижной и приносила в дом благословение и плодovitость.

После этого альдор поднялся с места и звучным голосом объявил о начале праздника.

Он с искренней теплотой говорил о своей супруге и поздравил её. После него со своего места поднялся Ликар и преподнёс матери серебряный ларец с ожерельем из жемчуга, которое ради этого случая привёз из Магдебурга. Следом её поздравил принц Лорант, упомянув, что недавно она была огорчена смертью своей любимой собачки, а потому он надеется, что его скромный дар поможет ей забыть эту утрату. Слуги принесли украшенную лентами ажурную корзинку из соломки, из которой принц под радостный смех придворных извлёк маленького щенка с лохматыми, похожими на крылья бабочки ушками. Альдорена радостно всплеснула руками и поспешила взять малыша на колени, и лишь торжественность момента заставила её снова вернуть его слугам. Вслед за этим остальные принцы и принцессы поздравляли свою дорогую матушку, преподнося ей свои подарки, порой совершенно безыскусные, вроде вышитой собственными руками подушечки или сочинённого недавно мадригала. После принцев и принцесс альдорену поздравила Дама Полуночи, её дар — драгоценный браслет был красив и изыскан, но виновница торжества даже не пожелала взять его в руки, лишь кивнув в благодарность, настолько сдержанно, насколько это допускал этикет.

Потом с торжественными речами выступали ближайшие к трону царедворцы, за ними — посланники Сен-Марко и свободных городов. Их дары были богатыми и соответствовали самому взыскательному вкусу, а Ликар в это время сидел с едва заметной улыбкой, глядя, как пополняется казна луара. И прекрасный золотой пояс, украшенный рубинами и изумрудами, преподнесённый посланником Сен-Марко, был весьма кстати. Король Ричард, быть может, хотел пустить пыль в глаза своим противникам в грядущей войне, дескать, взгляните, насколько я богат, если посылаю вам такую бесценную вещь. Но продав этот пояс, а матушка вряд ли пожелает надеть дар врага, можно купить оружие и коней для сотни рыцарей. Кстати, и с браслетом Дамы Полуночи она так же расстанется без сожаления, а это — большой обоз провианта для армии.

Эта игра ему понравилась, и он продолжал разглядывать подарки, представляя, сколько за них можно выручить, и что можно будет приобрести за эти деньги. Даже мягкому покрывалу из тонкорунной шкуры высокогорной козы, которую подарила альдорене его старая няня, давно уже с почётом удалившаяся на покой в своё маленькое уютное поместье, нашлось бы применение на войне. Оно помогло бы скоротать долгие ночи, которые бывают такими холодными, если ночуешь в шатре. Впрочем, конечно, этим красивым покрывалом ручной работы лучше укутывать ноги матушки, чем таскать его по полям сражений.

От этой мысли его отвлекло лёгкое прикосновение к плечу, и он обернулся. За его спиной стоял Деллан. Встретившись с ним глазами, Ликар кивнул и, поднявшись, вышел в ближайшую дверь. Начальник секретной службы последовал за ним, и едва они остались одни, произнёс:

— Этим утром в луар приехал некто Брево, купец из Сен-Марко. Мы давно наблюдаем за ним, и выяснили, что он часто встречается с теми, о ком мы с вами недавно говорили. Поскольку он часто ездит в Сен-Марко за товаром, то, возможно, он и отвозит туда донесения шпионов.

— Вы допрашивали его?

— Опрашивали, скажем так, как опрашиваем всех приезжих из Сен-Марко. Скользкий тип, не отрицает, что встречался со своими соотечественниками, но говорит, что это обычное общение. Дескать, необходимость жить вдали от родины сближает людей.

— Не придерёшься. Так что?

— Мы поймали его приказчика на мелкой краже и, чтоб не попасть в тюрьму, он согласился следить за хозяином. Так вот, сегодня парень прибежал к нам и сказал, что утром его посетила Дама Полуночи.

— Что, сама? — насторожился Ликар.

— Она часто ходит в эту лавку, потому что там торгуют кружевами и драгоценными безделушками. Такие вещи дамы предпочитают выбирать сами. Как вы знаете, купцов из Сен-Марко не впускают в замок, так что он не может принести свой товар сюда.

— На первый взгляд выглядит это всё невинно, — пробормотал Ликар. — К тому же она подарила матери браслет. Может, за ним и ходила?

— Браслет был заказан и изготовлен здесь, — возразил Деллан. — И дело даже не в этом. Обычно Дама приходит с госпожой Ланфэн и охраной. Женщины заходят в лавку, а охранники остаются на улице. Купец сам показывает свои товары в передней комнате, но сегодня он ни с того, ни с сего пригласил её пройти в задние помещения, причём сказал, что хочет показать нечто такое, что не предназначено для чужих глаз. Она ушла с ним, а Ланфэн осталась в передней комнате. Дама отсутствовала недолго, но вышла весьма взволнованная, и, даже не осмотрев товар, ушла из лавки. Но допрошенные мной охранники сказали, что когда она вышла, в её бархатной сумочке-кисете был какой-то предмет, которого не было там, когда она выходила из своих покоев.

— Интересно... — проговорил Ликар. — Думаете, он передал ей что-то секретное? Значит так, купца заберите из лавки тайно и доставьте сюда. Приказчик пусть работает до конца дня и говорит, что хозяин только вышел и скоро вернётся. Вряд ли в такой день кто-то будет его ждать. Купца допросить, что он привёз и зачем?

— Позвольте прибегнуть к более жёстким методам допроса? — уточнил Деллан таким тоном, словно уже знал ответ.

— Не стесняйтесь. Мы должны получить от него всю информацию об этом странном деле. Усильте наблюдение за Дамой Полуночи.

— Вы думаете, здесь есть связь с...

— Кто знает, ничего нельзя исключать. Идите. Как только получите новые сведения, доложите мне.

Деллан поклонился и ушёл, а Ликар вернулся в зал и сел на своё место. Там было довольно шумно. Альдорена принимала поздравления от не самых знатных гостей, их подарки были просты и отличались, скорее, душевным теплом, нежели размером уплаченной за них суммы, и теперь лишь она проявляла интерес к выступавшим. Остальные гости переговаривались между собой. Ликар посмотрел туда, где сидела Дама Полуночи. Она была, как всегда, ослепительно красива, и всё же её улыбка выглядела принуждённой, а взгляд тревожно перебегал с одного лица на другое. И особенно часто она посматривала туда, где расположился в окружении рыцарей контаррен Беренгар. Тот беседовал со стоявшим рядом Кроу, и, похоже, был покорён его образованностью и обаянием. С другой стороны стоял Светозар и внимательно смотрел по сторонам. Энфер испытал гордость за своего капитана, потому что, несмотря на долгую церемонию поздравлений, бесконечную череду ораторов и огромное количество ярко одетых гостей, он ни на мгновение не забыл о своей миссии, оставался всё так же внимателен и сосредоточен и не выглядел при этом напряжённым или настороженным.

Наконец, длинная череда поздравлявших альдорену закончилась и альдор, которому уже давно всё это надоело, с радостью объявил, что сейчас в честь виновницы торжества будет

устроен фейерверк, в связи с чем гостей приглашают на улицу. Он протянул руку альдорене, и они чинно прошествовали через зал, следом за ним шли дети и приближённые, затем — посланники, военачальники и, наконец, оставшиеся гости.

Альдор с супругой разместились на небольшом балконе, где стояли удобные кресла. Кроме членов семьи, чести сидеть рядом удостоился только контаррен Беренгар. Гости заняли прилегающие к большому квадратному дворику галереи. На улице уже стемнело, и небо слабо светилось глубоким синим цветом. В дворике были установлены странные конструкции с кольцами и фигуры из изогнутых трубок. Пока механики заканчивали приготовления, вниз спустился менестрель Эрмон, прозванный Золотым голосом, и чудесно исполнил новую балладу, посвященную альдорене, в которой он называл её любимицей народа и лебедем луара. Баллада, действительно, была хороша, и все одобрили её, а альдор, добродушно кивнул своему любимому певцу, обещая щедрую награду. После этого странные фигуры внизу ожили: колёса закрутились, разбрасывая вокруг яркие цветные брызги огня, а из трубок вырвалось пламя, которое меняло форму, превращаясь то в белого лебедя, то в синего грифона, то в гирлянды красных цветов. Одна картина сменяла другую в окружении огненных фонтанов, и гости радостно кричали и аплодировали. Затем из других трубок начали вылетать огненные стрелы, которые, поднявшись в небо над дворцом, разрывались яркими фейерверками, расцветая мерцающими шарами, осыпаясь звёздными водопадами и сплетаясь в золотистые узоры. И хотя в воздухе уже плыл немного удушливый чёрный дымок, и пахло порохом, все были довольны. Альдорена, похоже, радовалась не меньше совершенно очарованных младших детей. Она охала, хлопала в ладоши и смеялась, а довольный её реакцией альдор с удовольствием наблюдал за этим проявлением радости.

После фейерверка гостям было предложено пройти в зал, где им вынесли закуски и вино, а на освобождённой и огороженной бархатными лентами площадке посреди зала лучшие артисты устроили представление. Выступали акробаты и жонглёры, за ними под звуки маленького оркестра из вольнок и арф исполнили свои номера танцоры, после снова появился Эрмон и под восторженные крики исполнил любимые песни альдорены. За ним свои баллады исполняли другие певцы, потом, на радость детям, появилась маленькая красиво одетая дама с дюжиной крохотных собачек, которые прыгали друг через друга, забавно танцевали под дудочку на задних лапках и играли маленьким мячиком, обклеенным фольгой, бросая его друг другу.

Когда представление закончилось, настало время пира и гости направились в богато украшенный пиршественный зал. Но в этот раз на возвышении для главного стола вместо него расположилась странная конструкция, закрытая парчовым занавесом. Гости расселись, и заиграла музыка.

Занавес разошёлся в стороны, и на небольшой площадке с нарисованным задником, изображавшим сад и замок вдали, появились две искусно вырезанные деревянные статуи: юноша в наряде из алой парчи с бархатным плащом и дева в кисейном розовом платье и венке из живых цветов. Статуи развернулись и поклонились гостям, после чего вернулись в положение друг против друга, а за сценой раздалось пение. Два голоса, женский и мужской, пели балладу, признаваясь друг другу в любви. В голосе юноши зрители, конечно, узнали Эрмона, а девушка пела голосом принцессы Ортеллы. При этом статуи поднимали и протягивали друг другу руки и в такт качали головами. Потом влюблённые расстались. Девушка удалилась, и на сцене появился дракон. Вернее, это тоже была искусно вырезанная статуя, и золотить её никому не пришлось в голову. Деревянный рыцарь не слишком ловко

вытащил свой меч и, размахивая им, ринулся на чудовище. Наверно он дрался не так скованно, как это выглядело, потому что голова дракона всё-таки упала на пол и вскоре исчезла вслед за обезглавленным туловищем. Потом юноша отъехал за занавес, и снова появилась девушка. Она чуть более грациозно танцевала, поднимая гибкие руки, и пела, а в конце её песни из-за занавеса появился изумительной красоты единорог с шёлковой гривой. Он, конечно, тоже был деревянным, на его тонких ногах виднелись шарниры, скрепляющие подвижные части, и всё же он был великолепен. И в конце представления снова появился юноша, и они спели о том, что преодолели все препятствия, любовь победила и теперь они всегда будут вместе.

Вслед за этим занавес закрылся. Слуги развили за ним активную деятельность, даже что-то уронили с громким грохотом, что вызвало смех гостей, но когда они унесли конструкцию с занавесом, на возвышении стоял парадно накрытый стол, а вдоль стены выстроились чудесные статуи из только что показанного спектакля.

Альдор и альдорена вместе с детьми поднялись на помост. Самые младшие члены семьи по очереди подошли к родителям за благословением и отправились спать, а старшие сели рядом с родителями. За тем же столом разместились контаррен, несколько приближённых альдора и Дама Полуночи.

Рыцари альдора, энфера и контаррена встали по обеим сторонам стола в караул. Предполагалось, что по ходу пира их будут сменять другие, чтоб все успели насладиться изысканными яствами и хорошим вином.

Когда все расселись, место Ликара оказалось пустым. Однако вскоре он появился и сел по правую руку от отца. Вид у него был слегка озадаченный, но увидев встревоженный взгляд матери, он тут же улыбнулся и произнёс самый изысканный комплимент, который смог сочинить. Она зарделась, как девушка, и альдор объявил о начале пира.

Первая чаша была поднята за альдорену. Альдор снова блеснул красноречием, расписывая её достоинства и высказывая свою благодарность за её любовь, преданность и чудесных детей, которых она ему подарила. Следующий тост был произнесён контарреном за альдора. Потом Ликар произнёс краткую, но пламенную речь, прославляя благородство и доблесть сынов Синего Грифона, которые ценой своей жизни готовы защищать родной луар.

Пир проходил весело. Шуты веселили публику своими шутками и трюками, а потом спели шуточные баллады, в которых явно передразнивали красавца Эрмона. Эрмон, сидевший за соседним столом, смеялся громче всех, затем взял свою лютню и исполнил забавную балладу, прославляющую шутов, в припеве которой очень похоже подражал козлиному голосу главного из них.

Ликар, тем временем, незаметно наблюдал за Дамой Полуночи. Она сидела в стороне от альдора и была бледна и настороженна. Это было неудивительно. Последнее время многие замечали, что альдор уделяет ей всё меньше внимания, да и это торжество было по определению не её праздником. Весь день альдор увивался за своей супругой, всячески стараясь ей угодить, и словно не желал замечать фаворитку. Её бледность и подавленное настроение можно было объяснить этим, если б она то и дело не бросала проницательный взгляд на другую сторону стола, где рядом с принцессой Ортеллой сидел контаррен. Нагнувшись к девушке, он что-то рассказывал ей, а она смеялась, прикрыв личико длинными белыми пальчиками, украшенными небольшими изящными колечками с жемчугом и яркой бирюзой.

В какой-то момент, когда все занялись едой, Дама Полуночи вдруг взяла в руки кубок и

поднялась. Это было необычно, потому что дамы при дворе произносили тосты сидя, но привлекло к ней внимание, чего она, по-видимому, и добивалась.

— Великий, — она поклонилась альдору, — и вы, драгоценная госпожа, позвольте мне поднять этот кубок во славу героя, пришедшего к нам на помощь в этот тревожный для нас момент. Мне не хотелось бы сейчас говорить о войне и упоминать имена наших врагов, но все мы чувствуем, как их тень нависает над нашими головами, и готовимся с честью отразить их удар. Лорд контаррен, я хочу выразить вам свою глубокую признательность за то, что в этот раз вы встали под знамёна Синего Грифона плечом к плечу с его верными сынами. Благодарю вас за то, что вы согласились своим славным мечом защитить наших женщин и детей перед лицом жестокого врага. Ваш благородный поступок достоин прославления в балладах и лучших наград. И я прошу вас всех, лорды и леди, выпить эту чашу за истинного друга луара контаррена маркиза Беренгара.

Её слова вызвали общее одобрение, хотя, возможно, кто-то и счёл эти похвалы чрезмерными и преждевременными. Именно в этом ключе высказался в ответном тосте за прекрасную Даму Полуночи и сам Беренгар, однако, сердечно поблагодарив её за добрые слова.

После этого Дама снова встала со своего места и сказала:

— Я уверена, лорд контаррен, что ваше участие в этой войне будет иметь если не решающее, то очень большое значение. Я предвижу это и прошу вас принять от меня скромный дар. Пусть этот дракон будет оберегом для вас, и защитит вас от мечей и стрел нашего общего врага.

Она достала из небольшой сумочки, что расшитой тесьмой крепилась к её запястью, золотую брошь-пряжку и, подойдя к поднявшемуся навстречу контаррену, прикрепила её на его парчовый камзол.

Она вернулась на своё место, в то время как Беренгар стоял с совершенно ошарашенным видом. Он, как и остальные, увидел на своей груди золотого дракона, дракона с золотыми лапами, но не находил возможности избавиться от опасного подарка прекрасной дамы. Ликар решительно встал, но его опередил альдор, так же внимательно наблюдавший за происходящим.

— Я вижу, вы смущены, мой друг, — мягко улыбнувшись Беренгару, произнёс он. — И я вас понимаю. Вы во всём мире известны своей доблестью, но привыкли получать только заслуженные награды, а этот приз кажется вам незаслуженным. Что ж, давайте пока отдадим его на хранение тому, кто уже победил своего дракона, — он встал и протянул ему руку.

Беренгар благодарно кивнул и, поспешно отстегнув пряжку, отдал её альдору, а тот подошёл к статуе рыцаря и прицепил её на бархатный плащ.

— Что ж, так гораздо лучше, отец, — улыбнулся Ликар и посмотрел на бледную, как полотно, Даму Полуночи. — Не волнуйтесь, миледи, контаррен заберёт ваш подарок после пира, но наденет его только после победы над Сен-Марко.

— Я думаю, что именно это решение будет самым справедливым, — с жаром воскликнул тот и сел.

— А ваша скромность не уступает вашей доблести, лорд контаррен, — нежно проговорила принцесса Ортелла так, чтоб это услышали все.

— Именно это отличает настоящего рыцаря, дорогая моя, — звучным контральто заметила альдорена.

Она не поняла, что произошло, и, возможно, решила, что альдор приревновал свою

любовницу к заезжему маркизу, сочтя подарок неуместным, но в любом случае была рада её унижению. Дама Полуночи сидела, как пришибленная, уткнувшись в свою тарелку, её плечи поникли. Но это длилось совсем недолго. Она быстро взяла себя в руки и, выпрямившись, обвела всех сидящих за столом невозмутимым взглядом. Ликар даже невольно восхитился самообладанием этой молодой женщины.

Пир продолжался, вино лилось рекой, в зале, сменяя один другого, появлялись всё новые певцы со своими песнями и балладами. Их уже мало кто слушал, но музыка создавала приятный фон для застольных бесед. Рыцари альдора и контаррена уже дважды сменились, и только Кроу и Светозар стояли на своих постах, всё так же внимательно и спокойно наблюдая за происходящим. Их руки небрежно лежали на поясах рядом с рукоятками мечей.

— Великий, — снова раздался голос Дамы Полуночи. — Позвольте всё же лорду контаррену хотя бы на этот пир надеть золотую брошь. Мне было бы приятно видеть свой подарок на его груди.

Альдор бросил на неё мрачный взгляд, но сказать ничего не успел.

— А мне кажется, что это украшение вряд ли можно назвать брошью, — беспечно заметила принцесса Ортелла. — Это пряжка. Просто пряжка для плаща, и она слишком груба для того, чтоб пристёгивать её к узорчатой парче. К тому же рядом со столь филигранно сделанной цепью она смотрится ещё хуже.

— Я тоже заметил, как хороша цепь лорда контаррена, — согласился принц Лорант. — Она выглядит сдержанно, но соединение звеньев выполнено столь изысканно, что присмотревшись, трудно отвести взгляд. Я никогда не видел такой тонкой работы.

— Это потому, что на твоей памяти в луаре никто не получал звания контаррена, — объяснила альдорена. — Великий альдор сам вёл в бой свои войска, и в контаррене не было нужды. Однако это создавало некоторые трудности, ведь его долг не только возглавлять войска, но и управлять луаром. А в этот раз нам выпало счастье увидеть в наших рядах поистине выдающегося полководца, — она любезно улыбнулась Беренгару, — который возглавит войско, и твоему отцу не придётся разрываться между делами войска и тыла, отвлекаясь от сражений на хозяйственные и внутривполитические проблемы. Я уверена, что цепь контаррена снова нашла себе достойного владетеля.

— Но согласитесь, матушка, она слишком хороша, чтоб соседствовать с этим грубым драконом, — упрямо добавила Ортелла.

— Дракону место на суконном плаще, а не на праздничном камзоле, — даже не взглянув на ещё более побледневшую Даму Полуночи, согласилась альдорена.

Ликар едва сдерживал улыбку. Его братья и сёстры были бесконечно преданы матери и разделяли её неприязнь к новой фаворитке отца. И теперь уже трудно было представить, что альдор изменит свое решение о пряжке. Дама Полуночи снова потупилась, и на её лице проступили красные пятна. Что это было? Страх или ярость? Сложно было понять. Пару раз она беспомощно оглядывалась назад, в сторону дверей. Всё-таки страх. Похоже, близился тот самый момент, когда золотой дракон должен был нанести свой смертельный удар.

В зале слышался смех гостей и пение молоденького менестреля, который звонким юношеским голосом воспевал цветение садов в долине Зелёной реки и деву со странным именем Ингеборга. Где-то далеко послышался унылый звон первого гонга. И в тот же миг в зале запахло гарью. Обернувшись, Ликар увидел, как задымилась статуя в алой парче, та самая, плащ которой украшал собой золотой дракон. Деревянная поверхность покрылась трещинками, из которых струился чёрный, приятно пахнущий дым, словно из камина, куда

добавили полешки плодовых деревьев. По краям трещинок засветились оранжевые дорожки, а потом появилось голубоватое пламя.

Гости растерянно и заворожённо смотрели на эту странную картину, а слуги уже мчались со всех сторон с полотнищами плотной толстой ткани и ведрами воды. Однако вылитая на статую вода лишь зашипела, взметнувшись облаком голубого дыма.

В зале поднялся шум, кто-то крикнул: «Пожар!» Однако альдор спокойно поднялся со своего кресла и с улыбкой поднял руку.

— Успокойтесь, дорогие наши гости! Это всего лишь упавшая свеча. Сейчас слуги потушат огонь и унесут статую, чтоб она не омрачала наш праздник! Прошу вас, продолжайте веселиться и праздновать!

Он кивнул Эрмону и тот с готовностью подхватил свою лютню и ударил по струнам, запев весёлую песню, которую тут же подхватили хмельные гости. Тем временем слугам не удавалось потушить пламя, и они обернули злополучную статую смоченной в воде тканью и вытащили её из зала. Ликар бросил взгляд на Беренгара, проводившего их острым взглядом. Ничто не выдавало его волнения, хотя, несомненно, он испытывал его, поняв, какой ужасной смерти избежал. После этого энфер перевёл взгляд туда, где только что сидела Дама Полуночи, но её кресло было пусто. Вскочив, он стремительно вышел из зала и в соседней комнате, где на столах стояли горы посуды и готовые к подаче блюда и кувшины с вином, увидел Деллана, преградившего путь фаворитке альдора. За его спиной стояли стражники, которые сурово смотрели на неё.

— Дайте мне пройти! — воскликнула она. — Вы забываетесь, Деллан.

— Ничуть, миледи, — на его губах появилась змеиная улыбка. Как давно он ждал этого момента! — Не соблаговолите ли сказать, куда вы так торопитесь?

— Я устала и хочу пойти к себе.

— Мы вас проводим.

— Я сама знаю, где мои покои! — она резко обернулась, почувствовав, что за её спиной кто-то стоит. — благородный энфер, приструните этого плебея! Он осмеливается указывать мне, что делать!

— Он действует от имени альдора, потому извольте подчиниться, — ответил Ликар. — Деллан, отведите леди в её покои, запирайте в комнате, оставив при ней надёжных дам. Никаких сношений с внешним миром, пока я не позволю.

— Это арест? — возмутилась она.

— Конечно, — кивнул он. — И, опережая ваш вопрос, в чём вас обвиняют, скажу, что пока это покушение на жизнь лорда контаррена и измена. Выполняйте, Деллан.

— Осмелюсь сказать, ваша милость, что нам так и не удалось найти служанку Ланфэн.

— Так ищите! — грозно рыкнул Ликар и вернулся в зал.

Поздно ночью, когда альдорена, утомившись от шумного празднования, обилия еды и вина, удалилась в свои покои, альдор счёл возможным также покинуть пир. Веселящиеся в зале гости уже не нуждались в его присутствии, и, вероятно, после его ухода почувствовали бы себя свободнее. Взглянув на старшего сына и кивнув Беренгару, альдор встал и вышел из пиршественного зала. За ним последовали Ликар и контаррен.

— Что б там ни было, праздник удался, — заметил энфер, пытаясь сгладить неловкость.

Он полагал, что измена Дамы Полуночи больно задела его отца, но тот согласно кивнул.

— Твоя матушка осталась довольна, мой мальчик. А это — главное. Даже то странное

происшествие со статуей не омрачило её настроение. Так что это было?

Они не спеша шли по длинной анфиладе залов в сторону покоев альдора. За ними следовали Светозар и Кроу, держась на почтительном расстоянии, но достаточно близком, чтоб вовремя предотвратить нападение. Впрочем, судя по всему, самое страшное было позади.

— Я полагаю, что это колдовство, — пожал плечами Ликар. — Не удивительно, учитывая странный способ, который был избран для того, чтоб предупредить нас. Я уверен, что всё дело в этом золотом драконе, но с этим пусть разбираются маги.

— И вы уверены, что за этим стоит король Ричард? — уточнил Беренгар.

— Увы, да.

Они подошли к дверям, возле которых стояли рыцари гвардии альдора. Ликар обернулся и, поблагодарив своих рыцарей, отпустил их. Войдя в переднюю гостиную вслед за отцом и Беренгаром, он продолжил:

— К моменту начала пира мы уже подозревали, что опасность исходит от Дамы Полуночи. Утром она посетила лавку купца из Сен-Марко, где уединилась с ним в задних помещениях, после чего вышла, имея при себе некий предмет, которого у неё не было раньше. Она была чем-то обеспокоена. По моему приказу Деллан арестовал купца и допросил его. Тот недолго запирался и рассказал, что имел поручение от графа Раймунда передать Даме Полуночи брошь в виде дракона, велев ей вручить её маркизу Беренгару так, чтоб в момент первого гонга эта опасная вещица была при нём, что она всеми усилиями и старалась сделать. Но, поскольку мы были предупреждены, эта смертельная интрига сорвалась.

— Никак не думал, что она сделает что-то такое, — пробормотал альдор, устраиваясь в кресле у стола. — Вы знаете, что ею руководило? Она получила деньги за свою услугу?

— Вы достаточно щедры к ней, чтоб она не нуждалась в деньгах. Купец был уполномочен передать ей некий намёк на то, что это воля её воздыхателя, который откажется от неё, если она не выполнит его поручение. Имя не называлось, и Брево понятия не имеет, о ком речь. Однако и раньше у нас были сведения, что она пыталась передать кому-то в Сен-Марко весточку о себе.

— Почему не сообщили мне?

— Это были только слова, к тому же источник не внушал нам доверия. Однако теперь мы можем с уверенностью сказать, что там есть кто-то, кто имеет на неё влияние.

— Значит, ею руководила страсть, — пробормотал альдор. — Я давно подозревал, что она морочит мне голову со своей любовью, но... она делала это так убедительно, что в это хотелось верить. Как далеко она зашла в своём предательстве?

— Мы не знаем, — признался Ликар. — Она всегда была очень осторожна в делах и высказываниях. Её единственным доверенным лицом была эта странная девица Ланфэн, однако она исчезла. Деллан начал поиски, но пока они безрезультатны.

— Надеюсь, девчонку удастся найти. Хотя, вы же так и не нашли шпиона тёмных эльфов и подручного леди Дарьи. А сейчас, когда здесь всё перевёрнуто с ног на голову из-за праздника и в замке столько посторонних людей, это будет ещё сложнее. Мы ж не можем проверять все повозки и заглядывать в каждый сундук.

— И всё же я распорядился искать её не только в замке, но и в городе. У неё необычная внешность, потому вряд ли она сможет так просто затеряться в толпе.

— Но эта женщина, — в голосе альдора прозвучала неприязнь, и это порадовало

Ликара, — она в наших руках, верно?

— Я велел пока держать её в предоставленных ей покоях.

— Велика честь. Она лишается звания Дамы Полуночи, всего имущества и всех привилегий. Переведите её в темницу и поступайте так, как сочтёте нужным, но я хочу, чтоб вы добились от неё признания. Она должна рассказать, чьи приказы выполняла здесь, что успела сделать, кто передавал ей письма из Сен-Марко.

— Вы сказали, великий, поступать, как сочтём нужным. Значит ли это, что вы не ограничиваете Деллана в средствах, с помощью которых он может получить её признание?

— Именно так, — кивнул альдор и печально вздохнул. — Ещё один неожиданный подарок для твоей матушки, который её порадует.

— Не только её, — сочувственно добавил Ликар.

— Довольно, — проворчал альдор. — Я не хочу больше слышать обо всём этом, пока у вас не появится что-то новое. Что касается Сен-Марко... После окончания следствия мы организуем открытый суд, чтоб весь этот заговор всплыл наружу, и обвиним короля Ричарда в нарушении условий перемирия. Затем воспользуемся этим, чтоб удалить из луара лишних людей, всех его соглядатаев и шпионов. Готовьте список тех, кто представляет собой опасность. И тщательно допросите этого Брево, может, он выдаст ещё кого-то, а тот ещё. Нужно очистить луар от всех, кто после начала войны мог бы доносить врагу важные сведения о нашей обороне и устраивать диверсии.

Он посмотрел на Беренгара, который задумчиво кивнул.

— Из этой неприятной ситуации можно извлечь выгоду. Ричард своим выпадом развязал нам руки, и мы можем развернуть более масштабную и открытую борьбу против его агентов. Нужно открыто обвинить его в нарушении перемирия. Это оттолкнёт от него часть сторонников, произведёт неблагоприятное впечатление на магистраты свободных городов. Ему поневоле придётся вести себя сдержаннее, и он вряд ли станет возмущаться тем, что мы высылаем его подданных. Возможно, он и предпримет что-то подобное в отношении алкорцев в Сен-Марко, но не решится на более жёсткие меры.

— Не думаю, что он начнёт высылать алкорских рыцарей и купцов, — усмехнулся Ликар. — А если и начнёт, то это по нему же и ударит. В его войске будет меньше воинов, и он недополучит какую-то часть товаров военного назначения.

— Он импульсивен и злопамятен, — заметил Берингар. — И вряд ли удержится от опрометчивых шагов, если конечно рядом не окажется достаточно разумных и настойчивых советников, которые умерят его гнев и предостерегут от ошибок.

— Что ж, время покажет, — задумчиво проговорил альдор. — Он дал нам повод для ответного шага, а каким будет его следующий ход, увидим после.

Тем временем маг Дуэйт сидел в своей лаборатории за письменным столом. Большая часть просторного низкого помещения с широкими столами, заставленными различными сложными приборами из линз, трубок и пружин, а также шкафами, наполненными горшками с магическими снадобьями, шкатулками с минералами и мешочками с сушёными травами, тонула в темноте. И только на этом столе, застеленном слегка вытертым бордовым бархатом, стояли два подсвечника с зажжёнными свечами. Их колеблющийся рыжеватый свет падал на золотую брошь в виде свернувшегося дракона, лежащую в центре. Дуэйт внимательно рассматривал её, не прикасаясь руками. Эта вещь была опасна, и ему нужно было разгадать её загадку, чтоб эта опасность не вернулась снова.

Брошь была сделана хорошо. Её слегка грубоватые очертания не были следствием грубой работы. Это было сделано намерено, чтоб придать мифическому чудовищу вид мощный и угрожающий. Дракон был крупный и злой, его маленький, единственный видимый глаз свирепо таращился из-под нависшего века. Огромные зубы загнутыми кинжалами торчали из открытой пасти, как и растопыренные в стороны когти на пальцах длинных чешуйчатых лап. Эти чешуйки на спине, боках и голове, длинный острый гребень были прорисованы очень тонко и рельефно. Нет, это была великолепная брошь-пряжка для походного плаща сильного и бывалого воина, привыкшего к почестям и к тому, что он наводит страх на врагов.

Она была выбрана безошибочно, и, конечно, понравилась бы лорду контаррену, если б не грозное предостережение. Он бы обязательно оставил у себя этот символ воинской силы. Да и от подарка Дамы Полуночи он отказываться бы не стал. Зачем? Подарок был вполне объясним. Она могла сделать его, стремясь приобрести ещё одного союзника, что было очень разумно, учитывая, что альдор последнее время заметно охладел к её красоте. К тому же этот подарок можно было расценить, как попытку сделать приятное самому альдору, показав, что и она оказывает милость принятому при дворе и обласканному им полководцу.

Дуэйт невольно бросил взгляд туда, где на полу лежала чёрная фигура. В полумраке она казалась обугленным мёртвым телом. Слуги так и не смогли потушить огонь, охвативший статую. Он внезапно погас сам, после того, как сжёг её до сердцевины, превратив в головёшку. Ещё недавно это был прекрасный рыцарь, и вот это что-то бесформенное и безобразное, похожее на бревно, вытащенное из остывшего камина. А ведь на его месте мог быть маркиз Беренгар. Дуэйт невольно передёрнул плечами. Что же это такое, что могло сжечь до углей того, кто украсил свой наряд роковой брошью?

На ум приходило только одно: тот рассказ, что он слышал от Ликара, вернувшегося из Магдебурга. Там тоже люди сгорали от неведомого огня, превращаясь в уголь. И повинен в этом был некий колдун, о котором по всему континенту уже давно ходят тревожные и даже страшные слухи. И если это его рук дело, то это значит, что он каким-то образом вошёл в сношение с королём Ричардом и теперь служит ему.

— Очень верная мысль, — раздался из-за его спины мягкий вкрадчивый баритон.

Дуэйт испуганно дёрнулся и вскочил. Обернувшись, он увидел у стены высокого мужчину в рыцарских латах, столь светлых, словно они были сделаны не из железа, а из серебра. Наверно он подумал бы: «Из лунного серебра», если б знал, что такое Луна. Что-то в этом рыцаре было знакомо ему, и только встретив взгляд зелёных мерцающих глаз, он вспомнил, где видел его. Глаза из изумрудов были у новой статуи Ангела Тьмы, и он специально ходил в храм, посмотреть на неё. Теперь она стояла в нескольких шагах от него. Более того, она ожила. Дуэйт испуганно метнулся к стене и посмотрел туда, где темнел прямоугольник тяжёлой дубовой двери.

— Значит, это и есть та таинственная фибула, — произнёс Ангел Тьмы, подошёл к столу, снял перчатки из чёрной замши и, сунув их за пояс, взял брошь в руки.

Пока он разглядывал смертоносного золотого дракона, Дуэйт незаметно, как ему казалось, сделал два шага в сторону и взялся за древко алебарды, прислонённой к стене. Она всегда стояла здесь, потому что клинок её секиры был испещрён загадочными рунами древнего народа и, по слухам, мог быть использован против оборотня. Но поможет ли он против демона? Дуэйт обхватил пальцами древко и вдруг почувствовал, что не может сдвинуть алебарду с места, словно она приросла к полу и стене. Он схватился за рукоятку

своего кинжала и попытался вытащить его из ножен, но лезвие словно было приклеено к ним. Тогда он в панике бросился туда, где на резной подставке стоял старинный серебряный крест с расширяющимися концами и припаянным к нему кругом, центр которого совпадал с перекрестьем. Этот артефакт тоже был покрыт рунами и служил для защиты от зла. Но едва схватив его, он вскрикнул и отдернул руку. На горящей от боли ладони темнел ожог.

— Не надо, — проговорил демон. — Для меня всё это не опасно, но если вы будете размахивать здесь этими штуками — это помешает нормальному конструктивному диалогу.

— Что тебе надо? — дрожащим голосом спросил маг.

Демон посмотрел на него неодобрительно.

— Что у вас за манеры, Дуэйт? Я ведь с вами на брудершафт не пил.

— Что? — растерялся тот.

— Неважно. Вам только следует учесть, что я дворянин, и, более того, граф, а значит, вправе ожидать более почтительного обращения.

— Простите...

— Ладно, зовите меня Кратегус. И расслабьтесь, наконец. Я пришёл с миром. Честно говоря, я хотел похвалить вас за то, что вы сумели разгадать ту головоломку, что я вам подкинул. Право же, какое-то время мне казалось, что вы безнадежны, и мне придётся дать вам какую-то подсказку, но, к счастью, вы сами вспомнили основы оптики и сообразили перевернуть текст.

— Так это вы предупредили нас?

— Именно я, — демон снова склонился к броши и что-то нажал. Задняя спинка с застёжкой отскочила, и он вынул из-под неё маленький белый кругляшок. — Ну, вот, Дуэйт, это и есть сердце дракона, то, на что были наведены смертельные чары. Я заберу эту вещь, а брошь теперь безопасна и вы можете делать с ней что угодно, даже отдать Беренгару, хотя вряд ли он захочет её взять. Я его понимаю. Малоприятные воспоминания.

Он сунул кругляшок в небольшой кармашек на поясе и положил брошь обратно на бархат. Дуэйт всё ещё стоял, испуганно глядя на него, но любопытство теперь явно преобладало над страхом.

— Любознательность — отличное качество для мага, — усмехнулся демон, взглянув на него. — Если у вас есть вопросы, я отвечу на них.

— Зачем вы это сделали? — выпалил Дуэйт.

— Если коротко, то для того, чтоб спутать карты Ротамону. Он — сущность чуждая вашему миру, однако пытается установить тут свои порядки и эти порядки мне не нравятся. Так что, считайте, что это между ним и мной. Ещё вопросы?

— Как он это сделал?

— Зловредная огненная магия. Как вам известно, она может передаваться на расстоянии только посредством агента, коими могут выступать как сущность или человек, наделённые магической силой через посвящение или клеймение, так и какой-либо предмет. В данном случае в качестве агента силы выступила мелкая монета, изготовленная из металла, которого на вашей планете нет, он завезён из космоса. Его физические свойства таковы, что на него может быть наведён ментальный луч, передающий действие огненного заклятия смерти. Именно потому, что этот предмет явно неуместен в этом мире, я его заберу.

— Ротамон вступил в союз с землянами? — спросил Дуэйт, но Кратегус покачал головой.

— Земляне тут совершенно не при чём. Он пытается заключить союз непосредственно с королём Ричардом, но тот колеблется. Он дал Ротамону задание уничтожить Беренгара с тем, чтоб проверить его надёжность и полезность. Пока мы этому помешали.

— Но он может попробовать снова?

— Если окончательно не провалить эту миссию Ротамона, то да.

— Как её можно провалить?

Демон улыбнулся.

— Вы мне нравитесь, Дуэйт, — заметил он. — Я вижу, что вы искренне преданы альдору и своему народу, и я нахожу это заслуживающим уважения. Позвольте пожать вашу руку!

Это было столь неожиданно, что Дуэйт растерялся и не успел понять, что происходит, как демон подошёл и протянул ему руку. Наверно это тоже была магия, потому что Дуэйт, будучи умным и опытным магом, вдруг сам вложил свою руку в ладонь демона и замер, почувствовав приятную прохладу, которая заструилась по его пальцам. Получив свою руку назад, он посмотрел на неё и не увидел никакого следа от ожога на ладони.

— Маленькая компенсация доставленных неудобств, — пояснил демон. — А теперь слушайте, что нужно сделать.

Следующим днём, который был тёмным, Дуэйт прогуливался по галерее с двумя старшими принцессами. Он был в курсе разоблачённой интриги Дамы Полуночи. Все знали, что она находится под арестом в подземелье и против неё начато следствие. Эта новость мгновенно облетела не только замок, но и город, добавив радости к всенародному празднику. Однако никто толком не знал, что произошло. Конечно, некоторые из гостей помнили, как загорелась статуя, но никак не увязали это происшествие с разоблачённым заговором. К тому же альдор сказал, что это всего лишь упавшая свеча, и неважно, что никаких свечей поблизости не было, он сказал, и все приняли его объяснение. Он же альдор.

И вот теперь Дуэйт оказался в центре внимания, потому что заговор, по слухам, имел целью известить контаррена Беренгара с помощью заклятья смерти. Многие дамы кружили возле молодого мага, как мотыльки вокруг огня. Им хотелось всё разведать, чтоб потом понести золотую пыльцу свежих сплетен на своих изящных крыльшках и на какие-то волшебные мгновения оказаться в центре внимания. Но их опередила принцесса Ортелла, подхватив Дуэйта под руку. С другой стороны оказалась принцесса Вирена, совсем юная, но не по годам умная и решительная.

— Ну, же, Дуэйт, душка, расскажите нам правду, — уговаривали его сёстры.

— Я не могу, мои принцессы. Альдор категорически запретил разглашать сведения до суда, — вежливо отнекивался он, пока они шли, поглядывая на обновлённых грифонов и рыцарей с гербовыми щитами.

— Дуэйт, вы же любите нас, — ныла Ортелла, едва не прижимаясь нежными губками к его щеке и обдавая ароматом фиалок.

— Только если вы поклянетесь, что никому не скажете, — начал уступать он.

Девушки были расстроены. Но знать и молчать — это всё же лучше, чем не знать. Само знание тайны возвышает над незнающими её. К тому же тайное знание куда более ценно, чем пустые сплетни, ценность которых живёт лишь краткий миг, пока они со скоростью ветра разносятся по залам замка, а потом они не стоят ни гроша. Рассудив так, сёстры подвели мага к главной статуе Синего Грифона и, коснувшись его орлиных когтей,

пообещали хранить всё в тайне, пока им не разрешат открыть её другим.

После этого они отправились во внутренний дворик, и Дуэйт долго ходил по дорожкам тёмного сада, выбирая место для своего откровения. Наконец, он сел на скамейку напротив журчащего фонтанчика, и принцессы тут же присели рядом. Он честно рассказал им всё от начала до конца, с того момента, как в стеклянном шаре среди чернильной темноты проглянули горящие тревожные руны странного предупреждения. Он расписал им в подробностях, как искал разгадку этой головоломки, и, девушки, будучи умными и образованными, внимательно слушали его и кивали красивыми головками. И закончил он свой рассказ тем, что поведал об обстоятельствах ареста Дамы Полуночи, которые знал со слов других.

— И что же, она призналась? — спросила Вирена.

— Понятия не имею, — небрежно пожал плечами Дуэйт. — Об этом лучше спросить у лорда Деллана.

— Думаю, что проще расспросить об этом колонну в тронном зале, — слегка разочарованно пробормотала Ортелла. — Она скорее разоткровенничается.

— А что эти буквы в шаре? — спросила Вирена, которую более всего заинтересовала головоломка. — Откуда эта подсказка?

— А вот это — самая большая тайна, о которой никто не должен знать, — непреклонно заявил Дуэйт.

— А за поцелуй? — обольстительно улыбнулась принцесса.

— Нет, — твёрдо заявил он.

— А за два? — накинула цену Ортелла.

— Только между нами, — вздохнул Дуэйт, не устояв перед соблазном. — Эта информация никогда не будет оглашена, потому что это государственная тайна.

— Мы уже поклялись, — напомнила Вирена. — И мы не дети. Что такое государственная тайна мы знаем и умеем их хранить.

— Конечно, — согласился он. — Так вот, у нас есть тайный союзник, который вызвался навести тень на короля Ричарда и мешать ему во всём. Он намерен помочь нам в войне в обмен на право учредить в луаре свой храм.

— И кто же это? — спросила Ортелла, сверкая от любопытства глазами.

— Колдун Ротамон. Я сказал, но вы ни в коем случае никогда не должны произносить это имя.

— Конечно, — задумчиво кивнула Вирена. — Значит, у нас есть тайный союзник.

Они ещё немного посидели и, поднявшись, прошли по дорожке к входу на галерею. А в это время на скамье по другую сторону живой изгороди в глубокой и мрачной задумчивости сидел посланник Сен-Марко граф Деманкур. Наконец, он решительно поднялся и, вернувшись в предоставленные ему покои, срочно вызвал своего секретаря.

Король Ричард был мрачен уже несколько дней. Лишь некоторые посвящённые в тайные переговоры с колдуном знали о причинах его настроения. Он ждал вестей из луара Синего Грифона, вестей об ужасной смерти Беренгара, последовавшей во время празднования дня рождения альдорены. Эта новость наверняка потрясла весь город, и конечно, уже первые купцы, добравшиеся после этого до Сен-Марко, должны были привезти слухи об этом, разросшиеся до масштабов эпической трагедии. Но, нет, купцы говорили о том, что празднование удалось, весь луар отмечал его ярмарками, представлениям и народными гуляниями. Они рассказывали о том, что альдор выставил горожанам несколько бочек превосходного вина из своих подвалов, а Ликар оплатил всё пиво, что было заказано в этот день на пивоварнях ремесленными цехами и дружинами ополчения. Они говорили о великолепном фейерверке, который расцвел своими огнями синее вечернее небо над замком, о песнях, звучавших на улицах, и о том, что во всех трактирах и тавернах в этот день подавали отлично зажаренную дичь и первые яблоки нового урожая. И лишь вскользь проскальзывали в их восторженных рассказах упоминания о том, что Дама Полночи неожиданно впала в немилость и даже будто бы была заточена в подземелье.

Ричард хмурился, но ничего не говорил. Он надеялся, что альдор просто скрывает факт гибели своего новоявленного контаррена, дожидаясь результатов расследования. И то, что расследование идёт, вскоре подтвердилось, потому что следующая группа купцов, привёзшая товары из луара в Сен-Марко, оказалась состоящей исключительно из алкорцев. Они сообщили, что подданных Сен-Марко не выпускают из города, многие попали под арест. Это было плохой новостью, потому что значило, что след всё-таки привёл сыщиков Деллана к Сен-Марко, но беспрецедентное нарушение дипломатических правил говорило о том, что альдор в ярости, а чтоб его разозлить, нужно, по меньшей мере, убить его главного военачальника. Так думал Ричард. Но ещё через несколько дней в ворота города въехал отряд рыцарей под предводительством барона де Сегюра.

Отряд боевым порядком проследовал к королевскому замку, где воинов встретил барон фон Вебер и, раскланявшись перед Марком де Сегюром, тут же вызвал пажа, чтоб тот препроводил его к королю. Молодой человек, не удосужившись стряхнуть дорожную пыль с доспехов, проследовал за мальчиком, и его тут же принял в своих покоях король, выгнав оттуда всех, кто там находился. Беседа длилась недолго, и вскоре король отпустил де Сегюра, велел казначею выдать ему сто золотых марок, а сам приказал немедля отыскать графа Раймунда.

И всё же де Сегюр нашёл его первым, напрямик направившись в мрачный кабинет, расположенный в Серой башне. Последние два года Марк де Сегюр жил в луаре Синего Грифона и сумел пробиться в свиту энфера, покорив того своей благородной внешностью, отменным фехтованием и изысканными манерами. При этом он тайно служил Сен-Марко и часто добывал куда более ценные сведения, чем посланник граф Деманкур, находившийся под постоянным наблюдением Деллана.

— Значит, Беренгар жив, — произнёс граф Раймунд, взглянув на молодого рыцаря, присевшего к столу.

Марк был бледен и даже измождён, его густая борода отросла, подчёркивая запавшие скулы, но его глаза поблескивали воронёной сталью. Только сейчас граф заметил несколько

белых нитей, пробежавших в волнах его длинных тёмных локонов.

— Жив и здоров, — кивнул Марк и налил себе в кубок вина. — Если это вы задумали эту глупую авантюру с его убийством, граф, то у меня на вас зуб на всю жизнь. Альдор был предупреждён о покушении, и его куртизанка билась, как птичка в силках, пытаюсь сделать то, что ей велели, в то время как Ликар с любопытством наблюдал за её тщетными усилиями. Она выбежала из зала сразу после того, как загорелась статуя, и больше её никто не видел. А после пира начались аресты. Я два года продержался при энфере, будучи вне подозрений, но на этот раз за мной пришли и взяли прямо из постели, не дав одеться.

— Значит, вас допрашивали?

— О подробностях спросите у моей спины! — прорычал Марк. — Со мной взяли шесть рыцарей замковой охраны и гарнизона крепости. Я молчал и всё отрицал, а как держались они, не знаю. По-видимому, кто-то проговорился, потому что после нас арестовали ещё несколько человек.

— Но вы здесь.

— Альдор проявил милосердие к поданным Сен-Марко, — мрачно проговорил де Сегюр, потирая запястья. — Так мне сказал Деллан, когда с меня снимали цепи. Все арестованные алкорцы, с которыми я был связан, остались там и будут казнены. Среди них были отважные и преданные нам люди. Наша сеть агентов, которую мы создавали столько лет, фактически уничтожена.

— Они отпустили всех наших людей?

— Кроме Брево. Говорят, его взяли первым. Полагаю, что это он выдал меня и других. Я всегда знал, что он — трусливая жадная свинья.

— Он не был воином, как вы, Марк, но он долго служил королю верой и правдой. И, если его взяли первым, значит, увязали с покушением на Беренгара. Думаю, что в его случае пострадала не только спина.

— Какой дурак вообще задумал убить маршала? — снова зарычал де Сегюр. — Он действовал в своём праве, тем более после того, как его выгнали отсюда!

— Этот дурак — король, — прямо ответил граф. — И вы понимаете, что его приказы не обсуждаются. Идея привлечь эту куртизанку тоже принадлежала ему. У вас были с ней контакты?

— Да, она поглядывала на меня с интересом, разумеется, так, чтоб никто не видел, и не воспользоваться этим было глупо. Не часто, но я встречался с ней. Именно так я и раздобыл карту восточных гор. Но после она отказала мне во встречах, заявив, что это опасно. Если бы она сказала Деллану об этой интрижке, то меня бы не выпустили оттуда живым.

— Думаю, что, промолчав об этом, она защищала не вас, а себя. Так кто же предупредил альдора? Она?

— И он запер её в подземелье? Вряд ли с ней обращаются там ласковей, чем со мной. Нет. Я не знаю. Может, Деманкур что-то выяснит. Он остался там. Посланника не тронут. Вот только агентуры у него больше нет.

— С вами прибыли рыцари. А купцы?

— Они едут следом за нами, нагруженные своими товарами и скарбом, который смогли увезти. Выслали около полусотни наших людей. Они едут с семьями. Им дали на сборы всего одни тёмные сутки и выставили за ворота. Всё, что они не смогли взять с собой, отошло в казну альдора. Я боюсь, что Деллан накопал достаточно, если алкорцы осмелились на такой шаг. Я попытался предостеречь его величество от опрометчивых шагов, но прошу вас

убедить его не рубить в этом деле с плеча. Наша игра провалилась из-за одного предателя. Сначала нужно узнать, кто это, и что узнали алкорцы, а потом принимать решение.

— Я согласен, и прямо сейчас иду к королю. А вам нужно отдохнуть и показаться лекарю. У вас болезненный вид, Марк. Кстати, ваш старый друг барон Делвин-Элидир в городе и, думаю, с радостью окажет вам гостеприимство.

— Первая приятная новость за эти ужасные дни, — пробормотал рыцарь, тяжело поднимаясь, словно железные доспехи тянули его к земле. — И прошу вас простить мне мою горячность. Возможно, я наговорил лишнее о короле и...

— Вы ничего плохого о короле не говорили, — спокойно взглянув на него, ответил граф. — Возможно, вы были слегка возбуждены во время нашего разговора, но, учитывая, что вы пережили, это более чем простительно.

Поклонившись, Марк де Сегюр вышел из кабинета, а граф подошёл к окну, чтоб взглянуть на затянутые серым туманом лесистые холмы вдаль. Он был рад, что его старый друг Беренгар уцелел, но сердце болезненно сжималось при мысли о том, что он не только лишился своих глаз и ушей в луаре, но и больше никогда не увидит многих преданных Сен-Марко алкорцев, которых знал лично. И всё из-за неуместной злобы короля на старого маршала. И это только начало. Теперь следует ждать официальной реакции альдора на этот выпад.

Реакция эта последовала вскоре, когда посланник Синего Грифона барон Фромен запросил аудиенцию короля. Он вошёл в тронный зал, заполненный придворными, и гордо прошествовал к королю, восседавшему на возвышении в короне и со всеми регалиями. Барон шёл, грозно чеканя шаг, его белоснежная тога придавала его суровому образу вид торжественный и строгий, драгоценные пояс, цепь на груди и отделка ножен и меча приковывали взгляд мерцанием рубинов, сапфиров и изумрудов. Его золотистые, коротко постриженные кудри подчёркивали благородную бледность бесстрастного лица и холод голубых глаз. Подойдя, он склонился в поклоне и, гордо выпрямившись, произнёс звучным голосом:

— Ваше величество, мой господин, великий альдор Синего Грифона Аморе Сатум Алер уполномочил меня известить вас о том, что в луаре раскрыт заговор с целью убийства контаррена маркиза Беренгара. Все причастные к нему лица были арестованы и допрошены, однако, великий альдор, верный заключённому перемирию, счёл возможным помиловать причастных лиц, являющихся подданными Сен-Марко, ограничившись их высылкой из луара. Остальные предстанут перед судом лордов и понесут заслуженное наказание. Поскольку лорд контаррен является официальным лицом луара и главным военачальником нашей армии, то покушение на его жизнь в период перемирия расценивается нами как акт агрессии и нарушение договора, заключённого королём Арманом с великим альдором. В связи с этим мы вправе предпринять меры по укреплению нашей обороны. С этой целью все лица, прибывающие в луар из Сен-Марко, будут отныне подвергаться дополнительной проверке и досмотру. Рыцари, не принесшие в течение трёх полных суток клятву верности альдору, будут выдворяться из луара. Кроме того, ваш царственный брат просил меня на словах предостеречь вас от дальнейших недружественных шагов в период перемирия, поскольку любой из них будет воспринят нами, как сигнал о возобновлении военных действий, со всеми вытекающими из этого последствиями.

С поклоном он протянул королю свиток, который по безмолвному приказу Ричарда

принял у него сенешаль. Взяв в руки пергамент, король нервно сорвал печать и, развернув его, быстро пробежал глазами строки, красиво начертанные придворным писцом.

— Что ж, барон, — поджав губы, но спокойным голосом произнёс король, — отдаю вам должное. Вы в самой дипломатичной манере донесли до нас то, что велел передать нам наш царственный брат. Но скажите мне, с чего вы взяли, что за этим покушением стоит Сен-Марко?

— Я не знаю всех подробностей этого происшествия, ваше величество, — ответил посланник, — но мне сообщили, что купец Брево ещё до покушения сознался, что получил заговорённую на заклятие смерти брошь в доме графа Раймунда в Сен-Марко от него самого. Он подробно повторил все инструкции, которые были ему даны. Изабель Моро, ранее носившая титул Дамы Полуночи, действовала в точности с полученными инструкциями. Свидетелями её навязчивых попыток были многие, в том числе великий альдор, благородный энфер и другие лица, присутствовавшие на пиру. Позднее на допросе она подтвердила, что старалась передать брошь лорду контаррену по приказу некоего лица в Сен-Марко, переданному ей через Брево.

— Я полагаю, это признание вырвано у дамы под пыткой, — усмехнулся король.

— Я не располагаю такими сведениями, ваше величество. Сейчас расследование продолжается, и всё, что будет установлено, послужит основанием для судебного процесса.

— Процесс будет открытым? — мрачно спросил Ричард.

— Безусловно, чтоб никто не обвинил великого альдора в том, что он тайно избавился от своей любовницы.

Король задумался, а потом поднял голову.

— Я с прискорбием узнаю о том, что некоторые наши подданные, презрев условия перемирия, сочли возможным подобные действия. Однако я хочу заверить нашего царственного брата великого альдора Синего Грифона, что мы в свою очередь проведём собственное расследование и накажем всех причастных к этому. Заверьте вашего повелителя от моего имени, что произошло недоразумение, которое весьма огорчает меня. Я прошу его не делать из всего этого скоропалительных выводов и не предавать огласке детали этого происшествия. Если он хочет предать виновных суду лордов — это его неоспоримое право, но я прошу сделать процесс закрытым и передать нам все имеющиеся об этом сведения, чтоб мы могли удовлетворить его недовольство, примерно наказав виновных.

— Я передам великому альдору вашу просьбу, — поклонился алкорец и отошёл в сторону.

Уже час спустя король сидел в своём просторном, богато отделанном кабинете и мрачно смотрел на графа Раймунда.

— Это ваш провал, граф, — резко произнёс он, бросив на стол пергаментный свиток с красной сургучной печатью. — Мало того, что Беренгар жив, что наши шпионы попались, так ещё и ваше собственное имя всплывает в связи с этим скандалом! Я обещал наказать виновных, и я это сделаю! Надеюсь, вы не считаете, что ни в чём не повинны в данном случае. Мы опозорены на весь мир! Теперь у альдора развязаны руки, и он может ужесточить охрану своих границ, любую вылазку на свою территорию расценив, как возобновление военных действий и, обвинив нас в нарушении договора, выступить первым. А мы будем даже не в курсе того, насколько наш противник к этому готов!

Граф спокойно выслушал эту тираду и невозмутимо произнёс:

— Этого бы не случилось, ваше величество, если б не предательство ещё одного лица, привлечённого к этой операции, но не дававшего вам клятву верности. Нас предали ещё до того, как мы начали действовать, что подтверждается словами посланника Фромена о том, что Брево был арестован и допрошен до покушения. И именно то лицо, которое было привлечено против моей воли, ответственно за этот провал. Я понимаю, что допустил ошибку, лично встретившись с Брево, но при этом я действовал исключительно во избежание того самого провала. Теперь, когда моё имя опорочено, я сознаю, что именно мне придётся понести наказание, чтоб снять любые обвинения с вас и Сен-Марко. Я готов к этому, но прошу вас не лишать моего сына и племянника вашей милости, оставив им причитающееся наследство и привилегии.

— О каком ещё лице вы говорите? — раздражённо бросил Ричард, исподлобья глядя на графа. — Кого ещё вы привлекли?

— Не я. Я не имел к этому никакого отношения и был поставлен перед фактом. Вот донесение нашего посланника графа Деманкура, которому удалось выяснить, кто предупредил алкорцев о готовящемся покушении на Беренгара.

Граф положил на стол белый лист, исписанный какими-то знаками. Над ними виднелись чёткие строчки расшифровки, написанные рукой Ортанта.

— Что там? — спросил король, указав на лист бумаги.

— Деманкур стал свидетелем разговора придворного мага Дуэйта со старшими принцессами, когда тот рассказал им всё об обстоятельствах раскрытия заговора. Это он узнал о готовящемся покушении, получив послание, написанное огненными буквами в стеклянном шаре.

— Что за чушь? — взорвался король.

— Не чушь, ваше величество, или не большая чушь, чем воспламенение человека с помощью заклинания, произнесённого на расстоянии. Автором этого сообщения в шаре был колдун Ротамон, который ранее вступил в союз с альдором, затребовав у того право на строительство собственного храма в луаре. Замечу, ваше величество, что Деманкур ничего не знал о колдуне и наших переговорах с ним. Он даже не слышал его имени. Но в его донесении чётко указано, что, по словам Дуэйта, Ротамон обязался всячески вредить Сен-Марко перед грядущей войной. И вот он добился того, что мы пошли у него на поводу, были одурачены и ославлены на весь мир. Вы лишились агентурной сети в луаре, а альдор, заманивший нас в свою ловушку с помощью колдуна, теперь диктует нам условия, шантажируя открытым процессом. И теперь, когда я вынужден сложить с себя полномочия главы тайной полиции и сдать стражникам, я уповаю только на то, чтоб мой преемник смог разобраться в этом деле лучше меня и устранил все последствия этого провала, насколько это возможно.

Ричард сидел в кресле, сцепив пальцы и сумрачно глядя на письмо, потом резко выпрямился, схватил его и внимательно прочёл.

— Сомнений нет, — задумчиво проговорил он. — Этот старый лис альдор обвёл нас вокруг пальца, подсунув нам своего колдуна! И мы при этом остались виноваты. Наверняка он потирает руки, разделавшись с нашими верными слугами в луаре, да ещё предвкушает, что и в Сен-Марко полетят головы. Но этого не будет! Я не пойду у него на поводу! Вы остаётесь на своём посту! Я, как и вы, разделяю ответственность за эту неудачу, поскольку сам решил привлечь к делу колдуна. Вы с самого начала были против, а я не послушал вас. Возможно, Деллан ждёт не дожждётся известий о вашей опале. Что ж, разочаруем его! У нас

есть верные люди из числа алкорцев, которых не заподозрят в связи с нами?

— Не так много, но есть. Думаю, барон де Сегюр сможет дать нам список имён тех, кто проживает в луаре и пригоден для сотрудничества.

— Вы поняли меня правильно, граф, — кивнул Ричард. — Займитесь если не восстановлением нашей агентуры, то хотя бы засылкой отдельных наблюдательных и преданных людей. Нам нужны сведения из луара! Любой ценой! Подумайте, что мы можем предложить альдору за услугу в виде закрытого суда над заговорщиками.

— Ваше величество, я полагаю, что, для начала, следует сделать вид, что вы выполняете своё обещание, и, поскольку моё имя уже прозвучало, мне следует демонстративно уйти в тень, в то время как на мою должность будет назначен кто-то из верных нам людей. После случившегося мне неуместно будет вести переговоры с Фроменом.

— Вы правы. Кто может временно заменить вас? Естественно под вашим негласным руководством.

— Я полагаю, барон де Грамон, ваше величество. Он вассал Сен-Марко, умный, сдержанный, хорошо образован, к тому же имеет несомненный талант к тайной дипломатии.

— Не слишком молод? — нахмурился Ричард.

— Он не возглавит тайную полицию. Он будет лишь номинально управлять ею и выполнять мои поручения. Для него это будет прекрасной школой.

— И конечно, в силу отсутствия опыта, он вряд ли убедит нас, что мы можем и впредь обходиться без вас, — понимающе усмехнулся король. — Найдите его и сразу же возвращайтесь ко мне. Подготовьте все необходимые документы. До окончания суда в луаре и получения сведений о процессе вы будете официально находиться под строгим домашним арестом, а следствие мы поручим де Грамону. Пусть заодно прошерстит двор в поисках шпионов альдора. Они тут наверняка есть. Тогда мы сможем хоть в какой-то мере компенсировать наши потери, лишив его собственных агентов.

— Я полагаю, что мы можем открыть перед Фроменом некоторые карты, — добавил Раймунд, — рассказав, кто в действительности осуществлял связь с колдуном, а именно леди Ровена Кутберт.

— Отличная идея! — оживился Ричард. — Также следует немедленно арестовать её мужа и обоих обвинить в том, что они сговорились с колдуном против Беренгара. Они ведь с севера, а там многие его ненавидят. У нас будет, чем прикрыть этот скандал, а официально мы обвиним эту парочку в колдовстве и отправим на костёр. Они действительно в сговоре с колдуном! Вот пусть это и будет записано в протоколах следствия и подтверждено приговором нашего суда. Эту версию мы преподнесём альдору, и ему нечем будет крыть, если он, конечно, не пожелает опровергнуть её, выдав собственный сговор с Ротамоном. Вашу роль во всём этом мы вообще не станем обсуждать, ссылаясь на государственные интересы.

— Не думаю, что это полностью опровергнет обвинения альдора, но две точки зрения, подтверждённые решениями судебных коллегий, имеют примерно равный вес, а значит, вызовут колебания. Так мы отыграем некоторые позиции.

— Вот и отлично! Действуйте, граф, действуйте!

И проводив Раймунда взглядом до самых дверей, король снова склонился над донесением Деманкура, а потом, скомкав его, с рычанием зашвырнул в самый дальний угол.

День медленно таял, растворяясь в подступающих голубых сумерках. Суэта города была

где-то далеко, за тёмными громадами старых зданий, и её шум не доходил до уютного красивого дома, закрытого от всех опасностей и невзгод высокой каменной стеной. Одно из окон второго этажа, широкое, стрельчатое, украшенное каменным бордюром, было открыто. На подоконнике, глядя на улицу, сидел барон де Сегюр. Наконец он смог снять с себя латы и плотный суконный камзол, его раны и ссадины были обработаны умелыми руками лекаря и слегка горели от душистых целебных бальзамов. Он чувствовал себя спокойно под защитой этих стен, в этом доме, который знал и любил со времён юности. На нём была лёгкая белая сорочка, сквозь которую проникала к коже приятная прохлада приближающегося вечера, удобные штаны из мягкого бархата и начищенные до блеска сапоги. Он смыл со своего тела пот и грязь темницы и дальней дороги, и его роскошные тёмные локоны снова блестели, как шёлк, а подстриженная борода больше не придавала разбойничий вид, лишь подчеркивая благородную мужественность облика. Если б так же просто было залечить душевные раны и смыть с сердца тёмную грязь обиды.

— Сто марок, Айолин! — воскликнул он. — Сто марок за дни и ночи, которые я полуголым провёл в грязном сыром подzemелье среди крыс и пауков, впроголодь, на хлебе и воде, за мою исполосованную в клочья спину, за раны от кандалов на моих руках и ногах, что навсегда останутся шрамами! За всё это сто марок! Придворным шутам и музыкантам платят вдвое больше за их фиглярство! Но, действительно, зачем тратиться на безземельного барона, от которого теперь нет никакой пользы! Они всё провалили, погубили столько людей, спустили восточную канаву всё, что я налаживал два года! И теперь просто выбросили меня на улицу! Раймунд был столь любезен, что сообщил мне, где я смогу преклонить голову! Он даже не соизволил позволить мне остаться во дворце!

— Нет, просто он умён и у него на твой счёт есть далеко идущие планы, — возразил барон Делвин-Элидир.

Он стоял рядом, накинув на плечи подбитую мехом накидку.

— Какие ещё планы! — с досадой воскликнул Марк. — В любом случае, его планы теперь ничего не стоят. Ричард отправил его под домашний арест и назначил командовать тайной полицией Рене де Грамона. Это всё не важно, Айолин. Главное, я жив! Только сейчас я начинаю понимать, какой опасности избежал. Боги дали мне стойкость выдержать все допросы. У Деллана ничего не было против меня, кроме моих встреч с попавшимся на горячем Брево. Если б они знали, чем я там занимался на самом деле, меня б никогда не выпустили оттуда живым. На моё счастье, на меня никто не указал, и я теперь здесь, с тобой.

Он обернулся и посмотрел на друга. Тот улыбнулся.

— Мне было грустно узнать, что ты предпочёл службу альдору, Марк, и я рад, что ты вернулся. Не переживай, не Раймунд, так де Грамон знает о твоих заслугах. Как бы там ни было, но твои знания о луаре бесценны в преддверии войны. Они о тебе вспомнят, но теперь назначать цену будешь ты. И не стесняйся. Теперь здесь уже никто не стесняется просить больше.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Марк. — Одной благодарностью сыт не будешь. А что ты имел в виду, сказав о планах Раймунда?

— Думаю, что он не зря отправил тебя ко мне, а не к тётке, которая до сих пор коптит небо в своём доме возле рыночной площади.

— В очень бедном доме, по сравнению с твоим, — усмехнулся де Сегюр.

— И всё же я сомневаюсь, что граф Раймунд беспокоился о том, чтоб тебе было уютнее в твоём пристанище. Помяни моё слово, очень скоро тебя пригласят на приватную беседу,

где помимо прочего предложат шпионить за мной и тем кружком молодых рыцарей, что формируется вокруг Жоана, и куда я вхож, как новый компаньон принца. Ричарду нужно всё контролировать, а поскольку он возвысил меня, то желает держать все мои связи в своих руках.

— Вот как... — де Сегюр перевёл задумчивый взгляд на улицу.

— Я не против того, чтоб ты принял предложение. Просто, думаю, ты должен знать, что я буду в курсе этого, даже если ты мне об этом не скажешь. Вот увидишь, скоро тебе предложат возобновить дружбу с Алларом, Адемаром, де Мореном, Ренаром-Амоди и прочими случайно уцелевшими баронами короля Армана. Твой талант шпиона будет очень даже востребован, так что не продешеви.

Де Сегюр снова взглянул на него и усмехнулся.

— Ты имеешь в виду, что, продавая друзей, я должен запросить достойную цену?

— Я имею в виду, что теперь при дворе все так делают. А ты беден и, не смотря на все свои подвиги, состояния не нажил. У тебя нет даже своего дома. Так что предполагается, что артачиться ты не будешь. Думаю, что Ричард дал тебе награду в размере жалования младшей фрейлины лишь потому, что скоро намерен в дополнение предложить куда более выгодное дело. Это в его привычке: сперва слегка пнуть, а потом утешить и обласкать. Небескорыстно, естественно.

Марк продолжал с усмешкой смотреть на него, но эта усмешка приобрела слегка азартное выражение.

— Возможно, ты прав, — кивнул он, наконец. — Но с другой стороны, я привык к малому, и самое дорогое, что у меня осталось, это мои друзья. Я поехал в луар, рискуя жизнью, ради Сен-Марко, а не ради этого короля. И даже если я приму его предложение, если оно, конечно, последует, я буду играть по своим правилам.

— Я знаю, — кивнул Айолин, и тоже усмехнулся, — и никому не скажу.

Утро следующего светлого дня застало друзей на площади недалеко от городских ворот. Айолин и Марк стояли в толпе, глядя на два помоста, выложенных дровами, где палачи заканчивали последние приготовления. Оглядевшись, они заметили неподалёку капитана Карнача и одного из его гвардейцев. Обменявшись с бароном Делвин-Элидиром церемонным поклоном, они вернулись к молчаливому созерцанию.

Тем временем на помосты вывели высокую бледную женщину в белой длинной рубашке, а следом маленького испуганного толстяка, который плакал и всё норовил вырваться. Их цепями приковали к двум столбам над кучами дров, и пожилой глашатай зачитал звонким юношеским голосом приговор.

— Я полагал, он хотя бы позволит удавить её перед смертью или опоить отравленным вином, — шепнул Марк, наклонившись к Айолину.

— Ей даже не позволят задохнуться от дыма, — проговорил тот. — Ричард не знает сострадания к тем, кто его разочаровал и тем более подставил.

Тем временем глашатай сошёл с помоста и палачи под истошные вопли мужчины факелами подожгли дрова.

— Что ж, думаю, теперь всё ясно, — вздохнул Айолин. — Даже если последует акт о помиловании, он опоздал.

— Да, пойдём. Я не любитель подобных зрелищ, — согласился Марк. — Одно дело — убить врага в бою, и совсем другое — сжечь женщину.

Они начали пробираться сквозь толпу. Вслед им неслись вопли сэра Кутберта, к которым вскоре всё-таки присоединились крики его несчастной супруги. Они уже вышли на улицу, когда увидели неподалёку гвардейцев. Бледный, как полотно, капитан Карнач с каменным лицом натягивал на руки перчатки, а стоявший рядом Игнат Москаленко тоскливо смотрел куда-то в блёклое, едва посветлевшее небо. Немного подумав, Айолин решил подойти. Он представил их своему другу, а потом обменялся понимающим взглядом с капитаном. Да, дело было сделано, Ричард оборвал единственную нить, связывавшую его с колдуном. Но цена, которой была оплачена эта победа, оказалась слишком высока. Страшная смерть королевской фаворитки и её мужа потрясли Карнача и его друзей, а Айолин к тому же знал о том, что в луаре несколько шпионов Сен-Марко попали в смертельную западню, из которой им уже не выбраться. И раньше Айолин бы даже не задумался, стоит ли этих смертей жизнь Беренгара и изгнание колдуна, но сейчас, посмотрев на лица своих новых друзей, он понял, что для них даже сами размышления о соразмерности такой платы явно неуместны. «Они совсем другие, — снова подумал он, — для них, похоже, каждая жизнь бесценна. Но в нашем мире слишком часто приходится решать, чью жизнь ты готов отдать за достижение своей цели». Он посмотрел на Марка. Тот внезапно болезненно стиснул зубы в тот самый миг, когда издали сквозь гул толпы послышался ещё один истошный крик женщины.

— Идёмте в трактир, господа, — почти умоляюще произнёс он.

— Пожалуй, стоит выпить, — подавленно кивнул Карнач, хоть для него это был слишком ранний час.

Они направились по улице к ближайшему трактиру.

В то же время ещё два человека наблюдали за казнью, без особых эмоций глядя на пылающие совсем близко от них костры сквозь частую решётку, прикрывавшую окна соседнего дома. Когда крики умирающих в огне смолкли, женщина удовлетворённо кивнула и произнесла:

— Что ж, ваше величество, дело сделано. Если б вы посоветовались со мной раньше, то до этого бы не дошло. Я хорошо знаю тёмную сторону колдовства, и могла бы предостеречь вас, напомнив, что её дары никогда не приводят к добру.

— Мне остаётся только согласиться с вами, миледи, — кивнул король. — Но искушение было так велико. Если б мы могли так просто сжигать наших врагов.

— Вы можете, — Дама Белой Башни указала на улицу, — но для этого нужны дрова. Магия никогда не бывает бесплатной, и плата зачастую превышает выгоду от её применения. Особенно чёрная магия. Ваш колдун заманил вас в ловушку, но, к счастью, теперь мы знаем, что он наш враг. Пусть поздно, но мы предупреждены.

— Он должен быть наказан, как и эти его прислужники! — требовательно заявил Ричард. — Он предал нас и должен ответить за это! Я требую, чтоб вы уничтожили его, миледи!

— Увы, мой мальчик, это не в моей власти, — вздохнула она. — Всё время, которое прошло с того дня, когда во дворце произошли те страшные убийства, я искала ответ на вопрос, как нам устранить этого колдуна. Я понятия не имела, что вы пытаетесь использовать его, и думала лишь о том, как его уничтожить. Я искала ответ в наших тайных книгах и тех гримуарах, что мы выкупили и отбили в боях у алкорцев. Наконец, я нашла сведения о древнем колдовском сообществе, которое ещё во времена расцвета Алкора было

изгнано одним из Великих Тиранов. Он счёл их тёмные обряды угрозой для своего народа, а они затаили на него обиду. В результате уже много веков они скрываются в далёком космосе и, совершенствуя свою магию, мечтают свергнуть власть Тиранов и воцарится на Алкоре. Ротамон — это одно из наследственных имён членов ордена. Оно свидетельствует о том, что он маг ступени Тёмного Плаща. Это не самая высокая ступень, но стоящие на ней колдуны достаточно сильны, чтоб воздействовать на окружающую материю с помощью магии одной из стихий. Судя по всему, стихией, подвластной этому колдуну, является Огонь.

— Всё это интересно, — нетерпеливо произнёс Ричард. — Но меня интересует, как его убить?

— Не знаю. Колдуны Тёмного Плаща защищены заклятием неприкосновенности от людского потомства.

— Что это значит?

— Это значит, что рождённый человеком, будь то алкорец, землянин или представитель иной человеческой расы, не может его убить.

— Даже вы, миледи?

— Я ведьма, но я была рождена обычной женщиной. Рождённые людьми, чем бы они ни стали впоследствии, не могут преодолеть щит этого заклятия.

— Значит, нам придётся простить его?

— Существуют разные наказания, — улыбнулась Дама Белой Башни, — в том числе те, что не связаны со смертью. Но нам, прежде всего, следует позаботиться о том, чтоб защититься от его козней, а уже потом думать, как покарать его за то зло, что он нам причинил. Потому сейчас я займусь выработкой стратегии, которая позволит нам навсегда закрыть этому колдуну доступ в Сен-Марко. Следующим этапом будет защита от его магии наших войск, когда они выступят в поход. И уже после этого будем думать о том, как нам заставить его пожалеть об этом предательстве.

Ричард хмуро кивнул, согласившись с разумностью её рассуждений и чуть приоткрыв решётку окна, посмотрел на пылающие на помостах костры.

Хок тоже был на той площади. Он стоял в толпе и смотрел туда, где взметнулись к серым небесам два огненных столба. Это страшное зрелище навевало ему кошмарные воспоминания о других кострах, горевших в ночи, которые долго преследовали его пламенеющими призраками в прошлых жизнях. Но сейчас его тревожили не призраки. Он вдруг подумал о том, что та же участь может ждать и Изабо Моро, томящуюся сейчас в тюрьме альдора. И хоть она не вызывала у него тёплых чувств, он ощущал свою вину за то, что не может помочь ей. И он знал, что если она погибнет, он не сможет избавиться от этого чувства вины никогда.

Но он был не единственным человеком, которого беспокоила судьба Изабо. В тот же день Бен Олдридж вызвал к себе Кирилла Оршанина.

Кирилл явился без промедления, потому что в этом странном тёмном замке ему было совершенно нечем заняться. Ему казалось, что командир сторонится его, хотя, может быть, она просто была занята своими мыслями. Он оказался предоставленным самому себе. Он бродил по коридорам и лестницам замка, от нечего делать, изобретая экспериментальные маршруты, чтоб разобраться в механизме странных пространственных изменений этого места, или вступал в бесконечные беседы с местными голодранцами, играл с ними в кости и пару раз напросился на участие в охоте в горах. Но они были неинтересными

собеседниками, кости у них были меченные и, только заметив это, Кирилл начал выигрывать, а охота... бродить по горам ему нравилось, но он был категорически против убийства животных и это занятие ему скоро наскучило.

Ему начало надоедать бездействие. Он уже понял, что ждать заданий от Дарьи Ивановны не придется. Она сама часто вылетала на своих белых крыльях из замка, а ему приходилось ждать её, потому что не могла же она таскать его с собой за шкуру. К тому же он убедился, что в замке ей ничего не угрожает. Местные её побаивались и в то же время перед ней благоговели, как перед богиней. Олдридж был предупредителен и, судя по всему, склонен был, скорее, защищать её, чем угрожать. Короче, Кирилл чувствовал себя пятым колесом в телеге. Ему нечем было заняться, никто в нём не нуждался и его деятельная натура уже начала требовать активных действий. Именно потому внезапный приказ явиться в тронный зал он воспринял, как добрый знак, и немедля явился пред ясны очи старпома «Паладина».

Олдридж был ещё мрачнее, чем обычно, хотя, казалось бы, куда уж. Он хмуро взглянул на Кирилла и поманил его к себе.

— Помнишь Изабель Моро? — без предисловий спросил он.

— Конечно, — кивнул Кирилл, — ваш помощник по науке. Теперь вроде как Дама Полуночи при альдоре.

— Была, — уточнил Бен. — Она не просто так обреталась у альдора. Она поставляла некоторые сведения королю Сен-Марко. Ну, ты понимаешь.

— Конечно!

— Так вот, её раскрыли. Сейчас в луаре готовится суд, на котором её обвинят в шпионаже в пользу Сен-Марко и государственной измене, а также в покушении на убийство главнокомандующего армии альдора.

— И что, это всё обоснованно?

— Она дама талантливая, — недовольно проворчал Бен. — И хоть она сама заварила эту кашу, я хочу, чтоб ты её вытащил.

Кирилл с некоторым сомнением посмотрел на него.

— Вас очень огорчит, если я скажу, что это она передала королю Ричарду карту дороги к Грозовой горе?

Олдридж болезненно поморщился.

— Я знаю об этом. Но ведь он не будет спасать её.

— Это уж точно.

— Значит, вытащить её можем только мы, вернее, ты, как профессиональный разведчик-диверсант. Так сделаешь?

— А вы сами не можете?

— Могу, — терпеливо кивнул Бен. — И у меня есть несколько возможностей для этого. Одна из них — это ты. По моему мнению, самая надёжная. Так как?

Кирилл на минуту задумался, а потом на всякий случай уточнил:

— Командор Моро ведь ещё не уволена из флота?

— Конечно, нет! Кто её уволит?

— Я тоже не уволен. И вы старший по званию. Выходит, выбора у меня нет.

— Что тебе нужно для этого?

— Сколько у меня времени?

— Дней пять, не больше.

— Деньги и конь у меня есть. Остальное найду на месте. Ребята помогут. Мне б проводника, чтоб вывел меня отсюда в долину.

— Если скажешь, тебя отсюда на руках вынесут. Эл, — Бен обернулся и из-за трона показался Багси. — Скажи Зикуру, пусть соберёт свою шайку и проводит его в обход цитадели к началу дороги в долине.

— А если он предаст? — подозрительно взглянув на Кирилла, спросил Эл. — Может, отправить Зикура с ним в луар? Если вильнёт, то...

— Он шутит, — мрачно пояснил Олдридж и добавил, обращаясь к своему другу: — Ты ведь тоже пока не уволен с флота.

— Это вопрос времени, — проворчал Эл и отправился искать Зикура.

В тот же день Кирилл, оставив Дарье Ивановне письмо, покинул замок и, ведя под уздцы отдохнувшего коня, ушёл в горы.

Очередной военный совет Сен-Марко состоялся тёмным днём. Круглый зал освещался неверным светом свечей, горевших в канделябрах, установленных на большом столе, вокруг которого сидели члены совета. Тревожные рыжеватые отсветы лежали на их сосредоточенных лицах. Король снова был мрачен. Последнее время его редко видели весёлым или довольным чем-то, и его настроение явно тяготило всех. Дело шло к войне и дурное расположение духа правителя не предвещало ничего хорошего. К тому же явное ухудшение дипломатических отношений с луаром Синего Грифона и существенный ущерб, нанесённый репутации Сен-Марко этим странным скандалом с покушением на Беренгара, ещё более усугубляли и без того сложное положение. Уже было известно, что часть алкорских рыцарей, недавно приехавших в город, спешно покинули его, отправившись в луар. За ними уехали три барона, которые, по слухам были задеты тем, что кто-то ставит Беренгару в вину его законное право выбирать сторону в грядущей войне. С ними из будущей армии Сен-Марко убыло почти полтысячи конных и пеших воинов, входивших в их дружины. Потому придворные молчали, поглядывая на короля и раздумывая, чем это всё обернётся для них.

На сей раз место графа Раймунда занял барон де Грамон, мужчина лет тридцати, приятной, но незапоминающейся наружности. В начале совета он доложил, что им уже послан в луар гонец с копиями протоколов допросов сэра Кутберта и его жены, а также приговора суда и выписки из регистрационной книги о приведении его в исполнение. Эти документы свидетельствовали о том, что указанные лица, движимые личной ненавистью к Беренгару, основанной на зависти к его богатству и влиянию на Севере, замыслили убийство, для чего вступили в сговор с колдуном Ротамоном. Будучи разоблачёнными, они признали свою вину и были осуждены на смертную казнь через сожжение на костре.

Внешне эта версия выглядела убедительно, если не считать того, что никак не объясняла участие в этом деле графа Раймунда. Однако в прилагаемом к документам письме пояснялось, что граф удалён от двора, находится под домашним арестом и в отношении него ведётся расследование.

Закончив доклад, барон де Грамон взглянул на короля в ожидании вопросов, но тот лишь махнул ему рукой, и молодой человек сел, аккуратно складывая перед собой исписанные листы бумаги.

— Таким вот нехитрым способом нам удалось оправдаться перед луаром, — хмуро произнёс король. — Хотя сам факт того, что мы вынуждены оправдываться перед алкорцами, является оскорбительным для нас. Однако теперь, когда до окончания перемирия осталось чуть больше месяца, мы не можем рисковать и позволять нашему врагу перехватить инициативу. Они приняли меры для обеспечения секретности своей подготовки к войне, но и то, чем мы располагаем, выглядит весьма тревожно. За прошедший год альдор укрепил и перестроил внешние стены луара. Нам известно, что теперь он располагает новым эффективным оружием, о характеристиках которого нам ничего не удалось узнать. Это нас беспокоит. Барон де Грамон прилагает усилия для того, чтоб возобновить получение стратегически важных сведений из луара, но на это потребуется определённое время, которого у нас нет. Нам нужно обмануть противника, сделать неожиданный для него ход, заставить его нервничать, но не давать повода для преждевременного вступления в войну.

— О каком ходе говорит ваше величество? — спросил барон де Сансер.

— Мы предпримем ещё один поход до окончания перемирия, но он будет направлен не на луар, — ответил Ричард. — Заставим противника поволноваться, быть может, он предпримет поспешные и необдуманные шаги, которыми мы сможем позже воспользоваться. А если этот поход увенчается успехом, то и наша война с луаром будет победоносной.

— Против кого мы будем выступать? — настороженно спросил маркиз Вайолет. — У нас заключены пакты о ненападении и свободной торговле со всеми свободными городами. А все остальные города и замки представляют собой сравнительно незначительные цели, чтоб выступать против них всей армией.

— Есть одна цель, которая заслуживает таких усилий, но я хочу, чтоб до поры до времени она держалась в полном секрете. Вчера барон де Грамон сообщил нам о подозрениях в отношении двух рыцарей, которые служат в дворцовой охране. По его мнению, можно предположить, что они занимаются шпионажем в пользу луара. Их допросы пока ни к чему не привели, однако, следует отметить, что наличие шпионов у нас при дворе вполне вероятно. Мы должны быть защищены от предательства, как сейчас, так и потом. Среди наших командиров и рыцарей слишком много людей, связанных с нами лишь временной клятвой верности, которая не гарантирует нам их абсолютной преданности. Свободные бароны, в случае разоблачения их как шпионов луара, рискуют лишь своей головой, а, учитывая, что вознаграждение шпиона таково, что окупает для семьи потерю главы или члена, они могут позволить себе такой риск. Чтоб оградить себя от этой опасности, мы считаем необходимым потребовать у всех состоящих в нашем войске баронов и рыцарей принесения бессрочной вассальной клятвы верности, чтоб они ясно осознавали, что в случае предательства потеряют не только свою голову, но и всё принадлежащее им имущество. Их семьи будут подвергнуты наказанию, как семьи изменников, а земли и замки отойдут в казну Сен-Марко.

Король мрачно взглянул на явно напрягшихся свободных баронов, сидящих за столом. Они недовольно смотрели на короля, пока не вступая в спор. Было видно, что это предложение кажется им возмутительным и недопустимым. Ричард перевёл взгляд на барона Делвин-Элидира, который задумчиво рассматривал массивный фамильный перстень на своей руке.

— Кто-то должен быть первым, — продолжил король. — Кто-то, кто принесёт нам такую клятву и подтвердит свои постоянные и пламенные заверения в своей бесконечной преданности. Если всё это так, то вассальная клятва будет лишь формальностью, которая закрепит ваши убеждения. И первым будет барон Делвин-Элидир. Завтра вы и другие члены совета в присутствии придворных принесёте мне вассальную клятву.

— И что мы получим взамен? — поинтересовался молодой барон, невозмутимо взглянув на короля. — Наши отношения с Сен-Марко строятся на договорных началах. Нам платят за службу. В данный момент между нами заключено соглашение об участии в ближайшей военной кампании, и именно на этот срок нами принесена клятва верности. Однако ваше величество хочет не только нашей службы. Вы хотите наши жизни, а в случае нарушения клятвы — жизни наших жён и детей, наши земли и замки. Это совсем другой объём прав и плата за него должна быть иной, особенно учитывая бессрочный характер такой клятвы. Что вы дадите нам взамен?

Он взглянул на короля своими холодными, как речной лёд, глазами. Сидевшие рядом

бароны одобрительно закивали.

— Это условие вашей дальнейшей службы, — заявил Ричард. — К тому же в случае соблюдения ваших клятв, вы будете получать привилегии и земли из владений Сен-Марко.

— Это не может рассматриваться как условие службы, потому что не оговаривалось при нашем поступлении на неё. Я боюсь, что выдвини мы такое требование баронам, некоторые, а, может, и многие из них расторгнут соглашения, вернут плату и покинут Сен-Марко.

— А вы? — резко спросил король.

— Я, как и обещал вам, ваше величество, буду служить на ранее согласованных условиях, но не более того. Я богат, у меня обширные земли и есть своя армия. Я полновластный хозяин в своих владениях и эта власть мне дорога. Я мог бы отдать её, если бы получил что-то более существенное взамен. Но пока, до победоносного окончания войны это вряд ли возможно.

— О чём вы? — прищурился Ричард.

— Я вижу ваше стремление к централизации власти вокруг Сен-Марко, ваше величество, и согласен, что это приведёт к миру и процветанию на всём континенте. Но полагаю, что объединение нужно начинать не с ближних, а дальних земель. Присоединив дальние земли, вы создадите предпосылки к мирному присоединению ближних.

— Объяснитесь, барон! — король явно заинтересованно смотрел на него.

— Как бы там ни было, ваше величество, я полагаю, что сейчас у нас хорошие шансы победить в войне луар Синего Грифона. Однако будет ошибочным, как прежде, останавливаться на достигнутом, и ограничиваться получением контрибуции и дани. Если в результате победы будет свергнута власть альдора, а луар введён под власть Сен-Марко, то впоследствии отпадут основания для новой войны.

Барон обвёл спокойным взглядом возмущённо зашумевших членов совета.

— Если сделать луар частью Сен-Марко, то у вашего величества не будет больше врагов. Обширными землями, заселёнными алкорцами, нужно будет управлять, и вам понадобятся умные, сильные и верные заместники, которые будут кормиться от этих земель, обеспечивая при этом постоянное поступление в казну прибылей. И поскольку вы дадите этим заместникам власть над своими землями, с них вы вправе будете требовать вассальные клятвы, а они, оценив вашу милость, сулящую им богатство, с радостью их принесут.

— Мы будем втянуты в продолжительные войны с восставшими алкорцами, — сухо заметил де Сансер, с раздражением глядя на зятя. — К тому же, что вы предлагаете сделать с семьёй альдора?

— Он ещё не свергнут, ваша светлость, — улыбнулся Делвин-Элидир. — Я лишь высказал своё мнение о той плате, за которую можно купить вассальную верность ныне свободных баронов.

Ричард задумчиво щурился, глядя на него, а потом усмехнулся.

— Мне нравится ваша амбициозность, барон Делвин-Элидир, как и ваши планы относительно объединения земель под властью Сен-Марко. Судя по тому, как свободно вы высказали это предложение, у вас уже есть некоторые идеи относительно всего этого. И я с удовольствием выслушаю вас позже. Пока же извольте сказать прямо: вы выполните мой приказ принести завтра вассальную клятву Сен-Марко?

Все с любопытством посмотрели на молодого барона, а по его губам скользнула едва заметная улыбка.

— Нет, ваше величество. Без дополнительной и достойной платы я не уступлю вам

свободу моего рода, которую обязан передать своим потомкам так же, как получил от своих предков.

— Что ж, — усмехнулся король, заметив одобрение на лицах других баронов, — Оставим это до тех времён, когда я смогу предложить его светлости барону Делвин-Элидиру должность моего наместника в луаре, — в его голосе явно звучал сарказм, однако барон никак не отреагировал на это едкое замечание. — Теперь я скажу вам о цели нашего ближайшего похода, — проговорил Ричард самым серьёзным тоном. — Я намерен пойти к Грозовой горе и взять себе Алмазное Сердце, которое обеспечит нам могущество и власть над всем континентом. Мне удалось достать секретную карту пути через восточные горы, хранившуюся в строжайшем секрете в семье альдора Синего Грифона. Мы пройдем мимо его владений, обогнув их с юга. Мы не станем приближаться к границам, чтоб не дать ему повода выступить против нас и задержать тем самым наше продвижение. Как известно, алкорцы считают себя хранителями реликвии, однако сейчас они скованы условиями перемирия и не посмеют выдвинуть свои войска. Мы же пройдем к самой Грозовой горе и возьмем на приступ замок Повелителя Теней.

— Он сильный колдун, как говорят, — подал голос маркиз Вайолет.

— Он устроил представление в замке альдора, — кивнул король, — но сразу после этого удалился. Мы говорили с нашими магами, они считают, что он использовал эффект отвлечения лишь для того, чтоб беспрепятственно покинуть луар и запугать алкорцев настолько, чтоб они не пытались выдворить его с Грозовой горы. Я уверен, что наши маги справятся с ним. Единственным препятствием на пути у нас будет цитадель Девы Лардес, но её охраняет небольшой гарнизон, состоящий из рыцарей. Я не сомневаюсь, что мы без труда возьмем цитадель и водрузим над ней флаг Сен-Марко. Я хочу, чтоб мои военачальники обдумали план похода и представили мне свои предложения на следующем совете, который состоится в полдень ближайшего светлого дня. Мы выступим не позднее, чем через неделю. А теперь идите и готовьте ваши планы.

— Для полноценной подготовки нам нужно видеть карту дороги к Грозовой горе, — заметил барон де Сансер.

— Вы увидите её вскоре. Я позволю вам изучить её в моём кабинете в присутствии господина Джинхэя. Снимать с неё копии я запрещаю. Как в течение столетий это была тайна луара, теперь это тайна Сен-Марко, потому что Алмазное Сердце должно храниться в нашей казне. И я ещё раз напоминаю, что никто, кроме вас, не должен знать о том, куда мы идём, до того момента, как это станет очевидным, то есть до подножия восточных гор. До этого все, кто находятся за стенами этого зала, должны считать, что нашей целью является луар.

Члены совета в тяжёлой задумчивости покидали зал. Айолин немного задержался, чтоб дождаться тестя.

— Что ты там нёс? — зашипел де Сансер, схватив зятя за локоть. — Что это за бредовые мысли о свержении альдора? Ты в своём уме? Всерьёз задумать такое...

— Это была импровизация, отец, — устало произнёс Айолин, проведя ладонью по лбу. — Мне нужно было отвлечь Ричарда от дурацкой идеи с вассальной клятвой свободных баронов. Вот это была, действительно, бредовая идея. Сейчас, когда репутация Сен-Марко пошатнулась, самое время злить баронов.

— Но ему понравилась твоё предложение! — резко произнёс де Сансер.

— Да пусть носится с ним, сколько хочет. Вы же понимаете, что это неосуществимо.

Чтоб свергнуть альдора нужно взять луар, а это с нашими силами невозможно, особенно сейчас, когда из-за этой авантюры с покушением на Беренгара наши силы практически уравнились. Альдор — не дурак, и он разыграет эти карты с максимальной пользой для себя. Он уже готовится к осаде, хотя, зная Беренгара, я уверен, что тот постарается встретить и разбить нас в поле. И при этом они будут в более выигрышной позиции, поскольку успеют подготовить театр военных действий под себя и вовремя занять самые выгодные позиции. Так что, сколько бы Ричард не мечтал завладеть луаром, это ему не удастся. Пусть разобьёт себе лоб.

— Треснут наши черепа, — уже более спокойным тоном напомнил де Сансер.

— И, возможно, раньше, чем закончится перемирие, — согласился Айолин. — Неужели он действительно собирается взять приступом замок Повелителя Теней? Вот что меня сейчас беспокоит более всего! Удастся ли нам пройти через восточные горы? Скорее всего, дорога, указанная на карте, предназначена для проезда небольшого отряда, а мы пойдём туда с армией. Он собирается атаковать цитадель и замок, а значит, хочет тащить за собой осадные машины. Мы даже не знаем, что собой представляют эти крепости.

— Я знаю достаточно, чтоб понимать, что приступом цитадель девы Лардес взять практически невозможно, — ответил де Сансер. — Она имеет слишком высокие стены, до которых не дотянутся никакие осадные башни. К тому же её окружает не просто ров, а широкая и глубокая пропасть, которую невозможно перекрыть щитами. Только если защитники цитадели выйдут к нам на бой, мы сметём их и сможем войти в цитадель. Впрочем, коль они стоят там, чтоб защитить дорогу, то они выйдут. Но даже если нет, взятие цитадели не нужно, чтоб пройти к Грозовой горе. Дорога огибает её, и мы можем пройти мимо. Всё, что сможет сделать гарнизон, это обстреливать нас со стен из луков, но это не беда для того, у кого есть щит. А вот о замке на Грозовой горе нам точно ничего не известно. До появления Повелителя Теней там никакого замка не было. Это была просто чёрная гора среди острых светлых скал. Теперь поговаривают, что там стоит чёрный замок, всегда окутанный грозowymi тучами, извергающими пламя. И даже если это выдумки, всё равно этот замок место нечистое и опасное.

Айолин задумчиво кивнул и обернулся к дверям. На пороге появился юный паж и сообщил, что барона де Сансера и барона Делвин-Элидира ждут в королевских покоях.

— Пойдём, взглянем на карту, — ворчливо произнёс де Сансер и направился вслед за пажом.

Вечер был светлым и тёплым, но на душе у Айолина было тревожно. Ему не хотелось ходить по шумным улицам, заполненным торговцами и горожанами, направлявшимися в трактиры. Ему не хотелось оказаться в компании друзей, где будет много разговоров и веселья. Ему нужно было спокойно подумать над тем, что он узнал днём. Потому, вернувшись домой, он прошёл в небольшую гостиную на первом этаже и сел в кресло у стола. Эта комната чаще использовалась в холода, потому что здесь были маленькие окна и большой камин. Но сейчас здесь было сумрачно, свет едва проникал в узкие бойницы под потолком, и к тому же прохладно, камин был пуст, а от серых, покрытых старинными гобеленами стен тянуло сыростью. Эта прохлада и полумрак вполне соответствовали его настроению, потому он поправил на плечах домашнюю меховую накидку и откинулся на спинку кресла.

Однако остаться в одиночестве ему не удалось. Неожиданно что-то маленькое и серое

шмыгнуло через приоткрытую дверь в комнату и промчалось в угол, где за пологом скрывались слегка покоробившиеся деревянные карнизы. Следом ворвался большой лохматый кот и неумолимой боевой машиной помчался за мышкой. Однако мышь ускользнула в щель между стыками карниза, а кот замер, едва не врезавшись в стену носом, потом какое-то время озабоченно рассматривал полог и, наконец, заметив наблюдавшего за ним хозяина дома, мило смутился и принялся вылизывать тёмную лапку в белом тапочке. После этого он грациозно потянулся, победоносно подняв свой великолепный пушистый хвост, и сел, невозмутимо глядя на барона.

— Киса! — раздался где-то недалеко голос Хока, и вскоре дверь приоткрылась, и он появился на пороге. — Простите, ваша светлость, — произнёс он, входя. — Я говорил ему не играть в покоях, но он слишком увлекается и носится, сшибая всё на своём пути.

Он взял кота на руки и хотел выйти, но Айолин его остановил.

— Он вовсе не играл, друг мой, — улыбнулся барон. — Он гнался за мышью, то есть выполнял очень важную и нужную работу, которую могут выполнять только представители его славного племени. Правда, он не поймал её, но в следующий раз ему несомненно повезёт. Вы не составите мне компанию, если конечно вас не смущает столь мрачная обстановка?

— С удовольствием, — кивнул Хок и присев в соседнее кресло, усадил Кису на колени, кот тут же разлёгся и замурлыкал, благосклонно принимая ласковые почёсывания хозяина. Хок при этом внимательно взглянул на барона и спросил: — Ваше мрачное настроение вызвано этой обстановкой или она нужна вам потому, что соответствует вашему настроению?

— Скорее, последнее, — пробормотал Айолин и посмотрел на него из-под ресниц. — Скажите мне, командор де Мариньи, что вы знаете о Повелителе теней?

— Практически ничего, — пожал плечами тот. — А к чему этот интерес?

— Я полагаю, что вы с ним знакомы, поскольку являетесь членами одного рыцарского ордена, который сравнительно невелик, и, насколько мне известно, все его члены знают друг друга.

Хок задумчиво смотрел на него и Айолин пожал плечами.

— Я видел Повелителя Теней. В своих видениях, когда был охвачен смертным сном. Это высокий худощавый мужчина, чрезвычайно бледный, с раскосыми голубыми глазами и коротко стриженными чёрными вьющимися волосами, не так ли? И на его руке такой же браслет, как и у вас, только другого цвета. Он серый.

— Да, вы правы, — признал Хок. — Он — один из нас. Когда я его знал, я думал, что он — обычный человек, но что он собой представляет теперь, я не знаю. Я понятия не имею, какими способностями он обладает, зачем он устроил своё пристанище именно на Грозовой горе и какие цели он вообще преследует в этом мире. Он всегда был замкнутым и сдержанным на вид, но именно в груди таких людей часто бушуют роковые страсти.

— И леди Дарья его не боится?

— Нет. Я думаю, она не видит причин для страха, если бывает в его мрачных чертогах. Но она — это не все остальные.

— Безусловно... — пробормотал Айолин и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел в потолок, расчерченный тёмными стропилами. — А что бы вы сказали, если б узнали, что войско Сен-Марко собирается отправиться туда и захватить его замок?

Хок какое-то время пристально смотрел на него, а потом покачал головой.

— Я бы сказал, что это авантюра. И зачем вашему войску туда идти? Разве ваш враг не альдор?

— До конца перемирия ещё целый месяц, и у короля Ричарда есть время прогуляться до Грозовой горы и отобрать у Повелителя Теней Алмазное Сердце. Я не сказал, что он собирается это сделать. Это лишь допущение.

— Ну, конечно, — кивнул Хок и задумчиво почесал кисин загривок, отчего мурлыканье стало ещё громче. — Это довольно странное допущение, ваша светлость. Я не так много знаю обо всём этом, но, насколько мне известно, путь к Грозовой горе очень сложен и опасен. К тому же, я знаю человека, который теперь называет себя Повелителем Теней. Если он не захочет отдать реликвию, он её не отдаст.

— Он так могущественен?

— Он очень умён.

Айолин задумался, а потом спросил:

— Леди Дарья окажет ему помощь в защите крепости?

— Не исключено, — кивнул Хок. — Если это поможет избежать лишних жертв, то она обязательно сделает это. Вы, и правда, полагаете, что Алмазное Сердце, это что-то, что можно положить в сундук и увезти?

— В данном случае важнее, что думает король, а он думает именно так. Он считает, что Алмазное Сердце даст ему абсолютную власть.

— И вы не хотите, чтоб это случилось?

Айолин поморщился.

— Вы знаете мои взгляды, командор, я б с удовольствием сам столкнулся Ричарда в пропасть, особенно если это помешает ему завладеть всем миром. Он жесток и опасен. Даже владение Сен-Марко — это слишком для него. Как вы полагаете, есть ли возможность помешать ему в осуществлении его планов?

— Я не считаю себя вправе вмешиваться в дела вашего мира, друг мой, — вздохнул Хок, — пока это непосредственно не коснётся уставных целей нашего ордена. Однако на пути армии короля, если конечно она двинется к Грозовой горе, что вряд ли случится, будет слишком много препятствий и опасностей, чтоб можно было с уверенностью говорить об успехе этого предприятия. И я повторяю, что не верю в то, что Повелитель Теней отдаст ему Алмазное Сердце. Такие люди, как он, не отступают и не сдаются. Он слишком умён, его ум тонок, как лезвие стилета, и изворотлив, как змея. Он всё равно придумает, как выкрутиться.

— В какой-то мере вы меня успокоили. Хоть все эти рассуждения и носят чисто гипотетический характер, но как-то странно тревожат меня. В любом случае, предположение о таком походе нелепо, и я надеюсь, вы никому не расскажете о моих странных фантазиях.

— Конечно, нет, ваша светлость, — улыбнулся Хок, поднимаясь, и, почёсывая Кису, вышел из комнаты.

Посидев в одиночестве ещё какое-то время, Айолин направился наверх, в свои комнаты. Перед его глазами была тщательно прорисованная карта восточных гор с нанесёнными на неё ориентирами. Дорога была извилистой и сложной, часто проходила по узким террасам над пропастями или в ущельях между скал, где к тому же протекали реки, которые после дождей имеют обыкновение разливаться, расширяя своё ложе. Трудно было не согласиться с мнением командора де Мариньи, что добраться до Грозовой горы будет очень нелегко, ещё

сложнее будет доставить туда осадные машины и обоз с оружием и провиантом. Да и удастся ли получить Алмазное Сердце, даже если получится взять штурмом замок Повелителя Теней? Что если он просто прихватит реликвию и исчезнет в глубине гор? Это был самый вероятный вариант развития событий и, значит, вряд ли Ричарду удастся захватить Сердце Мира.

Он снова вспомнил характеристику, которую дал Повелителю Теней де Мариньи. Айолин уже достаточно общался с землянами и убедился, что все они очень умны и образованы, но если колдун, сидящий в твердыне на Грозовой горе, удостоился такой высокой похвалы, то он превосходит своей мудростью и хитростью многих царедворцев Сен-Марко.

Айолин остановился на галерее, задумчиво глядя вниз, где на каменных ступенях крыльца сидел Марк де Сегюр, полируя точилом свой стилет и время от времени любясь результатом работы. Даже сверху было видно, как хищно поблескивает белым пламенем острый клинок. Но перед внутренним взором Айолина было другое видение: высокий стройный мужчина в чёрном бархатном камзоле необычного покроя, пронизательный взгляд голубых глаз, бледное неподвижное лицо, сдержанные манеры. Он во многом был похож на своих недавних товарищей, но его окружала странная аура загадочности и трагизма, словно он нёс в своей душе не только свою боль, но и боль потерянных душ, окружавших его. Дело было даже не в тенях, которые, словно языки чёрного пламени обступали его, было что-то ещё, что-то притягательное и пугающее. И таким диссонансом его суровому образу восставал в памяти полный сочувствия взгляд и негромкий голос, которым он спрашивал о том, чем он может помочь ему, Айолину, забредшему в отчаянии в его чертоги? Как он мог увидеть его, лежащего в холоде и тьме замкового подземелья так далеко от восточных гор? Как он мог донести свой голос, полный сострадания? И судя по тому, что де Мариньи не оспорил приметы, названные ему, можно с уверенностью сказать, что именно его Айолин видел в своих видениях, как и ангела в образе женщины с золотистыми волосами и ликом Святой Лурдес. И с этими двумя им придётся столкнуться в узком ущелье у стен замка. Леди Дарья просто раскроет свои белые крылья и унесёт Алмазное Сердце в Небеса. А Повелитель Теней обрушит на головы нападающих громы и молнии из клубящихся над ними туч.

Айолин нахмурился и невольно покачал головой. Картина, нарисованная его воображением, была пугающей. Неужели Ричард верит в успех своей авантюры? Но он не знает того, что известно Айолину. И он этого не узнает.

Он словно очнулся от сна и увидел, что Марк сидит, держа в руках точило и стилет и, подняв голову, смотрит на него. Поймав его взгляд, он отложил на парапет точильный брусок и, сунув стилет в ножны, легко взбежал по ступеням крыльца на галерею. Только теперь Айолин увидел, что его старый друг облачён в дорогой охотничий камзол с длинными полами, призванными закрывать круп коня. Камзол был сшит из чёрного сукна с узорчатым плетением и украшен парчовыми вставками и витым золотым шнуром. Он ладно облегал крепкие плечи и торс Марка, а на поясе был перехвачен широким ремнём из тисненой кожи с серебряной пряжкой, отлитой в форме двух дерущихся львов. Штаны из чёрного с серебристым отливом сукна были заправлены в новые ботфорты, подхваченные под коленями узкими ремешками с небольшими фигурными застёжками. Айолин поймал себя на том, что невольно залюбовался Марком. Тот всегда был хорош собой, и только его бедность не позволяла ему блистать при дворе. Но теперь, похоже, он не только перенял у алкорцев их изысканный вкус, но и раздобыл деньги на новый наряд.

Заметив его взгляд, Марк со смехом раскинул руки и повернулся, чтоб продемонстрировать другу новую одежду со всех сторон.

— Значит ли это, что приватная беседа всё же состоялась? — усмехнулся Айолин, одобрительно кивнув.

— Именно так, мой милый, — гордо вскинув голову, заявил Марк. — И спасибо за совет просить больше. Де Грамон пыхтел и пыжился, но был вынужден согласиться на мои условия. Им нужны сведения о луаре. Король рычит и требует выложить ему немедленно все военные секреты алкорцев, а наш бедный Рене до сих пор под впечатлением от несчастной участи Раймунда, и потому согласился с назначенной мною ценой информации. К тому же, я прямо заявил, что не могу войти в круг приближённых наследного принца в потёртом сукне и ржавых латах. И снова он вынужден был согласиться с обоснованностью моих притязаний. К тому же он со вздохом сообщил, что его величество не терпит возле себя оборванцев и нерях, и его взгляд должен наслаждаться видом рыцарей не только благородных, но и красивых.

— Ну, в этом тебе теперь нет равных, — рассмеялся Айолин.

— Не прибедняйся, мой милый. По мнению тех, с кем мне уже пришлось перекинуться парой слов во дворце, барон Делвин-Элидир — одно из блистательных украшений двора Сен-Марко, хоть и не вышел ростом.

Айолин насторожился, вдруг уловив в его голосе нотку ехидства, а взглянув в глаза де Сегюра, заметил, то, что встревожило его ещё больше. Он хорошо знал Марка, и это выражение спокойной удовлетворённости при беспечной улыбке у него появлялось тогда, когда он знал, что загнанная им добыча уже не вырвется из западни. Именно с таким выражением он однажды пронзил стилетом шею алкорского рыцаря, которого мгновение до того скинул с седла, пронзил спокойным и точным движением, словно забил раненого на охоте оленя. И сейчас с таким же спокойным, внимательным и слегка азартным выражением он смотрел на Айолина.

Не подав виду, Айолин развернулся и вошёл в дом. Он знал, что Марк следует за ним. Пройдя через приёмную залу, Айолин вошёл в свой кабинет и остановился у окна, глядя на улицу, а потом обернулся. Марк стоял рядом, и свет падал на его лицо, отражаясь в светло-серых глазах.

— Значит, ты уже начал восстанавливать связи при дворе? — беспечно спросил Айолин, глядя на него.

— Да. Я встретился с де Грамоном, Адемаром и де Мореном. Виконт Монтре снизошёл до того, что пригласил меня на завтрашнюю охоту, которую устраивает по случаю совершеннолетия сына.

— Даже Монтре? Чем ты его так зацепил?

— Полагаю, внешностью. Судя по его липкому взгляду, он испытывает слабость к высоким брюнетам.

— Я не замечал за ним такое.

— Ты слишком чист, чтоб проявлять интерес к людским порокам. Это склонность интриганов и шпионов, вроде меня. Я многое замечаю. Например, несмотря на то, что Рене де Грамон рад назначению, он сильно встревожен. Его сыщики сбиваются с ног, выискивая алкорских шпионов при дворе. Рене — наивная душа, он думает, что если я два года подвизался в свите энфера, то насквозь вижу всех вражеских лазутчиков. Он говорил со мной ровным голосом, но в его взгляде была мольба. Знаешь, этот хитрец умеет смотреть глазами

милого несчастного щенка, которого хочется покормить с рук. Он дал мне понять, что королю нужны шпионы альдора, неважно, будут они таковыми на самом деле или нет. Главное, чтоб их можно было в этом обвинить. Они ищут среди слуг, фрейлин и стражников, проверяют гвардию и тех, кто вечно без дела толпится под дверями тронного зала. Не слишком перспективное занятие.

— А где, по-твоему, нужно искать?

— Ближе к королю. Возле самого трона. Больше всех узнают те, кто всегда где-то неподалёку. Это я знаю по личному опыту. Например, какой-нибудь преданный Сен-Марко рыцарь из свободных баронов, который уверенно пробивает себе дорогу в фавориты, и при этом отказывается принести вассальную клятву. Человек, который входит в военный совет, является роднёй командующего армией и пользуется симпатией короля, благодаря своей внешности, поскольку король любит красавчиков, хорошо подвешенному языку, поскольку он прислушивается только к убедительно изложенным аргументам, и своей смелостью в отстаивании собственных интересов, завуалированных под интересы королевства. Король испытывает тайное восхищение перед храбростью, которая граничит с наглостью.

— И ты полагаешь, что такой человек может служить врагу, только на основании отказа от принесения вассальной клятвы? — с холодной улыбкой уточнил Айолин.

— Конечно, нет. У него есть право отказаться от этого, но это уже говорит о том, что он не собирается вечно хранить преданность.

— Что насчёт временной клятвы?

— Нарушить её не является тяжким грехом. Я сам приносил такую альдору и тут же нарушил её. Ведь есть куда более важные вещи.

— Например?

— В данном случае, не деньги. Человек, о котором мы говорим, вероятно, очень богат и сам может подкупить кого угодно. Но, может, он просто ненавидит короля?

— За что?

— Ты мне скажи! — прорычал Марк и, внезапно схватив Айолина за плечи, прижал его к стене рядом с окном. Тот попытался высвободиться, но тут же увидел возле своей шеи блеск тонкого лезвия. Взгляд Марка казался острее и смертоноснее его стилета, и Айолин почёл за благо не сопротивляться. — Скажи мне, друг мой, — приблизив губы к его лицу, шепнул Марк, — за что ты так ненавидишь короля? Настолько сильно, что готов убить его.

— С чего ты взял?

— Я слышал твой разговор с де Мариньи. Кстати, он был куда осторожней в высказываниях, чем ты.

— Ты подслушивал, — вздохнул Айолин, вспомнив, что де Мариньи, войдя за своим котом, не прикрыл дверь, а потом сразу сел к столу.

— Я же шпион, — усмехнулся Марк. — Я слышал всё, и я понял, что твой гость знает о твоём отношении к королю. Можно было б и его отправить к палачам, но я думаю, что мы повременим с этим. Говори, Айолин, иначе уже эту ночь ты проведёшь на дыбе. Ты служишь альдору?

— Я даже не бывал в луаре!

— Возможно, но это не так важно, потому что луар повсюду. У них везде свои люди. Они добрались до Беренгара и склонили его к переходу на сторону Синего Грифона. Они могли добраться и до тебя. Откуда ты знаешь леди Дарью?

— Она гостила у меня некоторое время назад.

— Вот и ответ! Она очаровала энфера, он осыпал её милостями и был так огорчён, когда она исчезла! Но, может, она исчезла из луара не просто так? Может, энфер отправил её на поиски друзей? Новых друзей луара.

— Я ничего не знаю о её отношениях с энфером. И ей наплевать на нашу войну.

— Ей, возможно, но не нам. Айолин, я не хочу отправлять тебя на пытки, но если сам не смогу добиться ответов, я буду задавать вопросы через палачей.

Айолин какое-то время смотрел ему в глаза, а потом спросил:

— Ты думаешь, что боль заставит меня говорить то, что я не хочу? Я такой же солдат, как и ты, Марк. Я умею терпеть.

— Ты сам не знаешь, о чём говоришь, — прошептал Марк. — И ты забываешь о последствиях. Даже если ты промолчишь, у меня уже достаточно доказательств твоей измены. Ты отправишься на эшафот. Надеюсь, твоя юная жена уже беременна, потому что в противном случае твой бездетный брат-бастард очень скоро окажется в окружении своры соседей, которые разорвут его на куски. И в отсутствие его наследников твой род иссякнет, а твои земли растащат на мелкие уделы. Ради нашей прежней дружбы, Айолин, скажи мне правду.

— Ради нашей прежней дружбы, Марк, я скажу, — кивнул Айолин. — И поскольку никакие пытки не развяжут мне язык, тебе придётся довольствоваться теми ответами, которые я дам по своей воле.

Марк снова вцепился свободной рукой в его плечо и толкнул в кресло, а сам тут же присел перед ним на край стола, держа стилет в опасной близости от его лица.

— Итак, Айолин, я слышал, как ты только что выболтал этому чужаку, кстати, прибывшему из луара и тоже пользовавшемуся расположением энфера, сведения, которые узнал на военном совете при короле и должен был хранить в строжайшей тайне. Это уже измена. Он тоже шпионит для альдора?

— Он тут не при чём. Я просто задавал ему вопросы о перспективах похода. Ты слышал.

— Я слышал, что он знаком с Повелителем Теней. И ты, кажется, тоже.

— Нет, я с ним не знаком. А командор де Мариньи знал его раньше. После этого они, я полагаю, не встречались.

— Ты полагаешь, — кивнул Марк. — Возможно, чуть позже я задам эти вопросы ему лично. А пока вернёмся к тебе. Я могу под присягой заявить, что слышал твои слова о том, что ты хотел бы убить короля Ричарда.

— Да, я это сказал, — согласился Айолин.

— Почему?

— Из личной ненависти.

— Вот как? Должно быть она велика, если ты всё ближе подбираешься к нему. Я знаю тебя, Айолин! Ты хладнокровен и мудр, как змея, и если ты подбираешься к тому, кого ненавидишь, значит, готовишь стремительный и смертоносный удар. Ты очаровываешь его, запугываешь своими клятвами, подкидываешь блистательные и опасные идеи. И при этом ненавидишь. За что?

— Он убил Армана.

— Ты лжёшь! — нагнулся к нему Марк. — Арман умер от болезни!

— Его заразили по приказу Ричарда.

— Нет, Айолин, это неправда. Я говорил с Арманом перед тем, как он покинул Сен-Марко. Он смирился с тем, что болен, больше не сможет править Сен-Марко и должен уйти.

Он ничего не сказал нам о том, что в его беде кто-то повинен.

— Он не мог больше править по закону. Жоан был ребёнком, других наследников, кроме Ричарда, не было. Ричард оставался единственным, кто мог обеспечить дальнейшее процветание королевства. Если б кто-то узнал о его измене, он был бы давно мёртв. Арман слишком сильно любил Сен-Марко, чтоб ввергать его в смуту.

Марк какое-то время смотрел на него, и в его взгляде читалось смятение. Он даже опустил стилет к бедру. Айолин подумал, успеет ли он дотянуться до своего кинжала, но потом снова отказался от этой идеи. Стиллет был в руке Марка, а в его молниеносной реакции не приходилось сомневаться.

— Откуда ты знаешь всё это? — резко спросил Марк, глядя на него сверху вниз.

— От человека, который уверен в достоверности этих сведений.

— Кто это?

— Я не скажу тебе, Марк. Я разговариваю с тобой, потому что когда-то мы были друзьями, мы воевали плечом к плечу и делили все тяготы войны. Мы были молодыми баронами короля Армана и готовы были вместе идти за ним в самое пекло. Только поэтому я честен с тобой, хотя и понимаю, что эта честность может стоить мне жизни. Я помню, каким ты был, но я не знаю, каким ты стал. Может, сразу после этого разговора ты отправишь меня в объятия де Грамона и его палачей. Я готов к этому, но я не хочу, чтоб это случилось с человеком, который мне дорог.

— Если ты не скажешь, тебя заставят сказать, — очень спокойно проговорил Марк.

Айолин усмехнулся.

— Ты, кажется, в отличие от меня, или не знал, или забыл, каким был я. И тогда, семь лет назад я не предал бы друга даже под пытками. За прошедшие годы я не изнежился, поверь мне. И теперь я уже не мальчик. Я так же, как и прежде, готов жертвовать жизнью за тех, кто мне дорог, и у меня теперь куда больше сил, чтоб выдержать любые испытания.

Марк задумался, а потом перевёл взгляд на окно. Айолин ждал, поглядывая на поблескивающую звёздочку острия клинка. Наконец, Марк шевельнулся. Он вставил кинжал в ножны и поднялся.

— Я проверю твои слова, Айолин. И если ты солгал, я собственными руками нарежу ремней с твоей спины, — он направился к выходу, но в дверях обернулся и прорычал: — Не вздумай бежать, Делвин-Элидир!

— Когда ты видел меня бегущим, де Сегюр? — яростно крикнул в ответ Айолин.

Марк ушёл. Айолин откинулся на спинку кресла. Он понял, что попал в смертельную ловушку. Он понятия не имел, что движет де Сегюром, и на что он готов пойти ради достижения своих целей. Теперь, после возвращения из луара и сближения с де Грамоном, он получил хорошую возможность для продвижения по службе. Разоблачение изменника, которого можно обвинить в шпионаже в пользу луара, да ещё так близко подобравшегося к трону, обеспечит ему мгновенный взлёт. Но что же делать? Самый простой ответ: убить его, прямо сейчас, пока он не успел никому ничего рассказать. Но у Айолина не было надёжных людей, которым можно было поручить убийство. К тому же де Сегюр — опытный и сильный воин, и он, как лиса, всегда настороже. Чтоб убить его, нужна целая шайка головорезов.

Да и не смог бы Айолин убить Марка, того самого Марка, который когда-то в гуще боя вытащил его из-под упавшей лошади, который прикрывал его в бою, бросаясь с мечом на ряды копейщиков, с которыми они на привале лежали рядом на земле под открытым небом, кутаясь в шерстяные плащи, и делились невинными секретами первых любовных

приключений. Марк, который был не намного старше Айолина, и в силу возраста тоже был одним из любимчиков Армана. Тот любил его за беспечную улыбку, колкие шутки и безграничную смелость в бою. Он сам учил его фехтовать на мечах и собирался наделить землями, чтоб его юный подопечный, пожалуй, самый обездоленный из-за раннего сиротства, обрёл, наконец, дом, семью и будущее. Почему же он не сделал это до того, как ушёл? А, может, он уже тогда знал о Марке что-то, что заставило его передумать?

Айолин схватился за голову. Мысли путались, и горечь утраты боролась со страхом. Наконец, он поднялся и прошёл в комнату, которую занимал Хок.

— Командор де Мариньи, — произнёс он без предисловий, — вам следует немедленно покинуть Сен-Марко. Прямо сейчас! Поезжайте в тот замок, где мы были с вами недавно. Когда я буду уверен, что опасность миновала, я вас извещу.

— Что это за опасность? — спросил Хок, снимая со спинки стула португезию и плащ.

— Наш недавний разговор подслушал Марк де Сегюр и превратно его истолковал. Он тайно служит барону де Грамону, новому главе тайной полиции. Если он донесёт об этом разговоре, вас арестуют.

— А вас? Может, вам тоже лучше скрыться? — с тревогой спросил Хок, сунув меч в ножны.

— Я никогда ни от кого не бегал. Не побегу и от де Сегюра.

Хок кивнул и взял на руки Кису, переводившего тревожный взгляд с одного человека на другого.

— Моя жена позаботится о вас, — ободряюще улыбнулся Айолин. — Даже если вас будут там искать, она поможет вам безопасно покинуть замок.

— Берегите себя, ваша светлость, — кивнул Хок и вышел из комнаты.

Айолин проводил его взглядом до лестницы и, немного подумав, отправился в свой кабинет, чтоб привести в порядок дела.

Кирилл приехал к стенам луара первым тёмным днём. В этот раз он не стал задерживаться, пережидая темноту в деревне. Дорога через леса была безопасна, и он отлично видел её в свете неба, сияющего глубоким сапфировым светом. Он не знал о том, что случилось в городе в его отсутствие, но всё же прекрасно понимал, что въехать верхом в городские ворота так просто не получится. Потому, не доезжая до луара, он свернул в небольшую богатую деревню и подъехал к дому уже знакомого ему крестьянина, с помощью которого выбрался из города в прошлый раз. Тот был рад увидеть общительного паренька, перегонявшего вместе с ним стадо. Теперь крестьянин с восторгом оглаживал его красивого коня в дорогой упряжи. Кирилл за щедрую плату просил его приглядеть за его скакуном, пока он гостит у брата в городе, сославшись на то, что у того нет своей конюшни, да и на пастбище лошадке будет лучше, чем в тёмном тесном сарае, заваленном сухой травой. Хозяин с готовностью согласился и отвёл коня в конюшню. Сам он в этот раз не собирался в город на ярмарку, однако, его жена деловито грузила на тележку, запряжённую осликом, корзины со свежими овощами и, Кирилл тут же вызвался помочь ей.

Уже пару часов спустя, они проезжали через городские ворота, и он заметил, как стражники тщательно досматривают и проверяют всех въезжающих и входящих в луар. Они дотошно расспрашивали, кто прибывает и откуда, с какими целями, и долго изучали при свете фонарей предъявляемые им грамоты, но на Кирилла в простой серой куртке, сидевшего на тележке рядом с хозяйкой, никто внимания не обратил. Сержант приветливо махнул ей рукой и жестом придержал усталого всадника, чтоб дать ей проехать вперёд. Хозяйку здесь хорошо знали, ведь она едва не каждый день привозила на рынок свой свежий товар, иногда взяв в подмогу деревенских парней.

Кирилл помог ей добраться сквозь толпу до её маленького прилавка, прикрытого от непогоды дощатым навесом, и ловко выгрузил с тележки корзины с капустой, морковью и репой. Пообещав вскоре заглянуть в гости, он отправился по своим делам, а именно в маленькую комнатёнку, занимаемую вечно грустным Оскаром Триггви. Тот привычно скучал за покрытым красной материей столом, на котором стоял на подставке стеклянный шар, окружённый шкатулочками, где хранились карты Таро и гадательные алкорские кости. Впрочем, увидев на пороге гостя, он оживился и с радостью отправился в приют для больных, чтоб сообщить о его прибытии Хэйфэну и Ланфэн, помогавшим Мерседес Флавио ухаживать за больными.

Не прошло и часа, как в заднем зальчике таверны «Золотой щит» Кирилл встретился со своими товарищами, на чью помощь рассчитывал в выполнении нелёгкого задания. Из замка альдора в этот раз смог прийти только Донцов, как капитан, пользовавшийся большей свободой передвижения. С ним пришёл Аарон Гершман.

— Саймон де Толли не придёт, — пояснил Тонни, присаживаясь к столу, на котором среди кувшинов и мисок стоял подсвечник с сальными свечками. — Он под надзором секретной службы.

— Что-то случилось? — забеспокоился Кирилл.

— Нет, — покачал головой Донцов. — Де Толли теперь в луаре что-то вроде главного конструктора и после неудачного покушения его оберегают, как зеницу ока.

— Какого ещё покушения?

— Он не так давно заметил слежку, — ответил Тонни, — и я на всякий случай ходил за ним. Ночью на него напала шайка бандитов с ножами. Пришлось вмешаться, но всё обошлось. После этого его, как и Беренгара, засунули под колпак.

— Беренгара?

— Он ничего не знает, — напомнила Ланфэн.

После этого Кириллу, наконец, рассказали о том, что происходит в луаре, о покушении на контаррена и аресте Изабо, а также о том, что в городе идёт настоящая охота на шпионов Сен-Марко.

— Энфер в ярости, — заметил Донцов. — Сразу после ареста Изабо он скрепя сердце дал согласие на арест трёх рыцарей из своей свиты, приехавших из Сен-Марко. Они иногда заходили в лавку купца Брево, но больше на них ничего не было. Их допросили и выслали из луара. А потом алкорцы, арестованные по подозрению в шпионаже, под пытками дали против них показания, и оказалось, что один из любимых рыцарей Ликара барон де Сегюр едва ли не руководил всей агентурой Сен-Марко в луаре. И он ускользнул из когтей Деллана. Теперь сыщики шерстят по всему замку, по всему городу, каждый день хватая дюжину человек, а то и больше. Многих отпускают, но кое-кто остаётся в застенках. Похоже, энфер не успокоится, пока не пропустит сквозь мелкое сито всё население города.

— К тому же они ищут Ланфэн, — добавил Тонни. — На всех столбах висят её портреты. По ночам действует комендантский час. Население относится ко всему этому с пониманием и с радостью доносит о своих подозрениях в отношении приезжих страже и старостам. Никто не хочет, чтоб город захватила армия Сен-Марко.

— Это всё очень плохо, — вздохнул Кирилл, — потому что существенно осложняет нашу задачу.

— Нашу задачу? — переспросил Донцов. — А что, у нас есть задача?

— Нам нужно вытащить Изабо.

Присутствующие удивлённо переглянулись.

— С чего бы это? — нахмурился Аарон. — Мало того, что это невозможно, так она это и не заслужила. Сама вляпалась, пусть сама и выбирается из этой ситуации.

— Ты ж понимаешь, что самой ей не выбраться, — возразил Кирилл. — У меня приказ командора Олдриджа помочь ей бежать.

— Час от часу не легче, — проворчал Оскар Тригви. — Бен убил Азарова и до сих пор пытается командовать? Серьёзно? И ты встал по стойке «смирно»?

— Ну, не только из-за его приказа. Изабо — офицер космофлота, а мы своих не бросаем.

— Если её ещё можно назвать своей, — скептически вставил Аарон. — Она, похоже, уже давно так не думает.

— Главное, что думаем мы, — резко ответил Кирилл. — И с каких пор мы стали корректировать наши принципы, исходя из чьих-то действий? Она — командор космофлота, она — женщина, наконец. И мы не можем бросить её в подобной ситуации.

— Допустим, ты прав, — кивнул Донцов, — но прав и Аарон, когда говорит, что это невозможно.

— Нет ничего невозможного, Саша. Сложности — это не каменная стена, это — вызов.

— Кто если не мы, когда, если не теперь? — усмехнулся Донцов. — Красивый и правильный девиз, Кирюша, только не хотелось бы, чтоб его написали на наших надгробиях. Ладно, давай посмотрим, чем мы располагаем для этой операции: Аарон, Оскар, Мерседес и

Саймон для этого не подходят. Адриан, Энцо, Дэн и я — в замке альдора, мы хорошо подготовлены, но в условиях тотальной слежки находимся под колпаком. После истории с де Сегюром и его приятелями все под подозрением. Мне пришлось час петлять по городу, чтоб отвязаться от хвоста. Остаётся вы трое — ты, Тонни и Ланфэн.

— У всех троих отличная подготовка, — встала Ланфэн, взглянув на Тонни, и тот кивнул.

— Согласен, — продолжил Донцов. — Из оружия — стандартный набор десантного вооружения, кинжалы, мечи, можно раздобыть арбалеты. Есть светошумовые гранаты и газовые: дымовые, со слезоточивым и нервнопаралитическим газом нелетального действия. Это всё, что у нас есть.

— То есть у нас есть диверсионная группа из трёх человек с достаточным вооружением, — удовлетворённо проговорил Кирилл. — Что с фактическими обстоятельствами? Где они держат Изабо?

— Без понятия, Кирюша. Где-то в подземной тюрьме, но там никто из нас не бывал. Связей в секретной службе у нас нет. Лишние вопросы сейчас задавать не стоит, мало того, что не ответят, так ещё и загребнут.

— Её выводят наружу?

— Не видел. Вряд ли. Впрочем, скоро состоится суд, кажется, уже этим светлым днём. Не думаю, что он займёт больше одного дня. Учитывая, что свидетелями её измены и покушения на жизнь контаррена был весь двор, включая самого альдора, в смертном приговоре сомневаться не приходится. Тогда, возможно, её выведут в город, чтоб казнить.

— Хорошо, варианты, откуда мы можем её выкрасть: из тюрьмы, по дороге в зал суда и обратно, по дороге к месту казни или на месте казни. Из тюрьмы — отпадает, потому что мы не знаем, где её держат.

— Выкрасть её из замка тоже будет сложно, — заметила Ланфэн. — Конечно, я знаю там много укромных мест, чтоб спрятаться, но нам неизвестно, где будет проходить суд, каким маршрутом её поведут туда. Если она вообще может ходить.

Кирилл задумчиво взглянул на неё и кивнул.

— Об этом я не подумал. Возможно, допросы были с применением пыток, и она не может быстро передвигаться.

— К тому же цепи с неё не снимут, — добавил Донцов. — И в замке полно стражи. Да и просто попасть туда и выбраться обратно посторонним крайне сложно. Подготовка потребует много времени, которого у нас нет.

— И в этом направлении нам явно не хватает информации. Что с казнью? Как они здесь проходят?

— Во втором кольце строят эшафот и казнят преступников при большом стечении народа. Учитывая, что на сей раз будут казнить изменницу, да ещё Даму Полуночи, которую в городе не любили никогда, толпа, скорее всего, заполнит всю площадь. И рассчитывать на сочувствие горожан не приходится, они б с радостью сами порвали её на куски.

— Охрана? Как везут к месту казни?

— Дюжина стражников, не больше, к тому же они, скорее, охраняют приговорённого от толпы, чем настроены на предотвращение побега. Бежать некуда. Что до того, как повезут к месту казни, то это определит приговор. Могут провезти на осле или козле лицом к хвосту, могут — на телеге, могут протащить за лошадьё по брусчатке, а могут и заставить пройти босиком с петлёй на шее, свечой в руках и висящим на груди плакатом с покаянными

надписями. У них тут богатое воображение.

— Ты сможешь попасть на суд?

— Это будет решать энфер. Он может взять меня в качестве сопровождения в составе своей свиты, а может пойти туда один, в зависимости от формата проведения мероприятия.

— Мероприятие, — мрачно пробормотал Кирилл. — Но ты можешь заранее узнать содержание приговора и сообщить нам?

— Могу. Но достаточно ли у вас будет времени на подготовку, вот в чём вопрос. До вынесения приговора по обычаю эшафот возводить не принято, но они сделают это быстро. К тому же они всегда проводят казни в светлое время суток. Значит, это будет первая половина дня сразу после суда. Эшафот соберут в течение нескольких часов светлой ночи. Все материалы хранятся рядом с площадью на складе.

— Значит, пока мы можем с уверенностью сказать только, что маршрут, которым её поведут или повезут к месту казни, от замка альдора через четверо ворот, так?

— Наиболее вероятно, но её могут казнить и внутри замка в присутствии придворных.

— Здорово, — Кирилл потёр лоб. — Ладно, давайте исходить из того, что они не станут нарушать ради неё традиции и казнят её на обычном месте.

— Скорее всего, так оно и будет, — вставила Ланфэн. — Судить и казнить будут не только её, но и других изменников. А изменников казнят так, чтоб это видели горожане. Считается, что это поднимает патриотический дух и отрезвляет тех, кто склоняется к измене.

— Хорошо, для начала, Саша, постарайся раздобыть информацию о том, где держат Изабо, где будет проходить суд, каким будет приговор, и как будет проходить казнь. Если увидишь её, постарайся оценить физическое состояние, может ли ходить и насколько быстро.

— Постараюсь.

— Тонни, Ланфэн, давайте пройдемся маршрутом от замка к месту казни и осмотримся, может, что-то придёт в голову. Мерседес, вы сможете временно спрятать Изабо у себя в приюте после побега?

— Мы можем поместить её в покое для заразных больных, — кивнула Мерседес. — Там никогда не ищут тщательно, стражники боятся заразиться. К тому же ей, скорее всего, понадобится медицинская помощь.

— Да, это более чем вероятно, — задумчиво пробормотал Кирилл.

Донцов возвращался в замок альдора по тёмным улицам, заполненным толпами горожан и торговцев. Жизнь в городе не замирала, несмотря на приближение ночи. Напротив, все знали, что с первым гонгом все, кроме стражи и рыцарей, находящихся на службе альдора, должны будут уйти с улиц из-за комендантского часа, а потому нужно как можно скорее закончить свои дела и вернуться домой.

Донцов уверенно двигался в этих разнонаправленных людских потоках, тем более что, завидев его драгоценную перевязь и белую тогу, украшенную серебряной бляхой в виде вставшего на задние лапы грифона, в нём признавали высокопоставленного рыцаря и поспешно уступали дорогу. Но если кто-то не успевал сделать этого, он ловко огибал ротозея или тактично отодвигал в сторону, бормоча себе под нос что-то похожее на извинения.

Под впечатлением состоявшегося разговора он сам, проходя по тому самому маршруту, которым предстояло пройти Изабо Моро в день казни, осматривался по сторонам,

размышляя, что бы он сам сделал, если б ему предстояло осуществить дерзкую операцию по её освобождению. Увы, то, что он видел, не добавляло ему оптимизма. Он шёл сквозь плотную толпу, и не было сомнений, что в день казни на улицах соберётся не меньше народу, чем сейчас. Многие будут сопровождать приговорённых к казни изменников от ворот замка, осыпая их проклятиями, кидая в них камни и гнилые фрукты, плюя им вслед. Эту расвирепевшую толпу будут сдерживать только стражники, и, возможно, что в этом случае, их потребуется больше, чем обычно, учитывая ту ненависть, которую горожане испытывают к изменникам и шпионам врага.

Какое-то время он раздумывал над возможностью спровоцировать беспорядки и воспользоваться сутолокой, но потом отказался от этой мысли, потому что слишком велик был риск, что преступники попадут в руки горожан и будут растерзаны толпой.

Проходя через очередные ворота, он обратил внимание, что они расположены в полутёмной арке прохода, и из-за того, что стены оборонных колец становились всё толще, эти проходы постепенно удлинялись, становясь темнее. Самая глубокая арка, по сути, небольшой туннель, предваряла вход в последнее оборонное кольцо, окружавшее замок альдора. В этом полумраке, скудно освещённом факелами, можно было бы попытаться совершить нападение и, воспользовавшись дымовыми гранатами, выкрасть Изабо. Однако на ней наверняка будут цепи, сковывающие её с остальными узниками. Открыть замки за время, пока она будет находиться в туннеле, в условиях плохой видимости будет проблематично. К тому же, вокруг будет толпа, сопровождающая процессию к эшафоту, причём возбуждённая, и враждебно настроенная, а значит, так просто затеряться среди людей вряд ли удастся. К тому же это были единственные ворота, которые днём и ночью охранялись усиленными караулами.

Последующие арки были короче и, хоть там не было стражников, к процессии должно было присоединяться всё больше зевак, что делало попытки выбраться из толпы практически неосуществимыми.

Донцов чувствовал раздражение от того, что никак не мог придумать, как выполнить задачу, хотя в глубине души был уверен, что Оршанин что-нибудь изобретёт, что-то необычное, эффективное и максимально безопасное для Изабо и своих товарищей. Подумав так, он слегка успокоился, решив доверить эту работу профессиональному разведчику-диверсанту.

Он прошёл сквозь туннель последнего входа и слегка замедлил шаг, чтоб вышедшие ему навстречу стражники приблизились с факелами и убедились, что это идёт именно он, а не кто-то похожий и одетый в его одежду. Стоявший на посту рыцарь кивнул стражникам и поднял руку в приветственном жесте. Пластинки его кованой перчатки блеснули в свете факелов. Донцов ответил ему таким же жестом и невольно осмотрелся. Нет, здесь было слишком светло. После раскрытия заговора против Беренгара освещение внутренних ворот улучшили, и добавили стражников в караулы, так что теперь эти ворота защищал небольшой, хорошо вооружённый отряд.

Пройдя последнее кольцо, он подошёл к воротам и невольно покосился на висящую на стене клетку, внутри которой виднелась чёрная фигура, утыканная стрелами. Она словно напоминала о том, что альдор не склонен прощать оскорбление и, тем более, измену.

При входе в замок его снова задержали, но ненадолго. Молодой рыцарь задумчиво посмотрел ему в лицо, подняв фонарь с мутными стёклами.

— Свои, — раздался позади него голос, и из боковой дверцы появился Адриан

Адальбер.

Рыцарь отступил, склонившись в почтительном поклоне. В стороне стояли воины с алебардами. Раньше ворота замка охранял небольшой караул из трёх-пяти стражников, а остальные оставались в караульном помещении.

Адриан подошёл ближе.

— Час назад прислали от энфера, — сообщил он. — Мне приказали передать тебе сразу, как ты вернёшься, что тебя ждут в его покоях.

— Хорошо, — кивнул Донцов и, удержавшись от того, чтоб поведать другу новости, прошёл дальше.

Даже говорить на непонятном для остальных языке теперь стало небезопасно, поскольку выглядело подозрительно.

Поднявшись по высокой лестнице сразу в верхние покои, он прошёл по залам и круговым анфиладам. На этот раз все сквозные проходы были запечатаны намертво, и ему пришлось петлять по лабиринту многочисленных дугообразных галерей, постепенно продвигаясь к центру дворца.

У дверей в покои энфера он увидел Дэна Кроу и Элота. Это было немного странно, потому что обычно ближние рыцари энфера не стояли на посту, но в эти дни замок словно находился на осадном положении, и принимались особые меры предосторожности. Это не походило на истерию, наоборот, всё было чётко и хорошо продумано, и всё же усиленные караулы и патрули, перекрытые проходы, которые раньше были открыты, обилие во дворце мужчин в латах, надетых под парадные тоги, производило тревожное и даже гнетущее впечатление.

Увидев его, Элот взялся за ручку двери и открыл её. Донцов кивнул и вошёл. Пройдя через череду красиво и строго украшенных гостиных и небольших уютных залов, увешанных гобеленами с батальными сценами и коллекциями боевого оружия, он подошёл к дверям кабинета, которые распахнул перед ним ещё один стоявший в карауле рыцарь.

Энфер сидел за столом и разбирал бумаги. Рядом стоял Деллан и давал пояснения. Чуть в стороне сидел принц Лорант, стараясь не слишком откровенно демонстрировать свою скуку. Увидев Донцова, он ободряюще улыбнулся и перевёл взгляд на брата. Ликар поднял голову и сурово взглянул на вошедшего.

— Где вы были, капитан Светозар?

После того, как стало известно об измене трёх рыцарей из его свиты, он стал подозрительным и мрачным. Его можно было понять. Донцов помнил этих молодых людей, обаятельных и умных, любимцев дам и командиров. Они всегда были рядом и часто тренировались на мечах с энфером, сменяя друг друга. Они обсуждали с ним вопросы стратегии и тактики, применяемые в луаре и Сен-Марко, и никому и в голову не приходило, что это представляет для них какой-то иной интерес, кроме подготовки к защите новой родины. Они были симпатичны Донцову, он даже пару раз сходил в свободном спарринге с бароном де Сегюром и должен был признать, что тот бьется сильно, двигается быстро и обладает завидной реакцией. Драться с ним было нелегко, а смотреть на поединки с его участием — интересно и приятно. И теперь Донцову оставалось только благодарить бога, что у него не хватило времени и желания сблизиться с этим блестящим кавалером, и тем самым он избежал подозрений в преступных связях с ним.

Однако теперь Ликар хмуро взирал на него, да и взгляд Деллана не предвещал ничего хорошего. Только едва заметная улыбка Лоранта говорила о том, что пока не случилось

ничего страшного.

— Благородный энфер, я с вашего разрешения ходил в город, зашёл в несколько лавок, заказал кинжал в пару к своему мечу, кувшин вина нового урожая и купил перчатки, — ответил Донцов на вопрос энфера.

— И ещё что? — спросил Деллан.

— У меня было свидание.

— С кем?

— С дамой.

— Уж не в той ли дешёвой лавчонке, где шарлатан, называющий себя ясновидцем, принимает престарелых вдов?

— Именно там, — кивнул Донцов. — Ведь именно возле его дверей застряли ваши сыщики, которые бродили за мной по пятам. Кстати, хватило бы и одного.

— Они заглянули в лавку, но вас там не было, — холодно произнёс Деллан, словно не заметив выпада.

— Они спросили обо мне у хозяина? Полагаю, нет. А если б спросили, то он либо позвал бы меня, либо проводил бы их на второй этаж, где я и встречался со своей дамой.

— Кто эта дама? Она подтвердит вашу встречу?

— Нет. Это будет для неё равносильно самоубийству. Но я могу назвать её имя, если прикажет благородный энфер.

Деллан обернулся к Ликару. Тот нахмурился.

— В чём дело? Она замужем?

— Нет, она весталка из Храма Прозрения.

— Час от часу не легче, — проворчал энфер. — Я не хочу этого знать. Хватит с нас тех казней, что грядут вскоре.

— Но, благородный энфер! — воскликнул Деллан.

— Я сказал, хватит! — отрезал тот. — Если он ответит, вы явитесь в Храм Прозрения и потребуете встречи с весталкой. Вы сможете говорить с ней только в присутствии жрицы, и она либо будет всё отрицать, либо признает, что нарушила обеты, и будет похоронена заживо в подземной келье.

— В таком случае, мы должны признать, что не знаем, где был капитан Светозар сегодня.

— Я не знал, что должен оповещать об этом секретную службу, — невозмутимо заметил Донцов. — Если это так необходимо, я буду заранее докладывать вам о том, куда собираюсь пойти и с кем встречаться.

— Вас ни в чём не обвиняют, капитан, — подал голос Лорант. — А, следовательно, вы не обязаны предоставлять алиби. Если господин Деллан имеет к вам претензии, то он должен их обосновать.

— Вы говорите на языке Сен-Марко? — неожиданно спросил Деллан.

— Да, это один из самых распространённых языков на нашей планете, который используется в несколько видоизменённом варианте. Я знаю его и ещё четыре языка Земли. Кроме того, я знаю язык луара и современный язык, который используется на Алкоре. К тому же я свободно говорю на основных языках трёх других планет земной группы.

— Ваша учёность не вызывает у нас сомнений, — примирительно проговорил Ликар. — У вас всё, Деллан? Если нет вопросов, идите и занимайтесь своими делами.

— И всё же я направлю своих людей, чтоб они допросили ясновидящего, — проворчал

тот, направляясь к дверям.

Донцов проводил его взглядом и посмотрел на Ликара.

— Значит ли это, что я утратил ваше доверие, благородный энфер? — спросил он.

— Конечно, нет, — вздохнул тот и, откинувшись на спинку кресла, потянулся и растёр ладонями поясницу. — Не судите Деллана строго. В этой подозрительности и состоит суть его службы. А после того, как выяснилось, что в нашем ближайшем окружении действовали шпионы, ему приходится копать всё глубже. Можете идти, капитан. Да, и ещё, если вы не намерены забрать девицу из Храма Прозрения, не встречайтесь больше с ней. Так будет лучше для вас обоих.

— Я ещё нужен вам, брат? — поднялся со своего места Лорант.

— Ладно, сегодня ты достаточно поупражнялся в выносливости, борясь с зевотой и изображая интерес к вещам, которые тебя не интересуют, — усмехнулся Ликар.

— Просто у меня тоже затекла спина, — немного обиженно произнёс юноша. — И я хотел просить капитана дать мне урок фехтования.

— Да, от этого будет больше проку, чем от протирания штанов.

Принц рассмеялся звонким мальчишеским смехом и, обняв Донцова за плечи, вместе с ним вышел из кабинета энфера.

— Этот Деллан — такой зануда! — поделился он на ходу. — Он решил обвинить одну из фрейлин матушки в измене только из-за того, что у неё был роман с де Сегюром. Хотя, на деле, за это можно было бы известить десятую часть дам, обитающих на женской половине дворца. Да и в чём вина бедняжки? Фрейлина — не весталка и не давала обетов воздерживаться от свиданий с мужчинами. Все знают, зачем во дворце нужны фрейлины!

Так он продолжал рассуждать на ходу, как и раньше выказывая Донцову свою симпатию, которую проявлял с первой встречи, а тот подумал, что получить нужную ему информацию от принца будет куда проще и безопаснее, чем расспрашивать энфера или других рыцарей.

— А что, ваше высочество, — спросил он, — суд состоится скоро?

— Думаю, уже этим светлым днём, — беспечно пожал плечами Лорант. — И мне придётся просидеть там целый день, выслушивая обвинения и признания! Довольно скучное занятие, особенно, когда всё заранее известно. Но деваться некуда! Альдор решил, что мне пора взрослеть, и теперь я при Ликаре. Скоро война, и все мужчины нашей семьи должны быть готовы к участию в ней. Но одно дело — заниматься фехтованием, и другое — слушать о снабжении войска провиантом и фуражом. Хотя, и это, конечно, тоже очень важно, — тут же добавил он. — Но сидеть в зале суда... Скука. К тому же отец решил уступить просьбе короля Ричарда и провести над его шпионами закрытый судебный процесс. Вы знаете, что Ричард отыскал виновных в покушении на контаррена? Это какая-то супружеская пара из тех же мест, что и он. Говорят, что многие соседи не любят его, кто из зависти, а кто и из-за старых счётов. Беренгар вспомнил этих людей и согласился, что у них нет причин его любить, хотя был удивлён намерением убить. Конечно, всем ясно, что таким образом король Ричард попытался оправдаться перед нами, ведь он не объяснил, почему с купцом Брево говорил его дорогой граф Раймунд, который занимается в Сен-Марко тем же, чем у нас Деллан. К тому же в Сен-Марко явно поторопились казнить этих двух заказчиков покушения. Но официально объяснения и извинения принесены, и отец, учитывая, что мы сейчас находимся на очень тонкой грани мира и войны, согласился принять их и не давать огласки обвинениям. При этом он решил просто разослать копии приговора с указанием

фактов магистратам свободных городов. Тайно, естественно. Подождите, капитан! — озабочено воскликнул принц. — Наверно мне не стоит говорить кому-то об этих вещах.

— Совершенно верно, ваше высочество, — согласился Донцов. — К тому же этим вы ставите и меня в очень неловкое положение.

— Ладно, забудем об этом, — махнул рукой Лорант. — Главное, что уже послезавтра мне придётся проторчать целый день в зале заседаний, протирая штаны. Я бы лучше потренировался с мечом, чтоб не терять светлый день.

— Что мешает вам заняться фехтованием после суда? Я как раз освобожусь от своих обязанностей и с удовольствием составлю вам компанию.

— Правда? Это было бы хорошо. Думаю, что мне совершенно необходимо будет выпустить пар, так что, уж не обессудьте, я сразу же пошлю за вами, едва покину эти скорбные стены.

— Это будет разумно, мой принц, — кивнул Донцов. — Для жизнерадостного молодого рыцаря все эти судилища и приговоры являются слишком мрачными реалиями жизни. Так что я с готовностью откажусь от прогулки ради вас. Мой кинжал заберёт у оружейника кто-нибудь из моих сослуживцев.

— Вот ещё! Я дам вам свой ярлык, и вы, невзирая на комендантский час, отправитесь к своему оружейнику по моему делу. Мне тоже нужен кинжал. А потом завернёте в трактир и закажете бочонок магдебургского эля для моих слуг. В благодарность за услугу я оплачу ваш ужин.

— Вы очень добры, мой принц, — рассмеялся Донцов.

Они уже вышли на галерею, окружающую небольшой мощёный дворик, где придворные часто устраивали поединки. На сей раз, из-за тёмного и позднего времени там никого не было, но Лорант изнывал от желания размять затёкшие члены и потому, крикнув слуг, приказал им зажечь факелы по периметру двора.

Следующий день был очень тёмным и оттого ещё больше усиливал гнетущее ощущение близкой беды. Донцов не мог перестать думать о том, что ждёт Изабо в самое ближайшее время. Он никогда не испытывал к ней тёплых чувств, с некоторой ехидцей обсуждая с её сослуживцами мрачные тайны, которыми она пыталась себя окружить. Все в подразделении знали, что Изабо — ведьма и подколдовывает по пустякам, кое-кто из особо впечатлительных боялся сглаза, а некоторые утверждали, что она подсыпает своим приятелям в кофе приворотные порошки. Это всё звучало забавно и не более. Донцов видел перед собой очень красивую женщину, которая желала не только любви, но и поклонения, а это в её окружении было самой большой ошибкой. Её уникальная красота была лишена тепла и обаяния, души в ней было не больше, чем в мраморной статуе. Привлекая сначала, она очень быстро разочаровывала своих поклонников холодностью и непомерными требованиями. В конце концов, её окружали не обычные мужчины, а офицеры элитного подразделения космофлота, умные, образованные, опытные, и часто не менее амбициозные, чем она.

Может, поэтому, а также из-за этой странной истории с Алонсо Кабрерой Донцов продолжал относиться к ней с прохладцей и почти не расстроился, узнав об её аресте. Что-то в душе уже начало черстветь под воздействием этого жестокого мира, и проще было сказать: на войне, как на войне, мы здесь просто выживаем, освободить её невозможно. А дальше? Не велика потеря? Теперь он поражался своему отношению ко всему этому. А ведь в

первый момент он был искренне удивлён пламенному желанию Оршанина вмешаться в ситуацию, его непоколебимой уверенности в том, что нужно сделать всё, чтоб спасти командора Моро, потому что она своя, а своих мы не бросаем. Теперь Донцову было стыдно за своё отношение. Он думал, почему Кирилл, так же прошедший в одиночку через тяжелейшие испытания в дальнем космосе, не зачерствел душой, остался верен своим принципам, а он, Донцов, готов был спокойно взирать на то, как гибнет женщина, офицер космофлота, его товарищ?

Тёмный день по обыкновению был медлительным и заполненным минимумом действий. Непосредственным командиром офицеров свиты был сам Ликар, а он был занят подготовкой к суду. Единственное, чем могли заняться его рыцари, это согласно ранее утверждённому распорядку занимать посты у дверей его покоев, а в иное время шататься по комнатам, выискивая врагов, которые, если когда и были здесь, давно разбежались.

Донцов не пытался отпроситься в город, чтоб не нервировать тонущего в подозрениях Деллана. Да и зачем ему куда-то идти? Без новой информации о суде и казни его никто не ждёт, в том числе и вымышленная весталка из Храма Прозрения, придуманная Оскаром Триггви для прикрытия их встреч и прохода через лавку в соседний склад, на случай слежки.

Потому он задумчиво сидел у окна их с Дэнном комнаты, глядя в непроглядную тьму на улице, в которой невидимо ощущалась массивная громада соседних башен и крепостной стены, и горели оранжевыми точками далёкие факелы. Он продолжал обдумывать ситуацию, и она тревожила его всё больше. Он старался не углубляться в фантазии, что чувствует сейчас Изабо, сидя в каменном мешке и ожидая неминуемой смерти. В тихом неподвижном воздухе почти явственно ощущалось движение неумолимых жерновов правосудия, перемалывающих кости и жизни несчастных, попавших в их тиски. Неминуемая кара всё ближе накатывала на преступников, как эта бездушная чёрная масса камня за окном. И вынужденное бездействие всё больше терзало его. Время шло, а он ничего не делал, и хоть было ясно, что пока ничего сделать и не удастся, это ощущение было изматывающим.

Чтоб заняться хоть чем-то, он прошёлся по тёмным залам дворца, салютуя стоявшим в карауле рыцарям, потом перешёл из дворца в мрачные казематы внешних колец замка, вышел на крепостные стены и какое-то время стоял, глядя туда, где под черепичными крышами сонно дышал город, ожидая рассвета и настоящего пробуждения.

К нему приблизился капитан Линдар, они обменялись несколькими ничего не значащими фразами и продолжали какое-то время стоять рядом. Это общее тревожное молчание было понятнее слов. Линдар тоже не жаловал Изабо, но был страстно влюблён в её исчезнувшую камеристку и теперь наверняка переживал за трогательно хрупкую Ланфэн, даже не подозревая о том, что под этим нежным обликом скрывается маленькая опасная тигрица. А, может быть, он переживал из-за того, что среди изгнанных и схваченных секретной службой рыцарей были его приятели. Возможно, он сожалел об их печальной участи, а, может, корил себя за то, что не разглядел под дружескими улыбками свирепый вражеский оскал.

Казалось, приближающийся суд тяжелой грозовой тучей навис над дворцом, и никого не оставил равнодушными к вскрывшейся измене и грядущему жестокому возмездию. Постояв немного рядом, Линдар, вздохнув и дружески коснувшись рукой плеча Донцова, пошёл по своим делам. А тот, ещё немного поразмышляв, решил спуститься в казармы, чтоб поговорить с Адальбером и Коррадо.

Тёмный день всё-таки закончился, и за ним минула тёмная ночь. На небе постепенно проступала светлая пелена, предвещающая скорое утро. Светлый день наступил, но он не принёс облегчения, просто где-то в душе Донцова затеплилась надежда на то, что Кирилл всё придумает и сделает правильно, и тогда эта тяжесть на сердце уйдёт, и совесть не будет бесконечно мучиться виной за вынужденное бездействие и гибель командора Изабель Моро, помощника командира по научной части с баркентины «Паладин».

Он спал плохо, однако на сей раз у него, хотя бы было, чем заняться. Элот передал ему приказ занять пост возле дверей малого тронного зала, где должен был проходить судебный процесс. Вместе с ним в карауле стояли ещё несколько рыцарей альдора и энфера. Они встали по обе стороны дверей и видели, как проходили в зал учёные книжники в синих мантиях и бархатных шапочках, клерки и секретари в чёрных камзолах с кипами бумаг и деревянными шкатулками под мышкой, в которые были уложены бутылочки с чернилами и металлические перья для письма на роговых рукоятках, более мягкие при письме и, конечно более долговечные, чем гусиные перья. Следом в зал маршевым шагом вошли стражники, им предстояло занять места вдоль стен и следить за порядком во время заседания. Потом потянулись царедворцы, почтенные старцы и мужи в дорогих нарядах из парчи и бархата с подбитыми мехом накидками на плечах, рыцари в драгоценных доспехах, надетых под тяжёлые тоги белого цвета из плотных тканей узорчатого плетения, ниспадавших красивыми складками. Затем появился лорд контаррен, суровый и сосредоточенный, в окружении своих баронов и рыцарей, отличных от алкорцев тем, что их богатые доспехи были выставлены напоказ, потому что уроженцы Сен-Марко не носят тоги.

Вскоре появился и альдор в тяжёлой парчовой мантии из пурпурной парчи с длинным, расшитым грифонами плащом за спиной и золотом венце, украшенном крупными рубинами и аметистами. Его сопровождали Ликар и Лорант в золочёных доспехах и расшитых золотыми узорами тогах. Они также вошли в зал, после чего двери плотно закрыли.

Какое-то время было тихо, а потом где-то вдалеке послышался звон цепей. Донцов усилием воли удерживал себя от того, чтоб повернуть голову и посмотреть вдаль длинной галереи, украшенной резными колоннами. Но звон постепенно приближался, уже слышались шаги, тяжкие вздохи и даже стоны. Потом послышался женский плач, но это явно была не Изабо. Голосок был тонкий, как у ребёнка, и перепуганный. Наверно это была несчастная возлюбленная барона де Сегюра. Недалеко от дверей скорбная процессия остановилась в ожидании. Потом появился Деллан. Он, приоткрыв створку двери, скользнул внутрь, а затем появился снова и дал знак стоявшим ближе рыцарям. Они торжественно распахнули обе створки двери, и закованных в цепи узников ввели в зал. Теперь он смог разглядеть их, они шли мимо него, скованные между собой цепями, волочившимися по полу. Все эти люди были бледны и измождены, у некоторых на лицах и шеях виднелись синяки и ссадины. Одеты они были в одинаковые белые рубахи длиной до пола с рукавами, закрывавшими руки до пальцев. Среди них Донцов узнал пятерых рыцарей-алкорцев, с которыми ещё недавно встречался в замке и нередко оказывался за одним столом в трапезной. Сейчас они шли, потупив взгляд и обречённо глядя себе под ноги. Других мужчин он не знал, их было четверо. И уже за ними шли две женщины, скованные между собой и с идущими впереди мужчинами. Одна — юная белокожая девушка с великолепными светло-рыжими локонами, видимо, и была та самая фрейлина. Неудивительно, что де Сегюр запал на такую красоту, но стал бы он обхаживать её, если б знал, чем это для неё закончится? Может, и нет.

Изабо шла, высоко подняв голову. На её голубовато-бледном лице остались одни глаза, которые казались огромными чёрными провалами из-за лихорадочного блеска и тёмных кругов, окружающих глазницы. Длинное глухое одеяние скрывало следы перенесённых ею пыток, но передвигалась она тяжело, припадая на левую ногу.

Донцов опустил взгляд и посмотрел на цепи, тянущиеся за узниками. Он сразу разглядел висящие на них небольшие коробочки замков. Но это было последнее, что он успел рассмотреть. Узники вошли в зал и двери за ними закрылись.

Начались мучительные часы ожидания. Изредка из зала выскальзывали клерки и уходили, чтоб вернуться с какими-то взволнованными людьми. Их уводили внутрь, но вскоре они возвращались ещё более взволнованные и исчезали в конце галереи. Видимо, это были свидетели. Потом и это движение прекратилось. От долгого стояния в одной позе в тяжёлых доспехах начала ныть спина. Он замечал, как переминаются с ноги на ногу его товарищи, стараясь скрыть эти слабые попытки размять застывшие мышцы. Наконец, появились несколько рыцарей из обеих свит, пришедшие, чтоб сменить первый караул.

Донцов с облегчением передал свой пост Элоту и ушёл к себе в комнату. Он снова сел перед окном, глядя на улицу, но, не замечая, что там происходит. Он словно прислушивался к тому, о чём сейчас говорят в том большом зале, где идёт суд. Кто оглашает обвинения? Есть ли у изменников защитники? Что они говорят в своё оправдание? Слушает ли вообще кто-нибудь, что они говорят?

Потом появился Дэн, он сменился с караула у покоев энфера. Присев рядом на край стола, он тоже посмотрел в окно, а потом тихо сообщил:

— Говорят, что это только первый процесс. В тюрьме ожидают своей очереди ещё сорок изменников. Все сознались, дают показания на других. Думаешь, тут начнётся цепная реакция, как в Салеме?

— Надеюсь, нет, — вздохнул Донцов. — Ликар — разумный человек, и вряд ли захочет ослабить своё положение введением реакционных мер. Только не перед войной. Скоро всё это сойдёт на нет. И, в любом случае, это не наше дело.

— Мне нравился Герлан, — задумчиво произнёс Дэн, — один из тех, кого сегодня судят. Он хороший человек, всегда давал трактирщику деньги, чтоб тот кормил двух детей бедной вдовы, которая вяжет коврики из остатков шерсти.

Донцов не нашёл, что сказать на это. Изменник Герлан заботился о бедных детях и при этом служил врагам своего королевства. Хорошенькая маленькая фрейлина влюбилась в красавца из Сен-Марко, оказавшегося шпионом, а он спокойно отбыл домой, чтоб вскоре пойти войной на город, где живёт её семья. Как всё запутанно в этом мире, и в отличие от многих других миров, любая ошибка здесь обходится слишком дорого.

— Меня больше заботит Изабо, — признался он, наконец. — Мы не можем спасти всех. Виноваты они или нет, у каждого из них были свои причины делать то, что они делали. Среди них могут быть хорошие люди и просто невинные жертвы, но мы просто не можем взвалить на свои плечи все беды этого мира. Мы отвечаем только за своих.

— Если честно, если б я мог выбирать, кого спасти...

— Подожди, — Донцов поднял руку, останавливая Дэна. — Не надо говорить такие вещи. Дело не в выборе, а в другом. Нам нужно относиться ко всему, что здесь происходит, как к чему-то, что нас не касается. И держать в приоритете только своих.

— То есть, если Сен-Марко нападёт на луар, мы тоже скажем, что нас это не касается? — возмущённо воскликнул Дэн.

— А ты готов убивать за луар?

— Конечно! Я клялся альдору в верности.

— Ты готов сейчас убить де Сегюра, Ла Моля и Ламбера?

— Они шпионы и сбежали, бросив здесь своих!

— Но они, в отличие от этих своих — не изменники. Они честно служат своей родине, в отличие от добряка Герлана. Мы должны оставить местным самим разбираться в их делах. Мы прилетели из другого мира, и однажды мы уйдём отсюда навсегда. А они здесь будут либо защищать свои дома, либо предавать своих друзей, но это между ними, понимаешь? Ты смотришь со стороны луара только потому, что в какой-то момент согласился пойти сюда со мной, а мог бы сейчас быть в Сен-Марко и жал бы руку де Сегюру, как храброму разведчику, выполнившему сложное задание. И там сейчас есть наши: Стэн, Юра Булатов, Карнач со товарищи. И они служат королю Ричарду, как мы энферу и луару. И что, однажды мы встретимся на поле боя и будем убивать друг друга только потому, что в какой-то момент просто выбрали разные города?

— Я не знаю, — проговорил Дэн и, отойдя, лёг на свою койку.

— Этот мир не для нас, если мы будем принимать всё так близко к сердцу, — жёстко проговорил Донцов, обращаясь, скорее, к себе, чем к Дэну. — Мы просто должны помнить, что мы здесь лишь путники, зашедшие на огонёк. И не нам вмешиваться в эту жизнь. Мы просто должны сохранить своих и вернуться домой. И это всё, что знаю я.

Время тянулось нестерпимо медленно, но Донцов сидел, не меняя позы и глядя в окно невидящим взглядом. То, к чему он неожиданно пришёл через цепь последних трагических событий, теперь казалось очевидным. Именно этого и боялся Хок, держа их на привязи возле неподвижного «Пилигрима». Он слишком хорошо знал такие миры и понимал, что они затягивают и перемалывают души, подобно гигантским мясорубкам. А сам Донцов тогда рвался в этот мир, предвкушая приключения и подвиги, полагая, что уж он-то со своим непростым жизненным опытом выживет здесь и найдёт своё место. Но в том-то и дело, что главные испытания ждали не его тренированное тело, а его душу. Да, во всём луаре вряд ли сыщется боец, который справится с ним в бою, но и его можно вот так загнать в угол, поставив в тупик полной безысходности, когда он не может изменить то, что кажется ему ужасным и несправедливым. И опять, как когда-то, ему приходится делать выбор между жизнью своих и жизнью других, которые просто не являются для него своими. Снова, как на Гимеле, где ему пришлось убивать, чтоб выжить и спасти как можно больше тех, кто попал в разряд своих. Почему он думал, что столкнувшись с этой проблемой вновь, ему будет легче? Чем эта маленькая рыжая фрейлина хуже Изабо? У него не было на это ответа.

Дэн тоже молчал, лёжа на койке и глядя в потолок. Он чувствовал, что уже пора идти в трапезную на ужин, но ему не хотелось оказаться за общим столом, где рыцари будут обсуждать изменников и суд, проклиная тех, кому скоро предстоит умереть на городской площади. Здесь так просто относятся к жизни и смерти, словно это компьютерная игра, где всё можно перезагрузить, стерев прошлые неудачные шаги, приведшие к поражению. И это не похоже на мрачный готический роман, когда содрогнувшись от ужаса, всегда можно сказать себе: «Это только художественный вымысел, творчество писателя, который ставил себе целью испугать меня. Что ж, молодец, получилось, только на самом деле этого не было».

— На ужин пойдём? — спросил Дэн, не пошевелившись, и услышав тихое: «Не хочу»,

продолжил свои размышления.

Время текло, как густая смола по стволу дерева, медленно и вязко, почти неощутимо, но всё же настал момент, когда раздался унылый голос первого гонга. Первый светлый день закончился. Закончился ли вместе с ним суд? Или, может, его решили продлить на завтра, и тогда у осуждённых будет ещё немного времени для страданий, надежд и молитв, ещё одна долгая тёмная ночь, которая, быть может, принесёт чудесное избавление в виде помилования или хотя бы лёгкой быстрой смерти.

В дверь кто-то тяжело стукнул и она распахнулась. Тяжёлым мрачным медведем в маленькую комнату ввалился Элот и хмуро взглянул на Донцова.

— Они закончили. Принц Лорант просил вас зайти, сэр Светозар.

— Они вынесли приговор? — спросил Донцов, поднимаясь.

Он огляделся в поисках меча и лишь потом заметил, что вернувшись к себе, даже не удосужился снять с пояса тяжёлые ножны.

— По-видимому, очень страшный приговор, — ответил Элот, насупившись. — Когда их выводили, рыдали даже некоторые мужчины. Бедняжку Адалину вынесли на руках. Она лишилась чувств, услышав о своей участи. Говорят, её приговорили к казни, более жестокой, чем может вынести женщина. С неё сдерут кожу. Проклятый де Сегюр! — вдруг в ярости взревел Элот, — Если я встречу его в бою, я собственной рукой разрежу его на мелкие куски.

— Почему бы прямо сейчас не сделать это с судьями, которые осудили девчонку за то, что она влюбилась в парня? — тихо произнёс Дэн по-английски, обращаясь к потолку.

— Что он сказал? — насторожился Элот, покосившись на Донцова.

— Он возносит молитву, чтоб боги облегчили её участь, — объяснил тот.

— Это правильно, — задумчиво проворчал Элот. — Вся вина малышки в том, что она любила Марка. А я, дурак, глядя на них, думал, какая красивая будет пара.

Он вышел, за ним удалился и Донцов, а Дэн вздохнул и перевернулся на бок, уставившись в серую каменную стену.

Донцов прошёл в покои принца Лоранта, небольшие уютные комнаты, всё ещё носившие следы недавнего детства в виде стоявших в углах подставок, на которых красовались искусно сделанные деревянные мечи с резными рукоятками, детские доспехи и небольшие фигурки драконов и единорогов. Некоторые помещения предназначались для учебы, о чём говорили письменные столы с наклонными столешницами, большие грифельные доски и шкафы с кипами старинных фолиантов, сложенных в полном беспорядке. Раскрытые книги лежали на креслах и изящных инкрустированных столиках. Некоторые страницы были украшены яркими картинками, на других желтели тщательно прорисованные карты и убористые таблицы ориентиров, третьи пестрели ровными строчками мадригалов и сонетов, мода на которые явно пришла в луар из Сен-Марко. На маленьком диванчике у окна стояла ноэль — местная разновидность лютни, по форме напоминающая арфу. Её золотистое тело было прорезано фигурными эфами и украшено тонкой перламутровой инкрустацией из раковин речных моллюсков.

Теперь в этих комнатах было тихо и пустынно. Дневной свет вливался в высокие окна и освещал бархатные драпировки и лёгкий беспорядок на столах, до которого не могли добраться проворные руки заботливых слуг, поскольку юный принц в борьбе за свою независимость от взрослых противился любому вмешательству в личные дела.

Лорант ожидал его в дальней гостиной, где было немного мрачно, и единственным

украшением служил большой гобелен с девой и единорогом, висевший на стене, обшитой деревянными панелями. Юный слуга заканчивал накрывать на стол, а принц стоял возле пустого камина, повернувшись спиной к гостю.

— Я закончил, ваше высочество, — произнёс слуга, поклонившись.

Лорант обернулся и Донцов заметил, что он бледен и сильно расстроен.

— Ступай, Тин, — проговорил Лорант и, проводив мальчика взглядом до дверей, произнёс: — Будьте любезны, друг мой, прикройте дверь плотнее и помогите мне снять доспехи. Мне кажется, я до костей истаял в этой духовке. Не знаю, как можно носить их целыми днями на войне, да ещё биться в них с врагами.

— Иногда они спасают жизнь, — ответил Донцов, выполняя его просьбу.

Он запер дверь, а потом помог принцу снять тяжёлый кованый пояс с ножнами церемониального меча, тогу и аккуратно расстегнул ремни, которыми крепились доспехи, снимая их и укладывая на стол рядом с камином. При этом он заметил, что лицо юноши покрыто испариной, а кончики волос прилипли к щекам и лбу.

— Вам нужно освежиться и сменить одежду, — заметил Донцов.

Лорант беспомощно огляделся.

— Всё-таки придётся вызвать слуг.

— Не обязательно. Если вы скажете, где здесь вода, полотенце и чистые рубашки, мы обойдёмся без них.

— Вряд ли я вправе заставлять вас замещать лакеев, капитан, — пробормотал принц.

— Вы не заставляете.

— Гардеробная там, — он указал на неприметную дверцу за портьерой.

Пока Донцов помогал ему снять камзол и рубашку, обтирал его потное тело смоченным в холодной воде полотенцем и помогал одеться, Лорант подавленно молчал. Было ясно, что он потрясён и растерян, а когда они вернулись в гостиную и сели за стол, он снова принялся извиняться:

— Простите меня, сэръ Светорзар. Я веду себя, как испуганный ребёнок, но, боюсь, что таковым и являюсь. Я напуган тем, что чувствую. Мне нужно с кем-то поговорить об этом, но я не могу пойти с этим к брату и друзьям. От меня ждут зрелого и государственного подхода к свершившемуся, а я полон смятения. Понимаете, я шёл на суд преисполненный уверенности, что сейчас свершится правосудие, что мы будем наказывать изменников и врагов, которые замыслили погубить нас. Я был уверен, что, каким бы жестоким ни был приговор, я восприму его как справедливое возмездие. Но я не смог отнестись к этому так, как мой старший брат и отец. Я испытал не только ужас от того, как жестоко будут наказаны эти люди, но и глубокое сочувствие к ним. Я не увидел перед собой задыхающихся от злобы врагов, источающих яд с языков. Это были те люди, которые раньше находились в моём окружении, как рыцари моего брата, как и вы. Я симпатизировал им. Они казались мне изысканными и благородными. А теперь они стояли в этих нелепых рубахах, пошатываясь под грузом своих цепей и почти не глядя на собравшихся. Они были готовы к печальному исходу и полностью признали свою вину, и всё же приговор вызвал у них ужас. Лорды суда решили их четвертовать. Я понятия не имел, что это такое. Говорят, что эту казнь придумали в Сен-Марко, и потому было решено применить её к прислужникам короля Ричарда. Им отрубят сначала руки и ноги и только потом — голову. А три рыцаря, которым было пожаловано рыцарское звание в луаре, будут предварительно подвергнуты тому, что называется «огненными доспехами». Доспехи раскалят на огне и наденут на преступников,

но снимут до того, как это убьёт их. Мне страшно представить, как это будет выглядеть, а ведь я должен понимать, что они действительно изменили отцу и нашему народу, при этом, будучи людьми одной с нами крови...

Посмотрев на задумчивого собеседника, принц неожиданно впал в беспокойство.

— Я наверно зря говорю вам всё это, — пробормотал он. — Вы вовсе не обязаны выслушивать моё нытьё, и я не обижусь, если вы отругаете меня, как мальчишку, за мою слабость.

— Я не стану вас ругать, принц, — поднял голову Донцов, — потому что понимаю, что в жизни каждого мужчины бывает очень болезненный момент, когда в душе оставаясь ещё ребёнком, он вынужден вступить в жестокий взрослый мир. Я уверен, что такой момент был и у вашего великого отца, и у благородного энфера. И поскольку они вряд ли признаются в этом и, скорее, постараются укрепить ваш дух жёстким внушением, я согласен, что проще выговорится кому-то, кто отнесётся к вам с сочувствием в минуту мимолётной слабости. Потому я выслушаю всё, что вы мне расскажите, и похороню это на дне своего сердца.

— Я так благодарен вам, — проговорил Лорант. — Наши славные мужи полны воинской доблести, но порой лишены сострадания, которое считается достоинством дам.

— Не думаю, что это так, — покачал головой Донцов. — Я не раз становился свидетелем того, как проявлял сострадание ваш старший брат.

— К страждущим — да, но не к изменникам. Впрочем, он по просьбе матери уговорил отца смягчить приговор для бедняжки Адалины. Отец согласился заменить сдирание кожи отсечением головы. А учитывая, что наши палачи — мастера своего дела, она умрёт быстро и, надеюсь, почти безболезненно. Но к остальным он непреклонен.

— Но почему эти рыцари вступили в сговор с врагом? Они сказали?

— Да, лишь двое из-за денег, которые ссужали им де Сегюр и Ла Моль. Крэдон прямо заявил, что не мог простить нас за то, что его отца, когда-то уличённого в растрате, лишили поместья. Герлан признался, что его старший брат и отец служили во время прошлой кампании под знамёнами короля Армана и были убиты. Больше всего его задело то, что они пали не в бою, а были зарезаны в своей палатке во время набега наёмников, служивших луару. Потому он вместе с де Сегюром и приехал к нам с единственной целью отомстить за смерть родных. А Моларэн и вовсе заявил, что в бытность свою в Сен-Марко влюбился в девушку, дочь сенешаля, которая сказала ему, что не станет его женой, пока он не покроет себя славой, сражаясь с врагами короля Ричарда.

— И они ни о чём не жалеют?

— Только о том, что их разоблачили. Может, потому им и вынесли столь жестокий приговор. Впрочем, остальным тоже не повезло. Три купца будут колесованы по обычаю Сен-Марко. Брат пытался объяснить мне, что это значит, но я не понял. И не желаю понимать. А двое слуг, что подслушивали под дверями, будут повешены, но сняты с виселиц до того, как умрут. После этого их будут бичевать, пока они не испустят дух.

— А Дама Полуночи?

— Она больше не Дама Полуночи, — с неожиданным ожесточением произнёс принц. — И она единственная, кого мне не жалко. Она была приближена и обласкана отцом, но предала его. Посмотрим, как она будет красоваться, когда босиком пойдёт в своей рубахе через четверо ворот, и её шею будут украшать не драгоценности, а табличка с надписью: «Изменница, убийца, ведьма».

— Она пойдёт пешком? В кандалах?

— Все они пойдут так к месту казни, но я уверен, что больше всего гнилых яблок и камней полетит в её голову. Ах, да, купец Брево, зачинщик всего этого не дожил до суда, но его тоже приговорили и отвезут к эшафоту привязанным к спине козла, лицом к хвосту. И сначала сдерут с него кожу, а потом колесуют. Жаль, что он ничего не почувствует. Но эта Изабо почувствует вполне! Для начала на её лицо наденут раскалённую маску за то, что она, будучи Дамой Полуночи, презрела свой долг перед альдором. После за покушение на убийство контаррена её четвертуют, но не до конца, только отрубят руки и ноги, а уж потом сожгут живьём на костре, как ведьму, потому что она пыталась извести его с помощью колдовства. Её смерть не будет быстрой и лёгкой. И она будет последней! Она будет смотреть на казнь других до того, как взойдёт на эшафот сама!

Донцов не стал спрашивать у Лоранта, неужели ему совсем не жаль несчастную женщину. Ответ был написан на его лице. Должно быть, думая об Изабо, он, наконец, справился со своей слабостью, потому что вдруг выпрямился, и, схватившись за кувшин, принялся разливать вино.

— Я сегодня совсем не в состоянии упражняться на мечах, мой добрый сэръ, но в благодарность за ваше участие угощаю вас ужином. И я рад тому, что вы разделите эту трапезу со мной. Всё же мне легче, когда рядом есть понимающий мои чувства человек. Мне ещё предстоит научиться быть жёстким и безжалостным, и я уверен, что не разочарую свою семью!

И снова Донцов воздержался от висящего на кончике языка пожелания, хранить свое сердце в чистоте и сострадании. Вряд ли такой совет был нужен юному принцу в этом жестоком и страшном мире.

Спустя пару часов принц, выпив почти в одиночку кувшин вина и оттого заметно повеселев, отправился спать, но перед этим не позабыл вручить своему гостю именной ярлык и кошелёк с золотом, часть из которого предназначалась в качестве аванса кузнецу за кинжал, часть — в оплату эля для слуг, а остальная должна была компенсировать Донцову его труды. Простившись с Лорантом, он отправился к Ликару и сообщил ему, куда его направил младший принц.

— Как будто у мальчишки нет других слуг, — проворчал энфер, оторвавшись от своих бумаг. — Эй, постойте, он плакался вам о том, что ему было скучно, жарко и он измучился весь день сидеть в доспехах? А вы пообещали не выдавать его? Не отвечайте, вижу по лицу. Можете идти, и выполнить эти его капризы, но только один раз! Не хочу отменять его приказ, хоть и вижу его глупость. Я скажу ему, что для посылок есть лакеи, а капитан моей личной гвардии занят более важными делами.

Донцов склонился в поклоне и вышел из кабинета. Он отправился в город, предъявляя ярлык принца караульным и страже, и все они почтительно кланялись и, пропустив его, возвращались к своим делам. Он зашёл в трактир, где грустный хозяин переживал оттого, что из-за комендантского часа у него стало меньше посетителей, и заказал эль для слуг принца, тем самым облегчив страдания трактирщика. Потом завернул к кузнецу, который всё ещё трудился в своей маленькой кузнице, используя светлую ночь для тонкой работы. В преддверии войны заказов на оружие было много, и терять время на сон было глупо. Вот и сейчас он склонился над столом, вытравливая на белом клинке меча свирепую львиную морду. Донцов придирчиво осмотрел выкованный для него кинжал и остался доволен работой. Он расплатился и сделал заказ от имени принца, велел кузнецу сделать изысканный

кинжал, и даже нарисовал на листе фигурную гарду, которая лепестками лилии загибалась к клинку, а потом и рукоятку с рифлёной в виде чешуи поверхностью. Осмотрев рисунок, он добавил на рукоятку изящную головку шишечкой, в месте соединения с рукоятью оплетенную двойной косичкой. Кузнец с интересом следил за его действиями, а потом спросил, может ли он и впредь делать такие кинжалы для своих клиентов?

— Придержите идею до того, как его высочество продемонстрирует свой кинжал друзьям, а потом можете повторять его сколько угодно, — усмехнулся Донцов. — Но какое-то время принц Лорант должен оставаться единственным счастливым обладателем такого оружия.

Кузнец согласился с таким решением и вернулся к своей работе, тем не менее, положив рисунок рядом и изредка поглядывая на него.

После этого Донцов отправился в трактир «Золотой щит». Тот был закрыт, но поскольку на втором этаже находилась гостиница, в зале сидели гости, потягивая вино и обсуждая свои дела. Особой надежды, что кто-то из его друзей здесь, не было, но трактирщик, заметив его в дверях, привычно мотнул головой назад, дав знак, что его ждут в заднем зале.

Там сидели Оршанин, Хэйфэн и Ланфэн. Отодвинув в сторону посуду, они расстелили на столе нарисованную от руки карту и что-то обсуждали. Когда Донцов входил, он заметил, как Тонни привычно потянулся к кинжалу на поясе, но узнав его, снова склонился над картой.

Донцов, не затягивая, рассказал им всё, что узнал от принца о предстоящей казни. Все трое слушали его внимательно, поглядывая на лежащий на столе лист. После этого Оршанин кивнул.

— Это всё только подтверждает правильность нашего решения. Мы знаем, что будем делать.

— Если не секрет... — Донцов вопросительно взглянул на него.

— Мы расспросили о казнях всех, кого можно. Наш трактирщик — просто кладёшь информации в этом деле, не пропускает ни одной казни, потому что все они проходят рядом с его заведением. Мы прошли весь путь от ворот внутреннего круга до места, где обычно ставят эшафот. Нападать по дороге нашими силами глупо и нерационально. Слишком много народу вокруг и скрыться негде. Поэтому мы решили осуществить операцию во время казни.

— С ума сошёл? — сочувственно спросил Донцов. — Вся площадь будет заполнена народом, жаждущим крови изменников.

— И это нам на руку! К тому же толпа будет наблюдать за казнью. Судя по сложности всех этих с позволения сказать процедур, сама казнь будет длиться довольно долго, возможно, несколько часов. Люди будут переходить туда-сюда, орать, толкаться. И смотреть на палачей и эшафот. В это время остальные осуждённые будут ждать своей участи вот здесь, — Кирилл ткнул пальцем в точку на карте. — Тут будет площадка, огороженная заборчиком и двумя-тремя рядами стражников. Здесь и будут стоять осуждённые. На них, скорее всего, мало кто будет смотреть. Ну, может, первое время, а потом к ним утратят интерес. Кидать в них что-либо здесь запрещено, чтоб не попасть в стражников, потому скоро внимание переключится вот сюда, то есть все повернутся либо боком, либо спиной к приговорённым. Большинство — спиной. Мы подождём момента, когда толпа будет увлечена зрелищем, и начнём до того, как она начнёт утрачивать к нему интерес.

— Что вы собираетесь сделать?

— Вот тут на рисунке показан эшафот. Здесь — чаша для огня. Ты сам сказал, на ней будут подогревать латы и маску, потому она точно будет здесь стоять. Обычно это большой чугунный котёл на треноге. Мы забросим туда пару гранат с дымовой смесью. Когда оттуда повалит дым и начнёт всё застилать, мы подкинем ещё несколько гранат в толпу. А на площадку к осуждённым бросим гранаты с нервнопаралитическим газом. Жестоко, но не смертельно. К тому же у нас есть гранаты с облегчённым газом, который под действием азота в течение получаса расщепляется в воздухе на совершенно безвредные компоненты и в течение двадцати-тридцати часов полностью выводится из организма человека, не вызывая тяжёлых последствий. В результате его распыления у всех, кто будет здесь находиться, начнутся нарушения зрения, дезориентация в пространстве, затруднение дыхания и, наконец, потеря сознания. Скорее всего, все спишут это на едкий дым, и никто не подумает о том, что пытаются освободить преступников. Дальше, поскольку стража будет нейтрализована, мы проникаем за периметр, вскрываем замки на цепях и снимаем их с Изабо. Я понял, что это за устройство с твоих слов. Ещё посоветуюсь с кузнецом, который лечит больные лёгкие у Мерседес. Таким образом, мы освобождаем Изабо, надеваем на неё юбку, плащ и покрывало и выводим вместе с толпой, которая, я уверен, хлынет от едкого дыма в разные стороны.

— А как вы сами защититесь от газа?

— Элементарно, Ватсон! У Тонни есть его десантный «хамелеон», который обеспечивает защиту от химического оружия этого уровня. Капюшоны с масками и перчатки входят в комплект. Ланфэн свой комбинезон предусмотрительно припрятала в городе, а вот я свой оставил в Башне Единорога, так что Оскар одолжит мне свой. Он поуже в плечах, но почти такого же роста. У нас у всех есть аптечки со стандартными антидотами. Естественно, поверх защитного обмундирования наденем обычные штаны и куртки с капюшонами. Поскольку мы все невысокого роста, наденем неприметную одежду, на нас никто не будет обращать внимания. Так что всё остальное — дело техники. Потом многие бедняки пойдут за помощью в богадельню, так что и мы спокойно уйдём туда же, а там нас приютит Мерседес.

— Вы управитесь втроём? — озабочено спросил Донцов, глядя на план площади, нарисованный на листе.

— Конечно. Чем меньше нас там будет, тем лучше. А учитывая, что после этого странного происшествия пропадёт именно Дама Полуночи, то злоумышленников искать будут среди тех, с кем она была связана. Во дворце знают, что вы земляки?

— Да, но контактов у нас с ней не было.

— Всё равно, позаботьтесь об алиби. Либо оставайтесь в замке, либо возьмите с собой на площадь тех, кто подтвердит, что вы стояли и глазели на казнь, как все нормальные люди.

— Скорее всего, Ликар там будет и притащит с собой всю свиту, и нас в том числе.

— Отлично, не забывайте махать и улыбаться.

— Слушай, это не тема для шуток! — неожиданно вспыхнул Донцов. — Я видел самые жестокие казни, но не привык к ним.

— Но ты привык держать свои эмоции при себе. Это я точно знаю. Позаботься, чтоб Адальбер и Коррадо были в это время на глазах у своих командиров, а лучше в карауле там, где их будут видеть. И подготовку Дэна. Он точно будет потрясён увиденным.

— Я думаю, что утром у него случится что-нибудь вроде пищевого отравления, и он останется в замке, — пробормотал Донцов. — Я всё-таки надеюсь, что однажды мы

вернёмся к нормальной жизни, и не хочу слышать по ночам вопли из его каюты из-за того, что ему снятся кошмары.

— Вот это очень хорошая идея, — кивнул Тонни. — И не беспокойся, мы выполним это задание и останемся живы.

— Очень на это надеюсь, — проникновенно заявил Донцов.

Он вернулся в зал и, сев за стол возле камина, заказал ужин. Есть ему не хотелось, но на случай, если Деллану захочется проверить, что он делал во время своей отлучки из дворца, будет, кому подтвердить, что он ужинал в таверне «Золотой щит» и расплатился золотой монетой, происхождение которой потом с радостью подтвердит принц Лорант.

Наутро Дэну даже не пришлось изображать недомогание, чтоб отвертеться от присутствия на казни. Пришедший будить их с Донцовым Элот, подозрительно посмотрел на бледного измученного Дэна, который ничего не ел около суток, плохо спал ночью и страдал от жесточайшей депрессии, и сказал, чтоб тот оставался в своей комнате, обещав отправить к нему лекаря. Лекарь вскоре явился и, осмотрев пациента, принялся рассуждать о меланхолии, которая гораздо чаще встречается у дам, нежели у рыцарей, и в последнем случае является следствием безответной любви, избытков в теле чёрной желчи или слабости желудка. Кроу жалобно взглянул на Донцова, но тот, поправив на плечах плащ, подмигнул ему и вышел, оставив друга на попечении эскулапа.

Во дворе замка формировался парадный кортеж, который должен был сопровождать альдора и двух его старших сыновей к месту казни. Те уже сидели на высоких белых конях, покрытых попонами в цветах гербов, а рыцари двух свит усаживались в сёдла и, ловко маневрируя в общей толчее, размещались по старшинству в заранее определённом порядке. Место Донцова в общем строю было рядом с Элотом сразу за капитанами свиты альдора.

Вскоре кортеж выехал за ворота замка. На сей раз, внутреннее кольцо было закрыто для горожан, и их толпы встретили альдора за его пределами. Ремесленники, торговцы и домохозяева, обступившие дорогу, махали руками и выкрикивали приветствия правителям города и проклятия в адрес их врагов. Было заметно, что прокатившаяся по городу волна арестов тех, кто подозревался в шпионаже в пользу Сен-Марко, не только не огорчила народ луара, а, напротив, сплотила его, подняв уровень патриотизма.

Люди приветствовали рыцарей, ехавших в кортеже, кидая под ноги лошадей цветы. При этом, осмотревшись, Донцов заметил, что у многих с собой корзинки с гнилыми фруктами, предназначенные для следующей процессии.

Выехав во второе оборонное кольцо, альдор со своими сыновьями проследовал мимо сколоченного за тёмную ночь эшафота к высоким дверям большого дома, пристроенного к крепостной стене. Навстречу ему вышел глава торговой гильдии, правую руку которого чуть выше локтя украшал широкий золотой браслет из трёх рядов увесистых монет — знак его статуса. Это был высокий крепкий мужчина в дорогом, немного мешковатом кафтане и коротком плаще, подбитом волчьим мехом. Он поклонился альдору и принцам и, когда они спешили, торжественно проводил их на широкий балкон, выходящий на площадь в непосредственной близости от эшафота. Там уже были установлены несколько кресел для высокопоставленных господ. Донцов и Элот привычно заняли свои места рядом с креслом Ликара среди других его рыцарей.

С балкона площадь была, как на ладони. Помост эшафота возвышался на пару метров прямо напротив. Рядом на земле стояла тренога с большим котлом, к которому иногда

подходили горожане и бросали полешки и щепки, видимо таков был обычай. Донцов подумал, что подбросить туда пару гранат совсем несложно. Но как ни смотрел он на проходящих внизу людей, так и не заметил кого-то хоть отдалённо похожего на его друзей.

Возле помоста за невысоким ограждением уже стояли козлы, две большие балки с углублениями, сколоченные поперечным крестом и деревянный ящик с полукруглым углублением с одной стороны, видимо, плаха. Тут же на конструкции из деревянных шестов висели закопченные рыцарские латы и жутковатая металлическая маска, изображающая лицо демона. Рядом прохаживались несколько дюжих мужчин в красных костюмах и кожаных передниках, лица которых закрывали кожаные повязки с прорезями для глаз, носа и рта.

С другой стороны, дальше от балкона была освобождена прямоугольная площадка, отгороженная от площади заборчиком. Она прямо примыкала к лестнице, ведущей на эшафот.

Потом издалека, оттуда, где находились ворота в третий круг, послышался шум, крики и свист. Вскоре появилась медленно бредущая процессия приговорённых к казни преступников. Они, как и прежде, были одеты в длинные рубахи и скованы цепями, на груди у них висели таблички с указанием обвинений. Впереди, не обращая внимания на шум вокруг, шествовал большой чёрный козёл с изогнутыми рогами, то ли он был глух, то ли уже привык к подобной обстановке. На его спине покачивался крепко привязанный скорчившийся труп маленького человечка, который при жизни наверно выглядел упитанным и благополучным, но теперь на него было жутко смотреть, поскольку он был мёртв уже несколько дней. В него никто ничего не бросал, словно горожане считали, что он уже получил своё. Зато в остальных летели гнилые яблоки, отчего лица и рубахи несчастных уже были покрыты коричневыми пятнами. На головах некоторых появились кровоподтёки от попавших в них камней, но никаких серьёзных повреждений им не нанесли, не желая даровать изменникам более лёгкую смерть, чем та, которая была уготована им судом лордов.

По мере приближения к эшафоту летящих в их сторону камней и фруктов стало меньше. Стражники раздвинули загородку и как скот затолкали их в загон, после чего окружили двойным кольцом на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Наконец, затрубили трубы, и на соседнем балконе появился лорд, возглавлявший суд. Он произнёс короткую пламенную речь, восхвалявшую правосудие альдора и объяснявшую всю глубину падения преступников, за что им было уготовано жестокое возмездие.

Следом на эшафот поднялся глашатай и прочитал приговор леди Адалине Норан, чьё преступление заключалось в измене и шпионаже в пользу Сен-Марко. Но бедная маленькая фрейлина не смогла подняться на эшафот, потеряв сознание. Палачи быстро сняли с неё цепи, внесли на эшафот, где уже установили плаху, и торопливо уложили девушку на неё, словно опасаясь, что она очнётся до того, как они сделают своё дело. Палач достал большой топор и под одобрительный рёв толпы отсёк девице голову. Альдор выполнил просьбу своей дорогой супруги: её юная фрейлина умерла быстро и безболезненно.

Тем временем в чугунном котле развели огонь и, когда он запылал, подвесили над ним закопченные доспехи, а на помост, тем временем, втащили тело несчастного Брево. Поскольку растягивать казнь уже умершего человека не имело смысла, да и зрителям это было не так интересно, и в этом случае палачи управились в несколько минут.

Следующим был рыцарь Крэдон, сподвижник барона де Сегюра. Как объявил, читая приговор, глашатай, он был пожалован рыцарским званием самим альдором, и потому

помимо четвертования приговорён к огненным латам. Его вывели на помост и сорвали с него рубаху, открыв на всеобщее обозрение израненное пытками тело.

Донцов стоял, глядя прямо перед собой, заставляя себя не отворачиваться. Крики несчастного Крэдона, которого он хорошо знал, звучали над площадью, перекрывая рёв возбуждённой толпы. Усилием воли удерживая на лице отсутствующее выражение, Донцов чувствовал, как сердце начинает стучать где-то в горле, по спине пробегает нервная дрожь, а перед глазами уже расплывается спасительная пелена. Но худшим выходом было упасть сейчас в обморок. Да он и знал, что не упадёт. Он сосредоточился на внутренних ощущениях, оставив то, что происходит перед его глазами, на периферии сознания, но крики всё равно вторгались в его душу, мучая нестерпимым желанием немедленно прекратить всё это любым способом.

И именно тогда из чугунного котла повалил серый дым. Он вырывался из него плотными круглыми клубами и мгновенно распространялся, превращаясь в туман, становившийся всё гуще. Он уже накрыл собой эшафот, и пополз дальше, а ему навстречу ползли туманные волны, зародившиеся в гуще толпы. На площади послышались возмущённые крики. Туман поднимался к балкону и тут Донцов словно очнулся.

— Это не обычный дым! — крикнул он, метнувшись к креслу принца Лоранта. — Элот, выводи энфера! Спасайте альдора!

Схватив юношу за плечи, он ощутил его дрожь. Принц был в состоянии шока от увиденного. Он заставлял себя смотреть на казнь, и его разум просто не справился с этим. Подхватив на руки, Донцов вынес его с балкона. Рядом уже чертыхался Ликар и альдор требовал немедленно выяснить, что происходит.

— Возможно, это магический туман, — заявил появившийся рядом Дуэйт и жестом велел Донцову уложить принца на скамью у стены. — Он появился внезапно и такой густой, что уже на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. При этом он совсем не пахнет гарью.

Говоря всё это, он достал из карманов своего бесформенного одеяния пузырёк, и смочил находящейся в нём жидкостью виски Лоранта. Он действовал быстро и решительно, и Донцов счёл, что может оставить с ним принца.

Он бросился закрывать окна и двери на балкон, чтоб туман, а вместе с ним и отравляющий газ не попали внутрь комнаты, но вскоре почувствовал головокружение. В глазах потемнело, он замер и огляделся по сторонам, ничего уже не видя и не осознавая, где находится. Медленно он опустился на колени и упал на пол, с облегчением понимая, что это то, что ему сейчас нужно.

Он очнулся, почувствовав, что лежит на чём-то, мерно покачивающемся и, открыв глаза, повернул голову. Несколько стражников несли его через пятые ворота на носилках. Следом и рядом двигались другие носилки, лежащие на них рыцари были неподвижны. Приглядевшись, он увидел, что их глаза открыты, а на лицах застыло выражение крайнего изумления. «Ребята явно переборщили с гранатами», — лениво подумал он и закрыл глаза, предавшись мягкому покачиванию, которое казалось ему таким приятным и убаюкивающим. Он знал, что это состояние лёгкой эйфории является одним из симптомов отравления. В ближайшее время он будет медленно плыть в этом состоянии, похожем на нирвану, постепенно приходя в себя по мере выведения токсинов из крови.

Следующие сутки он провёл в своей комнате и, изредка приходя в себя, видел рядом

Дэна, Адриана и Энцо. Ему становилось всё лучше, он уже мог повернуть голову и посмотреть в окно, где синело небо первой тёмной ночи. Говорить не хотелось, и этого от него никто не ждал. Дэн теперь не покидал его и вёл себя, как опытная сиделка, вовремя обтирая с тела пот, с которым организм избавлялся от яда, поднося к губам кружку с чистой водой и отварами целебных трав, а потом и кусочки мягких варёных овощей и разваренного мяса.

Со временем вернулся интерес к жизни и, в очередной раз, открыв глаза и увидев встревоженный взгляд Дэна, он проворчал:

— Да жив я, жив.

— Я прибью Оршанина, как только увижу, — тут же высказался Дэн.

— Только не за меня, брат, — усмехнулся Донцов и с наслаждением потянулся. — Давно мне не было так хорошо и спокойно. И я совершенно здоров. Как остальные?

— Имеешь в виду альдора с сыновьями? Они пока спят богатырским сном с улыбками на лицах. Боррадо и лекари мечутся вокруг, опасаясь, что не смогут их разбудить. Элот сегодня тоже открыл глаза и сказал: «Мама», чем перепугал половину гарнизона. В городе все гостиницы забиты спящими мирным сном горожанами, за которыми не явились родственники, и приезжими. Всё как в сказке о спящей красавице.

— То есть город остался без руководства? — нахмурился Донцов, приподнявшись.

— Нет, у нас заправляет альдорена, властной материнской рукой. Она, как всегда, справляется.

— А как дела у наших?

— Нормально. Ты же знаешь Кирилла и Тонни. Они провели операцию, как по нотам, и уже разгуливают по городу, любуясь результатами своей деятельности. Изабо в богадельне под присмотром Мерседес и Ланфэн.

— А казнь?

— Когда заварилась вся эта каша, в замок прискакал гонец. Альдорена отправила к месту казни капитана Линдара с отрядом рыцарей. К тому моменту газ разложился, и они застали там сонное царство. Те, кто не свалился наземь, разбежались, глядя, как падают другие. Люди Линдара по его приказу просто зарубили мечами всех осуждённых. Думаю, он хотел избавить их от мучений впоследствии, но теперь говорит, что опасался, как бы они не сбежали. Не думаю, что его осудят за такую поспешность, особенно если учесть, что двое всё-таки исчезли.

— Двое?

— Изабо и Герлан. Куда делся он, я не знаю.

— Что ж, будем надеяться, что его не найдут. Я хотел избавить от кошмаров тебя, но, похоже, нажил эту проблему себе.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — Донцов пожал плечами и осторожно сел. Голова не кружилась и перед глазами больше ничего не плыло. — Я полностью восстановился и готов встать.

— Это будет подозрительно, пока не встанут другие, — заметил Дэн.

— Как скажешь, — с лёгкостью согласился Донцов и снова с удовольствием улёгся на койку.

Вскоре, несмотря на окутавшую луар темноту долгой ночи, во дворце началось движение. Жертвы газовой атаки на площади начали просыпаться, при этом с удивлением

чувствуя себя отдохнувшими. В душе им даже не хотелось расставаться с этим приятным ощущением полного покоя. Но поднялся с постели энфер, а затем из покоев альдора сообщили, что он тоже уже на ногах и призывает к себе придворных магов с разъяснениями этого странного события.

Высокомудрые и далёкие от темы разговора рассуждения Боррадо его не заинтересовали, а Дуэйт, который после крепкого сна выглядел розовощёким и ещё более встрёпанным, чем обычно, прямо заявил, что всё это происки колдуна Ротамона, замыслившего освободить свою прислужницу. Поскольку прислужница, действительно, пропала, а в колдовстве был использован магический дым, что прямо наводило на мысль об огненной магии, то альдор, молча выслушав молодого волшебника, вынужден был с ним согласиться.

Пропажа Герлана вызвала некоторые вопросы, но Дуэйт предположил, что он был как-то связан с Изабо Моро и, потому она прихватила его с собой, и это объяснение тоже было принято. Однако проснувшийся с неуёмной жаждой деятельности Деллан всё же направил на поиски беглецов своих сыщиков и шпионов, а стражники и отряды ополчения проверяли все дома, гостиницы, лавки и склады в городе.

В ожидании отчётов об обысках, Деллан направился к энферу и застал его в большой гостиной, где он в окружении своих рыцарей играл в шахматы с Дэном Кроу. Поскольку он любил интересную и честную игру и умел красиво проигрывать, он всегда выбирал себе сильных противников, и теперь задумчиво смотрел на доску, где разыгрывался трёхфигурный эндшпиль, причём у Ликара оставались слон и конь против одинокого ферзя у Дэна, и всё же он не знал, как избежать уже маячившего в конце партии поражения. Появление Деллана он воспринял с некоторым облегчением, потому что это дало ему возможность прервать явно проигрышную партию.

Одобрительно кивнув Дэну и пообещав позже доиграть, зная, что слуги сложат шахматные фигурки в шкатулку, и никто об этом обещании не вспомнит, он поднялся и ушёл в свой кабинет вместе с главой секретной службы.

— Что показало расследование этого странного происшествия? — спросил он, зажигая лучиной от пылающего в камине огня свечи в бронзовом канделябре, стоявшем на столе.

— Дуэйт считает, что это было колдовство, — ответил Деллан. — Дым мгновенно заполнил большую часть площади и погрузил в глубокий сон всех, кто там находился. Когда прибыл отряд Линдара, они нашли всех спящими.

— Дым исчез?

— Нет, Линдар сказал, что площадь между крепостными стенами была словно погружена в туман, но он не чувствовал запаха гари.

— И ни он, ни его рыцари не уснули?

— Нет.

— А Изабо Моро и её приятель Герлан исчезли, словно их и не было. Цепи осмотрели?

— Замки цепей Изабо Моро и Герлана открыты. Рядом валялись ключи, похищенные у палача.

— И это не показалось тебе странным? — уточнил энфер, сев в кресло за столом.

— В этом деле много странностей, начиная с самого дыма и его избирательного действия и заканчивая тем, что для того, чтоб освободить двух преступников, кто-то воспользовался ключами. Но у меня нет этому объяснений. Как вам известно, я находился с вами на балконе и, как только услышал крик Светозара, бросился вниз на площадь. Я успел

выйти на улицу, за клубами дыма, который всё ещё валил из чаши, увидел разбегающуюся в панике толпу и потерял сознание. Кстати, я обратил внимание, что он первый крикнул, что это необычный дым.

— Он предупреждал нас о том, что все итак видели, но застыли в замешательстве. Он вынес с балкона моего брата, который раньше других лишился чувств, и пытался закрыть двери и окно. Я стоял ближе к выходу и, теряя сознание, успел увидеть, как он упал. Так что ничего подозрительного в его действиях не было. Напротив, я полагаю, его следует наградить за быстрые и решительные действия. Что ещё тебя смутило?

— То, что казнь фактически была сорвана. Не сомневаюсь, что суд лордов вынес суровые приговоры преступникам с целью оказать устрашающее воздействие на наших потенциальных врагов, а капитан Линдар просто зарубил их сонными без свидетелей, за исключением своих людей.

— Почему ты ищешь виноватых среди благородных рыцарей, честно исполняющих свой долг? — раздражённо спросил энфер. — Вместо того чтоб объяснить мне, как всё это случилось во время казни изменников луара в присутствии альдора и двух принцев. Разве не ты должен был обеспечить безопасность на площади и охрану членов нашей семьи? Хорошо ещё, что этот Ротамон, если это он, в этот раз ограничился всего лишь странным усыпляющим дымом, а не сжёг нас в золу! И теперь ты приходишь и цепляешься к моим людям, которые сделали всё, чтоб исправить твои ошибки!

— Против магии я бессилён, — проворчал Деллан немного обижено.

— Ты знал, что собираешься казнить ведьму? Почему не приказал магам установить защиту?

— Но раньше такого не случалось!

— Теперь случилось! — взорвался Ликар. — Ты представляешь, что будет, если этот дым появится на поле боя во время войны и уложит на землю наши войска? Их перережут так же, как Линдар перерезал изменников! Я приказываю выяснить, посредством какого ритуала был вызван этот дым, и найти виновного! Если это был колдун Ротамон, найдите его и приволоките сюда или уничтожьте на месте! Если это Изабо, я хочу, чтоб вынесенный ей приговор был приведён в исполнение, даже если вам придётся вытащить её из постели Ричарда! Если это кто-то ещё, я советую тебе найти этого человека до того, как он проявит себя вновь. В противном случае, ты лишишься не только должности, но и головы!

— Мы ищем беглецов, — с видом побитой собаки начал оправдываться Деллан. — Они не растворились в воздухе с этим туманом. В противном случае не было бы нужды открывать замки. И если ведьма могла противостоять колдовству, то Герлан — нет. Не унесла же она его на своём хребте! Они прячутся где-то в городе, и мы найдём их. Я обещаю.

— Я запомню твоё обещание, — взглянув на него исподлобья, кивнул Ликар. — Что ещё?

— Я начал говорить о том, что мы не смогли надлежащим образом казнить этих предателей, — слегка успокоившись, продолжил Деллан. — Но у нас есть ещё сорок их соучастников, и их мы должны...

— Хватит, — оборвал его Ликар. — Такого больше не будет.

— Чего не будет? — растерялся Деллан.

— Обвинений, основанных исключительно на показаниях и признаниях, полученных под пыткой. Хватит с нас Адалины Норан. Я не хочу уничтожать всех, чьи имена придут на память вашим подопечным, обезумевшим от боли. Они будут лгать и указывать на кого

угодно, лишь бы избавиться от мучений. Мы можем казнить так полгорода, и однажды народ почувствует, что мы следуем пустым наветам, потому что среди казнённых окажутся люди, которых хорошо знают и уважают. Нет. Мы будем подробно и беспристрастно разбирать каждый случай. Перед передачей суду лордов вы будете приносить все материалы расследований мне, и я буду решать, достаточно ли их для вынесения приговора. И я запрещаю вам пытаться людей только на основании оговора. Обыскивайте дома, опрашивайте соседей, родню, знакомых, ищите любые доказательства, указывающие на их связь со шпионажем, но бытовой связи со шпионами мне будет недостаточно. Мы должны искоренить эту заразу, как зловредные сорняки, но не станем выпалывать всю траву вокруг.

— Но, благородный энфер... — возмущённо начал Деллан.

— Я надеюсь на твою компетентность, — ледяным тоном прервал его энфер. — Проще простого махать мечом налево и направо, сложнее — ювелирно действовать стилетом. Но ты не на поле боя. Ты в луаре, среди нашего народа, верного и благородного, который однажды встанет под стенами, грудью защищая свой город. Отнесись же к нему с должным уважением. Я говорил об этом с отцом, и он со мной согласился. Мы защищаем этот город, а не разоряем его. Значит, ни один невиновный не должен пострадать. Я не верю, что здесь всё кишит шпионами Сен-Марко. Большая часть их уже либо казнена, либо удалена, либо арестована. Остались единицы. Пусть поработают наши агенты при дворе Ричарда. Они наверняка смогут выяснить, насколько серьёзные потери понёс наш враг в результате этой охоты. Пусть завяжут отношения с де Сегюром и его приятелями, может, выудят из них сведения о том, остались ли у них тут свои люди или нужно начинать создание агентуры сначала. Ну, не мне тебя учить!

— Может, нам убить де Сегюра?

— И дать Ричарду повод обвинить нас в убийстве его агента? Мы только что провернули такое с ним, и, будь уверен, что он воспользуется своим шансом взять реванш. Нет, придёт время, и мы доберёмся до этого негодяя, а пока пусть наслаждается ложным ощущением безопасности своего укрытия. Всё равно скоро война, и он рано или поздно окажется от нас на расстоянии полёта стрелы или даже длины меча.

— Безусловно, вы правы, благородный энфер, — задумчиво кивнул Деллан. — Позвольте мне удалиться и приступить к моим обязанностям.

— Иди. И будь любезен, позови ко мне Светозара. Я должен поблагодарить его за то, что он позаботился о Лоранте, и попросить его навестить мальчика. После всего этого он совсем пал духом. Всё-таки он ещё слишком юн для таких испытаний.

Деллан почтительно поклонился и направился к дверям, а Ликар аккуратно снял нагар с потрескивающей свечи и принялся разбирать бумаги.

Эти дни были для барона Делвин-Элидира, пожалуй, самыми тяжёлыми за последние годы. Он не мог спать, постоянно ожидая, что тишину его дома разорвёт грохот бьющих в ворота кованых перчаток стражи, пришедшей, чтоб арестовать его. Ему трудно было заставить себя приходить во дворец, чего требовала подготовка к уже совсем близкому выступлению армии в поход. Проходя по залам, он невольно смотрел по сторонам, и ему чудились слишком пристальные и подозрительные взгляды незнакомых дворян, а, сидя на заседаниях военного совета, он то и дело бросал взгляд на барона де Грамона, ожидая, что тот вдруг встанет и объявит о раскрытии заговора с целью убийства короля. Но дни шли, ничего не происходило. В его доме было спокойно и тихо. Марк больше не появлялся. Его не было и во дворце.

Порой эта неопределённость становилась изматывающей, и ожидание неминуемой гибели отравляло жизнь до самого основания, но он успокаивал себя тем, что если б Марк рассказал о том разговоре де Грамону или королю, то его давно уже заперли бы в подземной тюрьме. Марк собирался проверить его слова, правда, не сказал, как он это сделает, и что предпримет в том случае, если они подтвердятся. Может, убедившись в том, что у его старого друга есть причины ненавидеть короля, он только использует это, как дополнительное доказательство заговора.

Время шло и Айолину удавалось скрывать от всех свою нервозность. Разве что его письма жене теперь были наполнены не просто горечью разлуки, а ещё и какой-то щемящей нежностью, за которой скрывалось прощание. А вечерами он тревожил своих слуг, просиживая целые часы в одиночестве и рассеянно отвечая на вопросы, словно всё, что творилось вокруг, уже не имело для него никакого значения.

Однажды, выходя из зала после военного совета, он услышал, как кто-то окликнул его. Обернувшись, он увидел, что к нему направляется де Грамон, и он явно расстроен. Рене славился завидным самообладанием, но среди друзей обычно не скрывал своих чувств, а они с Делвин-Элидиром были друзьями, хоть в дни правления Армана он не участвовал в боях, предпочитая заниматься обширной перепиской королевской канцелярии. Теперь он подошёл и, аккуратно взяв Айолина за локоть, отвёл его к окну, глядя, как мимо проходят члены совета.

— Ты не знаешь, где де Сегюр? — спросил Рене, сразу отказавшись от привычного во дворце этикета. — Он мне очень нужен, и к тому же я беспокоюсь за него. Понимаешь, я дал ему довольно деликатное поручение, после чего он пропал. Он ведь, кажется, остановился у тебя?

— Я давно не видел его, — пожал плечами Айолин. — Ты же знаешь Марка! Он не живёт долго под одной крышей. Может, нашёл где-то красивую вдовушку и не хочет выбираться из её сладких пут.

— Это не похоже на него, — огорчённо возразил де Грамон. — Он сильно изменился за последние годы, был лучшим из наших шпионов в луаре. Он, конечно, не образец добродетели, но когда речь заходит о службе, он всегда собран и исполнительен. Может, его видели де Морен или Адемар?

— Возможно, — пожал плечами Айолин, внимательно глядя на него. — Что тебя так тревожит, Рене?

— Я боюсь, не случилось ли с ним что-нибудь плохое, друг мой. Я поручил ему заняться поиском шпионов альдора при дворе. И он исчез. Его могли убить, если он что-то узнал, или в отместку за то, что он их предал.

— Я думаю, что твои опасения преждевременны. Вряд ли шпионы станут рисковать, убивая барона, принятого при дворе.

— Но они убили Бартоло, конюшего виконта Монтре! — воскликнул Рене, а потом снова настороженно осмотрелся, но в комнате уже никого не было.

— Впервые слышу, — заметил Айолин. — И причём тут алкорцы? Его мог убить муж какой-нибудь подружки, старый враг или просто грабитель.

— Ты ничего не слышал о нём? Это мрачный и жутковатый тип, настоящий громила, которого Монтре взял на службу несколько лет назад. Не думаю, что у него были подружки, хотя врагов было предостаточно! Всё дело в том, как его убили, Айолин. Это только между нами, потому что делу не станут давать официальный ход. Но Монтре давит на меня, он напуган. Он сумел растревожить даже короля, и его величество требует найти убийц.

— Король заинтересовался убийством конюшего виконта Монтре? — изумился Делвин-Элидир.

— Всё дело в том, как его убили. Его нашли сегодня утром в одном из заброшенных домов в трущобах на севере города. В его рот был забит кляп, видимо, чтоб он не кричал. Его связали, сначала отрубили руки, потом ноги, потом выпустили кишки и, наконец, перерезали горло, судя по всему, когда он был уже мёртв. Ценностей при нём не было, но, возможно, их забрали нищие. В любом случае, это похоже на казнь, а не на убийство с целью ограбления. Кто ещё мог это сделать, как не алкорцы?

— Кто знает... — пробормотал Айолин, задумавшись. — Возможно, кто-то из врагов Монтре. В любом случае, я не вижу причин винить в этом алкорцев. Хозяина этого несчастного слишком многие ненавидят, может, он, по приказу Монтре кого-то оскорбил или что похуже.

— Монтре тоже так думает, — шёпотом сообщил де Грамон. — Он в ужасе и даже по дворцу ходит с телохранителями. Я сам слышал, как он уговаривал короля взять его с собой в поход. Монтре, представляешь? Этот изнеженный лоботряс! Между нами, — тут же добавил Рене, обернувшись на двери комнаты. — Он хочет на войну с королём, потому что боится остаться здесь без защиты. Но когда я попробовал расспросить его о тех, кто мог так ненавидеть его слугу, он завизжал, что я не предпринимаю мер, чтоб оградить его от опасности, и при этом лезу не в свои дела. Он не желает мне рассказывать, чем занимался его конюший в свободное от управления конюшнями время, и при этом хочет, чтоб я нашёл убийц. Мне нужен Марк! Понимаешь, у него нюх на такие дела? Помнишь, как при Армане он нашёл лакея, шарившего по кошелькам пьяных гостей после пира? Он иногда по приказу короля искал воришек во дворце. Пусть это было похоже на детские игры, но он всегда находил и представлял доказательства! Представляешь, найти одного нечистого на руку в этой армии слуг и служанок! Я всегда поражался изворотливости его ума. Айолин! Прошу тебя, если узнаешь, где он, сообщи мне, или если он объявится, скажи ему, что я его ищу. Я рискую потерять должность, если не найду убийц этого негодяя!

— Не рискуешь. Мы вот-вот выступаем в поход. Ричарду будет не до того. А когда мы покинем Сен-Марко, он вообще забудет об этом. Да и Монтре со временем успокоится. Но я обещаю, что если увижу Марка, скажу, что ты его ищешь.

— Спасибо, Айолин, — благодарно, как мальчишка, улыбнулся де Грамон, а тот

подумал, что он пока не слишком подходит для своей должности.

Заканчивался полный тёмный день, но на улицах, освещённых фонарями и факелами, было многолюдно. Кое-где раздавалось ржание лошадей и цокот копыт, всюду слышался звон шпор и оружия. Сен-Марко был наводнён военными, готовящимися вскоре двинуться в поход. И хотя в толпе то и дело мелькали туники городской стражи, ощущение опасности от такого количества вооруженных людей висело в воздухе, как запах гари.

Айолин проталкивался среди торговцев и солдат, держа руку на рукояти меча. Под его расшитым плащом недвусмысленно поблескивала прочная кольчуга. Сзади, не отставая ни на шаг, следовал так же облачённый в доспехи Алед. Наконец они выбрались из плотного двустороннего потока людей и свернули к своему дому. Здесь тоже былолюдно, но уже не так опасно. По переулку проходили латники барона Делвин-Элидира, почтительно кланяясь ему. На небольшой площади перед домом были установлены навесы, под ними стояли временные коновязи и навалено сено. Лошади постукивали подковами по брусчатке и негромко ржали. Чуть в стороне была развёрнута небольшая походная кузница. Бородатый кузнец в добротной длинной рубахе и кожаном фартуке опустил в лохань с водой раскалённую подкову, отчего в воздух с шипением взметнулось облако пара. Кузнец вытер чёрной рукой пот со лба и, заметив барона, низко поклонился. Айолин кивнул ему и вошёл в распахнутые ворота. Вскоре вслед ему снова по наковальне застучал молот.

На первом этаже дома было шумно. Слуги суетились, собирая вещи в дорогу и вынося в нижний холл походные сундуки с одеждой, утварью и оружием. По залам проходили воины передового отряда, некоторые спали здесь же, устроившись на постеленных на полу тюфяках и укрывшись плащами. Остальные сосредоточенно чистили оружие и наводили блеск на латы. В кухне кипела работа, и слышались голоса поваров, которым приходилось теперь кормить не только хозяина и челядь, но и тех, кто прибыл из поместья, чтоб сопровождать барона при торжественном выступлении королевской армии из Сен-Марко. Остальные воины должны были присоединиться к ним позднее, уже в дороге.

Алед вопросительно взглянул на хозяина и тот жестом отпустил его. Оруженосец сразу направился туда, где возле очага устроились два его младших брата, впервые покинувших родную деревню. Айолин поднялся по лестнице на второй этаж. Здесь было тише, но всё же шум и голоса доносились из внутреннего двора, где разместили ящики с оружием и тюки с одеялами, шатрами и одеждой. Капитан Гвилим раздражённо отчитывал кого-то за сгруженные в лужу бочонки с порохом, а два крестьянина деловито перетаскивали из телеги в конюшню мешки с фуражом. Барон какое-то время смотрел на них с галереи, но потом ушёл в дом.

Войдя в свой кабинет, он сразу направился к камину, чтоб разжечь его. Взяв с полки футляр с кресалом, он опустился на колени и ударил фигурной пластинкой по кремню. Льяной труг задымился почти сразу, и вскоре в руках Айолина уже пылал весёлый огненный комочек ветоши. Сунув его под свежую стружку, на которую были уложены небольшие щепки, он подождал, пока они разгорятся, и добавил в огонь несколько поленьев. Какое-то время он сидел у камина, глядя на пламя, а потом почувствовал сзади движение и, схватившись за рукоять кинжала, резко обернулся.

Бледные отсветы огня едва освещали тёмную фигуру, возвышавшуюся возле окна по другую сторону стола. Рыжеватые отблески плясали на металлической пряжке ремня и эфесе меча, они отражались от мягких извивов густых локонов и плясали в глазах, взгляд

которых был устремлён на Айолина.

— Ты пришёл без стражников и даже не захватил с собой мясницкие крючья? — проговорил он, поднимаясь. — Или у тебя больше нет ко мне вопросов?

Марк де Сегюр, не отрываясь, смотрел на него, а потом вдруг рванулся навстречу. Айолин стиснул рукоятку кинжала, но Марк просто обнял его и опустил ему на плечо пылающий лоб.

— Ты был прав, Айолин, — словно в горячечном бреду прошептал он ему на ухо. — Ты был прав!

— В чём я был прав? — спросил тот.

— Они убили его. Они убили нашего Армана безжалостно и жестоко. О, малыш мой Айолин, как можно было так подло поступить с благороднейшим из людей? Мало того, что они забрали его жизнь, но ещё и обрекли на долгое и мучительное умирание. Нашего прекрасного короля... Я всё узнал о них.

— Что ты узнал, Марк?

Айолин отстранился и посмотрел ему в глаза. Они, обычно светлые, как закалённая сталь, в эту минуту казались чёрными из-за расширенных зрачков и походили на провалы в бездну. Его взгляд был полон тоски и боли.

— Я знаю, чем он был болен, — продолжал лихорадочно шептать Марк. — Потому мне нетрудно было найти богадельню, откуда они взяли больного, недуг которого уже развился настолько, что само его дыхание было наполнено ядовитыми миазмами. Он умирал, но был проклятым жадным мерзавцем. Он согласился поехать с ними за двадцать золотых марок. Они увезли его ночью, и больше его никто не видел. Никогда... Наверно его сожгли в одной из тех огромных печей в подвале, что днём и ночью согревают королевские покои. Надеюсь, они бросили его туда живым...

Он перевёл почти безумный взгляд на пламя в камине. Айолин отодвинул от стола кресло и усадил его. После этого он взял со стола подсвечник и зажгёт свечу, закрыл дверь и повернул в замке ключ. Затем он вернулся к столу и, склонившись к Марку, спросил:

— Кто они?

— Пьер де Муллен и Бартоло. Они оба служили Монтре, так что без него не обошлось. Думаю, за эту услугу он и получил от Ричарда титул виконта и должность главы тайной полиции.

Айолин какое-то время со смятением смотрел на него, а потом сел в другое кресло.

— Марк, это ты убил Бартоло?

— Его уже нашли? — равнодушно спросил он. — Что ж, он уже ответил за убийство короля. Де Муллен тоже мёртв. Следующим будет Монтре.

— Вот почему он в таком ужасе. Ты казнил Бартоло, как король Анри Золотое Копьё казнил своего брата Филиппа за убийство их отца.

— Трижды в нашей истории короли становились жертвами заговорщиков, и всех убийц казнили именно так, — ответил Марк. — Они это заслужили. Следующим я убью Монтре.

— Он уже окружил себя охраной. Наверно он тоже помнит ту историю.

— Неважно, я доберусь до него, а потом до Ричарда. Они все ответят за своё преступление. Ты со мной?

Он подался вперёд, глядя на Айолина, но тот покачал головой.

— Нет, Марк, я сам по себе. Я согласен, что убийц надо покарать, но мои планы простирается дальше. Я хочу посадить на престол Жоана, которого Арман так любил. Принц

вырос среди нас и станет хорошим королём. Он возродит свет Сен-Марко, угасший со смертью Армана.

— Я согласен с этим.

— Тогда не делай глупостей. Скоро война, а на войне убивают. Даже королей.

— Он умрёт, как герой? — усмехнулся Марк.

— Главное, что он умрёт.

— Нет, я хочу, чтоб все знали, что он сделал. Потому я казню его и сдамся. Я расскажу на суде правду. Пусть все знают и плюют на его могилу!

— Тебя всё равно казнят. У Жоана не будет другого выхода.

— Мне уже совсем нечего терять, кроме своей жизни, Айолин. Я отдам её за Армана.

— Ты омрачишь правление Жоана, вынудив его начать с жестокой казни друга. Подумай, что он будет чувствовать, подписывая тебе приговор, а потом смотреть, как тебя казнят так, как ты казнил Бартоло? Разве он заслуживает этого? Разве он заслуживает, чтоб тень преступления его отца пала на него и его потомков? Разве этого хотел Арман, скрыв от тебя правду?

— Может, он не знал её.

— А если б знал, поступил бы иначе?

— Нет, — покачал головой Марк. — Может, ты и прав. Но Монтре я прикончу. Я сделаю это до того, как мы уйдём из Сен-Марко. Если меня убьют в бою, я уже не смогу дотянуться до него.

— Он будет неподалёку, — усмехнулся Айолин. — Ты так напугал его казнью прихвостня, что он упрасивает Ричарда взять его с собой на войну. Он знает, что в отсутствие короля никто не станет защищать его от многочисленных врагов. Там, среди полей и лесов он очень скоро попадёт к тебе в руки. А те, кто окажутся рядом, будут смотреть в другую сторону.

Марк откинулся на спинку кресла и задумчиво смотрел на друга. Он уже успокоился и его светлые глаза поблескивали отсветами огня.

— Хорошо, малыш Айолин, я с тобой в этом деле. Если ты отдашь мне Монтре, то я приму твой план устранения Ричарда. Если ты не будешь слишком долго тянуть. Кто ещё с тобой?

— Никого.

— Не лги. Такие дела не делаются в одиночку. Осторожничаешь? Не поздновато? Ты даже не пытался убить меня после нашего прошлого разговора.

— Я думал об этом, но потом вспомнил, как любил тебя Арман. Кстати, почему он не выполнил своё обещание дать тебе земли?

— Может, и выполнил, — пожал плечами Марк. — После войны вы все разлетелись по своим феодам, и только я, бесприютный сирота остался при короле. Он всё спрашивал, какие земли я хочу, предлагая несколько замков на выбор. Но я же понимал, что если он отпишет мне замок, то мне придётся поехать туда, чтоб вступить в права, налаживать там дела, может, жениться. А мне было хорошо с ним. Я постоянно оттягивал момент, когда сделаю выбор. Но когда он уходил, он сказал, что отписал мне замок Ричмонд в Зелёном Доле, неподалёку от Сегюра, потерянного моим дедом. Однако потом мне сказали, что среди его распоряжений этой грамоты не оказалось. Они её не нашли.

— Или не пожелали найти.

— Или нашли и уничтожили. А я потерял время. Призрак собственного феода манил

меня, и я позволил Арману уйти в одиночестве. Поняв, что я, как прежде, нищий, я кинулся за ним. Но он наверно не желал быть найденным. Я год или больше блуждал по дорогам, разыскивая его, но не нашёл. Потом меня отыскал граф Раймунд и предложил службу. Он понимал, что мне не захочется возвращаться в Сен-Марко, потому велел пойти в луар и поступить на службу к альдору. Дальше ты знаешь.

— Почему ты не пришёл ко мне?

— Ни к тебе, ни к Аллару, ни к де Морену... Все эти годы мы держались врозь, как пальцы отрубленной руки, которой был для нас Арман. Что б я делал в твоём замке, Айолин? Сидел на твоей шее нахлебником? Бродя по дорогам, я хотя бы мог заработать на жизнь, участвуя в турнирах и заменяя купцов в дуэлях. А в луаре я и вовсе сделал карьеру. Нет, мой милый, у каждого из нас свой путь.

— Надеюсь, твой путь не приведёт тебя на плаху, и ты не утянешь за собой меня.

Марк какое-то время смотрел на него, потом усмехнулся и открыл лежавший перед ним бювар. Взяв перо, он обмакнул его в чернильницу и написал несколько строк. После этого он пододвинул листок Айолину.

— Твои гарантии, мой друг. От моего предательства, и от того, что я утяну тебя за собой.

Айолин посмотрел на лист и прочёл: «Я, Марк барон де Сегюр, в ясном уме и твёрдой памяти заявляю, что это я приговорил и казнил Бартоло, конюшего виконта Монтре, а также намереваюсь казнить самого виконта Монтре и Ричарда Монморанси, узурпировавшего власть в Сен-Марко, убив короля Армана Миротворца. Написано собственной рукой. Марк де Сегюр».

— Ты дурак, Марк, — заметил Айолин и поднёс лист к пламени свечи, а потом, поднявшись, бросил пылающую бумагу в камин.

Он с облегчением услышал за спиной смех Марка и обернулся.

— Веди меня, отважный и благородный Делвин-Элидир, к победе или смерти. Тебе присягаю на верность.

— Это излишне. Просто обещай мне, что не будешь делать глупости и устраивать демонстративные казни.

— Обещаю, — кивнул Марк с улыбкой. — Ты меня знаешь, я вспыхну и пылаю, как факел, но потом быстро остываю, как тот же факел, опущенный в воду горного ручья. Я уже остыл и согласен с тобой. Мы будем действовать расчётливо, осторожно и верно. Мы устраним Ричарда и посадим на трон Жоана. А потом поможем ему очистить Сен-Марко от грязи и возродить былой свет.

— Хорошо, — Айолин сел. — Ты скажешь мне, чем был болен Арман?

— Нет, — покачал головой Марк. — Иначе ты тут же кинешься во дворец, чтоб перерезать горло Ричарду. Я не хочу, чтоб это знание всю жизнь мучило твое сердце кровоточащей раной. Я уже сказал всё, что тебе следует знать. Остальные скорби оставь моей измученной душе.

— Ладно. Тебя разыскивает де Грамон. Он беспокоится за тебя, думает, что тебя убили.

— Бедный, наивный Рене.

— И хочет поручить тебе расследование смерти Бартоло.

— Не знаю, стоит ли соглашаться. Времени до выступления армии в поход осталось совсем немного. Вряд ли я успею найти виновных.

— Виновных? Ну, да, чтоб проверить такое, нужно, как минимум трое сильных

мужчин. Но вряд ли это алкорцы.

— Скорее, кто-то из окружения Монтре. Ты знал, что Бартоло сломал посох старика де Монтеньи, а потом составил части вместе? Старик упал и сломал ключицу. Его сыновья были в ярости.

— Нет, об этом я не знал. Но слышал, что он велел Бартоло подкараулить в тёмном переулке барона де Мозета и избить его палкой. Де Мозет мстительный и заносчивый негодяй. А ещё Монтре отсудил у купца Базена пять тысяч марок в возмещение ущерба за публичное оскорбление. Тот теперь разорён. Бартоло выступал на процессе единственным свидетелем.

— Вот видишь, сколько подозреваемых, а ведь наверняка есть и другие. Когда я успею всех проверить?

— Расскажи об этом Рене. Он поплачет у тебя на груди, ты его утетишь, и мы поедem на войну.

— Рене не так прост, как выглядит. К счастью, в данном случае ему нужен тот, кого можно обвинить, а не тот, кто это сделал на самом деле. Я подумаю, кто из ближайшего окружения Монтре достоин наказания.

— Будь осторожен.

— Теперь буду, — Марк поднялся и пошёл к двери, но потом обернулся. — Где твой гость? Он мне понравился, Мне, кажется, мы с ним похожи.

— Более чем ты думаешь.

— Верни его обратно. Ему здесь нечего опасаться.

Марк повернул ключ в замке и, отворив дверь, вышел.

Вскоре он уже подошёл к королевскому дворцу и взбежал по ступеням крыльца. Стражники пропустили его без вопросов, едва взглянув на ярлык тайной полиции, который он вытащил из кармана, а барон фон Вебер, сидевший за своим столиком в переднем холле, вежливо улыбнулся. Де Сегюр прошёл по нижним залам в северную часть дворца и, попетляв по запутанному лабиринту мрачных коридоров, комнат, занимаемых молчаливыми клерками и тюремных камер, отгороженных от прохода частой металлической решёткой, поднялся в Серую башню. Стоявший у дверей кабинета главы тайной полиции стражник узнал его и отворил дверь заранее.

В кабинете было холодно, от окон тянуло сыростью, а небольшая жаровня в центре натужно попыхивала, пережигая в своей утробе плотно уложенные полешки.

Рене де Грамон сидел за столом, зябко кутаясь в меховой плащ, и просматривал донесения своих агентов. Увидев вошедшего, он обрадовался и вскочил ему навстречу так поспешно, что накидка упала с его плеч. Он подхватил её и, снова водрузив на место, кинулся к де Сегюру.

— Марк, наконец-то! Я уже думал, что с тобой что-то случилось!

Он едва не обнял его, но в последний момент удержался от этого, лишь положив руки на его плечи.

— Ничего не случилось, — возразил Марк. — Ты же велел мне разведать обстановку. Я несколько дней шатался по гостиницам, трактирам и притонам, надеясь увидеть кого-то, кого знаю по луару, слушал разговоры, разговаривал с приезжими.

— И что?

— Пока ничего, — он прошёл к столу и сел в кресло.

— Хочешь подогретого вина? — спросил Рене, снова поёжившись. — Здесь очень холодно по ночам. С равнины тянет сыростью.

— От вина не откажусь, — кивнул Марк. — А почему ты не потребуешь у коменданта другой кабинет, более комфортный?

— Зачем? — де Грамон налил в кубки вино из бронзового кувшина, стоявшего на подставке жаровни. — Скоро выступать в поход, и его величество пожелал, чтоб я следовал с армией, а сюда вернётся граф Раймунд.

— А как же его арест, расследование?

Де Грамон сделал неопределённый жест.

— Это всё для отвода глаз, до того момента, как разрешится этот инцидент с покушением на Беренгара. Король и не собирался всерьёз отстранять его, это сыграло бы на руку врагу. Нужно было создать дымовую завесу. Теперь, когда всё разрешилось, он снова может выйти из тени, ну, а когда мы выступим, это и вовсе не будет иметь никакого значения.

— Что ж, я рад, — заметил Марк, немного отпив из своего кубка. — Граф Раймунд всегда казался мне надёжным и умным человеком.

— Я знаю, что ты работал под его началом, и он о тебе очень высокого мнения. Я даже сказал бы, что он отзывается о тебе с некой теплотой, что для него почти невероятно.

— Я польщён. Но ты сказал, что инцидент разрешён. Я что-то пропустил?

— Скоро ты всё узнал бы, даже шатаясь по притонам, но мы здесь всё узнаём немного быстрее. Из луара нам прислали приговор, вынесенный нашим агентам, и сообщили о том, что они казнены. Процесс был закрытым, а именно в этом мы были заинтересованы. Король удовлетворён.

Рене внимательно смотрел на де Сегюра, и от него не укрылось, как тот холодно поджал губы.

— Я согласен, что мы потеряли преданных и надёжных друзей, Марк, но главное, что при этом мы избежали огласки и сохранили репутацию Сен-Марко.

— Кого казнили?

Де Грамон порылся в бумагах на столе и достал мелко исписанный лист пергамента с красной сургучной печатью на шёлковом шнурке. Он протянул его де Сегюру, и тот, придвинувшись к столу, прочёл написанное там при свете свечи.

— Не может быть, — шептал он по мере того, как продвигался к концу приговора. — Алкорцы никогда не были так жестоки!

— Ты прав, — пробормотал де Грамон. — Это всё они переняли у нас. Сейчас в преддверии войны они решили быть безжалостными к тем, кто угрожает им.

— Адалина... — прошептал Марк с ужасом. — Её-то за что? Она не имела никакого отношения к нашим делам! Бедное дитя!

— Значит, ты её не вербовал?

— Конечно, нет! Это был просто роман! Мне б и в голову не пришло втягивать её в эти опасные игры! Она почти ребёнок!

— Наверно Деллан узнал о ваших отношениях, а поскольку она фрейлина альдорены, то заподозрил в том, что она поставляла тебе информацию. Думаю, что получить от неё признание было не сложно.

— Это ужасно, Рене! — Марк бросил приговор на стол. — Восемь преданных нам людей, двое слуг, которые просто сообщали, кто с кем встречался и куда ходил, и две

женщины!

— Это не конец, — вздохнул де Грамон. — Охота продолжается. Нам точно известно о том, что арестовано ещё, как минимум три десятка подозреваемых. Из них наших людей — шестнадцать.

— Кто?

— Вот список, который предоставил нам граф Деманкур, — Рене подал ему лист желтоватой тонкой бумаги с множеством складок, видимо доставленный вшитым в подкладку. — Он свободен, но находится под надзором, его возможности сильно ограничены. Как видишь, здесь половина тех, кого ты указывал, как потенциальных агентов. Нет особой надежды, что остальные не попадутся, когда секретная служба альдора ещё раз пройдёт по городу своим неводом.

— Я подумая, может, вспомню ещё кого-то, — неуверенно проговорил де Сегюр. — Мы совершили ошибку, дав противнику такой повод для охоты на нашу агентуру.

— Это мы совершили ошибку, а вы здесь не при чём.

— Что ещё сообщает Деманкур?

— Очень странные вещи о казни. По желанию альдора он тоже присутствовал там, и пишет, что в самом начале казни неизвестно откуда появился странный дым, и все, кто был на площади, уснули глубоким сном. И проснулись только через пару дней без последствий для своего здоровья.

— Магия?

— Без сомнения. При этом двое осуждённых исчезли, Дама Полуночи и ещё кто-то. Деманкур не знает точно.

— Может, Адалина?

— Увы, нет. Её казнили первой. Если тебе это принесёт некоторое облегчение, альдор заменил ей жестокую казнь на более мягкую. Ей отрубили голову. Она не страдала.

— Она наверняка была до смерти напугана, бедняжка. А остальные?

— Их перебили приехавшие из дворца рыцари. Больше мы пока ничего не знаем. Есть надежда, что Дама Полуночи скоро появится здесь. Куда ей бежать? Она может что-то знать?

— Да, она умна и наблюдательна, но, я уверен, что будет торговаться за каждую толику информации так, что мне даже не снилось.

— Вряд ли получится, — усмехнулся де Грамон. — Король не простит ей этот провал. Он уже приказал, как только она объявится, отправить её в подземелье и постараться всё сделать так, чтоб она не умерла, пока не выложит всё, что знает и помнит, и то, что не помнит, тоже.

— Предателей никто не любит, верно? — заметил Марк. — Но ты ведь не затем меня искал, чтоб обсуждать последствия её провала. Айолин сказал, что ты меня ищешь.

— Ах, да, конечно! — оживился де Грамон.

Пока он рассказывал об убийстве Бартоло, Марк сидел, погружённый в мрачные раздумья, не проявляя особого интереса, и де Грамон уже начал думать, что тот не слышит, но когда он закончил, Марк поднял на него взгляд своих светлых глаз.

— Мне надо увидеть труп, Рене.

— Труп? — слегка растерялся тот.

— Я должен осмотреть его и узнать, как его убили? Каким образом отделили от тела руки и ноги? Какие разрезы на теле? Что это было? Меч, мясницкий нож для разделки туш

или инструменты палача. Есть ли ещё какие-то повреждения? Его схватили и держали, тогда нападавших было несколько. Или сперва оглушили, тогда это, возможно, был один или два человека. Из чего сделан кляп, это тоже может навести на некоторые мысли.

— Ты прав, — задумчиво кивнул де Грамон. — Из такого осмотра уже можно сделать интересные выводы. Тебя проводят в мертвецкую. Тебе ещё что-то нужно?

— Я сам осторожно поговорю с Монтре. Он проявил ко мне некоторую симпатию, и я хочу укрепить её, а между делом выпрошу всё, что смогу. С его слугами сложнее. У меня пока нет здесь доверенных людей.

— Наши сыщики в твоём распоряжении. Я скажу Тома, и он найдёт тебе надёжных и расторопных парней.

— А что ты сам об этом думаешь? — де Сегюр внимательно посмотрел на де Грамона. — Ты всё-таки давно при дворе, а меня не было здесь столько лет.

— Я думаю, что это кто-то из его дружков, — без особой приязни ответил тот. — Сейчас многое при дворе меняется. Ещё недавно Монтре заправлял здесь со своей сворой раскрашенных шутов, которые окружали короля и ничем не брезговали ради любой подачи. Но сейчас в Сен-Марко съезжается настоящая знать — военные бароны с длинными родословными, богатыми наследственными поместьями и собственными армиями. Они, как боевой конь среди гавкающих шавок, спокойно идут к трону, своим видом разгоняя всякую мелюзгу и, естественно, вытесняют прежних фаворитов. Король не только принимает баронов из-за стен, он сам призывает тех, кого ещё недавно игнорировал. И шавки начинают понимать, что места для них всё меньше. Они грызут друг друга, не решаясь нападать на военную аристократию.

— Но причём тут Бартоло?

— Притом, что это может быть предостережение для Монтре или месть ему за то, что он кого-то вытеснил из окружения короля, стремясь оставаться на первых ролях.

— Такие есть?

— Более чем достаточно. И, уверяю тебя, эти шавки весьма злопамятны и жестоки, если речь заходит об ущемлении их интересов. По мне так пусть грызут друг друга, но приказ короля нужно исполнить.

— У меня мало времени, Рене.

— Мне нужно имя, Марк, имя, которое я подброшу Монтре, чтоб успокоить его. Доказательства не нужны. Он сам разберётся со своим обидчиком. Просто нужно, чтоб тот подходил на роль убийцы или заказчика и у него не было надёжного алиби.

Де Сегюр какое-то время задумчиво смотрел на старого приятеля. Де Грамон, милый, наивный и чувствительный Рене в этот миг смотрел на него с ледяным спокойствием, небрежно поигрывая бронзовым ножом для резки бумаги. Марк улыбнулся.

— Думаю, что подозреваемых слишком много, а времени слишком мало. Давай пойдём другим путём. Дай мне имена, а я проверю, насколько они подходят. После того, как я доложу тебе о результатах проверки, ты сам выберешь того, кто на твой взгляд является наиболее вероятным убийцей.

— Учитывая чрезвычайные обстоятельства, это самый разумный подход, — невозмутимо согласился тот. — У меня есть некоторые подозрения. Ты хочешь, чтоб я записал имена?

— Ни в коем случае, мой друг. Ты же знаешь, что не всё можно доверять бумаге. У меня отличная память на имена, даты и события. И я тебя внимательно слушаю.

Сыщики дважды наведывались в богадельню, где пряталась Изабо, но прикрыв носы плащами, только проходили по низким залам, где деревянные жёсткие койки были отделены друг от друга и иногда от прохода полотняными занавесями. Они разглядывали лежавших на койках больных и убогих, заглядывали под заштопанные одеяла, чтоб увидеть лица, и поскорее выскакивали прочь, потому что в воздухе здесь висел запах болезни, гниющих ран и едких испарений уксуса, которым промывали полы и койки для дезинфекции. Заходили они и в то помещение, где лежали заразные больные, но здесь даже не пытались прикоснуться к чему-либо, лишь подозрительно смотрели на скорчившиеся тела под серыми покрывалами.

Мерседес Флавио, высокая статная женщина в чистом белом платье и платке, покрывающем голову и скреплённом под подбородком, встречала их с безмятежной улыбкой и провожала, куда им было угодно заглянуть. Они невольно попадали под обаяние её спокойствия и необыкновенной красоты, — а она была смугла, с чёрными глазами и тонкими вразлёт бровями, — и глубокого бархатного голоса. Она говорила с ними так же, как с самыми тяжёлыми больными, которых её голос утешал, а слова внушали смирение или надежду. Они чувствовали, что она искренне заботится о страждущих, нашедших здесь приют, и вслед за остальными горожанами ощущали глубокое благоговение. Если входили они, прогрохотав кулаками в дверь, то уходили с поклонами и пожеланиями добра, тем более что она сразу просила называть её сестрой Мерседес. «Она похожа на монашку из старого кинофильма», — заметила как-то Ланфэн, и в её голосе прозвучало уважение, видимо, монашка, которую она вспомнила, была образцом высокого служения.

В очередной раз выпроводив стражников, Мерседес вернулась в инфекционное отделение, как она его называла, и, подойдя к задней стенке, пару раз стукнула в неё. Маленькая дверца приоткрылась, и из укрытия вышла Ланфэн в таком же платье и платке. Они подошли к крайней койке за пологом.

— Они ушли, — сообщила Мерседес.

Больная на койке откинула с головы одеяло и с облегчением вздохнула.

— Я чуть не задохнулась под этой тряпкой, — проворчала Изабо.

— По крайней мере, вы живы, — с неожиданной холодностью заметила Мерседес и, развернувшись, удалилась.

Изабо проводила её мрачным взглядом. За несколько дней её раны и ссадины затянулись и начали заживать, вызывая сильный зуд. К тому же всё ещё болела нога, повреждённая здешним подобием «испанского сапога», но лежать ей уже надоело. Она чувствовала, что могла бы встать и хотя бы размять ноги, но кто-то из больных, лежащих на соседних койках, мог её узнать.

— Долго ещё мне здесь сидеть? — спросила она, взглянув на Ланфэн.

— Не знаю, — пожала плечами та. — Я почти не выхожу на улицу. Капитан Оршанин говорит, что в луаре, по-прежнему, чрезвычайное положение, всюду рыщут сыщики секретной службы, а по городу постоянно ходят усиленные патрули. Богадельни, гостиницы, склады и лавки проверяют снова и снова. Здесь уже были дважды, и, может, придут ещё не раз. Так что вам лучше потерпеть, если вы не хотите в конечном итоге попасть на эшафот.

— Мерзавцы, — прошипела Изабо, разглядывая пожелтевшие синяки с заживающими

ссадинами на запястьях. — Так обращаться с женщиной! Моя б воля...

— К счастью, не ваша, — перебила Ланфэн, и Изабо посмотрела на неё с удивлением. — Вы настроили против себя многих. Сейчас, когда власти ищут шпионов, горожане проявляют повальную сознательность, а значит, завидев вас, сразу донесут.

— Проклятые стукачи.

— Я предпочитаю это называть истинным патриотизмом и проявлением бдительности.

— Ты говоришь так, словно жалеешь, что я не попала на эшафот!

— Нет, я говорю так, выказывая свою симпатию к населению этого города. А вам советую оставаться на месте и ждать, пока капитан Оршанин придумает, как вывезти вас за стены города. Иначе вы навлечёте беду не только на себя, но и на тех, кто рисковал жизнью, вытаскивая вас из этой передраги и пряча от секретной службы.

— Как ты можешь? — воскликнула Изабо. — Ты говоришь так, как будто я преступница, а не несчастная жертва произвола этих дикарей!

— Хочу напомнить, что вас собирались казнить за действия, которые и на Земле считаются преступлением, командор.

— Лучше принеси мне поесть! — крикнула она.

— Мы не во дворце, и я вам не прислуга. Потому ждите, когда вам принесут ужин, как и всем остальным.

Ланфэн тоже развернулась и, поправив полог, направилась прочь.

— Пусть Оршанин зайдёт ко мне, когда явится! — крикнула ей вслед Изабо.

Она рухнула на койку и чуть не застонала, ударившись лопатками о доски, едва прикрытые жидким матрасом, заполненным сеном. Она чувствовала злость и отчаяние. Казалось бы, можно было ожидать от своих товарищей хотя бы сочувствия, но нет! Эта Мерседес, возомнившая себя святой, девчонка Ланфэн, так долго купавшаяся в роскоши под её покровительством, обе они не скрывали своего презрения к ней, и из-за чего? Из-за того, что она всего лишь не просто выживала здесь, а пыталась устроиться получше! Подумаешь, подарила заколку старику, увешанному железом! Кто он им? Инопланетянин, варвар, весь смысл жизни которого состоит в убийстве себе подобных! Велика потеря! Но обе они вели себя так, словно она пыталась расстрелять из пулемёта пушистых котят! Странно, что кто-то вообще озаботился её спасением, хотя попробовали бы они не сделать этого, так страшась флотской дисциплинарной коллегии, до которой отсюда сотни парсеков!

Изабо задумалась. Остаться в луаре слишком опасно. Нужно выбираться отсюда и ехать в Сен-Марко, к королю Ричарду. Конечно, Беренгар остался жив, но ведь она сделала всё, что от неё требовалось! К тому же она приедет не с пустыми руками! Она много знает о здешних тайнах, а будучи инженером, выяснила и кое-какие военные секреты, до которых, конечно, не добрались шпионы графа Деманкура. Она уж сможет быть полезной ему в ближайшей войне, и он не такой раздражающе старый, как альдор. Он красавчик, почти как Ликар, только немного старше. Он сильный и беспощадный, такой, каким должен быть король.

Она вытянулась на койке и мечтательно улыбнулась своим мыслям. Ей уже виделось, как она едет по главной улице Сен-Марко на белом иноходце рядом с королём Ричардом, восседающим на мощном буром жеребце. И она одета в парчу и бархат, а на голове у нее драгоценный венец. А, может, даже королевская корона. О, какой королевой она сможет стать! Он не будет разочарован!

Через какое-то время она услышала быстрые шаги за пологом, а потом из-за него раздался голос Оршанина:

— Командор, вы хотели меня видеть?

— Входите, — строго проговорила она. — Почему докладываете не по уставу?

— Виноват! — он вытянулся в струнку и доложил: — Командор, капитан Оршанин по вашему приказанию прибыл!

— Вы хотели сказать: в моё распоряжение? — уточнила она. — Потому что так оно и есть. Когда вы вытащите меня отсюда?

— Мы изыскиваем возможности, но пока их немного. Как вариант, можно вывести вас за пределы луара в телеге с трупами.

— С трупами? — нахмурилась она.

— Мы уже использовали один раз такой способ, чтоб выбраться из замка и вывезти за стены младшего инспектора Ли.

— И всё же придумайте что-нибудь другое, — проворчала она. — И поскорее! Мне нужно срочно добраться до Сен-Марко. Вы будете меня сопровождать.

— С чего бы это? — уточнил Оршанин и тут же изменил позу, скрестив руки на груди и опершись плечом на деревянный столб, придерживающий стропила потолка, к которому была привязана верёвка для полога.

— То есть как, с чего? — возмутилась она. — Вы берёте на себя смелость обсуждать приказы старшего по званию?

— Кроме звания, ничто не даёт вам права командовать мной в данной ситуации. А пользоваться званием вы можете только при выполнении своей уставной деятельности, связанной с эксплуатацией звездолёта и выполнением заданий командования. Ваши пикантные приключения в эту категорию не входят, так что и отдавать мне приказы вы не можете.

— Да как ты!.. — начала она, но он покачал головой.

— Я с вами на брудершафт не пил, — перебил он, и в его голосе слышалась сталь. — Если вы апеллируете к Уставу, извольте обращаться ко мне на «вы», это, во-первых. Во-вторых, хочу отметить, что вы самовольно покинули расположение звездолёта, устранившись от исполнения своих обязанностей помощника командира, после чего ввязались в деятельность, которая противоречит не только Уставу, но и дисциплинарному уложению, а также ряду других нормативных актов, регулирующих службу в космофлоте. Таким образом, вы уже давно самовольно отказались от своего служебного положения, и воспользоваться им теперь в личных целях вам не удастся.

— Зачем же вы меня спасали? — резко спросила она.

— Потому что ваши действия не могут влиять на исполнение мной моих служебных обязанностей. Вы пока являетесь служащей земного космофлота и находитесь под защитой Земли. Поэтому мы вас и вытащили, но, предупреждаю, что если вы снова влезете в подобную передрагу, никто больше не будет рисковать из-за вас жизнью. Я уж точно.

— Что ж, я доберусь до Сен-Марко сама, — бросила она.

— А вот это вряд ли, — возразил он. — Насколько мне известно, вы собираетесь совершить поступок, который считается уголовно наказуемым, а именно передать стратегически важные сведения об одной из воюющих сторон — другой. Это равносильно несанкционированному командованием вмешательству во внутренние дела суверенной планеты и участию в военных действиях. Мало того, что вам за это грозит разжалование и

увольнение из состава космофлота, но вы можете к тому же отправиться под трибунал. Ну, а наша задача в этой ситуации предотвратить совершение вами этого преступления и вызванных им последствий. То есть, мадам, вы либо поедете обратно в расположение своего звездолёта и экипажа, либо не поедете никуда.

— И что вы сделаете? — усмехнулась она. — Свяжите меня? Убьёте? Выдадите властям?

— Ничего подобного я не сделаю. Я вообще ничего делать не буду. Я просто предоставлю вас самой себе, но возьму на себя труд предупредить находящихся в Сен-Марко коллег о ваших намерениях. Как вы думаете, что сделает Карнач? А инспектор Ван, который находится в ближайшем окружении короля Ричарда? И вы серьёзно думаете, что король ждёт вас с распростёртыми объятиями? Вы вообще знаете, к чему привели ваши действия? Вы знаете, кто те люди, которых вместе с вами судили и вели на казнь? Это элита агентуры Сен-Марко в луаре. Их всех раскрыли благодаря вам. На месте альдора я б вам орден дал. Кстати, их не всех судили, часть успели выгнать, не дождавшись конца расследования, так что барон де Сегюр с нетерпением ждёт вас в Сен-Марко с рассказом о том, как вы подвели под монастырь его друзей и возлюбленную. Как думаете, он любил свою рыжую фрейлину сильнее, чем король Ричард любит вас? И он там не один. С ним уехали все его друзья по подполью, родившиеся во владениях Сен-Марко. А вы знаете, что после случившегося королю Ричарду пришлось оправдываться перед альдором? Ричарду! И оправдываться! Представьте, как он скрипел зубами, подписывая то письмо! Чтоб у него были аргументы в свою защиту, он обвинил в организации этого покушения даму из своей свиты и её мужа и сжёг их на костре. И вы думаете, он пожалеет вас? Да в лучшем случае, он выдаст вас альдору, как бежавшую преступницу, потому что иначе вы снова припугаете его к этой грязной истории! А в худшем, вы просто тихо и незаметно исчезнете, на сей раз уже навсегда. Так что решайте сами, что лучше: ехать в Сен-Марко или вернуться к исполнению своих служебных обязанностей, пока вас официально не отстранили от них. Хоть живы останетесь.

Изабо сидела на койке, стиснув кулаки и невольно покачиваясь, чтоб удержать клочоктавшую в её груди ярость. Или это было отчаяние? Все её мечты о могуществе рассыпались в прах, а вместо них на горизонте маячило что-то страшное и безнадёжное.

— Я вернусь на «Паладин», — наконец выдавила она.

— Правильное решение, командор, — кивнул Кирилл и, выходя из её закутка, добавил: — Я на кухню, посмотрю как там с ужином. Как только будет готово, принесу.

Он ушел, а Изабо издала звериное рычание и рухнула на койку, уже не обратив внимания на жёсткость досок под тонким тюфяком. Она была зла на жизнь, на альдора, на Ричарда, на себя, и на Оршанина тоже. Хотя, справедливости ради надо признать, что он оказал ей большую услугу, объяснив ситуацию, пусть даже в такой оскорбительной форме. Он был прав, и это бесило её больше всего. Она прекрасно помнила Ричарда, и понимала, что этот человек просто не способен на искренние чувства, он берёт то, что ему нужно любым способом: силой, подлостью, хитростью, и при этом без жалости выбрасывает всё, к чему утратил интерес. Он наверно никогда не признавал своих ошибок, перекладывая вину за них на тех, кто попался под руку. И в данном случае Изабо будет для него лишь козлом отпущения, и он, ни на минуту не усомнившись в своём праве, пожертвует ею ради своих интересов. И, действительно, как она могла подумать, что он открыто приблизит к себе женщину, которую алкорцы обвиняли в измене и приговорили к казни, а она просто

сбежала? И если он заверяет их, что непричастен к её действиям, то должен, просто обязан выдать её альдору. И никакие её обещания дать важную информацию не спасут. Он возьмёт эту подачку и выбросит её за ненадобностью. И даже если он отпустит её, по следу за ней тут же устремится де Сегюр и его псы, которые не простят ей своего ареста и гибели друзей. Вот у кого есть твёрдое понимание преданности и дружбы!

Как ни крути, а Оршанин был прав, и когда он принёс ей миску с бобовой похлёбкой, ломоть серого хлеба с отрубями и чашку травяного отвара, она устало проговорила:

— Вывозите меня, как можете, капитан, я на всё согласна. После я поеду на «Паладин» и останусь там до дальнейших распоряжений командора Северовой или её старпома.

— Хорошо, — кивнул он и, поставив посуду на перевёрнутый ящик, заменявший здесь тумбочку, произнёс: — Приятного аппетита, командор!

Он ушёл, а она снова легла на койку, задумчиво глядя, как клубится ароматный пар над грубо слепленной глиняной миской.

Несколько дней Марк де Сегюр провёл, проверяя кандидатов на роль убийцы Бартоло из списка де Грамона. Он не испытывал при этом никаких угрызений совести, хотя бы потому, что, чем больше узнавал об этих людях, тем яснее понимал, что они давно уже заслужили если не петлю, то длительное заключение в самых тёмных подвалах королевской тюрьмы. Но все они продолжали наслаждаться жизнью при дворе короля, который в обмен на некие услуги закрывал глаза на их действия, в иных случаях приведшие бы их под суд.

Все они мало отличались от убитого конюшего, и, по мнению Марка, составляли ему вполне подходящую компанию. Он побывал у многих в домах, кого-то словно невзначай встречал во дворце, кем-то вскользь интересовался в частных беседах и за столом на дружеских пирушках. Его собеседники, попав под обаяние мальчишеской белозубой улыбки и бесхитростной манеры общения, с радостью выбалтывали ему все известные при дворе сплетни, а заодно и некоторые сведения, которые люди, служившие объектом его интереса, наверняка пожелали бы сохранить в тайне.

И, наконец, наступил день, когда он был готов дать де Грамону отчёт о проделанной работе, но вместо того, чтоб явиться к нему в Серую башню, направил с пажом записку с просьбой встретится, после чего отправился в дом барона Делвин-Элидира, чтоб прежде согласовать свои действия с Айолином в интересах их общего дела.

Вскоре после того, как он пришёл туда, снял, наконец, латы и оружие, и забрался в приготовленную слугами лохань с горячей водой, сдобренной ароматическими маслами и травяными настоями, к нему явился Алед и передал записку от де Грамона, а также приглашение своего хозяина на ужин в световой комнате на вершине башенки, украшавшей дом.

В записке Рене по обыкновению тщательно расшаркивался, извиняясь, что в виду занятости не может встретиться с ним немедленно, однако располагает сведениями, что виконт Монтре пригласил барона де Сегюра на яблочный пир в свой загородный дом, где они и смогут встретиться и поговорить без свидетелей. Марк отметил про себя, что Рене неплохо осведомлён, поскольку это приглашение было высказано ему виконтом лично лишь несколько часов назад. Выбравшись из лохани, он вытерся мягким полотенцем, поданным ему слугой, после чего с удовольствием надел чистое бельё и одежду, лишь недавно присланную от портного: тёмные штаны из плотной шерстяной материи и узкий камзол со стоячим воротником, сшитый из синего узорчатого сатина, отделанный серебряным позументом, подчеркивающий его стройную крепкую шею, мощные плечи и торс, и узкие бёдра, которые он, по обыкновению, подчеркнул, опоясавшись широким кожаным ремнём с изящной серебряной пряжкой. Оставив латы и меч на лавке, он прикрепил к поясу ножны со стилетом и отправился на ужин.

Световая комната располагалась в башенке, возвышавшейся над крышами соседних домов изящным украшением в форме бутона на высоком узком конусе. Поднявшись по винтовой лестнице, он оказался в круглом помещении, все четыре широких окна которого выходили на разные стороны, открывая вид на город, коричневые черепичные крыши и изящные башенки храмов и ратуши. На западе эта картина дополнялась мощными башнями королевского дворца, главенствующими над другими строениями.

В центре комнаты располагался накрытый к ужину стол, а хозяин дома стоял у окна и

задумчиво смотрел на бледные небеса, светившиеся голубым лучезарным светом, несмотря на поздний по людским меркам час.

— Как подготовка к походу? — поинтересовался Марк, без церемоний присаживаясь к столу.

— Полным ходом, — без особого оптимизма ответил Айолин. — Ещё день-два и король назначит дату выступления. Он рассчитывает завершить поход к Грозовой горе до окончания перемирия с альдором.

— Скорее всего, завершит, — отозвался Марк, оглядывая выставленные перед ним блюда. — Правда, не могу сказать, чем этот поход закончится для него. За столом нам не будут прислуживать?

— Если ты не в силах сам налить себе вина, я наполню твой кубок, — проворчал Айолин. — Я велел накрыть стол здесь именно для того, что б мы могли поговорить без свидетелей. Сейчас в доме слишком много народу, и я не хочу, чтоб нас кто-то подслушал. Внизу у подножия лестницы стоят те, в ком я уверен, и никому не позволено подниматься сюда без вызова, кроме Аледа.

— Разумно, — Марк взял кувшин и разлил вино по кубкам, после чего поднял свой и отпил глоток. — Это с твоих виноградников?

— Нет, это вино из Магдебурга. Моё лучше, но оно пока не доставлено сюда. Думаю, мы встретим обоз по дороге.

— Всё равно хорошее. Я одобряю твою предусмотрительность, потому что хочу обсудить с тобой то, что я передам де Грамону, а что придержу на будущее. У меня возникли некоторые вопросы, которые я хотел бы прояснить для себя.

— Я слушаю, — Айолин подошёл к столу и, сев, взял свой кубок.

— Прежде всего, сам де Грамон. Из разговора с ним и того перечня имён, который он мне дал, я понял, что он сам ведёт какую-то игру против Монтре. Он его откровенно недолюбливает и, похоже, не прочь устранить если не совсем, то от трона — точно.

— Так и есть. Де Грамон принадлежит к старой аристократии Сен-Марко, он предан королю и при этом входит в группировку маркиза Вайолета. Правда, маркиз является скорее формальным лидером этой группы придворных, там заправляет Раймунд, но, как всегда, негласно. Они ясно видят сложившуюся ситуацию и считают, что возвышение Монтре и его клики вредит королевству, однако, будучи верными подданными, никогда не станут открыто выступать против королевского фаворита.

— То есть нам не стоит вступать с ними в альянс?

— Нет, наши цели совпадают лишь частично, и в этой части мы вполне можем сотрудничать с ними, представляя это как службу королю и дружескую помощь. Во всём, что касается отстранения Монтре от власти, мы можем поддерживать их. Чем он слабее, тем легче нам будет до него добраться.

— Хорошо. Тогда причём тут сокольничий короля Теодор Бризон, который, как мне сказали, является ставленником графа Блуа? И кто такой граф Блуа? Семь лет назад его не было в Сен-Марко.

Айолин на минуту задумался, а потом усмехнулся.

— Рене заметно вырос в моих глазах после твоих слов, потому что доказал, что способен на сложную интригу. Впрочем, я в этом никогда особо и не сомневался. Граф Блуа — один из недавно появившихся при дворе новых аристократов, но он стоит особняком от безродных выскочек вроде Монтре и его дружков. Блуа — внук купца Зольцена из

Магдебурга. Тот поднялся когда-то лишь потому, что в его владении оказались рудники серы на юго-западе континента, на самой границе мёртвых земель. Когда-то это были совершенно бросовые земли, но потом кто-то изобрёл порох, для изготовления которого, как известно, нужны селитра, древесный уголь и сера. И если селитру и уголь получают из известняка и ольхи, то серу можно добыть только из земли. Зольцен уехал из Магдебурга, обосновался неподалёку от своих рудников, разбогател на поставках серы и выдал свою дочь за обедневшего барона Блуа, тот вскоре благополучно покинул этот мир, а его сын Антуан Блуа и есть тот самый покровитель Бризона о котором мы говорим. Человек он довольно неприятный, высокомерный, заносчивый и ленивый. Делами заправляет его матушка, дама весьма предприимчивая для своих лет. Не так давно она предприняла попытку обеспечить себе монополию на серу и диктовать свои условия всем, кто хочет получить её товар. Она отправила сына в Сен-Марко, и тот поступил на службу к Ричарду, был обласкан и получил титул графа. Наверно Ричард таким образом собирался перекрыть поставки серы в луар, лишит альдора пороха и получить военное преимущество. Но, как выяснилось, у алкорцев есть свои источники серы. На северо-востоке отыскались копи, принадлежащие общине рудокопов Швefeldорф. Блуа пытался выкупить у них рудник, но не смог договориться, потому что участки там принадлежат отдельным семьям, часть из которых отказалась их продавать. Тогда он поступил хитрее, начав поставлять туда товары, чем загнал рудокопов в долги. Но тут о ситуации узнали в Магдебурге, а магистрату свободного города никак не хотелось, чтоб кто-то завладел единоличной монополией на серу, поскольку они поставляют оружие всем сражающимся сторонам. Они тут же созвали магистраты свободных городов, обсудили ситуацию, создали свою лигу и приняли в неё Швefeldорф, по ходу превратив деревню в свободный город Швefeldбург. Долги они выкупили, и теперь рудокопы должны своим партнёрам по лиге и расплачиваются серой, а остатки с выгодой продают луару, поскольку альдор быстро сориентировался и заключил с лигой свободных городов договор о беспощинной торговле. Блуа не смог стать монополистом, но теперь твёрдо гарантирует Ричарду бесперебойные поставки серы на пороховой двор.

— И какую роль он играет при дворе?

— Свою. Я же сказал, что он довольно ленив, и, по сути, просто проедает здесь деньги, которые текут в его сундуки благодаря неустанной заботе матери. Он не зависит от Ричарда, скорее, тот в какой-то мере зависит от него, но прежде он не торопился разыгрывать свои карты. При дворе ему ничто не угрожает. Он примкнул к камарилье Монтре, поскольку их образ жизни его привлекает. Однако теперь, когда его прежние друзья то и дело оказываются не у дел, он всё же зашевелился, пытаясь воспользоваться ситуацией и укрепиться при дворе. Я полагаю, что Рене включил его ставленника в твой список с тем, чтоб столкнуть Блуа и Монтре лбами. Оба они не пользуются популярностью в партии Вайолета, и ослабление любого из них будет им на руку.

— Если мы будем участвовать в игре, то вполне можем подтолкнуть мяч на сторону Блуа, — заметил Марк.

— Это будет изящный ход, тем более что оба они очень подозрительны и злопамятны, а значит, не придут к согласию и не забудут обиды.

— Почему в списке оказался Жан Жувер? Я помню его, он участвовал в прошлой кампании, но потом Арман удалил его из войска и своего окружения. Какую роль он играет сейчас?

— У фаворитов есть фавориты, — пожал плечами Айолин. — А Жан — фаворит

Монтре. Я помню его, он был хорошим воином, отчаянно смелым и способным. Но, мне кажется, он лишился расположения Армана из-за своей жестокости. Я сам присутствовал при том, как король отчитывал его за нападение на какую-то деревню и угрожал, что если узнает о чём-то подобном впредь, то прикажет вздёрнуть его на дубе в назидание иным. Потому я удивился тому, что Жювер вдруг оказался в окружении Монтре, и тот даже пытался протолкнуть его на место главнокомандующего, для чего у Жана нет ни положения, ни опыта, ни способностей.

— Милый мой Айолин, — усмехнулся Марк, — ты не знаешь подоплёки этого дела лишь потому, что был тогда слишком юн, и Арман берёт твою невинность. Но я знаю, в чём дело. Однажды король, пользуясь своим правом входить в любую дверь без стука, вошёл в его шатёр и застал Жана в объятиях оруженосца. Ему грозило публичное бесчестье, но Арман не хотел скандала, и, может, пожалев его репутацию, просто выгнал его. И теперь тебе понятно, что связывает Монтре с Жювером. Он, кстати, тоже высокий брюнет, как и я. А отношения такого рода часто приводят к весьма странным поступкам, в том числе таким, как продвижение любовника на пост высокий, но ему совершенно не подходящий. Должно быть, Жан слёзно умолял его об этом. Вопрос в том, какие будут последствия, если мы попытаемся обвинить в этом убийстве Жана?

— У него нет реальной власти, Марк. Он просто сопровождает Монтре, защищает его своим мечом, но если он исчезнет, виконт тут же подберёт следующего высокого брюнета из своего окружения. Я не столь невинен, чтоб не заметить с прискорбием, что при дворе Ричарда этот порок цветёт пышным цветом. Предусмотренное за это наказание не применяется уже давно, возможно, король даже тайно поощряет подобные шалости среди придворных, поскольку это даёт ему возможность держать этих сластолюбцев в узде под страхом того, что их всё-таки выведут к позорному столбу и лишат имущества и привилегий.

— Значит, в данном случае, Жан нам неинтересен. Что ж сдадим карты де Грамону и посмотрим, как он их разыграет. А сами вступим в игру на его стороне, но имея в виду свои цели. Ты приглашён к Монтре на яблочный пир?

— Все, кто имеет влияние при дворе, приглашены. Я не исключение.

— Поедем вместе. Я переговорю с Рене, а ты присмотришь Блуа. Может, мы сможем использовать его в своих целях. Вряд ли он пойдёт на откровенность со мной, а вот ты наверняка покажешься ему перспективным союзником.

— Ты зря себя недооцениваешь, Марк, — усмехнулся Айолин. — Блуа, как все недавние провинциалы, трепещет перед всем, что несёт на себе печать аристократизма. Твой старинный род, безупречные манеры и благородная внешность откроют для тебя его двери. Поверь, он будет рад видеть тебя среди своих друзей. Тем более что меня он совершенно не интересуется.

— Я вижу, ты не забросил игру в мяч, — рассмеялся Марк. — С какой лёгкостью ты бросаешь мне подачу. Что ж, тогда поедем вместе, пусть Блуа видит, что я возвращаюсь в высшем обществе, и, если он соизволит оказать мне внимание, я милостиво его приму.

Яблочные пиры в Сен-Марко издавна проводились в честь нового урожая яблок, и, если в деревнях и городах выливались в народное гуляние, когда все кабаки и трактиры были переполнены, столы часто выставлялись на улицу, а в сельской местности и прямо в садах под деревьями, то аристократия использовала этот повод для более изысканных развлечений. В этот раз виконт Монтре решил напомнить королю о своём умении

устраивать яркие развлечения и объявил о пире, который решил провести в собственном загородном дворце Шато-Блуа, расположенном на холме в окружении садов.

По этому случаю сразу после наступления темноты это большое просторное строение с множеством залов, фонтанов и прозрачных галерей, окружённых стройными колоннадами, было освещено золотым светом тысячи свечей. Там звучала музыка, в двориках и залах танцевали прелестные девицы, известные многим придворным по дорогим заведениям, предоставляющим любовные утехы. Акробаты, жонглёры, специально приглашённые труппы актёров разыгрывали для гостей комические и фривольные пьески, а странствующие певцы, многие из которых уже успели добраться сюда из луара после празднования дня рождения альдорены, распевали свои баллады, аккомпанируя себе на лютнях и ноэлях.

Во дворец съезжались облачённые в нарядные одежды гости. Мужчины приезжали верхом на роскошных тонконогих скакунах с завитыми гривами и вплетёнными в них серебряными бубенцами, а дамы прибывали в красивых каретах, украшенных резьбой, позолотой, серебряными накладками и парчовыми драпировками. Здесь не было главного привратника, но и без него в ворота могли въехать только самые родовитые, самые богатые и самые влиятельные лица королевства, а также те, кто по той или иной причине пользовался симпатиями хозяина или казался ему полезным.

Ближе к ночи в окружении свиты прибыл король, за ним следовал принц Жоан со своими ближайшими друзьями — сыновьями высокопоставленных царедворцев. Вскоре дворец заполнился яркой веселящейся толпой, занятой обсуждением последних сплетен, а также плетением больших и малых интриг и интрижек. В замке были устроены уютные альковы, где дамы в масках встречались со своими кавалерами, которые проскальзывали за бархатные пологи, закрыв лицо плащами, словно так они становились неузнаваемыми или даже невидимыми. Эта слегка опасная, немного непристойная и очень забавная игра была в моде при дворе, и для неё, как и для других важных дел, было отведено достаточно времени до того, как гостей пригласят за столы, накрытые для пира.

Марк встретился с де Грамоном на широкой террасе, нависающей над обрывистым берегом реки, протекающей мимо поместья. Здесь возле резной балюстрады из белого песчаника стояли вазоны с одуряюще пахнущими цветами и фонари на кованых подставках, дававшие достаточно света, чтоб можно было видеть всё вокруг и при этом наслаждаться таинственным и романтическим полумраком. Естественно, ни ему, ни Рене не пришлось в голову закрывать лицо. Остановившись у балюстрады, они внимательно огляделись, чтоб убедиться, что поблизости никого нет.

— Я проверил твой список, Рене, — проговорил Марк, посмотрев вниз, туда, где под обрывом синевато поблескивая, текла река. — К сожалению, только у одного человека из него есть мотив и возможность, и нет алиби.

— Я слушаю тебя, — кивнул де Грамон, опершись о высокий парапет.

— Теодор Бризон, сокольничий короля некоторое время назад сватался к Ангелике де Жорес, девице, находившейся под опекой Монтре. Монтре долго ломался, а потом согласился, и вдруг девицу находят повесившейся у ручья недалеко от её дома.

— Я помню этот случай, — кивнул Рене. — Её мать сказала, что видела, как из сада она уходила с каким-то высоким сутулым человеком, которого она приняла за Бартоло. Но Бартоло в это время находился в другом месте, а именно на верховой прогулке со своим хозяином.

— Совершенно неопровержимое алиби, — невозмутимо кивнул Марк. — На него никто

и не подумал, не смотря на то, что всё приданое девицы отошло опекуну. Интересно вот что, Бризон за день до смерти Бартоло взял у своего банкира на покупку оружия, лат и коня пятьсот золотых марок, а после проиграл все деньги трём наёмникам в кабаке «Палёный кабан». Всем известно, что там часто играют шулера, так что нет ничего странного в том, что обобрав беднягу, они исчезли из города, даже не попытавшись поступить на службу к королю, хотя до этого намеревались это сделать.

Рене слушал его внимательно, а после спросил:

— Что-нибудь ещё?

— Ничего. Разве что рот Бартоло был заткнут шёлковым платком, на котором была вышита монограмма в виде буквы «А». Ну, и все раны были нанесены боевым оружием: мечом и кинжалом.

— Думаешь, это Бризон решил отомстить за смерть невесты? — прямо спросил де Грамон.

— Может быть, — пожал плечами Марк, — а, может, он просто взял деньги на оружие, а потом проиграл их шулерам, что с ним и раньше случалось. Буква «А» может означать Ангелика, а может — Аманда или Анна. Больше я ничего не успел узнать. Слишком мало времени.

— Этого хватит, — кивнул Рене. — А что со шпионами?

— Пройдись по залу и выбирай любого, — пожал плечами Марк. — Большая часть приглашённых Монтре артистов явились из луара. Они постоянно кочуют туда-сюда, чтоб выступать на праздниках. Среди них наверняка есть шпионы и не только наши.

— Ты кого-то узнал? — спросил Рене, не обратив внимания на намёк.

— Нет, но я могу походить по залам, может, кого и узнаю. Только не жди, что я укажу тебе на кого-то и заявлю, что видел его в обнимку с Делланом.

— Не жду, — вздохнул де Грамон. — И не настаиваю, что б ты рыскал по залам в поисках вражеских лазутчиков. Ты итак неплохо потрудился. Но если что-то увидишь или услышишь...

— Конечно, — улыбнулся Марк и направился туда, где светилась тёплым светом галерея, ведущая внутрь дворца.

Он шёл по залам, наслаждаясь ярким светом, музыкой и обилием вокруг красивых дам. Они, встречая его взгляд, мило смущались и опускали глазки, чтоб потом поднять их и заинтересованно смотреть ему вслед. Мужчины смотрели на него частью с ревнивой завистью, частью весьма дружелюбно, особенно те, кого он знал по былым годам. Они снова возвращались в Сен-Марко, те, кто вместе с ним шли в бой под знамёнами Армана-Миротворца. И в какой-то момент ему захотелось хоть на один вечер забыть о службе и о долге и просто поговорить со старыми приятелями, вспомнив те славные дни, когда все они были так беспечно счастливы и полны надежд.

И в этот миг кто-то весьма бесцеремонно взял его за локоть. Обернувшись, он увидел рядом высокого мужчину с длинными тёмными волосами в бархатном камзоле с рукавами из полосатой парчи. Его лицо было красивым и гладким, с небольшими усиками над верхней губой, а карие глаза смотрели настороженно и при этом нагло. Марк отметил про себя, что Жан Жувер хоть и приобрел за прошедшие годы некоторый лоск, выглядел при этом слегка затасканным.

— Я слышал, что ты вернулся, друг мой! — произнёс Жан, разглядывая его. — Возмужал, похорошел, отрасли бороду. Тебе идёт. Подчёркивает форму подбородка и

придаёт brutality. Говорят, ты теперь герой, и даже Монтре трещит о тебе, не замолкая.

— Неужели? — усмехнулся Марк и демонстративно проводил взглядом прошедшую мимо блондинку в голубом атласном платье.

— Ты по-прежнему не пропускаешь ни одной юбки мимо себя? — рассмеялся Жан, и Марку показалось, что в этом смехе слышится облегчение.

— Теперь более чем когда-либо, — пожал плечами Марк. — Нужно ловить момент радости, когда тучи на горизонте. Скоро война, там будет не до дам.

— Да, я слышал, ты уже возобновил знакомство с Делвин-Элидиром, Алларом и де Мореном. Они меня не жалуют. Считают, что я бездельник, хотя я так же, как и ты, всего лишь ловлю момент радости, пока кто-то не проткнул меня мечом. Ты выпьешь со мной?

Его взгляд снова стал настороженным, но Марк рассмеялся и, обняв его за плечи, увлёк туда, где на столе стояли наполненные вином кубки. После первого выпитого кубка взгляд Жана потеплел, и он нежно взглянул на собеседника.

— Знаешь, Марк, я порой скучаю по старым временам, по тем дням, когда мы были рядом с Арманом. Многие сейчас жалеют о нём, говорят, что сейчас всё не так, всё иначе, хуже, опаснее, безрадостнее. Они говорят, что Ричард — не Арман, и ругают короля. Иногда мне кажется, что они правы.

— Всё меняется, Жан, — ответил Марк. — Искусство жизни состоит в том, чтоб в любое время найти своё место. А ругать времена за то, что они изменили мир — дело бесполезное и даже вредное.

Жувер какое-то время задумчиво смотрел на него.

— Монтре заинтересовался тобой, друг мой. Ему нужны сейчас верные люди, готовые не только на подвиги, но и на более тонкую работу. И он щедр к своим друзьям.

— Я учту это, Жан, но пока я занят. Пусть граф Раймунд нынче не у дел, но тайная полиция всё ещё существует, и считается, что я принадлежу ей с потрохами. Так, по крайней мере, считает де Грамон. И при этом он тоже очень щедр.

— Это может быть полезно. Монтре даст больше, и не заставит разрывать отношения с Рене.

— Я подумаю, — кивнул Марк, внимательно взглянув на Жувера. — Послушаю, что скажет виконт, если он пожелает что-то сказать мне об этом.

— Я передам ему, — Жан обернулся к дверям. — Он тебя найдёт. Не сегодня, естественно. Сегодня он с королём.

— Или с его сокольничим, — уточнил Марк, увидев, как в зал входит виконт Монтре, по правую руку от которого идёт Теодор Бризон, а по левую — высокий юноша с короткими чёрными кудряшками и смазливый смуглым лицом.

При этом Марк заметил, что мило беседуя с Теодором, Монтре держит под руку второго спутника. Не ускользнуло это и от Жувера, с лица которого тут же исчезла улыбка, а глаза подозрительно прищурились.

— Кто этот красивый мальчик слева от виконта? — как ни в чём не бывало, спросил Марк. — Это его родственник?

— Родственник, но не его, — процедил Жан. — Это младший брат Теодора Альфонс, недавно появившийся при дворе.

— Милый, — заметил Марк и отвернулся к столу, чтоб слуга снова наполнил ему кубок.

Когда он обернулся, то увидел, что Жувера рядом уже нет. Монтре уходил в боковую дверь под руку с бароном де Грамоном, а разъярённый Жан нёсся прямо к братьям Бризон.

Потягивая вино, Марк с улыбкой наблюдал за перепалкой между Жувером и Альфонсом, в которую тут же вклинился Теодор. Наверно дело дошло бы до драки, если б рядом не оказался барон де Морен. Он, подойдя к ссорящимся вплотную, видимо, напомнил им, где они находятся. Они тут же разошлись, бросая друг на друга свирепые взгляды.

Де Морен тем временем заметил Марка и направился к нему.

— Что не поделили эти петухи? — поинтересовался Марк, сделав знак слуге, и тот подал Тристану кубок с вином.

— Симпатии Монтре, видимо, — усмехнулся тот. — Жан падает всё ниже в своём стремлении возвыситься.

— И чёрт с ним, — заключил Марк и де Морен со смехом кивнул ему.

— Я не стал говорить Монтре, что мы связываем историю его подопечной с убийством Бартоло, — произнёс де Грамон, с сочувствием глядя на Марка.

Тот сидел в кресле возле его стола в кабинете, приложив ко лбу бронзовый кубок. Рене знал, что он всю ночь пировал со старыми друзьями во дворце виконта, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Им было весело и без менестрелей и девиц в прозрачных платьях, порхающих вокруг гостей. Они не слушали тосты, которые произносили за столом гости, глядя туда, где в окружении свиты сидел король. Они даже не замечали его изредка бросаемые в их сторону недовольные взгляды. Впервые за много лет они смогли собраться вместе и чувствовали себя непобедимыми, как в те времена, когда с ними рядом сидел их столь же молодой и пылкий король.

Впрочем, Ричард вскоре перестал обращать на них внимание, поняв, что как-то воздействовать на эту шумную компанию без ущерба для себя он не может, да и зачем? Сблизившись снова, они составят в армии мощную коалицию, которая явится едва ли не передовой ударной силой его армии, ведь за большинством из этих баронов встанут сотни их рыцарей, лучников и копейщиков. Пусть Делвин-Элидир собирает вокруг себя своих отважных друзей, если он может сплотить их перед грядущей войной под флагами Сен-Марко.

Какое-то время возле друзей вертелся и Жан Жувер, прислушиваясь и приглядываясь, пытаясь задавать какие-то провокационные вопросы и даже притворно ругая короля, но потом он куда-то исчез и никто не заметил, что его больше нет рядом. Зато, когда столы для гостей начали пустеть и король покинул зал вместе с хозяином дома, к сплочённой группе баронов присоединились молодые рыцари во главе с принцем Жоаном, смотревшие на старших товарищей с восхищением и лёгкой завистью. Им были рады, и с удовольствием рассказывали о былых временах, военных хитростях и лихих атаках на алкорцев.

— Я слушаю, Рене, — хрипло произнёс Марк, поморщившись от приступа мигрени. — Что ты ему сказал?

— Я сказал только о платке с монограммой и этой странной истории с пятью сотнями золотых марок, предоставив ему самому искать связь. Похоже, он её нашёл, потому что разозлился, но не на меня. Он сказал, что этого явно недостаточно, но заметно успокоился и, думаю, больше не будет требовать найти преступников.

— Даже для виду?

— Он согласился с нашей версией.

— Правда?

— Я не могу смотреть на это, Марк, — наконец, не выдержал Рене и, поднявшись,

подошёл к шкафу. Достав оттуда синюю склянку, он плеснул из неё тёмной жидкости в кубок, а потом добавил воды и, вернувшись к столу, поставил перед другом: — Выпей. Это изобретение Тома, которому часто приходится ходить по кабакам и пить с несметным количеством людей, чтоб получить нужную информацию. На вкус ужасно, но действует быстро.

— Я готов жабу проглотить, лишь бы это закончилось, — проворчал Марк и разом выпил содержимое кубка. — Действительно, гадость, — морщась, прокомментировал он. — Так что там с Монтре? Почему ты думаешь, что его удовлетворил твой ответ?

— Потому что сегодня утром Теодора Бризона нашли в канаве с перерезанным горлом, — снова сев за стол, пояснил де Грамон.

— Вот как? — Марк какое-то время молчал, а потом уточнил: — И что с этим убийством?

— Ничего. Брат Теодора Альфонс сказал, что они с братом поссорились и тот один уехал в город. Больше он его не видел. Он был сильно напуган, твердил одно и то же, и не смог уточнить детали. Я спросил его, из-за чего они поссорились, но он сказал, что не помнит. Потом сказал, что из-за денег, а под конец бормотал что-то об оскорблении дамы.

— Он рассказал, что они ссорились с Жувером?

— Нет. А они ссорились?

— Да, и очень бурно. Их разнял де Морен. Кто будет вести расследование этого убийства?

— Никто. Я сегодня говорил с королём. Он воспринял эту новость спокойно и сказал, что, скорее всего, Бризон напился и с кем-то поссорился. То есть это была обычная дуэль.

— В результате которой ему перерезали горло и выбросили тело в канаву?

— Так сказал король.

— Разве смерти на дуэлях не расследуются?

— Обычно да, но в данном случае вынесен высочайший вердикт. Да и кто такой этот Бризон? Сейчас, когда все готовятся к войне, смерть вздорного мальчишки никого не интересует.

— Значит, ты оставишь всё, как есть?

— У меня полно других дел. Например, поиск шпионов при дворе. Нам с тобой, думаю, стоит сосредоточить наши усилия на этом. Но сначала нужно сделать кое-что ещё. Король намерен сегодня объявить о каких-то своих решениях, в связи с чем нам следует явиться в тронный зал. Ты пойдёшь?

— Конечно, — Марк поднялся и замер, прислушиваясь к себе. — Да, Рене, мне намного лучше. Надо будет попросить у Тома такую склянку на будущее. А пока идём.

Они вместе спустились по крутой винтовой лестнице и прошли по заполненным пёстрой толпой залам. Здесь теперь тоже чувствовалось приближение войны. Куда меньше стало ярко одетых праздных господ, которые раньше презрительно шурились друг на друга и сбивались в шепчущиеся кучки, обсуждавшие многочисленные сплетни. Больше — спокойных, уверенных в себе мужчин, носивших поверх дорогих камзолов красиво украшенные латы и тонкие кольчуги и привычно держащих на эфесах фамильных мечей унизанные массивными перстнями мозолистые руки. Только прекрасные дамы, явно воодушевлённые прибытием ко двору богатых и мужественных кавалеров, всё так же создавали вокруг себя ощущение лёгкого, слегка фривольного праздника.

В большом тронном зале уже собрались придворные, однако, на сей раз, здесь не было

случайных зевак. Чиновники и военные бароны стояли вдоль дорожки, ведущей к трону, спокойно ожидая короля, в то время как любопытствующие толпились за дверями в смежных залах. Де Грамон и де Сегюр вошли в зал, Рене направился к самому трону, чтоб, если понадобится, быть под рукой у короля, а Марк заметил в стороне мрачного Жувера и подошёл к нему. Тот кивнул на приветствие, но ничего не сказал. Он явно был не в духе. Марк отыскал глазами Делвин-Элидира. Айолин стоял ближе к трону и рядом с ним, чуть позади, он заметил бледного человека весьма необычной наружности. Тот был богато одет, но дорогой камзол из парчи сидел на нём как-то криво, может, из-за сутулости. Крючковатый нос и большие круглые глаза придавали его лицу вид сердитой хищной птицы. Иногда он наклонялся к Айолину, который был чуть ниже его ростом, и что-то нашептывал. Тот каждый раз отвечал весьма учтиво.

Наконец появился церемониймейстер и объявил о прибытии короля. Ричард быстрым шагом прошёл через зал, и Марк заметил, что на сей раз он тоже был в латах, что говорило о том, что его решения, о которых будет объявлено, касаются войны. За ним шествовали принц Жоан, сенешаль, барон де Сансер, маркиз Вайолет и граф Раймунд. Граф с невозмутимым видом проследовал мимо придворных, едва скользя взглядом по лицам, однако, наверняка запоминая, кто из них не уследил за эмоциями и продемонстрировал разочарование его возвращением ко двору. Именно это чувство было написано на лице виконта Монтре. Он недовольно кривил губы, поглядывая на Раймунда, даже не давая себе труда скрыть недовольство.

Король тем временем сел на трон и, когда его приближённые разместились вокруг, заговорил. Прежде всего, он объявил о том, что граф Раймунд возвращается к исполнению своих обязанностей главы тайной полиции. Он не снизошёл до объяснения инцидента с отстранением и расследованием, как и не поведал о его результатах. После этого слово попросил виконт Монтре. Со скорбным видом он сообщил о том, что сокольничий его величества кавалер Теодор Бризон погиб на дуэли и теперь его место вакантно, в связи с чем он готов предложить его величеству кандидата на эту должность. Он с милой улыбкой поманил кого-то, и из толпы придворных вышел смущённый и испуганный Альфонс Бризон. Далее Монтре пространно пояснил, что назначение младшего брата погибшего будет справедливым и милостивым решением, поскольку послужит в какой-то мере утешением семье погибшего и поможет юноше, потерявшему любимого брата, заполнить пустоту в сердце, заняв его место и преданно служа королю.

Пустота в сердце Альфонса короля не интересовала, как и то, кто будет возить за ним на охоте сокола. В конце концов, когда ещё будет эта охота? Потому он прервал рассуждения Монтре и сказал, что согласен на это назначение. Сенешаль поклонился, приняв это к сведению.

Марк в это время доставил себе удовольствие наблюдать за реакцией Жувера, который побледнел и от ярости кусал губы.

— Что за притча, Жан? — шепнул он ему на ухо. — Только вчера Бризон наскакивал на тебя, как бойцовский петух, а сегодня виконт ведёт его брата к трону, как девицу к алтарю?

Он заметил, что Жувера передёрнуло от его слов, и услышал, как тот злобно проворчал: — Ничего, и до этого доберусь.

Тем временем барон Делвин-Элидир чуть повернулся к стоявшему за его плечом графу Блуа и шепнул:

— Похоже, виконт не желает сдавать позиции при короле, усиленно расчищая место

для своих людей. Я слышал, что он собирается сопровождать его величество в военном походе.

— Я тоже там буду, — сверкнул совиными глазами Блуа, едва не клюнув своим носом плечо собеседника. — А там посмотрим, кто кого.

Айолин задумчиво кивнул и снова взглянул на короля, который поднялся с трона. Его золочёный нагрудник сиял в свете множества свечей, широкоплечая фигура выглядела величественно. Окинув своих подданных орлиным взором, Ричард провозгласил:

— Завтра с наступлением светлого утра мы начинаем подготовку к выступлению в поход, с тем, чтоб следующим светлым днём торжественным маршем пройти по Сен-Марко и выступить всей армией навстречу грядущим победам!

В ответ на его слова раздались радостные крики, приветствующие короля, призывающие смерть на головы алкорцев и предвещающие победу Сен-Марко. Удовлетворённый такой реакцией, он улыбнулся и поднял руку. Когда всё стихло, он буднично объявил о том, что призывает членов военного совета на заседание и, спустившись с возвышения, где стоял трон, так же стремительно, как вначале, удалился. За ним ушли его приближённые, а следом торопились члены большого военного совета.

Марк, как ни в чём не бывало, обернулся к Жувелу, и, словно не замечая его злобной гримасы, беспечно спросил:

— Странно, что это виконту вздумалось идти на войну. Он что, не слышал, что на войне убивают?

— Слышал, — проворчал тот. — Но уверен, что это касается других, а не его. Это опасное заблуждение, Марк, верно?

— Так убеди его, что ехать с нами для него опаснее, чем остаться здесь.

— С чего бы это? Почему только мы должны месить грязь, спать на земле и уворачиваться от вражеских стрел? Пусть попробует, какова победа на вкус, и узнает, кто ему друг: смазливый мальчишка с нежной кожей или мужчина с мечом, который может защитить его от врагов.

— Есть люди, Жан, которые принимают помощь мужчин, а потом оставляют при себе мальчишек.

— Арман говорил, что преданность нужно заслужить, — кивнул Жувер. — А я говорю, что есть те, кто её не заслуживает.

И Жувер начал пробираться к выходу, бесцеремонно расталкивая попадавших на его пути придворных. Марк задумчиво наблюдал за ним, а потом осмотрелся. Все его друзья уже ушли на военный совет, стало быть, он был предоставлен себе. Рыскать по дворцу в поисках шпионов альдора ему не хотелось, тем более что он понимал всю бесперспективность этого занятия. Потому он решил вернуться в дом Делвин-Элидира и провести ревизию своего гардероба и оружия. Теперь, когда решение о выступлении армии было принято, ему стоило поторопиться с подготовкой к войне, тем более что все кузнецы, оружейники и портные, должно быть, сбиваются с ног, выполняя многочисленные заказы. К тому же нужно было нанять оруженосца, экипировать его и купить второго коня. Потому у него не было времени на выполнение приказов де Грамона, и он спокойно покинул королевский дворец, с тем, чтоб сходить домой, а после отправиться в торговые районы города.

Чёрное небо понемногу начало светлеть, наливаясь сочной синевой, а в Сен-Марко приближалась вторая стража, знаменующая начало ночи. По случаю подготовки к

выступлению армии комендантский час был отменён. Да и соблюсти его было бы сложно, поскольку весь город был заполнен наёмными рыцарями и отрядами баронов, пришедших, чтоб встать под знамёна короля Ричарда. Рыцари заполнили все гостиницы, снимали комнаты и углы в частных домах, ютились в сараях и подвалах, а на площадях и улицах стояли навесы, под которыми на грязной брусчатке были уложены доски, и уже на них, закутавшись в плащи, спали воины, пришедшие со своими хозяевами, не имевшими здесь собственного дома.

Рыцарям и солдатам барона Делвин-Элидира повезло куда больше. Их хозяин владел просторным домом, где было место для того, чтоб разместить сотню воинов. Пусть они спали на полу, но в чистоте и тепле, их кормили сытной горячей пищей, и было вдоволь воды, чтоб умыться и постирать одежду. Маленькая площадь перед домом и выводящий на неё с главной улицы проулок были превращены во временный военный лагерь. Владельцы и жильцы соседних домов безропотно сносили вызванные этим неудобства, потому что выказывать недовольство в адрес баронов в Сен-Марко было не принято, да и, кроме того, присутствие отряда Делвин-Элидира гарантировало им безопасность, поскольку не приходилось опасаться грабежа и бесчинств со стороны других солдат и наёмников.

Марк де Сегюр вернулся в дом друга почти ночью, когда стоявшие в карауле солдаты уже дремали у входа в переулок, опираясь на алебарды. Подняв головы, они узнали его и поклонились, а потом проводили подозрительным взглядом следовавшего за ним высокого худощавого юношу с котомкой за спиной и большими узлами в руках. Из одного узла торчала рукоятка меча, оплетенная кожей, а второй формой напоминал кованый нагрудник. Юноша тащил всё это смиренно, не жалуясь, только иногда перехватывая концы грубой ткани побелевшими от напряжения пальцами и отдуваясь на ходу.

Поднявшись по ступеням крыльца к распахнутым настежь дверям, Марк был встречен домоправителем Луцием, поспешившим сообщить, что хозяин уехал попрощаться с супругой и будет только ко второму светлому утру.

— Что ж, будь у меня жена, я б не вернулся до самого выступления, — пробормотал Марк. — Друг мой Луций, окажите мне услугу, устройте где-нибудь моего оруженосца, — он обернулся к юноше, который, опустив свою ношу на пол, с восторгом осматривал высокий парадный холл, не обращая внимания на солдат, спавших на походных тюфяках. — Сей отрок из благородной, но обедневшей семьи, сын моего старого друга, погибшего в бою за короля Армана, кавалера Дарси. Его зовут Шарль.

— Значит ли это, что я должен подыскать для юноши отдельную комнату? — осведомился Луций, внимательно оглядев молодого человека.

— Нет, пусть привыкает к некоторым неудобствам. Мальчика воспитывала заботливая матушка, и он слишком изнежен для войны. Пусть спит на полу вместе с остальными. Покажите ему, где можно взять чистую воду, где отхожее место, и поставьте на довольствие. Может, сперва эти условия и покажутся ему суровыми, но скоро у него не будет и этого. Шарль, — юноша оторвался от созерцания расписного потолка и с почтением взглянул на барона, — господин Луций здесь первый после бога, потому слушайся его во всём. Пока отнеси узлы в мою комнату, распакуй их и объясни слугам, что вскоре доставят другие покупки. Когда приведут коня, выйди и осмотри его вместе с кузнецом. Если всё будет в порядке, отдашь за него десять марок, которые я тебе передал. Будь внимательнее, ездить на нём тебе. После этого можешь ложиться спать, где тебе укажут.

— Я понял, ваша светлость, — поклонился Шарль и взглянул на Луция.

Тот вздохнул и жестом пригласил его следовать за собой, но сделав несколько шагов, обернулся:

— Куда прикажете подать ужин, господин барон? Командор де Мариньи вернулся и просил накрыть в маленькой гостиной с гобеленами.

— Я с удовольствием составлю ему компанию, — кивнул Марк и быстро взбежал по широкой деревянной лестнице на второй этаж.

Подходя к дверям гостиной с гобеленами, маленькой уютной комнаты, расположенной в дальнем конце дома, Марк с удивлением услышал оттуда голос, который он принял за детский, однако войдя, не застал там никаких детей. Возле распахнутого окна стоял командор де Мариньи, а на подоконнике рядом с ним сидел его кот. Это роскошное животное необычного окраса с небесно-голубыми глазами, вызывало в душе Марка почти детский восторг, потому он, поприветствовав рыцаря, сразу подошёл и с наслаждением провёл пальцами по загривку кота, покрытому светлой пышной шерстью. Кот повернул большую голову с круглыми тёмными ушками и взглянул на него с задумчивой благосклонностью.

— Я не устаю удивляться красоте вашего питомца, командор, — проговорил Марк с улыбкой, — а более того, тому, что вы выбрали себе в качестве спутника кота.

— Что в этом странного? — поинтересовался Хок.

— Обычно рыцари берут с собой оруженосцев, на худой конец, собак, но кот...

— Мы не выбирали друг друга. В час тяжёлых испытаний нас свела судьба, и с тех пор мы вместе. Пусть вас не вводит в заблуждение его роскошная шерсть и изысканный окрас. Мой друг — настоящий воин, хитрый и сильный, с острыми зубами и длинными когтями. Ему уже приходилось спасать мне жизнь.

— Почему-то я не удивлён, — кивнул Марк и снова погладил Кису. — Преданные и отважные сердца бывают не только у людей. Я бы даже сказал, что у лошадей и собак они встречаются чаще, чем у их хозяев. Почему бы не быть такого сердца и у кота, особенно столь необычного. Вы встретили его на своей планете или в космосе?

— В космосе, — сообщил Хок. — Его соплеменники иногда путешествуют по галактике, находят своих людей и делят с ними радости и невзгоды.

— Я немного завидую вам, — признался Марк, посмотрев в сапфировое небо над городом. — Я получил неплохое образование и читал в детстве книги, в которых говорится о нашей прародине, о целой планете, населённой людьми. Мы живём на ограниченном клочке тверди, окружённой мёртвыми землями, где умирает всё живое. Многие люди даже не представляют, что происходит за пределами нашего мира, и только очень ограниченное число людей знает о том, что за нашим небом есть бесконечный океан пустоты, в котором сияют звёзды, а вокруг них вращаются планеты. Боюсь, что и я не могу представить такое, и когда думаю об этом, вижу своим мысленным взором только выцветшие картинки старых книг. А где-то есть целая планета, населённая такими же, как мы, людьми. По ночам они видят на небе россыпи звёзд. Днём они видят своё солнце без преграды облаков, а ночью им светит другое светило, которое называется «луна». Это всё похоже на сказку, в которую невозможно поверить. А вы всё это видели?

— Я там вырос и живу теперь, — пожал плечами Хок.

— И летаете по этому огромному океану от одной планеты к другой. Ваш мир многомерен, командор, в то время как у нас всего два измерения. В юности это приводило меня в отчаяние. И не только меня.

— Вы говорите о бароне Делвин-Элидире? — уточнил Хок.

— Нет, Айолин был мечтателем другого склада, его больше интересовали поэмы и легенды, любовные истории и прекрасные дамы. К тому же он слишком прагматичен. Он усвоил все эти знания, которые дали ему его учителя, принял к сведению и переключился на реальный мир. К чему ему разговоры об огромных шарах, на которых кипит чужая жизнь, о звёздах, которые больше нашего мира и горячее огня в плавильной печи? У него слишком много дел. А вот у меня их не было, и я мог тешить себя такими запредельными мечтами, делясь ими с королём. Вы знаете, на самом деле Арман вовсе не радовался своей короне. Он любил Сен-Марко и был готов пожертвовать ради него жизнью, это был его долг, его ответственность. Но иногда он приоткрывал мне свою душу. Однажды это случилось ночью. Тот единственный раз, когда небеса расступились, и я увидел звёзды. Всё великолепие разноцветных огоньков, сияющих в глубине тёмного пространства, у которого не было дна, на краткий миг распахнулось передо мной, и я запомнил этот миг навсегда. Именно тогда Арман и признался мне, что уже видел однажды этот волшебный портал в иной мир, где нет границ и ограничений, где только свобода и покой, где жизнь разнообразна в своих проявлениях и наполнена такой красотой, о которой мы в своём маленьком ограниченном мирке не можем даже помыслить.

Марк посмотрел на Хока, ожидая его реакции и тот задумчиво кивнул.

— Это показывает вашего короля, как человека поистине гениального, ваша светлость. Трудно дать более ёмкое и точное определение тому, что находится за вашими небесами.

— Он был таким, — грустно улыбнулся Марк. — Сен-Марко и весь наш мир были тесны для него. Он говорил, что мечтает стать железной птицей и вырваться за пределы этой темницы, мчаться среди звёзд, встречая людей разных видов и рас, узнавая их, изучая иные миры, искать свет знаний и красоты, недоступных нам здесь. Я слушал его тогда, сидя у его ног, открыв рот от восторга, потому что по мере того, как он говорил, он, словно распахивал для меня двери в какой-то чудный незнакомый мир, пронизанный насквозь светом и разумом. Я будто видел это всё, и мечтал умчаться туда следом за ним.

Огонь воодушевления, вспыхнувший в глазах Марка, вдруг погас, и он с тяжёлым вздохом опустил голову.

— Этому не суждено было сбыться. Он умер, свет погас, и те двери навсегда затворились для меня.

— Но тот мир существует, — проговорил Хок, глядя в небо. — Я надеюсь однажды вернуться туда. Почему бы и вам не вырваться на свободу?

— Без Армана? — на лице Марка появилась грустная улыбка. — Я готов был следовать за ним, а без него, боюсь, мне будет там слишком холодно и одиноко. Мои друзья здесь, здесь моя земля, здесь те, кого я люблю и кому я нужен. Всё это держит меня в этом мире, и я утратил того, кто мог оторвать меня от этого маленького клочка тверди, стоящего на рогах звёздного оленя. Но если у меня когда-нибудь будут дети, я с младенчества буду рассказывать им эти странные сказки и, может, кто-нибудь из них наберётся смелости и ума, чтоб слетать туда.

У входа кто-то деликатно кашлянул и, обернувшись, они увидели молодого слугу со скатертью, перекинутой через руку и стопкой тарелок.

— Накрывай на стол, Жиль, — кивнул Марк. — И не забудь предупредить на кухне, что сегодня за столом кроме двух голодных рыцарей будет их пушистый друг, который, я думаю, тоже не прочь перекусить.

— Предпочтения сэра Киска уже известны поварам, — в тон ему ответил Жиль, и, поставив тарелки на столик у стены, принялся расстилать скатерть.

Он быстро накрыл на стол, принёс блюда с хлебом, жареной олениной, сыром и свежими яблоками. Следом появилась миска с тушёной в белом вине рыбой и поднос с пирожками, начинёнными ягодами и орехами. В центре стола возвышался высокий запотевший кувшин с охлаждённым вином.

— Я думаю, что мы не станем отвлекать слуг от их дел, — проговорил Марк, жестом отпуская Жилю, у которого, конечно, было много других занятий, потому что именно он следил за состоянием гардероба хозяина и его гостей.

Они сели за стол. Киса, спрыгнув с подоконника, прошёл по каменным плитам пола, победно неся свой реющий, как боевое знамя, хвост и, запрыгнув на колени хозяина, деловито осмотрел стол.

— Думаю, эта мисочка с печёночным паштетом и мелко нарезанная сырая форель предназначены для сэра Киска, — заметил Марк, поглядывая на кота.

— Для нас эти порции маловаты, — кивнул Хок, придвигая красивые мисочки из молочного фаянса, украшенные синим рисунком. — Постарайся не ронять еду мне на штаны.

Киса укоризненно взглянул на хозяина и, протянув лапку, зацепил на блюде кусочек паштета.

— Скоро война, — проговорил Марк, разливая вино по кубкам. — Я слышал, что вы числитесь в отряде де Морена.

— Числюсь, — пробормотал Хок неохотно.

Марк бросил на него внимательный взгляд.

— Вы не рвётесь на войну?

— В нашем мире уже давно нет войн, — пояснил Хок. — Убивать людей и вообще отнимать чью-то жизнь, будь то животное или существо иной расы, считается непозволительным актом. Поэтому войны меня не радуют.

— Но вы же воин! — уверенно произнёс де Сегюр. — Я вижу это не по вашим доспехам и оружию. Манера поведения выдаёт вас.

— Наша функция состоит в защите и спасении чужих жизней, а не наоборот. Ради этого мы обучались воинскому искусству и ради этого иногда рискуем жизнью.

— Да, Айолин что-то говорил о странностях вашего весьма сурового орденового устава. Боюсь, на поле боя вам придётся нелегко. Здесь в бой идут исключительно с целью убить врага.

— Я понимаю. Когда-то очень давно мне приходилось участвовать в таких войнах.

— То есть вам приходилось убивать?

— Да, но я уже давно стараюсь этого не делать. К тому же устав запрещает нам убивать.

— И что вы собираетесь делать в такой ситуации?

— Пока не знаю.

Хок посмотрел на своего собеседника, ожидая такой же реакции, как когда-то видел у барона Аллара, но де Сегюр и не думал осуждать его и подозревать в трусости. Он какое-то время размышлял, потягивая вино, а потом поднял глаза на Хока.

— Знаете что, командор, я предлагаю вам перейти от де Морена в моё подчинение. Я тоже еду на войну, но у меня не будет командиров, кроме короля и барона де Грамона. Со мной десяток проверенных людей, которые будут выполнять особые поручения, думаю, в

основном заниматься разведкой. Я обещаю, что не стану требовать, чтоб вы кого-то убивали. Не сомневаюсь, что вы сумеете справиться с врагом менее кровавым способом. Айолин уже разболтал вам, что первый поход направлен не против альдора, так что крупные сражения на этом этапе нам не грозят. А после поглядим. В конце концов, до следующей кампании ещё нужно дожить.

Хок с некоторым удивлением смотрел на него.

— Честно говоря, барон, я не ожидал этого от вас. Со слов нашего доброго хозяина я представлял вас человеком довольно жёстким.

— Конечно, — рассмеялся де Сегюр. — Марк — хороший парень, что не мешает ему быть бабником, интриганом и бретёром. К тому же я шпион и наёмный убийца. Всё это так, я не просто жёсткий, порой я бываю очень жесток, но я никогда не бываю таковым без причин. Я рано потерял родителей и в совсем юном возрасте попал к королю Арману. Я был его пажом, потом оруженосцем, потом он произвёл меня в рыцари, и я стал его другом и телохранителем. Он был отважным воином, но его не зря прозвали Миротворцем. То, что он сделал — заключил семилетнее перемирие с луаром, — случай удивительный и беспрецедентный в нашей истории. Мы постоянно воевали с алкорцами, то нападая на них, то отбивая их нападения. Нужно иметь особый склад ума, чтоб просто подумать о возможности мирного сосуществования с извечным врагом. И вот, смотрите, мы семь лет прожили без войны, и уже представляем, что это такое. Арман мечтал не только о путешествиях за пределами нашего мира, он мечтал о том, чтоб и здесь наступило царство красоты и разума, с которыми убийство несовместимо. И когда вы сказали, что в вашем мире давно нет войн, что-то отозвалось в моей душе. Может, кто-то счёл бы ваших соотечественников трусами, не способными к воинской доблести, но я знаю, что это не так. Просто вы пережили наши болезни и создали мир, о котором мечтал Арман. Я отношусь к этому не только с уважением, но и с почитанием. Если вы не хотите убивать — никто не может вас заставить. Я сам не испытываю к этому занятию никакой тяги. Убийство — это действие по необходимости. Наш мир таков. Но если вы — другие, почему бы вам не оставаться собой? Я предлагаю вам содействие в этом.

— Что ж, я с благодарностью приму ваше предложение, — произнёс Хок. — Уверяю, я постараюсь быть вам полезным, не нарушая свой устав.

— Я уверен, что так оно и будет, — удовлетворённо кивнул Марк. — С Тристаном я всё улажу. Он не станет возражать. С вашими новыми товарищами я познакомлю вас вскоре. А пока, если вам не трудно, дайте пару уроков фехтования моему оруженосцу. Он, кажется, ничего тяжелее ложки в руках не держал, ему будет нелегко на войне.

— Конечно, — пообещал Хок.

— Что ж, — улыбнулся Марк, поднимая кубок. — Мне кажется это начало крепкой и долгой дружбы.

Хок с удовольствием поднял свой кубок в ответ, а Киса, опустошив блюдо с паштетом, уже тянулся за кусочком лосося.

Следующее утро было светлым и шумным. Город всё больше оживлялся, армия готовилась к походу. Марк придирчиво осмотрел доставленные ночью доспехи и амуницию, Хок тем временем разглядывал оружие под зачарованным взглядом юного Шарля. Он проверил, насколько сбалансирован простой, не слишком тяжёлый меч оруженосца с обтянутой кожей рукояткой и с особым вниманием осмотрел боевой кинжал с лезвием

двусторонней заточки. Подержав его в руках, он велел юноше срочно отнести его обратно к оружейнику, чтоб тот сменил рукоятку, скользившую в ладони, на другую — из древесины шиповника или падуба. Услышав это, Марк сам взял кинжал в руки и согласился, что рукоятка неудобна, особенно для неопытной руки. Потом они втроём спустились на площадь, чтоб посмотреть на приобретённого для Шарля коня. Конёк был невысокий, коренастый, с крепкими ногами и широким крупом, но достаточно резвый. Марк сам осмотрел его копыта и проверил подковы и на сей раз остался доволен.

Шарль умчался к оружейнику, а рыцари отправились на постоялый двор «Хромой заяц», где разместились рыцари, прибывшие с Марком из луара и составлявшие его личный отряд. Представив друзьям нового товарища, он отправился к де Морену, чтоб устроить перевод Хока, а тот вместе с новыми приятелями сел за стол в переполненном обеденном зале, где раскрасневшиеся служанки разносили по столам ранние завтраки для постояльцев. Вскоре он уже чувствовал себя в новой компании легко и свободно.

Вернувшись в дом Делвин-Элидира, Хок тут же велел Шарлю взять новый меч и вместе с ним спустился во внутренний дворик, где, сняв кольчугу и камзол, приступил к тренировкам. Хоку не впервой было тренировать новичков, потому он действовал терпеливо и настойчиво, подбадривая своего подопечного, который был ошарашен своей неуклюжестью и страдал из-за насмешек, сыпавшихся на него со стороны хорошо обученных юных воинов хозяина дома.

Вскоре пришёл Марк и, разогнав насмешников, какое-то время наблюдал за мучениями своего новоявленного оруженосца. Наконец, он сжалился над ним и разрешил отдохнуть, а сам снял латы и камзол, собрал в хвост на затылке длинные волосы и взялся за меч. Поединок барона с Хоком снова притянул в дворик и на опоясывающую его галерею множество зрителей, но, на сей раз, они смотрели на происходящее с восхищением, потому что рыцари бились, как и положено настоящим воинам, опасно и быстро нанося стремительные удары, ловко уворачиваясь от встречных и отбивая их. Вскоре оба соперника вошли в азарт, демонстрируя друг другу всё новые хитрые приёмы и на ходу обсуждая их. Затем Хок предложил взять кинжалы и достал из ножен свою старинную дагу. В этом поединке Марку уже не удалось совладать с ним, и в какой-то момент он оказался в железном захвате с поблескивающим у горла клинком.

— Необычный кинжал, — заметил он, без малейшего сожаления признав поражение.

Хок протянул ему дагу, а сам взял из рук у восхищённого Шарля полотенце, чтоб вытереть пот. Марк внимательно осмотрел кинжал и вдруг удивлённо воскликнул, разглядывая полустёршуюся надпись на клинке:

— Я знаю этот язык! Здесь написано: «Если я пойду по долине смертной тени, не испугаюсь зла, потому что ты со мной».

— Это лишь подтверждает родство наших миров, — ответил Хок. — Но у нас на этом языке давно никто не разговаривает. На нём написаны древние тексты.

— И у нас тоже! Говорят, в храме святой Лурдес хранится целая библиотека книг на этом языке. У нас его изучают в основном маги и алхимики.

— Но вы его выучили.

— Вместе с другими пажам принца. При дворе Сен-Марко считается, что царедворцы должны знать что-то такое, чего никто не знает. В конце концов, мы начали писать друг другу записки на этом языке, если не хотели, чтоб их прочитали слуги. Кстати, не думаю, что Аллар или де Морен смогли бы это прочесть. Удельные бароны никогда не тратили

время на изучение тайных языков, считая это бесполезным занятием. Впрочем, Айолин со своим пристрастием к изящным искусствам мог заняться и этим. Но де Морен — ни в коем случае!

Он вернул кинжал Хоку и обернулся к Шарлю:

— Твоя очередь, мой мальчик.

Оруженосец испуганно попятился. Марк рассмеялся.

— Разве ты не слышал, что написано на клинке кинжала настоящего воина? Он не должен бояться зла, даже проходя по долине смертной тени! А ты боишься урока фехтования! Бери меч и вставай против меня.

— Каждый когда-то начинал, — ободрил его Хок. — И я, и барон де Сегюр, и каждый из этих злых насмешников. Только учась можно чего-то достичь.

— Я постараюсь, — вздохнул Шарль и поплёлся за мечом.

— Он научится, — громко произнёс Марк, глядя ему вслед. — Его отец был настоящим героем и дрался, как лев. Мальчишка пошёл в него лицом и статью, а опыт придёт со временем.

Хок понимающе улыбнулся, заметив, как расправились плечи юноши, и он уверенно взялся за рукоятку меча.

На следующее утро вернулся Айолин. Всё ещё пребывая под впечатлением от прощания с Иоландой, он был тих и задумчив, но у него было слишком много дел, чтоб предаваться меланхолии. Вскоре он снова занялся подготовкой к выступлению в поход, руководя сборами и экипировкой своего отряда.

У Хока и Марка дел не было. Конечно, Марк понимал, что Рене ждёт от него отчёта о поисках шпионов, но справедливо полагал, что скоро тут никому не будет до этого дела. Шпионы уже давно отправили в луар сообщения о скором выступлении армии Сен-Марко и теперь занимались рутинными делами, никак не связанными со своей секретной деятельностью. В этой суеде вряд ли удалось бы поймать за руку кого-то, связанного с врагом, к тому же совсем скоро война перейдёт из тайной фазы в явную, и тогда легче будет понять, кто друг, а кто враг. В глубине души Марк понимал, что подобные рассуждения не освобождают его от обязанностей службы, потому он отправился во дворец, потолкался среди придворных и зашёл к принцу Жоану, который в окружении своих молодых друзей томился в ожидании необыкновенных подвигов. Потом Марк навестил Монтре, восхитился его новыми латами, достойными того, чтобы вывесить на стену города для устрашения ворон, пошептался с Жувером, подливая масла в полыхающий костёр его ревности, усугубляемой тем, что виконт вознамерился взять с собой в поход и юного Альфонса. И, наконец, он всё-таки поднялся в Серую Башню, где снова воцарился граф Раймунд. Тот с ледяным лицом выслушал пространные рассуждения его пустого доклада, а потом произнёс:

— Я понимаю, барон, что перед выступлением армии вам хочется провести некоторое время в компании друзей и праздных развлечениях, потому не буду делать каких-либо выводов из вашего никчёмного донесения. Однако я надеюсь, что после того, как армия выйдет за стены города, вы осознаете в полной мере, что пришло время действовать, и проявите должное рвение. Вы поступаете в распоряжение барона де Грамона, который будет при короле выполнять прежние функции. Ему понадобится ваша помощь.

— Я благодарен за проявленную вами снисходительность, ваше сиятельство, — Марк покаянно склонил голову. — И уверяю, вам больше не придётся её проявлять.

— Я и не собирался делать это впредь. Ступайте к королевскому казначею и получите у него тысячу золотых марок на расходы, связанные с вашей миссией, и триста — на личные нужды. Не забудьте по возвращении представить ему полный отчёт о том, как вы их потратили. И присмотрите там за Рене, — уже более мягким тоном добавил он. — Вы знаете, он не солдат, при светлой голове у него неуклюжий меч.

— Я буду его мечом, — пообещал барон.

— Ступайте, Марк, — вздохнул граф. — И возвращайтесь живым и с победой.

— Мы все вернёмся победителями, — улыбнулся он и, выйдя из кабинета, легко сбежал по крутой лестнице башни.

Королевский казначей выдавал де Сегюру причитающиеся суммы с таким видом, как будто это обрекало на голодную смерть всю его семью. Он тщательно отсчитал каждую монету, потом долго писал что-то в своих толстых книгах, потребовал собственноручно написать расписки в получении и под конец долго и нудно объяснял, как следует вести отчёт о расходах и в какой срок после возвращения с войны его следует представить в казначейство. Марк с серьёзным видом выслушал его и, подхватив увесистые мешочки с золотом, вышел из полуподвального помещения, где вдоль стен стояли набитые королевским золотом сундуки, а за столами сидели подслеповатые от вечного полумрака клерки, писавшие что-то в таких же толстых книгах.

Проходя по залам дворца, Марк с интересом рассматривал попадавшихся ему на пути дам, раздумывая о том, что перед войной неплохо было бы устроить себе хоть одно свидание с не слишком требовательной симпатичной девицей. Бедняжка Адалина вовсе не была забыта, и в его душе ещё болела эта рана, но жизнь продолжалась, и естество требовало своего. Дамы смотрели на него с интересом, благосклонностью и даже призывно, но он лишь с сожалением улыбался им в ответ и проходил мимо, помня, что дворец — это змеиное гнездо, где он может оказаться жертвой интриг и шантажа, связавшись с дамой, которая подослана кем-то из противоборствующих группировок.

Выйдя из дворца, он прошёл по заполненной народом улице. Начался последний светлый день, который король предназначил для подготовки к походу, и это создавало в городе лихорадочное напряжение. Отовсюду слышались крики, ругань, военные в латах и кольчугах протискивались сквозь толпу, двери лавок были распахнуты, и возле них не стояли, зазывая покупателей, подмастерья и приказчики, поскольку все они были заняты обслуживанием клиентов в узких пространствах между прилавками и полками с товаром. Иногда в этой толчее, как корабль по волнам, проплывал над головами прохожих всхрапывающий от возбуждения конь, покрытый защитной бронёй или украшенный попоной в геральдических цветах. Ему как-то удавалось не наступить тяжёлым копытом на чьи-нибудь ноги, и всё же такое скопление народа нервировало животных, и всадникам приходилось крепко держать поводья, чтоб успокоить их.

Миновав проулок, где стояли караульные отряда Делвин-Элидира, Марк прошёл через маленькую площадь, где уже пахло потом и навозом, и поднялся по лестнице в дом. Первый же попавшийся ему на глаза слуга сообщил, что он может найти хозяина на галерее, окружающей внутренний двор дома. Пройдя туда, он действительно увидел Айолина. Тот сидел на широких каменных перилах балюстрады и смотрел вниз, где невозмутимый Гвилим давал Шарлю очередной урок фехтования. Остановившись рядом с другом, Марк какое-то время наблюдал за своим оруженосцем и, наконец, одобрительно кивнул:

— Мальчик делает успехи.

— Ему повезло с учителями, — заметил Айолин. — Но он и сам не без способностей.

Если он переживёт эту кампанию, то, не исключено, что вернётся из неё рыцарем.

— Это вряд ли, — скептически заметил Марк. — Ему придётся хорошо потрудиться или свершить невероятный подвиг, чтоб убедить меня в том, что он достоин золотых шпор.

— Сколько было тебе, когда ты получил их?

— Не сравнивай, я был исключительно хорош в бою, и в его возрасте уже орудовал мечом и кинжалом так, что не всякий опытный воин мог со мной совладать.

— Это потому, что ты всегда пренебрегал правилами.

— Ты им следовал, и потому в главном зале дворца на потолке твой портрет, а не мой, — пожал плечами Марк.

— Это дело прошлое, — Айолин перевёл на него взгляд задумчивых зелёных глаз. — Сейчас важнее настоящее и будущее. Сегодня я был на аудиенции, которую выпросил у короля посланник альдора барон Фроман. Он очень обеспокоен тем, что мы собираемся выступить за месяц до окончания перемирия. Если учитывать недавнее покушение на Беренгара, это выглядит опасным.

— Ричард объяснил ему, что мы идём не на луар?

— Он заверил в том, что условия перемирия будут соблюдены в полном объёме, но не раскрыл цели выступления. Он вёл себя вызывающе, и резко пресёк все вопросы о том, куда идёт с полным войском. При этом он прямо заявил, что у барона Фромана есть месяц на сборы, то есть дал понять, что сразу по окончании перемирия война начнётся.

— Это итак было ясно. Хуже то, что сейчас насторожатся все, особенно свободные города. Они начнут стягивать к себе наёмников, потому что их собственные армии разбрелись по сторонам конфликта, и они остались беззащитными. Ричарду следовало придумать какую-нибудь незначительную цель или сказать прямо, куда мы идём. Тогда приграничные бароны и свободные города пребывали бы в спокойствии.

— Какую цель он может выбрать? Сейчас перед войной и после создания лиги свободных городов на востоке начинают формироваться военные союзы. Наш поход только ускорит их создание. А заявить открыто, что мы собираемся напасть на Грозную гору, это значит, спровоцировать луар на нарушение перемирия и раннее выступление. Они считают себя защитниками Алмазного Сердца.

— Они не станут выступать, — возразил Марк. — Они ещё не готовы, потому смирятся с этим. А в качестве временной цели можно было назвать хотя бы тёмных эльфов. Говорят, они уже поднакопили богатств и становятся значительной силой на востоке.

— И напороться на их упредительные действия в виде магических атак, убийств командиров и покушения на короля?

— Меня бы это устроило, — заметил Марк.

— Это не устроит Ричарда. Он не стал напрягаться, выдумывая ложную цель, сочтя, что его слова альдору должно быть достаточно. А нам нужно подготовиться к тому, что едва мы покинем земли Сен-Марко, все вокруг ошестинятся против нас копьями и мечами. Трудно будет добыть провиант и фураж.

— Запасов на несколько дней пути нам хватит, а там что-нибудь придумаем, — беспечно пожал плечами Марк.

— Будем надеяться, — проворчал Айолин.

— Что с нашим делом?

— В твоей комнате тебя ждёт письмо от графа Блуа. Он приглашает тебя сегодня вечером на приватный ужин. Наверняка хочет заручиться поддержкой против Монтре.

— Бросаешь мне мяч? — усмехнулся Марк.

— Я сказал, что Блуа мне не интересен. Я сейчас занят установлением контактов с влиятельными баронами, к счастью, они тоже ищут моего расположения. Но это всё сложно. Зачастую они враждуют между собой и считают, что я должен принять их сторону, а мне нужно договориться со всеми, никому ничего не обещая. Потому, друг мой, возьми пока ту часть наших общих дел на себя. Если я что-то узнаю или смогу сделать, то тут же тебе сообщу.

— Я понял, — кивнул Марк.

Он отправился к себе в комнату и только успел снять перевязь с мечом и нагрудник, в дверь постучали, и слуга Жиль сообщил, что к барону де Сегюру явился кавалер Жувер. Марк просил отвести гостя в одну из комнат на втором этаже и подать туда вино. Он ещё какое-то время постоял у окна, глядя на суету на площади перед домом, а потом пошёл туда, где его ждал Жан.

Жувер тоже был в доспехах, поверх камзола из коричневого сукна на нём была надета тонкая прочная кольчуга с рукавами, уходящими под фигурные наручи. Рука, украшенная перстнями, привычно покоилась на эфесе тяжёлого меча, однако, увидев Марка, он радостно улыбнулся и направился к нему с распростёртыми объятиями. Правда, обнимать он его не стал, а только положил руки на плечи.

— Война всё ближе! — воскликнул он. — Признайся, тебе тоже не терпится ринуться в бой и крошить алкорцев, тем более после того, как они с тобой обошлись!

— Возможно, — уклончиво кивнул Марк и жестом указал Жану на кресла, стоявшие возле столика, на котором переливался хрусталём кувшин, наполненный рубиновым вином.

— Я ненадолго, друг мой, — сообщил Жан, но, тем не менее, сел и наполнил стоявший рядом кубок. — Я должен передать тебе приглашение Монтре на ужин. Он хочет обсудить с тобой условия вашей дружбы.

— Сегодня я приглашён к Блуа, — ответил Марк, присаживаясь напротив, и жестом показал, что ему наливать не надо.

Жан подозрительно прищурился.

— С чего бы это тебе водить дружбу с этой серной крысой?

— А почему бы нет? Его деньги не отличаются от тех, что водятся у Монтре. Он приближен ко двору и также ищет моей поддержки.

Жувер какое-то время смотрел на него, а потом расхохотался.

— Похоже, торг начался, не так ли, Марк? Тот, кто сможет предложить лучшие условия, и будет владеть твоим расположением. При этом все тонкости контрактов ты оставишь при себе. Что ж, это разумно. Я знаю, что Блуа прижимист, а Монтре щедр, так что предупрежу его, чтоб он не скупился.

— Он действительно так заинтересован в моей дружбе? — уточнил Марк.

— Ты же едва ли не правая рука де Грамона, к тому же о твоих головорезах, приехавших из луара, ходят странные слухи. В тайных делах, которые часто приходится вести, чтоб удержаться при дворе, ты — незаменимый союзник. Никого не вводят в заблуждение твои временные стеснённые обстоятельства, напротив, многие сочтут за благо оказать тебе содействие в том, чтоб их преодолеть. Хочешь или нет, но все знают, что ты связан с Делвин-Элидиром и его компанией баронов Армана, а они сейчас в фаворе, поскольку

именно в них король видит ударную силу своей армии. А через де Грамона ты связан с партией Вайолета, противостоящей Монтре. Некоторые сведения из враждебного лагеря могли бы быть нам весьма полезны. Как, впрочем, и о намерениях Блуа, который только выглядит как побитое молью чучело совы. При этом ты вхож и в круг формирующейся свиты наследного принца.

— Подумать только, как сильно я преуспел за столь краткий срок пребывания в городе.

— Меня это не удивляет, как и стремительное возвышение Делвин-Элидира, — пожал плечами Жувей. — Это безродным бездарям нужно изодраться, чтоб приблизиться к трону, а такие как вы с Айолином возвышаются за счёт своих неоспоримых достоинств. Я это к тому, Марк, что Монтре знает, чего ты стоишь, и что ты стоишь дорого. Он готов дать тебе достойную цену. При этом он велел передать, что он ищет именно твоей дружбы, а не собирается нанимать тебя в услужение. Это значит, что он будет содействовать твоему возвышению, поскольку ему выгодно иметь при дворе сильных друзей.

Марк какое-то время смотрел на Жана с усмешкой, размышляя о том, как спокойно тот рассуждает о цене дружбы, словно такие вещи, как преданность и любовь можно купить за деньги. Впрочем, в чём-то король Ричард прав, тех, кто верит в то, что всё можно купить, легче контролировать.

— Я приду к нему завтра, если это будет уместно, — наконец, ответил он.

— Конечно, это будет уместно, — обрадовался Жувей. — Значит, мы ждём тебя на ужин завтра после первой стражи... — какое-то время он явно колебался, но потом всё же добавил: — Я знаю, что ты не любитель подобных игр, Марк, но мне кажется, Монтре находит тебя привлекательным.

— Я не испытываю отвращения к тем, кто смотрит на меня, — усмехнулся тот, — но ласки предпочитаю принимать от дам. Так что не беспокойся, я тебе не соперник в этом деле. В отличие от Альфонса Бризона.

Жувей тут же помрачнел и снова наполнил свой кубок.

— Что ты об этом знаешь? — спросил он.

— Только то, что видел во время яблочного пира, — ответил Марк. — Альфонс — милый мальчик, податливый и пугливый. Монтре постоянно держал его возле себя. Думаю, что поскольку здесь нет родственников Бризонов, он вряд ли поселился в доме своего покойного брата.

— Он живёт у Монтре, — зло процедил Жан. — И я вынужден видеть его смазливую физиономию несколько раз на дню. Монтре даже собирается взять его с собой в поход.

— Сокольничего короля?

— Конечно, вдруг между боями его величество захочет развлечься охотой? Ричарду не до того, а платить за коня и доспехи Альфонса вызвался сам Монтре. И он же обеспечит его содержанием и местом в шатре.

— Тогда не понимаю, что ты так расстраиваешься, — пожал плечами Марк. — На войне ведь убивают, сам знаешь. Случайная стрела, ночная засада, да мало ли что может случиться с неопытным мальчишкой на войне.

Жан, прищурившись, смотрел на него, а потом усмехнулся.

— Узнаю нашего Марка! Ты ведь был не менее жесток, чем я, но тебя Арман осыпал милостями, а не отчитывал перед всем штабом.

— Потому что я всегда знал, что и когда уместно, и не давал волю страстям, если это может привести к опале.

— Ты сможешь мне с этим делом, по старой дружбе?

— Я ничего не стану обещать тебе, Жан, — ответил Марк. — Кроме того, что оставлю этот разговор втайне от всех. Там увидим.

Жувер ушёл, а Марк, подойдя к окну, проводил взглядом его удаляющуюся фигуру. На его губах появилась едва заметная улыбка. Он всегда считал, что благородство уместно только в отношении благородных, к коим Альфонс Бризон, Жан Жувер и их хозяин никоим образом не относились.

После первой стражи де Сегюр, взяв с собой оруженосца, отправился к графу Блуа. Тот купил себе дом одного из фаворитов короля Армана, изгнанного из города, и за пару лет успел перестроить и отделать его заново. Гостя в просторном нижнем холле встречали хозяин и хозяйка — миниатюрная женщина с пепельными волосами и длинным носом. Она в первый момент напомнила Марку мышку, наряженную в платье из золотой парчи. Однако затем, когда они прошли в просторную, украшенную резными панелями комнату с расписным потолком, и сели за стол, он понял, что первое впечатление обманчиво.

Тяжёлые гардины на окнах были опущены, и стол освещался белыми свечами, вставленными в серебряные канделябры. Скатерть своей белизной отражала свет, и он рассеянным сиянием падал на лицо молодой женщины. Марк невольно засмотрелся на неё. Она обладала удивительно свежей ровной кожей и яркими голубыми глазами, а волосы имели редкий палевый оттенок. Некоторая непропорциональность черт делала её лицо строгим и в то же время нежным. Алые губы привычно складывались в милую улыбку, когда она обращалась к гостю. Может, она была чуть сутула, но живость её манер и мимики делали её чрезвычайно привлекательной.

Первая часть ужина прошла традиционно и немного скучно, потому что разговоры привычно вертелись вокруг погоды, дворцовых сплетен и предстоящего военного похода. После этого графиня простилась с гостем и удалилась в свои комнаты, а мужчинам подали густое, настоящее на лепестках роз, крепкое вино, которое изготавливали в одном из свободных городов на юге континента.

Марк обратил внимание на то, что граф проводил супругу тёплым взглядом. Заметив это, Блуа улыбнулся.

— Многие считают мою супругу дурнушкой, над ней даже посмеиваются при дворе, — произнёс он. — Я сам женился на ней из соображений выгоды. Она — единственная дочь барона де Рамбо и принесла мне в качестве приданого земли, граничащие с моим имением. Этого мне было вполне достаточно, но со временем я разглядел в ней истинное сокровище. У неё добрый нрав, кроткое любящее сердце и, к тому же, нежная, как бархат, кожа. Я искренне полюбил её, и теперь каждый день грядущей разлуки, кажется мне непомерным испытанием.

— Графиня вовсе не дурнушка, — возразил Марк со всей искренностью. — Напротив, она являет собой очень редкий и необычный образчик красоты, который, может, не так приметен на фоне ярких придворных красавиц, но тем более ценен своей исключительностью. Она — как серебристая лилия на фоне золотых монет, которых много, они блестят и высоко ценятся, но не обладают природной красотой и прелестью, как живой цветок.

Граф какое-то время с задумчивой улыбкой смотрел на него, и в его круглых чуть навывкате глазах читалась явная симпатия.

— Я рад, что такой ценитель, как вы, разглядел красоту Катарины. Это лишь доказывает, что вы действительно внимательный человек, не доверяющий поверхностным взглядам и впечатлениям. Барон Делвин-Элидир дал вам превосходные характеристики, и я вижу, что это не просто дань старой дружбы. Впрочем, я обратил внимание, что и сам он очень проницателен и обладает глубоким умом, так что вряд ли можно было ожидать, что он выберет себе в друзья человека недалёкого.

— Друзей не выбирают, ваше сиятельство, — заметил Марк, поднеся хрустальный бокал с розовым вином к лицу, и с наслаждением вдохнул его аромат. — Друзей обретаешь на жизненном пути, как правило, в дни нелёгких испытаний. Однако я благодарен барону за его добрые слова.

— Вы правы относительно природы дружбы, — согласился граф. — Я уже несколько лет при дворе, но так и не смог обзавестись здесь друзьями. У меня множество приятелей и собутыльников, но друзей нет.

— Мне казалось, вы дружны с виконтом Монтре, — бросил пробный шар Марк.

— Вряд ли виконт способен на дружбу, — весьма холодно заметил граф. — Он руководствуется выгодой. Пока ему выгодно было иметь меня среди своих друзей, он был любезен и услужлив. Но вот его клике стало тесно при дворе из-за вновь прибывших баронов, и он уже пытается вытолкнуть меня за границы игрового поля. Вряд ли так поступают с друзьями.

— Это странно, — задумчиво проговорил Марк. — В отличие от других его приятелей, вы обладаете настоящим влиянием при дворе, которое зиждется на том, что вы действительно нужны королю.

— Поэтому он стал видеть во мне конкурента. Все эти затеи с шумными праздниками и дикими оргиями больше не востребованы во дворце, теперь нужны люди, полезные для войны. И я теперь больше нужен королю, чем виконт Монтре. Поэтому он и пытается оттеснить меня. Согласитесь, учитывая интересы коммерции, я в любом случае не смогу отказаться от поставок серы в Сен-Марко. Так зачем при этом допускать меня к трону, когда я могу занять место среди сотен купцов, везущих сюда коней, оружие и амуницию? Видимо, это он и пытается внушить королю. Вы заметили этот наглый ход с сокольничим? Теодор Бризон вырос в моём поместье и это я представил его ко двору. И вдруг Теодор погибает при подозрительных обстоятельствах, и Монтре тут же предлагает на эту должность его брата, который, кстати сказать, и живёт в его доме. Что это, как не удар по моему влиянию? Не исключаю, что Теодор погиб не просто так.

— У меня есть подозрения, что его убил Жан Жувер, — сообщил Марк, взглянув на графа. — Он сам проговорился мне в какой-то момент, но не стал развивать эту тему. Других доказательств у меня нет.

— Де Грамон знает? — тут же уточнил граф. Марк кивнул. — Что ж, весьма грубый, но эффективный ход: убить моего человека, чтоб протолкнуть к королю своего. Как видите, я прав. Ради такой малости виконт Монтре не остановился даже перед убийством невинного юноши.

Марк не стал спорить с ним по поводу невинности Теодора Бризона и причин его гибели.

— Значит, вы считаете, что позиции Монтре при дворе сейчас так шатки, что он не гнушается подобными методами? — вместо этого спросил он.

— Я в этом уверен, — хмуро проговорил Блуа. — Зачем же ещё ему ехать на войну? Это

я, воспитанный в поместье и с малых лет привыкший к седлу и обученный обращаться с оружием, без особых опасений отправлюсь с королём в поход, но Монтре, росший избалованным пажом при дворе старой графини Лафайет, не знавший никаких испытаний страшнее, чем попасть под дождь во время охоты, с чего бы ему стремиться туда? Он боится, что король его забудет, что его место при нём займёт кто-то другой. Он не может отеснить Вайолета, де Сансера, де Бове или Делвин-Элидира, но меня, чья заслуга состоит только в поставках одной из составляющих пороха, почему нет?

Граф задумался, потом снова взглянул на де Сегюра.

— Послушайте, барон, я знаю, что вы служите графу Раймунду. Он меня не жалует, как и его молодой друг де Грамон. Однако вы, как умный человек, не можете не понимать, что от меня королю всё же есть польза, я искренне предан ему и готов служить на любых условиях, в то время как Монтре — человек при дворе совершенно лишний. Видите, я говорю вам это прямо, хотя знаю, что вы пользуетесь его симпатией и, возможно, передадите ему мои слова. И всё же я уповаю на ваше благородство. Я не претендую на, сколь бы то ни было, значительную роль при дворе, и всё же я не купец, я граф крови, и моё место возле трона оправдано. Потому я не меньше Раймунда заинтересован в отстранении Монтре. Я ничего у вас не прошу, просто хочу, чтоб вы знали о моих устремлениях. И, кроме того, я ищу подлинной дружбы достойных людей, а потому с удовольствием буду оказывать содействие, как вам, так и вашим друзьям из партии Делвин-Элидира, а так же сторонникам маркиза Вайолета.

— Я учту это, ваше сиятельство, — улыбнулся Марк. — Думаю, что барон Делвин-Элидир не заблуждается относительно ваших симпатий. Что же касается графа Раймунда, то он человек рациональный и при этом сторонник традиций, потому вам, обладающему титулом и несущему пользу Сен-Марко, не стоит опасаться каких-либо действий против вас с его стороны. Быть может, некоторая холодность, которую вы замечаете, вызвана вашей недавней близостью с Монтре, однако, если вы будете более активно поддерживать начинания короля и его соратников по войне, он изменит своё мнение о вас. Теперь, когда ваши пути с Монтре расходятся, дайте всем понять, что вы готовы принять новые реалии, что вы не только придворный, но и воин. Соберите пусть небольшую армию и приведите её под руку короля Ричарда. Конечно, теперь времени до выступления осталось совсем мало, но война длится не один день. Отправьте вербовщиков в дальние районы, чтоб, когда наша армия уже познает горечь потерь и будет измотана походом, вы смогли привести королю новые свежие силы. Поверьте, он оценит это, как и его ближайшие сподвижники. И Монтре уже ничего не сможет сделать с вашей репутацией преданного слуги короля.

— Это отличная идея! — радостно воскликнул Блуа. — И такая простая, что сейчас я удивлён, как она мне самому не пришла в голову. Вы дали мне бесценный совет, барон, и я уже начинаю видеть в вас своего друга. Я рад, что судьба свела нас. Вы можете рассчитывать на меня!

Он поднял кубок, и Марк, с улыбкой подняв свой, с удовольствием выпил густой янтарный напиток, наполненный сладостью розовых лепестков.

Светлые ночи обманчивы, и Марк, сам того не заметив, засиделся у графа Блуа до третьей стражи. Граф был уже изрядно пьян и, с умилением глядя на гостя, на прощание клялся ему в вечной дружбе и безмерной благодарности за участие. Он, пошатываясь, проводил его до двери, после чего слуги увели его спать. В голове у Марка слегка гудело от

выпитого вина, и потому он решил отправиться вместо дома Делвин-Элидира в «Хромого зайца», расположенного неподалёку. Там он отмахнулся от заспанного хозяина, убеждавшего его, что мест в гостинице нет, сунул ему серебряную монету, поднялся на чердак и, завернувшись в плащ, улёгся на пол рядом со своими рыцарями, спавшими на соломенных тюфяках. Неподалёку, возле самой стены кое-как втиснулся слегка ошалевший от всего этого Шарль.

Проснувшись утром, Марк обнаружил, что кто-то из друзей переложил его на тюфяк и прикрыл относительно чистым одеялом, сунув под голову узел с одеждой. Его рыцари уже шумно плескались у лохани во дворе, наводя страх на оказавшихся неподалёку купцов. Они были рады своему командиру, а вскоре на пороге таверны, где они завтракали, появился и Хок.

Весь светлый остаток дня Марк добросовестно посвятил последним приготовлениям к походу, лично проверив всё оружие и амуницию своих подчинённых, убедившись в том, что кони сыты и лоснятся после отдыха в конюшне, хорошо подкованы и готовы к дальнейшему переходу. По сути, это было ни к чему, поскольку в отряде не было новичков и лентяев, все рыцари знали военное дело, и всё же Марк счёл необходимым лично убедиться в их готовности к выступлению армии в поход, в связи с чем стоически сносил их беззлые насмешки и возмущение тем, что он лезет не в свои дела, слишком громогласные, чтоб относиться к ним серьёзно.

После этого рыцари, как обычно, чтоб с пользой скоротать остаток дня, устроили состязания по фехтованию. Какое-то время Марк наблюдал за ними, а потом, когда небо над городом начало понемногу наливать густой синевой, с сожалением простился с друзьями и отправился восвояси. За ним, как верный пёс, следовал Шарль, который уже начал привыкать к тому, что он всегда должен сопровождать своего господина, невзирая на то, что тот не обращает на него никакого внимания.

Добравшись до дома Делвин-Элидира, Марк велел слугам наполнить для него лохань и влить в неё побольше ароматических масел. Приняв ванну, он расчесал частым гребнем свои свежeweымытые локоны, отчего они легли изысканными шёлковыми волнами вдоль широких скул, подравнял бороду, после чего надел белую муслиновую сорочку, штаны из чёрного сатина и новый камзол из бархата глубокого винного цвета, расшитый по воротнику и рукавам золотым орнаментом. Натянув высокие сапоги, до зеркального блеска начищенные оруженосцем, он застегнул на талии широкий алкорский пояс с золотыми узорчатыми бляшками, украшенными самоцветами, и пристроил на нём ножны со стилетом. Понимая, что тяжёлый меч не слишком сочетается со столь изысканным нарядом, он вынужден был подчиниться обстоятельствам и надел на плечо тиснёную перевязь, однако заменил тяжёлый суконный плащ на подбитую мехом широкую накидку из узорчатой ткани с прорезями вместо рукавов.

Экипировавшись таким образом, он направился в гости к виконту Монтре, который уже ждал его и был весьма впечатлён его внешним видом. Он с явным удовольствием взял гостя под руку, и повернувшись к нему, мечтательно вдохнул аромат, исходивший от его волос. Жувeр, также присутствовавший при встрече, сперва недоумённо смотрел на Марка, а потом обиженно нахмурился и ушёл в гостиную, чтоб проверить, всё ли готово к ужину.

За столом, накрытым в уютной гостиной с гобеленами и арфой в углу, их было четверо, поскольку чуть позже из задних комнат появился Альфонс Бризон, разодетый в шелка. Он сладко улыбался, не обращая внимания на злые взгляды Жувеpa. Марк в этот вечер

просто лучился обаянием, с его лица не сходила загадочная улыбка, но говорил он мало, предпочитая слушать.

Монтре, в свою очередь, пространно рассказывал о своём влиянии при дворе и милостях, которые оказывает ему король. Он то и дело поглядывал на гостя, ожидая его реакции, но видел лишь эту мягкую улыбку и понимающий взгляд. Наконец, исчерпав косвенные аргументы о пользе своей дружбы, он решил перейти прямо к делу.

— Я знаю, что вы лишь недавно прибыли в Сен-Марко после длительного отсутствия, барон, — проговорил он, доверительно склонившись к гостю. — Возможно, вы уже составили своё представление о происходящем при дворе, но определились ли вы со стороной, которой будете придерживаться впредь? Так или иначе, вам придётся примкнуть к одной из партий, иначе вы можете оказаться на обочине пути или, ещё хуже, между молотом и наковальней. Кого вы решили поддержать в сложившейся ситуации?

— Пока никого, ваша милость. Как вам уже известно, я нахожусь на службе в тайной полиции его величества, а потому заинтересован в контактах со всеми группировками при дворе, поскольку обязан предоставлять информацию о них графу Раймунду. В этой ситуации важно придерживаться нейтралитета, оставаясь со всеми в равных доброжелательных отношениях и без причин не ввязываясь в чужие склоки.

— Вы откровенны, барон, — одобрил Монтре. — Но вы же понимаете, что мы с вами имеем одни и те же цели: заботиться об интересах его величества короля Сен-Марко. Я являюсь не просто его приближённым, я его самый близкий и преданный друг, и все мои помыслы направлены на то, чтоб служить ему. Потому было бы уместно, чтоб вы сообщали эту информацию не только графу Раймунду, который, как вам известно, является негласным главой партии Вайолета, а, следовательно, может использовать эту информацию на благо себе, но и мне, с тем, чтоб она стала известна королю. Это поможет защитить его величество от злоупотреблений со стороны некоторых его подданных.

— Вы делаете это предложение с ведома короля? — поинтересовался Марк.

— Конечно, — не моргнув глазом, солгал Монтре. — Я действую в данном случае от его имени, поскольку его величество озабочен некоторым усилением графа Раймунда и его стремлением к независимой политике. К тому же, его беспокоит и внезапное сближение наследного принца с бароном Делвин-Элидиром. Тот, едва вернувшись ко двору, уже успел сколотить собственную партию из бывших соратников, среди которых есть и те, кто в своё время были не без причин удалены от двора, и лишь близость войны вынудила короля вернуть их. Поэтому его величество хотел бы напрямую получать все сведения об этих лицах, но, естественно, через меня, поскольку он не хочет настораживать графа Раймунда и барона Делвин-Элидира подобным интересом, дабы они не заподозрили его в отсутствии доверия. Естественно, ни король, ни я, не останемся в долгу. Что вы скажете, если вам будет дарован титул графа и земли, которые вам обещал король Арман? Кажется, речь шла о Зелёном доле?

— Не помню, — небрежно пожал плечами Марк. — Я никогда не стремился иметь собственный феодал, предпочитая сидению в замке и хозяйственным делам, службу королю. Что ж до титула... В моей ситуации лучше оставаться неприметной фигурой при дворе, поскольку я предпочитаю действовать не явно, но обходными путями. А для этого часто нужны деньги. Много денег. Потому я хотел бы знать, что предложит мне его величество за эту двойную службу.

— Годовое жалование в размере сорок тысяч золотых марок вас устроит? — прямо спросил Монтре.

Жувер изумлённо уставился на него, а Альфонс поперхнулся от неожиданности и замер, глядя на хозяина округлившимися глазами. Марк задумался, поигрывая серебряной вилкой, а потом невозмутимо взглянул на Монтре.

— Для начала. С ежемесячной выплатой в начале каждого месяца. Никаких расписок и следов в казначейских книгах. Никаких письменных отчётов с моей стороны, никаких бумаг, которые могли бы дать оружие против меня в руки моим врагам и друзьям. Если его величество на это согласен...

— Он согласен, — перебил Монтре. — Он уполномочил меня принять любые условия с вашей стороны. Я уже сегодня выдам вам аванс в размере пяти тысяч золотых марок.

— Хорошо, — улыбнулся Марк и поднял кубок. — За долгое и взаимовыгодное сотрудничество.

Монтре с довольным видом принял тост.

— Я надеюсь, что это сотрудничество во славу короля перейдёт вскоре в самую крепкую дружбу, барон, — сообщил он. — А теперь позвольте мне задать вам один вопрос. Вы ведь, кажется, были вчера приглашены к графу Блуа?

— Да, мы провели чудный вечер, выпив вдвоём несколько бутылок вина из розовых лепестков.

— Да одна бутылка стоит столько же, сколько хороший боевой конь! — воскликнул поражённый Жувер.

Марк ответил ему задумчивой улыбкой.

— И о чём же вы говорили? — спросил Монтре, бросив на своего приятеля суровый взгляд.

— О разном. Например, он весьма озабочен смертью брата нашего юного друга и столь внезапным назначением его на освободившееся место, — Марк посмотрел на встревоженного Альфонса. — Он подозревает, что вы, ваша милость, вознамерились вытеснить его из близкого к королю круга и ради этого даже пошли на убийство. Это его мнение, не моё.

— Вот оно что, — Монтре бросил мрачный взгляд на Жувера. — И что ж он намерен в связи с этим предпринять?

— Он ищет возможности сближения с партией Вайолета, и уже свёл близкое знакомство с бароном Делвин-Элидиром.

— То есть, он ищет союзников в борьбе со мной? — криво усмехнулся виконт. — Беспородный пёс, серная крыса! Впрочем, он вряд ли опасен. До выступления армии осталось совсем немного, а там его не будет.

— Вы ошибаетесь, — возразил Марк. — Граф Блуа собирается участвовать в походе.

Монтре замер с поднятой вилкой, на которую был наколот кусок мяса в подливке. Он встревожено взглянул на Жувера, а потом пожал плечами.

— Вряд ли это что-то значит. Он не опасен, потому что глуп.

— Он вовсе не глуп, — глядя в глаза Монтре, произнёс Марк. — Я говорил с ним весь вечер, и сумел оценить его умственные способности. Он рассуждает весьма здраво. Он признался мне, что до сей поры его положение при дворе его устраивало, поскольку он мог спокойно развлекаться и участвовать в пирах и охотах. Но сейчас, когда всё меняется, и многие были вынуждены покинуть двор, он тревожится за своё положение и намерен отстаивать его.

— Каким образом?

— Не исключено, что он постарается стать более полезным королю в военном деле, собрать небольшую армию, заняться поставками провианта, фуража, оружия. Он заявил, что с детства отлично сидит в седле и владеет мечом, потому может проявить себя и на поле боя.

Монтре помрачнел ещё больше и опустил свою вилку.

— Вы полагаете, что он добьётся своего?

— Он настроен решительно. К тому же следует учесть, что все сейчас заняты подготовкой к войне, а он — укреплением своих позиций при дворе. Я бы не стал его недооценивать.

— Мне бы хотелось знать о его конкретных планах, ваша светлость, — наконец, улыбнулся виконт. — Наверняка он будет искать у вас совета и поддержки. Я могу надеяться, что его интриги против короля и его преданных слуг не останутся для нас тайной?

— Можете, — заверил его Марк.

Он покинул дом Монтре, когда уже совсем стемнело и на улицах стало чуть свободнее от дневных толп. Он отклонил настойчивые приглашения виконта заночевать в его доме, при этом изобразив некоторое сожаление и сказав, что ему нужно убедиться в том, что его рыцари отсыплются перед маршем, а не пьянствуют в компании с девицами.

Как проводят ночь его друзья, ему было всё равно, но не хотелось в какой-то момент оказаться объектом вождения Монтре, пребывающего в сомнениях о госте, который, с одной стороны, держался слегка отстранённо, а с другой, явно пытался очаровать нежной улыбкой. Оставив виконта размышлять об этом, он вместе с Шарлем вышел на улицу и отправился домой.

Они успели пройти несколько кварталов, когда услышали в ближайшем переулке женский крик и какую-то возню. Марк тут же бросился туда и вскоре увидел лежащую на брусчатке женщину, над которой нависли несколько тёмных теней. Схватив ближайшего за шиворот, он с силой ударил его головой о стену, потом выхватил кинжал, как раз в тот момент, когда второй разбойник обернулся, сжимая длинный нож. Стремительным выпадом Марк проткнул длинным острым клинком его плечо, а потом, вырвав из раны стилет, ударил третьего в бок. На него уже готовы были броситься ещё двое, вооружённые палкой и ножом, когда в переулке послышался лязг лат и оружия. Завидев городскую стражу, разбойники кинулись было наутёк, но оказавшийся за ними Шарль с неожиданной ловкостью подставил одному из них подножку, а другого ударил мечом плашмя по плечу.

Подбежавшие стражники осветили место сражения двумя фонарями, которые несли в руках, и старший обернулся к богато одетому рыцарю, вытиравшему кинжал о край потрёпанного плаща одного из нападавших. Он узнал его и поклонился ещё до того, как Марк достал из кармана ярлык тайной полиции.

— Эти негодяи напали на даму, — сообщил он. — Кажется, двух я убил. Остальных отведите в крепость и передайте коменданту. Пусть посадит их под замок, а утром они предстанут перед судом за разбой.

— Слушаюсь, ваша светлость, — кивнул стражник и его люди пинками и зуботычинами подняли с земли оставшихся в живых грабителей. — Даме следует явиться первым светлым утром в канцелярию городского суда и подать жалобу.

Марк обернулся к жертве нападения. Это была молодая женщина в небогатом, но добротном платье и бархатной накидке с капюшоном.

— Вы поняли, мадам? — спросил он, подав ей руку.

Она поднялась, опираясь на неё, и кивнула.

— Я поняла, ваша светлость.

Стражники увели разбойников, а Марк тем временем продолжал рассматривать женщину, которая сердито что-то бормотала, отряхивая свою запачканную накидку. Она была хорошенькой, с рыжими кудрями, выбившимися из-под съехавшего чепца.

— Скажите, как вы оказались одна на улице в столь поздний час, мадам? — учтиво спросил он.

— Я иду из дома графа де Бове, — ответила она. — После смерти мужа я вынуждена сама заботиться о своём пропитании, а потому освоила навыки швеи. Графиня наняла меня пришить гербы к штандартам своего супруга, а работа затянулась до ночи. Как хорошо, что вы подоспели, ваша светлость. Если б эти негодяи отняли заработанные мной деньги, то мне было бы нечем кормить моего маленького сына.

— Могло случиться кое-что похуже, — заметил барон. — Куда вы идёте?

Она настороженно посмотрела на него. На его лице снова появилась очаровательная улыбка.

— Я спросил потому, что хотел просить вас позволить нам проводить вас до дома. Я барон де Сегюр, а это мой оруженосец Шарль.

— Здравствуйте, мадам, — смущённо пробормотал юноша.

— Я была бы вам очень благодарна, ваша светлость, — наконец, улыбнулась она. — Меня зовут Мадлен де Тур, мой муж служил смотрителем крепостных стен, но с тех пор, как год назад он упал с башни и разбился, мне приходится самой справляться со своими проблемами. Однако я буду рада принять вашу помощь.

— Разве вам не назначили пенсию в связи со смертью мужа? — нахмурился Марк.

— Они сказали, что он сам был виноват, — вздохнула она. — Идёмте. За моим сыном присматривает старая нянька, но она спит на ходу, и я боюсь, как бы мой маленький шалопай не натворил дома бед, предоставленный сам себе.

И она пошла по переулку, а Марк, пропустив её вперёд, оценивающе взглянул на её походку и фигуру, прорисовывающуюся под тонким бархатом потёртой накидки. Где он провёл следующий тёмный день, никто не знал, а он так никому и не рассказал об этом.

Раннее утро только начало заниматься над Сен-Марко, а на площади уже выстраивались отряды всадников и пеших рыцарей, готовые к выступлению в поход. Марк стоял у окна в одной из гостиных королевского дворца и смотрел на ровные колонны, формирующие войско короля Ричарда. И хоть это была только его часть, выглядело оно внушительно.

На нём был обычный суконный камзол и латы, покрытые тонким витым узором, достаточно надёжные, чтоб защитить в бою, красивые, чтоб украсить собой своего обладателя, и сдержанные, чтоб не производить впечатление излишней роскоши, неуместной на войне. К нему подошёл Рене де Грамон в своих нарядных доспехах со шлемом в руке. Он невольно шевелил плечами, потому что латы казались ему тяжёлыми и неудобными, к тому же он понятия не имел, что делать со шлемом.

— Я должен буду его надеть? — озабоченно спросил он у Марка.

— Пока мы едем по городу, держи его в руке, а после того, как окажешься за стенами, можешь отдать оруженосцу, — ответил Марк, не отрывая взгляда от того, что происходит на площади. — Ты прочитал донесение, которое я передал Раймунду?

— О том, что Монтре имел наглость предложить тебе от имени короля шпионить за нами и доносить ему? Да. И про то, что он пытался подкупить тебя, тоже. Это хороший козырь против него, но не знаю, когда мы сможем его разыграть. В любом случае, тебе следует продолжить игру с ним. После обсудим, что ты можешь сообщить ему, чтоб не разочаровать. Что скажешь о Блуа?

— Я постарался настроить этих двоих друг против друга, и продолжу делать это. Пока Монтре будет отвлечён на Блуа, мы сможем действовать свободнее. Блуа, как я указал в донесении, ищет контактов с вами. Не думаю, что стоит так уж прямо отталкивать его. Он ленив, нерешителен, но показался мне искренним в своём стремлении служить королю. Учитывая его коммерческие возможности, он может быть очень полезен. Ну, и при случае с удовольствием подставит подножку Монтре. Почему бы не оказать ему в этом содействие?

— Я согласен, — кивнул Рене, и нерешительно потёр шлем. — Честно говоря, Марк, меня пугает этот поход. Ты же знаешь, я, скорее, книжный червь, чем воин. Я боюсь.

— Твоё дело — не мечом махать, — проворчал Марк. — Напротив, ты должен держаться подальше от военных действий. Сейчас, когда король заявил, что мы идём не на луар, все шпионы активизируются, чтоб узнать о цели нашего похода. Твоё дело — выявлять их и ловить.

— Да, это мне как-то ближе, — пробормотал де Грамон.

— Идём, — Марк повернулся к нему. — Принц Жоан только что вышел на площадь со своими рыцарями. Скоро появится король.

Марк спустился на площадь и прошёл туда, где в сёдлах уже сидели его рыцари, а чуть дальше расположились их оруженосцы. Он подошёл к своему коню и легко поднялся в седло. Чуть в стороне он увидел сидевшего на боевом коне графа де Блуа в окружении небольшой группы подчинённых ему рыцарей. Ближе к центральному входу во дворец, где уже собрались придворные, входившие в свиту короля и наследного принца, расположилась ровная колонна королевских гвардейцев в начищенных до блеска латах. Дальше шли отряды военных баронов, числом не более сотни воинов в каждом, те, кто должен был участвовать в торжественном выходе войска из Сен-Марко. Блеск лат и кольчуг, яркие цвета

геральдических знамён и шандартов украшали площадь. В стороне выстроились отряды пехоты, лучников и копейщиков, каждый — возглавляемый сержантом, рядом с которым стояли барабанщики в цветных туниках.

Раздался рёв боевых труб, и по ступеням на площадь сбежал король Ричард, казалось, не замечавший веса своих золотых лат. Сев на своего бурого мощного коня, он поднял руку, и стало тихо, только кое-где в нетерпении всхрапывали лошади. Быстрый взмах, и трубы тут же заревели вновь. Король в окружении ближайших военачальников — де Сансера, Вайолета, де Бове, Делвин-Элидира и других двинулся по длинному узкому коридору, ведущему мимо выстроившихся войск в сторону центральной улицы. За ними пристраивались другие отряды, сначала — королевской гвардии, потом настала очередь отряда барона де Сегюра, а следом постепенно к бесконечной кавалькаде присоединялись остальные.

Колонна не торопясь двигалась по городу в окружении возбуждённых горожан, которые кричали приветствия и благословения королю, пожелания лёгкой и быстрой победы. Под ноги коням летели букетики цветов. Проезжая мимо знакомого переулка, Марк отыскивал в толпе румяное личико Мадлен. Она так многообещающе улыбалась ему, что он понял, что теперь ему ещё больше захочется вернуться домой в Сен-Марко. Он послал ей воздушный поцелуй, и переулок остался позади.

Лишь когда его отряд проезжал через городские ворота, где-то позади раздался ровный говор больших армейских барабанов — это выступали в поход пешие войска. А за стенами города на лугах уже ожидали новые отряды, которые не спеша встраивались в длинную колонну, и бесконечные повозки обозов, следовавшие за войсками.

Колонна королевских войск медленно и неотвратно двигалась по дороге на восток. И Марк обернулся, чтоб напоследок посмотреть на стены столь любимого им Сен-Марко. Увидит ли он их снова? Увидит ли Мадлен? Ответа на эти вопросы у него не было. И он снова взглянул вперёд, куда меж густых лесов и широких полей лежал путь королевского войска.

Хок ехал верхом между своими новыми товарищами Ламбером и Арно и сразу за бароном де Сегюром. Их небольшой отряд, занимал совсем немного места в общем строю. Кавалеристы ехали по четыре всадника в ряд, так что вместе с оруженосцами они заняли всего несколько рядов, и впереди совсем близко маячили яркие шандарты короля и принца.

Колонна двигалась очень медленно, шагом, видимо, для того, чтоб позволить идущим в пешем строю пехотинцам не отставать от кавалерии. К тому же довольно скоро после выхода из города де Сегюр обернулся и махнул рукой направо, после чего сам развернулся и съехал с дороги на широкий луг.

— Привал! — крикнул он, глядя, как его подчинённые сворачивают следом за ним. Он спрыгнул с коня и отстегнул тяжёлый плащ.

— Снимайте латы, командор, — проговорил Арно, спешившийся рядом. — До битвы ещё далеко, и незачем перегружать себя и лошадей.

Хок не стал спорить. Насколько он помнил, в далёкие дни другой, прошлой жизни, он никогда не снимал в походе доспехи, но воспоминания о жаре, бесконечном зуде и укусах блох были куда ярче, чем о непомерной тяжести. Он наблюдал, как оруженосцы, спрыгнув с коней, отцепляют от сёдел узлы с одеждой и спешат к своим рыцарям, чтоб помочь им избавиться от железных панцирей и предложить более удобную одежду.

Де Сегюр снял стёганный, видимо, сшитый специально под латы камзол и белую сорочку из тонкой ткани. Взамен Шарль подал ему простую рубашу из чёрного льна с открытым воротом и кожаную куртку, украшенную шнурками и застёжками, и всё же достаточно скромного вида.

— Помоги командору, — велел он юноше, и оруженосец поспешно направился к Хоку, чтоб помочь ему расстегнуть ремни, которыми крепились наплечники лат.

Тем временем остальные оруженосцы несли доспехи своих хозяев в одно место и складывали их там, образуя блестящую кучу.

— Пять оруженосцев остаются здесь, чтоб дожидаться наших телег и погрузить на них доспехи. Остальные вместе с рыцарями возвращаются в строй, — скомандовал де Сегюр, снова вскакивая в седло.

Он поскакал вдоль медленно движущейся колонны, и вскоре вернулся на своё место за королевскими гвардейцами. Хок оценил его мудрое решение избавиться от лишнего груза, потому что чувствовал себя теперь куда свободнее. Его бархатный камзол был слишком изыскан на фоне кожаных курток его товарищей, которые выглядели, скорее, как банда головорезов, чем как рыцари, состоявшие на службе короля. Но у него не было оруженосца, и его багаж, кроме кисинной корзины, закреплённой на крупе коня, был погружен на телегу, следующую в обозе.

Тем временем де Сегюр обернулся и, взглянув на него, жестом велел подъехать. Тут же следовавший рядом с ним Ла Моль приотстал и занял место Хока во втором ряду.

— Наверно наш способ передвижения кажется вам весьма архаичным, командор? — поинтересовался барон, и Хок понял, что тот хочет скоротать время скучного перехода за приятной беседой.

— Для нас переходы крупных войсковых соединений остались в далёком прошлом, — пожал плечами Хок. — Что ж до того, как это было тогда, то это выглядело примерно так же.

— Мы будем двигаться довольно медленно, — кивнул де Сегюр, — чтоб пехота и обозы не отставали. Сама колонна растянулась на мили, и до того, чтоб последние телеги достигли места стоянки, где мы остановимся на ночлег, пройдёт несколько часов. Потом мы перестроимся так, чтоб к нашему подходу к месту стоянок слуги уже могли установить шатры, развести костры и приготовить горячую пищу. На самом деле такие переходы — самая утомительная часть войны. Поэтому Арман никогда не устраивал ничего подобного, назначая время и место, где отряды должны собраться перед битвой. К тому же он был мастером действовать в разных местах небольшими соединениями, чем приводил в замешательство наших врагов. Он изматывал их внезапными набегами, отсекал обозы, умело пользовался смещением ориентиров, чтоб сбить колонны алкорцев с толку. Даже крупные сражения он развязывал так, что они не успевали к ним подготовиться. А теперь мы тащимся через весь континент, волоча за собой две тысячи телег обоза и осадные машины, хотя понятия не имеем, сможем ли их применить.

— Значит, путь займёт несколько дней? — уточнил Хок.

— Думаю, больше, чем просто несколько дней. Нам придётся тщательно огибать владения Синего Грифона, чтоб не нарушить условия перемирия. К тому же мы не можем двигаться в тёмное время суток, потому будем устраивать длительные привалы, как только начнёт смеркаться, и лишь при первых признаках зари снова соберёмся в путь. Светлое время мы будем двигаться почти постоянно, и всё же нужно будет давать отдых коням и тем,

кто следуют пешими, значит, привалов на два-три часа нам не избежать.

Так за разговорами прошло ещё какое-то время, и слева от дороги появилась деревня, состоящая из нескольких покосившихся домиков. Она была совершенно пуста, там не было ни людей, ни скота, даже собак. Над крышами не вились привычные дымки из очагов.

— Почему нет жителей? — спросил Хок с беспокойством.

— Слух о выступлении армии прошёл по всему пути следования, — ответил барон. — Крестьяне бегут в леса, прихватив с собой всё, что могут унести, потому что знают, что в деревню нагрянут фуражиры и заберут всё, что найдут. По сути это обычные мародёры на службе короля, и от них можно ждать любой жестокости.

— Но ведь это земли Сен-Марко! — воскликнул Хок. — Почему король не обеспечивает своим подданным защиту?

— Это законы войны, которые были нарушены только во время прошлой кампании, — пожал плечами барон. — Арман тоже рассылал фуражиров, но за насилие наказывал очень строго. И за всё, что они забирали, крестьянам платили золотом и серебром. Потому что они так любили короля. Ричарду нет дела до того, как к нему относятся эти его подданные. Они живут, как придорожная трава, которую можно при случае пустить на корм коням, считая, что после она снова вырастет сама собой. Этим, по крайней мере, ещё повезло. Мы только вышли из города, у нас достаточно припасов, и нет нужды пополнять их. Никто не будет рыскать по лесам, разыскивая их убежища. Куда хуже будет, когда припасы истощатся, и мы выйдем за пределы королевских земель.

Он покосился на Хока, с мрачным видом смотревшего на исчезающие позади домики.

— Наверно в мире, где нет войн, бедняки могут не бояться за свою жизнь и имущество? — спросил барон.

— У нас нет бедняков, — ответил Хок. — У нас всё устроено иначе.

— После вы мне расскажете об этом. Но примите мой совет: больше никому об этом не говорите. Наш уклад считается здесь справедливым и единственно правильным. Любое иное мнение будет воспринято, как выступление против королевской власти, и может закончиться для вас плачевно.

— Я учту это, — пробормотал Хок.

Этот путь действовал на него угнетающе. Его деятельная натура тяготилась неспешным движением, а ещё через пару часов и оно прекратилось. Впереди раздался рёв трубы, и барон де Сегюр придержал коня и поднял руку. Позади первой трубе уже отвечали другие, хотя, скорее всего, они лишь передавали по колонне какой-то сигнал.

— Что-то случилось? — спросил Хок.

— Дорога оборвалась, — ответил барон. — Это плохой знак, когда дорога обрывается до первого большого привала. У нас есть время на передышку, — он свернул с дороги и въехал прямо в лес, где спешился под деревьями.

Его подчинённые с готовностью последовали его примеру. Оруженосцы доставали из прикрепленных к сёдлам сумок завёрнутые в холстину съестные припасы и фляги с пивом и вином.

— Долго простоим? — подошёл к командиру Арно.

— Не знаю. В любом случае, если они не найдут ориентир сразу, придётся ждать.

— Я видел, что король проехал чуть дальше, видимо, там прогалина в лесу, и свернул, — сообщил Фонтейн, опускаясь на траву возле дерева. — За ним съехали с дороги гвардейцы. Так что, скорее всего, будет объявлен привал.

Словно в подтверждение раздался новый сигнал и барон, взглянув на Хока, кивнул.

— Можете выпустить своего кота размять лапы. Это сигнал большого привала.

Оруженосцы отыскиали поляну и раскинули на ней плотные суконные скатерти, пока чистые, но покрытые плохо отстиранными пятнами от вина. Рыцари устроились возле скатертей, а рядом с ними сели оруженосцы, которым в основном доставались объедки от их благородных хозяев. Впрочем, они воспринимали это спокойно. Вскоре подъехали те пять оруженосцев, что оставались сторожить доспехи, и привезли с собой новые котомки с едой и вином.

Отдых продолжался довольно долго. Хок даже успел вздремнуть, прислонившись к дереву, и поглаживая устроившегося на его коленях Кису. Разбудил его очередной зов труб. Рыцари уже рассаживались по коням, а оруженосцы приторачивали к своим сёдлам изрядно облегчившиеся и новые сумки с едой.

Вскоре колонна снова выстроилась на дороге и двинулась вперёд, а потом свернула в сторону там, где дорога обрывалась, и продолжила путь по заросшему травой лугу. Кони шли не спеша, иногда даже склоняясь, чтоб схватить губами пучок сочной травы. На бездорожье скорость движения ещё больше замедлилась, и к тому времени, как голова колонны снова достигла дороги, пришло время очередного большого привала.

Этот светлый день тянулся бесконечно, как бесконечно проплывали мимо леса и луга, пустые деревни и небольшие городки, окружённые частоколами. Ворота этих городков часто были открыты и навстречу выходили прево, назначенные королём, и военные капитаны. С ними были знать и купцы, которые низко кланялись королю и выражали полную покорность. Колонна двигалась дальше, а к управителям подъезжал интендант свиты и передавал список провианта и фуража и указание о денежных суммах, которые город должен был передать младшим интендантам на нужды войны. Часто, проезжая мимо, рыцари могли видеть, как бледнеют и хватаются за сердце городские чиновники, видимо, считая требования короля непомерными, но, не решаясь спорить, понурившись, уходят обратно, чтоб заняться сбором дани.

Некоторые города, не принадлежащие королю, встречали его войско закрытыми воротами, однако мимо них колонна проходила, не задерживаясь и не выдвигая никаких требований.

Дважды ещё армия короля Ричарда останавливалась в пути, когда утопанная широкая дорога вдруг упиралась в стену густого леса или широкий, поросший маками и васильками луг, и тогда на поиски нового ориентира в разные стороны разъезжались группы гонцов, а опытные воины ворчали, что всё это не к добру, когда дорога не ложится ковром под копыта коней, а прячется, невесть где, словно не хочет вести войско к победе или к беде, что, по сути, и так, и так плохо.

Наконец начало смеркаться, и дорога удачно вышла на простор, где налево и направо лежали зелёные луга, а значит, было достаточно места для лагеря и выпаса коней. Король свернул направо и остановился посреди луга. Вокруг него тут же засуетились придворные, и вскоре там вырос пока единственный высокий и яркий шатёр, над которым взметнулся флаг Сен-Марко, а рядом был поднят штандарт короля.

Высочившие навстречу отрядам герольды указывали командирам, где им встать лагерем. Место вокруг королевского шатра было отведено гвардейцам и приближённым короля. Там же было велено остановиться и отряду барона де Сегюра.

В ожидании телег со своим грузом рыцари расстелили плащи прямо на траве и легли, наблюдая, как бесконечно тянется по дороге колонна, постепенно растекаясь в стороны и формируя единый лагерь, разделенный на две части. Оруженосцы куда-то уехали и вскоре вернулись с кожаными мешками, наполненными чистой водой, чтоб их хозяева могли умыться с дороги.

Конница уже рассредоточилась по лугу, а за ней под ровный ритмичный голос барабанов вышла пехота. Люди выглядели усталыми, и всё же держали строй и шли, подчиняясь единому ритму, выбиваемому барабанными палочками. Их разместили по краям луга. Следом начали подъезжать телеги обоза, и, наконец, прибыли те, на которых были размещены грузы отряда де Сегюра. Сидевшие на телегах вместе с возчиками слуги быстро притащили два шатра и начали их устанавливать. Рядом подняли штандарт с гербом командира и поставили стойки для фонарей. Затем меж шатрами зажгли костры, над ними появились котлы. Вскоре по лагерю уже потекли приятные запахи съестного: горячей похлёбки из овощей с мясом и крупой. А обоз всё полз и полз по дороге, растекаясь уже по ближайшим жидким рошицам.

Хок оказался в той же палатке, что и барон де Сегюр, видимо потому, что тот решил держать его при себе, отчасти беспокоясь за его безопасность, отчасти — оказывая тем самым особое расположение. Кроме них, там же разместились ближайшие сподвижники барона — Ламбер, Арно и Ла Моль, а также молодой Делаж, который более других пострадал в застенках луара, и командир не хотел выпускать его из виду.

Остальные рыцари разместились во второй палатке. Для господ в центре, вокруг складных стола и скамей были расстелены походные тюфяки, в то время как оруженосцы должны были спать на войлочных подстилках по краям у самого двойного полога. При этом барон пояснил Хоку, что прежде чем стать рыцарями, чего, конечно же, желают эти юноши, они должны научиться довольствоваться малым и привыкнуть к тяготам военной жизни.

— Я сам когда-то спал под телегой, покуда Арман не разрешил мне устроиться на пологе своей палатки, — сообщил он. — Вы видите, мы и сейчас живём в довольно суровых условиях. Если вы пройдёте в сторону королевского шатра, то увидите там богатые палатки из шёлка, обвешанные внутри гобеленами и устланные коврами, хозяева которых спят на походных кроватях и едят с серебряных тарелок. Нам не до изысков. Война — дело нелёгкое. Впрочем, если хотите, я не стану возражать, если вы устроитесь на ночлег в другом месте. Даже у королевских гвардейцев, с которыми вы водите дружбу, куда уютнее, я уж не говорю о шатре барона Делвин-Элидира, который, кажется, считает, что ему и в юности хватило романтики в виде сна под открытым небом на голой земле.

— Я неприхотлив, — улыбнулся Хок. — Мой кот куда более требователен, но у него есть его корзина с мягкой тёплой подстилкой. Ему этого достаточно.

— Что ж, в таком случае располагайтесь и отдыхайте. Можете прогуляться по лагерю, только не советую вам уходить на окраины. Пехотинцы, в основном, люди не гостеприимные, к тому же там стоят отряды наёмников, которые с наступлением темноты склонны заниматься разбоем и мародёрством. Или вы можете выйти на посты, или столкнуться с патрулём, и если не будете знать пароль и отзыв, то вас примут за лазутчика. И пока они разберутся, что к чему, и дотащат вас до ближайшего капитана, бока намнут чувствительно.

— Я никуда не пойду, если только проведу моих друзей-гвардейцев.

— Ориентируйтесь на королевский штандарт, — посоветовал де Сегюр. — Гвардейцы

всегда неподалёку от него.

Поблагодарив его, Хок вошёл в шатёр, где возле стола уже стояла корзина, на закрытой крышке которой расположился Киса, с мрачной брезгливостью осматриваясь по сторонам.

Альфонс Бризон осторожно выскользнул из большого, отделанного полотнищами красного шёлка и парчи шатра, принадлежавшего виконту Монтре, и нерешительно осмотрелся по сторонам. Последние часы он пребывал в смятении, и временами ему хотелось плакать. Ему не нравилось то, что пришлось покинуть Сен-Марко и сменить дворцовые залы на темноту и холод походного лагеря. Ещё недавно он чувствовал себя любимцем судьбы. Он провёл детство и юность в замке графа Блуа, и, как всё его семейство, пользовался особым расположением хозяев. Его отец был управляющим, мать — фрейлиной графини, а он сам — её любимым пажом. Брат Теодор служил молодому графу и вместе с ним уехал ко двору короля Ричарда, где скоро стал сокольничим его величества. Затем отец отправил Альфонса следом, с тем, чтоб и он мог устроиться при дворе, но ему и в голову не приходило, что он так возвысится — станет фаворитом лучшего друга короля и займёт место брата.

Одни залы сменились для него другими, более роскошными. Праздная жизнь вдруг оказалась наполненной развлечениями. И даже загадочная смерть брата не слишком его опечалила, поскольку дала возможность занять место в свите короля. Его снова баловали и наряжали в шелка и бархат, как куклу. Единственное, что слегка тревожило его, это открытая неприязнь со стороны Жувера, человека приближённого к виконту и имеющего на него влияние. Жувер воспринял его, как соперника, и это соответствовало действительности, поскольку единственным, не очень приятным условием положения Альфонса было то, что ему приходилось ублажать хозяина способом, который считался исключительно постыдным. Именно этим занимался и Жувер, но с большим желанием. Теперь же оба они сменяли друг друга в спальне виконта, и тому, похоже, доставляло удовольствие изредка стравливать их, наблюдая за мелкими склоками.

Жувер был опасен, и Альфонс подозревал, что Теодор пал от его руки, но так же он не сомневался и в том, что убийство имело место исключительно по воле самого Монтре. И потому в доме, где всегда рядом были слуги, да ещё находясь под покровительством виконта, Альфонс старался не обращать внимания на свирепые взгляды и угрозы Жувера, которые тот цедил сквозь сжатые от злости зубы. Он даже пытался жаловаться на него хозяину, но тот лишь добродушно журил своего старого приятеля, и Жан на время оставлял юношу в покое.

Всё изменилось в одночасье, когда Альфонс последовал за виконтом на войну. Сначала это казалось ему интересным приключением — ехать верхом в свите короля, сверкая новыми доспехами под восхищёнными взглядами горожан. Но долгий медлительный переход армии до ночной стоянки отрезвил его. Он устал, спина затекла от длительного сидения в седле, бёдра болели, в голове гудел колокол. Жёсткие ремни, которыми крепились его новенькие блестящие латы, натёрли плечи. Под стёганым камзолом тело парилось и начинало зудеть.

Это было похоже на страшное наказание или плохой сон. И самое главное, некому было пожаловаться, потому что виконт, который тоже испытывал схожие неудобства, был раздражён, а другие спутники, ехавшие рядом на своих конях, стоически сносили неудобства пути. И самое страшное — это был лишь первый переход, за которым должны были последовать другие.

Добравшись до ночной стоянки Альфонс, наконец, снял эти ужасные тяжёлые доспехи, но мыться ему пришлось ледяной водой. Для виконта наполнили походную ванну, подогрели воду, и всё же он был недоволен. Он устал и к тому же начал понимать, что здесь, в условиях похода, его влияние на короля стремительно тает. Тому не интересны были его фривольные беседы и анекдоты, он предпочитал говорить со своими военачальниками, такими же стойкими и невозмутимыми, как он сам. Монтре чувствовал себя лишним и это его пугало и беспокоило. Он был так зол, что Альфонс боялся лишней раз попасть ему на глаза. Только Жувейр, перенёсший переход с лёгкостью, поскольку являлся бывалым воином, мог как-то утешить своего друга и господина. Он, не взирая на свирепое рычание Монтре, давал ему советы, как следует держаться в седле, чтоб меньше уставать, что надеть, какое оружие предпочесть, что есть и что пить, чтоб не чувствовать ни голода, ни тяжести в желудке. В конце концов, он добился того, что Монтре успокоился и смирился со своим положением, почувствовав деятельную поддержку со стороны Жана. И теперь уже Альфонс чувствовал себя лишним.

Ещё хуже стало, когда виконт, наконец пришедший в себя и облачившийся в походный камзол лилового бархата с серебряным позументом, отправился к королю. На улице стемнело. В шатре стало сумеречно, лишь несколько ламп, укрепленных на опорных шестах, освещали его внутренность. Альфонс тихонько сидел на своей койке, поставленной возле полого, и вздыхал. Кроме него в шатре был Жувейр и несколько слуг, которые, закончив обустроить место ночлега, удалились.

— Война — нелёгкое дело для такого изнеженного мальчишки, как ты, — негромко произнёс Жан, присевший на край широкой кровати под балдахин и занятый шлифовкой лезвия кинжала. — Здесь не будет ни тёплой постели, ни сытной еды, ни заботливых слуг. Сам будешь себе чистить сапоги и таскать свои пожитки. Это пока ещё ты живёшь здесь с хозяином, а вскоре он заметит, что ты обуза. Твои шёлковые кудри засалятся, личико покроется грязью и обветрится. Ты уже хромаешь от долгой езды в седле, а скоро появятся мозоли в самых неожиданных местах. Ты исхудает, станешь грустным, и хозяину неинтересно будет держать тебя при себе. И ты отправишься к другим слугам, будешь спать под тентом на войлочной подстилке и есть объедки. А потом начнётся война. Ты хорошо владеешь оружием, Альфонс? Ты сможешь защитить себя, если на тебя нападут алкорские наёмники с тяжёлыми мечами и длинными копьями? Ты сможешь убежать от кавалериста, несущегося за тобой во весь опор? Сможешь отбиться от мародёров, если случайно отстанешь от своих? — Жан поднял свой кинжал на уровень глаз и с удовольствием осмотрел блестящее лезвие. — Но не отчаивайся. Может, тебе и не придётся испытать такие ужасы. Ты умрёшь раньше. Кто-нибудь подкараулит тебя в темноте возле шатра и перережет тебе горло. Такое случается на войне.

— С чего бы кому-то перерезать мне горло в центре королевского лагеря? — дрогнувшим голосом спросил Альфонс.

— Всякое бывает. Скоро, очень скоро, эта тьма, бесконечные переходы, сутолока, теснота, недостаток самых обыденных вещей начнёт бесить всех, кто выступил в поход вместе с нами. Они будут злиться и потихоньку звереть. И однажды кому-то покажется, что ты посмотрел на него косо, кто-то ради пустого развлечения поставит на кон при игре в кости твою жизнь или просто кто-то вспомнит, что ты пытался перейти ему дорогу.

Жан повернулся и взглянул юноше прямо в глаза. И в этом взгляде была неприкрытая угроза. Альфонс испугался, поняв, что здесь, и правда, слишком темно и много разных

людей, которым нет до него никакого дела. Да и Монтре теперь вряд ли будет долго печалиться о такой утрате. А значит, теперь у Жувера развязаны руки, и он может убить надоедливого соперника вслед за его братом и, даже если виконт узнает об этом, то в условиях похода он не решится выгнать своего соратника, поскольку он ему сейчас нужен, как никогда.

Жувер улыбнулся, и Альфонс, поспешно поднявшись, выскользнул из шатра. На улице было темно. Горящие вокруг факелы оранжевыми пятнами разрывали мрак, однако он продолжал заполнять всё вокруг. Где-то неподалёку, там, где возвышался огромный, на несколько комнат, королевский шатёр, играла музыка. Там было светлее и оживлённей, туда шли рыцари в дорогих доспехах, чтоб занять место рядом с королём за поздним ужином. Альфонсу тоже хотелось пойти туда, чтоб снова почувствовать приятное возбуждение праздника, всегда царившего при дворе, но он не решился. На сей раз его не звали, и место галантных кавалеров и дам было теперь занято суровыми воинами. Никто не нуждался в услугах недавно назначенного сокольничего, и путаться под ногами слуг, обслуживающих пир, было себе дороже.

Возвращаться в шатёр ему не хотелось, там оставался Жувер. Неизвестно, насколько серьёзны были его намёки, но то, что ему доставляло удовольствие запугивать Альфонса, было ясно. И он не даст ему покоя, пока не будет полностью удовлетворён результатом, о котором при его жестокости страшно было подумать.

И Альфонс побрёл в сторону от королевского шатра. Он проходил мимо других, близко поставленных палаток, между которыми сновали слуги и оруженосцы. Где-то далеко ржали лошади, кругом слышался лязг железа. Мимо, едва не сбивая его с ног, проходили простые рыцари и королевские гвардейцы. Вскоре он остановился. Уходить далеко от своего шатра ему не хотелось, он боялся заблудиться, да и слова Жувера о том, что в ночи его может настигнуть чей-то клинок, теперь внушали ужас. Он в нерешительности осмотрелся вокруг.

Рядом стояли две одинаковые белые палатки с золочёными коронками наверху. Между ними был разложен костёр, возле которого сидели три рыцаря весьма благородной наружности: два гвардейца и ещё один — в дорогом бархатном камзоле, ладно сидящем на широких плечах. Немного поколебавшись, Альфонс подошёл и попросил разрешения присесть возле огня. Молодой красивый гвардеец с длинными гладко зачёсанными в хвост на затылке волосами, небрежно кивнул. Они продолжали разговор, который был начат давно и уже перешёл в ту фазу, когда короткие фразы перемежаются длинными паузами, и это никого не тяготит, потому что горящий огонь притягивает взор, околдовывая сознание.

— Я уверен, что кампания будет удачной для нас, — произнёс второй гвардеец, слегка встрёпанный и угловатый молодой человек. — Мы скоро вернёмся домой с богатой добычей и опять обложим алкорцев данью. Король щедро наградит всех, кто участвовал в походе, не говоря уж о тех, кто проявит себя отважными воинами. А быть отважными под командованием даровитых командиров совсем не сложно, как ты считаешь, Валуа?

— Я согласен с тобой, Маршан, — согласился красивый гвардеец. — Талант командира и отвага солдат — это основа победы в войне.

— А у нас талантливые командиры, — заявил Маршан, — начиная с нашего капитана и до самого короля Ричарда. Он так же талантлив, как и его племянник, король Арман. Думаю, что Монморанси одарены богами сверх меры и потому стали нашими королями. С тех пор, как они управляют Сен-Марко, мы выигрываем все войны. Или почти все. Вот скажите, командор, ведь вы прибыли к нам с нашей прародины, где также правят

Монморанси. Разве они не побеждают всех своих врагов?

— Кто вам сказал, что на Земле правят Монморанси? — нахмурился третий собеседник.

— Это все знают. Разве это не так?

— Нет, на Земле нет короля, а род Монморанси вымер сотни лет назад...

— Вряд ли стоит говорить об этом, — Валуа бросил на говорившего предостерегающий взгляд. — Кто знает, что там происходит на самом деле? Это так далеко, что на коне туда нужно мчаться годы и годы, но не приблизишься и на шаг. Какое нам здесь дело до далёких земель, которые никогда не будут ближе?

— Но Монморанси... — начал было Маршан.

— Ты сомневаешься в том, что говорит наш король? — резко перебил его Валуа.

— Я — нет, но...

— Он просто пытается подловить тебя. Верно, командор? Разве на Земле нет короля?

Тот, кого назвали командором, неопределённо пожал плечами, глядя в огонь.

— Есть, — согласился командор совершенно искренне. — Я вовсе не имел в виду, полное отсутствие королей на Земле.

Маршан, успокоившись, кивнул и снова посмотрел в огонь. Беседа, таким образом, длилась ещё какое-то время, постепенно стекая к всё более продолжительному молчанию. Где-то далеко раздались крики караульных, а потом звук труб, возвещающих вторую стражу.

— Пора спать, — заметил Валуа и поднялся.

Его товарищ сладко зевнул и потянулся. Командор встал и посмотрел на Валуа.

— Я зайду завтра, Иван.

— Спокойной ночи, командор, — кивнул тот и ушёл в ближайший шатёр.

За ним отправился и Маршан. Командор постоял какое-то время в задумчивости.

— Простите, командор, — заговорил с ним Альфонс, на которого до этого момента никто не обращал внимания. — Я не всё понял, но мне очень интересно. Неужели там, на Земле нет короля?

Командор подозрительно взглянул на него, но увидел только наивные, полные любопытства глаза совсем юного мальчика. Он невольно смягчился.

— Мне пора возвращаться к себе, — произнёс он. — Может, позже я расскажу вам об этом.

— Альфонс, — поспешно представился тот. — Меня зовут Альфонс Бризон. А вас?

— Командор де Мариньи.

— Позвольте мне проводить вас до палатки, командор, — Альфонс умоляюще взглянул на него. — По пути вы расскажете мне о нашей прародине. Хотя бы чуть-чуть, чтоб я знал, чему верить, а чему — нет.

— Не думаю, что вам это нужно.

Хок повернулся и направился туда, где стояли шатры его отряда, но Альфонс, вскочив, побежал следом.

— Неужели может быть так, что в вашем мире нет короля? — спросил он, пристраиваясь рядом.

— У нас много королей, в некоторых странах сохранилась монархия, — нехотя ответил Хок. — Но они не обладают реальной властью, а в основном выполняют церемониальные функции и обеспечивают сохранение традиций.

— И какой страной управляют Монморанси?

— Никакой. Монморанси были герцогами, принцами, но никогда — королями. Прямых

потомков этого рода давно не осталось.

— Но кто ж тогда управляет вашей планетой?

— У нас парламентская республика. Управляет Генеральная ассамблея, и другие профильные органы власти, состав которых избирается всеми жителями планеты.

— Даже бедняками? — удивился Альфонс.

— У нас нет бедняков, нет богачей. Все равны и выполняют свою работу на благо всех.

— Но как могут быть равны башмачник и рыцарь? Ведь их работа оплачивается по-разному!

— У нас нет денег... Это сложно, простите, Альфонс, мы пришли, — Хок остановился у порога своего шатра.

— Это очень странно! — пробормотал юноша. — Могу ли я прийти снова, чтоб послушать об этом? Я не понимаю, как можно жить без денег...

— Спокойной ночи, Альфонс, — проговорил Хок и, войдя в шатёр, опустил за собой полог.

Альфонс радостно улыбнулся и осмотрелся по сторонам. Вскоре он увидел мальчишку, который сонно брёл между палатками.

— Эй, иди сюда! — крикнул ему Альфонс. — Кто ты такой?

— Я Пьер, слуга барона Гримбальди, — ответил мальчишка, настороженно глядя на незнакомца.

— Я здесь по делу короля! — властно произнёс Альфонс. — Ты должен исполнять мои приказы. Смотри за этой палаткой, пока я не вернусь. Если из неё выйдет рыцарь в коричневом бархатном камзоле, проследишь за ним и потом скажешь мне, куда он пошёл, понял?

— Нет, — мотнул головой мальчик и отступил на шаг назад.

— Вот наглец, — проворчал Альфонс и достал из кошелька мелкую серебряную монету. — Возьми. Если сделаешь, как я говорю, получишь ещё...

— Две, — потребовал Пьер.

— Ладно, две, — фыркнул Альфонс и побежал в сторону королевского шатра.

Мальчик тем временем спрятал монетку и сел на землю.

Альфонс уже представлял себе, как ворвётся в королевский шатёр с криком: «Измена!» Он расскажет о крамольных речах командора де Мариньи и, когда того арестуют и допросят, то Альфонса наградят. Он поможет своему господину вернуть привязанность короля, и Жювер, пусть хоть лопнет от злости, уже ничего не сможет ему сделать!

Но стоило ему оказаться в десятке метров от огромного королевского шатра, освещённого расположенными по кругу кострами в кованых чашах, как он оробел. Возле входа стоял усиленный караул гвардейцев в блестящих латах — высокие суровые воины, мимо которых так просто не пробежишь. Да и не пустят они кого попало в королевские покои. И к тому же, можно ли сказать, что это всё измена? Не попадёт ли он впросак, поставив в неловкое положение виконта Монтре? В любом случае, если это важно, то именно хозяин должен решать, что теперь делать.

Подумав так, Альфонс отступил назад и присел на скамью возле одной из палаток гвардейцев, чтоб дожидаться, когда его хозяин выйдет из шатра и отправится к себе.

Шарль возвращался с луга, где оставил стреноженных коней. С ним был оруженосец Ла

Моля Сезар, высокий крепкий парень со смышлёнными глазами и деревенской внешностью. Он тоже ходил на луг, чтоб показать кузнецу своего коня, у которого из-за поавшегося на дороге камня отлетела подкова. Теперь молодые люди, успевшие подружиться, шли негромко переговариваясь. Несмотря на некоторые тяготы похода, они были уверены, что им повезло, потому что у них был шанс стать рыцарями, и в любом случае приобрести полезный опыт и покровительство своих хозяев. При этом их совершенно не смущало, что Сезар был сыном ремесленника, а Шарль — дворянина. Сейчас они были равны, и это создавало особое ощущение братства.

Они подошли к палатке, когда Шарль заметил возле неё мальчишку, сидевшего на траве. — Эй, что ты тут делаешь? — нахмурился он.

А Сезар с криком: «Воришка!» метнулся к мальчику и успел схватить его до того, как он шмыгнул в темноту.

— Я не воришка! — возмущился Пьер. — Я слуга барона Гримбальди! Я здесь по делу короля! Один придворный велел мне следить за этим шатром, и проследить за господином в коричневом камзоле, если он куда пойдёт.

— Тебе твой барон приказал? — спросил Сезар, не выпуская свою жертву.

— Нет, другой...

— Как его зовут? Кто он? — допытывался Шарль, нависая над мальчиком.

Пьер смутился.

— Он не сказал.

— Так откуда ты знаешь, что он слуга короля, а не разбойник?

— Он богато одет!

— И что? Может, он уже раздел какого-нибудь благородного рыцаря и подбирается к следующему.

— Не знаю я, пусти! — взвизгнул Пьер, вырываясь.

— Убирайся отсюда! — дав ему на прощание подзатыльник, крикнул Сезар. — И не показывайся здесь больше! Уши надеру!

— Странно, — пробормотал Шарль, глядя ему вслед. — Это ведь он о командоре де Мариньи?

— Наверно, — пожал плечами Сезар. — Но он уже не вернётся. Пора спать.

— Нет, я должен сообщить об этом барону де Сегюру. Ты иди, а я к де к Грамону. Он должен быть там! — и Шарль бросился туда, где стоял высокий белый шатёр.

— Куда мчишься? — услышал он голос барона де Сегюра за мгновение до того, как пронёсся мимо, и был пойман за плечо.

— Я не знаю, что это значит, ваша светлость, — задыхаясь от возбуждения, выпалил оруженосец, — но, возможно, это важно.

Хок проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел в тусклом свете одинокого фонарика склонившегося над ним Марка.

— Прошу вас выйти со мной, командор, — требовательно произнёс тот.

Когда они вышли из шатра, вокруг уже было тихо и пусто, только с окраин лагеря доносилась перекличка караулов и шум со стоянки наёмников, прихвативших с собой в поход запас вина и десяток девиц, которые одинаково хорошо шили, стирали и скрашивали досуг мужчин.

— За вами следили, командор, — вполголоса проговорил Марк. — Какой-то молодой,

богато одетый человек оставил возле шатра соглядатая. Что может быть тому причиной?

Хок задумался и с досадой покачал головой.

— Кажется, я сболтнул лишнего, барон. Я помнил о вашем предостережении, но этот мальчик показался мне неопасным. И он так умолял меня рассказать ему...

— Как его зовут, вы знаете? И что вы ему наговорили?

— Он назвался Альфонсом Бризоном.

— Дьявол! — сквозь зубы прошипел Марк. — Проклятый крысёныш! Всё, он в моём списке!

— В каком списке? — насторожился Хок.

— Забудьте! Так что вы ему сказали?

Хок задумался и пересказал тот короткий разговор, что состоялся у него с любопытным юношей.

— О, нет! — простонал Марк. — Я же предупреждал вас! Ну, кто тянул вас за язык?

— Всё плохо? — расстроился Хок.

— Хуже некуда! Вам нужно бежать! Срочно!

Марк откинул полог и вошёл в шатёр.

— Господа, кто может вывести командора де Мариньи тайно за посты? Прямо сейчас, не мешкая! — громко произнёс он.

— За посты? — переспросил Арно. — Это сложно, Марк, особенно во время первой стоянки, когда стража ещё не разболталась.

— Если только через стоянку наёмников, туда они не суются, — почёсывая затылок, произнёс Ламбер.

— Это тоже опасно, — возразил Арно. — Они там уже перепились и могут накинуться на чужака.

— Нет, если идти через стоянку лучников из Магдебурга, — поднялся со своей подстилки Гюнтер, оруженосец Делажа. — Может, господин отпустит меня навестить этой ночью родню. Мой дядя там сержантом...

— Иди, — проворчал Делаж, натягивая на голову одеяло.

— Собирайтесь, — Марк повернулся к Хоку. — Берите только самое необходимое. Остальное купите в пути, коня тоже. Деньги у вас есть?

— Да, вполне достаточно, чтоб экипироваться заново.

Хок взял свой камзол, но Марк остановил его.

— Это примета, по которой вас будут искать. Наденьте что-то попроще и потрёпанней.

Хок кивнул и достал из сундука тёмную суконную куртку и войлочный плащ с капюшоном. Одевшись, он взял котомку, куда сунул самое необходимое и главное — запас продуктов для Кисы. Потом с сомнением посмотрел на корзину.

— Нет, она слишком приметна, — возразил Марк. — Кота тоже спрячьте, по нему вас могут опознать.

— Давай, залезай, — проворчал Хок, шире открывая котомку.

На сей раз Киса не стал спорить. Он уже понял, что им с папой нужно бежать, и тут уж было не до гордости. Он безропотно залез в мешок и лёг на банки с кормом, всё ещё хранившиеся на крайний случай.

— Все спали и не заметили, когда он ушёл, — объявил Марк, вслед за Хоком выходя из шатра.

— Да поняли, не глупцы, — проворчал Ламбер, поворачиваясь под одеялом на другой

бок.

— Простите, барон, кажется, я доставил вам неприятности, — сокрушённо вздохнул Хок, взглянув на Марка.

— Не более чем обычно, — пожал плечами тот. — Куда больше меня огорчает, что мы с вами расстаёмся и, скорее всего, навсегда. Теперь путь в Сен-Марко закрыт для вас. Король злопамятен, а у его тайной полиции долгая память. Держитесь от нас подальше.

— Я пойду... — начал Хок, но Марк остановил его.

— Я не хочу знать, куда вы пойдёте. Берегите себя.

— Вы тоже, — кивнул Хок, аккуратно закидывая котомку на спину.

Марк обернулся к Гюнтеру.

— Постарайся провести его так, чтоб никто не видел его лица. Доведёшь до ручья и оставишь там. Командор, уходите по воде, на случай, если следом спустят собак. Не уверен, что это случится, но так будет надёжнее.

Хок кивнул и, быстро обнял барона. Тот положил ему руку на плечо и вздохнул.

— Мне жаль терять такого друга, едва обретя. Но лучше проводить, чем хоронить.

Хок ушёл следом за Гюнтером. Марк какое-то время стоял, глядя им вслед и прислушиваясь. Через какое-то время он вошёл в шатёр, сложил оставшиеся вещи Хока на тюфяк и закрыл их одеялом, после чего снял куртку, стянул с ног сапоги и лёг на своё место.

Альфонс стоял посреди кабинета короля, отделённого от других помещений огромного шатра разборными деревянными панелями, которые были расписаны батальными сценами. Король сидел за столом, заваленным бумагами, рядом с ним возвышался виконт Монтре, в стороне расположился барон де Грамон, а позади, в полумраке и окружении теней, как обычно, можно было смутно разглядеть безмолвную и неподвижную фигуру Джинхэя.

Альфонс торопливо пересказывал свой разговор с командором де Мариньи, боясь что-нибудь упустить.

— И ещё он сказал, что у них нет денег, — наконец, выпалил он и замолчал.

— Что ж, — проговорил де Грамон, выслушав его. — Это, безусловно, государственная измена. Я отправлю людей, арестовать его.

— Подождите, — поднял руку король. — Кто этот командор? Это тот, что пришёл к нам из луара от Дамы Полуночи?

— Он пришёл из луара по делу короля, и вы велели ему поступить на службу, — пояснил Рене. — Сначала он поступил к де Морену, а потом перешёл к де Сегюру.

— Он шпион! — заявил Монтре. — Шпион алкорцев и своими рассказами занимался у нас подрывной деятельностью.

— Возможно, — задумчиво кивнул де Грамон. — Я поручу де Сегюру...

— Они наверняка связаны! — перебил Монтре. — Он служит у него. А жил, кстати, у барона Делвин-Элидира. Он подобрался близко к нам, ваше величество.

— Де Сегюра к расследованию и близко не подпускать, — приказал король. — Допросить его наравне со всеми причастными. И Делвин-Элидира тоже, — и тут же к огорчению Монтре добавил: — Но с ним будьте осторожны. Воспользуйтесь своими дружескими отношениями и постарайтесь не задеть его самолюбие. Этого де Мариньи арестовать немедленно. Времени на расследование у вас — до следующей ночи. К утру он должен болтаться на ближайшем дубе.

— Не слишком ли великодушно? — с сомнением спросил Монтре.

— У нас нет времени на улаживание ваших утончённых вкусов, виконт! — рявкнул

король. — Мы на войне. Шпионов и изменников в таких условиях казнят позорно, но быстро. Если вы ещё не в курсе этого, так знайте. А теперь убирайтесь отсюда. Все!

Виконт и барон, поклонившись, вышли из кабинета, за ними, как побитая собака, плёлся Альфонс, так и не дождавшийся награды.

— Нет королей, нет денег, нет бедных, нет богатых? Ты веришь в такое, Джинхэй?

— Верю я или нет, не важно, — раздался из полумрака приглушённый голос. — Важно, чтоб в такое не поверили другие.

— Да, такие рассказы ведут к бунтам, — согласился Ричард. — А для их предотвращения следует пресекать всю вредную болтовню. И мы её пресечём.

Марк разбудил шум и заметавшиеся вокруг огоньки фонарей. Ворвавшиеся в шатёр стражники пробирались вдоль полога, едва не наступая на спящих оруженосцев.

— Кто из вас командор де Мариньи? — крикнул сержант. — У меня приказ арестовать его и доставить к барону де Грамону!

Марк поднял голову и увидел сонного Гюнтера, выглядывавшего из-за сапог сержанта.

— Вот он, — Марк указал на тюфяк с другой стороны стола и приподнялся. — А в чём дело?

— Не знаю, — проговорил сержант и откинул одеяло, а потом разбросал сложенную на нём одежду, словно под ней мог прятаться нужный ему человек. — Где он?

— Понятия не имею, — проворчал Марк и сел, озираясь по сторонам. — Господа, кто видел, когда он ушёл?

— Я видел, как он ложился, — ответил Ламбер, — а потом уснул. Я даже не слышал, когда ты сам вернулся от де Грамона.

— Чёрт, — простонал Марк. — Кто-нибудь что-нибудь видел?

Он растолкал спящего рядом Арно, но тот, с трудом поняв, что от него хотят, раздражённо отмахнулся и снова закрылся одеялом.

— Его вещи здесь, — заметил Ла Моль. — Одежда, латы, корзина. Он где-то неподалёку. Может, вышел по нужде?

— Он всегда складывает так одежду, выходя по нужде?

— Не знаю, возможно. Я обычно за ним не слежу, — раздражённо проворчал Ла Моль. — Здесь его нет. Не верите, ищите. А не найдёте, идите искать в другое место! Вы в шатре барона де Сегюра, потому советую проявить почтительность.

— Ладно, сержант, — нехотя поднимаясь, проговорил Марк. — Я пойду с вами к барону де Грамону. Узнаю, в чём дело и, может, соображу, куда делся де Мариньи.

Сержант мрачно наблюдал, как он натягивает сапоги и куртку, после чего всё-таки прошёлся по шатру и заглянул в лицо каждому, кого нашёл. Марк с унылым видом ждал, когда он закончит, потом вышел следом, а его рыцари и их оруженосцы снова уснули, закрывшись одеялами.

Жизнь в лагере текла своим чередом. За тёмной ночью наступил долгий тёмный день, который все стремились использовать с наибольшей пользой. Первый переход выявил многие проблемы, начиная от потерянных конями подков, до стёртых неудобной обувью ног пехотинцев, плохо закрепленных колёс телег и слишком тяжёлых лат на плечах рыцарей, которые в угоду воинственному облику не спешили снимать их. На разных концах луга раздавался стук молотов о наковальни, где-то мычали коровы, которых гнали в обозе в

качестве живых консервов, лаяли собаки, шумели у ручья прачки, стиравшие рубахи для придворных, орали сержанты, пытаясь выгнать своих подчинённых из шатров, чтоб провести скорый смотр амуниции и оружия. На кострах грелись котлы с похлёбкой, слуги начищали оружие и латы рыцарей, сопровождавшие войско башмачники прилаживали на стоптанные башмаки пехотинцев новые подмётки. Кое-где между палатками были устроены небольшие площадки, окружённые воткнутыми в землю горящими факелами, где солдаты и офицеры оттачивали своё боевое мастерство, соревнуясь в поединках на копьях и мечах.

И среди всего этого оживления метались по лагерю сыщики тайной полиции, опрашивая причастных и обыскивая в поисках изменника шатры и телеги. Все добытые сведения они несли в белый шатёр барона де Грамона. Тот, словно не замечая усталости, лично допрашивал тех, кто мог что-то знать о командоре де Мариньи или его опасных разговорах, или читал донесения, только что вышедшие из-под пера усердно работавших тут же писцов, которым их диктовали сыщики.

Только ближе к ночи барон, наконец, смог подняться из-за своего стола, прошёлся по шатру меж складных столиков писцов, потирая затекшую поясницу и, печально окинув взглядом их склонённые головы, направился на доклад к королю.

Ричард принял его в своём кабинете, где просматривал отчёты интендантов о присланной городами дани. Увы, пока она была собрана и доставлена не в полном объёме, что не добавляло ему благодушия. Мрачно взглянув на де Грамона, он указал ему на низкую скамеечку возле стола, в иное время предназначенную для пажа. Барон не обиделся и сел, с удовольствием вытянув ноги.

— Итак, вы его не нашли, — хмуро кивнул Ричард.

— Нет, мы обыскали весь лагерь, но не нашли его. Кроме того, мы тщательно допросили всех, кто мог быть причастен к его подрывной деятельности.

— И что?

— Тоже ничего. Никто не подтвердил, что слышал от командора де Мариньи подобные речи. Мы допросили королевских гвардейцев, тех, что прибыли вместе с ним и до него с известной вам планеты. Они все поголовно слово в слово повторяют содержание Канона Монморанси и говорят, что ничего иного о правлении на этой планете им неизвестно. Когда я изложил им суть высказываний де Мариньи, они были искренне удивлены и категоричны в своей уверенности, что это полная чушь, и они впервые слышат что-то подобное. Либо они все талантливые актёры, либо они, действительно, никогда не слышали ничего подобного от де Мариньи или кого-то другого. Разве что гвардеец Маршан, рассказал, что вчера де Мариньи в шутку говорил что-то такое в присутствии Бризона, но когда гвардеец Валуга сказал, что это не всерьёз, де Мариньи признал, что шутил, или что-то в этом роде. Валуга это подтвердил, сказав, что его приятель, скорее всего, пытался подловить Маршана этой ложью, но потом признался в этом.

— А что с рыцарями из отряда де Сегюра? — спросил король.

— Они заявили, что де Мариньи вообще никогда не рассказывал о своём прошлом, больше молчал и лишь отвечал на вопросы, но у этих людей не принято интересоваться чужими секретами, если это не нужно для дела. Де Сегюр воспринял весь рассказ об измене своего подчинённого с недоверием, сказав, что подобную чушь мог выдумать только какой-нибудь сумасшедший бродячий философ, но не благородный рыцарь, каким он знает командора. Барон Делвин-Элидир также рассказал, что довольно много общался с командором де Мариньи с того времени, как встретил его по дороге в Сен-Марко. Ничего о

формах правления в других мирах и о судьбах королевской династии здесь и там он никогда не говорил.

— Вы что, пытаетесь убедить меня в том, что измены не было? — нахмурился король.

— Я докладываю о результатах расследования. При этом я выяснил, что единственным человеком, который слышал опасные речи от де Мариньи, был Альфонс Бризон. Свидетелей этому не было.

— То есть он солгал?

— Он настаивает на том, что говорит правду, хотя не отрицает, что намеренно расспрашивал командора об этом, чтоб убедиться в том, что тот настроен на измену.

— И что?

— Не знаю, ваше величество. Я бы счёл, что мальчишка сам выдумал эту историю, чтоб выслужиться в глазах покровительствующего ему Монтре или ваших.

— О, я ждал этого! Теперь вы пытаетесь приплести сюда Монтре! Я же знаю о ваших склоках при дворе!

— Я не отрицаю, что нахожусь в конфронтации с виконтом, как, впрочем, и он со мной. Хочу только обратить внимание, что так же он находится в некой конфронтации и с другими лицами, втянутыми в эту историю, а его протеже не настолько умён, чтоб самостоятельно выдумать эту ложь.

— Вы хотите сказать, что Бризон специально оговорил командора де Мариньи, чтоб бросить на него тень?

— Не совсем на него, — печально вздохнул Рене и поёрзал на неудобной скамеечке. — Если подумать, то командор де Мариньи — удобная мишень потому, что у нас никто его толком не знает, он прибыл из луара, но при этом связан с бароном Делвин-Элидиром, поскольку жил у него, и бароном де Сегюром, у которого служит в отряде, и который состоит под моим началом и началом графа Раймунда. Партия Делвин-Элидира сейчас вполне уже сложилась и становится всё более влиятельной, поскольку барон умело направляет действия и устремления своих соратников в русло сотрудничества с королевской властью. Ну, а партия Вайолета уже давно является головной болью для виконта.

— Это серьёзное обвинение, — строго заметил король.

— Я никого не обвиняю, я лишь рассуждаю, ваше величество, — невозмутимо возразил Рене. — Возможно, мальчишка просто слышал от кого-то при дворе эти опасные рассказы, или наслушался их от бродяг в имении Блуа, и оговорил командора де Мариньи в надежде добиться расположения вашего величества. Тогда виконт Монтре является лишь невольной жертвой своего расположения к нему.

— Вот как, — мрачно кивнул Ричард. — А с чего ж это де Мариньи сбежал, если он невиновен?

— В том то и дело, ваше величество, — снова вздохнул де Грамон, — что мы не нашли никаких свидетельств того, что он сбежал, кроме его отсутствия.

— А этого мало?

— Отсутствие можно объяснить и другим способом. Например, что его выманили из шатра ночью, убили, а труп уничтожили, бросили в печь кузнеца или зарыли где-нибудь в отхожем месте, где естественная вонь скроет запах гниения тела. Видите ли, ваше величество, мы опросили всех, кто стоял на постах и патрулировал вокруг лагеря этой ночью. Они показали, что ни один человек, кроме имеющих специальные пропуска, не покидал лагерь. Все вещи де Мариньи, его доспехи, весьма дорогая одежда, тяжёлый меч,

драгоценности, в том числе, золотой, отделанный эмалью пояс и шитая золотом перевязь, остались на месте. Его конь спокойно пасётся на лугу вместе с другими. Его сослуживцы видели, как он ложился спать, но не видели, как он уходил. Его животное тоже пропало.

— Что за животное? — нахмурился король.

— Кот какой-то очень редкой породы, который во время перехода спал в корзине на крупе лошади. Корзина стоит в шатре, но кот исчез и его никто не видел. Возможно, он тоже убит.

Король задумался, постукивая пальцами по столешнице.

— А если он всё же как-то выбрался за пределы лагеря? — наконец, спросил он.

— Не представляю, как. Офицеры охраны несколько раз за ночь проверяют посты и патрули. Пароль и отзыв известны только тем, кто связан с охраной лагеря. Никто из отряда де Сегюра, да и он сам, не знает ничего о размещении патрулей, порядке патрулирования, паролях и отзывах. Де Мариньи этого тоже знать не мог. Он всё равно бы наткнулся на стражников, особенно учитывая, что впервые попал в нашу армию и пока не знает царящих в ней порядков. Уходя, он наверняка прихватил бы если не одежду, то драгоценности.

— Кто-то мог его вывести за пределы лагеря?

— Вряд ли. Он контактировал только с вашими гвардейцами, своими сослуживцами, бароном Делвин-Элидиром и бароном де Сегюром. Гвардейцы были на постах возле вашего шатра или спали в палатках, рыцари де Сегюра все спали у себя и подтвердили это, как и их оруженосцы. Одного, правда, не было, молодого оруженосца рыцаря Делажа, но его хозяин отпустил вечером навестить дядю, который служит сержантом ландскнехтов из Магдебурга. Тот подтвердил, что племянник заходил к нему и был один. К тому же мальчишка совсем юн и впервые увидел де Мариньи при выступлении армии. С чего бы ему помогать незнакомцу? Да и не знает он проходов вокруг лагеря. Барон Делвин-Элидир был у вас во время ужина, а потом в шатре у принца, после чего вернулся к себе и лёг спать. Это подтверждают опрошенные нами слуги. Де Сегюр был у меня. Мы обсуждали наши меры против лазутчиков луара, которые должны в ближайшее время проявлять к нашему переходу повышенный интерес. Он ушёл очень поздно и сразу лёг спать, что подтвердил его оруженосец. Так что либо де Мариньи настолько хитрый шпион, что знал секретную информацию об охране лагеря, тогда я сомневаюсь, что он так глупо раскрылся бы перед Альфонсом Бризоном, либо он улетел по воздуху, прихватив своего кота, но оставив всё ценное. Либо он остался здесь, и мы найдём его или его труп при снятии лагеря. Или не найдём ничего.

— То есть, по вашему мнению, его оговорил Бризон, а потом ещё и убил и спрятал труп, просто чтоб произвести на меня впечатление?

— Бризон не мог убить де Мариньи, если только напав со спины, но я сомневаюсь, что этот мальчишка способен на что-то такое. Да и труп слишком тяжёл для того, чтоб он смог утащить его и спрятать. Однако, я полагаю, что если б де Мариньи предстал перед вами и стал отрицать рассказ этого юноши... Чьё слово имело бы больше силы: слово опытного воина, который вхож в дом барона Делвин-Элидира и пользуется его расположением, или этого мальчишки, лишь недавно представленного ко двору в результате таинственной смерти его брата?

— Ах, да! Его брат ведь тоже погиб как-то странно... — Ричард на минуту задумался. — Может, мальчишка не так прост?

— Прикажете допросить его с пристрастием?

— Нет, — король вздохнул. — Это возмутит Монтре, и он опять будет зудеть над ухом.

Оставим это дело, как есть. А за этим Бризоном присмотрите, барон. Он в свете вашего рассказа, действительно, выглядит подозрительно. Может, он сам шпион и пытается подставить наших верных слуг? Или действует вместе с неведомым нам шпионом. Тогда этот навет на командора де Мариньи и его последующее исчезновение вкупе со смертью Теодора сильно смахивают на заговор.

— Мы проследим за ним, — поклонился барон, осторожно вставая со скамеечки.

После его ухода король приказал вызвать кавалера де Брассера. Бывший учитель принца явился тут же, обрадованный вниманием короля. Ричард посмотрел на старого служаку и произнёс:

— У меня для вас секретное поручение, де Брассер. Никто не должен знать о том, что я дал вам его.

Де Брассер бросил выразительный взгляд туда, где возле стены застыла неподвижная фигура Джинхэя, но король не обратил на это внимания.

— Вы помните командора де Мариньи, кавалер? — спросил он.

— Я видел его на турнире и на пиру после, и слышал о нём превосходные отзывы. Жаль, что мне не выпала честь скрестить с ним клинки.

— Возможно, и выпадет, — проговорил король. — Этот человек подозревается в измене, но он внезапно исчез из лагеря. Я хочу, чтоб вы его нашли, — он открыл ящик стола и, достав оттуда увесистый кошелек с золотом, передал его де Брассеру. — Возьмите несколько надёжных людей и поезжайте. Вы знаете, как он выглядит. Кроме того, с ним, скорее всего, будет кот какой-то необычной породы, возможно, он будет в корзине или клетке.

— Я должен привезти этого человека вам?

— Только его голову. Я сделаю из неё чашу. Когда вы вернётесь, вы получите такой же кошелек, но если вы привезёте мне голову де Мариньи, вы получите столько золота, сколько влезет в его череп.

— Я её привезу, даже если мне придётся вытаскивать его из-под земли! — воскликнул де Брассер с энтузиазмом.

— Меня это устроит. Идите, и никому ни слова.

Де Брассер вышел, а король обернулся и посмотрел на Джинхэя.

— Разве тебе не показалось странным, что он исчез вместе с котом?

— Показалось, мой король. Уходя, каждый старается забрать с собой самое дорогое. Не для всех это драгоценности.

— И я о том же. Может, де Грамон и прав, и его уже нет в живых. Но если он жив, я хочу, чтоб это было исправлено.

Жан Жувер брёл по лагерю, словно в раздумье, но направляясь строго к намеченной цели, и вскоре оказался возле шатров, между которыми была выделена горящими факелами прямоугольная площадка. На ней бились на мечах два рыцаря. Они сняли куртки, и их льняные рубахи насквозь пропитались потом, а вокруг молча стояли другие рыцари и оруженосцы, и на их лицах отражалось недоумение.

Ламбер был отличным мечником, но сейчас он с трудом защищался от стремительных мощных ударов меча наступающего на него де Сегюра. Барон дрался так, словно в него вселился дьявол. Он был яростен и неуправляем. И при этом на его лице застыло свирепое выражение, словно он вёл последний в жизни бой со своим смертельным врагом. Наконец,

оттеснив Ламбера на край площадки, он с размаху ударил его плашмя клинком в бок, тот пошатнулся и выронил меч. К счастью, ярость его была всё же под контролем, и последний удар был силён достаточно, чтоб победоносно закончить поединок, но не настолько, чтоб причинить травму старому другу.

— Ты превзошёл самого себя, Марк, — заметил Ламбер, поднимая с земли меч. — Что на тебя нашло?

— Я зол, — ответил тот и заметил Жувера. — Что, явился шпионить по приказу своего господина?

Жан озабоченно нахмурился и настороженно огляделся, поскольку окружавшие его рыцари, смотрели на него, мягко говоря, без особой симпатии.

— Я просто зашёл посмотреть, как ты, Марк, — объяснил он.

— Как видишь, я жив. С меня не спустили шкуру и не повесили на дереве, так что твоему хозяину придётся постараться, чтоб выбить меня из седла.

— Я не понимаю, о чём ты...

— Да неужели? Нас с утра дёргают шпионы и сыщики де Грамона, они перерыли наши вещи и перевернули всё в наших шатрах. К тому же пропал один из моих людей, и едва ли не мы в этом виноваты! И всё из-за выкорыща твоего виконта, этого болтливого лживого щенка Бризона!

— Я слышал что-то, но уверяю, ни я, ни Монтре здесь не при чём.

— Не при чём? Как вам это, господа? — Марк осмотрелся, и его рыцари зло засмеялись.

— Мы можем поговорить? — спросил Жан, на всякий случай, положив руку на эфес меча.

Марк пожал плечами и направился куда-то мимо шатра. Нервно оглянувшись на его соратников, Жувер поспешил следом. Он нашёл де Сегюра за шатром, где тот стоял, подставив пылающее лицо свежему ветру, внезапно налетевшему из темноты.

— Это ты убил де Мариньи? — резко спросил Марк, взглянув на него.

— Я? Убил?

— Не прикидывайся, Жан. Сперва этот мерзавец Бризон оговорил его, а потом он исчез. Он не покидал лагерь. Де Грамон всё проверил. Значит, он убит! Но мальчишка против такого бойца слабоват. А ты — в самый раз?

— Ты думаешь, я стал бы действовать вместе с этим жалким змеёнышем? — искренне возмутился Жувер.

— Стал бы, если б приказал Монтре, — презрительно процедил де Сегюр. — Он подставил меня и пытался подставить Айолина, но тот ему оказался не по зубам. А Рене настолько дотошен, что выяснил, что никто никогда не слышал от моего человека той ереси, в которой его обвинял Бризон! И к тому же Рене установил, что он не покидал лагерь. Так где же он?

— Я не знаю, Марк! — воскликнул Жан. — Я узнал об этой истории от Монтре только утром. Тот, действительно, потребовал у короля расследования, но был ошарашен тем, что его величество вместо того, чтоб выразить благодарность за бдительность, едва не испепелил его гневным взглядом. Монтре встревожен, потому что не знает, чем теперь обернётся для него ложь Бризона.

— Значит, это всё-таки ложь?

— С чего бы это де Мариньи откровенничать с ним? К тому же, между нами, эти странные рассказы слишком сильно напоминают ту ересь, что разносят по миру бродячие

проповедники. Я скажу тебе правду, Марк. С момента выступления в поход, Монтре сильно подувал, он не ожидал таких сложностей, он испуган и устал, а короля раздражает его измученная физиономия. И Бризон оказался не у дел. Монтре едва добирается до постели и спит, как убитый. Вчера я намекнул мальчишке, что у него большие проблемы с этим, вот он и решил выслужиться. Но уверяю, я не стал бы нападать на твоего человека. Да и Монтре ни к чему ссориться с тобой. Вы же заключили негласный пакт. Ты ему нужен.

— Я не слышал, чтоб он пытался отвести от меня подозрение. Скорее, наоборот!

— Его цель — Делвин-Элидир, а не ты, но король запретил даже косо смотреть в сторону Айолина. Послушай, Марк, уверяю, я тебе друг, как и прежде! Если я что-то узнаю с твоём человеке, то честно расскажу. Пока же я использую создавшуюся ситуацию, чтоб окончательно дискредитировать Бризона. Ты ведь тоже теперь считаешь его врагом, верно? Вскоре мальчишка будет в наших руках, и мы разделаемся с ним!

— Ты разделаешься с ним, — Марк взглянул ему в глаза. — И не вздумай впутывать меня в это дело!

— Конечно, — покладисто кивнул Жан.

Издали раздался рёв трубы, возвещающей вторую стражу.

— Пора спать, — уже спокойнее произнёс де Сегюр. — Завтра, чуть свет, снимаемся и — в дорогу. Нужно выспаться.

— Я могу сказать Монтре, что ты не сердись? — заискивающе взглянул на него Жувер.

— Если он задаст трёпку этому болтливому щенку и заставит его сказать правду.

— Он заставит, но ты же понимаешь, что нельзя, чтоб эта правда дошла до короля. Монтре себе не враг.

— Достаточно, если её услышат Монтре и ты. А Бризон никогда больше не повторит её, даже оставшись один ночью на кладбище.

— Я лично обещаю отрезать ему язык, если он что-то скажет.

— В таком случае скажи Монтре, что этим я буду удовлетворён. И пусть выплатит мне компенсацию за моего человека. Он был непревзойдённым мастером кинжала, такая редкость в наше время, и столь полезная в нашем деле! Он — невосполнимая потеря.

— Я передам это Монтре, — клятвенно заверил Жан и ушёл.

Утром, когда при первых лучах зари лагерь начал просыпаться, к шатру де Сегюра явился один из пажей виконта Монтре и передал подарок — большой ларец, вырезанный из редкой древесины, пахнувшей пряностями и покрытой затейливыми узорами из переплетающихся годовых колец. Открыв крышку, Марк увидел на алом бархате широкую филигранную цепь с вставленными в неё драгоценными камнями и круглым медальоном с оскаленной волчьей мордой.

После того, как паж удалился, де Сегюр показал подарок Ламберу и Ла Молю.

— Вот куда делась цепь Беренгара, — усмехнулся Ла Моль, а Ламбер, процедив в полголоса гневное проклятие, спросил:

— Что делать с вещами де Мариньи?

— Они ему больше не нужны, — пожал плечами Марк, закрыв ларец. — Считается, что он погиб, наследников у него нет, так что распределите их, как добычу.

— Я беру себе меч, — тут же заявил Ла Моль и нырнул в шатёр.

Спустя два часа, когда стало совсем светло, первые отряды двинулись по дороге, ведущей на восток. На сей раз, телеги обоза встраивались в колонну следом за своими

отрядами, чтоб на следующей стоянке не пришлось их ждать, а можно было сразу обустроить лагерь.

Марк ехал, уперев руку в бедро, в окружении своих друзей. Он осматривался по сторонам, глядя в гущу деревьев и думал, что де Мариньи наверно уже далеко отсюда, и, будучи достаточно осторожным, уходит сейчас всё дальше от этой дороги. И судьба больше никогда не сведёт их, хотя об этом Марк немного сожалел.

Довольно долго Джулиан не был в странном мире, расположенном на крохотном континенте, плавающем в безжизненном океане планеты-гиганта. Покидая его и возвращаясь, он каждый раз воспринимал его в совокупности свойств небесных тел планетарной системы, и уже устал от бесконечного ощущения абсурдности самого существования этого мира. Он был слишком мал и иррационален с точки зрения космической механики, слишком малозначителен и настолько чужд, что казался нечаянной аномалией на фоне разумного, поддающегося точному расчёту мира, где планеты вращались вокруг своей звезды, и орбиты соответствовали их параметрам. Они имели структуру, массу и объём подходящие своему типу и вращались с той скоростью, с какой и следовало, потому что подчинялись сложному комплексу внешних факторов, который гармонично складывался в одну из бесчисленного количества моделей, распространённых в бесконечном космосе. И с этой точки зрения крохотный пластик базальта, служащей основанием для колонии микроскопических, слабых и ни на что не влияющих существ казался лишь крошечной песчинкой поднятой со дна могучим течением великого океана. Само существование её было столь странным и хрупким, что в иные моменты казалось неуместным тратить на него время. И каждый раз ему приходилось снова приучать себя к мысли, что творящееся там имеет какой-то смысл, если не для вселенной, то для него самого.

Если б живущие там люди смогли хоть на мгновение взглянуть на свой мир с этой точки зрения, какими пустыми, жалкими и бессмысленными показались бы им их страхи, их страсти, их мечты и стремления, их ненависть и любовь, их боль и радость. Всё суета сует. Но они не видели этого, и продолжали возиться в своей пыли, спасая и убивая друг друга, совершая свои маленькие подвиги или маленькие подлости, раздувая свои маленькие переживания до размеров мирового пожара, который не порождал на деле и мельчайшей вспышки в холодной темноте вечной ночи.

Великая Тьма, соизмеримая в своей бесконечности с бездонной бездной космоса навевала те же мысли, охлаждая мятущийся человеческий разум бесстрастной мудростью, и обескураживающая её полным равнодушием ко всему, что касается людских судеб и сердец. По ней, как маленькие звёздочки, были раскиданы крохотные островки разнообразных обитателей, приютивших тех, кого исторг из себя материальный мир, если он существует, и не принял в себя Свет, который существует, но неведомо где. И в этих обителях творят, томятся, страдают и прозябают души и духи, сущности и странные создания чьих-то измученных и извращённых умов, колдовских ритуалов и самих глубин Тьмы, где вечно кипят тёмные энергии в поисках ответов, вопросы на которые никем не были сформулированы и заданы.

Именно такие путанные мысли приходили ему в голову, когда он путешествовал между этими ячейками пространства в поисках ответов на свои вопросы. Что такое кровь Короля драконов? И что может быть противоядием ей? Он посетил тёмный Храм, где сидел на чёрном камне перед огромным существом, похожим на Минотавра, покрытым чешуёй из металла. Он видел красную огненную чашу, в которой кипела и пузырилась густая жидкость, поглощающая свет и носившая имя крови Короля драконов, но это было не то, что искал он, и, выслушав пространные объяснения железного Минотавра, он последовал дальше. В убогой хижине на крутом утёсе, нависшем над зияющей бездной, где небеса всегда черны, как смертный грех, и беззвёздны, он отыскал старую ведьму, бормотавшую что-то над истлевшей

книгой. Она говорила о белой пене, тающей в тишине, проглотив которую можно стать чудовищем, но звалась эта пена Пухом снежной цапли, и превращала она исключительно в белого тигра с саблевидными клыками. В тёмной лаборатории на вершине сложенной из грубых каменных блоков башни, висевшей в пространстве, как осколок астероида, сорвавшийся с орбиты, он говорил с алхимиком, имя которого было забыто, а под тёмным капюшоном серой мантии уже многие века не было лица. И он возвестил, что эликсир Тьмы белого цвета, применяемый сёстрами породы Лилит, исходит из щелей в стене замка, сложенного из черепов, однако, этот замок был разрушен ещё вечность назад, и с тех пор никто не видел этого эликсира, и не знает, где находился замок.

Так кружил он, выслушивая множество странных и зачастую безумных рассказов, которые то приближали его к цели, то отдаляли от неё, но так и не нашёл то, что могло бы вывести его на прямой ответ, что ему надлежит сделать, чтоб спасти Эрика от столь нежеланной для него трансформации.

— Думаю, что ты и не найдёшь истину, мой прекрасный друг, — сообщила ему просвещенная лилит, сидевшая в кресле перед многофункциональным киберкомплексом.

Она была немного странной, хотя симпатичной, на её длинном носу поблескивали стёкла пенсне, а синие кудри собраны в небрежный узел на темени. Строгий пиджак, видимо, намеренно меньшего, чем нужно, размера, расходился на пышной груди, открывая взору кружевной корсаж, а узкая короткая юбка лишь подчёркивала длинные ноги в чёрных чулках с кружевными резинками. Она покачивала ножкой, и алый туфель с длинным острым каблуком висел на кончиках пальцев, в то время как другой, надетый на вторую ножку весьма прочно стоял на полу из выщербленных каменных плит, покрытых полустёршимися письменами.

— Вся проблема состоит в том, что нам неизвестно, о каком веществе идёт речь. То, что ты описал, соответствует по внешним признакам веществу, находящемуся в четвёртом агрегатном состоянии, то есть в виде плазмы. Однако плазма — всего лишь частично или полностью ионизированный газ, при этом, находясь в таком виде, вещество настолько меняет свой вид и свои свойства, что сложно представить, чем оно являлось бы, находясь в твёрдом, жидком или газообразном состоянии. Ты понимаешь, о чём я? Возможно, это обычная кровь Короля драконов, которая была подвергнута ионизации и из чёрной и густой стала белой и невесомой, однако, при этом и её свойства могли измениться кардинально, что фактически сделало её иным веществом. Но это могла быть и обычная вампирская кровь с добавлением каких-то неизвестных нам ингредиентов, а затем так же обработанная, и превратившаяся в то, что выпил твой слуга. В конечном итоге, мы не знаем, что это было в начале, и чем это стало на выходе.

— То есть ты полагаешь, моя дорогая, что это было ионизированное состояние некоего неведомого нам вещества, определить которое невозможно?

— Без наличия образца, нет, — категорично заявила она.

— Зачем его ионизировать?

— Возможно, чтоб усилить проникающую способность или придать новые свойства. Я не знаю.

— А при наличии образца, ты могла бы исследовать его в своей лаборатории?

— У тебя есть образец?

— Думаю, что какое-то количество этого вещества есть в крови моего слуги.

— Это уже другое. Вполне вероятно, что сама субстанция лишь запустила нужный

процесс и распалась или, что более вероятно, перешла в иное, скорее всего, жидкое состояние, а, следовательно, снова изменила свои свойства и, возможно, не имеет ничего общего с тем, чем являлась изначально.

Джулиан устало потёр лоб. Он сидел в потрёпанном кресле с изогнутыми в стиле рококо ножками, сидение и спинка которого были обтянуты джинсом с золотым тиснением в виде кошечки Китти. В руке у него была чашечка с кофе, причём на чашке виднелся полустёршийся логотип какой-то тexasской забегаловки. Кофе был горячим и ароматным, с лёгким привкусом чернослива.

— Как вообще можно выпить плазму? — устало спросил он.

— Плазма может быть создана различными способами из различных веществ и с разными свойствами. Полагаю, что в данном случае для её создания использовалась магия, но я как-то не сталкивалась с подобными методиками. Знаешь, дорогуша, физика плазмы — не мой конёк. Извини, что не смогла помочь.

Она печально улыбнулась и из-под её ярко накрашенных губ показались острые белые клыки.

— И ты мне больше ничего не посоветуешь? — спросил он.

— Продай своего слугу для опытов, — тут же предложила она. — Думаю, многих в нашей лаборатории заинтересовала бы возможность выделить из его крови остаточные следы того самого вещества и попытаться установить все этапы его трансформации. Крови понадобится много, так что стоит передать его исследователям целиком. Кости и мозг тоже пригодятся. Это, конечно, не моя тема, но я знаю, кто взялся бы за это с энтузиазмом. Если хочешь, замолвлю словечко.

— Я подумаю, — кивнул он и, допив кофе, поставил чашечку на блюдце.

— В следующий раз будет лучше, если ты навестишь меня дома после работы. Не пожалеешь, обещаю...

Её раздвоенный язычок мелькнул на мгновение, облизав алые губы.

— В следующий раз я так и сделаю, — пообещал он и уже, исчезая, услышал вдогонку слегка разочарованное: «Лжец!»

Смириться с поражением было трудно. Ладно бы ещё это было нужно для какой-нибудь малости, вроде игры или занятого эксперимента, но от этого зависела жизнь Эрика, его будущее, целостность его души. Потому сдаться Джулиан не мог. Он уже перерыл всю библиотеку Ворона и встретился со многими известными ему экспертами, обитающими в глубинах Тьмы, и нигде не нашёл ответа. Более того, теперь его цель казалась и вовсе иллюзорной из-за всех этих рассуждений просвещённой лилит. И всё же оставался ещё один вариант. Нужно было найти товарок Аламары, напоившей Эрика этой отравой. Ведь не сама же она её изобрела, и, как знать, может, где-то в её окружении и сыщется тот, кто направит его в нужную сторону. Вопрос только, где искать тех, кто имел дело с демоницей? Но это он решил оставить на потом. У него было ещё одно важное дело, и он снова возвращался на странный клочок тверди посреди бушующего океана.

Он раскрыл свой портал в нижнем зале замка Ворона и сразу понял, что здесь что-то не так. Он чувствовал странную вибрацию пола, стен и потолка, словно частицы, составляющие монолитные камни, теряли связь между собой, мелко колеблясь и готовясь распасться. Он нахмурился. Второй раз за день он сталкивался со странной трансформацией материи, а при всей его образованности, физика, особенно физика высшего порядка, была для него

совершенно недоступна.

Он закрыл портал и осмотрелся. В зале было пусто и тихо, но где-то в глубине под плитами пола чувствовалось слабое гудение, которое и передавалось стенам замка. Он прислушался, и как раз в этот момент в зал вошёл Ворон. При нём не было посоха, но зато на руках сидел белый лисёнок, который радостно твякнул, увидев гостя. Ворон был озабочен, хотя, кажется, и его порадовало появление Кратегуса.

— Вы что-нибудь нашли, граф? — спросил он, подходя ближе.

— Увы, ничего, что вселяло бы надежду на благоприятный исход, — вздохнул Джулиан и добавил: — Остаётся только искать тех, кто знал Аламару, и подскажет, где она брала это странное зелье.

— К сожалению, в этом я не могу вам помочь, — вздохнул Ворон и почесал лисёнка по голове между стоячими ушками.

— Вы можете помочь мне в другом деле и полностью расплатиться по счетам.

— Правда? — как-то странно спросил Ворон. — Я бы рад...

— Не отказывайте мне, барон, — попросил Джулиан. — Это дело можете сделать только вы. Я узнал, как можно уничтожить колдуна Ротамона. Вернее, кто может его уничтожить: только тот, кто не родился человеком. Я не знаю здесь никого иного, кроме вас, кто был бы достаточно могущественным для такого дела и при этом отвечал бы этому простому, на первый взгляд, условию.

— А вы сами?

— Увы, я рождён человеком, и прожил им почти четверть века, после чего, наконец, в моём теле воцарилась иная сущность. Сразу говорю вам, что и ангел, так жестоко обошедшийся с вами, тоже родился обычной девочкой в семье смертных. Остаётесь только вы.

— Что ж, я был рождён демоном от демонов, но... Мне больно отказывать вам, граф, но, увы, приходится. Поверьте, если б у меня было ещё хоть немного времени здесь, я бы отыскал колдуна и уничтожил его, но как раз времени-то у меня и нет. Вы чувствуете этот гул? Он предвещает скорое открытие портала, который переместит мой замок вместе с библиотекой в новое убежище. Я даже не знаю, где оно будет находиться. Последнее время слишком много агрессивных сущностей проявляли интерес к потаённым знаниям и пытались прорваться сюда. Решение о том, чтоб укрыть библиотеку в другом измерении уже принято. Вот-вот я получу сигнал и буду вынужден начать перемещение, которое потребует от меня полной сосредоточенности и всех моих сил.

Ворон огорчённо смотрел на Джулиана, и тот понимал, что уговаривать его бесполезно. Ворон был хранителем библиотеки и обязан был заботиться о ней, выполняя приказы кураторов из Бездны, и все остальные его дела должны быть отодвинуты в сторону.

— Что ж, простимся, барон, — вздохнул Джулиан. — Не знаю, встретимся ли мы вновь, но знакомство с вами было для меня и приятным, и полезным.

— Мне жаль, что приходится прощаться с вами вот так, — искренне признался Ворон, — не оплатив свой долг и не оказав ту помощь, в которой вы нуждаетесь. Это останется тяжёлой ношей для меня, потому что получается, я к тому же нарушил данное вам слово.

— Я освобождаю вас от него.

— Увы, я дал его, и только я могу принять от вас это прощение. Но моя честь не позволяет мне сделать это. Может быть, когда-нибудь я сумею расплатиться с вами. Жизнь

демонов длина, а пути их так же неисповедимы, как другие, но пока я уношу свой долг с собой.

— Как скажете, — кивнул Джулиан и погладил лисёнка, который настороженно смотрел на своего хозяина, услышав в его голосе печаль. — Расти большим и сильным, Юки. Я не стану больше задерживать вас, барон. Долгие прощания усиливают горечь расставания. К тому же вам ещё нужно готовиться к ритуалу.

— Прощайте, граф, — Ворон чуть склонил голову и отступил.

За спиной у Джулиана возникла тёмная воронка портала, и он ушёл в него. Юки расстроено тьякнул ему вслед.

— Это плохо, что я не смог выполнить своё обещание, — проговорил Ворон, спустив лисёнка с рук. — Беги в мою спальню и залезай в свой домик. Там ты будешь в полной безопасности, а мне пора готовиться.

Он взмахнул рукой и рядом из воздуха соткался его посох. Он взял его в правую руку, а левой отвлёл со своего магического глаза прядь волос. Всмотриваясь в распахнувшуюся перед ним бездну, он скоро различил в ней сложное переплетение струящихся потоков, в которых, повинаясь им, плыли звёзды, окружающие их планеты, закручивались странными спиралями пыльные туманности, и, наконец, он разглядел за ними слабо мерцающий зев только что появившейся воронки, которая медленно расширялась, и её жерло приближалось, открывая портал в новый мир.

А в это время маленький белый лисёнок торопливо карабкался по крутым ступеням винтовой лестницы, а потом бежал по длинному коридору, перебирая по каменным, уже зыбким плитам белыми лапками, и лишь в последний момент успел юркнуть в темноту под пыльным секретером, а замок вокруг него начал таять и медленно исчезать, уходя всё дальше и дальше в новую реальность.

Джулиан стоял на вершине горы, откуда вниз, в Долину Ворона спускалась дорога. Была ночь, но он ясно видел вдали чёрный усечённый конус замка, который вдруг заколебался, словно окружённый маревом, а потом медленно растаял в пустоте. И только чёрные камни, лежавшие некогда под его фундаментом, призрачно поблескивали от пробегающих по их гладкой поверхности бликов.

Ворон ушёл из этого мира вместе со своим замком и своей библиотекой, а Джулиану нужно было продолжать поиски противоядия от крови Короля драконов и того, кто не был рождён человеком. Какое-то время он осматривал опустевшую долину, а потом раскинул чёрные крылья, взлетел и, поднявшись в тёмные небеса, умчался прочь. А в следующее мгновение из-за круглого камня на краю дороги выскользнул маленький белый лисёнок и, пугливо осмотревшись, юркнул в заросли ежевики.

Армия Сен-Марко уже несколько дней была в пути, и приближался тот момент, когда дорога, по которой она передвигалась, должна была пересечь границу владений Синего Грифона. Однако король Ричард понимал, что делать это, не получив от альдора разрешение пройти по его землям, значило нарушить условия перемирия. Время для этого ещё не пришло, поскольку встречное выступление армии луара и боевые столкновения помешали бы планам короля дойти до восточных гор и захватить Алмазное Сердце. Потому было решено свернуть на юг и обойти земли луара.

Широкая и хорошо утоптанная ногами путников и конскими копытами, укатанная колёсами карет и тяжёлых телег дорога была едва ли не единственной, которой пользовались земляне и алкорцы, переезжая из луара в Сен-Марко и обратно. Удобная и сравнительно безопасная она вела как раз к цели, если не считать того, что иногда она разрывалась и её оборванные концы расходились в стороны, но их не так уж трудно было найти. А часто ездившие по ней путешественники уже по самому месту разрыва могли определить, куда переместился ориентир, обозначивший потерянное продолжение пути.

Иногда от этой дороги отходили другие, тоже утоптаные и достаточно широкие, поскольку вели в свободные или торговые города, куда часто сворачивали купцы или направлявшиеся за покупками путники. Там на юге находился и самый известный и могущественный свободный город Магдебург, недавно возглавивший лигу свободных городов, и поддерживающий дружественные отношения с обеими сторонами военного конфликта.

От основной дороги и её ответвлений отходили дороги поменьше и поуже, которые соединяли собой деревни, небольшие городки и замки баронов, разбросанные по всей равнине и прилегающим к ней горам. Но эта тонкая паутина была слишком запутанной и нестабильной, чтоб по ней можно было проехать без карты и таблицы ориентиров или надёжного проводника. Изучив имеющиеся в наличии карты, военачальники короля Ричарда пришли к выводу, что вперёд необходимо выслать несколько отрядов на разведку, чтоб найти наиболее удобный путь в обход земель луара, поскольку этот путь должен был быть достаточно прямым, гладким и широким, чтоб по нему могла пройти армия, отягощённая обозом и осадными машинами, которые тащили шестёрки крупных медлительных тяжеловозов. При этом он должен был идти, максимально приближая армию к цели, не отдаляясь слишком далеко на юг, но и не приближаясь к границам луара. Следовало так же найти на этой дороге места для ночных стоянок армии, то есть луга или степи, где будут поблизости источники воды, или небольшие города, которые за соответствующую плату согласятся принять на постой короля и его рыцарей, предоставив для остальных прилегающие к крепостным стенам уголья.

Именно такие задачи были поставлены командирами перед пятью рыцарями, которые вместе со своими небольшими отрядами отправились на юг, опередив свою армию. Одним из этих отрядов командовал барон Линдау, ещё не старый, но уже опытный воин. Он не имел собственной земли и жил за счёт службы королю Ричарду. Его отряд был совсем невелик: с ним были два его юных сына, оруженосец и три всадника, к сёдлам которых были приторочены заряженные арбалеты, а в ножнах на поясах ждали своего часа тяжёлые боевые мечи с зазубренными в битвах клинками.

Свернув на юг в месте, откуда начиналась дорога на торговый город Гарц, принадлежащий Магдебургу, отряд какое-то время ехал по ней, а потом барон, решив, что уже достаточно отдалился от границ луара, свернул на восток. Эта дорога была неширокой, но достаточно гладкой, чтоб по ней могли двигаться тяжёлые телеги. Она проходила через лес, который становился всё гуще и темнее. В какой-то момент отряд остановился перед сглаженным ветрами осколком скалы, торчавшим из земли. От него дорога снова сворачивала на юг. Какое-то время барон сидел в седле, изучая данную ему в штабе карту этого участка дороги, и вскоре убедился, что скала — это отмеченный на ней ориентир, а ответвление скоро снова должно было свернуть на восток. Потому он убрал карту в седельную сумку и, махнув рукой, повернул направо. Так они ещё какое-то время скакали по дороге, поднимающейся по пологому склону, поросшему лесом. Отметив, что этот подъём может осложнить прохождение обоза, Линдау всё же решил ехать дальше, но неожиданно наткнулся на упавшую сосну, перегородившую путь, от которой налево отходила ещё одна дорога. Поскольку она вела на восток, он решил проверить и её.

Лес вокруг обступал этот просёлок плотной тёмной стеной. Седые от моха еловые лапы нависали так низко, что иногда всадникам приходилось нагибаться, чтоб проехать под ними. Однако если верить карте, этот просёлок через какое-то время должен был вывести их на тракт, ведущий в Магдебург. Оттуда можно было свернуть на север и добраться до места, где путь поворачивал на восток и дальше шёл по берегу реки.

Вскоре они увидели слева ответвление дороги, отмеченное серым каменным столбом, в котором угадывался оплывший от времени идол. Возле него на траве сидел оборванный мальчишка. При их появлении он встал и крикнул:

— Благородные господа, не желаете ли отдохнуть в таверне «Кабанья голова»? Она тут близко, — он указал куда-то за поворот. — Жареное мясо и холодный эль, а также свежий хлеб и рыба, которая только утром плавала в горной реке.

Барон отрицательно покачал головой и проехал мимо. Мальчишка какое-то время смотрел вслед отряду, а потом протяжно свистнул. Дорога тем временем начала спускаться ниже, слева и справа её обступали крутые склоны, поросшие лесом. Осматриваясь по сторонам, барон Линдау, тем не менее, не заметил, что наверху, в зелени кустов притаились несколько лучников. Свист стрел оказался для него полной неожиданностью, а сопровождавшие его воины даже не успели схватиться за свои арбалеты, бессильно поникнув в сёдлах с пробитыми длинными стрелами телами. Тут же из кустов выбежали люди в тёмных куртках и, размахивая мечами и тяжёлыми дубинами, бросились на рыцарей. Барон Линдау и его сыновья успели выхватить мечи, но нападавших было слишком много, и они вскоре стащили всадников с сёдел. Их разоружили и поставили на колени прямо в дорожную пыль, а потом к ним подъехал на высоком чёрном коне массивный всадник в железных доспехах, чьи плечи были покрыты плащом из волчьих шкур. Он был светловолосым и его грубое, красное, обветренное лицо украшали длинные усы и густая борода.

— Кто вы такой? — возмущённо крикнул ему барон, подняв голову. — Как смеете нападать на людей короля Сен-Марко?

— А, значит, вы люди короля, — проговорил тот, криво усмехнувшись. — Что ж, король Ричард — богатый человек, а стало быть, ему придётся сильно раскошелиться, чтоб получить обратно своих людей живыми!

В этот раз войско короля встало на ночную стоянку под стенами замка графа Мартена, сын которого вместе со своими людьми служил Сен-Марко и прибыл в родной дом заранее, чтоб подготовить королю достойную встречу. Сам король и его свита проследовали по пыльной дороге на самый верх высокого холма, где в окружении двойной крепостной стены стоял замок, состоящий из восьми башен. Там было достаточно места, чтоб разместить всех приближённых короля и их слуг, а также отряд гвардии, тут же занявшей посты у ворот и на стенах. Старый граф и его супруга сами вышли встречать короля, и вскоре в нижнем зале донжона начался пир, на который были приглашены музыканты, певцы и акробаты.

Молодой Мартен был чрезвычайно горд честью, выпавшей его семье, и воспользовался возможностью чуть ближе сойтись с молодыми друзьями наследного принца, к которым в иной ситуации не посмел бы и приблизиться. Те же вскоре приняли его в свой круг, оценив его скромность и хорошие манеры.

Пир был в разгаре, когда за стенами на широких лугах были установлены последние шатры и зажгли костры, на которых слуги готовили еду. Марк де Сегюр тоже остался внизу, он не пожелал покинуть своих друзей ради сомнительного счастья оказаться среди высокопоставленных командиров и придворных, и снова чувствовать на себе полные вожделения взгляды Монтре. С королём поехал де Грамон, и он согласился, что кому-то нужно остаться в лагере на какой-то непредвиденный случай.

Ничего такого Марк не ожидал. Он был рад возможности покинуть седло после долгого перехода, и, сняв куртку и рубаху, мылся возле своего шатра, в то время как Шарль лил ему из ковша на руки и шею чистую ледяную воду. Он только взял с плеча оруженосца льняное полотенце, как увидел подходящего к нему молодого офицера из свиты графа де Бове.

— Господин барон, — проговорил тот взволнованно, — только что прибыл оруженосец барона Линдау, одного из тех, что уехали прошлым днём вперёд для разведки дороги. Он говорит, что барон и его сыновья захвачены в плен, сопровождавшие его кавалеристы убиты.

— Кто их захватил? — нахмурился Марк, и офицер вместо ответа протянул ему письмо, написанное корявым почерком.

Пробежав его глазами, Марк обернулся к оруженосцу.

— Шарль, быстро приведи моего коня. Офицер, вы поедете со мной в замок и прихватите парня, что привёз письмо.

Замок был освещён ярким светом факелов, из распахнутых ворот, ведущих в зал донжона, слышалась музыка и смех гостей. Марк спешил во дворе и направился к воротам в зал. Пир был устроен в просторном круглом помещении, немного промозглом, несмотря на то, что в глубине был растоплен огромный камин, и в то же время душном, так как проветривался он только через узкие бойницы, расположенные на верхней деревянной галерее, куда вела крутая лестница. Король сидел за широким столом рядом с хозяином и милостиво беседовал с ним. Чуть в стороне рядом с Алларом и де Мореном разместился Делвин-Элидир, а ещё дальше притулился де Грамон, явно утомлённый долгой дорогой, но по привычке внимательно прислушивавшийся к разговорам за столом.

Первым Марка заметил Монтре и радушно улыбнулся, после чего сделал знак Жувелу подыскать для нового гостя место за столом, но тем самым он привлёк внимание Рене, который этим заинтересовался и, проследив за взглядом виконта, наконец, увидел де Сегюра. Тот указал ему на улицу и тут же ушел.

Рене поспешно выбрался из-за стола и вышел во двор, где Марк показал ему письмо. Де Грамон, подойдя к факелу, прочёл его и, деловито кивнув, вернулся в зал.

Через некоторое время в большой столовой, расположенной на втором этаже донжона, служившего жилым домом для графа и его семьи, состоялось совещание. Эта уютная зала лучше всего подходила для подобных целей, поскольку здесь стоял длинный обеденный стол. В этот раз во главе стола сидел король, а по сторонам разместились члены совета. Ричард прочёл привезённое оруженосцем послание и сурово взглянул на него самого, стоявшего здесь же. Парень был измучен и с трудом держался на ногах. Было видно, что его сильно избили, а после этого он ещё несколько часов провёл в седле, добираясь с письмом до лагеря. Он рассказал, как на их небольшой отряд напала шайка разбойников, пленила барона с сыновьями и его самого. Пленников доставили в небольшой, неприступный замок в глубине леса.

— С моих господ они содрали не только доспехи, но и всю одежду, и так нагишом уволокли в подвал, чтоб заковать в цепи. Мне велели доставить письмо его величеству королю Ричарду, а на словах передать, что кормить пленников никто не собирается и, если выкуп не будет выплачен, они так и умрут там с голоду.

— Какая наглость! — воскликнул виконт Монтре. — Захватить слуг короля и требовать выкуп!

— Ничего не поделаешь, — мрачно проговорил де Сансер. — Эти окраинные бароны часто тем и живут, что грабят путников и захватывают заложников. У нас нет иного выхода, кроме как заплатить выкуп.

— И поощрить подобные выходки впредь? — сурово спросил король. — К тому же не высока ли цена за одного рыцаря и его сыновей, хоть он и барон? Двадцать тысяч золотых марок! Где это видано?

— Пусть платит его родня! — тут же подхватил Монтре.

— У него нет родни, — проворчал Вайолет. — Барон Линдау беден, живёт в городке Бремен в доме, полученном в приданое за женой, но после её смерти проводит всё время на службе в Сен-Марко. Кроме сыновей, которых захватили вместе с ним, у него нет родственников. Да и в любом случае, такие деньги у него никогда не водились.

— Я не стану платить, — хмуро проговорил король.

— Но барон является вашим человеком, — напомнил де Сансер, — и оставить это делотак, значит, продемонстрировать всем, что вы не заботитесь о своих подданных.

— А заплатить, значит, спустить оскорбление, — Ричард мотнул головой. — Нет! Я скорее прикажу взять замок штурмом и повешу этого разбойника на дубе!

— Как выглядит этот замок? — де Сансер обернулся к оруженосцу.

— Он небольшой, но высокий, окружён рвом с быстро текущей водой. По бокам четыре башни, я видел там много воинов с луками и стрелами, там же на стенах стоят котлы и навалены дрова.

— То есть он готов к нападению.

— Ещё лес вокруг замка вырублен на расстояние полёта стрелы, — добавил оруженосец. — Дорога только одна, перед замком зажата между двумя скалами. Наверху — постовые. Во дворе замка я видел колодец и телеги с мешками. У них есть вода и запас провианта.

Взгляд короля, наконец, смягчился.

— Ты молодец, парень. Не смотря на выпавшие на твою долю испытания, ты проявил наблюдательность. Как тебя звать?

— Жерар, ваше величество.

— Ты заслужил награду и, без сомнения, получишь её. Пока иди. Тебе нужно отдохнуть, но если ты понадобишься, мы тебя позовём.

Юноша поклонился и, прихрамывая, вышел из комнаты.

— Взять такой замок с наскока не получится, — заметил де Сансер. — Потребуется осада. К тому же ремесло, которое освоил этот разбойник, приучило его к осторожности и готовности защищаться.

— Значит, мы просто пройдем мимо и оставим барона Линдау погибать? — спросил принц Жоан, сидевший тут же. — Я сам выплачу за него выкуп!

— Нет! — король стукнул кулаком по столу. — Этот... как его? Барон фон Деррек должен быть наказан! Он не получит от нас и медной монеты! Да, сейчас мы ничего не можем сделать, но на обратном пути мы возьмём его замок, повесим его на дубе и сроем это разбойничье гнездо до основания! Мы отомстим за барона Линдау и его сыновей.

— Может, направить туда часть армии? — задумчиво спросил граф де Бове.

— Делить армию из-за такого случая в начале похода? — переспросил де Сансер. — Как бы жестоко это не звучало по отношению к барону Линдау, но этого делать нельзя. Мы итак скоро вступим на чужую территорию и там возможно всякое. Может, наших людей будут похищать, устраивать нам засады, встречать копьями и мечами. И каждый раз мы будем лезть в драку? Мы за год не доберёмся до восточных гор и растеряем если не половину, то треть армии. Думаю, его величество прав. Нам следует в этот раз стерпеть обиду и смириться с этой утратой, чтоб отомстить потом, когда у нас уже будет закалённая в боях армия и время, достаточное для осады.

В дверь постучали, и на пороге появился капитан королевских гвардейцев Карнач.

— Ваше величество, простите мне мою смелость, — произнёс он, поклонившись. — Позвольте мне говорить.

— В чём дело, капитан? — раздражённо проговорил король. — Мы собрались здесь по важному делу.

— Именно по этому делу я и хочу сказать. Мои люди сейчас с этим оруженосцем, Жераром. Пока они обрабатывали его раны, он рассказал, что произошло с его хозяином. Я могу предложить бескровный вариант освобождения барона Линдау.

— Вот как? — оживился Ричард. — Говорите, капитан. Как это можно сделать?

— Нужно малыми силами пробраться ночью в замок и вывести оттуда пленных.

— Конечно, — кивнул с иронией Вайолет. — Как нам это не пришло в голову! Вы умеете проходить сквозь стены?

— Нет, но мы умеем проникать туда, где нас не ждут. Небольшая группа подготовленных солдат может проникнуть куда угодно.

— О каких солдатах вы говорите? — уточнил де Сансер.

— О своих.

— Как вы проникните в замок? — повернулся к нему Марк де Сегюр, сидевший в конце стола.

— Пока не знаю, но мы проникнем. И даже если у нас не получится, его величеству удастся сохранить репутацию защитника своих подданных, не выплачивая выкуп.

— А если вы сами попадёте? — воскликнул обеспокоенный принц.

— Мы выкрутимся, — успокоил его Карнач и взглянул на короля.

Тот, прищурившись, смотрел на него.

— Не знал, что вы обладаете такими навыками, капитан, — заметил он. — Мне будет

жаль потерять столь блестящего офицера и ваших лучших людей, но я склонен позволить вам рискнуть. Отправляйтесь, берите всё, что вам нужно, кроме двадцати тысяч марок, конечно.

— Я поеду с ними, — проговорил Марк, поднимаясь. — Мой отряд в любом случае не будет лишним в таком деле и не привлечёт внимания.

— Я думаю, что это хорошая идея, — заметил Делвин-Элидир, обращаясь прямо к капитану.

Тот кивнул.

— Мы будем готовы выступить через час, — сообщил он.

— Встретимся в лагере, — проговорил Марк и, поклонившись королю, вышел вслед за Карначом.

— Как можно проникнуть в замок, не взяв его на приступ? — пробормотал Вайолет и вопросительно взглянул на де Сансера.

Тот пожал плечами.

— Мне показалось, что капитан знает, о чём говорит.

— Может, он, действительно умеет проходить сквозь стены или летает по воздуху? — усмехнулся Монтре. — Может, он заключил сделку с дьяволом?

Барон Делвин-Элидир бросил на него мрачный взгляд и промолчал.

— Если и так, — задумчиво произнёс король, — в данном случае он действует благородно. А какими средствами, не так уж важно.

Времени на сборы было не так много, потому Карнач не стал затягивать и, сняв с постов своих товарищей, велел им собраться там, где лежал на лавке оруженосец барона Линдау. Рагнар Белов как раз заканчивал накладывать повязку на его повреждённое колено.

— Значит, король не бросил моего хозяина? — спросил он, с надеждой посмотрев на капитана.

— Конечно, нет. А теперь соберись и подробно опиши, что ты видел по дороге в замок барона фон Деррека и в самом замке.

Когда Жерар закончил свой рассказ, Карнач кивнул:

— Выезжаем из лагеря через полчаса. С нами будет барон де Сегюр со своими людьми.

— Это тот, что проморгал Хока? — уточнил Стэн.

— Мы не знаем, что случилось с вашим старпомом, но, может, это подходящий случай выяснить. Юра, ты остаёшься.

— Это ещё почему? — возмутился Булатов.

— Ты рыцарь, а не нинздя. В этом деле нужны стрелки, а не астронавигатор. Извини.

— Но Рагнар и Фарид тоже не стрелки, они механики!

— В их подготовке я не сомневаюсь.

— погоди, — остановил командира Валуев. — Мы не можем оставить его здесь одного. Если мы не вернёмся, он что, будет выкручиваться сам? Мы возьмём его с собой, но не на само задание. А если с нами что-то случится, он уйдёт в Магдебург и сообщит нашим.

— Он может уйти отсюда.

— Нет, из расположения армии ему будет уйти сложнее.

— Ладно, — отмахнулся Карнач. — В конце концов, лишний меч нам не помешает.

— Ага, особенно если учесть участие в акции головорезов де Сегюра, — заметил Москаленко. — От одних слухов дрожь пробирает.

— Пошли, — проворчал капитан. — Кони итак устали после перехода, а нам ещё часа три, если не больше, добираться до этого разбойничьего логова.

Они вышли во двор и направились к конюшне, а навстречу им уже спешил молодой Мартен.

— Сколько вас? Семеро? — спросил он. — Подождите, сейчас для вас оседлают свежих коней, ещё двух для рыцарей барона де Сегюра отведёте с собой в лагерь. Остальных ему приведут прямо с пастбища.

— Вы очень добры, кавалер Мартен, — благодарно взглянув на него, произнёс Карнач.

— Моя семья с радостью окажет любую услугу королю и его рыцарям, особенно в таком деле. Бедняга Линдау! Надеюсь, вы вытащите его и мальчишек. Им бы ещё деревянными мечами махать, а они уже служат наравне с взрослыми.

— Вы что-нибудь знаете об этом разбойнике, бароне фон Дерреке?

— Я по просьбе барона де Сегюра расспросил наших слуг, кого смог в этой суматохе. Один из конюхов слышал о нём. Его замок все стараются объезжать стороной, поэтому он устраивает засады на ближайших дорогах. Сам себя зовёт Бешеной росомахой, и хвастается, что голыми руками душит волков на охоте.

— Это он ещё с бурыми медведями не встречался, — проворчал Москаленко, натягивая перчатки.

— Что верно, то верно, — усмехнулся Мартен. — Медведи в тех местах не водятся, а волков много.

— Тогда его ждёт большой сюрприз, — заметил Валуев.

Из конюшни слуги вывели девять высоких коней. Гвардейцы сели в сёдла и, взяв за повод ещё двух, выехали через распахнутые ворота. В лагере они сразу отправились в свои шатры и взяли вещмешки, привезённые с собой со звездолёта. Прикрепив их к сёдлам, они проверили оружие, и Карнач отправился к шатру де Сегюра. Его люди тоже были готовы к выступлению. Оруженосцы привязывали к сёдлам сумки с припасами и дополнительным вооружением.

Марк стоял вместе с Ламбером и Ла Модем, при свете факела разглядывая карту, которую дали ему в штабе. Когда капитан подошёл, он указал точку на карте.

— Судя по всему, это здесь. Линдау ехал окружным путём, вот так. Его целью было найти дорогу, подходящую для прохода армии. У нас такой задачи нет, потому мы срежем здесь и вот тут через лес. Эти места знает Гюнтер, оруженосец Делажа.

— Не заблудимся ночью в лесу? — озабоченно спросил Карнач.

— Нет. Мы затратим на дорогу на пару часов меньше, особенно если пойдём через этот перевал. Тут хорошая дорога, хоть и узкая. Вопрос в том, как нам незамеченными проехать в замок?

— Мы не будем этого делать, — покачал головой капитан. — Смотрите, замок окружён невысокими горами и лесом, к нему идёт только одна дорога, но, я уверен, вокруг много троп. Мы сворачиваем вот тут у каменного столба, сразу за ним есть харчевня. Учитывая, что она стоит на дороге, ведущей к замку и больше никуда, там заправляет кто-то, кто связан с фон Дерреком. Эту харчевню мы займём и посмотрим, что там. Возможно, там и устроим базу, и заодно отрежем замок от дороги. После налегке через лес подойдём к замку и осмотримся. Остальное решим на месте.

— Хорошо, — кивнул Марк и, свернув карту, сунул её во внутренний карман куртки. — По коням?

Вскоре небольшой отряд выехал из лагеря и помчался на восток. Ночь началась не так давно, небеса ещё давали достаточно света, и всё вокруг было залито мягким голубоватым сиянием. Марк, скакавший впереди, хотел использовать это относительно светлое время для того, чтоб добраться до замка барона фон Деррека до темноты. Рядом с ним, преисполненный собственной значимости, скакал Гюнтер, чтоб указывать дорогу. Кони графа Мартена бежали по дороге, не замечая своей ноши, они были рады вырваться из тесной тёмной конюшни и лететь вот так сквозь ночь, навстречу ветру.

Вскоре де Сегюр уверенно свернул с дороги на узкий просёлок, уходивший в лес, а с него — на широкую тропу, проходящую под деревьями. Здесь было темно, густые кроны закрывали небо. Марк отцепил от седла заранее припасённый факел и зажёл его. Какое-то время отряд двигался шагом почти вслепую, ориентируясь только на этот факел впереди, но вскоре деревья снова расступились, и показалась широкая дорога, в которой просматривались две колеи от часто проезжавших телег. Так, меняя одну дорогу на другую, сворачивая то на лесную, то на каменистую тропу, проезжая по лесам, лугам и переваливая через низкие горюшки, поросшие тощими деревцами и зарослями дрока, отряд, наконец, выехал на дорогу, которой несколько часов назад проезжал барон Линдау. Вскоре они наткнулись и на поваленную сосну.

Остановившись, Марк спрыгнул с коня и подошёл, чтоб осмотреть её.

— Срублена, — сообщил он. — Мы на правильном пути. Харчевня за тем поворотом. Мы должны захватить её. Времени у нас не так много. Нужно, чтоб никто не успел ускользнуть и предупредить фон Деррека о прибытии вооружённого отряда. Поэтому налетаем и сразу окружаем дом и прилегающие постройки, чтоб даже мышь не прошмыгнула. Ла Моль, Дюпон, Фонтейн, Арно, Бенар, Клеман, останетесь снаружи и будете ловить всех, кто попытается выскользнуть из западни. Остальные за мной — внутрь. Господин капитан, вы и ваши люди будете ждать нашего сигнала у каменного столба. Как только услышите свист, подъезжайте.

Он затушил факел, сунув его в дорожную пыль. Его рыцари и их оруженосцы спешили и, достав из сумок тряпки, принялись обматывать ими конские копыта. Карнач наблюдал за их действиями с интересом. Судя по всему, барон де Сегюр знал, что делает, и вмешиваться не имело смысла. После того, как приготовления были закончены, они снова сели в сёдла и отряд свернул в сторону каменного столба. На сей раз, возле него никого не было. Видимо, ночью никто не ждал здесь путников, и мальчишка отправился спать. Карнач остановился и дал знак своим людям оставаться на месте, а барон де Сегюр поскакал дальше. Всадники, как призраки, скрылись в темноте, и сколько гвардейцы не прислушивались, они так ничего и не услышали. На пыльной дороге кони с обёрнутыми тряпками копытами двигались бесшумно, как тени. Разве что чуть позвякивала упряжь, да всхрапывали кони, но в окружении густого леса эти негромкие звуки растворялись в ночной тишине, и даже далёкий крик совы и шум ветра в кронах деревьев был слышней.

Прошло совсем немного времени, когда издали раздался лихой свист и гвардейцы помчались следом за отрядом де Сегюра. Подъехав, Карнач понял, что правильно делал, когда не рвался участвовать в этом налёте.

Харчевня представляла собой двухэтажный постоялый двор с небольшой коновязью и кормушкой возле входа. Дом был маленький, видимо, рассчитанный на небольшое количество постояльцев, да и вряд ли кому-то удавалось прожить там больше одной ночи. Как раз когда гвардейцы подъехали, из дверей харчевни вышел де Сегюр, вытирая тряпкой

окровавленный клинок своего кинжала. Рядом с коновязью лежал труп полураздетого мужчины с ножом в руке, над ним присел на корточки невозмутимый Делаж. Потом послышался шум и из-за угла появился Дюпон, который тащил упирающегося мальчишку, зажимая ему рот.

— Вылез через окно, гадёныш, — пояснил он. — Что с ним делать?

— Связать и — в кладовку к мамаше, — ответил де Сегюр. — Оруженосцы, все трупы из дома — в хлев на заднем дворе. И наведите в зале порядок!

— Вы быстро управились, — заметил Карнач, спешившись.

— Тут такое дело, капитан, — пробормотал Марк, наблюдая, как два оруженосца подхватили лежащий у коновязи труп и потащили за угол. — Или быстро, или никак. Поднимать шум не в наших интересах, а чтоб его не поднимать, нужно было всё сделать быстро и тихо.

— Что внутри? — спросил Москаленко, привязывая коня к коновязи.

— Хозяйка и служанка, несколько бандитов, видимо, из замка. Наверху занята лишь одна комната. Постоялец, судя по мантии, — чернокнижник, с ним помощник. Пока их заперли. Потом поговорим. И вот ещё мальчишку поймали.

— Хозяйка сразу схватилась за нож, — сообщил Делаж. — Пришлось её успокоить, но убивать пока не стали, связали и заперли в кладовке. Девчонка-служанка напугана, забилась под лавку так, что не выцарапаешь. Успокойся — вылезет. Ну, а бандитов пришлось покрошить.

— Поторопились, — проворчал де Сегюр. — Нужно было хоть одного оставить и допросить.

— Мне кажется, скоро ещё появятся, — пожал плечами Делаж. — Чем эта харчевня живёт? Много ли здесь путников проходит? Только те, кто едет в замок, но им харчевня ни к чему. Она тут стоит, чтоб заманивать простаков и грабить, однако, их тут вряд ли много бывает. Наверняка хозяйка живёт с того, что оставляют здесь парни из замка.

— Возможно, — кивнул де Сегюр.

— Жерар рассказывал, что мальчишка пытался заманить их сюда, — добавил Москаленко. — А когда они проехали мимо, свистел, видимо, подав знак тем, кто сидел в засаде дальше. Тоже наверно не по доброте душевной старался.

— В общем, тоже разбойничье гнездо, — кивнул Марк. — Будем уходить — спалим. А пока нужно поставить постовых на дороге с обеих сторон, чтоб никто незамеченным не подобрался. Всех задерживать и допрашивать. Нам нужно знать всё, что можно, о замке и его владельце.

Из дверей показался Шарль и кивнул:

— Мы прибрали, ваша светлость.

— Идёмте, господа. Делаж, отправь оруженосцев по двое вверх и вниз по дороге, если кого заметят, пусть подадут сигнал.

Молодой рыцарь кивнул, и тут где-то неподалёку свистнула птица. Марк настороженно осмотрелся, звук был необычным. Он никогда не слышал такого в здешних местах. А тут ещё Москаленко поднёс руки к лицу, но капитан резко ударил его по пальцам и прошипел что-то на незнакомом языке.

— Что это? — нахмурился Марк, глядя на Карнача, в то время как другие гвардейцы напряжённо всматривались в темноту.

От капитана не укрылось, что он положил руку на рукоятку кинжала.

— Я полагаю, что это свои, — нехотя ответил он и бросил на Игната испепеляющий взгляд.

— Кто это, свои? — звенящим от напряжения голосом спросил Делаж, а гвардейцев тем временем обступили рыцари де Сегюра.

— Люди с нашего звездолёта, — ответил Карнач, подняв руки. — У нас разработана система звуковых сигналов. Этот означает: «Я тебя вижу».

— Откуда они здесь? — подозрительно спросил Марк.

— Это только они могут объяснить, но я не стану их вызывать сюда, если вы не гарантируете им безопасность.

Марк какое-то время смотрел на него, потом кивнул и дал знак своим рыцарям. Они сняли руки с эфесов и расступились. Карнач сложил ладони возле рта и издал похожий, но немного другой звук.

— Слышу, слышу... — раздался совсем рядом негромкий голос, и от стены харчевни отделилась тень, которая превратилась в высокого красивого мужчину с длинными вьющимися волосами, собранными в хвост на затылке.

Он был непривычно смуглым и черноглазым. На нём был необычный костюм из ткани настолько чёрной, что казалось, она поглощает свет. На боку висели ножны с широким кинжалом странного вида. Если Марк и сомневался, что незнакомец пришёл с какого-то звездолёта, то все его сомнения отпали. Этот парень был так же хорош, как гвардейцы, его внешность была необычна для этого мира, и при этом он был одет и экипирован так, что здесь никому такое не пришло бы в голову.

— Мангуст! — узнал его Карнач, остальные гвардейцы тоже были рады его видеть.

Они по очереди жали ему руку и обнимали.

— Это командор Бахар, — представил его де Сегюру Карнач. — Он с того же звездолёта, что и наш столь внезапно исчезнувший друг командор де Мариньи.

— Мангуст, — незнакомец так уверенно протянул ему руку, что Марк невольно улыбнулся и пожал её.

— Барон де Сегюр.

— Что там с де Мариньи? — Мангуст немного тревожно взглянул на Карнача, но тот пожал плечами и взглядом переадресовал этот вопрос рыцарю.

— Жив, больше ничего не скажу, — нехотя проговорил тот. — В ваших и его интересах, чтоб в лагере короля Ричарда об этом никто не знал.

— Ладно, — покладисто согласился Карнач и обернулся к Мангусту. — Откуда ты здесь взялся?

— Я не один. Со мной Волк и Байбал. Мы здесь по делу, и, я полагаю, вы тоже.

— А какое дело у вас? — спросил Делаж, который всё ещё не мог избавиться от своих подозрений.

— Мы должны вытащить кое-кого из того замка, что стоит дальше по дороге.

— Какое совпадение! — усмехнулся Иван Валуев. — Мы тоже.

— Тех рыцарей, что днём привезли туда эти головорезы? — уточнил Мангуст. — Мы видели. Давно следим за этим местом, но так пока и не придумали, как добраться до нашего парня. Но если вы нам поможете, то вытащим всех, и ваших тоже.

В маленьком тёмном зале харчевни было душно и темно, но вкусно пахло едой. Худенькая служанка, которую Мангуст уговорил своим ласковым голосом вылезти из

укрытия, наконец, поверила, что ей ничего не угрожает среди благородных рыцарей, и теперь торопливо разносила по столам плошки с горячей похлёбкой и кувшины с элем.

За столом с Марком, Ламбером и Ла Модем сидели Карнач, Мангуст и Байбал. На него рыцари поглядывали с нескрываемым любопытством, столь необычным было для этого мира его плоское лицо с узкими глазами и широким носом. Да и одет он был странно — в синий кафтан с отделкой из кожи и меха. Но, несмотря на их интерес, он держался невозмутимо, и даже закурил длинную трубку, кивая головой на то, что рассказывал Мангуст.

— Мы расспросили людей в соседних деревнях. Все этого фон Деррека боятся, как огня. Считается, если войдёшь в ворота его замка, то обратно не выйдешь. Но мы нашли всё же тех, кто вышел, потому, что там внутри примерно знаем. Каждый день барон устраивает на дороге засаду, такую, в какую попал ваш рыцарь. Мальчишка из харчевни сторожит возле идола и подаёт им сигнал, если кто-то едет мимо. Пока мы здесь, этот мелкий негодяй заманил в харчевню несколько небогатых торговцев. Потом их останки выносили на задний двор и кидали свиньям. Так что идея всё тут спалить лично мне нравится. О самом замке мы знаем не так много, но всё, что вокруг, уже обследовали вдоль и поперёк. Тут множество троп, которые ведут к разным дорогам и вглубь леса, где у барона устроен схрон с запасами провианта, воды и пороха. Замок хорошо защищён, стены высокие, но подняться можно. На стенах — караульные, сменяются раз в четыре-пять часов. Ров вокруг замка неширокий, можно переплыть в два счёта. Гарнизон в замке небольшой — около полусотни человек вместе с теми, кто грабит на дорогах. Вооружены мечами и дубинами, но судя по тому, что мы нашли порох в лесу, в замке он тоже есть. Раз в несколько дней из замка уезжает отряд за запасами провизии, к темноте всегда возвращаются с подводами. Последний раз выезжали этим светлым днём, так что в ближайшее время вряд ли куда поедут.

— Грабят в светлое время суток? — спросил Карнач.

— По ночам здесь никто не ездит, грабить некого. Все по домам сидят. Нехороший район, опасный.

— Значит, у нас времени — до утра. Нужно, чтоб кто-нибудь пробрался в замок и разведал обстановку.

— Хорошая идея, — Мангуст откинулся назад и усмехнулся. — Только туда, Саша, можно попасть исключительно перекинутым через седло, а осмотреть после этого удастся разве что подземелье. Я уже думал об этом, прикидывал так и так. Фон Деррек открывает ворота только тем, кого знает или кого ждёт.

— Нужно что-то придумать, — покачал головой Карнач. — Кто-то должен туда войти, осмотреться, потом снять часовых на стене, чтоб остальные могли подняться наверх. Затем действовать быстро и чётко: освободить пленников и вывести их за стены.

— По пути сцепившись с полусотней бандитов? Сколько нас будет?

— С вами — девять.

Мангуст задумался.

— Расклад неплохой, вопрос: как проникнуть внутрь?

— Нужно расспросить чернокнижника, — Байбал, который до этого сидел за столом, как статуя Будды, молча и неподвижно, ткнул своей трубкой в потолок. — Он приехал засветло, остановился здесь и его ещё не убили. Почему?

— А может?.. — Мангуст возбуждённо взглянул на него, а потом обернулся: — Ребята, приведите-ка сюда того типа в мантии сверху! — он снова посмотрел на Карнача. — Дело в том, что этот колдун может ехать к фон Дерреку по одному делу, связанному с нашим

парнем. И если это так...

— То у нас есть пропуск в замок? — усмехнулся тот.

Чернокнижник оказался высоким худым человеком с длинными жидкими волосами жёлтого цвета, словно приклеенными к блестящему черепу. У него был острый нос и обтянутые пергаментной кожей скулы. Мантия его на поверку оказалась не только чёрной, но ещё и расшитой чёрным блестящим бисером, складывающимся в рисунки в виде черепов, кинжалов, змей и летучих мышей. Он был сильно напуган, но сначала пытался хорохориться, и даже угрожал наслать на пленивших его рыцарей проклятие.

— Закрой рот и сядь, — проговорил Марк, указав ему место на скамье рядом. — Девочка, принеси ему поесть и выпить.

Чернокнижник внимательно посмотрел на него и послушно сел, а после того, как перед ним появилась миска с похлёбкой, схватился за ложку.

— Кто ты такой и что здесь делаешь? — спросил Марк, повернувшись к нему, и достал из ножен стилет.

Осмотрев свою руку, он принялся остриём вычищать из-под ногтей грязь, а колдун, настороженно глядя на него, заговорил:

— Меня зовут Ортей Мартус. Я практикую чёрную магию и живу в свободном городе Магдебурге. Меня вызвал барон фон Деррек, он написал мне, что поймал архуна, но тот не хочет превращаться. Если я заставлю его сделать это, то он мне щедро заплатит.

— Сколько? — спросил Марк.

— Тысячу марок золотом.

— Не так что б очень много, но... Он знает тебя лично? Видел когда-нибудь?

— Нет, он знает обо мне только то, что я являюсь специалистом по выявлению и уничтожению оборотней. Но обычно я работаю на востоке от Магдебурга.

— Там нет оборотней, — вынув трубку изо рта, заметил Байбал.

— Теперь нет, — невозмутимо ответил Ортей.

— Покажи письмо, — Марк протянул ему руку, и чернокнижник поспешно вытащил из кармана своей мантии сложенный вчетверо листок.

Он был исписан тем же корявым почерком, что и письмо с требованием выкупа за барона Линдау. Прочитав, Марк передал его Мангусту и обернулся к Ортею.

— У тебя неприятности, друг мой. Барон фон Деррек захватил людей короля Ричарда. Тот был очень оскорблён, он приказал взять замок штурмом и перебить всех, кого найдут внутри. Мы — передовой отряд. Остальные уже в пути. К утру они будут здесь, и начнётся заваруха, из которой тебе не выбраться живым. Ты действительно так хочешь получить эту тысячу марок?

— Я в несколько стеснённых обстоятельствах, но... жизнь мне дороже. Я предпочёл бы вернуться домой.

— Это мудрое решение, — одобрил Марк.

— Я готов предложить вам за вашу мантию десять марок, — произнёс Мангуст, прочитав письмо.

— Она стоит сто марок! — тут же сориентировался Ортей.

— Как хотите, — Мангуст пожал плечами и отвернулся, словно утратив к нему интерес.

— Отдам за семьдесят, — добавил чернокнижник и, не дождавшись реакции, вздохнул: — пятьдесят.

— За эти лохмотья? — вдруг громко возмутился Мангуст, отчего несчастный

чернокнижник даже подпрыгнул. — Я в твоей мантии не жениться собираюсь! Смотри, она год как не стирана, шов у ворота расходится, бисер осыпается! Даю пять и только из сострадания к твоим стеснённым обстоятельствам!

— К тому же он может и не платить, — улыбнулся Марк и небрежно воткнул стилет в стол рядом с рукой чернокнижника.

— Хорошо, я согласен, — вздохнул опечаленный Ортей и, приподнявшись, начал стаскивать с плеч мантию.

— Вот что значит торговаться с турком, — рассмеялся Москаленко, сидевший за соседним столом и с интересом наблюдавший за этой сценой.

— Особенно если к торгу присоединится барон с кинжалом, — усмехнулся Валуев.

Впрочем, когда Мангуст достал монеты, чернокнижник тут же воспрянул духом, он никак не ожидал, что они будут золотыми. Спрятав деньги, он вежливо раскланялся с рыцарями и удалился наверх, ждать утра, чтоб вернуться домой в Магдебург.

— Так как мы проберёмся внутрь? — спросил Карнач, брезгливо осматривая мантию. — Я уже понял, что кто-то выдаст себя за колдуна.

— Я, — ответил Мангуст. — Со мной пойдут Байбал и, надеюсь, Волк.

— Надеешься?

— Он уже давно не становился человеком, яначинаю думать, что и не собирается...

В этот момент дверь в харчевню распахнулась, и в зал заглянул Шарль.

— Сигнал от замка, кто-то едет!

Рыцари и свободные от караула оруженосцы, схватив оружие, выбежали на улицу. Было тихо, и какое-то время они прислушивались, глядя в сторону замка. И, наконец, снова послышался необычный крик птицы.

— Это Волк, — определил Мангуст и бросился к коновязи.

Он отвязал двух коней, и сев в седло, второго повёл в поводу.

— Кто этот волк? — де Сегюр обернулся к Карначу. — Это кличка? Или у вас волки кричат, как птицы, и ездят верхом?

— Это имя, барон, имя командира всея стрелков нашей маленькой армии, — и капитан оправил кольчугу и пригладил свои густые чёрные кудри.

Скоро послышался стук копыт и к харчевне подъехали два всадника. Через седло одного из них был перекинут человек в оборванной одежде, руки и ноги которого были связаны пластиковыми лентами. Мангуст, спешившись, начал с помощью Байбала снимать со спины лошади пленника. Со второго коня легко спрыгнул Белый Волк в своём человеческом облики. На нём теперь тоже был десантный костюм «хамелеон», и в полумраке наступившей ночи его высокая плечистая фигура выглядела монументально, что подчёркивалось безупречно прямой осанкой и резкими чертами лица, словно выточенными из камня. К нему тут же подошёл Карнач и доложил:

— Командор второго класса, сводная группа стрелков баркентин «Паладин» и «Пилигрим» в количестве шести человек находится в данном районе с целью освобождения из плена четырёх человек, захваченных бароном фон Дерреком. К группе приданы старший астронавигатор баркентины «Пилигрим» командор третьего класса Булатов и механики баркентины «Паладин» капитан Белов и лейтенант Аль-Сафар. Группа готова к выполнению задания. Докладывал командор третьего класса Карнач.

— Принимаю группу под своё командование, командор, — кивнул Волк и посмотрел на де Сегюра.

Карнач поспешно представил их друг другу. Неизвестно, что произвело на Марка большее впечатление, суровый и величественный вид старшего стрелка или то почтение, с которым относились к нему его подчинённые, но он без колебаний согласился с тем, что именно Белый Волк будет руководить последующими действиями по освобождению пленных.

Тот в нескольких словах объяснил, что слышал их разговор с Мангустом и, прежде чем присоединиться к коллегам, предпринял некоторые шаги, чтоб подготовить операцию по освобождению пленников.

— В замке подняли подвесной мост, а «язык» нам нужен, — спокойно объяснил он, указывая на перепуганного разбойника, которого уже затаскивали внутрь харчевни. — К тому же караульные на скалах вокруг дороги нам явно не к чему. Я снял одного, второго привёз, ребята его допросят. Байбал, возьми кого-нибудь из наших и верхом поезжайте в лес к схрону, привезите оттуда бочонок с порохом и спрячьте недалеко от замка, он нам понадобится. Капитан Карнач, каким снаряжением вы располагаете?

Пока Карнач докладывал Волку о снаряжении, остальные приступили к допросу захваченного разбойника. Через час вернулись Байбал и Фарид с сообщением, что бочонок с порохом спрятан в кустах возле дороги недалеко от замка.

Стрелки придвинули к очагу один из столов и поставили по краям факелы, чтоб он был хорошо освещён. Взяв из ящика уголь, Карнач начертил на досках столешницы план замка, на который тут же наносились сведения, выдаваемые пленным. Он был напуган тем, что оказался в руках рыцарей и, более того, очень странных людей в необычной одежде, и с готовностью отвечал на все вопросы, добавляя от себя дополнительные подробности, чтоб выторговать для себя если не свободу, то хотя бы не самую жестокую смерть. Когда стало ясно, что он рассказал всё, что знает, его отвели в кладовку к хозяйке харчевни и её сыну.

— Значит так, что мы имеем, — Карнач стоял над столом, осматривая план. — Замок состоит из четырёх башен и соединяющих их крепостных стен. Две передние башни носят названия: левая — пороховая, потому что там расположен арсенал и в подвале — пороховой погреб, и правая — караульная. В ней — казармы для гарнизона и шайки, которая занимается разбоем. Между башнями — окованные железом ворота, прикрытые подъёмной решёткой, и перекидной мост. Задние башни — левая — башня барона, где наверху находятся жилые помещения, ниже — кухня, в подземелье — тюрьма, где держат пленных. Правая башня так и называется «задняя», там мастерские и кузня, в подвале склад награбленного добра. Между этими башнями — узкая стена и внизу склад продовольствия. Между пороховой башней и башней барона широкая стена, внизу — склады и хозяйственные помещения, прачечная. Между караульной башней и задней тоже широкая стена, там наверху стоят два котла с водой, сложены дрова и имеются ёмкости с чёрным маслом, которое горит, как сказал наш источник. Внизу — конюшни, сеновал и псарня. Вот здесь во дворе, ближе к кухне и прачечной — колодец. Крепостные стены высотой около десяти-двенадцати метров, башни — пятнадцать-семнадцать. Замок окружён глубоким рвом, в который из реки поступает проточная вода. Ширина рва от семи до десяти метров, только в месте, куда опускается подвесной мост, он уже, но и там около пяти метров. Вокруг рва насыпан вал высотой от четырёх до пяти метров. Гарнизон состоит из двадцати двух человек с учётом двух караульных на скалах у дороги, то есть теперь двадцать. Вооружены луками, арбалетами и мечами. На башнях дежурят по одному-два человека, сменяются раз четыре-пять часов. Иногда посты обходит комендант замка, которого называют Косой. Шайка

состоит из двадцати пяти человек. Пятерых из них, находившихся в харчевне к моменту нашего прибытия, господин барон и его люди уже ликвидировали. Остаётся двадцать. В охране замка они участия не принимают, и сейчас, скорее всего, пьют, спят или играют в кости. К сожалению, наш источник не бывал в подземной тюрьме и не может сказать, что там.

— Это мы выясним, — спокойно проговорил Мангуст.

— Звучит зловеще, — проворчал Москаленко, рассматривая чертёж. — Не представляю, как можно вызволить пленных и вывести их через ворота, которые заперты и закрыты решёткой и поднятым мостом. К тому же, как бы не перепились эти головорезы, если поднимется тревога, то большая часть из них будет в состоянии взяться за оружие. Значит, надо попадать в замок другой дорогой, и другой — выходить, держа ворота, как запасной вариант. Шум поднимать нельзя. И поскольку в случае удачной операции нам гарантирована погоня, нужно подумать, как её избежать. Особенно если учесть, что у них есть кони и собаки.

— Кони и собаки — не проблема, — возразил Мангуст. — Пара газовых гранат в конюшню и псарню и они уснут мирным сном до утра. Ворота и мост можно подорвать снаружи, но всё равно выбираться через обломки будет сложно. Транспорта у нас нет, лучевого и огнестрельного оружия тоже.

— Нужен отвлекающий манёвр, — подал голос Иван Валуев. — Я бы взорвал пороховой погреб.

— Я б тоже, — кивнул Мангуст.

— Мы с Мангустом и Байбалом проникаем в замок, — заговорил Белый Волк. — Требуем показать архуна, которого надо превращать. Не думаю, что его потащат из подвала, скорее, проводят нас туда, так что тюрьму и подходы мы увидим. Дальше, нужно выторговать себе время на отдых, тем более что ночь только началась. Как только всё успокоится, выбираемся. Мангуст, твоя задача подготовить отсроченный взрыв порохового погреба и усыпить животных. Мы с Байбалом снимаем часовых на караульной и задней башнях. Остальные поднимутся по стене между ними. Здесь ров уже, вал крутой со стороны леса, но более пологий со стороны замковой стены. Между рвом и стеной есть узкая полоска суши. Мы убедимся, что стена наверху свободна и под прикрытием котлов и полениц подадим вам знак огнём, после чего основная часть группы поднимется по стене наверх. Булатов и Белов остаются внизу. Мост будет поднят, его надо заминировать. Бочонок с порохом придётся доставлять к воротам вплавь. Там внизу есть порожек, на который опускается нижняя часть моста. Поставите на него бочонок, на боковую поверхность прикрепите люминесцентную наклейку. По сигналу, думаю, сойдёт обычный свист, стреляете из арбалета в наклейку. На кончик болта наматываете просмоленную мешковину и подожжёте перед выстрелом.

— Сделаем, — кивнул Булатов.

— Дальше. На стене остаются Карнач, Москаленко и Аль-Сафар. Подготовите всё к отступлению. Закрепите на стене лебёдку с ременной петлёй, разольёте вокруг это чёрное масло, так чтоб при горении, оно отрезало эту часть стены от боковых. Там деревянная лестница. Её польёте только после того, как мы с пленными поднимемся обратно. Если удастся уйти тихо, то хорошо, если нас заметят, то уходим вниз по стене под прикрытием огня и арбалетов. Взрывы ворот и порохового погреба сыграют отвлекающую роль. Пленных опускаем с помощью лебёдки, сами спустимся по тросу. Не забудьте прихватить одежду и

обувь для пленных, они раздеты.

— А где мы возьмём одежду? — забеспокоился Москаленко.

— Наверняка у хозяйки сундуки награбленным набиты, — проворчал Валуев.

— Как верно сказал Игнат, погоня будет точно, даже без собак и коней, — продолжал Волк. — Даже если мост будет взорван, из замка они выберутся, и вот тут дело за вами, господин барон, — он обернулся к де Сегюру, который стоял рядом, внимательно слушая стрелков. — Как вы будете действовать, решайте сами, но не советую спешить, пусть выберутся на открытую местность. Если вы их спугнёте, и они забьются в нору, то выкурить их будет сложно.

— Согласен, — кивнул Марк, глядя на чертёж. — Ваш план вполне осуществим, хотя и рискован, но я не понял одного. Как вы поднимитесь по стене наверх?

— Это самое простое, — пожал плечами Карнач. — В наши стандартные тренировки входит скалолазание, а здесь — стена из каменных блоков с щелями между ними и трещинами. Мы просто вскарабкаемся по стене, цепляясь за выступы.

— На крепостную стену? — Марк недоверчиво взглянул на него, а потом посмотрел на лица остальных стрелков. — Ладно, я верю, что вы так можете. Значит, после того, как вы въезжаете в замок, мы располагаемся вокруг ворот и ждём в засаде.

— Именно, — кивнул Волк. — Ребята ищите сундуки этой атаманши разбойников. Мне тоже что-то поверху «хамелеона» нужно надеть. Выезжаем, как только будем готовы.

Уже была глубокая ночь, а в замке барона фон Деррека всё ещё было шумно. Из караульной башни слышались возбуждённые крики и пьяный женский смех, сквозь бойницы башни барона виднелся свет, значит, хозяин всё ещё не ложился спать. В узком тёмном дворе никого не было, только иногда кто-то из слуг пробежал по галерее, чтоб заскочить в кладовку или зачерпнуть воды из большой каменной ступы, стоявшей возле колодца, прикрытого остроконечной крышей.

Возле ворот сидели два стражника в железных нагрудниках и играли в кости, используя в качестве стола ящик, придвинутый к стене, на которой крепился факел. Они не сразу услышали призывные крики снаружи, потому что никого не ждали. Кому бы пришло в голову приехать в замок в такое время, особенно учитывая репутацию хозяина? Однако крики были настойчивыми, и одному из них пришлось встать и вскарабкаться по лестнице на площадку над воротами. Он увидел на другой стороне рва трёх всадников на высоких крепких лошадях. И хоть рассмотреть их в темноте было трудно, что-то подсказало ему, что это не бродяги и не случайные путники.

— Кто там? — крикнул он в темноту.

— Ортей Мартус из Магдебурга, — ответил ему сильный уверенный голос. — По приглашению барона фон Деррека.

— Ступайте в харчевню, сударь, и приезжайте утром, — крикнул стражник и собирался уже спуститься вниз, но услышал тот же голос.

— Спросите своего хозяина, хочет ли он шкуру архуна этой ночью или будет ждать следующей?

Поразмыслив, стражник решил выяснить этот вопрос у самого барона и отправил к нему своего напарника. Вскоре тот прибежал с приказом впустить всадников. Мост со скрипом начал опускаться, решётка пошла вверх, и ворота распахнулись. Три коня процокали копытами по мосту и вступили на утоптанную землю двора.

Барон сам вышел встречать чернокнижника из Магдебурга. Он скептически относился ко всякому волшебству, но увидев перед собой высокого молодого мужчину с чёрными вьющимися волосами и нездешне красивым лицом, облачённого в мантию, мерцающую в свете факелов, он подумал, что этот, может, и правда, что-то смылит в колдовстве. Потом он посмотрел на его спутников и подивился ещё больше, потому что у них были странные лица с узкими глазами и широкими скулами. Все трое вели себя уверенно и невозмутимо. Молодой, назвавшийся Ортеем Мартусом, спешил и взглянул на барона.

— Я спешил, как мог, чтоб успеть к этой ночи, которая будет наиболее подходящей для ритуала.

— Проходите, господин чернокнижник, — проворчал фон Деррек, с некоторой опаской взглянув на его спутников. — Ваших слуг отведут на кухню и накормят.

— Они мне нужны, — спокойно возразил Мангуст. — Они помогают мне ловить и обращать оборотней, они чувствуют их и знают их повадки. Потому я оставлю их при себе.

Он говорил так уверенно, что барон не решился спорить и кивнул.

— Когда вы начнёте, господин Ортей?

Мангуст задумчиво посмотрел на небо.

— Ещё слишком светло. Нужно подождать. Для ритуала нужно самое тёмное время. Но я хотел бы прямо сейчас посмотреть на вашего архуна. Это такая редкость, что, может быть, вы ошиблись, и это просто какой-нибудь несчастный о двух ногах и двух руках.

— Я знаю, что это архун, — проворчал фон Деррек. — Идёмте, я покажу! Потом вас отведут в комнату, где вы отдохнёте с дороги и поедите, а когда будете готовы начать, скажете моим слугам. Они предоставят вам всё, что нужно, и позовут меня. Я хочу присутствовать и своей рукой убить зверя.

— Конечно, — кивнул Мангуст.

Вслед за хозяином гости поднялись по деревянной лестнице в башню барона. На верхние и нижние этажи вели крутые каменные лестницы, и фон Деррек начал спускаться вниз. Они миновали жаркий этаж кухни, где повар уже закончил с готовкой и сидел в углу за заваленным обрезками овощей и костями столом с кружкой пива. Ниже шла узкая винтовая лестница и, чтоб пройти по ней, барон вытащил из кольца факел, висящий на стене. Они прошли небольшое караульное помещение, где три стражника играли в кости и даже не обратили внимания на появление хозяина. Ещё ниже, видимо, уже под землёй начиналась мрачная сырая галерея, от которой решётками были отделены камеры, похожие на земляные ямы.

Проходя мимо, Мангуст заметил, что в одной из камер к решётке прильнул светловолосый юноша, почти мальчик. На его тёмном от грязи лице виднелись светлые дорожки от слёз. Тут же кто-то сзади взял его за плечи и оттащил в глубину камеры. Мангуст заметил, что и мальчик, и тот, кто поспешил убрать его от прохода, двигаются самостоятельно.

Следом раздалось низкое хриплое рычание, и он вслед за фон Дерреком подошёл к низкой решётке, где в яме ниже уровня пола сидел взлохмаченный человек. Он был худ и покрыт грязью, но было заметно, что его широкие плечи и длинные мускулистые руки ещё достаточно сильны. Косматые русые волосы на голове и такая же борода, которой заросло почти всё лицо до глаз, придавали ему звериный вид, и только золотистые глаза смотрели умно и упрямо.

Мангуст обернулся к Байбалу. Тот вышел вперёд и, встав на колени, опустился к

решётке, припав на согнутые в локтях руки. Он приблизил своё лицо к лицу узника и потянул носом воздух. Тот слабо зарычал и Байбал ответил ему похожим звуком. Теперь архун молчал, внимательно глядя на него. Байбал поднялся и, отряхнув грязь со своего кафтана, кивнул Мангусту.

— Эй! — воскликнул барон. — А ваш подручный, часом не архун?

— Вы знаете, как выглядят архуны? — высокомерно поинтересовался Мангуст. — Тогда посмотрите, как выглядит мой подручный. Разве он похож на архуна? Он из далёкого племени в северном краю. Его люди живут рядом с волками, медведями и архунами.

— А второй? — не унимался барон, взглянув на Волка. — У него жёлтые глаза.

— И что? У вас волосы, как у архуна. Может, мне вас обратить?

— Эй, бросьте эти ваши шутки! — внезапно испугался барон. — Ступайте-ка наверх, вам приготовили комнату. И, надеюсь, вы отработаете обещанные вам деньги, или, как видите, у меня ещё много земляных ям для дорогих гостей.

— А у меня много шуток для негостеприимных хозяев, — взглянув ему в глаза, процедил Мангуст и направился к лестнице.

Он снова бросил взгляд на камеру, где видел мальчика, но теперь там было тихо, словно она была пуста.

Мрачный встрёпанный слуга в кожаных штанах и покрытой пятнами рубахе отвёл их наверх, выше покоев хозяина, в низкую комнату с узким окном, забранным решёткой. На полу были разложены относительно чистые, набитые сеном тюфяки, а сбоку на широком ящике, заменяющем стол, рядом с горящей в глиняной плошке свечой, стояли три миски с жареным мясом, слегка подгоревшими овощами и ломтями подсохшего хлеба, а также кувшин и три кружки. Оставив гостей в комнате, он вышел и тут же раздался лязг засова.

Стрелки переглянулись, и Мангуст подошёл к окну. Оно было узким, но не настолько, чтоб в неё не смог бы протиснуться даже такой крупный мужчина, как Белый Волк. К тому же внизу, в нескольких метрах под бойницей виднелась широкая площадка. Окно выходило как раз на крепостную стену между башней барона и задней.

— Пока всё удачно, — поделился он с товарищами и, затушив свечу, достал из ножен под мантией десантный нож. Пристроившись возле окна, он начал выковыривать из пазов в каменной кладке тёмный раствор, которым крепилась решётка.

Через какое-то время шум и крики в караульной башне начали стихать. Продолжая свою работу, Мангуст заметил, как на соседней башне сменился часовой. Он вопросительно взглянул на Белого Волка, и тот, тронув лежавшего на подстилке Байбала за плечо, поднялся со своего тюфяка. Встав, Мангуст взял из плошки свечу и сунул её в подсумок на поясе, после чего вытащил из оконного проёма расшатанную решётку и поставил её рядом возле стены. Стрелки скинули на пол свои верхние одеяния и, оставшись в десантных «хамелеонах», по очереди выбрались в окно и спустились на крепостную стену. Не дожидаясь дополнительного приказа, Мангуст скользнул за башню барона, по деревянной лестнице спустился во двор и под прикрытием стены подошёл к пороховой башне.

Возле неё дремал на посту стражник. Он так и не успел проснуться. Мангуст, нагнувшись, брызнул ему в лицо из баллончика аэрозолем, который в просторечии назывался «нежным обухом», потому что гарантировал вдохнувшему его человеку крепкий продолжительный сон с последующей частичной амнезией. Открыть отмычкой железный замок не составило труда. Приоткрыв дверь, Мангуст вошёл и прикрыл её за собой.

Здесь было темно, его имплант, встроенный в мозг и обеспечивающий ночное зрение,

не работал, но, к счастью, последние недели, если не месяцы, он провёл в естественной среде и привык жить без искусственного света даже ночью. Его глаза приспособились к темноте, потому скоро он начал различать вокруг себя предметы: козлы с алебардами и копьями, установленные на полках арбалеты и сваленные у стен мечи. Он прошёл по арсеналу и в конце зала увидел лестницу. Здесь он уже без страха быть обнаруженным достал зажигалку и зажёл свечу. Он спустился вниз и, пройдя по коридору, оказался возле низкой дверцы. Возиться с замком ему не хотелось, и он просто выбил её ногой. Это был пороховой погреб — маленькая комнатка, где у стены стояли бочонки с порохом, некоторые из них, видимо, так неаккуратно вскрывали, что на крышках остался слой чёрной пыли. Открыв ближайший бочонок, Мангуст насыпал к двери широкую дорожку пороха и поставил свечу на её конец, после чего вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Пройдя уже знакомым путём, он поднялся наверх, закрыл дверь арсенала и придвинул к ней мирно спящего стражника.

Он вернулся к башне барона, потом проскользнул вдоль стены до задней башни. Двор был пуст и слабо освещён несколькими факелами. В окнах барона тоже было темно. Остановившись, он какое-то время прислушивался, потом надел на голову капюшон и застегнул на лице маску с респиратором. Когда он подошёл к двери, следующей за башней, внутри залаяли собаки. Эти звуки взорвали тишину, и он поспешно вытащил гранату со снотворным газом и, нажав на кнопку, забросил её внутрь. Отскочив назад, он услышал рядом движение, и тут же возле него распахнулась дверь, едва не впечатав его в стену. Из башни, ворча и ругаясь, вышел какой-то человек. Проклиная собак, он подошёл к дверям псарни, открыл их и тут же рухнул на землю. Мангуст вернулся, затолкнул неподвижное тело внутрь и закрыл дверь. Конюшню он определил по всхрапыванию коней и, приоткрыв широкие ворота, забросил туда ещё одну гранату с газом.

После этого он подошёл к деревянной лестнице и быстро поднялся по ней на крепостную стену. Здесь стояли два больших котла, а рядом высились аккуратные поленицы. Между ними он разглядел тёмные тени. Кроме Волка и Байбала здесь уже были Карнач и Москаленко. За ними стремительно перебирались между зубцами стены остальные. Лица стрелков были измазаны чёрной краской, а с костюмов струилась вода, что придавало им довольно необычный вид.

Как только последний стрелок взобрался на стену, Волк направился к лестнице. За ним во двор спустились Мангуст, Стаховски, Валув и Байбал. Держась возле стены, они прошли до башни барона и поднялись по лестнице. Спустившись вниз, они миновали кухню, где в углу мирно спал повар. В следующем витке лестницы Белый Волк задержался и дал знак Мангусту идти вперёд. Тот кивнул и ворвался в караульную первым, однако, как выяснилось, спешить было незачем. Стражники уже закончили свою игру и мирно спали на полу возле стены. Брызнув для надёжности им в лицо «нежным обухом», Мангуст тихо свистнул. Путь в темницу был открыт.

Пока всё шло по плану. Мангуст открыл двери камер, где сидели узники. Архун Уратан тут же выскочил из своего узилища, и безошибочно выбрав среди незнакомцев Байбала, приветливо его обнюхал. Байбал тут же заговорил с ним на языке архунов, объясняя, что пришёл, чтоб забрать его в стаю.

Освободить барона Линдау и его сыновей оказалось сложнее. Они забились в самый угол камеры и не желали выходить, пока барон не узнал голос Валувца, которого встречал несколько раз при дворе короля Сен-Марко. Он набрался смелости подойти к решётке, и с

трудом узнав в тёмном незнакомце с чёрным лицом блестящего гвардейца, наконец, успокоился и даже обрадовался. С узников сняли цепи. Младшего сына барона, который слишком ослабел, чтоб идти самостоятельно, Стаховски взял на руки.

Тем временем Фарид Аль-Сафар закреплял на стене между зубцами небольшую механическую лебёдку с тросом, на конце которого была пристёгнута широкая ременная петля. Игнат Москаленко нашёл возле стены западной башни небольшие металлические бочонки с маслянистой жидкостью. Понюхав, он определил:

— Нефть!

— Отлично, — откликнулся Карнач, который присел за котлом, прислушиваясь и глядя по сторонам. — Одну канистру к лестнице, остальные разольём по полу.

Он присоединился к Игнату и вскоре весь каменный пол вокруг небольшой площадки рядом с лебёдкой был залит нефтью. Плеснув остатки на поленницы, Игнат достал из заплочного мешка два небольших складных арбалета и второй отдал Карначу.

— Пока тихо, — проговорил Игнат, натягивая струну тетивы арбалета. — Может, обойдётся?

— Хорошо бы... — Карнач присел между зубцами, прилаживая металлический болт на ложе. — Но всё равно скоро рванёт пороховой склад. Мангуст сказал, там горения свечи минут на двадцать-двадцать пять было. Не знаю, сколько это сало горит.

— Лебёдка готова, — сообщил Фарид и полез в мешок за третьим арбалетом.

План был нарушен в тот самый миг, когда команда Волка и пленники выходили из башни барона. Именно тогда из его покоев вниз спустилась полуодетая девица, заметившая внизу странные чёрные тени и трёх голых мужчин. Вряд ли она поняла, что это, но увиденное так напугало её, что она издала истошный вопль, который разорвал тишину и разбудил всех, кто в состоянии был проснуться.

Стрелки едва не кубарем скатились по лестнице и бросились через двор к противоположной стене. От караульной башни бежали стражники с копьями и мечами. Добежав до лестницы, Стэн с ребёнком на руках вихрем взлетел вверх. Мангуст протолкнул вперёд барона и его старшего сына, но они были так измучены, что поднимались с трудом, спотыкаясь на крутых ступенях.

Сзади послышался рёв барона фон Деррека, требующего схватить негодяев. И звук его голоса вдруг разъярил Уратана, который вместо того, чтоб подниматься наверх, зарычал и бросился назад, превращаясь на ходу в большого косматого зверя.

— Уходите! — крикнул Белый Волк, на ходу расстегивая и стаскивая с плеч куртку.

Вслед за архуном он начал перевоплощение и выскочил из штанов, мелькнув белыми лохматыми лапами. За ним уже с рычанием мчался, сбросив «хамелеон», едва различимый в темноте волк из земли Саха. Три огромных волка: белый, серый и чёрный набросились на подбежавших стражников, сбивая их с ног мощными лапами и вонзая длинные клыки в шею.

Мангуст лихо свистнул, взбегая по ступеням вслед за Валуевым. Едва они оказались наверху, как Игнат Москаленко пинком опрокинул вниз открытый бочонок с нефтью и бросил на лестницу зажженный факел. Пламя взревело, взметнувшись в ночи, и снизу послышались вопли тех, кто попал в него.

Огонь быстро разбежался по площадке наверху крепостной стены. И в этот момент раздался взрыв, который разворотил ворота, образовав в крепостной стене рваную дыру.

То, что осталось от решётки, подъёмного моста и ворот, осыпалось вниз на кучу каменных блоков рухнувшей стены.

Волки, пробив себе дорогу среди растерявшихся от грохота и пыли людей, вылетели в эту огромную арку с рваными краями и, упав в ров, были отнесены течением в сторону, подальше от преследователей, их стрел и копий.

Стэн первый спустился вниз на тросе, который с тихим треском разматывала катушка лебёдки. Как только он подбежал, Фарид тут же накинул на него петлю, и вытолкнул за стену. Оказавшись внизу, Стэн встал на узкий клочок суши между стеной и рвом и снял петлю, которая стремительно унеслась вверх, а вскоре вернулась с бароном Линдау. Сдёрнув с него петлю, Стэн передал ему мальчика. Спустя мгновение вниз уже летел Валуев, придерживая вцепившегося в него старшего сына барона.

Пока пленники спускались, Москаленко и Карнач стояли в окружении обжигающего пламени и следили за башнями — единственными позициями, с которых их могли обстрелять. Но, к счастью, никто не додумался до этого, и им не пришлось пускать в ход арбалеты. После того, как пленники оказались внизу, Фарид отключил катушку лебёдки и, вдев трос в бегунок на поясе, выскочил за стену. За ним спустились остальные. Когда Карнач последним ступил на узкий клочок земли между стеной и водой, здесь уже никого не было. Его товарищи переплывали ров и карабкались вверх по покатоному склону вала, помогая недавним пленникам.

Наверху слышались крики, ревел пламя, добравшееся до поленниц. Кто-то, кажется, сообразил подняться на башни, и Карнач опасался, что их сейчас начнут обстреливать из луков и арбалетов. И тут земля содрогнулась от взрыва. Он был сильным, а следом за грохотом послышался шум осыпающихся камней. Поняв, что это взорвался пороховой склад и наступил самый подходящий момент для бегства, он прибавил шагу и вскоре все его люди оказались в лесу под прикрытием густого кустарника.

— Всё, парни, мы это сделали! — воскликнул Москаленко, падая на траву под деревьями.

— Молодцы! — кивнул Карнач и подошёл к барону, который без сил привалился к дереву. — Вы свободны, ваша светлость, и скоро будете в расположении нашей армии.

— Они нас найдут, — хрипло проговорил тот, имея в виду разбойников барона фон Деррека.

— Нет. Они нас не найдут, — возразил капитан. — Это их найдут. У ворот замка устроена засада. Барон де Сегюр и его рыцари полны решимости выполнить приказ короля и развесить этих разбойников на дубах. А вам следует немного отдохнуть. Мы обработаем ваши раны, вы оденетесь, и мы пойдём туда, где оставили коней.

— Я благодарен вам и вашим людям, капитан, — произнёс барон, медленно оседая по стволу.

— Ребята, у кого аптечка? — спросил Карнач и, поддержав его, бережно уложил на траву.

На то, чтоб привести освобождённых узников в чувство, потребовалось время. Пока стрелки обрабатывали их раны, делали поддерживающие инъекции, кормили и одевали, Карнач стоял на краю леса и смотрел, как полыхает на стене замка пожар. Оттуда слышались воинственные крики и вопли страха и отчаяния. Всадники барона де Сегюра вступили в бой, сражаясь с пешими разбойниками барона фон Деррека. Затем всё стихло.

Нефть на крепостной стене выгорела, поленницы превратились в пепел и огонь постепенно осел. Где-то ещё слышался стук падающих камней и отдалённые проклятия и

стоны, но скоро стихло и это.

— Мы можем ехать, господин капитан, — произнёс барон Линдау, подошедший к нему. — Мой старший сын удержится в седле, а младшего я посажу перед собой.

— Что ж, едем, — вздохнул Карнач. — Думаю, де Сегюр закончил дело, и опасаться нам нечего.

Они прошли по лесу туда, где стояли привязанные к деревьям кони, и сев верхом, выехали на луг перед замком. Неспешным шагом они проехали мимо тёмной громады замка, наверху которой всё ещё вспыхивали отдельные языки пламени, но всё же теперь она была тёмной, безмолвной и мёртвой.

Выезжая на дорогу перед подвесным мостом, Карнач обернулся. Моста не было, как и ворот. Большая неровная дыра зияла рваными краями, открывая вид на двор, где горели на стенах факелы, но было тихо и безмолвно. Вода во рве поднялась и лилась на дорогу. Виной тому была гора битого камня, преградившего ток воды, в которую превратилась пороховая башня. Взрыв погреба привёл к тому, что её массивные стены осыпались вниз и теперь весь угол замка представлял собой бесформенную кучу камней.

На земле лежали трупы разбойников, порубленных мечами. Кое-где валялись части тел, и кони, тревожно всхрапывая, обходили их. Выехав на дорогу, кавалькада вскоре достигла двух скал, у подножия которых сидели связанные разбойники, избитые, частью искалеченные и наспех перевязанные, но явно не для того, чтоб спасти их жизнь, а лишь с целью продлить её до момента казни. Рядом с ними сидели на земле Делаж и Фонтейн. Увидев гвардейцев, они поднялись и подошли ближе. Оба они были довольны и улыбались, хотя у Фонтейна была перевязана рука, куда аккуратнее и заботливей, чем раны их пленников.

— Рад вашему освобождению, ваша светлость, — Делаж поклонился, увидев барона Линдау.

— Вашими заботами, кавалер, — кивнул тот, — и заботами храбрых гвардейцев капитана Карнача. Где же барон де Сегюр? Я и его хочу поблагодарить за наше спасение.

— Он проверяет замок, чтоб ни один из этих негодяев не ушёл живым.

— Главное, чтоб не ушёл их предводитель.

— Не уйдёт! — рассмеялся Фонтейн. — Вон он, у той скалы, а рядом его подручный Косой.

— Что ж, я рад, что это ужасное происшествие закончилось для нас с сыновьями так удачно, и это помогло уничтожить опасное разбойничье логово.

— Мы потрясены вашим мастерством, капитан, — искренне воскликнул Делаж, взглянув на Карнача. — Вы со своими гвардейцами разрушили замок без всяких осадных машин, и подали нам его гарнизон на золотом блюде!

— Вы тоже неплохо постарались, — Карнач мотнул головой в сторону замка.

— Нам осталось лишь снять сливки с вашего молока! — рассмеялся Фонтейн, отходя в сторону, чтоб пропустить отряд дальше. — Мы будем харчевне довольно скоро. Пусть оруженосцы готовят еду и вино, чтоб отпраздновать эту победу.

Карнач кивнул и проехал мимо него. Какое-то время они ехали молча, а потом к нему приблизился Валуев.

— Я полагаю, де Сегюр зачистит замок до основания.

— Хорошо, что в этом деле он обходится без нас, — проворчал Карнач. — Он делает то, что и должен делать. Разве нет?

— Я не о том, Саша. Меня пугает грядущая война. Однажды без нас перестанут обходиться, и нам придётся сделать выбор.

— Давай не будем предвосхищать события, — болезненно поморщился Карнач. — Мы ещё успеем не раз прийти в ужас и наломать дров. Пока всё обошлось.

— Вряд ли, — подал голос Мангуст. — Я насчитал минимум три человека, погибших по моей вине. Может, их больше.

— И что, ты теперь не будешь из-за этого спать по ночам? — спросил Москаленко.

— В том-то и дело, Игнат, что я воспринял этот факт слишком спокойно. И это меня пугает.

Вскоре из кустов, мимо которых они проезжали, раздался двойной свист, и Карнач махнул в ту сторону рукой, приветствуя засевших у дороги караульных. Они приехали в харчевню и вышедшие навстречу оруженосцы привычно взяли их коней под уздцы. Плечистый Сезар забрал у барона Линдау спящего сына, а Шарль помог ему самому спуститься с седла на землю.

— Значит, всё прошло удачно, господин капитан? — спросил он, обернувшись к Карначу.

— Да, ваши рыцари сейчас орудуют в замке, чтоб не оставить там ни одного злодея.

— Я верю, что там не останется даже мышей, — рассмеялся Гюнтер.

Карнач не ответил. Спешившись, он направился к харчевне, и тут к нему подошёл Сезар, который нёс на руках мальчика.

— Ваши странные друзья вернулись с каким-то косматым человеком, — вполголоса сообщил он. — Они все были голые.

— Лишь бы живые, — проворчал Карнач и добавил: — Они часто вступают в бой обнажёнными, чтоб обескуражить противника.

— И тело дышит, — усмехнулся Валуев, проходя мимо оруженосца, чтоб открыть ему дверь.

Пропавших волков они нашли в зале харчевни, но все они были в человеческом облике и одеты в разномастные наряды, которые, видимо, отыскились в бездонных сундуках хозяйки. Байбал даже сохранил свою трубку и теперь сидел на полу перед очагом и чуть покачивался, глядя в огонь. Рядом с ним на корточках присел Уратан, он был спокоен и задумчив. Белый Волк стоял рядом.

— Командор второго класса, разрешите доложить, — подошёл к нему Карнач. — Задание выполнено. Три пленника освобождены и доставлены в расположение группы. Потерь среди личного состава нет.

— Благодарю, командор, — кивнул Белый Волк. — Отличная работа.

— Да, только представлять нас к награде за неё не стоит, — заметил Валуев. — Иначе нас со службы выгонят. Мы там, кажется, кого-то убили.

— Вам прекрасно известно, капитан, что при освобождении заложников жертвы среди преступников зачастую неизбежны, — ответил Волк. — В данной ситуации вы действовали правильно. Что ж до наград, то задание вы получили не от нашего командования и награждать вас оно не обязано. Кто послал, тот и наградит.

— И на том спасибо, — пробормотал Москаленко, проходя на кухню.

— Вы пойдёте с нами, лейтенант Устунов? — спросил Карнач, посмотрев на того.

— Нет, командор, — покачал головой Байбал, — это чужой мир и мне пора уходить. Я пойду с Волком и Мангустом к архунам, вернём Уратана в стаю, а потом отправимся в

расположение экипажей. Надеюсь, вы не станете возражать.

— Нет, не стану, лейтенант. Это мудрое решение, — Карнач задумался, а потом обернулся и посмотрел на своих товарищей. — Парни, это хороший шанс вернуться на звездолёт. Кто-нибудь хочет уйти с ними? Боюсь, что здесь всё будет только хуже. Это не наш мир.

— Саша, мы же всегда вместе, — проговорил Валуев, грустно взглянув на него. — Если ты остаёшься, то мы тоже.

— Юра, может, пойдёшь с Волком и Мангустом? — Карнач взглянул на Булатова.

— Нет, я вернусь с вами.

— Один за всех и все за одного, — прокомментировал Москаленко, показавшись на пороге с кружкой эля. — Случай хороший, но лично я не готов вернуться.

— Ты никогда умом не отличался, — проворчал Карнач хмуро. — Если завтра нас бросят в бой, что делать будем?

— Драться.

— И я о том же... — он вздохнул. — Ладно, где там оруженосцы, пора готовить пир. Скоро вернётся карательный отряд.

— Зря ты так, — заметил Аль-Сафар. — В этом мире иначе нельзя.

Барон де Сегюр и его рыцари вернулись через пару часов и сразу потребовали у оруженосцев воды, чтоб смыть с оружия и одежды кровь. При этом понятна стала их поголовная приверженность к кожаным курткам и высоким сапогам. Поглядывая, как окрашивается в розовый цвет вода, которую Шарль лил на руки своего господина, Карнач, стоявший рядом, спросил:

— Что в замке?

— Теперь чисто, — спокойно кивнул де Сегюр. — Все убиты.

— И женщины?

Барон внимательно посмотрел на него.

— Послушайте, капитан, я знаю о строгостях вашего устава и признаю, что ваши законы лучше наших. Но мы живём здесь. Вы отлично выполнили свою работу и спасли трёх верных поданных короля и нашего лохматого друга. А теперь позвольте нам выполнить свою, какой бы грязной она вам не казалась. Шарль, найдите верёвки! Закончим с делами, прежде чем садится за стол!

Развернувшись, он вышел на улицу, а следом, нагруженный мотками верёвки, выскочил Шарль. Карнач подошёл к очагу и присел на корточки рядом с Байбалом. Тот задумчиво посмотрел на него.

— В жестокости мира, живущего по своим законам, есть мудрость, командор. Если вы спасёте оленя, попавшего в зубы волка, то волк и его семья умрут с голоду. Если ваш отчаянный друг сейчас пощадит этих разбойников, то уже завтра они начнут убивать снова. Нам, живущим по иным законам трудно принять это, но придя в чужой мир нельзя вмешиваться в установившийся в нём порядок.

— Я всё это понимаю, лейтенант, — кивнул Карнач. — Но как нельзя вытравить из крови де Сегюра законы его мира, так и из моей нельзя вытравить законы нашего. И это противоречие в любом случае будет мучить меня, пока я не выберусь отсюда.

— Так давайте уйдём вместе, — пожал плечами Устунов.

— Нет, я вернусь обратно, Байбал. И не спрашивай меня почему. Я боюсь ответа на этот

вопрос. Я всегда боялся таких ответов.

То, что должно было стать пиром, на самом деле таковым не являлось. Все участники этого рейда выглядели усталыми и, наскоро перекусив и выпив вина, отправились спать, оставив на посту оруженосцев. Они проспали весь тёмный день и уже поздним вечером, когда небо над лесом постепенно начало светлеть, наливаясь сочной синевой, барон де Сегюр поднял своих соратников и гвардейцев, заявив, что пора выезжать.

— В этот раз поедем по дороге, так что путь займёт несколько часов, но до утра мы успеем добраться до лагеря и немного отдохнуть перед выступлением, — проговорил он, затягивая на груди шнуровку куртки, после чего обернулся к Карначу, — Если ваши друзья пойдут своей дорогой, капитан, прощайтесь. Скоро отправляемся.

Карнач нехотя кивнул и посмотрел, как Уратан засовывает в котомку остатки продуктов со стола, чтоб отнести своим внукам гостинцы. Он простился с Белым Волком, Мангустом и Байбалом на дороге, и вскоре они вместе со своим другом-архуном скрылись в лесной чаще, а Карнач ещё какое-то время смотрел им вслед, размышляя, правильно ли поступил, решив вернуться в армию короля Ричарда. Однако решение было принято, и менять его он не собирался.

Возвращаясь в харчевню, он рассмотрел в сумерках тела разбойников, висящие на деревьях за хозяйственными постройками, и поспешно отвёл глаза. Возле коновязи его поджидал Москаленко, который деловито подтягивал подпругу седла своего коня.

— Видел, какие гирлянды они развесили на деревьях? — уточнил он. — Хозяйка и мальчик тоже там. Страшно подумать, что они устроили в замке.

Карнач не нашёлся, что ответить, он молча отвязал повод своего коня и сел в седло. Когда отряд уже готов был отправиться в путь, Ламбер вошёл в зал харчевни и сняв со стены факел, поджог полог, закрывающий вход на кухню. Какое-то время он стоял, глядя, как огонь перебирается на сухие балки потолка, а потом вышел и, кивнув де Сегюру, уже сидевшему в седле, подошёл к коновязи, возле которой растерянно топталась маленькая служанка.

— Может, возьмём её с собой? — спросил Ламбер, обернувшись к командиру.

— Армия в походе — не лучшее место для девицы, — проворчал тот.

— Думаешь, будет лучше, если она станет побираться по деревням и попадёт в бордель? — уточнил Ла Моль с сочувствием глядя на девушку. — Или ещё хуже, в руки к бродягам или разбойникам.

— Как хотите, — пожал плечами барон.

Ламбер, сев на коня, протянул девушке руку и она, схватившись за неё, ловко вскарабкалась на круп его лошади. Отряды барона де Сегюра и капитана Карнача отъехали от ярко полыхающей в ночи харчевни. Сзади на почтительном расстоянии брела кляча, в седле которой сидел чернокнижник Ортей Мартус, возвращающийся в Магдебург, а за ним неторопливо шагал маленький ослик с покачивающимся на нём безмолвным помощником.

Карнач на этот раз ехал рядом с бароном, и их подчинённые тоже как-то сами собой перемешались, больше не выдерживая построение.

— Для вас то, что мы делаем, наверно, выглядит дико? — спросил барон, чувствуя скрытое напряжение, возникшее между ним и капитаном. — Осуждаете?

— Нет, ваша светлость, — вздохнул Карнач. — Я не вправе осуждать вас, хоть мне и трудно принять это. Вы поступаете так, как должны, и не нам, чужакам, судить вас.

— Послушайте, капитан, — Марк повернулся к нему. — Я не могу чувствовать, что

чувствуете вы, но, кажется, понимаю вас. Я успел близко сойтись с командором де Мариньи и сожалею, что судьба так скоро развела нас, но она же свела меня с вами. Этот небольшой поход, который мы осуществили вместе, показал, что каждый из нас отлично действует в своём деле. Кто-то орудует мечом, кто-то — стилетом, но вместе мы добились успеха, вы освободили пленных, мы — уничтожили разбойников. Почему бы нам и дальше не продолжить наше сотрудничество? Впереди война, нам может понадобиться помощь друг друга. Я не смею просить вас о дружбе, но, как мне кажется, доказал, что могу быть надёжным союзником.

Посмотрев на него Карнач, наконец, улыбнулся.

— Дорогой мой барон, я повторяю, что не склонен осуждать вас и прекрасно понимаю, что жестокие обстоятельства требуют жестоких действий. Я признаю, что вы действовали разумно, отважно и эффективно, и иметь такого союзника на войне — это поистине дар судьбы. К тому же я не могу счесть вашу жестокость необоснованной, как это, к сожалению, слишком часто случается в вашем мире. Моя реакция — это результат полученного мною воспитания, а вовсе не ваших действий. И ваша дружба с командором де Мариньи для меня лучшая рекомендация, потому, если вы желаете видеть меня своим другом, я буду им.

Марк с усмешкой посмотрел на него и кивнул.

— Я желаю, капитан.

— Тогда почему бы вам не звать меня Александром?

— Марк! — барон сдёрнул перчатку и протянул ему руку.

Они пожали друг другу руки и продолжили беседу, чувствуя, как постепенно и неотвратимо тает скопившийся между ними лёд.

Они приехали в королевский лагерь в середине ночи, и, отправив своих подчинённых в шатры отсыпаться, а барона Линдау, его сыновей и молоденькую служанку передав на попечение врачей, вдвоём поднялись на холм и въехали в замок графа Мартена. Увидев их, дежурный офицер тут же велел конюхам принять коней, а сам отправился будить барона де Грамона.

— Король спит, — сообщил Рене, выходя из своей спальни в халате, накинутом на ночную рубаху. — Но мне велел сразу принять вас и выслушать, чтоб рано утром доложить о результатах вашей вылазки.

— Мы вернулись с победой, друг мой, — улыбнулся Марк.

— Неужели? И так быстро?

— Представь себе! Гвардейцы капитана Карнача проникли в замок и освободили заключённых. Они подорвали пороховой склад и успешно покинули сцену, предоставив моим людям завершить эту драму кровавой бойней.

— То есть... Погоди, ты хочешь сказать, что вы не только освободили барона Линдау и его сыновей, но и уничтожили всю шайку?

— И разрушили одну из башен, а также ворота, и теперь замок дыряв, как шляпа нищего! Кстати, советую отправить туда отряд с подводами. Там есть чем поживиться.

— Но вас же было всего... сколько? Двадцать человек?

— Не считая оруженосцев и трёх добрых путников, которые оказали нам помощь.

— Я хочу знать подробности, Марк! Входите, господа! — де Грамон распахнул перед ними дверь своей комнаты, и, обернувшись к караульным, крикнул: — Эй, кто-нибудь! Принесите поесть и вина!

Через полчаса де Грамон отпустил их в лагерь, а сам развил бурную деятельность, чтоб сразу же отправить в разрушенный замок разбойников экспедицию с целью экспроприировать экспроприаторов, как объяснил своим друзьям Карнач, вернувшись в свой шатёр.

Утром, когда блестящая кавалькада королевской свиты спустилась с холма, король пожелал остановиться на лугу, где уже выстроились готовые к выступлению отряды. Барон де Сегюр и капитан Карнач вышли вперёд и, приблизившись к Ричарду, опустили перед ним на одно колено и склонили головы.

— Барон де Грамон поведал нам о вашем беспримерном подвиге, господа, — с улыбкой возвестил король. — Ваша вылазка останется в анналах истории, как одна из самых хитроумных, смелых и успешных, поскольку вы проявили незаурядную смекалку, а также действовали быстро и решительно. Мы благодарим вас за то, что вы освободили нашего дорогого барона Линдау и его сыновей, а также наказали разбойника, посмевшего нанести оскорбление королю Сен-Марко. В награду мы жалуем барону де Сегюру золотой кинжал работы нашего личного оружейника, а капитану Карначу — серебряный пояс с отделкой из северных аметистов и сапфировой подвеской. Ваши рыцари за участие в этой вылазке получают по сто золотых марок каждый.

Король спешил, чтоб лично вручить Марку кинжал в драгоценных ножнах и возложить на протянутые руки Карнача тяжёлый пояс. После этого он вернулся в седло и, поехал в сторону дороги, увлекая за собой кавалькаду блестяще разодетых рыцарей.

— Ричарда всегда восхищала наглость, — усмехнулся Марк, цепляя на свой широкий кожаный ремень золотые ножны.

— У нас говорят: наглость — второе счастье, — заметил Карнач, рассматривая пояс.

— Правда? Мне нравится. Может, мне сделать эти слова своим новым девизом?

— Боюсь, что этот девиз уже занят. Мной. Но если хочешь, можешь присоединиться.

— Спасибо, я воспользуюсь твоим разрешением.

Они сели на коней и пристроились следом за свитой короля, а за ними выступили в поход гвардейцы, как-то естественно смешавшись с рыцарями барона де Сегюра.

Мальчишка был симпатичный, с узким лицом, длинным носом и голубыми глазами. Густые спутанные кудри тёмно-рыжего цвета отливали золотом. И весь он был тонкий и гибкий, со скрытой силой в широких плечах и длинных пальцах крепких рук. Он чем-то напоминал щенка гончей, такой же породистый, и такой же несчастный, как щенок, брошенный под дождём. Его костюм из простого сукна был сшит с претензией на элегантность, а рука сжимала потемневший эфес старинного меча с филигранной гардой и узорчатым клинком, воткнутом в землю. Мы уже пару часов вели этот трудный разговор, сидя под раскидистым дубом. Его губы кривились то ли от злости, то ли от обиды, и он изредка бросал взгляд туда, где вокруг костра сидели, поглядывая на него, его приятели, такие же беспризорники, потерявшие кров и семью, и принятые им под покровительство.

— Этот мир жесток, ангел, — быстро говорил он, глядя на меня. — Понимаешь, можно родиться в шалаше пастуха или в замке барона, но ты ни от чего не защищён! Думаешь, я был счастлив дома, когда у меня ещё был дом? Мой отец хотел, чтоб я стал жрецом в Храме Милосердия. Я! В Храме Милосердия! Он же сам всегда называл меня волчонком! Но я младший сын, и должен был обеспечить ему и братьям прощение милосердных богов, как будто такие существуют! А потом их убили! Всех! У меня на глазах! Я сам чудом остался жив, и всё что у меня есть, это вот этот меч! Он нужен мне, чтоб выживать в этом мире, хотя я не знаю, доживу ли до следующего утра.

День клонился к вечеру, и сидеть на камне мне было холодно и неудобно, но я не решалась убрать крылья, чтоб не утратить ту хрупкую связь, что установилась между мной и этим несчастным мальчиком — ровесником моих младших сыновей. Он сам начал этот разговор, ища какой-то помощи и тут же отвергая её из гордости. Он говорил, говорил, срываясь на крик, но не я вызвала его гнев. Он жаловался на мир и чего-то ждал от меня.

— Посмотри, как всё несправедливо в этой жизни, ангел, — продолжал он. — Сильные убивают и калечат слабых, богатые грабят бедных. И этому нет конца, из этого нет никакого выхода. И что я могу сделать? Разве могу я в этом грязном лесу надеть белые одежды Милосердия? Я же вынужден убивать и красть, чтоб прокормить своих друзей. И я буду это делать, потому что выжить и добиться чего-то в этом мире можно только одним способом — стать сильным.

— По-твоему, сила всегда предполагает несправедливость? — поинтересовалась я.

— Я не видел другой, — ответил он, взглянув мне в глаза.

— Ты говоришь о несправедливости, Эдам, но скажи, кто творит её? Разве боги?

— Люди, но боги закрывают на это глаза.

— Ты хочешь, чтоб тебя вели за руку по твоему пути? Твой отец пытался вывести тебя на путь Милосердия, пусть по своим эгоистичным причинам, но ты противился этому. Ты хочешь сам руководить своей жизнью, и тут же говоришь, что поступаешь как все, потому что так принято. Что изменилось? Воля твоего отца сменилась правилами поведения других, и всего-то.

Его взгляд стал настороженным.

— О чём ты, ангел?

— Я о том, что справедливость и несправедливость — это не воля богов, а деяния людей. Подумай сам, ваш сосед напал на ваш замок и убил твою семью. Разве это была воля

богов? Или воля одного человека, свершившего зло и изменившего тем самым твою жизнь. А сегодня ты не дал своим друзьям убить этих бедных крестьян на дороге, позволив им пройти дальше, и даже не стал забирать у них их жалкие гроши, потому что увидел на руках у женщины больного ребёнка. Ты не совершил зла, эти люди будут жить, и тот мальчик, может, поправится, и его мать расскажет ему о том, как молодой разбойник подарил им жизнь. Это — не воля богов, Эдам, это твой поступок. На одно мгновение ты остановил в этом лесу поток несправедливости. Именно так всё и делается. Каждый человек делает свой выбор в каждый текущий момент и множит тем самым добро или зло.

— Мой поступок — капля в море, — возразил он.

— Из капель состоит река, Эдам. Ливень состоит из капель, как и водопад. Слабость и сила определяется не тем, какой груз может поднять человек, а тем, может ли он сам управлять своей жизнью. Ни ты, ни я не можем изменить этот мир в одночасье, но мы можем сделать свой выбор и следовать ему. Однако всё дело в том, что при этом нам приходится принимать на себя ответственность за этот мир, а это — самое сложное. Либо мы помогаем ему катиться в пропасть, либо из последних сил держимся, не давая ему окончательно погрузиться во тьму.

— Тебе легко говорить, — заметил он. — Ты ангел, там, где ты живёшь, нет зла и горя. У тебя есть крылья и твой огненный меч. А что изменится, если я своими слабыми силами попытаюсь противостоять этому миру?

— Мне трудно возражать, мой мальчик, разве что, сказать, что и у меня не всегда были крылья, да и свой меч я нашла не так что б очень давно. Но за всё время моих скитаний я поняла одну вещь: нам, действительно, не дано изменить весь мир, но изменить судьбу одного человека нам по силам. Как ты сегодня изменил судьбу нескольких человек, просто позволив им жить дальше. И для них это значит очень много. Скоро они устроятся на ночлег, а потом они встретят светлое утро, услышат щебет птиц, голоса своих близких. Ты не просто сохранил их для мира, ты сохранил весь этот мир для них. Лишь одним актом милосердия.

Он задумался, а потом вздохнул и поднял на меня глаза.

— Понимаешь, ангел, мне всегда казалось, что в моей груди идёт смертельная битва. Там бьётся белый лебедь Девы Лардес с чёрным орлом Тьмы, и я с ужасом думаю, что будет, если однажды орёл победит? Я опускаюсь в бездну, которая меня и манит, и пугает. Я словно стою на её пороге и чувствую то могущество, которое она мне обещает, но при этом я знаю, что мне придётся заплатить за него своим живым сердцем. А без него, чтоб я ни получил взамен, я никогда не узнаю счастья.

— Просто реши для себя, какую сторону ты хочешь избрать, и следуй своему решению. Поддержи ту птицу, которая понесёт тебя туда, куда тебе надо.

— Я полагал, что ты скажешь, что я должен следовать за лебедем.

— Я не могу навязывать тебе своё решение, чужие решения редко исполняются до конца. Я давно сделала свой выбор, но, уверяю, он вёл меня по не таким уж гладким дорогам. Хотя, если честно, другого выбора у меня и не было. А что ты будешь делать со своей жизнью, решать тебе.

— Ты странный ангел! — воскликнул он, откинув голову. — Мне всегда казалось, что духи указывают путь и поучают, а ты советуешь мне сделать выбор самостоятельно. А если он тебе не понравится?

— И что? Отвечать за него тебе, а не мне. И ты, а не я, будешь пожинать его плоды. Так что, сам понимаешь, навязывать тебе что-то с моей стороны было бы неправильно. Я

чувствую в тебе силу, Эдам, силу духовную, но ты на распутье. К сожалению, я не могу помочь тебе выбрать дорогу. Рано или поздно ты сделаешь это сам.

— Я уже сделал, — заявил он, усмехнувшись. — И ты мне помогла. Ты объяснила мне, что главное в этой жизни не то, что делают другие, а то, что считаю нужным делать я. Тебе не придётся раскаиваться в том, что ты оказала мне эту помощь. Ты не спросишь, что я выбрал? Ты уже знаешь, да? Ты же ангел! И ты права. Мне понравилось, как смотрели на меня эти крестьяне, когда я отпустил их. Не думаю, что убить их было бы приятнее.

Я смотрела на него и думала, что было бы хорошо, если б принятое им сейчас решение вело его дальше всю его жизнь, но, увы, этот мир был, действительно, слишком жесток, чтоб так просто было придерживаться своего пути, особенно, если он идёт против всех.

Так странно протекала теперь моя жизнь, словно забрав из сейфа на «Пилигриме» свой лучевой клинок, я подписала контракт на исполнение обязанностей ангела. Постоянно случалось что-то такое, что требовало от меня проявления моей новой сущности. Я то и дело сквозь шелест далёких молитв слышала голоса, звавшие меня, и бросалась на помощь. И мне удавалось помочь. Всегда, не важно, пришлось ли мне выводить из болота путников, подсказывать селянам, где искать заблудившуюся в лесу корову, мирить поссорившихся влюблённых или лечить умирающего ребёнка паломников, нёсших его в луар для исцеления у алтаря Девы Милосердия. И чем больше мне приходилось вмешиваться в эти дела, тем яснее я понимала, что нет в моей новой работе никаких мелочей, потому что каждый мой «вылет на задание» что-то менял в судьбах людей, просивших меня о помощи, возвращал им надежду и наполнял верой в себя. Мне немало пришлось потрудиться, чтоб уговорить одинокую престарелую матрону, живущую в небольшом городке, взять под опеку двух голодных сирот, но залетев к ним через день, я увидела, как принаряженные малыши играют в её маленьком садике, а она сидит в плетёном кресле и на её вечно недовольном лице светится мягкая улыбка.

Помогать крестьянам, попавшим в засаду, устроенную шайкой беспризорников, мне даже не пришлось. К тому времени, как я появилась, предводитель мальчишек Эдам уже всё решил и, несмотря на ворчание своих друзей, отпустил перепуганных путешественников дальше. Я задержалась только лишь потому, что они увидели меня и оказались так впечатлены моими крыльями, что едва не попадали ниц, и только Эдам стоял твёрдо, как скала, и смотрел на меня исподлобья. И вскоре я поняла, что это «задание» состояло не в спасении незащитных путников от злых лесных разбойников, а в том, чтоб выслушать этого мальчика и помочь ему оформить в своём сознании то, что он итак уже знал в своей душе. Мы расстались с некоторым сожалением, и он ещё какое-то время махал мне рукой, когда я поднималась над кронами деревьев. Я простилась с юным атаманом разбойников, и он отправился к своим друзьям, которые всё ближе жались к огню в подступающих прохладных сумерках. А мне пора было возвращаться в замок Повелителя Теней. И, по крайней мере, этот день был прожит тоже не зря, хоть он и не приблизил меня к моей самой главной цели.

А в этом деле всё выглядело совершенно безнадежно. Моя надежда, что со временем Бен привыкнет ко мне, слегка расслабитесь и, став чуть более откровенным, даст мне хоть какую-то зацепку, которая выведет меня на догадку, как можно оживить звездолёты, так и не оправдалась. Всё было зря. Встречались мы редко, и, как мне казалось, именно потому, что он опасался, что я незаметно вызову его на откровенность и что-то выведаю. Иногда он от скуки или из любопытства приглашал меня на ужин и пытался выяснить, где я постоянно пропадаю и что делаю, а я в отместку делала таинственный вид и дразнила его полуправдой,

которая выглядела загадочно и непонятно. Иногда я расспрашивала его о реалиях этого мира, и он начинал отвечать с удовольствием, а потом вдруг бросал на меня подозрительный взгляд и сворачивал разговор, замыкаясь в своём гордом молчании.

Куда более информативным оказалось для меня общение с Элом. Он был человек простой, я б даже сказала недалёкий, и в какой-то момент я вдруг поняла, что он что-то недоговаривает об обстоятельствах смерти Азарова. Очень осторожно я начала расспрашивать его, но он понял, что проговорился, и пытался выкручиваться, запутываясь всё больше, а потом растерялся и поспешил ретироваться. И после этого случая он не давал мне больше возможности поговорить с ним наедине, ограничиваясь только формальным исполнением обязанностей мажордома при Бене.

Я раздумывала о том разговоре, о тех невинных темах, что вдруг настораживали Бена и заставляли его замыкаться, и при этом чувствовала, что разгадка находится где-то рядом. Она понятна и настолько очевидна, что оба они пребывают в крайнем беспокойстве, что я вдруг взгляну на это дело под каким-то другим углом и всё пойму. Но как раз этого нужного угла я найти и не могла, подходя к этой истории то с одной стороны, то с другой. С какой не посмотри, а очевидным было то, что Азаров нашёл способ оживить двигательные системы «Паладина», Бен его убил, и с его смертью всё прекратилось, а баркентина снова превратилась в странное и изысканное украшение в глубине южных лесов континента.

Когда я вернулась в замок, на восточные горы уже опустились синие сумерки, но было в них что-то необычное, холодное и безжизненное, словно я смотрела не на привычный уже ландшафт, а вдруг оказалась на далёкой мёртвой планете, где нет атмосферы, а её поверхность покрыта пиками скал, иссохших от неумолимого дневного жара и вымороженных ночной стужей. Из-за этого странного ощущения, и вечно клубящиеся вокруг Грозовой горы чёрные тучи казались ещё более чёрными и зловещими. Пролетев сквозь них, я поразилась грохоту нескончаемого грома и ярким мертвенным вспышкам белых молний, которые раз за разом били в башни замка, будто стремились их разрушить.

На террасах башен в этот раз никого не было. Торчавшие здесь обычно караульные попрятались за стенами и с трепетом наблюдали за разгулявшейся стихией. Я, как обычно, прошла по длинному коридору, который вёл в мою комнату, и вошла в неё. Было странно, что на этот раз камин оказался холодным, а осветительные панели потолка стали тусклыми и нервно мигали. Мне это совсем не понравилось, и я тут же отправилась на поиски кого-нибудь, кто объяснил бы мне, что здесь, чёрт возьми, происходит.

Бена и его разномастную армию я нашла в трапезном зале, где они все сидели за длинным столом, поедая очередного неудачливого оленя и запивая его потоками эля и вина. Ничего необычного в этом не было, разве что то, что на этот раз не чувствовалось оживления, царившего за столом, так раздражавшего Бена и злившего Эла. Сидевшие за столом бродяги и рыцари были молчаливы и мрачны, как на поминках. Эл расстроено рассматривал куски мяса на своей тарелке, а Бен, откинувшись на высокую спинку стула, нервно постукивал пальцами по столу, глядя куда-то в угол. Проследив за его взглядом, я увидела бледную женщину в белой рубашке, горло которой представляло собой сплошную рану, а грудь была залита кровью. Зрелище было ужасным, а девица к тому же мрачно взирала на Бена, словно что-то требуя от него. Подходя к столу, я подумала, как повезло бедному Элу в том, что он не наделён столь острой чувствительностью и не видит эту странную гостью, присутствие которой точно отбило бы у него остатки аппетита.

Впрочем, Элу итак было не до еды. Он был чем-то обеспокоен и даже не сразу увидел меня рядом с собой, а, заметив, какое-то время взирал с таким испугом, будто я сама была призраком.

— Эл, подай даме стул, — раздался глубокий баритон Бена, и он вскочил, поспешно исполняя это распоряжение.

Я села за стол, стараясь не смотреть в угол. Честно говоря, я проголодалась. Эдам предлагал мне присоединиться к трапезе его друзей, но тот кролик, что им удалось подстрелить в лесной чаще, был слишком мал для их растущих организмов. Потому я наплела что-то про то, что не ем человеческую пищу и питаюсь энергией ветра. Это их порадовало, а я осталась голодной. Потому сейчас я с удовлетворением восприняла возникновение передо мной большой тарелки с куском жареной оленины, двух печёных картошек и вороха политой уксусным соусом зелени. Взявшись за двузубую вилку, я принялась за еду, размышляя, почему Бен до сих пор не обзавёлся нормальными столовыми приборами и вынужден так же, как я, пользоваться этим неудобным предметом, сильно напоминающим орудие пытки.

— Как прогулка? — спросил Бен, переведя взгляд с призрака на меня.

— Хорошо, познакомилась с очень интересной компанией. Малолетние разбойники, которые держат в страхе всю округу.

— Вы их спасли? — в его голосе послышалась ирония.

— Нет, я убедилась, что они сегодня не натворили глупостей, и улетела. Всех спасти нельзя, вы же знаете. А как у вас дела?

— Как обычно.

— Правда? — я взглянула на Эла, смотревшего на меня как-то странно. — А мне показалось, что сегодня в замке что-то случилось. Шторм наверху, перебои с освещением в моей комнате. И призрак в том углу.

Эл испуганно обернулся туда, куда я ткнула вилкой, и повернулся к Бену.

— Вы тоже её видите? — поинтересовался Бен.

— Ну, да... Так что происходит?

— Недобрая ночь. Иногда такие случаются.

— Кто-то умер? — я окинула взглядом мрачную компанию, сидевшую за столом.

По причине молчания мой вопрос был услышан всеми, и на меня посмотрели со сдержанным неодобрением.

— Пока нет, — ответил Зикур, который не слишком тушевался при мне. — Но, как и сказал повелитель, ночь недобрая и может закончиться очень плохо. В прошлый раз это была поножовщина, а до этого обрушилась левая башня и два человека погибли под обломками.

— Значит, такие ночи уже случались? — уточнила я. — И с чем это связано? Какие-то природные явления или неудачная астрологическая обстановка?

— Понятия не имею, — проговорил Бен. — Но именно в такие ночи появляется этот призрак и требует отмщения.

— Отмщения за что? — спросила я, не отрываясь от процесса еды. — И кому?

— За ритуальное убийство, я полагаю, тем, кто убил.

— Может, не будем говорить об этом, — нервно попросил Эл, но я мотнула головой.

— Это прекрасная тема для подобного застолья в такую ночь. Придаёт происходящему налёт готичности. Бен, вы знаете, кто эта девица и что с ней произошло?

— Я пойду к себе! — заявил Эл и, взяв свою тарелку, поднялся из-за стола, но, подумав, снова сел и мрачно взглянул на меня.

— Её звали Генриеттой, — ответил Бен, не обратив внимания на метания своего приятеля. — Она была горничной у баронессы де Витри, которая живёт в своём замке неподалёку от городка Бренне, что расположен чуть севернее Магдебурга и славится своими лечебными источниками. Девицу убили во время какого-то магического ритуала, с тем, чтоб получить её кровь. На свою беду, она слишком берегла девственность, и потому оказалась единственной подходящей жертвой в замке. Такие ритуалы проводятся её хозяйкой именно в подобные недобрые ночи. То есть в такие ночи эту ведьму можно застать на месте проведения ритуала.

— Занятно, — кивнула я, по-прежнему не глядя на привидение. — И что, сегодня тоже будет такой ритуал?

— Сегодня будет особый ритуал, и меня он сильно тревожит, потому что приведёт в беспокойное состояние неопределённое количество почивших душ. Я опасюсь, как бы они не явились сюда вслед за этой девицей.

— Даже так, — я отложила вилку и повернулась к Бену. — А что там будет происходить?

— Это всё последствия неких давних событий, когда в замке жила другая баронесса де Витри, которую звали Греона. Она была ведьмой и, как говорит эта несчастная тень, с помощью приворотного зелья околдовала барона де Витри, вышла за него замуж, а затем убила его. Она занималась колдовством, изводила врагов и ненужных мужей своих подруг и клиенток ядом и насылаемыми проклятьями, пила кровь младенцев, чтоб сохранить молодость. В конце концов, у магистрата Бренне лопнуло терпение, они наняли какого-то специалиста в Магдебурге, он организовал карательную экспедицию в замок, Греону поймали и повесили. Теперешняя владелица замка баронесса Жеанна — её дочь, занимается тем же, но колдовской силы не имеет, потому раз в год проводит ритуал на кладбище. Вызывает дух матери и даёт ей младенца, чтоб та выпила его кровь и сохранила красоту в могиле, а та в благодарность на целый год передаёт ей свою силу.

— Это легенда? — недоверчиво спросила я.

— Вспомните, в каком мире мы живём, командор. Я не могу поручиться, что всё это правда, но кое-что вполне может ею быть. Тень Генриетты утверждает, что несколько раз участвовала в этом ритуале, в составе шести ведьм, призывавших седьмую. Она сама видела, как баронесса де Витри с помощью какого-то амулета поднимала тело матери из могилы и та выглядела как живая. И это тело действительно пило кровь младенца, которого приносила каждый раз некая знахарка-травница по имени Бригитта.

— Так, вот с этого места поподробнее, — остановила я его. — То есть вы вот так спокойно мне говорите о том, что скоро где-то не так чтоб очень далеко отсюда произойдёт убийство ребёнка, и сами спокойно сидите за этим столом?

— А что я могу сделать? — поинтересовался он. — Смерть ребёнка меня тревожит, но ещё больше тревожит то, что, по мнению этого призрака, под действием ритуала не только старая ведьма поднимается из могилы, но вместе с ней и другие похороненные там. Ритуал происходит на кладбище, где построен склеп Греоны де Витри. И все, кто там лежит, встают из могил и до утра слоняются по округе, стеноя и внушая ужас мирному населению. Не исключено, что это приводит к очередным жертвам. Суеверные люди слишком болезненно реагируют на восставших мертвецов. Я уж не говорю о том, что последнее время все

неупокоенные души так и тянутся сюда. Их тут слишком много. И далеко не всем им я могу помочь. Ещё пару часов назад я понятия не имел, что эта ночь настаёт, пока перед самым ужином не увидел несчастную Генриетту. Я при всём желании не смог бы добраться до Бренне за оставшееся время, да и не знаю где он. Потому я бессилён!

— А помощи попросить не судьба? — уточнила я, сурово глядя на него.

— А что вы можете сделать?

— Я могу добраться туда вовремя, разогнать шабаш, сжечь ведьму и спасти младенца. Но мне нужна дополнительная информация. Я могу поговорить с этой... Генриеттой?

— Нет, она не может говорить. Она делится со мной образами, и поверьте, это страшно.

— Полагаю, не страшнее современных фильмов ужасов в формате 6D из наших англосаксонских колоний. Если она не может поделиться образами со мной, то делитесь вы полученной от неё информацией. Итак?

— Судя по всему, ритуал проходит на кладбище за городом, — пожал плечами он. — В самое тёмное время ночи, то есть у вас ещё около пятнадцати часов в запасе. Участники шабаша... Хотя нет, это неправильное определение, и оно может ввести в вас в заблуждение. Шабаш придумали инквизиторы, как злую пародию на католическое богослужение, а здесь всё иначе. Итак, шесть ведьм съезжаются на кладбище, баронесса де Витри привозит с собой музыканта с волынкой. Травница Бригитта приносит ребёнка. С ней какая-то девчонка, которая приглядывает за ребёнком, пока он не понадобится. Все ведьмы верхом, в доспехах и вооружены, как рыцари.

— Зачем?

— Не знаю, но, возможно, они хорошо помнят, что случилось с их покровительницей Греонией, и готовы дать отпор недоброжелателям. Они зажигают костёр, бросают в него какие-то травы и кристаллы серы, бьют мечами в щиты и под волынку поют гимны. Потом идут в склеп, вскрывают надгробие и кладут на грудь тела Греоны амулет. Баронесса произносит заклинание и её мамаша просыпается. Под звуки волынки ей приносят младенца, она прокусывает ему артерию, выпивает кровь, касается лба дочери, передаёт ей силу и падает обратно в могилу. Надгробие закрывают и все едут в замок баронессы праздновать успешное завершение колдовства.

— Какая мерзость, — прокомментировала я.

— А вы хотели бы, чтоб такой ритуал выглядел, как открытие Дельфийских игр?

— Я хотела бы. Впрочем, если чего-то хочется, то нужно что-то делать. Что б вы сделали, окажись вы там в нужное время?

Он задумался.

— Я бы уничтожил тело ведьмы. Нет тела — нет ритуала.

— А бесплотный дух?

— Вряд ли он может быть носителем колдовской силы, нужно что-то более осязаемое. К тому же бесплотный дух никому не сможет прокусить артерию.

— Логично, — согласилась я. — А как его уничтожить, это тело?

— Это не сложно. Это обычный кадавр, то есть мёртвое тело, в который на какое-то время возвращается дух. Он же, этот дух, возможно, поддерживает тело нетленным. Значит, здесь сработают любые методы, применяемые против живых мертвецов, то есть зомби.

— Соль и огонь?

— Да.

— Что после этого?

Он изобразил улыбку.

— У меня вряд ли возникло бы желание связываться с шестью вооружёнными ведьмами. Для этого нужна не только отвага, но и немалый запас глупости.

— А амулет? Он вас не заинтересовал?

— Заинтересовал, ещё как... — согласился Бен. — Но я не уверен, что смог бы отнять его у ведьмы, не убивая её. Вы ещё не забыли, что у нас действует запрет на убийство?

— Как приятно слышать это от вас! — съехидничала я.

— Я — другое дело.

— Но ребёнка-то надо спасти! — напомнила я. — Благополучие мёртвых — это, скорее, по вашей части, а вот меня интересуют живые. Потому мне придётся отнять у них младенца и доставить его в безопасное место. Как вы думаете, на кухне есть соль?

— Там есть даже масло, которое очень хорошо горит. Могу также одолжить зажигалку.

— У меня есть... — пробормотала я и, наконец, заставила себя взглянуть на окровавленную девицу в углу, которая прислушивалась к нашему разговору.

Это была едва ли не самая неприятная часть подготовки к моей вылазке, но делать было нечего. Я встала из-за стола, подошла к ней и поднесла пальцы к её лбу. Он был ледяной. Я закрыла глаза и увидела несущиеся подо мной вершины гор, потом тёмные леса и, наконец, синеватую равнину, заполненную клочковатым туманом, из которого поднимались покосившиеся надгробия. А над всем этим — серое здание усыпальницы с квадратными колоннами и лежащим на них тяжёлым портиком. Оно было таким громоздким и монолитным, будто строители хотели придавить то, что в нём скрывалось, запечатав под тоннами камня.

— Я знаю, где это, — кивнула я, открывая глаза, и встряхнула рукой.

На пальцах ощущалось неприятное покалывание. Я поняла, что Генриетта сама была ещё той штучкой, и в рай она вряд ли попадёт, а значит, её спасение не по моей части. Меня саму удивило, как просто я пришла к такому выводу и, не испытывая к ней жалости, отправилась на кухню искать то, что мне так необходимо для моей очередной миссии.

Перед моим мысленным взором всё ещё стояла мрачная картина заброшенного кладбища, и я уже пожалела, что упомянула о жутких фильмах ужасов, которые запрещены на Земле из-за губительного воздействия на человеческую психику. Они используются только в специализированных центрах по подготовке десантников и агентов безопасности, которые могут столкнуться с подобными обстоятельствами. Наше подразделение тоже включили в программу такой подготовки, и честно признаюсь, лучше десять раз пройти по полигону для подготовки спецназа, сквозь силовые поля, гравитационные ловушки и огненные галереи, чем один раз погрузиться в этот фантазмагорический кошмар. Хорошо ещё, что нас к этому готовили и сопровождали проход профессиональные психологи, занимающиеся проблемами страха. Но, с другой стороны, каждый проход становился всё легче, а после казалось, что ничто мистическое уже напугать не может. И всё же я рада была победно завершить подготовку по этой программе и постаралась выбросить всё увиденное из головы, надеясь, что мне не придётся столкнуться с этим наяву. И вот, посмотри ж ты! Я собираюсь лететь на самое настоящее кладбище, где скоро из могил восстанут мертвецы, а кругом под волынку будут плясать ведьмы и бить мечами в щиты. И почему я не пошла учиться на кондитера?

Соль и масло действительно нашлись на кухне в достаточном количестве. Соль мне

щедрой рукой отсыпала из большого мешка в маленький мешочек Миси, а кухарка вручила горшок с маслом, которое по её словам, в блюдо не годилось, а для лампы — в самый раз. Меня это устроило. Сложив мешочек и горшок в котомку, я проверила экипировку и покинула замок.

Ночь действительно была какая-то странная, небеса светились изнутри бледноватым светом, который ложился на землю леденящей изморозью. Казалось, что проплывающие внизу кроны деревьев нарисованы на листе бумаги голубовато-серой краской. Воздух был влажным и прохладным. Порой налетал ветер, но вместо того, чтоб подхватить меня и нести дальше, он только топорщил перья крыльев и нагонял неприятный озноб. К счастью, полёт был недолгим. Я пролетела над городом Бренне, с удивлением увидев на его узких улицах необычное оживление. Там было много людей, много факелов, свет которых отражался от доспехов и оружия. Я слышала гул голосов и ржание лошадей, а потом увидела на утопающей в мутном тумане равнине возле города ровные ряды белых шатров и костры между ними. Этот лагерь был велик и сильно озадачил меня. Я даже сделала над ним круг, но потом вспомнила, что у меня полно других дел и полетела дальше. За равниной располагалась небольшая гряда низких гор, в расщелинах которых бледно светились подёрнутые паром озерца, вокруг них были построены бедные хижинки, навесы и красивые домики, низкие, окружённые террасами и украшенные узорчатыми бордюрами на крышах. Видимо это были знаменитые купальни. Кстати, устойчивый запах сероводорода, поднимавшийся от озёр, подтверждал это.

Миновав горную гряду с купальнями, я пролетела над тёмной массой густого непролазного леса, вдалеке появился обрывистый утёс с высоким замком на вершине, стены которого были слабо освещены факелами, а внизу, наконец, показалось то самое кладбище.

Я опустилась ниже и пролетела над ним. Да, оно выглядело именно так, как в видениях Генриетты, тонущее в тумане, над которым поднимались покосившиеся, выщербленные непогодой и временем надгробные камни. Над ними в самом центре стоял куб усыпальницы, складывающийся из массивных колонн и возложенной на них громоздкой плиты. Опустившись ниже, я встала на землю, покрытую мхом, и осмотрелась. Что-то подобное я уже видела и не в фильме ужасов. Это было когда-то очень давно, на далёкой планете под названием Кронвер. Она была погружена в вечную магическую ночь и по ней тоже ходили мертвецы. При этом воспоминании я невольно передёрнула плечами и осмотрелась. Нет, здесь пока никаких зомби не наблюдалось. Только было очень тихо, и иногда сквозь туман вспыхивали на могилах блуждающие огоньки. Может, это были светлячки, или так выглядели из-за струящегося синеватого тумана гнилушки.

У меня не было ни малейшего желания проверять, что это. «Я здесь по делу», — напомнила я себе и решительно направилась к склепу. Дверь в него была ниже уровня земли, к ней вели скользкие, покрытые слизью и мхом ступени. Спустившись к высокой широкой двери, в которую мог въехать всадник, я попыталась открыть её. Ручки на двери не было, зато была замочная скважина. За неимением ключа, я достала свой лучевой меч и, выпустив немного клинок, вставила его в скважину. Заструился лёгкий белёсый дымок, что-то внутри щёлкнуло, и дверь приоткрылась.

Фонаря у меня при себе не было, но на стене были установлены два просмолённых факела. Я зажгла их и подошла к каменному саркофагу, на крышке которого лежала статуя юной красавицы с вьющимися волосами, облачённой в тончайшую тунику, сквозь которую виднелось прекрасное тело. Из-за игры света, падающего от факелов, казалось, что статуя

дышит, и веки её чуть вздрагивают, словно она находится на грани сна и бодрствования и вот-вот проснётся.

Статуя была хороша, но долго разглядывать её резона не было. Я без особого труда сдвинула крышку, которая, как оказалось, была закреплена на механизме, позволяющем легко открыть её, и замерла от неожиданности. Внутри саркофага лежала молодая женщина, с которой и была скопирована эта необыкновенная статуя. Она была юна и красива, на белом лице играл розовый румянец, рыжие волосы мерцали золотистыми завитками, и ресницы чуть вздрагивали, словно она, и правда, готова была вот-вот проснуться. Она была прекрасна, но всё же от одного взгляда на неё у меня по спине пробежал табун крупнокалиберных мурашек. Любоваться этим кадавром я не могла, напротив, захотелось задвинуть крышку и идти куда-нибудь подальше по своим, без сомнения, очень важным и срочным делам.

Конечно, я никуда не пошла. Я достала из котомки мешочек с солью и щедро посыпала тело в гробу. Реакция была, как обычно у зомби, правда без истошного визга и прыжков на стену. Там, где упали песчинки соли, плоть начинала чернеть и съёживаться, и вскоре то, что лежало передо мной, перестало походить не только на статую, но и вообще на что-то человекоподобное. После этого я уже спокойно полила это нечто дурно пахнущим маслом и, достав зажигалку, подожгла. Огонь вспыхнул так ярко, что я отшатнулась. Где-то на улице раздался странный рёв, хотя, может, это был порыв ветра, пробившийся сквозь деревья ближайшего леса, или какой-то зверь в чаще.

Я стояла над горящей могилой, глядя, как очищающий огонь выжигает всё внутри. И когда он, наконец, опал и погас, там ничего не было, только толстый слой чёрной неприятной копоти, покрывшей внутренность каменного ящика. Ведьма сгорела быстро и без следа. Я где-то слышала, что так горят только ведьмы, не оставляя после себя никаких останков кроме грязной копоти. Я закрыла крышку и, потушив факелы, вышла из усыпальницы. Первая часть моего плана была выполнена безупречно. Теперь оставалось только ждать.

Осмотревшись, я решила, что лучшим местом для этого будет крыша склепа и, взлетев туда, присела на каменную плиту. Вокруг было тихо, на могилах покачивались обрывки тумана, медленно закручиваясь в смерчи и принимая самые странные очертания. Те бледные огоньки, что я заметила раньше, медленно парили от одного памятника к другому и иногда, собравшись в группки, устраивали странный неторопливый танец. Их движение завораживало, наполняя душу каким-то странным покоем. Потом они разлетались в стороны и продолжали своё путешествие над могилами. Где-то очень далеко залаяла собака, и по кронам деревьев чернеющего вдали леса прошёлся ветер, вызвав унылое гудение и треск веток.

Мне уже не было страшно. Может, потому, что ведьма Греона окончательно убралась отсюда, и жуткая атмосфера, которую она создавала вокруг себя, рассеялась. Теперь тут царило умиротворение и лёгкая грусть. Синеватый покров, лежащий на предметах, делал унылый пейзаж немного романтичным, подобным иллюстрации из томика готической поэзии. Запустение и тишина, как в забытом мирке в глубинах Тьмы, где уже давно нет живых душ, да им там и нечего делать. Только тишина, забвение и вечный покой.

Я сидела на холодной плите, любясь необычной картиной, и всё больше погружаясь в печальную меланхолию этого места. По светящемуся внутренней синевой небу пробегали тёмные тени лёгких облаков, и странно было не видеть на нём обычную спутницу таких

видений, бледную задумчивую луну. Со временем я поддавалась этому настроению, ощущая себя таким печальным ангелом среди пустоты и разбитых надежд. Не то, чтоб я думала о чём-то конкретном, просто магия места и момента повлияла на меня, и я окунулась в эту призрачную голубую пустоту, внимая далёким звукам и окружающей меня тишине. Может, именно поэтому я сначала просто отметила про себя раздавшийся где-то неподалёку от меня медленный стук копыт и звон упряжи. Лишь когда совсем рядом раздалось тихое ржание, я встрепенулась, поняв, что артисты начинают подтягиваться к месту своего мрачного спектакля, а расстилающийся передо мной ландшафт вполне соответствует декорациям какого-нибудь готического спектакля. Ну, или что-нибудь из Шекспира, например сцены с тремя ведьмами из «Макбета».

Словно в ответ на эти мысли из тумана выехало что-то странное, некая пародия на эту трагедию, потому что в этом образе соединились и ведьма, и Макбет. Ну, и его леди, вероятно, тоже. На площадку перед склепом медленно вышел высокий конь чёрной масти, в седле которого сидела крупная мускулистая женщина с тёмными густыми волосами и круглым лицом. Самым интересным было то, что на ней были только доспехи, то есть под ними, похоже, ничего не было. Наручи и поножи были надеты на мощные руки и ноги, отделанный чёрнёным узором панцирь имитировал форму женской груди, а юбку заменяла длинная кольчуга, доходившая до середины бёдер. Эта суровая амазонка остановила коня и легко спрыгнула на землю. Ширине её плеч позавидовал бы иной мужчина, а висящие на поясе кинжал и длинный меч выглядели на ней, как лёгкие погремушки. В бледном голубоватом свете на её груди поблёскивала цепь со странным медальоном. Цепь и сама была необычной, составленной из тонких филигранных цилиндров, а медальон чем-то напоминал старинный навигационный прибор с подвижными кольцами по краю, покрытыми какими-то знаками, и жёлтым, медово светящимся камнем в центре.

Оглядевшись, амазонка свистнула, и тут же из кустов появился худой носатый человек в тёмном костюме с волынкой, а потом из леса вышла ещё одна женщина в доспехах, за которой плелась сонная измождённая девица со спелёнутым младенцем на руках. Эта вторая ведьма, а в том, что это ведьма, не было никаких сомнений, выглядела, как пародия на первую. Она была низенькой и сутулой, с длинными волосами серого цвета, кое-как заправленными под холщёвый чепец. На ней тоже ничего кроме доспехов не было, но доспехи эти были бутафорскими, склёпаннными из тонкой жести, которую не то что мечом, даже кинжалом пробить было бы совсем несложно. Подойдя к первой, эта поклонилась и подобострастно что-то забормотала, указывая на девицу позади себя. Я могла только разобрать многократно повторяющееся обращение «ваша светлость», из чего сделала вывод, что эта амазонка и есть баронесса Жеанна де Витри.

Следом за этими персонажами появились ещё четыре дамы. Они также прибыли верхом в доспехах, надетых на голое тело, с распущенными волосами. Их доспехи были скорее нарядными, чем надёжными, к тому же из-под металлических пластин виднелись мягкие прокладки из бархата. Впереди ехала высокая худая дама со светлыми волосами. Её лицо было аскетично худым, но при этом не лишено некоторой странной красоты, наводящей на мысль о её аристократическом происхождении. Её шея, руки и ноги были бледными и тонкими и совсем не подходили к воинственному облачению. Вторая была рыжей красавицей с весьма аппетитными формами. Она единственная с радостным возбуждением осматривалась по сторонам, словно въезжала не на кладбище, а в город, наполненный толпой, ликующей по поводу её прибытия. За ней следовала юная девица, явно скрывающая

свой страх за высокомерием. Наверно она впервые попала на подобное мероприятие, заменив собой почившую Генриетту. Она стеснялась своей едва прикрытой наготы, и то и дело поправляла на груди светлые локоны длинных волос, видимо, пытаясь прикрыться ими. И последней оказалась некая особа, которая на коне выглядела сущим недоразумением: пухленькая, коротконогая, с круто завитыми кудряшками. Её латы были украшены позолотой, но выглядели скорее дорогими, чем красивыми. Подъехав вслед за своими спутницами к баронессе, она кое-как сползла с седла и поклонилась ниже других. Видимо её достоинством было богатство, а не родовитость.

— Вы чуть не опоздали, — низким грудным голосом упрекнула их баронесса.

— Что поделаешь, Жеанна, — пожалала плечами худая дама. — В городе заночевал король Ричард со своими приближёнными. Бренне окружён военным лагерем, а лагерь — постами. Это чудо, что нам удалось выбраться незамеченными, да и то, только благодаря Аманде... — она обернулась к пухлой коротышке, но баронесса отмахнулась.

— Меня не интересуют подробности. Главное, что вы здесь, и мы не упустим эту бесценную ночь. Вы готовы? Все помнят свои заклинания? Карлотта, ты выучила свою часть? — она сурово взглянула на девушку.

— Зазубрила наизусть, — проворчала та, озираясь.

— В таком случае, не будем терять времени.

Баронесса отошла чуть дальше, и я увидела, что там навалена куча веток, видимо валежник, который ещё засветло собрали в лесу и сложили здесь. Пока её подруги доставали из седельных сумок какие-то мешочки и коробочки, она опустилась на одно колено и с помощью кресала и кремня подождала трут. Вскоре всё вокруг озарил весёлый огонь большого костра, разгоняющий всё больше сгущающуюся тьму и обрывки бледного тумана.

Дамы подошли к костру и встали вокруг него. В руках у них появились небольшие щиты, видимо, тоже ранее прикрепленные к сёдлам. Только у баронессы был настоящий метровый щит с изображением дракона. Они принялись ритмично бить вынутыми из ножен мечами по щитам, а следом начал свою партию волынщик. Звук этот был на удивление резким и неприятным, как бляение козла, а следом раздался мощный густой бас баронессы де Витри. К нему вскоре присоединился тонкий голосок её белокурой тощей подруги, а следом и довольно приятный голос весёлой красавицы. Это был гимн, умело разложенный на голоса и повествующий о нелёгкой жизни красавицы Греоны, которая родилась в хижине пастуха, но обрела тайную силу и смогла охмурить барона, который был очень плохим человеком, всячески её обижал и даже запрещал колдовать и травить соседей. Дальше шло перечисление подвигов Греоны, начиная с убийства мужа и кончая открытием волшебного эликсира молодости, текущего в жилах младенцев. Заканчивалось всё на печальной ноте о злых жителях Бренне, которые не поняли мятущейся души прекрасной баронессы и не нашли ничего лучше, как изловить её и повесить на воротах её собственного замка.

Я почему-то не прониклась сочувствием к несчастной, но наблюдать за этим концертом самодеятельного фольклорного коллектива мне было интересно, потому я улеглась на крыше склепа жертвы человеческой несправедливости и, подперев щеку кулаком, слушала продолжающиеся песнопения. А репертуар у этих дам был богатый. Закончив историю жизни Греоны, они исполнили пламенный гимн, содержащий широкий спектр проклятий, адресованных её губителям, причём некоторые из них были столь изошрёнными, что мне оставалось лишь позавидовать воображению автора. Потом исполнялись другие песни и гимны, в которых дамы призывали тёмные силы на помощь и молили наделить их

магической силой, а также безыскусные песенки, что-то про зелёный куст, склонившийся над рекой, и юную деву, в этой реке утопившуюся. Каким образом это относилось к ритуалу, я так и не поняла, но сама песенка мне понравилась, жаль, что она была такой грустной.

Вслед за песнями начались танцы, дамы побросали мечи и щиты и пустились в пляс вокруг костра, повизгивая и хохоча от удовольствия, и бросая в огонь клочки трав и камушки серы, которые, не останавливая движения, доставали из припасённых мешочков. Мелодия, исполняемая невозмутимым и даже немного скучным волынщиком, теперь напоминала ирландскую музыку, под которую так красиво танцуют на Земле девочки в коротких юбочках с длинными распущенными волосами. К сожалению, эти пляски выглядели совсем не так красиво, потому что дамы явно не брали уроки танцев, да и спортом из них занималась разве что баронесса, если считать спортом подъём тяжестей. Потому они скакали, прыгали и извивались, кто как мог, и насколько им позволяли их железные наряды. К тому же они довольно скоро выдохлись. Первой рухнула мокрая, как мышь, упитанная Аманда, за ней — белокурая ведьма, следом — девица Карлотта, и, наконец, травница Бригитта в своих доспехах из консервных банок. Только весёлая красавица и закалённая на ниве злодеяний баронесса Жеанна де Витри продолжали свои пляски, распалаясь всё больше, в явном стремлении дойти до экстаза.

Дым костра стал гуще, и в огне замелькали странные зеленоватые блики. Порыв ветра донёс до меня густой запах горящих смолистых трав и серы. Музыка всё ускорялась, а небо темнело, крики и визг двух ведьм становились всё более истошными и резкими, и в какой-то момент мне показалось, что к ним присоединилась ещё одна полупрозрачная тёмная фигура. Впрочем, наверно, это показалось не только мне, но и баронессе, потому что она вдруг замерла с расширившимися от возбуждения глазами.

— Она здесь, Флора! — прорычала она, указывая туда, где было что-то похожее на тёмный смерч. — Она здесь! Мать услышала нас, она присоединилась к нам. Эй, вы, Беатриса, Карлотта, Аманда, и ты, старая крыса Бригитта! Вставайте! Греона здесь!

Она тут же дополнила свой приказ действием, совершенно бесцеремонно пиная своих товарок ногами, от чего их латы жалобно звенели под ударами её сапога, а они сами начали со стоном подниматься на ноги.

Едва не пошатываясь, они выстроились в шеренгу и, повернувшись, пошли вслед за шествующей впереди баронессой. Волынка теперь уныло плакала, раздирая уши надсадными печальными звуками. Процессия направлялась к склепу, и вскоре я уже не могла её видеть, потому что дамы спустились по ступеням к двери. Я слышала, как в замок был вставлен ключ, он скрипнул, не выдав того, что замок испорчен лучевым кленком, и вскоре ведьмы переместились внутрь склепа. Оттуда приглушённо слышалось стройное пение.

Я перевернулась на спину и прислушивалась, ожидая реакции на то, что они увидят в каменном гробу Греоны. Потом стало тихо, а следом раздался разъярённый и полный отчаяния рёв самки тираннозавра рекс. Баронесса вылетела из склепа, дико вращая глазами, рыча и озираясь по сторонам в поисках врага. Это я уже видела, повернувшись обратно на живот. Честно говоря, я не знала, что буду делать дальше, но в этот миг что-то невидимое подхватило меня и швырнуло вниз, прямо к этой разгневанной амазонке.

Ещё в воздухе я сгруппировалась и, кувырнувшись по мягкой, покрытой мхом земле, встала на ноги. Жеанна де Витри смотрела на меня, оскалившись, как зверь, и шарила рукой у пояса в поисках меча. Я заняла позицию так, чтоб видеть её спутниц, которые растерянным стадом выбирались из склепа. Взглянув на них, я поняла, что вряд ли кто-то из

них решится напасть на меня с оружием, особенно если учесть, что я была в своей тульской кольчуге и мои руки и лицо слегка светились.

Ведьмы, увидев меня, опасно попятились к ближайшему кустарнику, а баронесса вдруг сделала решительный бросок к костру и, схватив с земли свой меч, обернулась ко мне, принимая боевую стойку. Она готова была в следующий момент броситься на меня и порубить в лапшу, но я отстегнула от пояса Налорант и, сдвинув выключатель, подбросила его вверх. Эфес из инопланетного зеленоватого металла тускло блеснул в свете огня и упал мне в руку, когда из него уже выдвинулся звенящий от напряжения белый лучевой клинок. Я тоже встала в стойку и замерла, глядя на свою соперницу. Теперь я видела её совсем близко. Она была молода и довольно красива, с синими глазами, к тому же, без сомнения умна, потому что, увидев мой меч, сообразила, что её клинок против моего не устоит. Потому она выпрямилась, мрачно глядя на меня и ища выход из сложившейся ситуации.

Я слишком увлеклась наблюдением за ней, и не заметила, как красавица Флора прокралась мимо меня и встала на одной линии со мной и входом в склеп. Дверь была открыта. И она просто выкрикнула какое-то заклинание и выбросила руку вперёд. Я получила мощный удар, который забросил меня внутрь усыпальницы. Я скатилась вниз по ступеням и ударилась о стенку саркофага, успев увидеть, как с грохотом захлопнулась за мной тяжёлая дверь.

— Тайм-аут, — проворчала я, поднимаясь.

Я не слишком расстроилась, оказавшись взаперти, потому что в этом был и плюс. Каменные стены и дверь скрыли меня от агрессивных ведьм, и у меня было время подумать, что делать дальше. Я осмотрелась. Факелы на стенах снова горели, а гроб был открыт и в нём что-то неярко блестело. Подойдя, я увидела на чёрном от копоти дне тот самый медальон с жёлтым камнем. Взяв его, я размышляла, как он там оказался. Наверно баронесса сняла его, собираясь сдвинуть крышку, чтоб сразу же опустить на грудь Греоны, а увидев, что внутри, выронила из рук. И теперь он был у меня.

Я рассматривала загадочные символы на подвижных гранях медальона, когда почувствовала слабую вибрацию вокруг. Откуда-то снаружи до меня доносилось гневное пение ведьм. Похоже, они выводили какое-то мощное заклятие, и стены склепа начали дрожать под его воздействием. Потолок тоже дрожал, и вскоре с него посыпался мелкий песок. Я поняла, что ещё немного и эта плита обрушится мне на голову. Не думаю, что я сразу умру, но телесные повреждения мне будут обеспечены, не говоря уж о том, что помощи мне ждать неоткуда.

Сунув медальон в подсумок, я снова осмотрелась, соображая, что делать. Выход был только один: через дверь, которую нужно открыть и вырваться наружу. Это было реально. Я подошла к ней и тут же почувствовала сильный жар, исходящий от металла. Дверь начала стремительно нагреваться, раскаляясь всё больше, и в узком тесном помещении, где и до этого было не так много кислорода, стало душно.

«Итак, мне нужна помощь», — решила я и обратилась к тому, кто всегда спасал меня, каким-то чудом успевая за секунды до гибели.

— Джулиан! — крикнула я, посмотрев на потолок, по которому уже змеились тонкие трещины.

Он не появился. Он редко откликался на мой зов последнее время, и я начала подозревать, что ему скучно, и он уходит погулять во Тьму. Не каждая женщина может похвастаться, что у её мужа такое экзотическое хобби. Кто-то ползает по подземным

пещерам, кто-то карабкается на высочайшие вершины гор, кто-то плавает без акваланга с дельфинами и морскими черепахами. В моде прогулки к обоим полюсам и по склонам действующих вулканов, но мой муж предпочитает уходить в глубины Тьмы. И вот сейчас, вместо того, чтоб мчаться на помощь своей обожаемой супруге, он тоже, скорее всего, где-то там, иначе, услышал бы и пришёл.

— Кратегус! — яростно возопила я, увидев, как в паре метров от меня упал первый камень.

А в ответ — тишина, в которой падающие с потолка осколки вызывали лёгкую барабанную дробь. Я задумалась и тут вспомнила о том, что у меня есть ещё два варианта. Сунув руку в карман, я вытащила оттуда перо Ворона и визитку очаровательного инкуба Ириса. Представив в этом узком помещении Ворона, я мотнула головой. Он, конечно, со своей магией земли разрушит этот склеп, раскидав камни наружу, и они скорее поразят ведьм, чем меня, но, честно говоря, я была зла. Это были ведьмы, и они заслуживали того, к чему так стремились. Я убрала перо обратно и, поднеся визитку к губам, позвала нежным голосом:

— Ирис!

— Скучала? — тут же интимно шепнул мне на ухо приятный голос.

Обернувшись, я увидела его, присевшего на сдвинутую крышку саркофага в расслабленно-чувственной позе. На нём был всё тот же костюм с заклёпками, а на губах сладострастная улыбка фавна.

— Не то, чтоб очень, просто здесь сложилась тусовка, а мальчиков нет, — усмехнулась я.

Он настороженно осмотрелся по сторонам, прислушался и спросил:

— Кого-то хоронят?

— Меня. Они так думают. Шесть ведьм, которые хотели вызвать седьмую, но случился облом.

Он обернулся и заглянул в саркофаг.

— Ну, да... Хорошая работа, чистая, — одобрил он. — Но я понял, что тебя тут заточили и ты хочешь, чтоб я тебя спас. Но, видишь ли, благотворительность вообще не в природе инкубов. Я сразу хочу знать, что взамен?

— Ты неправильно понял. Я могу отсюда выйти в любой момент и перерезать эту толпу сумасшедших девиц.

— Своим антикварным мечом, освещённым в Иерусалимском Храме? — тонко улыбнулся он.

— Нет, вот этим, — я продемонстрировала ему клинок Налоранта, и он испуганно отодвинулся. — Ты ж понимаешь, что этот клинок разрежет камень, как масло, не говоря уж о телах ведьм. Но, видишь ли, с одной стороны, я ангел, и убивать мне вроде как не положено. С другой, я, как ангел, не люблю ведьм и считаю, что всё должно быть справедливо. Они хотят оказаться во власти тёмных сил. Они мечтают об этом, они просят. Я знаю, что это погубит их души, но спасти их не моё дело. Я хочу, чтоб они получили то, чего хотят, и то, чего заслуживают. Но при всём желании я не могу дать им тёмную силу, поскольку ею не обладаю. Я хотела позвать своего приятеля, графа Преисподней, но ты же знаешь этих древних аристократов. Он устроит здесь маленький апокалипсис, камня на камне не оставит. Ему наплевать на экологию и сохранность почвенного слоя, благополучие зверюшек в лесу и крестьян в ближайших деревнях. К тому же, реки крови и столбы пепла —

это неэстетично. Другое дело ты, демон утончённый и чувственный, обладающий шармом и хорошим вкусом. Ты сможешь всё сделать изысканно и тонко, не потревожив ни живых, ни мёртвых. Я пригласила тебя на пир чувств, но если ты против, пусть будет вариант Б: я вызову графа.

Он слушал меня с загадочной улыбкой на устах, а потом кивнул.

— Ты убедила меня, ангел. Я участвую. А ты?

— В каком качестве? — уточнила я.

— Вдохнови меня поцелуем!

— Не буду, — покачала головой я. — Потому что после этого ты — не боец. Забыл о благодати? Оно тебе надо?

— Точно! — вздохнул он и спрыгнул с крышки. — Я, действительно, могу забрать этих девиц?

— Не стесняйся, — интимно шепнула я, и он томно улыбнулся в ответ.

Он подошёл к раскалённой докрасна двери и толкнул её. Она тут же вылетела наружу, а я поспешно ринулась за ним на свежий воздух. Поднявшись по ступеням, Ирис остановился и, медленно поднимая руки над головой, словно танцуя тарантеллу, оглянулся туда, где вокруг склепа стояли ведьмы, изумлённо смотревшие на него. Он призывно улыбнулся и начал постепенно меняться, превращаясь во что-то иное, прекрасное и манящее. Его рокерская курточка чёрными ручейками стекла вниз, открывая смуглые мускулистые плечи и рельефный торс. Иссиня-чёрные, блестящие волосы крупными кудрями заструились вокруг лица, спускаясь на широкую спину, короткая серповидная борода очертила мужественные скулы, а глаза вспыхнули алым сиянием. Теперь на площадке перед склепом стоял высокий молодой мужчина атлетического телосложения, в каждом изгибе тренированного тела которого таилась чувственная сила, его лицо было суровым, взгляд жёстким и немного пугающим, но на алых губах плыла призывная, полная очарования улыбка. Потом кудри на голове зашевелились и из них поднялись крутые чёрные, отливающие серебром загнутые рога, а следом на лопатках лопнула кожа, и оттуда выросли блестящие, как клеёнка, перепончатые крылья.

— Хорош, бродяга! — усмехнулась я, признав его высокий профессионализм, в то время как ошалевшие ведьмы медленно двинулись к нему, протягивая руки.

Спустя минуту они уже окружили его, оглаживая трепещущими пальчиками его выпуклые мышцы, а он поворачивался то к одной, то к другой, и склонялся, целуя их в губы. Их доспехи со звоном падали на землю, его крупные сильные руки обнимали их за талии, привлекая одну за другой, а они пытались поймать его ускользающий взгляд и хоть на миг коснуться губами его алых губ. Это было похоже на странный танец, чувственный и при этом жуткий. Вольтер с выпученными глазами играл какую-то странную завораживающую мелодию, а к группе ведьм уже ползла на четвереньках, протягивая руку к демону, измождённая девица.

Мне с трудом удалось оторвать взгляд от этой околдовывающей сцены. Где-то за кустами плакал младенец. Я пошла туда, но меня словно кто-то толкнул в спину. Я обернулась и увидела, что демон с крыльями смотрит на меня обжигающим взглядом и протягивает ко мне руку, на которой серебрятся острые когти.

— Это тоже моё! — прорычал он.

— Нет, — возразила я. — Невинные души по моей части. Ты занимайся этими греховодницами.

— Младенец вкуснее, — заявил он.

— Но он под защитой.

Демон неожиданно улыбнулся, и в его лице проглянули на миг беспечные черты Ириса.

— Стоило попробовать, ангел. Не забывай меня.

— Я сохраню твою визитку, — пообещала я и ушла.

Я боролась в душе с желанием остаться и посмотреть, что будет дальше, и страхом увидеть это. Но отыскав маленький плачущий свёрток под кустом ракиты, я поняла, что медлить не стоит. Кто знает, когда малыша кормили последний раз. Взяв его, я распустила крылья и взлетела, слыша позади сумасшедшую песню волынки.

Я летела над лесами, прижимая к себе младенца, он успокоился и больше не плакал, но меня беспокоило его состояние. Наконец внизу я увидела то, что искала — небольшой хорошо укрепленный замок в окружении лугов и полей, а неподалёку в долине — деревню, состоящую из добротных домов, где всё ещё горели огни.

Я спустилась вниз, к замку и вскоре встала ногами на каменные плиты площадки на крепостной стене. Рядом со мной на зубце был укреплен факел, и я подошла ближе, чтоб посмотреть на ребёнка. Он был маленький и бледный, наверно не более трёх месяцев от роду. Он спал, причмокивая во сне и недовольно крутил головкой. Я нагнулась и поцеловала его, а, подняв голову, с удивлением увидела, как посветлела его кожа, и на округлившись щеках появился румянец. Я невольно улыбнулась и в этот момент услышала топот ног, который приближался с двух сторон. Подняв голову, я увидела, что ко мне бегут лучники в поблёскивающих панцирях и шлемах. Когда они приблизились, я поняла, что они уже немолоды, а их суровые лица прорезаны морщинами. Они были напуганы и растеряны, увидев перед собой женщину с крыльями, но при этом полны решимости защищать свой замок, потому подняли свои луки, нацелив на меня длинные тяжёлые стрелы.

— Позовите господина Брана, — произнесла я дружелюбным тоном. — Скажите, что его срочно хочет видеть леди Дарья.

Один из стариков нахмурился и подался вперёд, вглядываясь в моё лицо.

— Это... — пробормотал он.

— Да, это я гостила не так давно у вашего барона. Я знаю, что он сейчас в Сен-Марко, но его брат, господин Бран здесь?

— Да, леди, — кивнул лучник и опустил оружие, после чего кивнул своим друзьям, и они немного смущённо последовали его примеру.

Один из них ушёл звать управляющего, а я повернулась туда, где мерцала гостеприимными огоньками знакомая мне деревня. Вскоре Бран появился и, отвесив мне почтительный поклон, удивлённо смотрел на мои крылья.

— Я надеюсь, вы выполнили мою просьбу не выкидывать колыбель, друг мой? — спросила я, подходя к нему. — Я принесла вам ребёнка. Не знаю, мальчик это или девочка. Я спасла его от смертельной опасности, однако, не могу заботиться о нём дальше. Я знаю, что вы с вашей милой супругой Гвендой сможете вырастить его.

— Конечно, — радостно воскликнул он, протягивая мне руки. Он аккуратно взял младенца и с улыбкой взглянул на его личико. Малыш, словно почувствовав это, открыл глазки и посмотрел на него. — Какой он милый! Мы воспитаем его как своего, прекрасная леди! Вы вернули счастье в мою семью. Позвольте оказать вам гостеприимство! Гвенда и дядя Хенвас будут рады видеть вас.

— С радостью бы, но, к сожалению, мне пора возвращаться в замок на Грозовой горе. Если у меня будет время, я с радостью ещё раз навещу вас. Будьте счастливы, друг мой.

Я взмахнула крыльями и поднялась над замком, глядя, как Бран провожает меня взглядом, с нежностью прижимая к себе малыша. Я больше не беспокоилась за ребёнка, зная, что эти добрые люди окружают его заботой, и он вырастет хорошим человеком, как его новый отец, мать и дядя, который, как я надеялась, вернётся с войны живым и здоровым.

Мой путь лежал на восток. Честно говоря, мне не терпелось получше рассмотреть свой трофей, потому я даже не заметила промелькнувшие внизу острые скалы и вскоре, пролетев сквозь чёрную массу клубящихся туч, опустилась на террасу, заливаемую дождём и освещаемую яркими вспышками молний.

Пройдя по длинному коридору, я вошла в свою комнату. Панели всё также неровно вспыхивали, и я выключила их, после чего зажгла сложенные в камине дрова и стоящую на столике рядом свечу в красивом серебряном подсвечнике. Достав медальон баронессы де Витри, я поднесла его ближе к огню, чтоб рассмотреть.

Без сомнения, это был магический предмет, очень древний, непонятно как попавший в руки здешних ведьм. Находящийся в центре тёмно-жёлтый камень слегка светился изнутри, и, приглядевшись, я заметила, что это свечение пульсирует, словно камень был живым. А вокруг него, на двух подвижных ободах были выгравированы насечки и странные знаки, ранее мне не встречавшиеся. Скорее всего, это был прибор, который активировался путём совмещения символов и насечек, и имел много режимов действия. Ничего подобного я до сего времени не встречала и понятия не имела, как этим пользоваться. Внешний вид медальона меня заинтриговал, и я, поддавшись любопытству и забыв об опасности подобных артефактов, решила проверить, двигаются ли ободки. Я осторожно повернула один в одну сторону, второй — в другую. Совсем чуть-чуть, но тут же почувствовала, как странные энергии заструились вокруг меня. Они проникали сквозь стены и наполняли воздух тревожным напряжением. Что-то странное зашевелилось в темноте и из углов начали выступать бледные лица, смотревшие на меня. Я поспешно вернула оба обода в прежнюю позицию, и всё пропало, словно это была лишь галлюцинация. Я задумчиво посмотрела на магический прибор, и решила больше с ним не экспериментировать.

Убрав его в карман, я расстегнула пояс с Налорантом, стащила с себя кольчугу и отправилась искать Бена, чтоб выяснить последствия своего опрометчивого магического опыта. Я нашла его в кабинете за тронным залом. Он сразу откликнулся на стук и позволил войти. Вид у него был мрачный и взволнованный.

— Вы уже вернулись? — как-то нервно спросил он. — Вы сделали то, что собирались?

— Да, — кивнула я и подошла к столу, где были разложены книги и исписанные быстрым мелким почерком листы бумаги.

— Вы нашли это кладбище?

— Да.

— Вы уничтожили мёртвую ведьму?

— Да.

— И разогнали шабаш?

— Нет. Я пригласила к ним на вечеринку демона. Он им понравился.

Бен прищурился, пытаясь понять, правда это или шутка. Я невозмутимо взглянула на него и улыбнулась.

— Инкуба по имени Ирис. У меня есть его визитка. Не желаете?

— Извините, я традиционной ориентации, — пробормотал он.

— Как хотите, — я взяла в руки книгу и прочла название: — «Герметический корпус». Всегда завидовала людям, которые способны читать такие вещи. Я засыпаю на второй странице, а потом страдаю из-за комплекса неполноценности.

— Нужно иметь особый склад ума, — заметил он и, подойдя, забрал у меня книгу. — Это не значит, что ваш склад ума хуже. Просто он другой. Что с ребёнком?

— С ним всё в порядке. Я передала его бездетным друзьям. Они были счастливы.

— А амулет?

— Это Grand Grimoir? — удивилась я, увидев другую книгу. — Правда, что там написано, как управлять земными, подземными и воздушными духами?

— Амулет! — повторил он. — Вы нашли амулет?

— Интересно, — задумчиво пробормотала я, — достаточно изучить этот гримуар, чтоб делать это, или всё-таки надо обладать магическими способностями?

— Вы его нашли, — не отрывая взгляда от моего лица, обвиняющим тоном произнёс он. — И это вы запустили его недавно! Вы с ума сошли, командор? Вы можете разрушить здесь всё, играя с этим опасным предметом!

— А что случилось? — наивно спросила я.

— Призраки! На какой-то миг они все восстали, даже те, кого я успокоил. Они наводнили залы и коридоры. Я чуть не оглох от их голосов.

— Но теперь их нет?

— Нет, но я не знаю, какие ещё последствия вызвала ваша...

— Глупость? — подсказала я.

— Неосторожность, — поправил он. — Вы всколыхнули тончайшие ментальные слои, выходящие за пределы нашего измерения, и пробудили духов. Я не знаю, уснули ли они вновь, или просто покинули до времени этот мир.

— Будем беспокоиться, когда узнаем, — я пожала плечами с самым легкомысленным видом. — О Великом Гримуаре...

— Об амулете! — раздражённо перебил он. — Отдайте его мне.

Я с удивлением посмотрела на него.

— Шутите? Отдать такой предмет смертному, да ещё с криминальными наклонностями?

— У меня нет таких наклонностей! — возмутился он.

— Разве? Вы убили своего командира, не так ли? Возможно, из лучших побуждений, но мне о них ничего не известно. К тому же я подозреваю у вас отклонения психики в сторону асоциального поведения.

— Потому что я некромант?

— Потому что вас корректировали.

Он мрачно усмехнулся и указал мне на стоящее у стола кресло.

— Присядьте ненадолго, командор. Я понимаю, что мне сложно будет полностью реабилитировать себя в ваших глазах, но такая вопиющая несправедливость оскорбляет меня. Джонсон поступила неэтично, сказав вам о коррекции. Впрочем... Это уже не важно. Я расскажу, как всё было.

Я села, а он встал возле камина, опершись на полку.

— Вы знаете, кем являются мой отец и мой старший брат? Они чёрные маги высшей категории, работающие в тесном контакте с Советом духовной безопасности. Они не просто

лояльны к нашему обществу, они его патриоты и всеми силами трудятся на благо человечества. Но их род занятий и призвание накладывают на них свой отпечаток. Потому что мне они всегда относились настороженно, и воспринимали скорее как объект контроля, требующий постоянного внимания и выправления. При этом они были слишком заняты своими изысканиями и своей работой, хотя я для них тоже был частью изысканий и работы. С раннего детства я был у них под колпаком. Они наблюдали за мной, обучали и прятали ото всех. Отец получил разрешение не отправлять меня в школу для обычных детей. Официально — по состоянию здоровья, фактически, чтоб я не выдал себя, и чтоб меня не тестировали, как это делают ежегодно во всех нормальных школах. Я жил в нашем загородном доме, обучался дистанционно, и попутно отец обучал меня тому, что считал нужным. Когда мне исполнилось семнадцать, я уже умел скрывать свои дарования от окружающих и мог спокойно поступить в университет. Отец утратил ко мне всякий интерес. Так мне казалось. Брат, который тоже не проявлял нежных чувств, улетел в дальний космос, и у меня остался только Эл. Мне казалось, что я его очень любил. Но однажды...

Он на минуту замолчал, глядя в огонь камина, а потом прошёл к столу и сел в другое кресло, после чего продолжил:

— Мы ехали в Оксфорд на какой-то форум, где я должен был читать доклад. Мы ехали на раздолбанном каре Эла, и вдруг сбоку выскочила маленькая лохматая собачонка. Эл вывернул штурвал и врезался в дерево. Почему не сработала система безопасности на его месте, я не знаю, но он получил удар, от которого его грудная клетка смялась и изо рта пошла кровь. Он открыл дверь и вывалился наружу. Сбежались люди. Кто-то пытался оказать ему первую помощь, кто-то смотрел с сочувствием, кто-то истошно орал в коммуникатор, вызывая службу спасения. Девочка с той самой собачонкой на руках стояла в стороне и горько плакала, с жалостью глядя на Эла. А я... Я вдруг поймал себя на том, что злюсь. На неё, на собачонку, на Эла. Это не был шок. Я действительно был зол. Я тщательно готовил этот чёртов доклад, но теперь было ясно, что я не успею прибыть вовремя, а менять регламент форума из-за студента никто не будет. Я даже не беспокоился за Эла. Я знал, что умереть ему не дадут. Я видел, как профессионально действовали два парня в спортивных костюмах, оказавшиеся поблизости. Я знал, что через девяносто секунд после вызова придёт флаер службы спасения. И что, в конце концов, сейчас никто не умирает... Тогда я как-то привычно проанализировал свои чувства, посмотрел на лица людей вокруг, и понял, что со мною что-то не так. Эл был в сознании и беспомощно озирался по сторонам, видимо, искал меня. На его лице было страдание. Ему было больно, а я ничего не чувствовал. Самый близкий и дорогой для меня человек, который был всегда бескорыстно добр ко мне, лежал на земле, захлёбываясь собственной кровью, а я думал, что опаздываю к началу доклада.

В тот же вечер я заговорил об этом с отцом, и он сказал, что для нас это нормально. Он что-то говорил об ответственности, о холодной голове, самодисциплине, самоконтроле, кодексе чести, о вреде эмоций и обманчивости сантиментов. А я понимал, что всё это не имеет ко мне никакого отношения. Всё это у меня есть, и ответственность, и холодная голова, и самодисциплина, и самоконтроль, и кодекс чести. Но что-то закрыто для меня, что-то очень важное. И что никакие кодексы не спасут меня от ошибки, когда на кону будет стоять чья-то жизнь, а я буду думать о том, что мне нужно достичь цели.

На следующий день я поехал к своему приятелю, который учился на факультете психологии и попросил провести тестирование в лаборатории. Он, увидев результаты, совершенно обалдел. В полном восторге рассказывал, глядя на экран, как зашкаливают у

меня все показатели, а потом замолчал. «У тебя проблемы, парень, — сказал он, наконец, — конечно на фоне всего остального, это не так важно, но... В нашем обществе тебе лучше никому об этом не рассказывать». «В чём дело?» — настаивал я. Он как-то странно посмотрел на меня и произнёс: «Тебе наплевать на людей, Бен! Ты только делаешь вид, что тебя это волнует. Ты начисто лишен сострадания». «И что делать?» «То, что ты и делаешь. Старательно симулировать интерес к окружающим, участие, доброту. У тебя неплохо получается». В его голосе послышалась такая неприязнь...

Бен устало вздохнул и посмотрел на свои руки.

— Вот после этого я и поехал в специализированный центр психокоррекции. Меня протестировали ещё раз, я подписал согласие, и меня скорректировали. Мой брат, узнав об этом, назвал меня идиотом. А отец вроде как с сочувствием, а, может, с сожалением, заметил: «Ты сам не понимаешь, на что ты себя обрёк». Вскоре я понял, что он имел в виду, а через полгода бросил университет и поступил в спецшколу поисково-спасательного флота.

— Жалеете? — спросила я, обдумывая услышанное.

— О школе?

— О коррекции?

— Иногда, — он пожал плечами. — Теперь мне чаще приходится симулировать равнодушие, а не сострадание.

— Насколько часто?

— Последнее время я захлёбываюсь этим сожалением, как кровью, — тихо признался он.

Я нахмурилась, услышав эту метафору, сначала решив, что это воспоминания о том, что тогда случилось с Элом. Но потом я вдруг поняла, что он имел в виду совсем другое. Все эти скорбные тени вокруг, их стоны, мольбы, сожаления... Именно от этого старался оградить его отец, но он сам открыл своё сердце для сострадания. Он сам изменил свою судьбу, отказавшись от престижного статуса учёного, избрал путь спасателя. И, выходит, это не было случайностью, это было зовом души. Он просто привык скрывать свои переживания, которых слишком много за маской сдержанности и равнодушия. Но что тогда с Азаровым? На что он разменял человеческую жизнь, чем должно быть то, ради чего он выпустил в лоб своего друга разряд из бластера?

Я посмотрела на него. Он сидел, сцепив пальцы и глядя прямо перед собой. На какой-то миг я почувствовала, что между нами установилась некая тонкая связь, потому что он рассказал мне то, что наверно не рассказывал никому. Что это было? Потребность объясниться? Обида на несправедливые обвинения? Или ему так ценно было моё мнение о нём? Или он просто устал быть в одиночестве среди всего этого.

Я не стала ничего говорить и расспрашивать его. Я знала, что он тут же снова замкнётся, потому что считает это правильным, а я утрачу связь с ним. Я поднялась и направилась к двери.

— Отдайте мне амулет, — тихо проговорил он. — Или хотя бы уберите его из этого дома, где так много страдающих душ.

— Я отдам его мужу, в его коллекцию, — ответила я. — Не знаю, где он её прячет, но ни один из переданных ему артефактов Тьмы с тех пор так и не объявлялся. Даже я их больше не видела, иначе как в его руках.

— Поторопитесь. Мне беспокойно, пока он здесь.

Я ушла и вернулась в свою комнату. Там было светло, и на столике попыхивал

серебряный чайник на спиртовке — красивая антикварная вещь, найденная Джулианом на блошином рынке в Париже. Пахло корицей и марципаном. Он сидел в кресле и читал какую-то книгу. Заметив меня, он поднял голову и виновато улыбнулся.

— Прости, я слишком поздно услышал твой зов.

— Главное, что ты его услышал, — проговорила я и, подойдя, нагнулась, чтоб поцеловать. — Где ты пропадаешь всё время?

— Ищу ответы на вопросы, — туманно ответил он. — Не буду тебя грузить, у тебя достаточно своих проблем.

— Не так чтоб очень. Я разбираюсь с ними по мере поступления. Сегодня моя проблема в этом.

Я выложила на стол медальон баронессы де Витри и рассказала, как он ко мне попал.

— С инкубом — это было изящное решение, — одобрил он, когда я закончила.

Он вертел медальон в руках, но даже не пытался производить с ним какие-либо манипуляции. Наконец он кивнул и сунул его в карман куртки.

— Это Око Пробуждения. Древний амулет, который использовался жрецами в Месопотамии. Он был утрачен давно, и я не думал, что он всё ещё существует. Хотя, может, это просто его копия.

— Он работает.

— Конечно. Это, скорее всего, потому что копия невероятно точная. Я уже не раз наткнулся здесь на вещи и артефакты, которые, как я точно знаю, находятся в других местах. И этот мир интригует меня всё больше.

Он озабоченно замолчал, а я присела рядом на диван, и его рука тут же привычно обняла меня за плечи.

— Расскажи мне про это Око Пробуждения, — попросила я. — Что оно собой представляет и для чего его используют?

— Что собой представляет, я не знаю. Эти знания мне недоступны, но если хочешь, попытаюсь выяснить.

— Не стоит. А для чего оно?

— Ты же видела, сколько там символов и зарубок. А учитывая, что вращаются оба колеса, можно сделать вывод, что изменение позиции любого из них или обоих может привести к изменению свойств артефакта. Я знаю, что жрецы использовали его для проведения обрядов некромантии. С его помощью можно временно возвращать ушедшую душу в мёртвое тело, можно оживить труп или просто призвать душу для общения. На бытовом уровне оно использовалось для выведения из летаргии, прояснение замутнённого сознания и возвращение памяти при амнезии.

— То есть всё, что связано с телом, душой и сознанием, как элементами единой системы?

— Всё или нет, не знаю, но многое.

— Будет лучше, если ты спрячешь его в своём хранилище. Бен итак страдает из-за блуждающих душ и живых мертвецов.

— Я б отправил его прямиком в чистилище, чтоб там он наобщался с ними вдоволь, — неожиданно проворчал Джулиан. — Эта игра начинает меня раздражать. Я не вижу конца, маршрут неопределим. Не ясно, для чего всё это. Как будто кто-то просто выдумывает испытания, которые нужно пройти, не увязывая их с какой-то конечной целью. И прохождение этих уровней превращается в самоцель, отвлекая от чего-то главного. Люди

попадают здесь в ловушку созданного для них масштабного аттракциона, без малейшей надежды на выход из него.

— Я надеюсь, что я смогу однажды разговорить Бена, — пробормотала я, понимая, что он прав.

— Ты уверена, что он сам не жертва этой же игры? Только глядя на всё это со стороны, понимаешь абсурдность ситуации.

— Но это так похоже на человеческую жизнь, — вздохнула я, прижавшись к нему.

— Именно, что похоже. Но у меня только что возникло странное и тревожное чувство... — он нахмурился, прислушиваясь к себе.

— Что за чувство? — насторожилась я.

— Будто что-то только что изменилось. Возникла какая-то ясность и упорядоченность... Я не знаю, как это объяснить, но что-то произошло. Совсем недавно. И это что-то изменило правила игры.

— В какую сторону?

— Не понимаю.

— Это может быть как-то связано с тем, что я сдвинула колечки на амулете? Совсем немного, ненадолго. А потом всё вернула на место.

— Не знаю, — он покачал головой. — Если только эти манипуляции подействовали на что-то или кого-то, имеющего влияние на этот мир.

— На что-то всеведущее и всемогущее?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Не слышу иронии.

— Её нет, потому что мне кажется, я уже давно вступила в некий контакт с этим нечто и получаю отзыв, хоть и не всегда. И сильнее всего это проявляется здесь, в замке. Хотя и за его пределами я часто ощущаю некую поддержку. Это возможно?

— Ну, тебя любят даже демоны, — улыбнулся он. — Куда ж богам деваться.

— Ты опять шутишь, — я прижалась щекой к его груди. — Я хочу домой, Джулиан, к детям. Я думала, что давно приучила себя к долгим разлукам с ними, но всегда разрывалась между тем, что отчаянно скучаю, и при этом чувствую себя плохой матерью.

— Ты хорошая мать, просто бродячая, — усмехнулся он. — Я тоже скучаю. Чтоб успокоить тебя, скажу, что у них всё хорошо. Алик защитил диссертацию на степень бакалавра, Билли выдвинули на участие в конкурсе молодых исполнителей имени Чайковского, а Жуля научилась читать по-французски и целыми днями развлекает соседских малышей, читая им сказки Шарля Перро.

— Ты их видел?

— Издалека. Не хочу тревожить. Они проще относятся к нашим разлукам, потому что у них есть повод гордиться родителями. Но они тоже скучают... Только не плачь.

— Не буду, — пообещала я. — Мне тоже сейчас почему-то кажется, что мы скоро вернёмся домой. Нужно только ещё немного постараться. А пока...

— Пока? — улыбнулся он, и эта улыбка была куда более обольстительна, чем у Ириса.

— Маленькому инкубу стоит взять у тебя пару уроков, — шепнула я.

— Пусть обращается, — едва слышно прошептал он и, легко подхватив, уложил меня себе на колени. — Не каждый демон способен соблазнить ангела.

— У него не получилось, — кивнула я, обвив его шею руками. — В отличие от тебя.

Армия Сен-Марко встала на очередную стоянку в небольшом купеческом городке Бренне, однако, на сей раз, король Ричард решил продлить её на ещё один светлый день и тёмную ночь. Людям и животным требовалась более длительная передышка, необходимо было починить телеги и подковать коней, дать отдых усталым ногам пехотинцев, и позволить подтянуться обозам, растянувшимся на многие мили.

Бренне, входивший в лигу свободных городов, гостеприимно распахнул свои ворота для военных, предвкушая прибыли от продажи товаров и услуг армии, а также получив значительную сумму за аренду лугов, где разместился лагерь. Ремесленники и купцы города открыли свои мастерские и лавки для гостей, гостиницы и таверны принимали приближённых короля, уставших от ночёвок в шатрах, и спешивших насладиться купальнями и банями. Бордели и уличные девицы также ждали своих клиентов, изголодавшихся по женскому обществу, и готовых хоть ночь напролёт пить дорогое вино в компании куртизанок.

Конечно, ни королю, ни знатным и богатым баронам не пришлось тесниться в гостиницах и на постоялых дворах. Бургомистр города предоставил для короля и его слуг свой роскошный особняк. Принц и военачальники были приняты в богатых домах членов магистрата, где им выделили лучшие покои. Бароны и рыцари свиты поселились в домах богатых купцов, стремившихся поразить гостей своим гостеприимством и, конечно, завести полезные для торговли связи на будущее.

Первый вечер получился немного суматошным, потому что все были заняты обустройством на новом месте. Ночь прошла в тишине, в которой слышался только лай собак и голоса стражников города и короля, патрулировавших улицы. И только следующим тёмным днём город оживился, слуги, пажи и оруженосцы отправились по лавкам и мастерским с поручениями хозяев. В распахнутые настежь ворота города повалили рыцари и простые солдаты, чтоб приобрести самое необходимое, а также в поисках развлечений. Таверны и кабаки заполнились шумными компаниями мужчин в латах, к которым тут же присоединялись девицы в ярких нарядах.

В городе царило радостное возбуждение, всколыхнувшее добропорядочную скуку. По улицам прогуливались зажиточные горожане с супругами, глядя на проходивших мимо рыцарей в красивых доспехах. Из окон выглядывали любопытные горничные и запертые предусмотрительными родителями юные девицы. На площадях были устроены временные подмостки, где неизвестно откуда появившиеся труппы бродячих комедиантов разыгрывали героические и фривольные пьески. К ратуше подъезжали телеги, гружённые снедью и тканями, предназначенными для подготовки пира, который магистрат намеривался дать в честь короля Сен-Марко.

Сам король, едва проснувшись, велел собрать к полудню военный совет, чтоб обсудить текущую ситуацию. Пажи и герольды разбежались по городу в поисках домов, принявших на постой членов совета, и к полудню, как и было задумано, все они собрались в зале магистрата за широким столом, во главе которого сидел король Ричард. Первым выступил маркиз Вайолет, доложивший о хозяйственных делах армии, и проблемах, возникших во время марша, а так же о принятых по этому поводу мерах. Он был талантливым организатором, всегда оставался в курсе текущих событий и быстро находил нужные

решения. Король остался вполне доволен его докладом и перевёл взгляд на барона де Грамона.

— Как мы и предполагали, ваше величество, — заговорил тот, уткнувшись взглядом в разложенные перед ним исписанные листы бумаги, — после выхода армии в поход шпионы активизировались, и нам удалось выявить семь агентов луара, лиги свободных городов и магистрата Магдебурга. Все они были допрошены и признали, что вели разведку с целью выяснения целей нашего похода.

— Семь человек в армии? — уточнил король.

— Да, в основном это наёмники и слуги. Нами арестован только один рыцарь, некий Рубен, служивший в отряде графа де Бове. Он признался, что шпионил для луара. Ещё несколько человек захвачены нашими разведчиками, которые объезжают земли вдоль пути следования армии. Среди захваченных: три купца и один воин из луара. Они также признали свою связь с секретной службой альдора.

— Всех повесить, — приказал король, но де Грамон поднял на него невозмутимый взгляд.

— На каком основании, ваше величество? Мы можем обвинить в военном шпионаже только агентов из луара, внедрившихся в нашу армию, однако, мы не находимся в состоянии войны с лигой свободных городов и, тем более, с Магдебургом. Внедрение шпионов считается обычной практикой, и в случае их выявления производится обмен или предлагается выдача за выкуп. Я бы также отметил, что захваченные вне нашей армии и лагеря шпионы луара находятся здесь законно. Люди альдора имеют такое же право проходить по этим землям, как и мы. Она нейтральна, а они не нарушили границ наших интересов, даже если следовали параллельно войску и следили за ним. Казнь алкорцев, захваченных нами на нейтральной территории, неизбежно будет расценена, как враждебные действия и нарушение перемирия. По большому счёту, мы даже выкуп за них требовать не вправе.

Ричард мрачно посмотрел на него, но возражать не стал.

— Я предлагаю отпустить их за выкуп, — подал голос Монтре. — И сумму потребовать солидную...

— Нас сочтут разбойниками и вымогателями, — перебил его де Сансер. — Есть давно сложившиеся правила по определению сумм выкупа в зависимости от статуса пленника, закреплённые в Белой хартии. К тому же мы можем воспользоваться ситуацией и передать хозяевам этих шпионов наше послание, в котором заявим ещё раз, что наш поход не направлен против луара и свободных городов.

— Но мы находимся в военном походе! — раздражённо воскликнул Монтре. — И они шпионили за нашим войском!

— Но мы пока не находимся в состоянии войны с кем-то, кроме луара! — перебил его граф де Бове. — Мы можем делать что угодно: проходить с войском по нейтральным землям, устраивать манёвры, стоять лагерем, но пока мы не объявили кому-нибудь войну, все остальные находятся в состоянии мира с Сен-Марко. Любые враждебные действия могут быть расценены как нападение и послужить основанием для вступления в войну сторон, конфронтация с которыми для нас нежелательна. Не говоря уж о том, что альдор примет подобные действия за нарушение перемирия и выступит с войском для защиты своих границ, и я не знаю, как поведёт себя лига свободных городов, если почувствует угрозу с нашей стороны. Напомню, что она уже имеет торговое соглашение с луаром, а тут и до военного

альянса недалеко.

— Вы правы, — согласился король, — нам сейчас не нужны лишние пограничные конфликты. У нас есть цель, и мы должны сохранить наше войско для её достижения. Не говоря уж о том, что мы никак не можем ссориться со свободными городами. Действуйте в соответствии с обычаем. Шпионов, захваченных в нашем лагере отпустить за выкуп, тех, что вне лагеря — отправить домой с посланием о том, что мы не ищем войны с их хозяевами.

— Что делать с алкорцем Рубеном? — спросил де Грамон.

— Этого повесить, как были казнены наши люди в луаре.

— наших они отпустили, — напомнил де Сансер. — Они казнили своих, уличённых в шпионаже в нашу пользу.

— Ладно, этого тоже пусть выкупают, — проворчал король. — Что ещё?

— Относительно добычи, захваченной в лесном замке барона фон Деррека, — продолжил де Грамон. — Как и говорил барон де Сегюр, она оказалась богатой. Только золотом она составляет около ста тысяч марок. Серебра — около двухсот тысяч. Кроме того в подвале обнаружены вещи, которые он, должно быть, собирал всю жизнь: оружие с драгоценной отделкой, обрядовая и парадная посуда также из золота и серебра, украшения с драгоценными камнями. По приблизительной оценке казначея это потянет на сто пятьдесят-двести тысяч золотых марок. Кроме того, обнаружена одежда, утварь, гобелены, оружие, двадцать шесть здоровых лошадей и свора из восемнадцати собак.

— Деньги и кони найдут себе применение в войске, — заговорил Вайолет. — Но тащить за собой весь этот скарб и свору... Совершенно излишне.

— Можно отправить всё это в Сен-Марко, — тут же подал голос Монтре.

— Более разумно будет поступить иначе, — Вайолет бросил на него недовольный взгляд. — Все изделия из драгоценных металлов и камней следует продать, и положить вырученную сумму в рост у банкиров Магдебурга. Так у нас в любой момент под рукой будут резервные средства на войну. К тому же это успокоит магистрат города, который боится за свои богатства.

— Я согласен с маркизом, — кивнул казначей, сидевший здесь же. — Сейчас у нас достаточно денег на поход, но везти с собой слишком большие суммы небезопасно. Деньги, изъятые у барона фон Деррека, так же можно передать банкирам. В этом случае мы сможем расплачиваться в свободных городах их обязательственными расписками, не таская за собой груз золота и серебра.

— Мне нравится эта идея, — кивнул король.

— Я готов заняться этим, ваше величество, — снова подал голос Монтре. — Позвольте мне поехать в Магдебург, отвезти туда ценности и заключить сделки.

— Вы что-то смыслите в коммерции? — уточнил барон Делвин-Элидир, холодно взглянув на виконта. — Вы знаете рыночные цены на подобные изделия, у вас есть связи в Магдебурге, вы умеете торговаться?

— Я не собираюсь торговаться! — оскорблённо воскликнул виконт. — Я поеду туда от имени короля Сен-Марко и предъявлю наши требования.

— Какие? Как вы собираетесь продавать предметы из драгоценных металлов: на вес или по оценке? Как вы отличите товары, которые должны быть проданы как металл, какие — как изделие, а какие — как предмет роскоши? Знаете ли вы, какую выгоду сверх цены можно выторговать при размещении вырученных денег с учётом продажи оптом? Знаете ли, какой процент должен быть начислен с полученной суммы по золоту и серебру?

— А вы это знаете? — задохнулся от обиды Монтре.

— Лишь приблизительно. Но я знаю того, кто в совершенстве владеет этой информацией, а что не знает, то выяснит, задавая нужные вопросы нужным людям, и у кого есть в Магдебурге надёжные деловые партнёры.

— Конечно, кто-нибудь из ваших друзей? — ядовито осведомился виконт.

— Отнюдь, — пожал плечами барон Делвин-Элидир. — Это, скорее, один из ваших недавних друзей, и потому, предлагая его королю, я надеюсь, что никто не обвинит меня в протекции нужному мне человеку.

— Не томите, барон, — поморщился король. — О ком вы говорите?

— О графе Блуа, ваше величество.

— Об этом!.. — начал было Монтре, но смолк под гневным взглядом короля.

— Безусловно, граф Блуа весьма сведущ в торговых и финансовых вопросах, — с некоторой неохотой признал маркиз Вайолет. — И постоянно бывает по своим делам в Магдебурге. У него там не только партнёры, но и родственники.

— Можно ли в таком случае доверять ему, и не использует ли он... — Монтре снова замолчал, обиженно поймав мрачный взгляд короля.

— Ну, во-первых, никто и не собирается верить ему на слово, — ответил Вайолет. — Все бумаги по сделкам, которые он привезёт после выполнения поручения, будут проверены как мною, так и казначейством, и сверены с составленными на данный момент описями. А, во-вторых, я не слишком люблю графа Блуа, но всё же не могу припомнить ни одного случая, когда он жульничал.

— К тому же граф мечтает служить его величеству, — добавил Делвин-Элидир. — Причём желает использовать для этого все имеющиеся в его распоряжении средства, лишь бы доказать королю, что он верный слуга Сен-Марко и не мыслит своей жизни вне этой службы.

— Он действительно так говорил? — заинтересовался король.

— Не мне.

— Одному из наших доверенных людей, которому я поручил войти к нему в доверие и выяснить его намерения, — пояснил де Грамон.

— Пригласите графа, — кивнул король. — Если иных вопросов для обсуждения на совете пока нет, то вы можете идти, но вечером к первой страже вам надлежит явиться в ратушу, где магистрат устраивает пир в нашу честь. Вайолет и казначей задержитесь, вы будете нужны мне для разговора с Блуа. Де Грамон, позже обсудите с ним меры безопасности при перевозке ценностей.

— Что делать со сворой фон Деррека? — спросил Вайолет.

Ричард на минуту задумался.

— А что, собаки хороши? — наконец уточнил он.

— Отменные волкодавы, ваше величество, натасканные не только на зверя, но и на людей.

— Полагаю, барон де Грамон найдёт им применение, не так ли? — король тонко улыбнулся, а Рене осталось только немного растерянно кивнуть.

Члены совета покинули зал и разошлись по своим делам. На ступенях де Грамон задержался, чтоб дожидаться Делвин-Элидира, о чём-то беседующего со своим тестем. Де Сансер вскоре тоже отправился к себе, а Айолин, заметив друга, подошёл к нему.

— Это был хороший щелчок по носу Монтре, — одобрительно кивнул Рене. — К тому

же мы потихоньку начали продвигать Блуа. Вайолет имел с ним приватный разговор и согласился с Марком в том, что граф может быть нам полезен. Однако пока мы решили не афишировать свою связь с ним. Пусть немного поднимется как бы сам по себе, а потом уже примкнёт к нам.

— Вам решать, — пожал плечами Айолин, спускаясь по лестнице. — Граф не произвёл на меня особого впечатления, и, предлагая его для этого дела, я руководствовался исключительно его деловыми качествами и интересами короля.

— Конечно, — пробормотал Рене. — Как ни странно, но у меня вдруг выдался совершенно свободный день, и я не знаю, чем заняться до вечера.

— Почему бы нам не встретиться у меня? — предложил Айолин. — Наконец прибыли подводы из моего имения. Там кроме свежих продуктов и копчёностей есть несколько бочонков хорошего вина. Вот и скоротаем время до пира. Я пошлю за де Мореном, Алларом, Ренаром-Амоди и Адемаром. А ты попытайся разыскать Марка.

— Он в гостинице со своими головорезами или у гвардейцев на постоялом дворе. После совместной героической вылазки они — не разлей вода.

— Да, и пригласи капитана Карнача. Ему пора вступать в наш круг.

— Отлично, — улыбнулся Рене. — Честно говоря, в такой компании я бы провёл весь день и всю ночь, но, увы, всё равно придётся идти на пир в ратушу. Иногда я завидую Марку. Он так часто игнорирует правила приличий, что все воспринимают это, как должное.

— У него свои проблемы, — усмехнулся Айолин и, расставшись с Рене, отправился в дом советника Ротберга, оказавшего ему гостеприимство.

Дружеская пирушка у барона удалась. Стол ломился от яств, привезённых из имения, вино оказалось отменным, и вскоре даже хозяин, маленький, чопорный толстячок в подбитой искрящимся мехом широкой накидке, приглашённый за стол, радостно смотрел на своих гостей и поднимал тосты за Сен-Марко. Бароны отказались от его предложения пригласить к столу красивых и доступных дам, и вскоре он понял, что им весело и без них. Он с интересом прислушивался к их шуткам, внимал рассказам о былых временах и со скорбным видом выпил чашу, поднятую в память об их погибших друзьях.

Когда прозвучала первая стража, советник нехотя поднялся из-за стола и поплёлся к двери, чтоб успеть на пир магистрата. С ним ушли де Грамон, Делвин-Элидир, Аллар и де Морен. Остальных на пиру не ждали, разве что Марка, но он категорически отказался идти. Ему не хотелось надевать парадную одежду и толкаться среди купцов и старшин ремесленных цехов. Он остался в более приятной компании, где чувствовал себя свободно и уютно. Он в который уже раз рассказывал о героической вылазке в замок барона фон Деррека, в то время как Карнач сидел рядом, потягивая вино и таинственно улыбаясь. Упоминание о том, как он со своей группой запросто вскарабкался на крепостную стену, а потом моментально спустился с неё вместе с пленниками, как обычно, вызвало изумление и даже недоверие, но ему было всё равно. Пусть придумают другое объяснение тому, как он попал в замок и выбрался оттуда. Марк же откровенно наслаждался этой сменой чувств на лицах своих друзей.

Прошедший по улице под окнами дома патруль как раз выкрикнул вторую стражу, когда в трапезный зал вошёл слуга и, поклонившись, сообщил, что капитан охраны Риккардо стоит у дверей и желает видеть барона де Сегюра.

— Нигде нет покоя, — проворчал Марк, хотя сам же предварительно известил охрану о

том, где будет находиться.

В отсутствие де Грамона, он ведал делами тайной полиции, и возмущаться не имело смысла. Кивнув слуге, он посмотрел на дверь, и вскоре на пороге появился высокий смуглый капитан, как и он, облачённый в кожаную куртку и такие же штаны. Марк узнал его недавно, но уже успел оценить его качества разведчика и кавалериста, и без колебаний предложил Рене поручить ему командование конными разъездами, охранявшими войско на марше и на стоянках. Поклонившись барону, капитан сообщил, что в окрестностях лагеря пойман алкорский шпион, который бродил неподалёку и проявлял явный интерес к происходящему.

— С чего вы взяли, что он алкорский шпион? — поинтересовался Марк.

— Он алкорец, — уверенно заявил капитан. — К тому же он сказал, что хочет видеть вас или барона де Грамона.

— В самом деле? Впервые слышу о шпионе, который так и рвётся в руки тайной полиции.

— Он сказал это после двух крепких затрецин, ваша светлость, — пояснил Риккардо.

— Давайте его сюда, — кивнул Марк.

— Прямо сюда? — немного смутился капитан, окинув взглядом стол и сидевших за ним господ.

— Здесь все свои, — де Сегюр пожал плечами. — Неужели вы думаете, что ради шпиона я брошу застолье с друзьями? Допросить его я могу и здесь, а потом вы отведёте его в тюрьму.

— Как скажете, ваша светлость.

Капитан поклонился и вышел, чтоб через пару минут вернуться с двумя своими подчинёнными, которые тащили под руки человека в сером рубище. Взглянув на него, Марк понял, что двумя затрецинами здесь не обошлось. Поднявшись из-за стола, он подошёл к пленному и спросил:

— Кто ты такой и что ты делал возле нашего лагеря?

Пленный с трудом поднял голову и взглянул на него, а в следующий момент Марк к изумлению всех присутствующих упал перед ним на колени и, взяв в ладони его голову, заглянул в лицо.

— Я искал тебя, Марк, — прошептал пленный, с трудом шевеля разбитыми губами.

— Герлан, — проговорил Марк и обнял его, не замечая, что от этого на его белой рубашке остаются кровавые следы. — Герлан, это ты...

— Ваша светлость? — растерянно пробормотал Риккардо.

— Это мой человек, капитан! — прорычал в ответ де Сегюр. — Вам обязательно было избивать его до полусмерти?

— Но я...

— Прочь отсюда! Найдите лекаря и немедля доставьте сюда. И не появляйтесь мне на глаза без крайней необходимости!

Риккардо поспешно вышел. Марк с помощью Карнача усадил своего пострадавшего друга в кресло, после чего вызвал слуг. Он с беспокойством следил за действиями капитана гвардейцев, который привычно ощупывал Герлана, чтоб установить повреждения, а потом, взяв принесённые слугами губки, смоченные в травяных настоях, принялся смывать кровь с его лица.

— Не беспокойся, кости целы, — наконец, произнёс он, взглянув на де Сегюра. — Повреждения поверхностные. Его состояние, скорее — следствие недоедания. Он истощён.

Часть ран получена намного раньше, и они уже начали заживать. Никакой опасности для его жизни я не вижу.

Вскоре появился пожилой лекарь в чёрной мантии и войлочной шапке с крылышками. Раненного перенесли в отдельную спальню, раздели и слуги закружили вокруг него, выполняя указания старика. Марк тем временем стоял в дверях, подпирая плечом косяк и скрестив руки на груди, мрачно наблюдал за происходящим. К нему подошёл Ренар-Амоди и, заглянув в комнату, спросил:

— Это младший сын Адамара Герлана, тот, что был с тобой в луаре?

— Да, Гай, и я уже оплакал его, как и остальных.

— Но он оказался жив. Мы можем ему доверять?

Марк перевёл на него сумрачный взгляд.

— Я ему верю, а ты решай сам.

— Если ты веришь, то и я верю, — кивнул тот.

Тем временем лекарь подошёл к ним.

— Могу вас успокоить, ваша светлость, — произнёс он. — Поверхностные раны только выглядят ужасно, но они скоро заживут, и, думаю, от них не останется даже шрамов. Куда хуже то, что недавно его пытали, а потом не оказали должной помощи. Раны начали заживать, как придётся, некоторые воспалены. Я обработал их и наложил целебный бальзам, и всё же советую хотя бы на пару дней отвезти его на источники. Это поможет ранам затянуться, и расслабит члены, потому что некоторые зажимы в его теле остаются. К тому же он сильно истощён, наверняка недоедал последнее время, потому я рекомендую ему есть мясо, яйца и рыбу, полезны груши и свежие яблоки, можно вино, но не больше одной чаши в день для начала, и лучше будет разбавить его водой. Утром я наведаюсь, принесу микстуры и настойки, запас бальзама и рекомендательное письмо к моему другу, у которого на источниках есть очень приличная купальня.

Марк поблагодарил лекаря и вытряхнул из кошелька на его иссохшую ладонь целую горсть серебра. Старик был обрадован такой щедростью и удалился, пообещав прямо сейчас приступить к составлению рекомендаций по дальнейшему лечению, а Марк вошёл в комнату. Он присел на край кровати и взял руку Герлана в свои ладони. Тот слабо улыбнулся. Его лицо было белым, как рубашка, которую на него надели, и наволочка подушки.

— Ты снова меня спас, — тихо произнёс алкорец.

— А ты снова вляпался в ситуацию, из которой мне пришлось тебя вытаскивать, — проворчал Марк. — Как тебе удалось выбраться из луара, друг мой?

— Мне просто повезло. Помнишь ту молодую вдову, которая торговала ковриками возле трактира «Золотое яблоко»?

— У которой ты каждый раз покупал эти страшные коврики, и приплачивал трактирщику, чтоб он подкармливал её детишек? Помню.

— Это ей я обязан жизнью. Я уже не думал, что выберусь оттуда. Даже дорогу от замка до эшафота помню, как в тумане. У меня почти не осталось сил, чтоб идти, и страшно болело всё тело. Я хотел только, чтоб всё это скорее закончилось. Смерть была мне желанней жизни. Первой казнили бедняжку Адалину. Она не страдала, Марк. Она лишилась чувств и так и не поняла, что произошло. Потом они вывели Крэдона и надели на него огненные латы. Это было ужасно. Я даже не думал о том, что этот ужас ожидает и меня, а только ждал, когда прекратится его страшный крик. И тогда появился этот дым. Я видел, как

он напознал от эшафота и из толпы, а потом ничего не помню. Я очнулся в куче какой-то пыльной шерсти. Оказалось, что та вдова пошла на площадь, чтоб отыскать своих детей, которые сбежали из дома, привлечённые толпой и звуками труб. Когда она вышла туда, вся эта площадь была покрыта телами. Люди просто спали, лёжа вповалку друг на друге. Она пробиралась через тела и искала своих малышей, и так добралась до площадки, где были мы. Она увидела меня, а рядом на земле лежали ключи от кандалов. Она пролезла под оградой, освободила меня и как-то вытащила за ограждение. Там она стащила с меня арестантскую рубаху и передела, взяв одежду у тех, кто спал рядом, у кого — тунику, у кого — плащ, у кого — штаны. После на площадь начали приходить люди, чтоб найти своих близких. Чиновник из дворца просил жителей ближайших домов приютить тех, кого не забрали. Люд там небогатый, сам знаешь, а он предлагал за это деньги от имени альдорены. И вдова забрала меня. Она, как могла, заботилась обо мне, а когда приходили стражники с обысками, прятала под кучей обрезков шерстяных нитей, которые ей из жалости дают в ковровых мастерских. Но оставаться там всё равно было опасно. Поэтому, как только я смог ходить, я ушёл из луара в плаще паломника, присоединившись к группе калек, направлявшихся сюда на целебные источники. Чтоб выжить, как и они, побирался в городах и деревнях. Это счастье, что во владениях альдора люди сердобольные. Так мы и дошли сюда. Куда идти дальше, я не знал. До Сен-Марко мне было б не дойти. Вот и бродил по окрестностям, пока сюда не подошла наша армия. Я хотел подойти к караульным и спросить о том, кто здесь заправляет делами тайной полиции, но тут на меня налетели эти всадники. Хорошо ещё, что я расслышал, как они упоминали тебя и де Грамона, и назвал ваши имена. Иначе, боюсь, они вздёрнули б меня прямо там.

— Я устрою выволочку Риккардо. Пусть прибережёт свой боевой пыл для настоящих сражений.

— Куда вы идёте, Марк? Все вокруг гадают об этом и очень тревожатся.

— Пока это тайна, мой друг, и я не могу тебе сказать. Но ты всё узнаешь в своё время. Теперь отдыхай. Мы о тебе позаботимся. Утром придёт лекарь и снова осмотрит твои раны, а потом Ламбер и Ла Моль отвезут тебя на источники. Там будешь до выступления армии. Пока не окрепнешь и не сможешь сидеть в седле, поедешь с обозом в телеге. По крайней мере, будешь сыт и под присмотром лекарей.

Герлан какое-то время смотрел на него, а потом слабо сжал пальцами его руку.

— Мне до сих пор не верится, что для меня всё самое страшное закончилось. И видеть тебя, Марк, мне радостнее, чем ангела небесного. Я скоро буду здоров, поверь мне, и снова буду полезен тебе и королю.

— Наши друзья будут счастливы узнать о твоём возвращении. Уже утром все они будут здесь, а потом ты займёшь своё место в отряде. Я позабочусь об одежде, оружии и коне. А пока спи, тебе нужен отдых.

Герлан послушно закрыл глаза, а Марк, поправив его одеяло, поднялся, и, кивнув служанке, сидевшей по другую сторону от постели, вышел. Вернувшись в зал, он сел за стол и, посмотрев на Карначу, заметил:

— В одном ты прав, Александр, потакание беспричинной жестокости ни к чему хорошему не приводит. Надо запомнить этот урок.

Утром, когда, наконец, рассвело, в дом советника Ротберга явились рыцари барона де Сегюра, чтоб приветствовать своего вновь обрётённого друга. После этого они аккуратно

погрузили его в позаимствованную у хозяина дома карету, и она отправилась в сопровождении Ла Моля и Ламбера к источникам. Проводив их, Марк со своими друзьями вернулся в небольшую уютную гостиницу, полностью занятую его отрядом вместе с оруженосцами. Рыцари частью разошлись по комнатам, чтоб отоспаться после бурно проведённой ночи, а иные, кто, напротив, спал, отправились на поиски развлечений. В нижнем зале у окон, через которые лился долгожданный дневной свет, сидели оруженосцы и занимались своими делами: начищали оружие хозяев, штопали одежду и писали письма домой, потому что из города отправить их было легче всего. В стороне возле камина разместился посетитель, склонившийся над чашей с вином. Бросив на него взгляд, Марк остановился. Ему очень хотелось пройти наверх и лечь спать, но он знал, что игнорировать этот визит не стоит. Потому, тяжко вздохнув, он подошёл и сел напротив.

— Какие дела привели тебя сюда в столь ранний час, дорогой Жан? — спросил он.

Жувер, а это был именно он, задумчиво взглянул на него и ответил:

— Я здесь по поручению Монтре, Марк. Он жаждет тебя видеть.

— В самом деле?

— Он в ярости. Король игнорирует его. Враги играют против него и довольно успешно. Он устал, и тут ему подворачивается возможность поехать в Магдебург и отдохнуть от всех этих тягот. И что ты думаешь? Вместо того, чтоб поручить важное дело своему фавориту, Ричард отдаёт предпочтение графу Блуа, который совершенно неожиданно получает рекомендации от Вайолета и Делвин-Элидира. А де Грамон заверяет короля в его лояльности, ссылаясь на некое лицо, которое он подослал к графу. Это не ты случаем?

— Может, и я, — пожал плечами Марк. — Я не знаю, что имел в виду Рене. В любом случае, я согласился передавать Монтре ту же информацию, что и де Грамону, но не обещал скрывать её от своего начальника. Я передал ему суть разговора с графом, как и Монтре, кстати. Так что зря он злится.

— Он не скажет тебе ни слова. Он уже выпустил пар, топая ногами и потрясая кулаками. Ты нужен ему по делу. Придёшь?

Марк тоскливо посмотрел на лестницу, ведущую к спальням.

— Не думаю, что у меня есть выбор, Жан. У меня была нелёгкая ночь. Сейчас немного освежусь, переоденусь и буду у виконта.

— А что было этой ночью? — тут же заинтересовался Жувер. — Ты нашёл тут красотку или сразу несколько?

— Нет, мы пировали у Делвин-Элидира. Потом он ушёл в ратушу, а мы продолжили без него.

— И не позвали меня?

— Я полагал, что ты составишь компанию Монтре и не стал беспокоить.

— Лучше б я посидел с вами! Король, похоже, начинает уставать от нашего виконта, и он без конца ноет и капризничает.

— Я буду иметь это в виду, — Марк поднялся.

— Я подожду тебя, — произнёс Жувер и указал на стоявший рядом кувшин. — Здесь хорошее вино.

Марк поднялся к себе и посмотрел на Шарля, сидевшего с книгой на полу у окна. Увидев хозяина, юноша вскочил.

— Я сейчас расправлю постель и задёрну шторы, ваша светлость, — воскликнул он.

— Не нужно, мой мальчик, — устало проговорил Марк, распуская шнуровку на

куртке. — Принеси мне воды умыться, чем холодней, тем лучше. И достань из сундука охотничий камзол, тот, из чёрного бархата, свежую рубашку, сатиновые штаны и алкорский пояс с квадратными накладками. И поищи в шкатулке на дне флаконы с благовониями. Достань тот, что с крышкой в виде золотой розы.

— Вам бы поспать, — вздохнул оруженосец. — У вас круги под глазами и нос заострился.

Марк усмехнулся.

— Ты делаешь успехи, мой милый. Последний раз обо мне проявляла такую заботу моя покойная матушка.

Шарль смутился и вышел из комнаты, а Марк достал из сундука синюю склянку и вылил содержимое в кубок, стоявший на столе. Через полчаса он спустился в зал, и Жан посмотрел на него с некоторой завистью, потому что в облике барона не осталась и следа усталости. Напротив, он выглядел свежим и нарядным, словно собирался на королевский пир. Они покинули гостиницу и вскоре уже подошли к красивому особняку, принадлежавшему городскому судье, где остановился со своими слугами виконт Монтре.

Как и обещал Жувер, Монтре не проявил никакого недовольства по поводу действий своего гостя, напротив, он всеми силами демонстрировал радость оттого, что тот пришёл. Вероятно, при этом он был вполне искренен, потому что тут же с удовольствием обнял его за талию, затянутую в бархатный камзол и украшенную алкорским поясом, и снова с удовольствием вдохнул лёгкий аромат, струящийся от его прекрасных волос.

— Как вам удаётся, мой милый барон, даже в походе сохранять столь неподражаемый лоск? Меня эти переходы измотали настолько, что я порой даже думать не могу о ванне, стремясь поскорее добраться до постели.

— В походе мне не до лоска, ваша милость, — улыбнулся Марк, — но сейчас выдалась приятная передышка, и я не мог явиться к вам в запыхлённой кожаной куртке.

— Уверен, в ней вы выглядите настоящим героем, — рассмеялся Монтре. — Вы уже завтракали? Идёмте к столу. Как жаль, что вас вчера не было на пиру. Подавали фазанов в подливке и мясо косули с можжевельными ягодами.

Они прошли в небольшой зал, стены и потолок которого были расписаны мифологическими сценами, а по краям оформлены золочёным бордюром. Для небольшого торгового городка эта роскошь выглядела необычной. К тому же стол для завтрака покрывала белая льняная скатерть, отделанная золотым кружевом, а приборы, тарелки и кубки были из серебра.

Монтре не стал комментировать богатство убранства и сразу сел за стол, с поклоном указав Марку на кресло напротив. Снова, как и в прошлый раз, за столом с ними были Жан и Альфонс. Слуги принесли блюда, которых хватило бы на обед или даже званый ужин, и вино, от которого, впрочем, Марк отказался, попросив принести ему чистой воды.

За столом Монтре, по обыкновению, болтал без умолку, не забывая хвалить себя и отпускать комплименты гостю. Потом он с прискорбием поведал о том, как обошёл его король, поручив важное дело графу Блуа, безродному выскочке и подлому интригану. Последние утверждения Марк оставил без внимания, при этом он не стал уточнять, насколько родovit сам Монтре, и упоминать его собственную склонность к интриганству. Задумчиво взглянув на виконта, он спросил:

— То есть, вы хотите сказать, что его величество поручил графу Блуа доставить добычу, обнаруженную в замке фон Деррека, стоимостью более пятисот тысяч золотых марок в

Магдебург и распорядиться ею, как он сам сочтёт нужным?

— Ну, говорят, что на самом деле стоимость всего этого добра куда больше, поскольку казначей, следующий с войском, способен только взвешивать металл, но совсем не разбирается в драгоценных камнях, — тут же ответил Монтре. — А, во-вторых, да, король отправляет туда Блуа, не дав ему никаких конкретных указаний относительно условий продажи и размещения этого богатства, потому у графа будет прекрасная возможность нагреть руки.

— Понятно, — кивнул Марк, не проявив дальнейшего интереса к обсуждению этого дела.

Виконт посмотрел на него озабочено и заговорил о другом, но всё оставшееся время до окончания завтрака нетерпеливо ёрзал в кресле, ожидая возможности вернуться к так бестактно проигнорированной гостем теме. После завтрака он отослал Альфонса в спальню, а для Жана нашёл более уместный предлог, предложив пройтись по ярмарке и подобрать новое расшитое седло, обшитое простёганным бархатом, поскольку сидеть в старом и жёстком у Монтре уже не было никаких сил. Жувьер мрачно посмотрел на де Сегюра, понимая, что виконт удаляет его с целью уединиться с бароном, но спорить не стал и ушёл. Альфонс, с которым уже давно никто не церемонился, и вовсе не посмел открыть рта и поспешно убрался туда, куда его послали.

— Мне хотелось бы показать вам верхнюю галерею, — проговорил Монтре, взяв Марка под руку. — Городской судья, которому принадлежит этот дом, происходит из старого купеческого рода, очень богатого. Его предки занимались коллекционированием деревянных скульптур из луара. Там есть очень интересные экземпляры.

Они поднялись по широкой лестнице и пошли вдоль галереи, с одной стороны которой были расположены небольшие застеклённые окошки, а с другой выставлены раскрашенные скульптуры, на которые из этих окон падал свет.

Марк рассматривал скульптуры, искренне поражаясь тому, насколько реалистично они выполнены. Юные девы в цветочных венках едва не дышали, и на их щёчках нежно светился румянец. Статные рыцари в мастерски воспроизведённых узорчатых доспехах держали флаги, полотнища которых словно развивал ветер. Он остановился возле статуи коня и невольно провёл рукой по его напряжённо изогнутой шее, как наверно погладил бы живую лошадь.

— Я вот думаю, ваша светлость, — начал издали виконт, — что случилось бы, если б вверенное графу Блуа богатство было им потеряно?

— С какой стати ему терять его? — спросил Марк и присел на корточки рядом с деревянным изображением волкодава.

Разрисованные лаковой краской глаза пса, смотрели на него преданно и по-доброму.

— Ну, например, если на его обоз кто-то нападёт и похитит золото и серебро? — предположил Монтре.

— Я думаю, что барон де Грамон позаботится о безопасности перевозки, — заметил Марк.

— Но если заранее узнать о мерах, принятых де Грамоном, можно их обойти, не так ли? Де Сегюр поднялся, повернулся к Монтре и посмотрел ему в глаза.

— Выражайтесь яснее, ваша милость. Я не собираюсь додумывать ваши предположения за вас. Чего вы хотите?

— Я хочу, чтоб вы, наконец, дали мне удовлетворение, достойное тех затрат, что я

понёс в связи с нашей дружбой, дорогой барон. Ведь вы могли бы узнать у де Грамона, когда и каким маршрутом повезут золото, какая будет охрана и где намечены остановки в пути?

— Допустим.

— И вы могли бы организовать нападение на обоз. Ваши люди, как я слышал, достаточно опытни в таких делах и достаточно надёжны, чтоб оставить всё в тайне, особенно, если получают соответствующую плату.

— А что с Блуа?

— Не важно, даже если он уцелеет, его карта будет бита. Король не простит ему такой промах. Мы достигнем сразу двух целей: устроим Блуа и получим деньги.

— Мне Блуа не мешает, — пожал плечами Марк. — Да и грабить короля — дело весьма рискованное.

— Там, по меньшей мере, полмиллиона марок золотом. Вы получите половину.

Марк усмехнулся.

— Я добываю информацию о перевозке, организую нападение, похищаю золото и получаю половину? Вы, видимо, тоже претендуете на половину, но каков будет ваш вклад в это дело, кроме этой блестящей идеи?

— Я организую вывоз и хранение ценностей, и продажу оружия и утвари.

— И всё? Шутите? Там будет вооружённый отряд, мои люди, сражаясь с охраной, будут рисковать головой. Они тоже имеют право на долю.

— Выплатите им по тысяче марок золотом!

— За такую плату ищите других исполнителей! — отрезал Марк. — Обещаю, что не стану выдавать вас королю, за исключением случая, что ваша миссия провалится и скрывать попытку сговора будет опасно для моей собственной шкуры.

Он перешёл к следующей скульптуре: на небольшой подушечке сидела юная девица в тоненькой рубашке, одна бретелька которой сползла с пухлого плечика. Марк провёл пальцами по её щёчке, а потом — по плечу и его пальцы медленно спустились по груди ниже.

— Сколько вы хотите? — подошёл к нему Монтре.

— Восемьдесят процентов.

— Вы с ума сошли?

— Справляйтесь без меня!

— Послушайте, барон, — занял Монтре. — Моя часть сделки тоже потребует расходов. За перевозку и хранение в укромном месте придётся платить. Купцы, которые будут сбывать товар, потребуют комиссионные...

— Вам тридцать, мне — пятьдесят и двадцать — моим людям, — проговорил Марк. — Это моё последнее слово. Не устраивает, обратитесь к наёмникам. Их тут полно!

— Вы меня грабите, друг мой, — с упрёком заметил Монтре.

— Прежде всего, ваша милость, мы оба собираемся ограбить короля, и в случае провала нам сначала отрубят руки, а потом головы. А в случае успеха, вы получите достаточно, уверяю вас. Добычу поделим сразу, я и мои люди позаботимся о том, чтоб получить наличные и скрыть их в надёжном месте, так что услуги ваших купцов меня не интересуют. Мы обо всём договоримся, и определим место, где вы будете ждать нас с добычей. Мы передадим вам вашу часть.

— Нет, сударь! — воскликнул Монтре. — Я желаю участвовать!

— Бойтесь, что я утаю от вас часть добычи?

— Коль скоро мы делим прибыль, то должны делить и опасность! — возразил Монтре. Марк усмехнулся.

— Тогда мы должны доверять друг другу, верно?

— Без сомнения.

— Кого вы возьмёте с собой?

— Жана, больше я никому не доверяю.

— А кто создаст вам алиби? Кто подтвердит, что вы не участвовали в налёте?

— Я? В налёте? — виконт рассмеялся. — Король никогда...

— Король подозрителен и он не дурак, — перебил Марк. — Миссия Блуа носит секретный характер, и проверять будут, прежде всего, тех, кто о ней знает. Вы так верите в то, что король не заподозрит вас только потому, что у вас не хватило бы смелости напасть на охраняемый обоз лично? Он так уверен в вашей непогрешимости?

— Альфонс! Альфонс подтвердит, что мы были вместе.

— Нет, я не хочу с вами связываться, — устало вздохнул Марк. — Если на этого избалованного щенка надавить, он из страха выдаст вас с потрохами, и вы утянете меня за собой.

— Жувер! Пусть это будет Жувер! Ему вы доверяете? Он достаточно предан мне и стоек. Он не выдаст.

— Допустим. Но если вы возьмёте его с собой, ему самому потребуется алиби.

Монтре напрягся, глядя на него. Марк снова вздохнул и с сожалением взглянул на маленькую чаровницу. Увы, она была деревянной.

— Давайте так, ваша милость. Я пока выясню всё о перевозке ценностей и подумаю, как нам лучше их добыть, вы обдумайте ваше алиби. Я приду, как только что-то выясню.

Развернувшись, он пошёл по галерее, а Монтре остался стоять там, сосредоточенно обдумывая план своих действий.

От Монтре Марк сразу же направился к де Грамону, жившему неподалёку у пожилой советницы госпожи Хаген. У неё был большой строгий дом, где всё шло по давно заведённому порядку, и это вполне устраивало Рене, который, не смотря на род своей деятельности, не любил неожиданностей. Ему было спокойнее при размеренной жизни, когда каждое дело делается строго в отведённое ему время. Эта упорядоченность помогала ему в его суматошной работе, и теперь он наслаждался тишиной старинного дома, пропахшего смолистой мастикой для дерева и благовониями, пропитавшими засохшие веточки, разложенные на каминах и засунутые за рамы картин.

Старая дама была обрадована тем, что ей достался такой молодой и при этом скромный постоялец, который ценил уют и не пытался созвать полный дом друзей или хуже того, публичных женщин. Она отвела ему для работы кабинет своего покойного мужа, слегка пыльный, зато удобный, с большим столом, вместительным бархатным креслом и шкафами, набитыми книгами.

Там и нашёл его Марк. Он пока понятия не имел, что будет делать с предложением Монтре ограбить короля, но уже чувствовал, что из этого можно извлечь немалую выгоду. Конечно, у него и в мыслях не было нападать на обоз. Он полагал, что телеги, гружённые золотом и серебром, ещё рано утром покинули город и теперь успели отъехать довольно далеко. Каково же было его изумление, когда в кабинете покойного советника Хагена он обнаружил графа Блуа, с унылым видом сидевшего в кресле возле стола и задумчиво

рассматривавшего свои украшенные перстнями руки.

Марк уже успел убедиться, что утверждение Блуа о том, что он вполне подготовлен к тяготам военного похода, не были преувеличением. Граф стойко переносил долгие часы в седле, причём в отличие от многих, не стал снимать свои красиво украшенные и довольно крепкие латы, которые носил так же привычно, как и нарядный камзол. Он часто принимал участие в тренировках рыцарей и демонстрировал неплохое владение мечом. При этом было видно, что неудачи его не огорчают, и он с радостью учится у своих более опытных соперников. Чем дальше, тем больше этот странный некрасивый человек нравился де Сегюру. Чванливость давно слетела с него, будто он оставил её в Сен-Марко, и теперь он предпочитал общаться с настоящими воинами, а не с теми, с кем он когда-то развлекался при дворе.

Увидев его в кабинете, Марк замер от неожиданности, а потом воскликнул:

— Почему вы всё ещё здесь, Антуан? Разве вы не должны быть на пути к Магдебургу?

— Увы, мой друг, — огорченно вздохнул тот и перевёл взгляд на де Грамона, вскочившего при виде визитёра.

— Марк, мои люди сбились с ног, разыскивая тебя! — проговорил Рене. — Ты мне нужен! Где ты был? погоди! Что ты знаешь об этой истории с Магдебургом? Откуда? Это же секрет!

— В том-то и дело, Рене, что больше не секрет! Утром мне рассказал об этом Монтре. При этом присутствовали Жувейр и этот мерзкий мальчишка Бризон. Если Жувейр без выгоды и слова не промолвит, то у щенка язык, как помело!

— Это плохо, — обречённо вздохнул Блуа.

— Да, первый вариант уже не пройдёт, — озабоченно кивнул де Грамон.

— Какой вариант? О чём вы?

— Об охране, — поднял голову граф. — Мы как раз обсуждали, что будет лучше: везти золото под охраной небольшого отряда лёгких кавалеристов, например, под командованием Риккардо, чтоб не привлекать особого внимания, или взять с собой человек триста, включая конных лучников и рыцарей.

— Вы всё ещё обсуждаете это? Обоз уже должен быть в пути!

— В том-то и дело, Марк, — проговорил Рене, выходя из-за стола и подойдя, обнял его за плечи. — Возникла крайне неприятная ситуация, и ты должен с ней разобраться. Король поручил это мне, но я слишком неповоротлив в таких делах. А ты способен носиться по всему городу, как волк, и быстро унюхаешь след.

— В чём дело?

— Все наши ценности и то, что было отобрано у фон Деррека мы передали на сохранение магистрату Бренне. Нам казалось, так безопаснее, тем более что у них хранилище не менее надёжное, чем в самом Магдебурге. Двери в сокровищницу и замки делал тот же мастер. Они открываются двумя ключами, подобрать которые невозможно. Они имеются в одном экземпляре и хранятся у бургомистра и казначея города. Но казначей категорически отказался открывать хранилище, потому что пропала его молодая жена. Он уверен, что её похитил кто-то из наших. Дама ветрена и очень красива. Сначала бургомистр пытался его образумить, но потом узнал, что его юная дочь тоже не ночевала у себя уже две ночи и её не могут найти. Теперь он возмущён не меньше казначея тем, что, как он считает, мы ответили на его гостеприимство чёрной неблагодарностью. Затем выяснилось, что пропала ещё одна дама — Беатриса Арнольди. Это явилось последней каплей. Мы должны

разобраться с этим и снять с себя все обвинения, иначе нам придётся задержаться здесь дольше, прибегнуть к помощи лиги свободных городов, чтоб урегулировать спор и, возможно, платить за ущерб. Мне это будет стоить репутации, как, впрочем, и королю.

— Хранилище можно вскрыть иным способом? — деловито спросил Марк.

— Взорвать? — уточнил Блуа. — Можно, только, скорее всего, взрыв нужной мощности обрушит здание ратуши. И мы ввяжемся в войну с лигой свободных городов.

— Марк, — Рене положил руки ему на плечи и взглянул в глаза, — найди женщин! Если кто-то из наших виноват, мы выдадим их городу и согласимся на выплату компенсации. Но, может быть, мы здесь и не при чём.

— Скорее всего, — кивнул Марк. — В городе полно шлюх, зачем похищать благородных дам? Мне нужны все твои сыщики.

— Бери кого хочешь! Делай всё, что считаешь нужным, но, умоляю, разберись со всем этим как можно скорее. Король уже в ярости. Что будет, если мы не сможем выехать из города следующим светлым утром?

— Не хочу даже думать об этом!

— И я о том же.

Выйдя из кабинета, Марк отыскал в людской трёх скучающих сыщиков и отправил двоих по адресам пропавших дам расспрашивать прислугу и предупредить, что к хозяевам он явится сам, а третьего с приказом сержантам и капитанам опросить ночных караульных и постовых, не выезжали ли ночью из города дамы. После этого он вышел на улицу и собирался пойти в дом бургомистра, чтоб расспросить его о пропавшей дочери, но, едва он спустился со ступеней крыльца, его кто-то окликнул. Обернувшись, он увидел советника Ротберга, нерешительно переминавшегося с ноги на ногу.

— Ваша светлость, — проговорил тот. — Я прошу вас оказать помощь моему племяннику, вернее, племяннику моей жены, который попал в затруднительное положение. Барон Делвин-Элидир сказал, что вы иногда занимаетесь такими делами.

— Простите, советник, — произнёс Марк, — но я спешу, у меня очень важное дело.

Он повернулся и пошёл в сторону ратуши, однако возглас Ротберга заставил его остановиться.

— У него пропала жена! — крикнул маленький советник.

Марк обернулся.

— Где ваш племянник?

— Племянник моей жены, — поправил его Ротберг.

К ним подошёл высокий стройный молодой человек с пепельными волосами и тёмно-кариыми глазами, одетый по последней моде луара.

— Меня зовут Жерон, — поклонился тот, робко взглянув на барона. — Моя жена, действительно, пропала. Раньше она иногда ночевала у подруги, но на сей раз её никто не видел. Более того, сама подруга тоже пропала.

— Как имя этой подруги?

— Беатриса Арнольди.

— Я хочу осмотреть вещи вашей жены, её комнату, а вы расскажете всё, что знаете.

Советник Ротберг облегчённо вздохнул и покинул их, а Жерон повёл Марка к своему дому.

— Аманда старше меня на несколько лет, — по дороге объяснял он. — Она была женой купца Лудена, очень богатого. Их брак был бездетным, и после его смерти она унаследовала

всё его имущество. Мой дядя устроил наш брак. Аманда, видите ли, не красотка. Скорее, даже наоборот. Но ей хочется не только богатства, но и положения в обществе, ну, и молодого мужа приятной наружности. А я рыцарь, у меня было заложенное имение — полуразрушенный замок, и всё же я принадлежу к старому аристократическому роду. Мы с Амандой договорились, что я буду выполнять супружеские обязанности, проявлять к ней почтительность и не стану лезть в её коммерческие дела. А она будет закрывать глаза на мои отлучки, оплатит все мои долги, будет платить по счетам и приведёт в порядок мой замок. Мы выполняли все условия договора, и год назад у нас даже родился сын, такой же красавчик, как и я. Он будет обладать знатностью отца и богатством матери. Поверьте, меня вполне устраивает моё положение, но в городе постоянно ходят слухи, что я только и думаю, как избавиться от жены, взять под опеку сына и распорядиться имуществом Аманды. Поэтому я не хотел бы, чтоб на меня упала хоть тень подозрения, если с ней что-то случится.

Пока Марк бродил по богатому, но безвкусно обставленному дому, Жерон продолжал рассказывать о жизни своей супруги, но пока ничего полезного он не сказал. Наконец, они вошли в комнаты, которые занимала Аманда Жерон, загромождённые массивной, отделанной позолотой мебелью. Подойдя к секретеру, Марк начал перебирать бумаги пропавшей женщины и, наконец, услышал то, что показалось ему интересным.

— Не знаю, стоит ли об этом говорить, — произнёс Жерон. — Мне известно, что в Сен-Марко такие вещи не одобряются, но в луаре на них смотрят сквозь пальцы, а в Магдебурге это и вовсе обычное дело. Но, может, это имеет значение... Дело в том, что Аманда в последнее время увлеклась магией.

— Магией? — стремительно обернулся к нему де Сегюр.

— Не всерьёз, конечно. Я ж говорю, она мечтала войти в аристократический круг города, и сблизилась с Беатрисой Арнольди именно на почве колдовства. Тогда она и стала иногда пропадать по ночам. Я думаю, что они проводят какие-то ритуалы. Я не вникал. Но она всегда утром возвращалась домой.

— Кто ещё входит в этот колдовской круг?

— Жена казначея Альбы Флора и дочь бургомистра Карлотта. А заправляет всем баронесса де Витри, что живёт неподалёку. Честно говоря, я её боюсь. В ней есть что-то хищное. Мне кажется она из тех, кто просто съедает своих мужчин. Фигурально выражаясь.

— Я понял, — Марк выдвинул ящик под столешницей и увидел исписанные убористым почерком листы дорогой бумаги. — Кто такая Греона де Витри?

— Не знаю. Баронессу зовут Жеанна, — Жерон посмотрел на листы, которые протянул ему Марк. — Какие-то стихи, причём, скверные. Похоже на народные песни, или какие-то заклинания. Это всё её увлечения колдовством. Я в этом ничего не понимаю.

По требованию де Сегюра он вызвал служанку Аманды. Та сначала заверяла хозяина и благородного господина, пришедшего с ним, что ничего не знает, но когда Жерон пообещал немедленно высечь её на конюшне, девица разрыдалась и рассказала, что, когда господин ушёл на пир в ратуше, госпожа, сказавшаяся было больной, собралась, велела заложить карету и уехала, как она сказала, на воды. При этом она велела погрузить в карету сундук, в который были сложены некие металлические предметы, сообщить о назначении которых служанка не решалась, но под решительным нажимом Жерона пояснила, что это были нарядные латы, специально сделанные по мерке госпожи для каких-то ритуалов.

— Куда она поехала на самом деле? — спросил Марк.

— Не знаю! — пуще прежнего зарыдала девица, и он, сунув свёрнутые листы со стихами

в подсумок на поясе, и расспросив Жерона, как выглядит его карета, отправился дальше.

Он собирался пойти к бургомистру, но выйдя из дома, увидел одного из своих сыщиков, ждавшего его на другой стороне улицы. Тот доложил, что господин Арнольди не пустил его в дом и запретил слугам отвечать на его вопросы. Издав сдержанное рычание, де Сегюр отправил его к городским воротам, чтоб расспросить караульных, не выезжала ли из города две ночи назад карета Аманды Жерон, приметы которой он сообщил сыщику. Тот тут же помчался выполнять указание, а Марк отправился в дом Арнольди.

Господин Арнольди оказался молодым худощавым человеком со светлыми волосами и тонкими чертами аристократичного узкого лица. Увидев перед собой благородного рыцаря в дорогой одежде, он тут же сменил гнев на милость и согласился ответить на все его вопросы.

— Вы должны меня понять, господин барон, — произнёс он извиняющимся тоном, сопровождая гостя на второй этаж, туда, где были комнаты его матери дамы Беатрисы. — дело это деликатное и крайне неприятное для меня. И допускать к нему кого-то не нашего круга, да ещё не местного, я не счёл возможным. Однако, вы — другое дело. В вас я вижу человека благородного и наделённого высокими полномочиями. К тому же я могу рассчитывать на то, что вы сохраните в тайне некоторые сведения, которые в случае огласки могли бы нанести ущерб моей семье.

— А что, в этом деле есть какие-то тайны? — спросил Марк, остановившись перед портретом стройной белокурой красавицы в белом платье с цветком лилии в руках.

— Более чем достаточно, — вздохнул молодой человек. — Это моя мать. Написано без лести со стороны художника. Когда-то она была одной из самых красивых женщин Бренне. Слава о её красоте выходила далеко за пределы города, ей посвящали поэмы, с неё делали статуи для храмов, за неё преломляли копья на турнирах. Но, увы, время берёт своё. Она поздно вышла замуж и уже к моменту моего рождения начала терять красоту. И чем больше времени проходило, тем сложнее ей было смириться с этой потерей. Она платила лекарям и всяким шарлатанам, которые составляли для неё омолаживающие бальзамы, кремы и напитки, но это помогало лишь чуть отодвинуть старость, но не остановить её и, тем более, не вернуть молодость. В отчаянии она обратилась к магии. Я был против, но вразумить её было невозможно. Хуже всего то, что потом она связалась с этой мерзавкой Жеанной де Витри. Мало того, что та тянула у неё деньги на какие-то снадобья и ритуалы, так потом и вовсе приучила к разным мерзостям.

— О чём вы? — Марк повернулся к юноше.

Арнольди устало пожал плечами.

— Я узнал, что они начали нанимать какую-то знахарку, чтоб та выкупала в публичных домах младенцев, кровь которых они пили во время своих диких пиров, а из жира делали притирания. Когда я узнал об этом, я пришёл в ужас и ярость, и сразу сказал, что если услышу о чём-то подобном впредь, то просто запру её в этих комнатах. После смерти отца я — глава семьи, и вправе сделать это. Она сначала возмутилась, потом испугалась. Но это привело лишь к тому, что она стала скрываться от меня, окутывая свою жизнь всё большей тайной. Я даже устроил за ней слежку, но она нашла выход: на правах тётки, а она, действительно, дальняя родственница покойной жены бургомистра, она сблизилась с его дочерью Карлоттой. В доме бургомистра мои люди не могли следить за ней, дом большой и имеет несколько входов, потому они вдвоём ускользали от слежки. Точно так же она ускользнула и предыдущей тёмной ночью.

— То есть ваши люди видели, что она вошла в дом бургомистра?

— Да, они проводили её до бокового входа, но она оттуда так и не вышла. И я слышал, что Карлотта тоже пропала. Уверен, они выбрались из дома тайком. И попомните моё слово! Без этой ведьмы де Витри здесь не обошлось.

— Могу я посмотреть бумаги вашей матери?

— Вам нужны не её бумаги, — печально заметил Арнольди. — Идёмте, я покажу то, что вам нужно.

Он провёл гостя в спальню матери, где за кроватью была скрыта потайная дверца, ведущая на лестницу. Они спустились вниз и оказались в тёмной комнате, стены которой были обтянуты муаром, возле стен стояли стеллажи с различной колдовской утварью, какие-то склянки, горшки, запечатанные воском, и бутылки из тёмного стекла с сургучными пробками. Тут же были книги, быстро просмотрев которые, Марк убедился, что они полны магических заклинаний и заговоров. Посреди комнаты стоял стол, покрытый тёмно-красной материей, видимо, алтарь, где в кожаном футляре лежали два ножа с костяными ручками — чёрной и белой, на которых были вырезаны таинственные знаки.

Осматривая комнату, он дошёл до небольшой конторки, тоже загроможденной стопками книг, а открыв её крышку, сразу увидел листы, исписанные мелким почерком с теми же странными гимнами, что и в доме Аманды Жерон.

— Что это, господин Арнольди? — спросил он.

— Не знаю, почерк мне незнаком, — рассеянно произнёс юноша, осматриваясь по сторонам. — Я чувствую, ваша светлость, что с моей матерью случилось что-то плохое. Прошу вас выясните что, и сообщите мне. Если её больше нет, я сожгу весь этот хлам и замурую эту нору, чтоб даже воздух из неё не проникал наверх.

Забрав и эти листы, Марк простился с сыном Беатрисы Арнольди и отправился к бургомистру. Тот встретил его сурово и сразу заявил, что все попытки снять вину с подданных короля Ричарда ни к чему не приведут.

— Мы оказали вам гостеприимство, приняв армию на своих землях, распахнули перед вами ворота города, а вы ведёте себя как варвары! — заявил он, враждебно глядя на молодого барона.

Марк подумал, что именно его молодость и привлекательная внешность являются причиной этой неприязни, потому что именно такие красавцы из Сен-Марко были в глазах старого бургомистра главной угрозой для невинных дев Бренне. В чём-то он был прав, но всё же явно торопился с выводами.

— Господин бургомистр, — примирительно произнёс Марк. — Я получил от моего короля приказ разобраться в этой ситуации, и я в ней разберусь вне зависимости от того, окажете вы мне содействие или нет. И я намерен установить местонахождение всех четырёх пропавших женщин, и тех, кто повинен в их исчезновении, будь то подданные Сен-Марко или кто-то другой. Мне в данном случае важна истина, а также возвращение домой ваших дам, а вовсе не желание скрыть правду.

— Может быть, — раздражённо проговорил бургомистр и вдруг замер. — Вы сказали, четырёх женщин? Пропала ещё одна?

— Аманда Жерон, — кивнул де Сегюр. — Я говорил с её мужем.

— Аманда... — бургомистр нахмурился, видимо, пытаясь представить, кто мог позариться на эту дурнушку.

— Позвольте мне осмотреть комнаты вашей дочери, — попросил Марк, чем вызвал

очередной приступ раздражения у старика.

— Что вы хотите там найти? Любовные письма, которые можно будет истолковать, как доказательство того, что моя дочь сбежала с поклонником?

— Нет, я рассчитываю найти нечто подобное, — Марк достал из подсумка свёрнутые листы и подал бургомистру. — Один из этих списков я нашёл у Аманды Жерон, её муж сообщил, что она входит в некий дамский кружок, занимающийся магией. В него входят так же Беатриса Арнольди, Флора Альба и ваша дочь Карлотта. Второй список я нашёл в комнате дамы Арнольди. Её сын сказал, что слуги следили за ней по его приказу. В ту ночь она вышла из дома и пришла сюда, в ваш дом. Больше они её не видели.

— Хотите сказать, с ней что-то случилось в моём доме? — проворчал старик, разглядывая списки, пытаясь подслеповатыми глазами прочесть мелкий почерк писца.

— Нет, господин Арнольди сказал, что его мать часто использовала ваш дом, чтоб избавиться от слезки. Входила в одну дверь, выходила в другую. Господин Жерон выяснил, что его супруга в ту же ночь велела запрячь карету и отбыла на воды, взяв с собой некие предметы, предназначенные для магического ритуала. Я отправил своего человека выяснить, выезжала ли она из города, караульные на воротах должны были видеть карету, если это так.

Бургомистр мрачно взглянул на него, а потом сделал приглашающий жест. Они прошли в покои Карлотты, светлые, красиво обставленные изящной мебелью. Оглядевшись, Марк сразу же направился к небольшому изящному секретеру и осмотрел хранившиеся там бумаги. Как ни странно, там нашлись и любовные письма от нескольких почитателей её красоты, и посвящённые ей мадригалы, и переписка с Флорой Альбой довольно нескромного содержания, но ничего магического там не было. Марк огляделся, думая, где ещё могли быть спрятаны важные бумаги, но его опередил бургомистр. Он прошёл в уютную туалетную комнатку, где стоял хорошенький столик с большим хрустальным зеркалом, а на нём — шкатулка с драгоценностями. Поколдовав над ней, он выдвинул потайной ящичек, в котором лежали свёрнутые в несколько раз листы бумаги, развернув которые он убедился, что они соответствуют тем, что показал ему барон.

— Это всё Беатриса, — проворчал он, тяжело присаживаясь на изящный бархатный пуфик возле стола. — После смерти матери моя бедная девочка чувствовала себя такой потерянной, и эта змея заползла в самое её сердце и свела с этой распутницей казначейшей, которая смущала её рассказами о своих любовных похождениях. Мне не нравилось, что она так часто остаётся с ними наедине, но что я мог поделать, если она уже не ребёнок, а взрослая девушка? Но я и подумать не мог, что они втянут её в какие-то колдовские дела!

— И господин Арнольди, и господин Жерон упоминали баронессу де Витри, — заметил Марк.

— Правда? — старик поднял голову и взглянул на него. — Неужели она добралась до моей Карлотты?

— Вы думаете, она могла причинить ей вред?

— Возможно. Дело в том, что мы, я и казначей Альба, в какой-то мере повинны в смерти её матери Греоны, той самой ведьмы, о которой написано здесь! — он передал барону все три списка. — Мы тогда были молоды и в силу своего наследственного положения уже занимали посты в магистрате. Слухи о том, что Греона де Витри похищает и убивает детей и девственниц, несколько лет сковывали страхом всю округу. И именно мы с Альбой предложили магистрату положить этому конец. Мы вдвоём ездили в Магдебург и пригласили очень известного тогда белого мага-экзорциста, а потом вместе с ним

организовали толпу горожан, которая под прикрытием вооружённой стражи ворвалась в замок. Греону повесили на воротах. Её дочь пощадили. Это нежное дитя с круглым личиком и огромными синими глазами, смотревшими на нас так испуганно, выглядело совершенно невинным. У нас просто не поднялась рука причинить ребёнку вред, и мы остановили расправу, на которую уже были готовы наши люди. Увы, это было ошибкой. Лучше б мы взяли этот грех на душу, но сейчас не страдали бы... — он тяжело поднялся. — Идёмте, барон, я пойду к казначею вместе с вами. Я найду слова, чтоб убедить его дать вам ту информацию, которую вы ищите.

Они спустились в нижний холл, но здесь их уже ждали все три сыщика, которых Марк отправлял с заданиями. Один из них сообщил, что городская стража хорошо знает карету Жерона, и стоявшие в ту ночь в карауле стражники подтвердили, что она выехала из города. Второй сыщик так же подтвердил, что такая карета проезжала внешние посты лагеря, при этом караульных смутило, что два коня, впряжённые в карету были совершенно разными, а сзади к карете были привязаны ещё два, тоже разной масти и породы. Поэтому караульные осмотрели карету, но увидев в ней четырёх дам, которые пояснили, что следуют в купальни и собираются кататься верхом, они успокоились и пропустили карету дальше. Описанные постовыми дамы имели приметы пропавших. Третий сыщик доложил, что не смог встретиться с казначеем, но опросил прислугу, и служанка госпожи Альбы, очень обеспокоенная её исчезновением, поведала, что та ушла из дома ночью, велев сказать мужу, когда он вернётся с пира в ратуше, что у неё заболела голова, она приняла снотворное и крепко спит. При этом она велела конюху вывести из конюшни своего белого иноходца и уехала на нём.

— Не думаю, что вам стоит тратить время на разговор с Альбой, — произнёс бургомистр, выслушав их. — Если б у меня и были сомнения в честности ваших караульных, то в городской страже я не сомневаюсь. Они подтвердили, что карета с пропавшими женщинами выехала из города. Значит, здесь их нет.

— Куда они поехали? На воды, как и говорили? — с сомнением спросил Марк.

— Эту вероятность стоит проверить, — проговорил бургомистр, — но сначала я советовал бы вам съездить в замок баронессы де Витри. Возможно, там вы и найдёте ответ. А я пойду к Альбе и постараюсь убедить его открыть хранилище, но мы сделаем это не раньше, чем будем убеждены в том, что ваши люди совершенно непричастны к исчезновению наших дам.

— Хорошо, как только что-нибудь выясню, я вам сообщу, — Марк кивнул сыщикам, но бургомистр добавил:

— Возьмите с собой отряд хорошо вооружённых людей. Эта чертовка Жеанна не любит непрощенных гостей.

Марк вернулся в гостиницу и убедился, что из своих людей он может взять с собой только трёх, остальные либо всё ещё отсыпались, либо отсутствовали. Немного подумав, он велел Арно, Фонтейну и Бенару седлать коней, а сам отправился на постоялый двор, где остановились гвардейцы. На удачу, Карнач был там, и его друзья тоже. Они сидели за столом в зале, но, должно быть, ещё не успели выпить слишком много и были вполне в состоянии держаться в седле. Они с готовностью согласились поехать с ним, и тут же отправились в свои комнаты за оружием. Спустя некоторое время отряд из одиннадцати вооружённых всадников вылетел из городских ворот и промчался по лагерю меж шатрами к дальнему лесу.

Им пришлось обогнуть горную гряду, где находились купальни, а после проехать по

дороге через тёмный еловый лес, который даже светлым днём выглядел сумрачно и негостеприимно. Миновав его, они разглядели вдалеке холм, где на утёсе стоял небольшой, хорошо укрепленный замок. Приблизившись к нему, они с удивлением увидели опущенный надо рвом мост и поднятую решётку. Ворота были открыты, и они въехали в небольшой, мощёный камнем двор. Навстречу им тут же бросился человек в чёрном, который кричал что-то и размахивал руками. Когда он подбежал, они услышали, что он гонит их прочь, потому что баронесса не принимает.

— Меня она примет! — прорычал Марк, спешившись и взяв слугу за грудки. — В городе пропали четыре дамы: Беатриса Арнольди, Флора Альба, Карлотта Вебер и Аманда Жерон. В их исчезновении обвинили подданных моего короля, и он в ярости. Я знаю, что эти дамы были подругами твоей госпожи и, если она не согласится обсудить со мной эту проблему, я разнесу её замок ко всем чертям. Осадные орудия у нас с собой!

— Вы не поняли, сударь, — злобно глядя на него, проворчал тот. — Она не может вас принять. Она больна!

— Веди меня к ней! — рывкнул Марк, достав из ножен стилет, и кивнул Корначу, который тоже спешился и положил руку на эфес меча.

Что-то бормоча себе под нос, слуга пошёл по двору, за ним отправились Марк, Карнач и Валуев с Москаленко. Они вошли в нижний зал донжона, по лестнице поднялись на верхний этаж, где располагались жилые помещения и, пройдя через несколько комнат, подошли к дверям, возле которых толпились чем-то напуганные слуги.

Войдя, Марк остановился, с недоумением глядя на древнюю старуху, лежащую на широкой кровати под массивным балдахинном. Она выглядела так плохо, что невозможно было представить, как она дожила до таких лет. Её желтоватая пергаментная кожа была изборождена морщинами, белые клочки волос кое-как местами прикрывали голый череп, а беззубый рот щерился в безумной улыбке.

— Это она? — изумлённо воскликнул он, вспоминая то, что слышал о баронессе. — Но она должна быть довольно молодой!

— Она была такой ещё недавно, — раздался сбоку спокойный женский голос. Там в кресле восседала пожилая женщина с бледным лицом, облачённая в чёрное бархатное платье. — Ей всего тридцать два года. Лишь несколько дней назад она была молода, красива, здорова и сильна настолько, что могла нести на плечах коня. Но позапрошлой ночью её конь принёс нам вот это немощное тело. Жизнь ещё теплилась в ней, и она сказала, что столкнулась с демоном-любовником. Они, как известно, высасывают жизнь из своих жертв.

— Это точно она? — спросил Марк.

— Я узнала её по родимому пятну на спине. Это она.

— А что с другими, теми дамами, что были с ней?

— Наверно они остались там. Лежат между могилами.

— О чём вы говорите?

— Вы ищите этих глупышек, — на лице матроны появилось что-то похожее на сострадание. — Они почти невинны, просто Жеанне нужно было ещё пять женщин и младенец. Она нашла этих, ей казалось забавным вовлечь в свои дела дочь и жену тех, кто убил её мать. Вчера они собирались провести ежегодный ритуал на кладбище в усыпальнице Греоны. Она уехала верхом в самый тёмный час, а спустя какое-то время её конь заржал у ворот.

— Где это кладбище?

Матрона тяжело вздохнула и, поднявшись, печально взглянула на старуху в постели, после чего вышла из спальни. Мужчины последовали за ней. Она миновала несколько комнат и остановилась у окна, откуда открывался вид на окутанную серым туманом равнину и дальний лес. Туман выглядел странно, он стелился у самой земли, не поднимаясь выше. Вдали прямо из него торчал массивный каменный куб.

— Это и есть усыпальница, — ответила женщина. — Ночью оттуда доносились звуки волынки. Они звучали так жутко...

Марк не стал слушать её дальше. Он со своими спутниками спустился вниз, они снова сели на коней и поскакали туда, где в тумане виднелась каменная усыпальница. Не доезжая до неё, они увидели пасущихся на лугу четырёх коней: белого, рыжего, вороного и гнедого. Они поняли, что нашли то, что искали.

Тела они увидели на земле возле склепа, но в этих серых истощённых мумиях сложно было узнать женщин, которых они искали. Разве что их волосы, странным образом сохранившие цвет и густоту, помогали представить, как они выглядели при жизни. Марк сумел с определённой долей вероятности определить, что худая белокурая женщина была Беатрисой Арнольди, а маленькая кучерявая — Амандой Жерон, довольно пропорционально сложенная рыжая — Флорой Альбой, а невысокая с длинными светлыми прямыми, чуть завитыми локонами — Карлоттой Вебер. Тут же были ещё две, которые и при жизни наверно не отличались статью и красотой, а в стороне лежал труп мужчины с выпученными глазами, который всё ещё сжимал бледными пальцами волынку.

— Кто-то должен остаться здесь, — произнёс Марк, осмотревшись.

Его друзья испуганно озирались по сторонам, но Карнач пришёл им на помощь.

— Стэн, Ваня, Игнат, останетесь.

— Ладно, — проворчал Москаленко, брезгливо рассматривая трупы. — Только если совсем уныло будет, мы выйдем к дороге.

После этого Марк отправил Арно и Фонтейна искать карету, а сам сел в седло и с остальными помчался в город. Приехав, он сразу отправился в ратушу, где в кабинете бургомистра их ждали оба старца. Возле окна стоял молодой человек в чёрном бархатном камзоле, которого бургомистр представил как Эрвина Вебера, из чего Марк сделал вывод, что это его сын.

— Вы нашли их? — спросил казначей, буравя барона острым взглядом.

— Да, мы нашли их, — кивнул он. — Увы, они мертвы!

— Это ваши люди убили их! — воскликнул Альба. — Ваши разъезды, которые носят по округе. Мы знаем, как вы в Сен-Марко относитесь к ведьмам, и невинные игры наших дам они приняли за колдовской ритуал!

— Это не наши люди, господин Альба, — возразил Марк. — Наши так не умеют. Тела иссохли, словно месяц пролежали на песке возле печи. Я осмотрел их и не нашёл никаких ран и повреждений.

— Вы были у баронессы де Витри? — тихо спросил бургомистр.

— Она была ещё жива, но это ненадолго. Она превратилась в древнюю старуху, седую, плешивую и беззубую. Она говорила, что на неё напал демон-любовник.

— Это бред, — вздохнул бургомистр. — Где тела?

— На кладбище возле усыпальницы Греоны.

Он остановившимся взглядом смотрел на Марка, а потом обернулся к побелевшему Альбе.

— Она всё-таки дотянулась до нас, Родриго, — прошептал он. — Через столько лет, она отомстила за себя...

— Отец, позвольте мне поехать с его светлостью и забрать тела, — проговорил Эрвин, немного смущённо взглянув на де Сегюра, и, не дожидаясь ответа, взял его под руку и увлёк за собой из кабинета. — Простите, господин барон, — продолжил он, закрыв за собой дверь. — Мой отец потрясён. Я уверен, что месть старой ведьмы тут не при чём, хотя без колдовства не обошлось. Жеанна постоянно вызывала каких-то духов и пыталась их подчинить. Мне рассказывала об этом сестра. Я умолял её бросить эти игры, но она была очарована этим зловещим балаганом. Видимо, на сей раз, Жеанна вызвала кого-то, кто оказался ей не по зубам. Прошу вас, пройдите в трапезную, вам и вашим людям принесут ужин, вполне приличный, с нашего стола. А я пока распоряжусь относительно телеги и охраны.

Увиденное на кладбище начисто отбило у Марка аппетит, и он сидел за столом, наблюдая, как гвардейцы невозмутимо поглощают принесённую им еду. Сам он был потрясён и не скрывал этого. Ему не так часто приходилось сталкиваться с колдовством, а с таким смертоносным и отталкивающим — никогда. И сейчас он чувствовал себя уязвимым, потому что на горизонте его бытия вдруг возникла некая сила, против которой у него не было оружия, и это его тревожило.

Вскоре появился Эрвин Вебер, и они отправились на кладбище. На сей раз их сопровождал отряд городской стражи на одинаковых вороных конях, а позади неторопливо ехала телега, в которую были уложены покрывала, чтоб завернуть мёртвые тела. Впрочем, телега скоро отстала, потому что Эрвину не терпелось добраться до места трагедии. По дороге им встретились Арно и Фонтейн, сообщившие, что обнаружили карету и возницу на постоялом дворе с другой стороны леса. По приказу госпожи Жерон он выпряг коней, оседлал всех четырёх и после того, как дамы уехали, остался ждать их возвращения за кувшином вина, что и делал до сих пор. Ему даже в голову не пришло беспокоиться. Он просто ждал, сидя в обеденном зале и попивая вино.

Стаховски, Валуев и Москаленко встретили их возле дороги.

— Простите, ваша светлость, — проговорил Иван, положив руку на шею коня де Сегюра. — Вы знаете, мы не робкого десятка, но там очень страшно.

— Что-то тёмное постоянно движется в тумане, — объяснил Москаленко. — И ощущение такое, будто оно подкрадывается со спины и трогает за шею холодными пальцами. Мы решили, что в здравом уме от нас будет больше пользы.

Марк кивнул и спешил. Они все вместе прошли на кладбище и Эрвин, побледневший от ужаса и горя, подтвердил, что Марк верно опознал тела. Он стоял над телом сестры, а потом скинул плащ и закрыл его. Остальные озирались по сторонам, чувствуя чужое недоброе присутствие, и Марк вынужден был признать, что страхи гвардейцев не беспочвенны. Неожиданно один из стражников вскрикнул и, схватившись за шею, начал испуганно озираясь.

— Идёмте, господин Вебер, — проговорил Марк, — это недоброе место. Когда приедет телега, мы вернёмся сюда за телами.

— Вам незачем оставаться здесь, — произнёс Эрвин, направляясь сквозь туман к дороге. — Берите своих людей и возвращайтесь в город. Мы управимся сами. Спасибо вам, что помогли разобраться в этом деле и нашли их. И примите мои искренние извинения за беспочвенные подозрения моего отца и доставленные вам и его величеству королю Ричарду

неудобства.

— Я уверен, что он всё понимает.

Марк сочувственно похлопал его по плечу и сел в седло, чтоб вернуться в город и доложить де Грамону о результатах проведённого расследования. По дороге он думал уже о другом, о том, как разыграть карты, которые сдал ему этим утром Монтре.

Вернувшись в Бренне, он, наконец, обратил внимание на то, что улицы города почти пусты. Только кое-где начали открываться двери лавок и заспанные приказчики и подмастерья поправляли вывески, подметали мостовую перед дверью и устанавливали прилавки. Это значило, что первый светлый день прошёл, а следом минула и короткая светлая ночь, а он даже не заметил этого, занимаясь расследованием. Осознав это, он понял, что не спал уже почти двое суток и почувствовал себя совершенно разбитым. Отпустив своих рыцарей и гвардейцев спать, он поехал по городу, раздумывая, что делать. Возвращаться в ратушу и говорить с бургомистром и казначеем ему не хотелось. Его работа была выполнена, а, стало быть, нужно просто доложить об этом де Грамону и отправиться в гостиницу, в удобную чистую постель и поспать хотя бы несколько часов.

Он понимал, что, возможно, ему придётся разбудить Рене, но ждать, пока тот сам проснётся, было выше его сил. Поэтому он поехал к дому советницы Хаген и, спешившись, постучал в дверь. Как ни странно, она сразу же открылась. Сонный взлохмаченный слуга, узнав гостя, позвал из людской мальчика, чтоб тот принял у барона коня, а его самого пригласил следовать за собой. И повёл он его не в кабинет или спальню постояльца, а в высокую приёмную залу с потемневшими росписями на стенах и потолке. Рене был там, одет, но выглядел немного сонным. Напротив него в красивом резном кресле у камина сидел бургомистр, который, казалось, постарел за эти сутки лет на десять. Увидев де Сегюра, он сразу всё понял и печально кивнул.

— Ваш сын привезёт тела, — подтвердил его догадку Марк и повернулся к де Грамону. — Я готов доложить о расследовании.

— Я уже знаю суть, Марк, и благодарен тебе за отлично выполненную работу. Но, к сожалению, мы безвозвратно потеряли время. Обоз с золотом следует везти в светлое время суток, а у нас осталось до темноты всего лишь несколько часов. Пока мы найдём и загрузим телеги, сформируем отряд, время будет упущено окончательно.

— Поверьте, мне очень жаль, ваша светлость, — старик измученно посмотрел на де Грамона. — Мы ошиблись относительно причин этого исчезновения, и эта ошибка может стоить нам расположения его величества короля Ричарда, которым мы так дорожим. Мы готовы загладить свою вину, если это будет возможно. Союз с Сен-Марко очень важен для Бренне, как и для всей нашей лиги.

— Вы можете оказать нам некоторые услуги, которые минимизируют потерю времени, — проговорил Марк.

— О чём ты? — спросил де Грамон, взглянув на него.

— У меня есть идея, как мы можем сделать перевозку золота более безопасной, обесценив те слухи, которые могли просочиться за пределы нашего круга. Мне бы хотелось, чтоб ты пригласил графа Блуа, и я изложу вам свой план.

— Ещё так рано, Марк, — жалобно вздохнул де Грамон. — Блуа наверняка ещё спит, да и ты, судя по всему, валишься с ног от усталости. Нельзя ли отложить это хотя бы на несколько часов, чтоб мы все могли немного поспать и встретиться, когда у нас будут ясные

головы?

— Ты всегда был нытиком, Рене, — усмехнулся Марк, хотя на самом деле был благодарен ему за это предложение. — Теперь несколько часов уже не сыграют никакой роли. Я надеюсь, магистрат города к тому времени исполнит мою просьбу, и мы сделаем всё, как нужно.

— Говорите, барон, — кивнул бургомистр. — Мы выполним ваши указания.

Вскоре Марк всё-таки смог добраться до своей комнаты в гостинице, и стащив с себя запыхлённые сапоги и камзол, забрался под одеяло. Он тут же заснул и не слышал, как Шарль заботливо опустил полог балдахина над его кроватью и задёрнул шторы, а потом поднял с пола обувь и одежду, чтоб почистить их.

Небо над Бренне только начало немного темнеть, когда Марк снова подошёл к ратуше. Возле бокового входа стояли две крытые телеги, куда слуги переносили тяжёлые сундуки. Неподдалёку уже гарцевал отряд хорошо вооружённых лёгких кавалеристов под командованием капитана Риккардо, а на ступенях парадной лестницы стояли, наблюдая за погрузкой, барон де Грамон и граф Блуа. Причём граф был снова облачён в доспехи, а на его плечи наброшен бордовый дорожный плащ. Он как раз натягивал перчатки, когда Марк подошёл к ним.

— Мне понравилась ваша идея, друг мой, — кивнул Блуа. — Но вы уверены, что на нас никто не нападёт?

— До темноты вы можете быть совершенно спокойны, — кивнул Марк.

— И всё равно я не понимаю, зачем это, — проворчал де Грамон, наблюдая, как сундуки один за другим занимают место в телегах. — Если у нас нет никаких достоверных сведений о возможном нападении, то к чему все эти хитрости?

— В любом случае, это не помешает, — пожал плечами граф и махнул рукой своим вооружённым слугам, которые ждали неподалёку, готовые присоединиться к отряду Риккардо.

Последний сундук был погружен и привязан для надёжности, тент на телегах опустили и прошнуровали. Граф и его слуги сели в сёдла и выехали с площади перед ратушей. Следом тяжело двинулись нагруженные телеги, которые тащили пары крупных тяжеловозов. Конники Риккардо окружили их и двинулись следом. Де Грамон проводил их взглядом и обернулся к де Сегюру.

— Я доложил о твоём расследовании королю. Он доволен. Магистрат принёс извинения и согласился снизить цену за постой вполтину, должно быть, они итак неплохо заработали на нас. Чем собираешься заняться?

— Я устал и вымотался, Рене, — признался Марк. — Несколько часов сна не слишком меня освежили. Если у тебя нет срочных поручений, я бы съездил в эти знаменитые купальни. Ламбер и Ла Моль отвезли туда Герлана и сами окунулись в бассейн. Говорят, что это смыло с них по пять лет бродяжьей жизни.

— Конечно, поезжай. И возьми своих людей. Вам всем досталось в луаре, а времени, чтоб нормально отдохнуть, так и не выдалось. Если мне что-то понадобится, я отправлю к вам вестового.

Простившись с Рене, Марк отправился к Монтре, который в этот час сидел в халате на небольшой террасе и любовался на сад. Его ноги были опущены в ванночку с маслянистой розовой водой, а Альфонс, сидя рядом на низкой скамеечке, читал ему поэму о неком

храбром рыцаре. Взгляд у виконта был мечтательный, и он расслабленно следил за быстрым мельканием ласточек в предзакатном небе. Появление барона де Сегюра он воспринял с радостью и тут же отослал Альфонса в сад.

— Где Жан? — спросил Марк, присев на каменную балюстраду террасы.

— Кто его знает? Ему скучно со мной. Мне сейчас хочется покоя и неги, а Жану — более ярких впечатлений. Так что он, скорее всего, веселится где-то в таверне с друзьями или играет в кости в городском притоне. У вас есть новости?

— Конечно.

— Я уже не ждал. Вас так долго не было, и я был уверен, что золотой обоз от нас ускользнул.

— Были дела, и связаны они были именно с этой задержкой. Блуа выехал из Бренне только что, с ним его слуги и отряд лёгкой кавалерии, всего двадцать человек.

— Уже выехал? — Монтре поспешно вытащил ноги из тазака и поставил их на расстеленное рядом полотенце, — Но мы...

— Нам некуда спешить, — успокоил его Марк, наблюдая, как Альфонс ходит по дорожкам сада, поглядывая на террасу. — Отряд невелик, чтоб не привлекать излишнего внимания. Обоз движется медленно, груз тяжёлый. Если мы выедем с темнотой, то скоро догоним их. Только нужно успеть до ночи, поскольку едва стемнеет, они остановятся на постой в Грюнштеле.

— Хорошо! — Монтре решительно сунул ноги в тапочки и поднялся. — Что требуется от меня?

— Ничего особенного. Только создать видимость, что вы находитесь в другом месте, — не меняя позы, проговорил Марк. — Вы придумали, как?

— Да, я решил, что предупрежу всех, включая Альфонса, что мы с Жаном поедем на воды. Мы выедем из города, дальше он поедет один, займёт отдельный павильон и будет ждать меня в купальне, а я встречусь с вами. Думаю, наше предприятие займёт не так много времени. Потом он подтвердит, что мы прибыли на воды вдвоём.

— Ну, к полуночи или чуть позже вы присоединитесь к нему. Вы скажете Жану, что собираетесь делать?

— Конечно, нет! — воскликнул Монтре. — Не то, чтоб я ему не доверял, но даже его преданность приходится оплачивать. Вы понимаете, он может потребовать долю. А вы как...

— Об этом не беспокойтесь, — Марк поднялся. — Значит, вы выезжаете из города, минуете лес и доезжаете до первой развилки, дальше Жувьер едет прямо в купальни, а вы сворачиваете направо и едете до старой мельницы. Там недалеко, не заблудитесь. Я буду ждать вас там с моими людьми. За пару часов хорошей скачки мы догоним обоз, отобьём его и укроем в лесу. После этого несколько моих людей останутся там, а вы отправитесь на воды к Жану. И у нас ещё будет целый тёмный день, чтоб вернуться, поделить добычу и переправить её в надёжное место.

— Отлично! — воскликнул Монтре, потирая руки.

— И всё-таки, придумайте какую-нибудь правдоподобную идею для Жана, чтоб он ничего не заподозрил. И не говорите ему, что я был у вас по делу. Просто зашёл пригласить на ужин.

— На ужин? — оживился виконт.

— У нас будет повод, — усмехнулся Марк.

Расставшись с Монтре, он отправился к Делвин-Элидиру. Айолин сидел в кабинете

советника Ротберга и просматривал счета и ведомости, которые передавал ему Гвиллим.

— Мне надо завести секретаря, — пожаловался он, отпустив своего капитана. — Это так хлопотно, содержать свою, пусть даже маленькую армию. Хорошо, хоть в имении управляет Бран, и я полностью могу ему доверять.

Марк подхватил стул и, развернув его спинкой к другу, сел верхом.

— У тебя боевой настрой, — усмехнулся Айолин. — Что-то случилось?

— Я еду на охоту. Ты со мной?

— На ночь глядя?

— Это будет ночная охота. Я уже почти загнал зверя, ты можешь нанести победный удар.

Айолин прищурился, глядя на него.

— Что ты задумал?

— Монтре идёт к нам в руки, и сам делает всё, чтоб отвести от нас подозрение. Он намерен ограбить обоз с золотом, который ведёт Блуа, и сговорил на это меня. Он сам обеспечит себе алиби и ни слова не скажет о том, что собирается встретиться со мной за городом. И там он будет в наших руках. А ты, мой друг, нужен мне для моего алиби. Ты согласен?

— Рассказывай, — кивнул тот.

После этого визита Марк снова вернулся к себе в гостиницу и наткнулся в нижнем зале на Жувера, сидевшего за тем же столом с кувшином вина. Мрачно взглянув на барона, он резко спросил:

— Это с тобой Монтре собирается развлекаться этой ночью?

— Развлекаться? Со мной? — Марк рассмеялся и сел напротив. — Ты шутишь?

— Слуги сказали, что ты приходил к нему, а потом он начал плести мне что-то о том, что ему нужно ненадолго отлучиться, с кем-то приватно встретиться, но так, чтоб никто не знал об этом. Короче, я должен поехать в купальни, якобы с ним, и снять там домик, куда он явится отмываться от чужого запаха!

— Ты ревнуешь, мой милый Жан? — прищурился Марк.

— Тебя это забавляет?

— Ещё бы! Но спешу тебя успокоить, я тоже вскоре еду на воды. Мы с Айолином хотим расслабиться и смыть с себя слой пыли, что впитался в нашу кожу за время в пути. Так что мы встретимся с вами там.

— Вот как... — Жувер задумался. — Кто же это может быть?

— Может, это не любовь, может, коммерция или заговор?

— Почему не сказать мне?

— Не хочет делиться прибылью или не доверяет.

Лицо Жувера тут же стало хищным, и он стукнул кулаком по столу.

— Это что-то важное, Марк. Он трус, но собирается ночью ехать один в незнакомой местности.

— Так проследи за ним.

— В том-то и дело, что он, когда боится, становится чуток, как заяц. Он услышит меня и тогда... Я не знаю, кто будет его ждать там, и как этот некто отнесётся к тому, что приватность их встречи нарушена. Нет, лучше я всё выясню позже.

— Употреби это время с пользой для себя, — посоветовал ему Марк. — Ты создаёшь

алиби Монтре, но и он при этом создаётего тебе. Ты не знаешь, что будет делать он, а ты можешь сделать то, что его заденет, но он не посмеет тебя в этом обвинить. А после ты спокойно поедешь в купальни, снимешь домик и погрузишься в тёплые целебные воды с сладким чувством торжества от исполненной мести.

— О чём ты?

— Ни о чём, — Марк поднялся. — Этого разговора не было. Я ничего не знаю ни с вашей договорённости, ни о тайнах Монтре, ни о твоих намерениях. Мне пора собирать своих парней, они тоже едут на воды, даже если им больше нравится торчать в кабаках и борделях, наливаясь вином по горло.

— С кем вы всё-таки встречаетесь? — не унимался Жувер, когда они вдвоём с Монтре ехали к городским воротам.

Уже стемнело, и в синем сумраке на улицах зажглись факелы и большие масляные лампы, висевшие на длинных кронштейнах, прикрепленных к стенам домов. В городе всё ещё царило оживление. Бренне продолжал радостно собирать дань со своих гостей, а те были рады оставить на время пыль дорог и погрузиться в уютную роскошь, которую предоставляли им таверны и трактиры. В лавках, несмотря на поздний час, толпились покупатели, спешившие купить товар до закрытия, поскольку уже светлым утром армия Сен-Марко должна была двинуться дальше, а купцы и ремесленники не торопились закрывать свои двери, решив держать их открытыми до последнего покупателя.

По улицам проходили горожане и с любопытством разглядывали военных, прибывших из Сен-Марко, слывшего наравне с луаром Синего Грифона законодателем мод. Женщины в ярких платьях и дорогих накидках провожали взглядами статных рыцарей, прикрывая лицо веерами, а те, поймав мимолётный взгляд поверх кружев, безошибочно определяли ту, которую стоит подождать в ближайшем переулке с тем, чтоб проводить до дома.

Монтре был задумчив и при этом выглядел решительно. Его раздражала назойливость Жувера, и он склонен был даже повысить голос, чтоб напомнить навязчивому другу о том, что сам решает, куда ехать и с кем встречаться.

— Поймите, — продолжал Жан, — я спрашиваю не из праздного любопытства, а исключительно беспокоясь о вашей безопасности. Вы собираетесь ехать куда-то ночью и в одиночку. Мы не в Сен-Марко. Здесь полно разбойников.

— Правда? — насторожился Монтре.

— Конечно! Мне рассказали, что недавно где-то неподалёку были убиты четыре знатные дамы, направлявшиеся на воды. Кто их убил? Конечно, разбойники!

— Я не дама, — отрезал виконт.

— И всё же, если с вами что-то случится, с кого я должен буду спросить за это?

Монтре какое-то время молчал, а потом пожал плечами.

— Хорошо, я еду на встречу с неким молодым рыцарем, который находится сейчас в крайне стеснённых обстоятельствах, несмотря на свою близость к наследному принцу. Он хочет предложить мне свои услуги, чтобы сообщать о том, что происходит в свите Жоана, но, по понятным причинам, не желает, чтоб кто-то что-то об этом знал.

— Кто этот юноша?

— Тебе довольно того, что я сказал! — разозлился Монтре. — Не хватало ещё, чтоб я докладывал тебе о своих шпионах! Будем считать, что эта беседа принесёт мне существенную пользу.

— Но зачем вам делать вид, что вы в это время находитесь на водах? — воскликнул Жувер.

— Затем, что мой визави не желает, чтоб кто-то сопоставил его, и моё отсутствие во времени. И хватит задавать глупые вопросы!

Жан обиженно замолчал. Они подъехали к воротам, и, увидев их, стражники приостановили поток входивших в Бренне путников. Они проехали по массивному подвесному мосту, который украшали огромные толстые цепи по бокам, уходящие в чёрные дыры на крепостной стене, а дальше пришпорили лошадей и помчались через лагерь, живший своей немного хмельной жизнью. Тут и там слышались крики и смех, где-то играли волынки. Солдаты и простые рыцари спешили вкусить последние плоды отдыха, ведь после первой стражи в лагере всё начнёт затихать. Суровые капитаны и сержанты пройдут по шатрам, выгоняя весёлых девиц и барышников с коробами еды и бочонками эля и вина, потому что впереди был последний тёмный день, который предназначался для подготовки к выступлению в новый длинный переход, а значит, завтра конники и пехотинцы должны быть трезвы и бодры.

Проехав по дороге мимо поста, всадники достигли тёмного перелеска, вскоре миновали его и остановились там, где от утопанной дороги с двумя колеями отходила ещё одна, наполовину заросшая травой.

— Давайте, я хотя бы провожу вас, — предложил Жан. — Клянусь, как только появится ваш приятель, я, не взглянув на него, поеду обратно.

— Делай, что тебе говорят! — фыркнул Монтре и, развернув коня направо, помчался по дороге, уходящей в сторону.

Какое-то время он прислушивался, не увязался ли Жан следом, но вокруг было тихо, и лишь копыта его коня негромко стучали по дороге. Отдалившись от проезжего пути, он вдруг почувствовал лёгкий озноб и даже страх, вспомнив о тех погибших дамах. Вокруг была ровная степь, посреди которой поднимались в сумерках тёмные купы кустарника. Где-то далеко крикнула птица, и по небу заструились чёрные облака, заволакивая синий, светящийся изнутри полог. Стало темнее, и Монтре, ощутив своё одиночество, всё быстрее гнал коня по просёлку, высматривая впереди старую мельницу.

Она возникла неожиданно по правую руку, как странное нагромождение камня и толстых брёвен, в которых едва угадывалось сломанное мельничное колесо. Под ним журчала вода. Монтре остановился, прислушиваясь, и вздрогнул, когда из-за строения показался всадник. Он подъехал молча и Монтре с испугом вглядывался в него, пока не узнал Марка в тёмной кожаной куртке, зашнурованной на груди.

— Вы точно один? — спросил тот, посмотрев на дорогу, откуда приехал виконт. — Впрочем, там мои люди, и если есть слежка, они заметят.

— Жувер был очень навязчив, но я прогнал его, — пробормотал Монтре, озираясь. Вскоре появились Ламбер и Ла Моль. Они ехали со стороны города.

— Есть там кто-нибудь? — спросил де Сегюр.

— Чисто, — откликнулся Ламбер. — Там был только Жувер, но он повернул обратно.

— То есть как обратно? — возмутился Монтре. — Он должен ехать вперёд, на воды! Но Марк равнодушно пожал плечами.

— Может, он забыл полотенце. В любом случае, это не имеет значения для нашего дела. Вы передумали, ваша милость?

— Конечно, нет! — воскликнул Монтре.

Теперь, в окружении рыцарей, он снова ощутил решимость и даже немного разозлился на предположение барона. Неужели тот мог подумать, что Монтре способен отказаться от участия в этой вылазке, а значит, от мести графу Блуа и возможности получить хороший куш в виде золота, серебра и драгоценной утвари. Он решительно пришпорил коня и поехал дальше по дороге. Его быстро обогнал Марк, чтоб ехать впереди, а следом пристроились Ламбер, Ла Моль и ещё три рыцаря.

— Где остальные? — подозрительно спросил виконт, снова догнав Марка.

— Ждут на перекрёстке.

Они мчались сквозь ночь, которая становилась всё темнее и, наконец, выехали на тот самый перекрёсток, где сходились две дороги. Выглядело это место недобро. Вокруг стелился по земле голубоватый туман, а возле самого пересечения дорог стояла сколоченная из толстых брусьев виселица, на которой покачивался почерневший от времени скелет в лохмотьях.

— Странное место вы выбрали для встречи, — нервно рассмеялся Монтре, посмотрев на висельника.

— Самое подходящее для вас, ваша милость, — раздался другой голос и туда, где они остановились, выехали ещё несколько всадников.

Монтре взгляделся в говорившего и с изумлением воскликнул:

— Барон Делвин-Элидир? Что вы здесь делаете?

— Охочусь, виконт, на хищного и подлого зверя.

— Но у нас здесь дела... — он растерянно взглянул на де Сегюра, задумчиво разглядывавшего виселицу.

— Освободите место для нашего гостя, господа, — проговорил тот и взглянул на Монтре, всё ещё пребывавшего в недоумении. — Я понимаю, ваша милость, что вы надеялись поучаствовать в другой охоте, на золото, которое король доверил графу Блуа. Но, видите ли, золото находится в недостижимом для всех нас месте: в хранилище под ратушей города Бренне, где и будет укрыто до выступления армии в поход. Граф отбыл с телегами, гружёными камнями, впрочем, он и не собирался далеко отъезжать, разве что демонстративно проехать по городу и лагерю, а после, добравшись до ближайшей деревушки, освободить сундуки от камней и спокойно остаться на ночёвку. Его золотой обоз проследует завтра вместе с армией до Грюнштелле, а оттуда свернёт на юг, переночует в некоем городе, к магистрату которого наш добрый бургомистр Вебер уже написал рекомендательное письмо, и следующим светлым днём благополучно доберётся со своей многочисленной и надёжной охраной до Магдебурга. Как видите, эти планы совсем не совпадают с вашими, поскольку вы, на самом деле, тут по другому делу.

— По какому же? — спросил Монтре, попытавшись изобразить возмущение, но его голос предательски дрогнул.

— Вам вынесен приговор за соучастие в убийстве, который мы и приведём в исполнение, — пояснил Делвин-Элидир, глядя, как Фонтейн и Бенар снимают с виселицы скелет.

— Какое ещё убийство? — воскликнул виконт.

— То самое, ради которого вы подкупили некоего заразного больного за двадцать марок и привезли его в королевский дворец, — ответил Марк, не скрывая отвращения. — Вы обрекли благороднейшего человека, которому мы многим обязаны, на долгую и мучительную смерть. Вы заслужили за это ещё более жестокую казнь, чем ваш подручный

Бартоло, но, война есть война. Потому казнь будет хоть и позорной, но быстрой. Вам предстоит умереть на этом перекрёстке, где казнят самых подлых и жестоких преступников. Говорят, что это проклятое место становится для их чёрных душ западнёй, где они остаются навсегда.

Монтре издал перепуганный вопль и ударил коня шпорами. Тот заржал и поднялся на дыбы, отчего виконт вывалился из седла, но тут же вскочил и нырнул между конями туда, где клубились за пределами дороги туманные облака. Он бежал, спотыкаясь на кочках, как вдруг прямо перед собой увидел какую-то бледную фигуру, протянувшую к нему руки. Возможно, ему это только привиделось, но он истошно взвизгнул, подался в сторону и, не удержавшись на ногах, упал. Тут же несколько сильных рук схватили его, поволокли обратно и вскоре кинули на дорогу к ногам коней, на которых сидели два барона, наблюдавшие за его попытками вырваться. Ему связали за спиной руки, подвели коня и усадили его лицом к хвосту. На виселицу тем временем привязали новую верёвку со скользящей петлёй, которую надели ему на шею.

— Барон, — крикнул Монтре, глядя на Марка, — послушайте, я вам заплачу, я осыплю вас золотом, только прекратите всё это! Я отдам вам всё и добьюсь для вас у короля титула герцога! В Сен-Марко уже два века не было герцогов, помимо членов королевской семьи, и вы будете первым за это время! Я отдам вам свои земли...

Он зарыдал, но Марк смотрел на него с презрением, а потом кивнул Айолину. Тот подъехал ближе и стегнул коня плёткой по крупу. Конь рванулся и бросился прочь по дороге, а Монтре соскользнул с седла и задёргался в петле.

— Помочь ему? — спросил Ламбер, глядя на конвульсии, пробегающие по телу виконта.

— Нет, он заслужил куда большие страдания, — ответил Марк.

— Как скажешь.

Рыцари вернулись в сёдла и молча наблюдали за агонией виконта Монтре, пока он не затих окончательно. Для верности Ла Моль подъехал ближе и осмотрел его, после чего обернулся и кивнул:

— Готов.

— Что ж, дело сделано, господа, — с удовлетворением кивнул Марк. — Мы с вами заслужили отдых.

Развернув коня, он помчался назад к дороге, ведущей к купальням, следом устремились его спутники. А на перекрёсток постепенно выползал голубоватый туман, окутывавший покачивающийся на виселице труп, как саван.

Близилась ночь, когда Марк, сняв с себя одежду, с наслаждением погрузился в тёплые воды бассейна. Он присел на каменную скамью и откинулся на бортик, чувствуя, как расслабляется его усталое тело. Рядом с ним с блаженным видом разместился Айолин. Он сидел с закрытыми глазами и на его гладком лице блестели бисеринки пота. Густые кудри пропитались влагой испарений и закручивались тонкой чёрной проволокой. Марк невольно улыбнулся, глядя на него.

— Странно, как мало ты изменился, малыш Айолин, — заметил он. — Ты всё так же похож на черноволосого херувима.

— Но не в бою, — усмехнулся тот, не открывая глаз.

— Да, не в бою, — согласился Марк и немного помолчав, продолжил: — Сегодня мы

сделали важное дело, друг мой, и у меня словно камень с души свалился. Осталось наказать только одного.

— Это будет нелегко, — вздохнул Айолин, открывая глаза. — Монтре уже почти утратил влияние на короля. Ричард окружил себя новыми людьми, куда более достойными и преданными. До него сложно будет добраться.

— И всё же я попытаюсь, — Марк покосился на него. — Не волнуйся, я буду осторожен и постараюсь действовать наверняка. Ричард — не Монтре. В этом деле я не могу рассчитывать на своих людей. Одно дело прикончить бешеного пса, другое — короля. Но я буду готов использовать любую возможность. Ты был прав, когда сказал, что на войне убивают.

Тёплая вода, насыщенная целебными минералами вскоре подействовала на них, и, выбравшись из бассейна, они отправились в низкие уютные кельи, чтоб улечься на широкие деревянные настилы под тёплые одеяла и крепко, как в детстве, уснуть.

Следующий день не обещал быть хлопотным, и Марк из закрытого тёплого бассейна перебрался в прохладный открытый, где можно было поплавать и понырять. День был тёмным, вокруг бассейна горели факелы, отражаясь в чёрной воде, но её свежесть приятно бодрила. К обеду им накрыли в трапезной, где прислуживали молчаливые люди в одинаковых длинных белых рубахах, подвязанных на поясе шёлковыми шнурами. Вино в купальнях не приветствовалось, но поданный к столу эль был хорош. После обеда они вдвоём с Айолином улеглись на каменные подогретые скамьи, где те же молчаливые люди смазали их тела ароматным маслом и принялись разминать мышцы сильными и нежными движениями. Марк снова невольно задремал, но его разбудили, причём довольно бесцеремонно. Открыв глаза, он увидел, что над ним склонился один из сыщиков барона де Грамона.

— Его светлость просит вашу светлость немедленно прибыть в Бренне, — проговорил тот.

— Что случилось? — спросил Марк, с трудом приподнимаясь, но не от усталости, а оттого, что его тело было настолько расслабленным, что двигаться не хотелось.

Он заметил внимательный взгляд Айолина.

— Убит виконт Монтре, — пояснил сыщик. — Его нашли сегодня утром разведчики, которые патрулируют дороги вокруг лагеря. К тому же в доме судьи, где он жил, слуги нашли труп сокольничего короля Альфонса Бризона. Ему перерезали горло. Друга виконта Жувера найти не могут.

— Он где-то здесь, — проговорил Айолин. — Я видел его утром возле бассейна.

— Найдите его, но не говорите ничего о смерти виконта, — распорядился Марк, поднимаясь со скамьи. — Скажите об убийстве Бризона. Он поедет с нами. Я сейчас оденусь.

Он ушёл, а Айолин перевернулся на живот и опустил голову на сложенные перед собой руки.

— Его повесили, Марк! — воскликнул де Грамон, меряя шагами кабинет покойного советника Хагена. — Повесили за городом на перекрёстке, где вешают убийц и насильников! Его руки были связаны за спиной, а конь пасся неподалёку. Не взяли ни деньги, ни оружие, ни украшения. Ничего! Это не ограбление! Это казнь!

— И как это связано со смертью Бризона? — спросил Марк, мрачно глядя, как Рене

мечется перед ним, как зверь в клетке.

— Не знаю! Мальчишку нашли в его собственной спальне, возле кровати. Слуги ничего не видели и не слышали. Он не кричал.

— Дом, насколько я помню, большой. Тот, кто его убил, знал этот дом, вошёл незаметно, проник в комнату. Парень успел встать с кровати, но шум не поднял, значит, знал нападавшего.

— Зачем было убивать этого маленького негодяя? Может, это де Мариньи отомстил за клевету?

— У него есть ключ от дома, и он знает расположение комнат? Он прошёл через наши посты, его никто не узнал, хотя знали многие? Это глупо, Рене. Надо искать ближе. У Монтре было полно врагов, и я уверен, что обе смерти связаны. Что сказал Жувер?

— Я ещё не говорил с ним. Слуги сказали, что он вместе с виконтом уехал на источники вскоре вслед за вами. Караульные вспомнили, что он возвращался в город, но вскоре снова уехал. При этом он был один. Это подозрительно, тебе не кажется?

— Кажется, — вздохнул Марк. — И именно поэтому я прошу тебя не поручать это расследование мне, по крайней мере, в той части, которая касается Жана. Когда-то мы были друзьями, да и теперь находимся в приятельских отношениях. Я боюсь, что у меня появится желание найти разумное объяснение его подозрительным поступкам. Здесь лучше разберётся кто-то, не связанный с ним какими-либо узами.

— Как скажешь. Думаю, на сей раз, мы справимся без тебя. Однако будь под рукой на случай, если возникнет что-то непредвиденное.

Марк обещал остаться в городе и отправился в гостиницу отсыпаться, а де Грамон вызвал на допрос Жувера. Жан, пребывая в полном неведении о печальной судьбе Монтре, повторил версию, заготовленную заранее: они вдвоём поехали на воды, где и были, пока Монтре не уехал. Своё возвращение в город с полдороги Жан объяснил тем, что виконт забыл какие-то притирания и просил его съездить за ними. Альфонса он не видел, хотя и был в доме, взял шкатулку с бутылочками и вернулся к Монтре.

Однако после этого барон де Грамон ледяным тоном сообщил ему, что в то тёмное утро, когда по его, Жувера, словам Монтре уехал в город один, его хладный труп уже обнаружил кавалерийский разъезд. Жувер смутился, а потом испугался. Он клялся, что был на водах, но, возможно, Монтре уехал несколько раньше. Однако приехавший с источников сыщик заявил, что опросил всех, кто там был, в том числе слуг, присматривавших за арендованным Жувером домиком, и никто не подтвердил, что видел там виконта Монтре.

Тогда Жувер решил сказать правду, и признался, что Монтре просил его поехать вперёд, и снять домик, но потом так и не приехал. По его словам, он собирался встретиться с кем-то из свиты принца. Побеседовав с наследником престола и его друзьями, де Грамон выяснил, что все они без исключения были на пиру в доме известной куртизанки, которая устроила для них яркое торжество с красивыми девицами, фонтаном из вина и богатым застольем. Куртизанка и её девушки подтвердили, что все рыцари свиты принца были у них в гостях и вели себя благопристойно, как и подобает благородным господам, однако остались на ночь в гостевых комнатах, поскольку были слишком утомлены празднеством.

Лекарь, осмотревший трупы, сообщил, что обе жертвы вполне могли быть убиты одним человеком, поскольку для того, чтоб повесить связанного виконта и перерезать горло хилому мальчишке достаточно одного сильного и опытного воина. Напоследок де Грамон лично расспросил слуг виконта о взаимоотношениях этой тройцы, причём те, не опасаясь более

гнева хозяина, были очень откровенны.

После этого де Грамон решил, что может рассказать о результатах расследования королю. Он, как обычно, изложил добытые им сведения, из которых Ричард со свойственной ему категоричностью сделал окончательный вывод.

— Это подлец Жувер! — заявил он. — Я уверен. Вы заметили, как он постоянно менял свои показания? Он так и не сказал правду! Кому, кроме него, нужно убивать этих двоих, да ещё в одну ночь? Всем известно, что Жувер ненавидел Бризона и обижался на Монтре из-за того, что тот явно отдавал предпочтение своему юному протеже. Понятно, для чего Монтре пристроил этого смазливую мальчишку ко двору, а потом потащил за собой в поход! Его вкусы были всем известны! Да и Жувер не раз попадался на порочных связях. Он просто ревновал виконта к красивому юнцу, понимая, что его собственная привлекательность давно осталась в прошлом. Я сам видел, какие яростные взгляды он бросал на Бризона и как мрачно посматривал на виконта. Увы, тот был так уверен в его преданности, что не обращал на это внимания. Я уверен, что по дороге в купальни они с виконтом поссорились, и Жувер убил Монтре, возможно задушил из ревности, а потом повесил, чтоб отвести от себя подозрения, после чего вернулся в Бренне и убил мальчишку. А потом, как ни в чём ни бывало, поехал на воды, чтоб впоследствии заявить, что был там с Монтре, и тот уехал в одиночестве и был убит кем-то другим. Он просто не предполагал, что на труп вскоре наткнётся наш разъезд. И этот мерзавец ещё пытался клеветать на рыцарей моего сына, юношей благородных, к тому же сыновей наших лучших подданных!

Де Грамон слушал короля с несколько меланхоличным выражением, после чего поинтересовался:

— Подготовить дело для суда, ваше величество?

— Много чести, — фыркнул Ричард. — Вывести его за лагерь и повесить на дубе. И пусть висит, пока птицы не склюют! Или местные не снимут, если им запах не понравится.

— Что делать с телами жертв?

— Пусть слуги Монтре увезут тело хозяина в Сен-Марко. Подготовьте письмо сыну виконта с выражением наших соболезнований и поздравлением с тем, что он унаследовал титул. Заверьте его в нашем отеческом расположении. Бризона похоронить здесь.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился де Грамон, готовясь уйти, но король его остановил.

— И что это за история с пиром у куртизанки? Я хочу знать подробности, и если Жоан или кто-то из его повес-дружков вляпался там в историю, вы должны принять меры, чтоб это не получило огласки. Я не против того, что мальчишки развлекаются на привалах, но это не должно наносить ущерб ни им, ни нам.

— Я всё выясню, — ещё раз поклонился де Грамон и на сей раз удалился.

Утром следующего светлого дня армия Сен-Марко снова двинулась в поход. Проходя по дороге, колонна следовала мимо того самого дуба, на котором висел Жан Жувер со связанными за спиной руками. Конные воины едва скользили взглядами по его телу и с презрением отворачивались.

— Как странно, — проговорил граф Блуа, который сразу же подъехал к Марку и пристроился рядом, — о Монтре никто не вспоминает и не говорит. Ещё недавно он был такой важной персоной при дворе, но теперь никто даже из вежливости не высказывает сожаления о его печальной участи.

— Сейчас при дворе заправляют другие люди, Антуан, — ответил Марк. — Они предпочитают промолчать, но не быть неискренними в своих сожалениях. Хорошо ещё, что никто из них не продемонстрировал радость, хотя, я уверен, многие испытали если не это чувство, то хотя бы облегчение.

— Я сам из таких, — признался граф, — но, действительно, не считаю возможным открыто ликовать. Однако смерть Монтре и несчастного Альфонса выглядит довольно загадочно. Вы, и правда, считаете, что их убил Жувей?

— Я не участвовал в этом расследовании и ничего не могу сказать наверняка. Однако то, что Жан был озлоблен на Бризона, я знаю точно. Что ж до его вины, то всё решил король и не нам оспаривать его мнение.

— Вы правы, — Блуа на минуту задумался, а потом произнёс: — Я подумал, как тревожно, что война ещё не началась, а уже появились первые кровавые жертвы.

— Это не жертвы войны, мой друг. И, по большому счёту, для нашего войска они — не такая уж большая потеря. Думаю, что это прискорбное происшествие — лишь ещё один повод сплотить наши ряды перед настоящей опасностью и подготовиться к борьбе с подлинным врагом.

— Тем более что больше никто не будет вносить в эти ряды разброд своими интригами, — проворчал Блуа вполголоса, — и подслушивать под дверями. К тому же, как я заметил, король выглядит довольным, словно рад избавиться от этого несносного говоруна.

Марк молча кивнул, внимательно глядя туда, где указывая место короля в колонне, трепетали на ветру штандарты Монморанси. Ему казалось, что эти яркие полотнища метят собой его следующую и уже окончательную цель. И хотя он понимал, что добраться до неё будет непросто, он уже начал обдумывать свои следующие шаги.